39
П64

А. А. ПОТЕБНЯ.

ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКИХ И СРОДНЫХ НАРОДНЫХ ПѢСЕНЪ.

II.

КОЛЯДКИ И ЩЕДРОВКИ.

Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника".

ВАРШАВА.
Въ типографіи Михаила Земкевича
Краковское-Предмѣстье, № 17.
1887.

Укр. 39 П-64

А. А. ПОТЕБНЯ.

ОБЪЯСНЕНІЯ МАЛОРУССКИХ И СРОДНЫХ НАРОДНЫХ ПѢСЕНЪ.

II.

КОЛЯДКИ и ЩЕДРОВКИ.

87220
НДІП ПЕРЕВІРЕНО 1962 р.

Отдѣльный оттискъ изъ „Русскаго Филологическаго Вѣстника".

Науково-Педагогічна бібліотека
Ц. Н. П. Б. ПЕРЕВІРЕНО 1935 р.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Михаила Земкевича
Краковское-Предмѣстье, N. 17.

1887.

ПЕРЕВІРЕНО 1961 р.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 27 Мая 1887 года.

I.

Размѣр.

За немногими исключеніями, отчасти объясняемыми смѣшеніем и взаимодѣйствіем поэтических форм (на пр. Объясн. мр. п. I, 251), стих мр. колядки, а частью и тожественной с нею по содержанію щедровки (Гол. II 149, 154—76; IV 141—3; Чуб. III 439 и пр.), есть (5+5) с припѣвом. Однако, в виду того, что в этих предѣлах нерѣдко незаключено полнаго грамматич. цѣлаго, болѣе согласно с общим характером народнаго стихосложенія мнѣніе, что это — лишь полупериод и что размѣр колядки есть [(5+5)+припѣв+(5+5)]:

Ой на Дунáю, ой на тихóнькім
Дунаю!
Гей, Дунаю море,
Серденько, горе!
Плавле-поплавле червінь-корабель
(Гол. IV 75).

Припѣв, начинающійся с 4-х, 5-и или 3-х сложной стопы [1]), мог первоначально слѣдовать не за полустишіем,

---

[1]) Строеніе припѣва, по первой, иногда единственной стопѣ, может быть подведено къ трем типамъ:

а) Припѣв состоит из 4-х сл. („Ой дай Боже" v. святий

а за полным стихом, как на пр. в хорватской иваповской п. („иванска“, поют дѣвицы „кресовале“ ходя от дому к дому), сродной с колядками:

вечер, Гол. IV, 41 et pass.; Ой ранешько ib. II, 30 и пр.; Ой лелія ib. II, 34; Гей лелію Чуб. III, 392 и пр.), из (4+4), т. е. из полустишія щедровок другого типа, о коем ниже („Щедрий, святий вечір Божий“ Г. II, 156, 174; „Ой грай коню підо мною“ ib. 162 и пр.) или из сочетанія 4-х и 5-и сложных стоп:

4+4+5 (Чуб. III, 358);
4+4+5+4 (Гол. IV, 3);
4+5 (Чуб. III, 399);
4+5+4 (Гол. III 45);
4+5+4+4 (ib. IV 78);
4+5+5 (Чуб. III, 404, N 129, ст. 2 й);
4+5+5+4 (Гол. IV, 3, 8);
4+5+5+5 (Чуб. III, 386);
4+5+5+5+5+4 (Г. IV, 66).

Рѣдко вводится в эти сочетанія трехсложная стопа на пр. 4+5+5+3 (Г. IV, 672).

б) Припѣв:

5+5 (Г. II, 149, 159, 161, 170);
5+4 (Г. II, 154);
5+5+3 (Г. IV, 25, 48, 53; Чуб. III, 277, 287 и пр.);
5+5+5+5+3 (Г. IV, 67: мов, панно моя, молоденькая и пр.);
5+5+2 (Г. IV, 142).

в) Припѣв состоит из трех слогов, большею частью с ударепіем на среднем, и т. о. сходен с припѣвом древних весенних пѣсень „ой делю“, который м. б. и предполагается припѣвом „ой лелія“ (см. выше), „лелія“ (Г. IV, 50), а равно и христіанизованным „ялилуй“. Сюда: „чи чуеш“ Гол., II, 35; соколе, ib. IV, 39; дівойко IV, 70; в неділю ib. 74 и пр.; ой рано, раненько (Г. IV, 82).

Усложненія:

3+3+5+3 (Г. II, 77; IV, 82, 86);
3+5+3 (Г. II, 71, 76; IV, 12, 16, 17, 37, 76);
4+(3+5+3) (Чуб. III, 296);
3+5+5+3 (Г. II, 2, 5, 6, 8 и еще в десятках случаев);
3+5+5+5+3 (Г. II, 2; IV, 37, 69).

Стоји нам стоји поле широко,
Поле широко равен високо.
Дај, Марија, дай
Добре лете дай,
Дај вам га Бог!
(Plohl Herdv., Hrv. n. p. 86).

По количеству слоговъ, этотъ размѣръ принадлежит к однообразным. Сравнительно рѣдко увеличеніе числа слогов до 6, вмѣщаемых в тоже протяженіе времени, что и 5, на пр.

А в нашого пана три соколойки
(Гол. IV 6);
Почався панок на войну збирати
(ib. 46);
Ой служив Василько в Польскаго кроля
(ib. 50);
По горі, горі павоньки ходили
Павоньки ходили, піречко губили
(ib. 106).

Сюда же относятся случаи діалектическаго стяженія:

Ой сивий орле, високо літа'ш,
Високо літа'ш, далеко вида'ш:
Ци видів ти, орле, корабель на морі?
—Ой я там видав и пр. (ib. 22);

Тѣ-же или подобныя сочетанія с прибавкою перед второю стопою односложнаго междометія („ей“, „гей“):

3+(1+3)+5:
Сам молод, гей сам молод,
Сам молодейкий (Г. II, 53);

3+(1+3)+5+3:
Сиия мгла, гей сиия мгла,
Полонинойки залегла
(Г. II, 1, 3 et pass., 42—3, 45, 73, 83; IV, 133 и пр.);

3+(1+3)+5+5+3 (Г. II, 4, 56, 57, 58, 73, 74, 75, 78, 81 и пр.);

3+1+3+5+5+5+3 (Г. II, 53);

3+1+5+5 (Г. II, 80; IV, 75) и пр.

Кречний молодче, па имя Василю,
Що з-горда ходиш, з-бучна починa'ш
(ib. 58).

Еще рѣже уменьшеніе числа слогов до 4-х:

Ой из за гір, а з полонини (ib. 53).

При чтеніи этих стихов с восточно-малорусскими ударе-ніями, болѣе древними, чѣм на пр. польскія, оказывается, что хотя ударе-ніе, объединяющее стопу, чаще всего па-дает на предпослѣдній ея слог, однако столь же правиль-но и ударе-ніе послѣдняго и третьяго от конца слога:

Ой над Дунáем, над бережéньком
Сто'їт ми стоїт світлонька новá,
Світлонька новá, гей оріхова (Г. II, 33);
Ой межи́ двомá, та дорóгами
Сто'їт цéрковця муровáная (ib. 59).

По размѣру, при сходствѣ или тожествѣ содержанія, к одному разряду с мр. колядками слѣдует отнести: Га-лицкія весенніе (царинныя) п. (Гол. II, 241 сл.); бр. ко-лядки (конечно за исключеніем личных выдумок, на пр. Шейн, Бр. п. 51, N 99, из Сб. Чечота, и пѣсень отне-сенных сюда по недоразумѣнію, на пр. ib. 53, N 103: „Наляцелі сакалы з старапы“); бр. волочобныя (велико-дныя); вр. виноградья (колядки, от припѣва „виноградье красно зелёное“). Сравненію немѣшают небольшія упомя-нутыя выше уклоненія размѣра от нормы, на пр. в вр.

Он женѣ-то шлет кунью шубу

при совершенно правильных стихах, как

Сыновьям-то шлет по добру коню
или:
Господинов двор на семи верстах,
На семи верстах, па осьми столбах
(Сах. Ск. Р. п. III, 17).

Польскія колядки того же размѣра (па пр. Kolberg Lud V, 237, N 35, отчасти 36) могут быть прямыми заим-ствованіями. Усложеніе размѣра 5+5+3 (A ta dziewczy-na grzeczna panienka z róży kwiat ib. 234) могло произ-ойти под вліяніем трехсложнаго припѣва „hej nam hej“,

ib. 232. Важнѣе сходство колядок с хорв. Ивановскою (Plohl-Herdv. Hrv. n. p. 86, см. выше).

Болѣе широкій кругъ сравненія обозначается тѣм, что разсматриваемый размѣр (без припѣва) есть один из свойственных вр. былинам:

А и ѣздит в полѣ [стар] матер человѣк,
Старой ли козак Илья Муромец.
А и конь [ли] под ним кабы лютой звѣрь,
Он сам на конѣ как ясен сокол
(Кирша Дан. Кир. I, 23);

сербским свадебным и др. пѣсням, величальным, как и мр. колядки (Кар. Пјес. I, 1, 2, 16, 17, 21—2, 24, 33, 56, 60, 70, 73, 77—9, 81, 83—8, 96). Болг. величальным, на пр. жатвенным (Миладин. NN 638, 641, 648 и др.).

„Древнѣйшій и у всѣх Славян одинаково распространенный эпическій стих“, говорит Срезневскій, „заключает в себѣ 10 слогов с двумя“ (т. е. главными) „ударенiями, так что или к каждому слогу обозначенному ударенiем, относится одинаково по 4 слога без ударенiй (на пр. уж как на́л туман на синѐ море), или же к одному из слогов с ударенiем относится 3, а к другому 5 слогов без ударенiя (на пр. Aj Vltávo, če mutiši vódu; Два се вýка у брлогу кóлу)“... „Каждая стопа, т. е. каждая часть стиха, отмѣченная отдѣльным ударенiем и заключающая в себѣ опредѣленное количество слогов, должна была быть и по содержанiю отдѣльною частiю мысли или фразы; с окончанiем стопы должно было оканчиваться и слово [1]). Мѣсто для слога с ударенiем сначала едва ли было опредѣленное: ударенiе не могло быть только на первом и на послѣднем слогѣ стопы. Впрочем к древним чертам развитiя славянскаго стиха должно отнести стараніе помѣстить ударенiе как можно ближе к серединѣ стопы: так в русском эпическом стихѣ слог с ударенiем издавна ставится в серединѣ между двумя парами слогов без ударенiй“ (Срезн. Мысли об исторiи Русс. яз. читано на Актѣ СПб.

[1]) См. в концѣ I § с 17 стран. *Прим.* к стр. 5.

ун. 8 февр. 1849. СПб. 1850, 105—6; его-же „Нѣсколько замѣчаній об эпич. размѣрѣ слав. н. пѣсень“, Изв. И. Ак. Н. по отд. русс. яз. IX, 1860—1, 245 сл.). В настоящее время, мнѣ кажется, слѣдует поставить вопрос о древности разсматриваемаго размѣра нѣсколько осторожнѣе: слѣдует спросить себя, есть ли какія либо доказательства того, что этот размѣр неновѣе нѣсколько других, столь же свойственных славянским пѣсням?

За устраненіем ссылок на Суд Любуши и Краледворскую рукопись, хронологическія данныя для рѣшенія подобных вопросов невосходят далѣе XVI в. Так серб. эпическій четырехстопный стих, за норму коего можно принять 16 слогов, относится ко времени до 1551 г. (год изданія поэмы Гекторовича „Рибање“; Jagić, Die Südslavische volksepik, Arch. IV, 193). Как далеко можно возвести этот стих за начало XVI в.; какое значеніе слѣдует придавать тому, что этот стих и сочетаніе его с другим подобным нетолько встрѣчается у всѣх Славян, но есть, вмѣстѣ с сокращеніями свойственными сербскому стиху, господствующій размѣр лотышских пѣсень [1]): это остается вопросом. Важно то, что тѣ же или малым чѣм болѣе новыя серб. п. XVI, нач. XVII в. своими припѣвами свидѣтельствуют, что в то же время были употребительны размѣры, заключавшіе в себѣ шести- и пятисложныя стопы:

Цвилу то ми | цвилаше || дробна птица | ластовица,
Она мала птица
(Богишић, Н. п. из стар. записа, 226 et pass.).
Весел буди, господару, || и весела ти дружина,
. . . Наш господару!
Ова писен | да буде || твôј милости | на поштење
(ib. 18—20 et pass.).

Сочетанія шестисложных стоп дают 2-х, 3-х и 4-х стоп-

---

[1]) Эс узаугу | пѣ мâміняс | ка саркана | брŷкленіте; ||
Кад айзгâю | таутіня̂с | ка лапіня | нобâлею,
Спр. 65 et pass.

ный размѣр о 12, 18, 24 слогах. Южнорусскій образец такого размѣра—старѣе 1571 г. (см. мое соч. Мр. п. п. по сп. XVI в.); сѣвернорусскій—старѣе 1620:

Ино Боже, Боже!
Сотворил ты, Боже, да и небо, землю,
Сотвори же, Боже, весновую службу...
(Из запис. Р. Джемса, Бусл. Хр. 1035).

В тѣх же пѣснях XVII в. встрѣчаются стихи из пятисложных стоп:

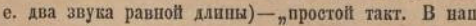
Кому у нас сидѣть | в каменной Москвѣ,
А кому у нас | в Володимерѣ,
А кому у нас | сидѣть в Суздалѣ..
...Побѣжал еси, | собака Крымской царь,
Не путем еси | не дорогою,
Не по знамени | не по черному
(ib. 1036—7).

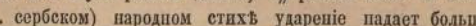
Мр. колядки сходнаго размѣра стали записываться болѣе чѣм двумя столѣтіями позже; по по содержанію они могут быть несравненно древнѣе упомянутой вр. пѣсни. По нѣкоторым вѣроятным соображеніям, устойчивость стихотворной формы так велика, что на пр. 200—250 лѣт нисколько неизмѣнили размѣров 5+5+7 (мой Разб. пѣсень; Головац. Зап. А. Н. XXXVII, II, 119 сл.), 5+4, 5+3 (Объясн. Мр. п. I, Указатель). По этому я думаю, что нѣт никаких *внѣшних* основаній считать 10-и—20-и сложный размѣр из 5-и сложных стоп болѣе новым, чѣм какой бы то ни было из вышеупомянутых размѣров.

Из основаній внутренних, заключенных в самом размѣрѣ, заслуживает вниманія весьма послѣдовательно проведенная попытка проф. Л. Зимы (Nacrt naše metrike narodne, Rad. Jugosl. Ak. XLVIII—XLIX, 1879) вывести размѣры от 15 слогов и ниже, в том числѣ и размѣры 5+5, 4+6, из 16-ти сложнаго стиха о 4-х сложных стопах.

Слово „стопа“ употреблено здѣсь в том смыслѣ, какой придавал ему Срезневскій. Г. Зима остается при воззрѣніях, внушенных греческой метрикой: „Наименьшее от-

дѣлѣніе стиха есть слог, соотвѣтствующій в музыкѣ одной нотѣ. Два слога могут составить стопу, как двѣ ноты“ (т. е. два звука равной длины)—„простой такт. В нашем (т... сербском) народном стихѣ удареніе падает большею частью на первый слог всякой стопы“ (трохей, а при трехсложности стопы дактиль). [Так и Богишић, Н. п. I, 4, у котораго схема 15 сложнаго энич. серб. стиха есть



у пр. Ягича, Arch. IV, 201 — по два удареніа на полустишіе: ].

„Двѣ стопы составляют метр или диподію, как два простые такта составляют двойной. Находим удобным (smatramo za schodno) в нашем и вообще в славянском народном стихѣ считать по двѣ стопы (т. е. метр или диподію) за одно метрическое цѣлое“... „Метр лишенный с краю одной стопы и болѣе остается при том же метрическом значеніи, что и полный метр“. „По два метра составляют метрическій член или ряд (κῶλον), имѣющій одно главное удареніе... Если оба метра члена полны, или если в одном из них недостает лишь одного слога, то метры отдѣляются друг от друга постоянно діересою (διαίρεσις, одмор), имѣющею второстепенное значеніе; если же один из метров члена лишен болѣе, чѣм одного слога, то постоянное раздѣленіе между метрами исчезает“...

„Два члена“ (раздѣленные главною діересою) „обыкновенно составляют (метрическій) період или цѣлый стих“. Т. к. в каждом полном членѣ по 4 стопы или по 8 слогов, то „наш самый длинный правильный стих может имѣть 16 слогов“. (Rad XLIX, 1—2). За музыкальную схему такого стиха (независимо от мѣста ударенія) автор принимает слѣдующую:

Я небуду подробно передавать, как он из этой схемы выводит сначала видоизмѣненія серб. энич. 16-н сложнаго стиха, а за тѣм и другіе меньшіе размѣры. Довольно сказать, что доказательством производности 3-х, 5-н, 6-н сложных метров (в смыслѣ Срезневскаго—стоп) слу-

жат музыкальныя схемы, возводимыя к вышеприведенной, отвлекаемыя от напѣвов, собранных в сб. Sušila Moravské nár. p. Примѣров, подобных приводимым у г. Зимы, можно найти много и в других сборниках.

Нѣт сомнѣнія, что пріем, употребляемый автором, умѣстен в извѣстных предѣлах, именно при объясненіи видоизмѣненій одного и того же размѣра, так надобно принять, что пред мыслью слагателя и пѣвца бо́льших эпич. серб. стихов носилась вышеупомянутая метрическая схема; что мысль его, т. ск., вышивала метрическіе узоры на полосѣ канвы, дававшей ряд четверных дѣленій. И когда на мѣсто одного из таких дѣленій (♩♩♩♩) приходилось слово о двух слогах, на пр.

Iеда ми те | *могу* || мили брате | умолити
(Богиш. 18),

оно растягивалось до $^2/_4$ или, в других случаях, занимая время в $^2/_8$, отдѣлялось от слѣдующаго слова пустым промежутком тоже в $^2/_8$. Когда на мѣсто двух тактов под ряд приходилось сочетаніе или слово лишь о 4-х слогах, на пр.

Ни он мени | -мила мајко || *ни ја нему*
(Zima ib. 4),

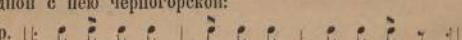
то получалась производная четырехсложная стопа, по времени равная двум первообразным четырехсложным. Такая производность (т. е. равенство „ни ја нему“ четырем четвертям) — чисто относительная, ибо в другом случаѣ тоже сочетаніе слов могло бы имѣть протяженіе лишь четырех восьмых.

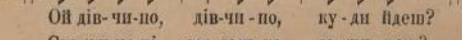
Таким же образом лишь для этого самого размѣра установляется равенство трехсложной стопы с 4-х сложною, 5-и и 6-и сложной стопы с двумя четырехсложными и на оборот 5-и сложной черезмѣрной стопы с одною четырехсложною, на пр.

Како оно | угледаше || *Угрска господа* . . .
Него чини | приправити || *обед господски* . . .
Од неволе му | немогаше || божју помоћ | називати...
(ib. 3, 5).

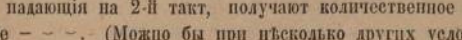
И пође му | *овако* ‖ *Милошу* | бесједовати . . .
Да би ми се | молио ‖ славноме | Лазару кнезу . . .
Али пође | *Милошу* | *пуници* | одговарати
(Бог. 5).

Приведу нѣсколько музыкальныхъ схемъ в поясненіе и подтвержденіе поясненія, что метрическое равенство стопы, имѣющей менѣе или болѣе 4-х сл. и стопы 4-х сложной или двух 4-х сложных есть не постоянное, а зависящее лишь от общаго теченія ритма, от мѣста, занимаемаго 3-х, 5-и, 6-и сложною стопою среди 4-х сложных. Вот схѣма изв. мр. и вслѣд за нею схема метрически сходной с нею черногорской:

Мр. 
Ой дів-чи-но, дів-чи-но, ку-ди йдеш?
Ска-жи ме-ні, сер-день-ко, де жи-веш?

Черног. 
Oj ja-во-ре, ja-во-ре, ja-во-ре
Чу-јем, чу-јем, здра-во-ре, здра-во-ре
(Kuhač Južno-slov. n. p. II, 2, N 579).

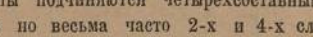
Дѣленіе перваго такта на четверо возбуждает ожиданіе такого же дѣленія слѣдующих. Поэтому трехсложныя слова, падающія на 2-й такт, получают количественное значеніе – ⏑ ⏑. (Можно бы при нѣсколько других условіях ожидать и ⏑ ⏑ –, или ⏑ – ⏑, или ⏑ ⏑ –). Однако сами по себѣ, внѣ контекста, эти слова (дівчино, сѐрденько, јàворе) имѣют при нынѣшнем состояніи языка и стихосложенія, лишь значеніе тоническаго, а не количественнаго дактиля. В этом значеніи они вошли в состав перваго такта вышеприведенных схем и встрѣчаются во многих других пѣснях, на пр. в извѣстной мр.


Дів-чи-но ко-ха-на, здо-ро-ва бу-ла.

Если эти примѣры, как я думаю, типичны, то они доказывают, что недолжно быть и рѣчи о безусловной, постоянной производности трехсложных стоп от четырехсложн-

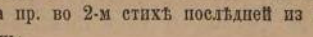
ных, а стало быть и размѣра на пр. 4×3 от размѣра 4×4. Да как и может быть иначе, если первообразом музыкально-стихотворнаго размѣра служит рѣчь, в которой— безчисленное множество трехсложных слов?

Что же до производности условной, то нетолько трехсложныя стопы подчиняются четырехсоставным музыкальным схемам; но весьма часто 2-х и 4-х сложныя стопы подчиняются 3-х и 6-и составным музыкальным схемам. Так на пр. во 2-м стихѣ послѣдней из вышеприведенных пѣсень:



Чи тиж ме-не та не-за - бу-ла

Или в мр.

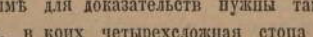


Ой і-шов я у-ли-це-ю гук-нув

(Укр. п. СПб. 1863, N 52; Лпс. Збірн. I, N 35; ср. также Sušil, Mor. nár. p. N 405, 422).

Производность послѣдняго размѣра от другаго (3 такта в $^2/_4$, Sušil ib. N 293, 402, 490), при котором стопы „гукнув", „раз, раз" заняли бы такт не в $^3/_4$, а в $^2/_4$, вряд ли может быть доказана.

Так весьма часто бывает при размѣрѣ 4+6, сходном или тожественном со вторым эпическим сербским. Я ничего немогу сказать против того, что в извѣстных случаях, в серб. эпич. пѣснях этот размѣр вытѣсняет собою 15 и 16-и сложный (Jagić, Die südsl. volksep. Arch. IV, 218—21); но чтобы вообще, как думает г. Зима, он предполагал 16-и сложный, это считаю недоказанным и невѣроятным. Г. Зимѣ для доказательств нужны такія музыкальныя схемы, в коих четырехсложная стопа занимала бы $^4/_4$ или $^8/_8$ и в этом отношеніи равнялась бы второй, шестисложной, на пр.



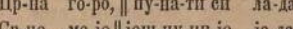
Dě-ku - ju wám, ‖ má mi-la ma - měn-ko

(Suš. ib. N 631, Rad, kn. 49, 37),

или

Ир-на го-ро, ‖ пу-на-ти си ла-да,
Ср-це мо-је ‖ још пу-ни-је ја-да

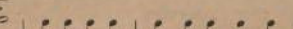
Однако слѣдовало имѣть в виду и такія, весьма многочисленныя пѣсни, в коих каждая из двух неравных по числу слогов стоп соотвѣтствует $^6/_8$ или $^3/_4$, на пр.



Що ти ми-лий, ду-ма-еш га-да-еш
Ли-бонь ме-не по-ки-ну-ти ма-еш,

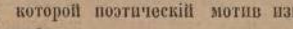
с чѣм ср. на пр. у Sušil. N 310, 377; у Лис. I, N 19 и пр.

Если бы позволительно было заключить от такой музыкальной формы к производности одной из стоп, то можно бы сказать, что 4-х сложная предполагает 6-и сложную и весь размѣр 4 + 6 возник из 6 + 6; но такое заключеніе было бы слишком поспѣшно между прочим в виду случаев неравенства по времени стоп 4-х и 6-и сложной. Так серб. гуслярскій напѣв, записанный гг. Лисенком и Русовым, представляет схему:

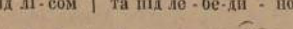


Ей у-ра-ни-ла | ко-сон-ка дје-вој - ка и т. п.
(Зап. Ю.-З. отд. Г. Общ. I, Кіев 1874, 354).

Так в пѣснѣ, которой поэтическій мотив извѣстен в вр., мр., словин., серб.:

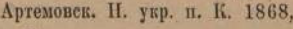


Ой під лі-сом | та під ле-бе-ди - ном,



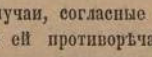
Ку-ри-ла-ся | до-рі-женьк-ка ди-мом
(Гул. Артемовск. И. укр. п. К. 1868, N 40),

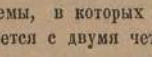
или в слѣдующей



Ой на го-рі ‖ ва-си-леч-ки схо-дять
(Укр. п. СПб. 1863, N 20).

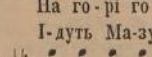
Почти тоже можно сказать и о размѣрѣ, подавшем повод к этому отступленію, именно 5+5 и других, в состав коих входят пятисложныя стопы. Именно, можно указать нетолько на случаи, согласные с теоріею Зимы, но и на такіе, которые ей противорѣчат. В примѣр первых можно привести схемы, в которых пятисложная стопа по времени уравнивается с двумя четырехсложными, при чем иногда 5-и сложная стопа явственно состоит из 4+1 („Один мазур | спав"), на пр.



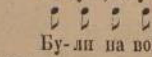


С этим ср. Suš. Mor. n. p. NN 319, 824, 116.

Сюда же на пр. размѣр (4+4)+5. (Мр. „В огороді, криниченька, ключик и відро"; ср. Suš. M. n. p. NN 425, 288, 2), или $^{2}(5)+^{2}(4+4)+6$ у Сушила, стр. 772:



Но такое уравненіе по времени стоп 5 и 2×4 может быть и не дѣйствительностью, как выше, а лишь неосуществленной возможностью, до которой в данном случаѣ нам нѣт дѣла, на пр. в хорв. п.:



(Kuhač Južno-sl. n. p. I, N 14).

Пятисложная стопа может равняться по времени 6-и сложной и трехсложной (на пр. Kuhač ib. N 27), да и независимо от такого уравненія весьма часто соотвѣтствует

такту в $^6/_8$ или $^6/_4$, а размѣр $(5+5)$ или $^2(5+5)$ — двум, четырем или 8-и таким тактам, на пр. щедровка (Чуб. III, 481):

У па-по-чень-ка я-вір-ко сто-яв
Пуд тім я-вір-ком військо сто-я-ло

Вік од ві-ку, ра-дуйсь до ві-ку.
Ой грай, мо-ре, ра-дуй - ся зе-мле.

См. также Чуб. III, 126, 144—5 (веснянки); Укр. п. СПб. 1864, N 39, 47—8 и пр.

Слѣдует взять при том во вниманіе, что пятисложною стопою бывает не только синтактическое сочетаніе о двух удареніях, объединенное преобладаніем одного из них („пáне Иванé), но нерѣдко и сочетаніе об одном удареніи („а наймолодша“, „а середуща“) или одно слово („пооблітала“, „загорожено“ „господареньку“). Согласно со всѣм этим я думаю, в свойствах размѣра $^2(5+5)$, т. е. с полным періодом из 20-и слогов, незаключено ничего, указывающаго на его производность от какого либо другого, в том числѣ и от 16-и сложнаго.

Другому разряду мр. святочных пѣсень, меньшему по числу образцов, именно щедровкам (рѣдко колядкам), свойствен размѣр $(4+4)$. См. на пр. Гол. IV, 34; Чуб. III, 441 и пр. Изрѣдка четырехсложная стопа замѣняется пяти и шестисложною, на пр.

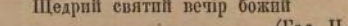
Чи дома, дома, пан господарь,
или Ой сів Христос | та вечерятн . . .
Прийшла до ёго | та Божая матн
(Кул. З. о Ю. Р. II, 242).

Это недает основанія ни для соединенія этого размѣра с вышерасмотрѣнным, ни, по вышесказанному, для произведенія одного от другого.

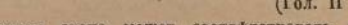
Отсюда взят припѣв вышеупомянутых щедровок размѣра $5+5$:

Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям, на здоровъя,
Или
Щедрий святий вечір божий
(Гол. II 74).

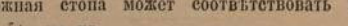
Четырехсложная стопа может соотвѣтствовать здѣсь $^4/_4$, $^6/_4$ и даже $^5/_4$, на пр.



Ой сів Хри-стос та ве-че-ря-ти,



Ще-дрий ве-чір, до-брий ве-чір
Sco-dry wie-cór, do-bry wie-cór
(Кул. З. о Ю. Р. II, 220; ср. Kolb. Lud V, 199).

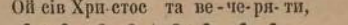


Ой сів Хри-стос ве-чи-ря-ти
Ще-дрий ве-чір, до-брий ве-чір

До-брим лю-дям на здо-ровь-е
(Чуб. III 481).

Слѣдующая словинская (из Штиріи), хотя поесть святочная, находится по содержанію в близком сродствѣ с одним из колядочных поэтических мотивов, о чем ниже:

Žu-ta vu-ga le-po po-je na sred lo-ga



ze-le-no-ga hoj! hoj
(Kuhač, Južno-sl. n. p. II, N 566).

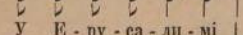
Сербскія и болгарскія колядныя пѣсни, к числу коих по внутреннимъ признакам слѣдует отнести и нѣкоторыя пѣсни помѣщенныя в сборниках, как безыменныя (Объясн. мр. п. I; Кар. I, N 229, 235 – 6, 266, 270) сложены почти исключительно этим размѣром. См. на пр. Карадж. П. I 144 сл., гдѣ четырехсложная стопа с трехсложным припѣвом напомнпает один из веснянночных размѣров:

Добар вече, коледо! домаћине, коледо . . . ;
(Stojanović Pučke pripov. i piesme, 277 сл.).

Сюда же серб. додольскія (Кар. I, 111; одна из кралицких) и великопостныя (ib. 118); моравскія колядки (разм. $^2(4+4+4+4)$, Suš. M. n. p. 740, 749), чешскія великодныя и весеннія (Erb. 61—2, 74); польскія колядки (Kolb. Lud V, 231—2 (отдѣльные стихи), 234, N 43, 237.

Лишь в нѣсколькихъ мр. колядках размѣр 5+5 переходит в правильный 6+6 (Гол. II, 78—9; IV, 106—8). Этого размѣра польскія колядки у Kolb. Lud V, 231 сл. NN 34, 36, 37, 39, 40, 45—6; моравскія (Suš. стр. 745—6, 747, 750).

Относительно темпа ср. мр., поль., мор.:



У Е - ру - са - ли - мі | ра - но за - дзво-ни - ли
(Чуб. III, 480).

Cy jest sam pan do-ma, | cy - li je - go nie-ma, или
Na-dob - na pa - nien-ka | w o-kien - ku sia-da-la, или
Ko - led - ni - ce i - du | ko - le-do - vat' bu-du.

Сюда же по размѣру нѣкоторыя вар. мр. Маланки (на канунѣ Н. г.) (Терещ. VII, 82—3); вр. Овсень, Таусинь (ib. 119—20, 24; Шейн, Вр. п. 363—70). Из сербскихъ — величальныя кралицкія (Кар. II. I, 97 сл., NN 159, 163, 165—183); также нѣсни на бабинах (Vienac, 156.

Судя по образцам, приведенным в изслѣдованіи А. П. Веселовскаго „Румынскія, славянскія, греч. коляды“ (Разыск. в обл. русс. духовн. стиха VI—X) размѣр греч. колядок (8+7) несходен со слав., а размѣр румынских (5+5 и 4+4, 6+6) указывает, как и многое другое, на связь их со славянскими.

Ты, дівчино, співай ладно, перубай як дрыва;
Давно бы тя люде взяли, кобысь чорнобрыва
(Г., II, 620).

1) *Прим. к стр. 5.* Принятое выше понятіе о стопѣ и связанное с ним понятіе об основаніях русскаго (как народнаго, так и *книжнаго*), общеславянскаго, общеновоевропейскаго стихосложенія и до нынѣ осталось достояніем немногих, между прочим учившихся по книгѣ Срезневскаго в началѣ 50-х годов. Нестало на пр. общеизвѣстным, что разница между:

Два дубочка | выростали рядом, Пушк.;
Два су бора | напоредо расла, Серб. н. п.,
Що ти милий | думаєш гадаєш, Мр. н. п.;
Uciekła mi | przepióreczka w proso, Поль. н. п.;
Ma voix est faible | et même un peu profane,
Voltaire,

заключается вовсе не в том, что в одних случаях стихосложеніе тоническое или тонико-метрическое, а в других силлабическое; что т. называемый рус. силлабическій стих или вовсе неесть мѣрная рѣчь, или, если его произнести с модным в то время польским удареніем, есть мѣрная рѣчь в том самом смыслѣ, хотя и не такая же, как стих Пушкина, и что по этому ходячія мнѣнія о преобразованіи русскаго стихосложенія Тредьяковским и Ломоносовым, без многих оговорак, ошибочны. Чѣм лучше произнесена мѣрная рѣчь, тѣм ощутимѣе для слуха должны быть основанія ея мѣрности; но отбиванье стоп, на пр.

О вы | недре|млющіе о|чи, Ломон.,
У лу|ко мор|я дуб | зеле|ный, Пушк.,

оскорбляет наше чутье: по этому так называемыя тоническія стопы, ямб, хорей и пр. немогут быть *основаніем* русскаго стиха. Конечно, стихотворец *может* сдѣлать для себя и слушателя обязательным, чтобы не только главныя ударенія, но и второстепенныя, гдѣ они есть, а не предполагаются лишь теоріею, были размѣщены по опредѣленному способу, т. е. на пр. падали на 2-й, 4-й, 6 и пр., или на 1-й, 3-й, 5-й, или на 3-й, 6-й, 9-й... слог стиха; но считать эти и им подобныя фигуры за основаніе стихосложенія значит случайное и возможное считать главным и необходимым.

Теорія Тредьяковскаго держится до нынѣ, хотя она с самаго начала добросовѣстно заявила, что она есть плохая, сама себя под-

87220
24536
Науково-Педагогічна бібліотека
Київська філія Н.-Д. Інститута Педагогіки ... № 52225

рывающая теорія, ибо не может стоять без двух „вольностей“, т. е. произвольных выдумок: одной — что неударяемый слог принимается за ударяемый, на пр. тонич. ширрихій за хорей или ямб; другой, — что на оборот ударяемый слог принимается за неударяемый, благодаря чему-дѣ, в ямбических стихах два ударяемые слога могут стоять рядом. Перваго в дѣйствительности, т. е. при небезобразном произношеніи стиха

У лукомо́рья | дуб зеле́ный,

небывает; второе бывает, но недѣлает стиха вольным или неправильным, каков он лишь по отношенію к ошибочной теоріи, на пр.

Что́ зы́блет | я́сный но́щью лу́ч?
Что́ то́нкій пла́мень | в тве́рдь разы́т?
Ка́к мо́лнія | без гро́зных ту́ч
Стреми́тся | от земли́ в зени́т? Ломон.
Та́м спо́рит | жи́рна мгла́ с водо́й... [1]) id.

Такія мнѣнія частью прямо высказаны, частью могут быть выведены mutatis mutandis из высказанных за долго до Срезневскаго. Во 2-м десятилѣтіи нашего вѣка Востоков замѣтил, что р. народный (только народный?) стих измѣряется не стопами в смыслѣ тонических хореев и пр., а „прозодическими періодами“ („пойдёшь-литы со-мною“) и что ему чуждо enjambement. В обзорѣ литературы этого вопроса в ст. проф. Фаминцына „О сочиненіи г. Шафранова „„О складѣ народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой в связи с напѣвами““ (Зап. И. Ак. Н. XXXIX, 2, 1881.) пропущена замѣчательная ст. Н. Н(адеждина?) „Версификація“, 1837 г., в Энцикл. Лекс. Плюшара. Поручая ее вниманію читателя, который бы захотѣл опредѣлить степень новости нѣкоторых позднѣйших открытій, приведу из нея лишь немногое.

„В нашем народном стихосложеніи основное ударепіе риѳмическаго періода так господствует, что стопы“ (т. е. тонич. ямбы и пр.) „едва различимы для слуха: *онѣ сливаются в одну цѣлость*. Поэтому народный стих измѣряется предпочтительно ударепіями или цѣлыми риѳмическими періодами, обозначаемыми всегда полною цезурой“ (l. c. 511). „Объем народнаго русс. стиха непростирается дальше трех ударепій; слѣдовательно он бывает только однотакт-

[1]) ″=наибольшее, ′=среднее, ` =меньшее ударепіе.

ный, двухтактный и трехтактный. Примѣр однотактнаго:

Ты рабѝнушка...“ (ib.).

На это слѣдует замѣтить: Отождествленіе вышеупомянутой метрической единицы с тактом немотивировано и слишком поспѣшно. Оставив его пока в сторонѣ, мы видим, что термин „ритмическій період“ слѣдует оставить для сложнаго ритмическаго цѣлаго, соотвѣтствующаго сложной музыкальной единицѣ, называемой періодом. В приведенном примѣрѣ тот и другой період распадается на двѣ половины, из коих каждая дѣлится пополам:

Ты рабѝнушка, | ты кудря́вая, ||

Ты когдá взошлà, | когдà вы́зрѣла?

Такая единица есть во всяком случаѣ синтактическая. Она может представлять а) или строгое синтактическое и вмѣстѣ звуковое единство, когда состоит из междометія, (в мр. п. гей, ой и т. п.) или одного слова, как члена предложенія (стало быть не чисто-формальнаго слова); или — единство относительное, из совокупности членов предложенія, объединенной и фонетически единством господствующаго ударенія, называемаго силою рѣчи v. ударѐніем логическим, хотя оно есть исключительно грамматическое. Назвать такое единство a potiori полустишіем, как это сдѣлал я (Мр. п. п. по сп. XVI в., 12), неудобно потому, что оно может составлять и не половину, а $^1/_3$ или $^1/_4$ ритмическаго періода. Поэтому, как ни нежелательно смѣшеніе со стопою в смыслѣ хорея или ямба, приходится остаться при терминѣ *стопа* (Срезн.).

С точки зрѣнія языка мы, кажется, имѣем основаніе ожидать, что единица мѣры стиха будет осязательна для того обыкновеннаго сознанія, которым преимущественно создается и для котораго существует язык и пѣсня; что она будет постоянно существовать в этом сознаніи; что она будет достаточно обща, чтобы легко прилагаться не к одному стиху, а к цѣлой пѣснѣ. Этим требованіям удовлетворяет стопа в вышеопредѣленном смыслѣ. Ей нѣоткуда бы взяться в мѣрной рѣчи, если бы мы говорили не такими синтактическими цѣлыми, как „ты — меня̀ — небудѝ“, „небудѝ — ты — меня̀“, а отдѣльными словами. Т. к. в одной и той же пѣснѣ под одну и ту же формулу подходят и сочетанія („ночка — моя — ночка“) и недѣлимыя слова („непослѣдняя“, „молоденькая“); то дальнѣйшее дробленіе таких осмысленных метрических единиц во множествѣ случаев

дало бы нам стопу, как величину чисто звуковую, безсмысленную, в обыкновенном сознаніи несуществующую: „моло“, „денька“, „я“. Стихотворство при такой стопѣ было бы не построеніем мѣрной рѣчи из готовых осмысленных стихій, а построеніем ея из ничего. Как для народной пѣсни, так и для Пушкина стихотворная единица одна и таже:

Безу́мных лѣ́т | уга́сшее весе́лье
Мнѣ тяжело́ | как сму́тное похмѣ́лье...

Каждая из этих 4-х единиц для сознанія стихотворца (а не грамматиста) также недѣлима, как в том же стихотвореніи

Грядущаго | волнуемое море.

Этим, конечно, несказано, что между стихосложеніем простонародным и книжным вовсѣ нѣт различій.

„Русс. народный стих свободно распоряжается числом слогов, стараясь сохранить только единство тоническаго размѣра . . . Несмотря на . . . различіе в числѣ слогов, наши народные стихи, как в цѣлости, так и в частях своих, т. е. в тонических періодах“ (читай „стопах“) „опредѣляемых удареніем, совершенно равновременны. Это явно из их пѣвучести на один... голос. Удареніе, сосредоточивая силу произношенія на ударяемом слогѣ, в то же время может протягивать его для наполненія недостающих в тактѣ слогов, между тѣм как прочіе слоги, обезсиленные, произносятся скоро, и чѣм больше их, тѣм скорѣе, чтобы умѣститься в объем такта“.

В „Ты воспой, воспой | млад жавороночек“

„в словѣ „жавороночек“ три первые слога произносятся за два и стих через такое поглощеніе дѣлается равным всѣм прочим не только метрически, но и почти силлабически. Напротив возьмем слѣдующій стих из русс. нар. сказки:

А и конь под ним | как бы лютый звѣрь,
Лютый звѣрь конь, | он и бур косматый.

Здѣсь во 2-м ст. „*конь*“ растягивается так, что замѣняет два слога, и стих опять дѣлается равным первому, несмотря на то, что силлабически его короче. И так, тоническое стихосложеніе может совмѣщать силлабическую опредѣленность с метрическою равномѣрностью движенія. Вот почему соединяя три рода количественнаго размѣра“ (т. е. силлабическій, тоническій и метрическій) „оно есть самое богатѣйшее и полнѣйшее“ (Н. Н. l. c. 512; ср. в моем соч.

Мр. п. по сп. XVI в 1877, 12—4). По поводу этого замѣчу, что *возможность* совмѣщенія троякаго основанія размѣра не есть исключительная особенность в.-русскаго простонароднаго, ниже русскаго или слав. стихосложенія.

„Реформа“ только стѣснила русс. книжное стихосложеніе относительно обязательности для стиха числа слогов и относительно распредѣленія этимологическихъ ударенiй; но это стѣсненіе, дѣйствующее и до нынѣ, лишь временное; оно безсильно измѣнить свойства языка: представляемую им возможность не только в пѣніи, но и *в произношеніи* уравнивать по времени неравносложныя синтактическія стопы. Этим свойством языка пользовался уже Пушкин в концѣ своей дѣятельности, на пр. в произведеніях, связанных меж собою содержаніем и характером творчества: „Яныш Королевичъ“, „Русалка“, „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“ (1832—3 г.). Нововведеніе, собственно возвращеніе к старинѣ, понравилось, но неисправило теоретических сужденій: говорится, что сказка о рыбакѣ и рыбкѣ „неимѣет почти ни размѣра, ни версификаціи, один только свободный ритм народнаго языка“ (Анненкова „А. С. Пушкин“, изд. 2-е, 311). Но вѣдь это-то и есть размѣр и версификація. В частном случаѣ норма числа слогов в стопах и времени, занимаемаго стопами, есть 4 + 6:

В бы̀строй рѣчкѣ | гуля̀ют двѣ рыбки
(Рус., Сц. 2).

Под это время (примѣрно $^4/_8 + ^6/_8$) должны быть при чтеніи подведены стихи, как:

Но лишь только | запѣненную морду
Сунул конь ъ | в студеную воду...

—

Поцѣлуй меня | по прежнему сладко
По прежнему | полюблю тебя крѣпко...

—

Против солнышка | луна непригрѣет,
Против милой | жена неутѣшит (Ян. Кор.).

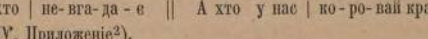
—

Как вечор у нас | красная дѣвица утопилась,
Утопая | милова друга проклинала. (Рус.).

Между прочим нѣмец. стихосложеніе до нынѣ дает возможность уравненія по времени на пр. стиха 11-и сложнаго с 8-и сложным:

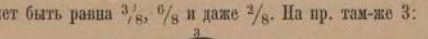
Da hörten sie beide | die traurige Mähr=
=Was schert mich weib | was schert mich Kind
(Heine).

„Свобода“ распоряжаться числом слогов имѣет в каждом размѣрѣ свои предѣлы, которые могут быть найдены только a posteriori. Так с одной стороны сотни мр. пѣсень строго держатся формулы $^2(8+6)$, с другой на пр. в одном общемалорусс. и бр. свадебном размѣрѣ колебанія количества слогов весьма значительны, хотя в-двое меньше, чѣм можно бы ожидать a priori. Именно продолжительность стиха$=^9/_8$, наименьшая продолжительность слога$=^1/_{16}$. Отсюда можно бы ожидать в стихѣ 18-и слогов, но в дѣйствительности их бывает от 6-и (м. б. даже 5?) до 9-и



Ні-хто | не-вга-да-е || А хто у нас | ко-ро-вай кра-е ||
(Чуб. IV, Приложеніе[2]).

При равновременности стихов соотвѣтствующія их стопы могут быть и неравновременны. Так в приведенном размѣрѣ 1-я стопа может быть равна $^3/_8$, $^6/_8$ и даже $^2/_8$. На пр. там-же 3:



Трой-ця | по цер-кві хо-ди-ла ||

Музыкальное удареніе не тождественно ни с повышеніем, ни с протяженіем звука, хотя то и другое может привлекать к себѣ удареніе. Поэтому удареніе, объединяющее стопу в рѣчи, *может* сохраниться и в пѣніи, которое в таком случаѣ будет вполнѣ соотвѣтствовать произношенію. С другой стороны: как возможно скандировать „у лу́-ко мо́рь-я ду́б—зеле́-ный“, так, но б. м. с большим основаніем, пѣніе, оставаясь в предѣлах синтактических стоп, или даже разрушая их, *может* создавать свои фонетическія стопы, ставя ударенія там, гдѣ их нѣт в рѣчи, и перенося существующія ударенія на другіе слоги.

Нѣсколько лѣт тому назад я, имѣя в виду преимущественно мр. пѣсни, выразился, что, „в пѣніи тоническое удареніе незамѣтно, так что от пѣнія легко сдѣлать ошибочное заключеніе к ударенію в просторѣчіи“; что „этим объясняется то, что и при русском, по-

движном ударенiи, и при польском, падающем на предпослѣдний слог, размѣр пѣсни может оставаться тот-же“ (Мр. п. по сп. XVI в. 12—3). Этим признается только трудность наблюденiя и то, что легко наше отвлеченiе принять за внѣшнюю дѣйствительность. На самом дѣлѣ фраза:

Hej tam na gó-rze
Ой там на го - pi v.
На го - pi, го - pi

(Wójc. P. l. I, 32; Укр. п. вид. Балл. СПб. 1863, N 24)

может быть не только сказана, но и спѣта с польским ударенiем на 4-м, и с мр. на 5-м слогѣ, что не все равно.

Г. Мельгунов (Русс. п. непосредственно с голосов народа... М. 1879) говорит: „грамматическiе акценты“ в пѣснiи „весьма часто измѣняются, подчиняясь ассоцiацiи ритмической. Мы обозначили в текстѣ курсивом всѣ ритмическiя ударенiя в том видѣ, как их исполняет народ. Независимость ритмических ударенiй от грамматических (на пр. ко́лодѣзь) чаще встрѣчается в старинных пѣснях, чѣм в новых. Замѣчательно разнообразiе ударенiй на пр. в пѣснѣ N 8: ста́вила́, ставила́, ставила́, а́зила́, лазила, лазила́. *При исполненiи*, однако, эти *перенесенiя ударенiя почти незамѣтны* (стр. XXIV). А если так, то простителен вопрос, точно ли народ поет так, как обозначено у записывателя, и если да, то какому кругу наблюденiй равняется в дѣйствительности обобщенiе „*народ*“?

Сославшись предварительно на вышеупомянутую ст. проф. Фаминцына (стр. 196, а также 173, 175—6 et pass.), я разсмотрю один примѣр акцентуацiи г. Мельгунова, именно N 1-й его сборника „Ночка моя ночка“.

По принимаемой мною терминологiи размѣр этой пѣсни опредѣляется так:

Перiод ея=2 равновременным стихам; стих=2 равновременным синтактическим стопам. Норма такой стопы в этой пѣснѣ есть 6 равных по времени слогов; каждый из них $= {}^1/_8$, так что стопа, совпадающая с музыкальным реченiем (фразою, предложенiем)$= {}^6/_8$:

Нѣ с кѣм мнѣ мо-лод-кѣ

(Мельг. l. c., стр. 2, вар. 3-й).

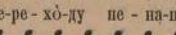
Нормою я называю здѣсь дѣйствительный случай, который можно принять за исходную точку при опредѣленіи наклонности размѣра к отклоненіям. Эта наклонность такова, что болѣе чѣм в $^{8}/_{10}$ случаев стопа усѣкается с конца, при чем вмѣсто 5 и 6-го слога нормы ставится один двоевременный (заполняющій 5-ю и 6-ю восьмую музыкальной фразы), или же мѣсто 6-го слога и 6-я восьмая заполняются запѣвом (разбѣгом, anlauf) слѣдующей стопы (ах, да), вмѣсто котораго, по всей вѣроятности, при вдыханіи нерѣдко наступает пауза. На эту 6-ю восьмую фразы во всей пѣснѣ *никакое* удареніе непадает.

Рѣже отклоненія размѣра в другую сторону: вмѣсто 2-х слогов соотвѣтствующих первым 2-м восьмым, ставится 4, рѣже 3 слога, и это может случиться как в усѣченной, так и в полной стопѣ:

а)

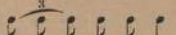
О - бу - я́ - ла гру́сть то-ска́ |
Да- ле - ко́ ми - лой жи-ве́т |
Я - бы ра̀-да пе - ре-шла́ да
Пе-ре - хо̀-ду пе - на-шла́ |

б)



Пе - ре-йди́ су-да̀ - ру-шка
На мо - ю̀ сто-ро́ - ну-шку |

в)



О - хо - ра́ - ши-вал-ся.

В случаѣ б), т. е. при полной с конца стопѣ, 3-ю и 4-ю восьмую фразы заполняет один слог; вообще на этом мѣстѣ болѣе 2-х слогов небывает, хотя им большею частью соотвѣтствует $^{4}/_{16}$ (c, b, as, ges и т. п.). Т. о. стопа заключает в себѣ от 5 до 7 слогов.

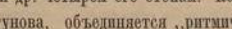
Ударенія, отмѣченныя г. Мельгуновым, двояки по степени достовѣрности и важности.

Относительно одних почти нѣт разногласія. Это — „сила рѣчи“, синтактическія ударенія, объединяющія синтактическую стопу и вмѣстѣ музыкальную фразу. В разсматриваемой пѣснѣ они в большинствѣ случаев падают на 5-ю восьмую фразы (на пр. „Лягу спать одна́, без мила дружка́“ и выше под а)), в меньшинствѣ на 3-ю восьмую („почка тёмная“, „ночь осе́нняя, непослѣдняя“;

„ручкóй прáвою, шляпой чóрною“); в одном случаѣ, в котором ударенія г. Мельгунова согласны с этимологическими, главное из них, по моему, падает не на 3-ю или 5-ю, а на 1-ю восьмую: „нѣ-с-кѣм мнѣ молóдкѣ“. Такое синтактическое ударенiе, по объясненію г. М. не совпадает с этимологическим лишь в 6-и случаях из 92.

Кромѣ этих 6-и, я оспариваю только тѣ ударенія, которыя несовпадают с этимологическими и неимѣют значенія силы рѣчи.

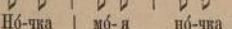
Г. Мельг. в 9-и пѣснях из 10-и, размѣр коих им назван, под стопою разумѣет не то, что мы выше, а парное сочетаніе основных времен музыкальной фразы. Т. о. в разсматриваемой п. а равно и в пѣснѣ N 5 синтактическая стопа равна 3-м стопам г. Мельгунова, а в пѣснях N 2, 4 и др. четырем его стопам. Каждая такая стопа, по мнѣнію г. Мельгунова, объединяется „ритмическим“ ударенiем, падающим на 1-ю ея половину, ударенiем, которое, если не есть вмѣстѣ сила рѣчи, то совпадает с этимологическим лишь случайно:



Нó-чка | мó-я нó-чка |

Мó-лод | ка́мо | я́ и пр.

Хотя такая стопа и невполнѣ соотвѣтствует тоническому трохею, т. к. „гласная с ритмическим ударенiем может быть растянута до слѣдующей стопы (

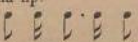


Зе-ле - на-я ро-ща = 4 стопы), но все же нельзя непризнать здѣсь стараго знакомаго.

Если бы, согласно с замѣчаніем г. М. („перенесенія ударенiй почти незамѣтны“) эти ударенія были малозамѣтны, то все же соблюденiе их внесло бы в пѣсню утомительное однообразiе темпа, по эстетическому достоинству худшее, чѣм скандированье стихов по школярским схемам, п. ч. в послѣдних акцентируются неударяемые слоги, но существующія ударенія непереносятся, а у г. М. насилуется во множествѣ случаев этимологическое, а иногда и синтактическое ударенiе: „нóчка — мóя — ночка“, „кýпал-ся́ бо-бер“, „мóло-дéнька-я́, пó бéд-нéнька-я́“, „нé вы-кýпал-ся́ да-вéсь вы-мáрал-ся́“, „óхара-шúвал-ся́“ (6 вышеупомянутых случаев).

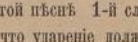
М. б. эта музыкальная маршировка нужна при обученiи хора, чтоб всѣ голоса начинали разом. Чѣм она может быть вызвана, кро-

мѣ этого?—Естественным стремленіем к упрощенію счета дѣленіем ряда ударов на пары; перенесеніем на самую пѣсню періодических усилій, которыя дѣлает отбивающій такт; дѣйствіем безсознательной ассимиляціи, т. е. в данном случаѣ уподобленіем одних синтактических стоп и стихов другим, ради единства схемы. Такое полное единство, раз установившись, освобождает от художественнаго соображенія напѣва с текстом, но вмѣстѣ разрушает художественность, осмысленное разнообразіе в единствѣ. В разсматриваемой пѣснѣ образцом, под который насильственно подводится множество стоп, служат такія, как на пр.



Лѝ-гу|спя́ть од|на́,

при чем в самой этой стопѣ допущена ассимиляція, т. е. второстепенныя ударенія, падающія на 1-ю и 3-ю восьмую, уравнены с силою рѣчи на 5-й [1]). Т. о. создаются вредныя в художественном отношеніи фикціи, что в этой пѣснѣ 1-й слог синтактической стопы неможет заполнять $^2/_8$; что ударніе должно падать на 1-ю, 3-ю и 5-ю восьмую и *неможет* падать на пр. на 2-ю. Если же несчитать обозначенія ударній у г. М. безошибочными и допустить незначительныя измѣненія, нисколько ненарушающія правильности размѣра, то упомянутыя фикціи будут устранены и мы, вм. странных случаев, как „вымáрался“ получим (обозначая в схемѣ всѣ звуки напѣва):

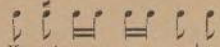


да весь вы́ - ма-рал-ся

---

[1]) Эту схему принимает для разсматриваемаго размѣра г. Вестфаль в статьѣ по поводу сборника Мельгунова (О русс. нар. пѣснѣ, Р. Вѣстн. 1879, IX, 140). То, что в сб. г. Мельгунова мнѣ кажется сомнительным, г. Вестфаль ставит во главу угла: „Метрическую точку зрѣнія русс. нар. пѣсни очевидно нельзя назвать количественною, но она и не качественная (тоническая). Ее слѣдует назвать музыкальною, т. к. ритмическія *ударенія* русс. пѣсни *опредѣляются только напѣвом* и ничѣм немогло бы быть оправдано предположеніе, что русс. пѣсня опиралась нѣкогда на другое основаніе“ (l. c. 151). Статьи проф. Корша о сб. Мельгунова (Критич. обозр. 1880) я нечитал.

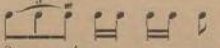
или:



Не-вы́-ку - пал - ся | да

О - тря́ - хи - вал - ся

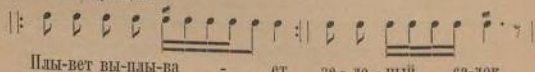
или:



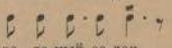
О - хо - ра́ - ши - вал - ся

Т. о. я нахожу, что с музыкальной и словесной точки вмѣстѣ в этом размѣрѣ нѣт другой постоянной, необходимой во всей пѣснѣ стопы, кромѣ синтактической, в коей главное удареніе нерѣдко бывает единственным, а возможныя второстепенныя ударенія стоят только на мѣстѣ этимологических.

К тому же приводит разсмотрѣніе пѣсни N 2 (Мельг.) „Вдоль по рѣкѣ, рѣкѣ“. Період ея—из 2-х половин, каждая—из 4-х синтактических, обыкновенно 5-и и 6-и сложных стоп, из коих первая пара по напѣву акаталектична, по времени $=\frac{8}{8}$, а вторая каталектична, по времени $=\frac{7}{8}$ + отдых в $\frac{1}{8}$. Сила рѣчи падает на слог (обыкновенно 5-й), который, начинаясь с 5-й восьмой, протягивается до 7-й включительно. Схема с показаніем наименьших музыкальных времен слѣдующая:



Плы-вет вы-плы-ва - ет зе - ле - ный са-док



зе - ле-ный са-док

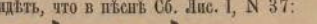
Несовпаденіе силы рѣчи с этимологическим удареніем („вдоль по рѣкѣ, рѣкѣ“, „безчестье нашѐ“, „поцалуемсѝ“) рѣдко и вполнѣ объяснимо ассимиляціей; на против, несогласіе второстепенных ударенiй, по которым г. М. дѣлит синтактич. стопу на 4-о, почти постоянно („ступа́й ку́ды хош“), но, как я думаю, к выгодѣ художественности, легко устранимо, точно так, как и ударенія „лазйла“ и пр. в п. N 8 (лучина).

В том же видѣ представляется мнѣ вопрос о размѣщеніи ударенiй в мр. пѣснях. Примѣр ошибочнаго пониманія их размѣра нахожу в ст. г. Неймана „Куплетныя формы нар. южно-русс. п.“ (Кіев. стар. 1883, Авг. 599 сл.). С тѣм, что лежит в основаніи цыфирнаго обозначенія общих схем размѣра, на пр. „Йшли корови из ді-

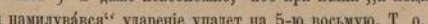
брови“=[(8+6)+(8+6)] я, конечно, согласен: и сам раньше принял этот способ. Отчасти я согласен также с мнѣніем о причинѣ искаженія удареній в пѣніи: В случаях, когда „пѣвец несоздает мотива вмѣстѣ с пѣсней, а только подбирает слова для выраженія новой мысли, соотвѣтственно шаблону, опредѣленному мотивом“, бывает „трудно подобрать предложеніе так, чтобы логическія его ударенія вполнѣ совпадали с основными тонами (?) музыкальнаго куплета“ (l. c. 604). Рѣчь здѣсь не об одних логических удареніях (силѣ рѣчи), но и об этимологических: „вліяніе мелодіи на ударе́ніе в словах на столько сильно, что в неудачно подобранных в этом отношеніи стихах ударе́ніе в пѣніи переносится с дѣйствительнаго своего мѣста на то, в (=на) котором оно должно быть по формулѣ прототипа пѣсеннаго куплета. Зачастую мы слышим в пѣніи, что вм. „тебе́, молода́, дѣвчина, козака́, була́, у́лица“ поется „те́бе, моло́да, дѣвчи́на, коза́ки, бу́ла, улѝца“. Поется „буйнесе́нький“, „мачу́ха“ вслѣдствіе того, что мотив сложен для такого куплета, в котором логическое ударе́ніе стоит на предпослѣднем слогѣ каждой части стиха и имѣет соотвѣтственно акцентированный тон в этом мѣстѣ мелодіи. Подобное перемѣщеніе мелодіи есть безспорно диссонанс, нарушающій благозвучіе пѣсни... хотя мы уже и свыклись со многими нарушеніями и часто даже их незамѣчаем“ (ib. 604).

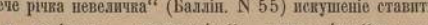
Конечно, такое явленіе возможно и в значительной мѣрѣ дѣйствительно; но, в историческом отношеніи, нельзя говорить о паденіи, незная, что и откуда падает, а в художественном — не то есть правило, что шаблоннѣе и легче для всякаго (творчество, в том числѣ и исполненіе есть труд), а то, что лучше. Чтобы найти удовлетворительную в художественном отношеніи пѣсню (т. е. текст и напѣв) нужны рѣдко встрѣчаемыя вмѣстѣ условія: умѣнье („на ловца и звѣрь бѣжит“), поиск и счастье. Как может считаться признанным что относительно текста народная пѣсня есть движеніе, ряд измѣненій, варіантов; так слѣдует искать степени варьируемости напѣва. Правда, что при любительском исполненіи народной пѣсни слушателем уже со 2-го куплета овладѣвает тоска, ибо до конца он ничего новаго уже неуслышит; но надобно допустить, что в народѣ, гдѣ сохраняется еще интерес к содержанію пѣсни, вовсе нерѣдко умѣнье варьировать напѣв согласуя его со словом и недопуская безсознательных ассимиляцій. Нѣт нужды в особенно интенсивном творчествѣ для

того, чтобы увидѣть, что в пѣснѣ Сб. Лис. I, N 37:



подчиненіе всей пѣсни этой схемѣ (удареніе на каждой 2-й и 6-й восьмой стопы) ненужно (ибо легко пропѣть „пригорта́юсь“ вм. „пригорта́юсь“) и даже невозможно, ибо при пѣніи „и націлувався“, „и намилува́вся“ удареніе упадет на 5-ю восьмую. Т. о. в пѣснѣ „Тече річка невеличка“ (Балліи. N 55) искушеніе ставить ударенія как „неве́личка, „з вишнево́го“, „кличе ко́зак“ и пр. устраняется весьма легко:





Г. Нейман под стопою разумѣет хорей, ямб, дактиль, анапест (тонич.) и гдѣ невидит этих стоп, там, по его словам—„склад древній *безстопный*“, термин столь же странный, как если бы сказать „мѣрная рѣчь без мѣры“. Он думает, что у нас принимать синтактическую стопу за основаніе стихосложенія есть рутина и борется с этим во имя хореев и пр.: „Извѣстно мнѣ, что господствует предубѣжденіе, яко бы народному стиху неприсущ стопный склад ритма. Я лично был того же мнѣнія, принимаясь за мои наблюденія... но, к великому моему удивленію, на каждом шагу бросалось мнѣ в глаза однообразіе стопнаго построенія“. „Масса провѣреннаго матеріала в чтеніи“ и „весь“ ему „извѣстный матеріал музыкальный“ убѣдили г. Н., что во множествѣ мр. п. „новаго склада“ „однообразное построеніе мелодіи требует однообразія в чередованіи слогов с ударені́ем“ (617—8). Возможности неотвергаю, но неудивительно, что г. Н. нашел размѣры однообразными, сам сдѣлавши их такими. Так г. Н. произвольно берет из пѣсни куплет:

Як до тебе ходи́ти,
Тебе вірно любити?
В тебе миші лихі, в тебе миші лихі,
Серце мое, серце мое!

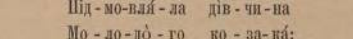
и утверждает, что „мелодія этой пѣсни построена так, что во всѣх

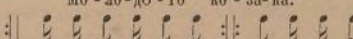
словесных куплетах требует слѣдующаго расположенія слогов с удареніем:

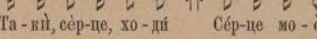
– ⏑ | – ⏑ | ⏑ – ⏑
– ⏑ | – ⏑ | ⏑ – ⏑
⏑ ⏑ – | ⏑ ⏑ – ‖ ⏑ ⏑ – | ⏑ ⏑ –
– ⏑ | – – ‖ – ⏑ | ⏑ –

„Малѣйшее отступленіе от этой схемы в разстановкѣ ударений влечет в пѣніи искаженіе ударенія слова, что мы можем видѣть в 1-м ст.... Логическое удареніе стоит на словѣ „ходи́ти“, но мелодія ясно оттѣняет и остальныя два грамматическія ударенія, при чем в *те́бе* переносит это удареніе на 1-й слог. Переход ритма в анапестный в 3-м ст. поразительно ясно чувствуется в самой мелодіи“ (619).

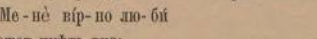
Прежде всего, я думаю, что разница в удареніи родит. вин. безпредложнаго *мене́, тебе́, себе́, ѥго́* (серб. мѐне и пр.) и предложнаго *до ме́не, до те́бе* и пр., составляющая правило, произошла не в силу вліянія какого либо напѣва, а независимо от этого, в силу вліянія предлога. Остальное в значительной степени есть неправильное заключеніе от случайно взятой части к цѣлому. За основную метрико-музыкальную схему можно принять:







1-е колѣно может имѣть вид:



2-е слѣдующій:

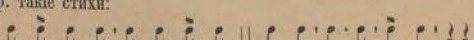
По моему мнѣнію, напѣв представляет полную возможность как разнообразія ударений, так и их согласія с обычными удареніями рѣчи. Так в 1-м колѣнѣ в пѣніи могут быть совершенно явственны ударенія неподходящія под формулу г. Н.:

Білу постíль постелю́ . . .
Тебѐ вірно люби́ти и пр.

Было бы долго также присматриваться к остальному, и я укажу лишь нѣкоторые случаи, бросающіеся в глаза.

В стихах: Шовком шила, шовком шила, золотом рубила,
Все ж для того чумаченька, що я полюбила,

по мнѣнію г. Неймана, — „плавный хорейный ритм", стало быть — ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑ | — ⏑ — ⏑ — ⏑ (стр. 621). По моему мнѣнію, эта формула негодится даже для этой случайно выхваченной пары стихов, а тѣм паче для всей пѣсни (Метл. 110; Чуб. V, 272), в коей, согласно с общеизвѣстным напѣвом, встрѣчаются на пр. такіе стихи:

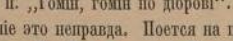


Ти ду́-ма-еш, мо-я̀ ма́-ти що я пе-жу-рю́-ся

Г. Н. думает (622), что формула

— ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑

изображает размѣр п. „Гомін, гомін по діброві". Если не безусловно, то как обобщеніе это неправда. Поется на пр.



Ту-ман по́-ле по-кри-ва́-є

По мнѣнію г. Н. поется:

ӯ Кӣ-|ē-ві | на̄ рӣн-кӯ (стр. 263);

по общеизвѣстный напѣв (Лис. II, N 18) дает возможность правильной и разнообразной акцентуаціи:

У Ки́єві на ри́нку
Пьють чумаки̇̀ горілку,
или
Ненаси́плю, непода́м,
Бо на тобі жупа̀н дра́н.

В п. „Ой нешуми̇̀, лу́же, зеле̇ний байра́че", г. Н. находит формулу

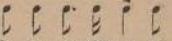
— ⏑ — ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ — ⏑ — ⏑

но замѣчает, что во второй половинѣ два амфибрахія поются ритмом хорейным:

Зе̄ле̄|нӣй ба̄й-|ра̄-че̄ (624).

В напѣвѣ у Лис. II, N 32, эта фраза построена сходно с соотвѣтственной фразой второй половины періода („молоди̇̀й коза́че") и по-

тому располагает к помѣщенію второстепеннаго ударенія на 3-ю, а главнаго на 5-ю восьмую:



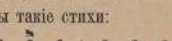
Зе - ле-ний бай-ра - че;

но даже без приспособленія напѣва возможно в пѣніи удареніе „зелѐний“ отличное от „молодѝй“.

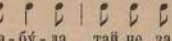
На стр. 627 дается формула:

Дĭвчӣнŏ | кŏхāнă | здŏрōвă | бӯлă,

которая уже для этого стиха ошибочна, т. к. навѣрное извѣстно, что здѣсь *поется* „була́“, а как общая — лишена значенія, т. к. здѣсь вполнѣ правильны такіе стихи:

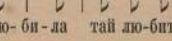


Яж не - за - бу́ - ла тай не за - бу́ - ду



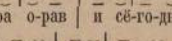
Вір - но лю - би - ла тай лю - бить бу́ - ду

На стр. 634 схема:



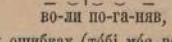
Ой у - чо - ра о - рав | и сё - го - дня о - рав

Гей хтож то - бі | мо - е сер - день - ко



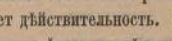
во - ли по - га - няв,

неговоря уже о частных ошибках (то́бі, мо́е, во́ли), показывает до какой степени рутинный способ обозначенія размѣра лже-ямбами, хореями, дактилями искажает дѣйствительность. Внутри синтактических стоп и вмѣстѣ музыкальных фраз тут нѣт никаких других стоп:

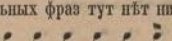


Ой у - чо̀ - ра йо - ра́в

И сё - го̀ - дня о - ра́в



Ой хтож хто́ж то - бі мо - ѐ се́р - день - ко



во - ли по - га - няв.

II.

О времени колядованья и щедрованья, и нѣкоторых относящихся сюда словах.

Выше изложено, что мр. колядки и щедровки, сходныя по содержанію, и по размѣру, могут быть разграничены лишь очень неточно, именно тѣм, что колядок размѣра 4+4 почти нѣт. За предѣлами южной Руси нѣт и самого термина „щедровка“ или ему соотвѣтствующаго. Серб. и болг. „пјесме од коледе“, „коледе“ почти исключительно размѣра 4+4. Впрочем разграниченіе колядок и щедровок, соотвѣтственное различенію коляды и щедраго вечера, или Новаго года, не есть явленіе исключительно южнорусское (См. Весел. l. c. 105—6).

Мр. *колядка*, рождественская величальная пѣсня и за тѣм—самое славленіе, самый обход с такими пѣснями [1]) примыкает к мр. же тѣсному значенію сл. *коляда́*, вечер

---

[1]) Ніхто її не бачів не тілко, щоб на вечерницях, або *у колядці*, тай на вулицю, або на Купала и ні на які игри нехо́дить“, Квитка, Мар.; „А Василь все за ними ходить та, як той міхоноша *у колядці*, носить Марусин кошик“ ib. С *коляда* в см. святочнаго обхода и (в серб. „читава коледа“) сборища, толпы, можно попытаться сблизить по значенію, кажется, еще необъясненныя слова Кормчей по сп. 1282 г. и XVI в., Правило 62, именно *паства* (grex—*стадо*, сборище для игр, Объясн. мр. п. I, 16 и дополненіе ı; переход от стада к толпѣ народа и на оборот: серб. *пук*=volk, угорско-русс. *полк*, стадо; вр. дѣвок *полчок* и дѣвок *табунок*), **ошьсти, ошьстъкы* [из *о*=обь (а не *отъ*, хотя см. ниже в стоглавѣ „*от ходя*“) и *-шьд-*; „так переведено βρουμάλια, Римскіе праздники в честь Бахуса“, Вост. Слов.]: „сице глаголемыя колѧдъı или г(лаго)лемыя паствъı и нар(и)чемая ошестъкы и въ ā. и днь марта мца съвьршаемоѥ тържьство“ (Бусл. И. Хр. 382).

24 Декабря (Чуб. III 262) [1]). Это значеніе, по видимому, древнѣе вост. мр. обычая, по которому „колядовати“ па-

---

[1]) Другія значенія сл. *коляда* и сродныхъ—у Аоан. П. В. III, 752—3 et pass. (см. указатель); Веселов. Разыск. VI—X, 97 сл., 103 сл. Между прочи мр. *коляда* дар колядникам („дайте нам коляду...: курку... когута... пироги... велику коляду“, Гол. IV 123) именно за колядованье („За колядочку нам пива бочку“ ib.). Отсюда непосредственно или через предполагаемое значеніе „сбор с колядовщиков в пользу властей или церкви“ (ср. Ао. П. В. III 752) *коляда*—род подати: „а коледы о Божьемъ Нароженьи мѣщане и козаки старостѣ (Черкасскому) по лисицы або по куницы, а естли лисицы або куницы небудетъ, ино по шести грошей маютъ давати“, 1539, Ак. З. Р. II, 354. Т. о. значеніе „дар и пр.“ примыкало бы к значенью колядованья, а не к знач. изв. дня, как предполагают в поль. “*kolenda*, dar na upominek nowego lata“ (Linde). Подобным переходом значеній можно объяснить мр. *ралёць* (б. м. собственно подарок колядовщикам, обходящим дворы с *ралом*, плугом, о чем см. ниже), „подарок состоящій в хлѣбѣ, винѣ, пряникахъ и пр., который подчиненные приносят своим начальникам на праздник Свѣтлаго Воскресенья и на Новый год“ (Павловскій, Мр. грамматика, 55). „Na Nowy rok... gospodarze sielscy... idą do pana z powinszowaniem, niosąc mu w podarku chleba bochenek, sól, tudzież wianek z kłosów żyta lub pszenicy. To się u nich nazywa *ralcem*. Czeladź dworska w dniu tym również się udaje do pana z życzeniami nowego roku: woźnica przyprowadza ze stajni wierzchowca w rząd strojny ubranego; pastuch dworski przypędza na dziedziniec najpiękniejszą z dobytku krowę, inni parobcy ciągną z wołami, owcami etc. (Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, 158). „Chodzenie *z ralcem* (radełkiem) przy powinszowaniach wiosennych u Ukraińców“ (Nowosielski, Lud Ukr. I, 54). Далѣе, переходя от частнаго к общему [ср. мр. (татар.) *хабарь*, подарок за добрую вѣсть, потом взятка вообще; *базарйнка*, собств. базарная взятка или гостинец приносимый с базару, теперь — взятка: „Та базаринку любиш брат, А людям в нужді помагати Недуже, бачу, поспішивсь“, Котл.], *ралець*—подарок, взятка: „будьте ласкаві, моєму Зробіте лихові кінець... А я вам піднесу ралець“, Котл.; (Вулкан) прилабузнивсь до Киприди, Як до просителя писець, Ій корчив разні милі види, Щоб и собі достать ралець“ ib. По аналогіи с „на поклон“

чинают лишь с вечера перваго дня Р. Хр. (Чуб. ib. 264; Маркевич, Обыч. и пр. 22). Гоголь (Ночь по Рожд.) мог еще и в Полтавской губ. зазнать обычай начинать колядованье с „багатої куті“, 24 Дек., существованіе коего подтверждается старинными сѣверными и южными, и новыми свидѣтельствами.

Стоглав говорит: „Русальи о Ивановѣ дни, и *въ навечеріи Рожества Христова сходятся* народи, мужи и жены и дѣвицы, на нощное плещеваніе и безчинный говоръ, *на бѣсовскія пѣсни* и плясаніе“ (гл. 41, стр. 24, изд. Кож. 141); „простая чадь... во градѣхъ и въ селѣхъ творятъ еллинское бѣсованіе, различные игры и плясаніе *въ навечеріи* праздника *Рождества Христова*, и противъ праздника Рождества Іоанна Предтечи въ нощи, и въ праздникъ весь день, мужи, и жены, и дѣти въ домѣхъ (и) по улицамъ *отходя* (см. выше „ошьстькы“), и по водамъ глумы творятъ всякими играми и пѣснями сотанинскими и многими виды скаредными. Подобно же сему творятъ и *во святыя вечеры и въ навечеріи Богоявленія Господня* (гл. 92, изд. Кож. 261).

„7136, Декабря въ 24 день... Филаретъ Никитичь Патріархъ Московскій и всеа Руссіи указалъ: кликать бирючю... чтобъ съ кобылками неходили и на игрища бъ мирскіе люди неисходилися... *и коледы* бъ, и *овсеня*, и *плуги неликали*“ под страхом запрещенія и духовнаго наказанія (Ак. Ист. III, 96). Такія запрещенія, неуничтожили обычая, но мѣстами передвинули его с вечера против праздника на самый праздник и далѣе [1]). Это самое

(с просьбою, с подарком; серб. *поклон*, дар)—„Сю вещ, як рідку и старинку, Підносимо царю Латину С поклоном низьким *на ралець* (ib.); „Венеря... пішла к Зевесу на ралець“ (ib.), с просьбою, при чем о подаркѣ неговорится. Значенія подати вообще или подати с рала в *ралець* нѣт, почему нѣт основанія объяснять его, как *поральное* poradlne, rostrale.

[1]) По Терещ. Б. Р. и. VII, 184, в Смол. г. „первые дни Р. Хр. считаются неприкосновенными“... „в 3-й день начинаются посѣщенія и угощенія, а там уже начинают святые ве-

повторялось еще нѣсколько раз. В грам. царя Ал. М.: „во 157 г. Дек. въ 19-й д. вѣдомо намъ учинилося, что на Москвѣ напередъ сего въ Кремлѣ, и въ Китаѣ, и въ Бѣломъ, и въ Земляномъ городѣхъ, и за городомъ, и по переулкамъ, и въ черныхъ, и въ ямскихъ слободахъ по улицамъ и по переулкамъ *въ навечери(и) Рождества Христова кликали* многіе люди *коледу* и *усень*, а въ *навечери(и) Богоявленія Господня кликали плугу* ... Да на Рождество Христово и до Богоявленьева дни собираются на игрища (и) сборища бѣсовскія ... И мы указали о томъ учинить заказъ крѣпкой, чтобъ нынѣ и впредъ ... въ навечери Р. Хр. и Богоявл. *коледъ*, и *плугъ*, и *усеней некликали* и нѣсней бѣсовскихъ не пѣли ... Чтобъ ... въ навечери Р. Хр. *коледы* и *усени*, и въ навечери Бог. Госп. *плуги некликали* ... А которые люди ... учнутъ (кликать) *коледу* и *плуги* и *усени* и пѣть скверныя пѣсни, или кто учнетъ кого бранить матерны ... и тѣмъ ... за такія супротивныя христіанскому закону за непстовства быти отъ насъ въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ“. Тоже от „чтобъ“ повторяется при обращеніи къ Шуйскому воеводѣ с измѣненіем: „а которые люди ... учнутъ кликать коледы и плуги и усени ...“ (Москвитянин 1841, I, 237 сл., откуда перепечатано Сахаровым в Ск. Р. н., кн. 7, 99). Подобный указ царя А. М. в сибирскіе города приводится в памяти Верхотурскаго воеводы от 13 Дек. 7158 г.: „Въ Сибири ... умножилось ... глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми ... и медвѣди водять и съ собачками пляшутъ ... о Рожествѣ Хр. и до Богоявленьева дни сходятся мужеского и женского полу многіе люди въ бѣсовское сонмище ... играютъ во всякіе бѣсовскіе игры, а *въ навечеріе* Р. Хр. и *Васильева дни* и *Богоявленія* госп. *клички* бѣсовскіе *кличутъ*, *коледу*, *и таусень* и *плуту* ... вѣруютъ въ сошъ, и въ встрѣчю, и

чера“; во Львовском окр. колядуют лишь на 3-й день Рожд. (Гол. IV 141); над Збручем колядуют (щедруют) лишь „на другий Св. вечер“, под Богоявл. (Галько, Обыч. II, 30) и т. п.

въ *полазъ*, и въ птичей грай [1]), и загадки назагадываютъ, и сказки сказываютъ ... и накладываютъ на себя личины и платье скоморожское, межъ себя парядя бѣсовскую кобылку водятъ, Акт. Ист. IV, 124—5.

Что *овсень, усень* — муж. рода видно как из род. п. *овсеня* в 1-й из приведенных грамот, так и из нынѣшня-

---

[1]) В послѣдней грамотѣ мѣсто о встрѣчѣ и пр. заимствовано из древних поученій: „Се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе ... друзии же и закыханью вѣруютъ“ (подъ 1068, Лавр.², 165—6); „вѣровати ... и въ устрящю, и въ мокошь (вар. въ стрѣчю і в' чех'), и въ сносудець, птицин чарове, въ громникъ и въ колядникъ (вар. въ с'новидѣніе, и въ гром'никъ и въ колядникъ и въ птичь грай), Тихонр. Лѣт. Р. л. IV 106; „ни в стрѣчю, ни в полазъ, ни в чех вѣровати“ (1509, Вост. Слов.). Все другое неприурочено к опредѣленному времени, но *полазъ* можно отнести к Рождеству на основаніи серб. *полазити*, посѣщать, преимущественно „на Божић“ *пòлазник, пòлажајник*, поздравляющій и посыпающій зерном на Рожд., *пòлажај*, его посѣщеніе (Кар. Рјечн. Ак. П. В. III, 734, 746). У Словаков 25 Дек. начиная с разсвѣта „lazia polaznici z dom na dom“ (Sb. Matice slov. I, 173). В части южной Руси *полаз* понимается в том же смыслѣ, но шире. Именно на Подольи под Збручем „всі в Пилипівку припадающіи свята с всенощним зовут *полаз*. Про тое есть Воведеніе (21 Ноября) *первий* полаз, Николая (6 Дек.) *вторий*, Анны Зачатія (9 Дек.) *третій*, а Рождество Хр. *четвертий* и послідній. В тіи свята приходят люди хотяйби и найраньше до церкви на всенощне, удержуеся бо у них преданіе якоесь, що зло есть, даби в тіи дні хто иный, а не господарь, а по крайной мірі кто домовий „обистья“ первий перейшов. Тож кождий зрывався з рана и иде худобі дати їсти, а прийшовши до хліва поздоровляє худобу словами: „дай, Боже, добрий день! щобись, худобинко здорова була и я с тобою з моею жоною и діточками“. От того обходжованья худоби и обистя зовутся правдоподобно реченьи свята *полазами*, а *а тіі, що перші по обистю переходят, полазниками*. Отож на Рождество Хр. обійшовши худобу як найраньше, спішит каждий хотяй би и найраньше до церкви“ (И. Галько, П. звичаи ... под Збручем, Льв. 1862, II, 13). Относительно связи обычая вводить утром на Новый год в хату скотину (ib. 17) с полазом и встрѣчею (серб. *срећа*, счастье) ср. мое соч. О мно. зн. и пр. 31).

го употребленія. Существующая нынѣ [1]), как и в XVII в, форма *таусень* м. б. объяснена как сліяніе, по недоразумѣнію, частицы *та* с *усень* (ср. мр. припѣв „та рано, рано, та ранесенько“ Чуб. IV, 104 и пр.); форма *говсень* (Ряз.) м. б. из „гой усень“, а *овсень*, в котором, если вѣрно сближеніе с лит. *ausz-ti* и пр. *в* неможет быть отдѣлено от *с* глухим зв. (лит. *ausz-* должно бы соотвѣтствовать *ус*),—из „ой усень“ или „о усень“; *авсень*, если так и в говорах па *о*,—из „*а усень*“. Другія формы, как *баусень*, *тáусень* (Даль; послѣдняя м. б. из *ти* (χαι) т-усень, а *тусень*, у Даля, из та-усень) болѣе загадочны [2]). Невижу основаній для предположенія, что различныя формы этого имени образовались „из нѣсеннаго припѣва да-ту-усень“ (Веселовскій, Разысканія в обл. Русс. дух. ст. VI—X, 107), т. е. с поздней формой частицы *да* вм. *та* и с другою частицею *ту*. — Объясненіе формы *овсень* и пр. до нынѣ зависит от ассоціаціи с овсом и сѣяньем, без достаточных основаній установленной Снегиревым, соображеніе котораго принято за факт. Дѣло в том, что ни в одном описаніи вр. обычая „кликать овсень“ (Снег. Р. простонар. празд. II, 104, 106), „кричать таусен“ (Терещ. VII, 116) на Васильев вечер, под Н. год (между тѣм как по изв. XVII в. коледу и усень кликали под Рождество) неупоминается об обсыпаньи. Кликальщики даже, по видимому, невходят в избы (что необходимо для обсыпанья в Мр. и Сербіи), а кличут под окнами и прокликав, „стучат в окошко“ (Снег. ib. 107) проси пирогов и пр. Снегирев говорит, что „вр. Авсень v. Овсень... есть... прообразовательный обряд *обсыванія*, отчасти сходный с древним обрядом *осыпанія* при бракосочетаніи молодых и... при вѣнчаніи на царство Русс. Государей в предвѣщаніе изо-

---

[1]) Как припѣв колядки и названіе Васильева вечера; *таусенить=усенькать*, пѣть таусенныя пѣсни на Васильев вечер (Даль Сл.; ср. *ладкати*, Объясн. мр. п. I).

[2]) Теперь в вр. говорах, сколько извѣстно, только *да* (et, και, отличное от *да* ἵνα) и так уже не позже, чѣм с XIII в. (хотя *та*-же, потом) в мр. *та* и *да*.

билія благ земныхъ“ (ib. 103); что „Таусень, или Овсень, подобно коледѣ, долженъ быть не божествомъ, но мѣстнымъ праздникомъ народнымъ, въ коемъ главное дѣйствіе есть *обсыпаніе* или *обсѣваніе*“ (108). Но для него это „видно изъ прообразовательныхъ обрядовъ, наблюдаемыхъ“ (*не* въ вр. губерніяхъ Ряз., Владим., Симб., Нижегор., частью Пензен. ib. 103; у Терещ. VII, 116—21 и Сарат.), а „въ Бѣлоруссіи“ (108), „Украйнѣ, Подолѣ, Волыни“ (103), гдѣ какъ мы знаемъ обсыпанье отлично отъ колядованья и щедрованья и гдѣ самое имя Овсеня неизвѣстно. На этомъ основаніи Снегиревъ строитъ исключающія другъ друга сближенія *овсеня* с *овсом* которымъ обсыпаютъ и которымъ „даютъ и славильщикамъ“ (103) и сѣяньемъ: „Ежели Римская Frutisseja [1]), Sejanna (Segesta, Segetia) родственница с слав. Сѣванною: то повидимому печужд имъ Авсень и Овсень, созвучный и подобно значущій с стар. нѣм. *awsten* (?), *aussäen*, посѣв, обсѣваніе [2]), самогит. и поль. богинею земли sema или zemina (сива) [3]), литов. (?) zemmes mahti, мать земля“. „Какъ народы сіи“ (т. е. Римляне, Нѣмцы и пр.) „были земледѣльческіе и одинъ другому передавали искусство воздѣлывать поля; то вѣроятно у нихъ были и божества, покровительствовавшія оному, и праздники земледѣльческіе, к коимъ можетъ относиться и *Овсень*“ ... „По особенной наклонности Славянъ Русскихъ перелицовы-

---

[1]) т. е. Fructiseja (Pott. Et. Forsch. II, 1, 564).

[2]) Тотъ же стиль и таже прямолинейная теорія заимствованія, что в „овсень=нѣм. aussäen“, у Снегирева и в другихъ случаяхъ, напр *гаданіе* есть служеніе *Гадъ*, богинѣ счастія“ (ib. 38; „вы же... уготовляющіи демону (Евр. Gad) трапезу“, Исаія 65, 11, Снег. ib. 9); поставленное в скобкахъ при *ворожба* нѣм. *wahrsagen* (23, 38) есть не только простой, ненужный переводъ, но нѣкотораго рода „sapienti sat“. Не без того, чтобы этотъ способъ сближеній недавалъ иногда результатовъ, нелишенныхъ вѣроятности, на пр. „стар. таусиный цвѣтъ“ („камка таусина“) едва ли не θαλασσινός, морскій“ (Сн. ib. 110).

[3]) Едва ли нужно говорить, упоминаемыя поль. богини выдуманы учеными.

вать иностранныя слова на свой лад, может статься, Авсеню дало значеніе *обсыванія овсом*“ ... Но как сѣяніе дѣлается на *авось*, то и предшествовали ему гаданія и умилостивительныя жертвы, к коим, вѣроятно, отчасти принадлежит и обряд Авсеня“ (Сп. II, 109—10). Из этих сближеній болѣе посчастливилось овсу и сѣянью. Терещ. (VII, 110) и переписывающій из него здѣсь Калинскій (Церковно-народ. мѣсяцеслов, Зап. Г. Об. по Эти. VII, 349) говорят уже безповоротно: „нѣт сомнѣнія“ что Овсень и пр. „означают *овес*“ („происходят от слова овес“). Проф. Веселовскій поправляет это производство: „вѣрнѣе б. м. от корня *сѣ*: сѣять; сличи причастіе *сѣянъ* и *усень*“ (Разыск. VI—X, 107), при чем, само собою, непридавая никакого значенія написанію с *е* в грам. XVII в. и теперь, нужно было бы разлагать: **у-сѣ-н-ь*. Дальнѣйшее развитіе и подтвержденіе этого таково: „Свиное мясо, свиная голова, либо печенье в образѣ свиньи составляет ... принадлежность Васильева вечера и Рожд. святок“ (от Россіи до Сициліи и Англіи) ... „свинку да боровка выдай для Васильева вечерка“ говорят под окнами ... совершающіе праздничное обхожденіе Авсеня“ ... „Всѣ эти обряды отвѣчают жертвоприношенію свиньи в римском обиходѣ Сатурналій. Сатурн—бог плодородія (Saturnus от *sa*=serere: сличи Авсень), благословленій мира (Saturnia regna); ему „venationes (т. е. охоты в циркѣ) attribuitae sunt“. „Если Grimm сравнивает Фрепра, пришлаго (Vanr) бога сѣверной миѳологіи, с Liber'ом = Діонисом, то еще ближе его связь с Сатурном: к Freyr'у, т. е. господину, κύριος, взывают о плодородіи и мирѣ, он—бог охоты (?), ему приносят в жертву на канунѣ Рождества вепря“... „Из жертвеннаго, посвященнаго богу животнаго выработался его аттрибут: вепрь с золотой щетиной везет его колесницу“... „Подобный же переход в русском суевѣріи: жертвенный поросенок колется на Новый год, на день св. Василія; отсюда св. Василій—покровитель свиней; далѣе можно было представить себѣ Авсеня (олицетвореніе Новаго года, как и св. Василій) пріѣзжающим на свинькой свин-

кѣ [1])“ (Разыск. ib. 108—9). Стало быть и здѣсь Сатурн, а через жертвенную свинью и Фрейр привлечен к сравненію с Овсенем под вліяніем предположенной Снегиревым связи имени Овсеня с обсѣваньем. Может быть, оно так и слѣдует, но я и теперь немогу отстать от объясненія, при котором эта ассоціація неиграет никакой роли, предложеннаго в моем сочиненіи „О мио. знач. нѣкр. обр.“ М. 1865, 21 (откуда—Ао. П. В. III, 748). В этом объясненіи теперь измѣню лишь немногое. За основную форму принимаю *ус-ен-ь*, с суф. как в *греб-ен-ь*, *-ене*, *сьршень*, *шьршень*=лит. *szirsz-ù*, *-ens* (Mikl. Gr. II, 127), означающим производителя или носителя (снабженнаго тѣм-же), согласно с чѣм в *усень* можно предположить значеніе nom. agentis masc., а не nom. actionis v. acti. Слав. *у* правильно соотвѣтствует литовско-латышскому *au*; слав. *с*= лит. *s* или литов. *š* (sz), частью соотвѣтствующему санскр. *ç*, частью основному *s*. Этим установляется сближеніе *ус* в *усень* с лит. *ausz-*, лот. *aus* в лит. *auszta* (безсубъектно) разсвѣтает, лот. *dêna aust*, день разсвѣтает, и, что важно в настоящем случаѣ, лит. *pawasaris isz-auszta*, весна (как утро года, как свѣтлая, веселая пора) разсвѣтает, т. е. настает. Сюда же лит. *auszra* утренняя заря (зарево), лот. *austra* id., лот. *austrs* (востоК), восточник (вѣтер), слав. *утро* (*ус-тр-о, Mikl. Lex. s. v., Gr. II, 174), влуж. *jutry*, мн., ostern, как весенній праздник; в других сродных языках *Aurelii* из *Auselii*, от имени Сабинскаго солнечнаго божества Ausel; *aurôra* (r из s; и aurum), *ἠώς*, скр. *уш*, ж. и *ушас*=зенд. *ušańh*, скр. *ушâ*, утренняя заря, утро, *Ушас* и зоря, как божество. Всѣ эти слова имѣют при себѣ скр. *вас-*, с начинательным суф.=*ск* — *ушчáти*, разсвѣтает и трудноотдѣлимое в особый корень *уш*, *ὄ'ша-ти*=лат. *urere*. Кор. *вас* очевидно роднит вышеупомянутыя слова с литов. *was-ar-a*, лѣто, скр. *вас-анта-*, м., ср., весна, слав. *вес-ьна* v. *вес-на* (как свѣтлая), *ver* и пр. (Curtius Grundz. N 610, 612—3; Pott. Et. Forsch. II,

[1]) См. мое соч. О мио. знач. и пр. 26—32.

4, 322 сл., 333—45. По причинѣ *ç*, Потт считает слишком смѣлым относить к тому же семейству скр. *uçana-s*, м., имя миѳическаго лица, отождествляемаго в эпосѣ с *çukra*, планета Венера ib. 336. П. А. Лавровскій в разборѣ моего соч. О миѳ. зп. и пр. (Чт. в Об. Ист. и Др.) говорит, что сближеніе *усень* с *auszra* и пр. молча взято мною у Курціуса; но ссылка его на Curt. Grundz. I¹, 189 есть, вѣроятно, описка или опечатка. О русском *усень* Курціус, если бы это слово дошло до его свѣдѣнія, мог бы упомянуть лишь под вышеуказанными NN (εὖ ὠ, ἠέλιος, ἠὼς).

Сближая по корню *усень* с *утро* и *auszra*, трудно невспомнить начал колядок с восхода солнца, на пр.

„(Ой) рано, рано соўнце сходзіло,
А ранѣй таго пава лiтала
(Шейн Бр. п. 114),

в связи с чѣм находится обычный припѣв колядок, уже непаходящійся ни в какой связи с их содержаніем:

Бежит ръечка од мельничка,
Ой рано!
А другая од Дуная,
Ой рано!
(Этн. Сб. III, 93);

По під Камінець битий гостинець,
Ой рано, раненько!
(Гол. IV, 71, 72, 73, 82);

В сего нашего пан-господаря,
Ой раненько!
На дворі ему нова світлонька,
Ой ранепько!
(Гол. IV, 7, 9, 69, 70, 90);

Ишла Ганнуся рано по воду,
Ой рано! Ой рано, рано,
Барзо раненько на зорях!
(ib. 83);

Кукала зазуля в селі в садойку,
Світає, ей світає,

Рано ранейко світле сонейко сходжає
(ib. II, 78);
Ой у Львові на торговиці
В неділю, в неділю рано
Ой як сонянько сходило!
Ходит Ганнуся... (ib. IV, 74, 95; ср. II, 55, 60; отсюда только одно „В неділю!“ IV, 69, 81; ср. Объясн. мр. п. I 191—4).

Тот же мотив в соединеніи с другими („соколе“, „зелене вино“):

А в нашого пана три соколойки,
Соколе, нелітай рано ранейко на поле
(IV, 6; ср. 39);
(И)шли молодці рано з церковці,
В неділю, в неділю рано
Зелене вино саджено!
(IV, 49, 64, 66, 77, 79; II, 50, 90).

Из свадебных пѣсень припѣв „рано, рано“ и т. п. имѣют, по видимому, только тѣ, которыя и по размѣру и содержанію, или только по размѣру сходны с колядками и щедровками размѣра 5+5 и 4+4 и веснянками размѣра 5+4, 5+3:

Ой в леску, леску, да на вереску
раном, раном!
(Zieńkiew., P. l. Pińsk. 130; Гильтебр. 286; ср. колядку у Чуб. III, 298, 316—7);
Налинув сокол из чужих сторон
рано, раненько!
(Чуб., IV, 70);
А славен вечор, да дівич вечор,
рано, рано!
(Чуб. IV, 148; Объясн. мр. п. I, 89—90);
Ох и говорила да туча з громом,
да рано, рано,
Ох и рано, рано да ранесенько!
да туча з громом
(Чуб. IV, 179);

Ой луговая зузуленько, рано, рано!
(Чуб. IV, 199. Другія ссылки в Объясн. мр. п. 157—8. Сюда же вр. свадеб. у Шейна Вр. п. 431: Ты стой верба, стой развейся, Ах раным рано!=Чуб. IV, 118; размѣр 4+4);

Рано, рано!
Де зозуленька гніздечко звиває
ранесенько!
(Чуб. IV, 297 и 104).

Сюда же Чуб. IV 74; Бр. свад. разм. 5+5, Шейн, Бр. п. NN 584, 589, 594, стр. 328—31; Заблудовская веснянка или свадебная, Эти. сб. III 92. Размѣр 5+5 виден и в вр. (Арханг. г.) свадебной, Бусл. И. Хр. 1560:

Долго, долго, сокол небывал,
рано, рано, ранешенько!

Веснянка размѣра 5+3—Объясн. мр. п. I, 164; веснянка 6—6 у Чуб. IV 189. Ср. мое Сл о П. Иг. 129, 136—7.

Связь утра, разсвѣта и весны в литов. *auszti*, а с другой стороны отношеніе рождественных и новогодних обрядов и пѣсень к веснѣ придают нѣкоторую вѣроятность словам Даля: „*Авсѣнь*, первый день весны, 1 Марта, коим прежде начинался год; нынѣ названіе это перенесено на Новый год и на Васильев вечер, капун Н. г.“ (Слов.). Это впрочем есть не извѣстіе, а личное соображеніе, основанное на сближеніи „*Авсень* (*овсень?*)“ (ib.), в котором объясняющее слово, гадательно построенное по образцу *обвесень* (нарѣчіе), *озимь*, по правилу немогло бы дать формы *Авсень*, п. ч. *е* в *вес-на* не из *ь* и немогло бы выпасть. Тѣм не менѣе остается вѣроятность, что *усень* мог имѣть отношеніе к весенним праздникам и что имени этого нельзя отдѣлить от лот. *ûsiñš* der Bienengott, *ûsiñi* (им. мн. в том смыслѣ, как русс. Сидоры и т. п.), день св. Георгія (*ûsiñu dẽna*). „По видимому языческій покровитель лошадей смѣшан со св. Георгіем“ (Ulman, Lett. Wb.). Этого *ûsiñš* (*ushing*) „свидѣтельства 1606 и 1613 гг. называют богом-покровителем коней; он сближается со св. Георгіем, но также и со св. Мартином, 15 Ноября, что относит нас

к періоду Врумалій и к древнему обычаю западной церкви начинать рождественскій пост с Мартынова дня“ (Веселовскій, Разысканія VI—X, 110, со ссылкою на статью Аничка „Wer ist Ushing?“ в Magaz. hrsg. v. d. Lett. litter. ges. XVI, B. 2, 1881). При сближеніи *усень* с *ûsiñš*, соотвѣтствіе русс. *у* и лот. *u* (а не *au*) могло бы повести к предположенію заимствованія (как лот. *ûsas*=*усъ* из *жсъ*, *ûda*=*уда*, *жда*), которое однако могло произойти лишь очень давно, когда смысл русс. слова был яснѣе. Возможно однако, что заимствованія нѣт и что это формы не тождественныя, а сродныя. Коренное *ûs-* в *ûsiñš* может непредполагать *au* (ср. лит. *usnis* ж. волчец, как колючій= жгучій при скр. *yuš* = urere); суф. *-iñ-š* может относиться к *en-ь* не как звуковое видоизмѣненіе суф. *-en-* (лит. wand-û, -ens), а как новое образованіе (ср. лит. stipinis при степень или лит. прилаг. относит. szirszinis при *szirszů*, шершень). Вряд ли слѣдует при этом придавать значеніе звуку *u* в русс. (Ряз., Сар.) формах: *таусинь*, *баусим* (Шейн, Р. н. 369—71).

Плуг. В приведенных грамотах единственный случай написанія *плуту* с *т* считаю за описку или опечатку вмѣсто *плугу*. В них при *кликать*, *некликать* стоит винительн. *коледу* и родит. ед. *коледы*, родит. мн. *коледъ*. По этому стоящія при тѣх же глаг. формы *плугу*, *плуги*, *плугъ* предполагают именит. ед. *плуга*, а не *плугъ*. М. б. форма ж. р. ошибочно выведена из формы косвеннаго падежа имени муж. р., на пр. из родит. ед. *плуга* при восклицаніи (ср. Mikl. Gr. IV, 465), из дат. *плугу* или мѣстн. *плузѣ*, *въ плузѣ*. Как бы ни было, мнѣніе, что здѣсь разумѣлся именно плуг (мое соч. О мио. зн. 6, 21, гдѣ впрочем слишком поспѣшно объяснено „кликали плугу“ как „славили плуг“; тоже у Ао. П. В. III, 748) основано на сохранившихся до нынѣ обрядах. Ср. выше *ралець*, а также слѣдующее:

31 Дек., „на Меланки“ (на Волыни?) „пашут землю

и как бы приготовляют ее для посѣва, при чем пѣснями и тѣлодвиженіями представляют процесс паханья" (Чуб. III, 437). Тогда же вечером по Днѣстру ходят ряженые, водят медвѣдя, козу и журавля или тащат *плуг* по хатам, т. е. вм. плуга старыя чепиги (заднюю часть плуга без желѣза), приговаривая разныя шутки и насмѣшки (Гол. IV 144; пѣсня ib. 147; Ž. Pauli P. l. R. I, 15. Пѣсня как бы шуточная, но заключеніе тоже, что при обсѣваньи на Новый год: „сій, родисі жито пшениці, вшеляка пашниці"). У Поляков на канунѣ Рождества мѣстами кладут на стол (на котором ужинают) чересло плуга (Ž. Pauli P. l. P. 1). У Словаков в тот же вечер в сумерки вносят в избу и кладут под застланный стол чересло, лемѣш и и др. земледѣльческія орудія, которыя и остаются там до третьяго утра или до 2 Января (Sb. Mat. Slov. I, 166). У Болгар, на Бъдник, „пред Божикъ" земледѣльцы кладут „на кланик" (на пол) лемѣш и чересло и дѣлают на них кресты из каши (Милад. 523). Подобные обычаи с плугом—в Румыніи, Англіи и м. б. Германіи (Весел. Разыск. VI—X, 114 сл., 119). О колядках, в коих упоминается плуг и оранье будет рѣчь ниже.

Возвращаюсь к вопросу о времени колядованья. Составитель Густинской лѣтописи, принимающій „ладо", „купала", „коляда" за названія языческих богов, говорит: „сему бѣсу (Колядѣ) въ память (конечно в южной Руси) простая чадь сходятся въ навечеріе Р. Хр. и поютъ пѣсни нѣкія, въ нихъ же аще и о Рождествѣ Христовомъ поминаютъ, но болѣе Коляду бѣса величаютъ" (П. С. Р. л. II, 257). Из новых свидѣтельств об обычаѣ начинать колядованье с вечера под Рождество могу указать на слѣдующія: В Галиціи и Буковинѣ—Голов. IV, 531, Распредѣл. и огл. 6; Купчанко в Зап. Ю.-З. отд. Геогр. Общ. II 439; в Бѣлой Руси—Шейн Бр. п. 55; в Сербіи („пјесме од коледе у очи Божића")—Кар. Рјечн. коледа; в болѣе широком смыслѣ „коледа — попивкика, која се пјева прид Божић, ал' прид Младо лито" (Боснія у Линде, koleda); в Болг.—Милад., 521, 523.

В вост. мр. под Рождество — „багата кутя“ (Чуб. III 262), „святий вечір“, а под Новый год—„багатий вечір“, „щедрий вечір“ (ib. 437, другія ссылки у Ао. П. В. III, 745). В этот послѣдній вечер поются „щедрівки“. Но в Буковинѣ в этот вечер ходят колядовать (Купч. Зап. Ю.-З. отд. II, 349), а щедруют на „святий вечер“ под крещенье (ib.; и в других мѣстах: Голов. IV, 6). Т. обр. Галицкій, Буковинскій „щедрий вечір“ есть вост. мр. „голодна кутя“. Так и у Поляков szczodry dzień — dzień Trzech Królów czyli Zjawienia Pańskiego (Linde), wilia do niego (Kolb. Lud V 228). В этот день пекли пшеничный „*рогатый*“ хлѣб, *rogal* v. *szczodrak*, которым дарили друг друга и колядовщиков. У Словаков štědrý večer и под Рождество (obžerný v.) и под Новый год (Sb. Matice I 155—7, 175. Ср. у Чехов, Erben Písně, 38, 43).

III.

Цѣль колядок и щедровок,

как она высказывается в замѣтках и в послѣсловіях этих пѣсень („поколядь„) есть „*дім звеселити*“. „Вайда“ или „береза“ („ватаг“) колядовщиков спрашивает под окном хати:

От сему дому, от веселому
Ци повелите колядовати,
Колядовати, дім звеселити,
Дім звеселити, діти збудити?

На это хозяин, выглянув в окно, отвѣчает: „весельтеся, весельте!“ (Гол. IV, 1—2, 141). Значит, колядовщики, возвеселяя домъ, и сами себя веселят. И хозяин, согласно с серб.

Ко напит вели, сам се весели,
Веселио му Бог кућу и вас дом
(Кар. Пјес. I, 80),

позволяя им пѣть, сам веселится.

В настоящем случаѣ мнѣ безразлично, находится ли эта черта в связи с названіем скоморохов „веселыми людьми“, или нѣт („А в тѣ поры в Новѣгороде ... на государя брали веселыхъ людей да и медвѣди описывали на государя ... у кого скажутъ ... Да того же мѣсяца 21 ... поѣхалъ изъ Новагорода на подводахъ къ Москве Субота из-коморохами да и медведей повезли с собою“, 1572. Новг. лѣт.[2], 107). Так связь охоты (venatio, скр. *ван*—любовь, желать, слав. *унити*, cupere, velle, malle) и веселья в *охота, потьха*, нѣм. wonne, weide, freude (Буєл., Оч., I,

---

[1]) О словѣ *береза* — Веселов., Разыск., VI—X, 118—21, 209—10.

90) независит от примѣненія к удовольствіям охоты слова *глумитися* („И ту ловы дѣявша и обловившася множеством звѣрей, и тако паглумистася и въ любви пребыста и во весельи“ Ип.[1] 139), при коем *глоум-ъ*, scena, *-ьць* histrio.

В словѣ *вес-елъ*, hilaris, значеніе „веселый“ изображено (представлено) посредством „свѣтлый“ (скр. *вас, учһáти*, разсвѣтает) [1]). Так как значенія свѣта в словах того же корня в славянском песохранилось, то не первоначальному толчку, данному в этом словѣ, а позднѣйшим однородным побужденіям слѣдует приписать повтореніе того же сочетанія представленія и значенія в словах и пѣсенных сравненіях. *Весна*, как свѣтлая, как разсвѣт года (Объясн. мр. п. I, 114), „весна—красна“ есть „веселая“:

„Ой веселая весна да звеселила усі гірочки,
Да не так гірочки, як долиночки
(Метл., 303).

Радуга, как свѣтлая, в мр.—*весéлка*, бр. *весёлка*, *весялуха* (Даль), с чѣм ср. в святочной подблюдной п.

Уж как на небѣ двѣ радуги,
У N двѣ радости:
И он сына-то женит,
Дочь замуж отдает
(Терещ. VII, 159; Сахар. Сказ. I, кн. 3, 14, 13).

В пѣсенных сравненіях *ясен, свѣтел* = *весел*, мр. *освітити*=*звеселити* [2]); *красен* (как эпитет часто соединяемый с *ясен*)=*славен*:

---

[1]) Принимаю, что значенія лотыш. *wesels* (заимствовано ли оно, или нѣт), здоров, цѣл, производны: weseli êduši, здоровы (соб. веселы) ѣвши.

[2]) ...Что ясен ли свѣтел мѣсяц?
Что весел ли мой милый друг
(Сах. Сказ., ib., 138);
Погляжу я во окошечко;
Что свѣтел ли ( ) мѣсяц...
Что уж весел ли милый друг?
(ib. 196; ср. 109);

Аби наш коровай красен був,
Аби наш (молодий) славен був
(Ž. Pauli, I, 105).

Потому ли, что слово *зел-енъ* не только этимологически есть синоним слов *свѣтелъ, ясенъ* [1]), но и сохранило мѣстами древнія близкія к этому значенія [2]), или независимо от этого; но пѣсенныя его сближенія, между прочим, тѣже, что и слов *свѣтелъ, ясенъ*, именно *зелен = весел* [3]), *зелен = хвален, славен* [4]). Согласно с этим в ко-

---

...Щоб наш коровай ясен був,
А наш N (жених, v. „увесь рід“) весел був
(Rulik. Op. pow. Wasylk. 206; Метл. 162).

Олень говорит молодцу:

Станешь женитися, я на свадьбу прійду...
...Золотыми рогами весь двор освѣчу,
Всѣх я твоих-тѣх гостей взвеселю
(О мно. зн. нѣкр. обр. 38);
Ой зіронька зійшла, усе поле та й освітила,
(А) дівчина вийшла, козаченька звеселила
(Метл. 81).

В свадебной п. о зорѣ и мѣсяцѣ, невѣстѣ и женихѣ:

Звеселимо отця й неньку (Метл. 184).

Сюда присоединяются сродныя сочетанія, на пр. блеск золота и игра („Ясное золото разгоралося, Я молода разыгралася“, Терещ. IV, 163), свѣт солнца, бисера — и смѣх (ср. ἄσβαστος γέλως, несгараемый, немолчный смѣх): „кад се смије, кан' да сунце гријe“ v. „ка' да бисер сије“ (Кар. П. III, 516; разсыпанье бисера=печаль, см. Объясн. мр. п. I, 160—8).

[1]) Оно сродно с *жолтъ* и *золото*; по корню и образованію ему соотвѣтствует скр. *hiraṇa-м* (*ghar-ana-), золото (Fick, Wb.).

[2]) В серб. п. оно служит эпитетом сиваго коня (кон зеленко), „сиваго“, „яснаго“ сокола, „яснаго“ (мр.) меча, свѣтлой рѣки, озера.

[3]) „Лоза... зелена“ = „невјеста весела“ (Кар., Пјес., I, 86); Грушице моя, чом ти незеленая?... Милая моя, чом ти невеселая (Метл. 251);

Ой пойду я, где мнѣ веселенько,
Що літо, зіма, дерево зеленєнько
(и далѣе, Zieńk. P. I. Pińsk. 174);

лядках возвеселеніе выражается такою формулою пожеланія:

Дай же ти (дат.), Боже, а в хаті ситно,
А в хаті ситно, в дворі прибитно,
На хаті зільє, в хаті весільє
(Гол., IV, 121).
Дай же ти, Боже, в горо́ді *зільє*,
В горо́ді зіль(е, в дому *весільє*,
В дому весільє, барз(о) весільне,
Барз(о) весільне, на славу втішне
(ib. 97, 96).
В городі *зело*, в дворі *весело*,
В городі *зіля*, в дворі *весіля* (ib. 556).

Что „весільє" понимается здѣсь не в тѣсном значеніи свадьбы, как может быть в свадебной

Ой на хаті зілля,
А в хаті весілля (Метл. 187),

видно из того, что эти пожеланія поются не только дѣвкѣ и паробку, но и женатым [1]).

Да зелюн явор, зелюн
В огорудци на градацци;
Да весюл наш пан, весюл,
Усе жито пожавши (ib. 230).

[1]) В величальных „дожиночных" („обжиночных") бр. п.:
Зялён наш бор, зялён
над ўсімі барамі;
А хвалён (v. славён, v. багат) наш пан, хвалён
над ўсімі панамі
(Шейн, Бр. п., 219—21).

[1]) Другія заключительныя пожеланія, в родѣ:
Дай же ти (дат.), Боже, в полі урожай,
В полі урожай, а в гумно звожай;
А в гумні хлібно, в оборі вбійно,
В дому весільно, на славу втішно
(Гол. II, 37), см. ib. II, 2, 35; IV, 62—3, 121—2, 553; Основа 1861, XI—XII, 62—3 („Щоб ваша бджола все медна була" и пр.); Гильтебр. Сб.... свз. кр. 165 („В клуні вмолутно, в дімі зихудно"); Чуб. III, 365—6, 456 (гдѣ вм. „в дівці зіхідна"

Сравненіе в видѣ противопоставленія, сходное с мр. „па хаті зілля, в хаті весілля“ до размѣра включительно, нахожу в болг. п., которая приведена у Милад. 443, как безыменная, но, по видимому, есть заключеніе величальной пѣсни в один из годовых праздников:

Еребичице ребум шарена!
По поле шеташ, високо леташ,
Далеку гледаш, Бога ми молиш:
На куки слана, во куки слава,
Да му е жива домакину глава!

Иней („слана“) сближен со „слава“, как свѣтлый, блестящій (К ист. зв. IV, 57).

Сходную с мр. формулу пожеланія предполагает и серб. сближеніе „јасене“ (fraxini)—„веселе“: в свадебной

Около двора јасене,
У овом двору веселе:
Млади се Петар женаше
(Кар., П., I, 58);

в заключеніи эпической п.:

Давно било, сад се спомињало,
Како ђурђев данак у години;
Баш ко добар јунак у дружини [1]).

читай „в діжці зіхідно“); в бр. волочобных—Безс. Бр. п. 2, 6; Шейн Бр. п. 79, 80—1, 119; Зап. Геогр. Общ. по Эти. II, 11:

Ой дай же, Боже, в тарпѣ [1]) прикладна,
На таку вмолотно, в арудзе присыпна,
В млынє примольна, в дзежи подыходна,
В печи румяна, на сталє сытна
(На стале сытна), у семьи злядна.

[1]) „Пусть вспоминается с таким удовольствіем, как радостный великій праздник, как добрый товарищ и веселый собесѣдник“, ибо

... добар јунак свуђе требује.
Благо дружини с којом војује
С којом војује и вино пије,
(Кар. I, 78—9).

---

[1]) Лит. *tarpas*, промежуток в клунѣ.

Тамо расло клеке и јасене,
Међу нама здравље и весеље!
(Кар. П. III, 167).

Подобное пожеланіе блага предполагается проклятіем, в коем „на гробу“ замѣнило выраженіе соотвѣтствующее мр. „на хаті“, в силу извѣстной ассоціаціи гроб—дом (серб. „ближе сам гробу него дому“ говорит старик, Кар. Посл. 16; мр. домовина, соснова хата—труна):

Недај му Бог добра, ни т' при цркви гроба,
Ни т' при цркви гроба, на гробу зелена,
На гробу зелена, при Богу весела

(Valjavec, N. pripov. . . u i oko Varaždina, 299, 302; Kukuljević, Dela IV, 222).

Сочетаніе „свѣт (зелень), веселье, слава“, по видимому, характерное для колядок и др. величальных пѣсень, и не новое, напоминает подобное в скр. словах: *арка-* м. луч, блеск (солнце, огонь и пр.), хвалебная пѣснь; *арч-ати* блистает (причин. дѣлает блестящим), восхваляет, чтит, *ṛc*, ж. блеск и хвалебная пѣснь, по М. Миллеру, как веселящая сердце, просвѣтляющая лица богов, являющая и заставляющая блистать их могущество (B.—R. Skr. Wb.; M. Müller, Vorles. üb. die Wiss. der Spr., II¹, 340; Иначе Fick, Wb.: скр. *арка-* и слав. рекж при скр. *арчревѣть*).

Мѣстами колядники „бьют в бубны и звонят в колокольчики (Терещ. VII, 71), ходят колядовать „с церковным“ колокольчиком (Чуб. III, 265, Житом. у.).

Об этом говорит поколядь:

. . . А за сим словом в дзвоночки дзвоним,
В дзвоночки дзвоним, низко ся клоним
(v. тобі ся клоним)
Славний господарь . . . (Гол. IV, 553—5).

Находится ли это в связи с представленіем славы звоном (мое соч. Сл. о П. Иг. 52 сл.), или нѣт, оставляю вопросом.

Свое пѣніе, по предполагаемому впечатлѣнію, колядники сравнивают с веселящим сердце пѣніем птиц:

Дай же ти, Боже, . . .
На хаті зільє, в хаті весільє;
. . . Гой устань нд (=къ) нам и подякуй нам,
Ой що ми тобі колядовали,
Колядовали, дом звеселили,
Як вивожечка (v. вивужечка) [1]) при тузі в лузі,
Як перепелиця в єрой пшениці,
Як ластівочка в новім побоі,
(Гол. IV, 121, 116);
. . . Як крижулечка [2]) при тузі в лузі . . .
(ib. 122);
В городі зіля, в дворі весіля!
А сам вийди к нам та подякуй нам,
Що *ти* (вм. *те*) так красно защебетали,
Як соловейко у тузі в лузі,
Як зазулечка в вишневих садах,
Як ластівочка в побитих дворах,
Як златі гусли, як срібні струни,
Стрільці молодці в мисливській думі (ib. 556).

Подлинность послѣдних двух стихов подозрительна, почему я и не пользуюсь первым из них, напоминающим соловья Бояна и его струны. Послѣдній ст. мнѣ непонятен.

. . . Уже ж ми ти ся відщебетали,
Як соловії при тузі (вм. лузі) в лузі,
Як зазуленька при буковині,
Як ластівонька при нових сіпех,
Як перепілка при новій нивці [3]) (ib. 99).

---

[1]) П. *wywilga* (*вивълга?), иволга, хорут. *volga*, серб. *вуга*, лит. *volunge*.

[2]) Какая это пѣвчая птица? Конечно, это слово внѣ связи с серб. *кржа*, *кржула*, род малой дикой утки с которым ср. мр. *крижень*, род дикой (большой) утки. Припоминается литов. *kregž-de* ласточка.

[3]) Т. е. „на новині“, гдѣ буйное жито или пшеница.

Этими мѣстами опредѣляется интерпункція и пониманіе слѣдующаго:

Господáреньку, господúнопьку!
Вияви личко та в окопи́чко (-ечко?)
А з окопічка на подвіречко,
Та подякуй нам за колядочку,
Ой що-ж ми тобі колядовали,
Колядовали, дім *звеселили*,
Як соловейчик при тузі в лузі,
При тузі в лузі, при (у?) зеленéнькім,
Як зазулечка при (у?) буковинці,
При (у?) буковинці, при верховинці.—
Як ластовочка на подвіречку,
На подвіречку, при нових сінех,
Так ти (дат.) газди́нька в своїй світлоньці;
Як вудвудята в вишневім саду
Так ти худібка при обороньці;
Як ярі пчілки при пасіченьці,
Так ти овечки при кошароньці (Гол. II, 36).

Невижу основанія вмѣстѣ с Н. И. Костомаровым понимать это так: „желая хозяину, чтоб ему было хорошо, выражаются, чтобы *он* был, как соловей в луговой, а кукушка буковой рощѣ и как ласточка на подворьѣ“ (Бесѣда 1872, X, 22). Издатель в послѣднем из приведенных мѣст поставил в 6-м стихѣ послѣ „звеселили“ знак „!“, так что „як соловейчик“ и пр. потеряло связь с предыдущим. На самом дѣлѣ „як соловейко . . . як зазулечка“ относится к предыдущему („дім звеселили), а „як ластівочка . . “— м. б. в двѣ стороны: к предыдущему (колядникам) и послѣдующему („так ти газди́нька“), так что образ, употребленный сначала в одном смыслѣ, от прибавки (ст. 13) получил другое примѣненіе.

Сравненіе „дім звеселили, як соловейко при тузі в лузі“ невстрѣчается в колядках у Чубинскаго (III), но в менѣе ясном видѣ оно есть в бр. волочобной п.:

Отож тобе, пане господару, песня спета,
Песня спета прыщі (=против) новага лета,

Прыщі повага лета и весёлага,
Як салавейка на каліначце (Безс. Бр. п. 2) [1]).

Все это сочетаніе образов имѣет обширное родство. Пѣсня соловья (веселая, он утѣшитель, см. Мр. п. по сп. XVI в. 35—6) веселит „темний“, печальный „луг“ (лѣс на низком мѣстѣ). Ср.

Ой гаю наш зелений, гаю наш темненький!
Нема твого соловія, тому-сь так сумненький
(Гол. II, 739) [2]).

---

[1]) Сближеніе мр. колядок и бр. волочобных, великодных п., кромѣ внутренняго их сходства, основано на том, что Іоанн из Вишни (конца XVI в.), говорит о „волочільном“, как обычаѣ южнорусском. По крайней мѣрѣ, по видимому, он имѣет в виду не Бѣлую Русь, а Волынь, Подолье, Червоную Русь:

„О очищенію церкве докончаючи речемъ:

Празничные ярмарки, што вы зовете соборами, очистѣте, якъ въ Жидичинѣ и въ Горахъ-Святого Спаса... Коляды зъ мѣстъ и зъ селъ ученіемъ выженѣте; нехочетъ бо Христосъ, да при его Рождествѣ діавольскіе коляды мѣсце маютъ, але нехай собѣ ихъ въ пропасть свою занесеть. *Волочильное* по Въскресеніи, зъ мѣстъ и зъ селъ выволокши, утопѣте; нехочетъ бо Христосъ... того смѣху и руганя діаволского имѣти. На Георгія Мученика праздникъ діавольскій на поле изшедшихъ сатанѣ оффѣру танцами и скоками чинити разорѣте... Пироги и яица надгробные въ Острозѣ, и гдѣ бы ся знаходило, упразнѣте... Купала на Крестителя утопѣте и огненное скаканя отсѣчете... Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ нихъ ласку мѣти, да потребите и поналите колыски и шибеницѣ, на день ихъ чиненые на Волыню и Подолю, и гдѣ бы ся толко тое знаходити мѣло, мерзско бо имъ на землю съ небеси смотрѣти, на тое діаволское позорище христіанскимъ людемъ збираючися“ (Ак. Ю. и З. Р., II, 223—4).

[2]) Или на оборот эта пѣсня погружает „луг“ в еще большую печаль своею противоположностью с ними:

Защебечіть, соловейки
Та зайдайте тугу темному лугу
и рідному батеньку,
Що він мене дає и сам незнає,

Так и калина („темного лугу калина", „калина ... в лузі над водою"), над которой поет соловей, бѣлыми цвѣтами, потом пучками красных ягод как бы освѣщает темный Фон береговой поросли. Эта обычная по нашим рѣчкам картина объясняет пѣсенныя сравненія: калина—дочь, дѣвица, луг—взроставшій и хранящій ее отец; калина—молодость, красота, радость, „темний луг"—печаль [1]).

доленьки невгадас

(Чуб., IV, 281, 174).

Относительно „при тузі" (в печали), „в лузі", ср. еще:

Белая бярозачка! Ци истошна табе
В цёмном лесе стаяці, В чисто поле глядзеці?
Маладая маладзіна! Ци истошна табе
За благім мужам жыці, да на добрых глядзеці?

(Сб... свз. кр. 180).

[1]) Согласно с этим начало извѣстной пѣсни про вдовиченка:

Ой у лузі калина весь луг прикрасила,
Породила бідна вдова хорошого сина

[Гол. I, 135; ср. ib. 134; III 85, 87, 88, 89; II 579, 804 (12—3)] значит: этот сын был радостью в горькой жизни вдовы. [Другое начало той же п.

Та наступала чорная хмара, а другая сина
Породила и пр.=было горе (вдовство), настало еще большее: сына записали в солдаты].

Противопротивительное отношеніе явственно в слѣд.:

Та червона калина весь ліс прикрасила,
Лише моя дівчинонька усіх засмутила

(Гол. II 749),

т. е. была любовь, было счастье, *но* (как видно из дальнѣйшаго) Она умерла.

Сходно с этим:

Ой зацвіла калинонька, цвіла над скалою;
Ой вже-ж мені, мій миленький, розлука с тобою

(ib. 778, N 87).

Ой зацвіла калинонька в лузі, (а между тѣм)
Ой чо'сь мое серденько в тузі (ib. III 295),

именно потому, что „ворогп" мѣшают любви.

Хотя иные поэтическіе мотивы колядок и щедровок, между прочим, взятые из христіанских легенд, первоначально ничего общаго с величаньями неимѣютъ; но и они в значительной степени подчинены главной цѣли этих пѣсень, именно величанью, возведенію лица, к коему обращена пѣсня, его дома и всей обстановки к идеальным положеніям [1]): к значенію міровому (сюда на пр. обожествленіе, родство или дружественная связь с божеством), к высокому общественному положенію, к блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты. На всѣх ступенях развитія потребность счастья, блеска, могущества требует удовлетворенія хоть в мечтѣ. Тѣм болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, как пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣк немог бы подавить свѣтлой улыбки, если бы ему и о нем спѣли:

На коня садится, под ним конь бодрится;

Ой зацвіла калинонька в лузі,
Чогось моя головонька в тузі:
Поламалась полиця у плузі.
А чи мені полицю тесати,
Чи до дівки усю ніч чесати?

Эти колебанія между долгом и влеченіем и мотивированы именно тѣм, что бѣда случилась с тѣм, кому „зацвіла калина" (ср. Чуб. V, 56, 434; Гол. III, 163; другая пѣсня с тѣм же началом—Чуб. V 63).

Ой я тую зиму борзо неперезимую;
Ой я свого миленького неперебаную.
Як зацвіне калинонька, береза загучить,
Аж тогди нас, мій миленький, ніхто нерозлучить

(Г. II, 777, N 84)=зима — горе, весна — болѣе благопріятныя обстоятельства.

Ср. еще Голов. II 785—6 (N 174—5, 178), 787 (N 181), 797 (N 7), 864 (13); Гильтебр. Сб. свз. кр. 22.

[1]) По величанью названо пѣніе вообще в мр. *співати*, поль. *śpiewać* (из въспѣвати, cantu extollere), с тѣм же *въз* sursum, что в Сл. о П. „О бояне, соловію... абы ты сія плъкы ущекотал" (=„въ(з)щекоталъ" воспѣл как соловей).

Он по́ лугу ѣдет—луг зеленѣет [1]);

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежних. — Чѣм далѣе в старину, тѣм обычнѣе и крѣпче вѣра в способность слова одним своим появленіем производить то, что им означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія. Они и до нынѣ держатся не только одною инерціею, но и самою этой вѣрой, так что быть может и теперь для многих сказать в дорогѣ коню „здоров!“, когда он фыркнет, есть столь же существенная предохранительная мѣра, как напоить его во время (ср. Kolb. Lud III, 90). В частности в святочных п. есть указанія на такую вѣру. Сюда на пр. припѣв вр. подблюдных (при гаданьи перстнем):

Кому поём, тому выпоём,
Кому мецем, тому вымецем [2]),

---

[1]) Ср. Ефименко, Матер. II, 123. В мр.: „Гаї розвивают, Сади зацвітают, Нам поле радує, Нам село дивує: Молодий Иванко з шлюбу йде“, Сб. свз. кр. 202; в лотыш. „Хорошо цвѣтет поле (облог) желтыми цвѣточками. Как ему хорошо нецвѣсть? Через него ведена (о свадебн. поѣздѣ) сиротка“, Сб. антроп. и этн. Дашкова II, 50.

[2]) В варіантах — „Кому вынется (т. е. перстень, жеребей), тому (v. скоро) сбудется, тому (v. скоро) сбудется неминуется“ (Снег., Русс. простонар. праздн. II, 85; Шейн Вр. п. 374). Замѣчательно *мецем* (=*мéчем* при *метать*) без дополненія в смыслѣ *метати жрѣбий* (р. метать жеребей, лит. burtą mesti) или ворожить. Ср. лот. *mesls*, налог (ст. русс. метъ, К ист. зв. III, 136) и *чары* (собств. метанье жребія, ворожба?), *mesli*, мн., кости игральныя и жеребей (*met-tlas). Как общія значенія лот. *burt*, чаровать, лит. *burti* предсказывать, вѣроятно предполагают болѣе конкретное зн. „гадать жеребьями, нарѣзками (лит. *burta* жеребей, насѣчка v. грань на деревѣ в лѣсу, лот. *burtas kôks*, бирка; м. б. сродно *бърть*, скр. *бhур-идж*, ж. ножницы, зенд. *бар-* рѣзать, сверлить, гр. φάρος, ср. оранье, лат. forare, Curt. Grundz. N 408, 6, Fick Wb.); так *вражити — ворожить*, *враж-ьба*, *-ьжб-итъ — ворож-ба*, *-ьбитъ*, чаровать и пр., неимѣющія связи с *врагъ — ворогъ*, *ворожьба* (Ип.[1] 187) вражда, *ворожьбитъ* (Лавр.[1] 106; Ип.[1] 114) враг, могли первоначально

Кому (тому?) жить богато,
Ходить хорошо
(Колос. Зам. о п. яз. и поэз. 3. 256);

мр. заключенія колядок: „*від сего слова* бувай же здоров“ (часто), гдѣ *от*—в таком же причинном значеніи, как *из* в „Будь Богу хвала *з* нашого слова, Богу на хвалу, людём на славу“ (Гол. II, 4, 7, 13). Колядники говорят:

Дарусм бчоли з паросчками,
С паросчками, з улісчками (ib. IV 121);

но они дарят их только словом (см. ниже колядки о пчелах). Так же слѣдует понимать и то, что в болг. колядкѣ колядники объявляют хозяину:

Добер сем (сме?) ти дар донéли:
Тельчинка-те бѣлопахи,
Ждребчина (v. -инка?)-та патоноги и пр.
(В. Качановскій Сб. зап. болг. п. 76, 4);

или в вр. (Вятск.) на Новый год:

Пришли славца к добрý господину . . .
. . . И хозяина звали на пир пировати,
Хозяюшку звали столы столовати,
Сыновей ево звали на стрильбишше,
Доцерей ево звали на игришше.
Хозяину дали сто рублей денег,
Хозяюшкѣ дали кунью шубу,
( ) под отласом,
Сыновьям ево дали по доброму коню,
( ) по вороному,
Доцерям ево дали по вѣноцьку,
( ) по злотому.
[а за все это:]
Нам же славцям не руп—полтина
( ), единая гривна.
Пива братыня и пр. (Колос. Замѣтки 3, 254).

значить: метать (жеребей) и ближайшим образом относиться к семейству *вьрі- (врѣшти*, русс. *веречи), враг-=ворог- (изворогъ*, quod ejicitur: „ядяху женьскъія изворогъі“, Лавр.[1], 107).

Вѣра в силу слова есть частный случай безсилія мысли разграничить толкованіе воспріятія, его пониманіе с одной и самое воспріятіе с другой стороны.

Такое безсиліе есть основное, исходное для человѣчества состояніе мысли; стремленіе к упомянутому разграниченію, сначала безсознательное, потом умышленное, есть критика в обширном смыслѣ.

Чѣм слабѣе критическая способность, тѣм легче и полнѣе объясненіе (психологическое сказуемое, в частности словесный, поэтическій образ) переносится в объясняемое. При этом условіи величанье понимается, как выраженіе сущности величаемаго и совпадает с гаданьем и чарами.

Миѳическая загадка с разгадкой, толкованіе примѣты и сповидѣнія, гаданье и чары с их словесной стороны суть видоизмѣненія одного и того же пріема мысли, именно внесенія поэтическаго образа в объясняемое.

Из названных форм основная есть *загадка* в обширном смыслѣ этого слова, ибо упомянутое внесеніе сознается лишь в том случаѣ, если оно не есть простое слѣпленіе объясняющаго и объясняемаго и если ему предшествует момент удивленія, задержка, как бы узел, требующій разрѣшенія, развязки (ст. сл. *врꙗза* (=*вьрза) загадка, собств. завязь, при *вырсти—врꙑсти* вязать; ср. мр. „снився мені сон дивненький... *Розвяж* мені, що то за сон?“ Гол. I, 182). В тѣсном смыслѣ *загадка* есть род вопроса, предложеннаго лицу другим лицом, при чем выбор вопроса, произвольный в глазах вопрошаемаго, может неимѣть никакого отношенія к обстоятельствам послѣдняго. Невольное воспріятіе, полученное человѣком, становится для него *примѣтой*, когда первое объясненіе этого воспріятія требует второго, в коем объясняющее почему либо особенно важно для субъекта. На пр. первое объясненіе замѣченнаго будѣт, когда я скажу: „звенит в ухѣ“. Пока этот звон возбуждает лишь вопрос „что это?“, он загадка в обширном смыслѣ слова. Но „звон“ есть для меня „рѣчь“, а потому звон в ухѣ я объясняю тѣм, что теперь гово-

рят, именно обо мнѣ. „Обо мнѣ“, п. ч. звон слышу я; а если бы двое разом замѣтили примѣту, она имѣла бы значеніе для обоих; небесныя и воздушныя знаменія служат примѣтами для всѣх. Если бы другой спросил: „что звенит у нас в ушах“ (каждый раз, когда это случается), и если бы ему отвѣтили: „звенит в ушах чужая рѣчь о нас“, это была бы не примѣта, а загадка в тѣсном смыслѣ, с разгадкою. Вѣщее *сновидѣніе* отличается от примѣты в тѣсном смыслѣ тѣм, что в нем объясняемое замѣчается не на яву, а во снѣ. Как и примѣта, такое сновидѣніе есть элементарная форма мысли, непредполагающая сознанія связи лица с духами, божествами, судьбою, міровым порядком, а лишь содѣйствующая образованію такого сознанія. Сотолкованіе происходит механически, болѣе-менѣе одинаково на различных ступенях религіознаго развитія. Замѣчен на пр. во снѣ образ „мутная вода“. Отсюда мысль идет по заранѣе наторенной тропѣ [1]) обычных для нея сочетаній: „мутная (сколоченная) вода“ есть образ клеветы, а потому видѣнная мною во снѣ мутная вода есть клевета, направленная на кого? На меня, если нѣт никого больше; на другого, если в эту минуту он занимает меня больше меня самого. Почему человѣк неразсуждает по пословицѣ „во снѣ видѣл маковники, во снѣ и ѣжь“, но думает, что сновидѣніе переходит за рубеж сна и сбывается на яву? Потому, что оно несбывается во снѣ. Примѣта „утопленник (и вообще мертвец) во снѣ — к ненастью“ (Даль) [2]) могла бы цѣликом оправдаться во снѣ, т. е. могло бы присниться человѣку, что он видѣл утопленника, сказал себѣ: „это на дождь“ и в самом дѣлѣ во снѣ же пошол дождь. Однако чаще сон дает лишь начало этого ряда. Сновидѣніе толкуется на яву, так что яв становится для нас продолженіем сна. Видѣнный во снѣ утопленник (v. мертвец, покойник) направляет мысль к дож-

---

[1]) Мое соч. Сл. о П. Иг. 84—6.

[2]) „Ховаючи втопленика поливають єго водою, щоб дощ був“, Ном. N 240.

дю (v. снѣгу). Дождь мог ити во время самаго сна, но если его небыло, значит он *будет*. Т. о. сновидѣніе, как и примѣта, есть не непремѣнно, а лишь преимущественно предвѣстіе будущаго. В широко распространенной пѣснѣ о королевичѣ сновидѣніе не предсказывает, а сказывает ему смерть жены и сына. Вопросы: как будущее, или, хотя и совершившееся, но отдаленное событіе может произвести сновидѣніе и как возникло сочетаніе, по которому мы толкуем сон, переходят уже в область критики.

Гаданье относится к примѣтѣ, как преднамѣренное наблюденіе к случайному. Примѣта может встрѣтиться на каждом шагу; вопрос о ея значеніи появляется послѣ того, как она замѣчена; уберечься от нея нельзя. Гадающій же начинает с вопроса, болѣе-менѣе произвольно выбирает мѣсто, время и образ (явленіе), по которому намѣрен судить о неизвѣстном прошедшем (на пр. кто сдѣлал?), настоящем (любит — нелюбит?) или будущем.

Настоящее, т. е. начало ряда событій, непосредственно предшествующее наблюденію, человѣк наклонен считать образом будущаго. На сколько это свойственно самым различным степеням развитія, видно из постоянно повторяющагося самообольщенія, состоящаго в том, человѣк поглощенный сильным чувством заполняет им все свое будущее, на пр. влюбленный убѣжден в своей любви до гроба, страдалец невидит и непредполагает просвѣта, что может повлечь за собою и практическія послѣдствія. Гаданье по началу извѣстнаго періода о далънѣйшем его теченіи есть *почин* [1]). Чѣм продолжительнѣе и важнѣе для человѣка період, тѣм знаменательнѣе его начало, тѣм важнѣе почин [2]). Этим одним, независимо прочих вѣрованій (Ао. П.

---

[1]) На пр. если первый покупщик долго торгуется, особенно если уйдет ничего некупивши, то купец весь день будет плохо торговать (Русс., Чеш. и пр.); если дашь первому покупщику в долг, будеш давать весь день и пр.

[2]) На пр. „кто первый стал на ковер при вѣнчаньи? чья свѣча раньше потухла“ и т. п.

В. III, 742—3) объясняется знаменательность начала периодовъ, обозначаемых годовыми праздниками, особенно периода, начинающагося с рожденія солнца, поворота его на лѣто. Рождественные святки — время гаданій (ср. между прочим Liebrecht Zur volkskunde 96), в том числѣ гаданій по почину о погодѣ и урожаѣ, на пр. какая погода в теченіе нѣсколькихъ дней перед Новым годом, такая будет перед Петром и Павлом; какая послѣ Н. г., такая при началѣ жатвы; в какой день пришлось Рождество, в такой начинают жать (Stecki, Wołyń I, 60—1 и т. п.); коли в кутью (v. на Рожд.) небо звѣздисто—богатый приплод скота, много ягод, урожай на горох; какова богата (24 Дек.) опока (иней) на деревьях, таков цвѣт будет на хлѣбѣ; на Рожд. метель—пчолы хорошо будут роиться и пр. (Даль, Посл.[1], 1002—4).

Вмѣстѣ с созданіем категоріи причины (propter hoc) из отношеній одновременности, послѣдовательности и сходства; вмѣстѣ с возникновеніем сознанія возможности дѣятельнаго участія воли в произведеніи слѣдствія, заключеніе от примѣты и гаданье может переходить в созданіе образа (т. е. умышленное видоизмѣненіе данных воспріятій) с цѣлью вызвать появленіе в дѣйствительности того желаннаго, что этим образом представлено. При убѣжденіи в возможности тождества отношеній причины и слѣдствія с одной стороны и образа и изображаемаго с другой, созданіе образа с упомянутою цѣлью может быть или *чарами* в тѣсном смыслѣ (когда образ желаемаго создается дѣйствіями, кромѣ слова, на пр. обсѣванье на Новый год), или созданіем поэтическим. Послѣднее, при упомянутом условіи, при вѣрѣ в непосредственную силу слова, есть или *заговор* (ср. мое соч. Мр. н. п. по сп. XVI в. 20—6) или величанье и его противоположность. Между этими формами могут быть сочетанія и посредствующія ступени.

Дѣйствительность (в миѳическом смыслѣ) обрядных величаній может увеличиваться от того, что они, как колядки, щедровки и волочебныя, соединяются с „полазом“ (см. выше) и заключеніем по почину. Само собою, что эти

пѣсни могут переживать время господства миѳическаго мышленія, сохраняя лишь ту практичность, которая составляет неотъемленное свойство поэзіи. Было бы ошибочно думать, что на сколько южнорусское племя превосходит другія славянскія обиліем и достоинством колядок и т. п., на столько оно отстало по умственному развитію.

Вѣра в непосредственную силу слова, как явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣм неменѣе колядка могла остаться при практическом значеніи другого рода, как пожеланіе (обычный припѣв „Ой дай Боже“ Гол. II, 18 сл.; 40, 603; IV, 14), как попытка водворить „въ человѣцѣх благоволеніе“ (припѣв

Біг ёму дав, гей Біг ёму дав,
Незаздростіте панове братья,
даст и вам

(Гол. II, 4; IV, 4, 6, 60=в свадебной Этн. сб. III, 240).

По всему этому не одна память о старинѣ, но и живая правда слышится в том, что колядники и волочобники, гости „педакушные“ (Шейн, Бр. п. 78, 93), „нечастые, калядные, угодные“ (ib. 47), называются любыми гостьми: „Любиї гости все колядничкы“ (Гол. IV, 2), серб. „добри гости колеђани“ (Кар. П. I, 116), болг. „Добри сме ти гостье дошли, добри гостье коледжане, Подобер сме глас (=вѣсть) донели (Качанов. Сб. зап. болг. п. 75—7).

За исключеніем христіанских и правоучительных мотивов и за немногими другими исключеніями, колядки изображают свѣтлую, желанную сторону жизни. Этим, кромѣ признаков формальных, каковы припѣв, заключеніе, они отличаются от нѣкоторых пѣсень, не только тождественных с ними по размѣру, но и, по крайней мѣрѣ мѣстами, приуроченных к святкам, как слѣдующая, интересная между прочим, своим отношеніем к нижеприводимой литовской.

„Эта пѣсня“, говорит г. Кохановская (Остатки бояр. пѣс., Р. Бес. 1861, II, 132—3) „заупыпно-святочная. Она

пѣвалась только на Рождественских святках, когда повечерѣет..., значит, именно в ту пору, когда начинались гаданья о суженом, о той сторонѣ, гдѣ быть замужем: близко ли, далеко ли, что узнавалось по лаю собак и пр.":

У мене молоденькой мати перóдна,
Эх-охо, эхти мнѣ!
Мати перóдна, мачиха злая: Эх и пр.
Шлет мене мати в темные лѣсы,
В темные лѣсы, в пустую-ту йзбу,
В пустую-ту избу, сырую рожь молоти.
А я сито смолола—куры пепѣли,
Я другое смолола—куры пепѣли;
А я третье смолола—куры пепѣли;
Как идет ко мнѣ мати черна-велика,
Черна-велика, косматыя ноги,
Косматыя ноги, желѣзныя роги,
Нос окóваный, хвост оторвáный.
Взяла мене мати за правую руку,
Повела мене мати за темные лѣсы,
За темные лѣсы, за крýтыя горы,
За крýтыя горы, за быстрыя рѣки.
А я лѣсы пшла со свѣчами,
А я лѣсы пшла со трубами,
А я рѣки плыла со слезами.
(Ст. Оскольск. у. (?) Кур. г.).

Литовская п., пошедшая несомнѣнно от одного первообраза с этою, неоставляет никакого сомнѣнія, что пѣсня разумѣет горестную, страшную судьбу быть отданной в замужество на чужую сторону", но только эту судьбу литов. п. изображает не в видѣ „великой, чорной мачихи" (Коханов., ibid.), а, что первообразнѣе, в видѣ самого суженаго. Она начинается со стиха=6-му см. русской:

Sumaliau rėtį samaliau antrą,
Liú – leiliú!
Vai asz iszėjau an didžio dvaro.
Nė auszra auszta, nė saulė teka,

Vai tik ateĩna jûdas kudłotas,
Jûdas kudłotas, szleiwas (?) wyžûtas,
Ir jis paèmė už bałtu ranku,
Vai ir nuvedė in žalę girę:
Te nauji dvarai, balti pakajei.
Ir pasodino už bałto stało,
Vai ir papylė aukso, sidabro.
„Vai man ne mėla auksas, sidabras,
Vai tik man mėla tèwas-mocziutė,
Tèwas-mocziutė, brolei-sesutės!“
—Vai cit, neverkė, jauna mergele!
Vai tu turėsi deszimts sługeliu,
Deszimts sługeliu, deszimts vargeliu!“

(близь Ковна, Lit. Volksl., gesamm. v. Leskien u. Brugman, 139).

[=Смолола сито, смолола другое, Ой я вышла на широкій двор: Ни зоря зорѣет, ни солнце всходит, Ой только приходит чорный кудлатый (?) (szleiwas?) в лаптях, И он взял за бѣлу руку, ой и повел в зеленый лѣс, Там новый двор, свѣтлые покои; И посадил за бѣлым столом, он и насыпал золота-серебра. „Ой мнѣ немило золото-серебро, а только мнѣ мило отец — матушка, братцы сестрицы:“—Ой молчи, неплачь, молодая дѣвица: Ой будет у тебя десять слуг, десять слуг, десять лих (горь, печалей)].

Это „десять лих“ (daszimts vargeliu) есть противоположеніе, производящее такое же дѣйствіе, как в русс. п. „со слезами“, „со трубами“ предыдущих стихов. На заимствованіе из русс. указывает в литовской пѣснѣ припѣв „liú—leiliú“ (=вью—лелю, ой лелю, Объясн. мр. п., I, 19—20, 30), относящій эту пѣсню к весенним дѣвичьим. Вліяніе того же припѣва (ой лелю) и того же разряда пѣсень я вижу в припѣвѣ колядок мр. „ой лелія“ (Гол. II, 33; мое Сл. о П. Иг. 127); в бр. колядкѣ, под вліяніем перваго стиха, в котором упомянуто море, тот-же припѣв отождествляется с *лелъяти*, волноваться (мое Сл. о П. Иг. 95):

Там на море, ды й на сінінькім,
Лелея вода на море!
А плывець, плывець, ды вуточек стадо...
(Шейн, Бр. п. 122).

Что этот послѣдній припѣв заимствован из весен. или лѣтней п., видно из того, что во второй половинѣ той же колядки вмѣсто него стоит припѣв „Червона рожа ў городзе", взятый из купальской п. (весняики), Шейн, ib. 151; поль. oj lelom, lelom (лелю-м, Kolb. Lud, V 233, 237), hej leluja Žeg. Pauli, P. l. P. 3–5), за тѣм—сліяніе с христіанским „алилуя" в поль. (Kukułeczka zakukała halelujа! Kolb. ib. 237) и мр. (Ялилуй, гей ялилуй, Господи Боже помилуй, Гол. II, 3, 8—10, 12—3, 41—52). От „ой лелю" идет припѣв литовских колядок „wai łału", откуда *łałauninks*, колядовщик (Объясн. мр. п. I, 20). Измѣненіе *ле* в *ła*, как в діалектич. лит. ladus (с l?) лед, lawas лев. Уже из литов., именно от łału-m (лелюм) идет припѣв бр. колядки „да лалым, лалым, гей лалым" (Безс. Бр. п. 15—6). С другой стороны от того же „ой лелю"— восклицанія, с которых начинаются румынскія колядки „Oĭ—leroĭ", d'aĭ—leroĭ и пр. (Веселовск. Разыск. VI—X, 227 и сл.). Рум. *r* из *l*, как в *sare*, sal, *sore*, sol и мн. др. Вопрос: „Грузинское названіе рождественскаго славленія: *алило* нестоит ли в связи с румыно-славянским припѣвом колядок: oj lelom d'ai-lerom и т. д.?" (Вес. ib. 435) так и остается вопросом.

Сравненіе ю.-вр. пѣсни с литовскою относительно припѣва, дает мѣсто догадкѣ, что „эх-охо, эх-ти мнѣ", которое, по выраженію г. Кохановской, „стоном проходит по всей пѣснѣ и надрывает вам сердце невыносимою тоской", равно как и припѣв бр. весенней, неособенно печальной п. „да эх вох, вох, да вохці мнє" (Шейн, Бр. п. 168) есть замѣна междометія *леле*, по недоразумѣнію поставленнаго вм. *лелю* (Объясн. мр. п. I, 20). Сравненіе той и другой по содержанію заставляет меня думать, что предположеніе, будьто русс. п. изображает судьбу в видѣ „великой черной мачехи" повліяло на измѣненіе самого чте-

нія этой пѣсни, и что слѣдует читать так:

9 Как идет ко мнѣ, мати, чорно велико,
Чорно, велико, косматыя ноги . . .
13 . . . Взяло мене, мати, за правую руку,
Повело мене, мати, за темные лѣсы,

так что „мати“ есть не именительный, с коим согласовано „чорна велика“, „взяла“, „повела“, а звательный, выражающій ужас (как в подобных случаях в малорусс. „матінко моя!“, „батечко!“), когда пришло что-то чорное-великое, взяло за руку, повело. Это нѣчто, как и в лит. и. было не мать или „мачеха-судьба“, а суженый.

IV.

Колядники будят (v. „ластівка“, „соловей“, „зозуля“ будят) **господаря и сказывают ему „радость“ на дворѣ** (v. „на оборі“).

Начинаю с этих двух мотивов („будят“ и „радость на дворѣ“) не потому, чтобы они непремѣнно были болѣе древніе и основные, чѣм другіе, а потому, что они находятся в связи с чертами уже упомянутыми выше. Вообще порядок, которому я буду слѣдовать при обозрѣніи мотивов, по необходимости, будет представлять много произвольнаго.

A. *Кол.*

Ци спиш, ни чуеш [1]), господареньку,
А встань же, а встань же д' горі;
Люба ти радість на дворі!
Господареньку, на имя Йване!
Підведи свою чом головоньку,
Побуди свою чом челядоньку,
Най си походит по світонькови,
Як яри пчілки по цвітонькови!
Кличе тя Господь на порадоньку!
На обороньці любая радість,
Любая радість, Божая милість:
Корови ти ся та положили [2]),

---

[1]) *Ци чуеш*, м. б. не только слышишь ли, но и „бодрствуешь ли“. Так в стар. поль. (Bibl. Zofii) *czuć* — czuwać (бодрствовать), *czucie* — czuwanie; „ty śpisz, a szczęście *czuje*“, Krasic., бодрствует за тебя.

[2]) *ся положили*, потелились. Ср. о женщинѣ „у полозі лежаті“ (на пр. Гол. II, 11), поль. być w połogu.

Все по бикови, по чабанови [3]);
Кобили ти ся пожеребили,
А все коники білокопиті [4]);
Овечки ти ся та покотили,
Все баранчики круторіжкі,
Рої ся тобі та пороїли,
Та пороїли, попароїли!
(Тышевница, Стрыйск. окр. Гол. IV, 14).

В сходной кол. Гол. II, 15—6:

...Покажи личко та в оконічко
А з оконічка на подвіречко:
В тебе на дворі радість Божая,

что ср. с бр. волочобною:

Дзень добры! здароў, пане гаспадару!
Ці ты спіш, ці ты так ляжиш?
Я скажу табе нову навіну,
Адчині вяршок, паглядзі ў хлявок,
Што ў тваем хлеве праявілося:
Дзевяць каров ацялілося,
А дзесятая на уме [5]) стаіць

(Шейо, Бр. п. 93; ib. 95—6: „пригода стала, праявілася", „праява стала"; Безс. Бр. п. 10: „на канюшнічке божая ява (=божее яво) ... праявілося").

С мр. щедровками сходнаго содержанія и размѣра 4+4 (см. ниже под В и Г) накодятся в связи серб. и болг. колядки:

Добар вече, *коледо!* домаћине,
коледо!

---

[3]) *по чабанови*, вѣроятно, первоначально — по быку, пастырю стада, поль. czaban, большой подольскій вол.

[4]) *білокопиті* — см. ниже серб. путоног. Седьмой ст. „кличе..." мог бы быть выпущен с пользой для единства, т. к. он внесен из другого мотива „Бог (v. царь, пан, войт) кличет на совѣт v. на честь".

[5]) „На умѣ стаяць" ср. серб. *наумити*, возъимѣть намѣреніе, собраться.

Затекосмо, где вечера,
На трпези вино пије.
Твој говедар код говеда.
Краве ти се истелиле,
Све волове витороге;
Кобиле се пождребиле,
Све кобиле путоноге [1]);
Овце ти се изјагниле,
Све овчице свилоруне . . .
(Кар. П. I, 114) *).

Болг. кол.

Стани ине, господине!
Спиш ли, спиш ли, разбуждайсе
(v. Заспал ли си, разбуждайсе,
Піян ли си, растрезнуйсе).
Добри сà ти гостье дошли,
Добри гостье, коледжане,
Подобар [2]) глас ти донели:
(Стани горе, поглед ине,
Какви ти сме госте дошли):
Овчици ти (овци ти се) . . .
. . . изъягнили,

---

*) Того же типа (ср. выше „Побуди свою челядоньку") обращеніе к хозяйкѣ „на Иванъски вечер" (23 Іюля):

Станте горе млада госпа,
Јобудјајте все дивојке,
Ка почешу жуте 'ласи,
Ка сплетеју бибер ките,
Ка донесу хладне воде,
Ка закуру жари огеи,
Ка помету биле дворе,
Ка подоје шаре краве . . .
(Kukuljević, Dela IV, 255).

[1]) Серб. *путоног*, болг. *пàтоног*, ср. выше мр. білокопитий. Т. к. в конѣ это хорошая примѣта, то серб. „човјек путоногаст у све четири", ein verteufelter mensch (im guten sinne), versutus, insignis (Кар.).

[2]) Хорошо гости пришли, а еще лучше вѣсть принесли.

Се (=все) овчици ваклушати . . . [2])
Кравици се истелили
Се кравици бѣлобоки (=бѣлопахи);
Кобилки се ждребили,
А конёвци нàтоножки [1]);
Кошарци [3]) се изроили . . .
. . . Стани нине господине
(Тебе пѣем (поем), Бога славим)

(Качановск. Сб. зап. болг. п. 75—80, NN 6—10, 13—4).

„*Стани нине*". В мр. колядках начала, сходныя с вышеприведенным „ци спиш, ци чуеш?", на пр.

Ци спиш, ци чуеш, пан господарю?
Ой як же ти спиш, то Біг с тобою,
(Ой як же не спиш, промов зо мною),
Та підведися головонькою . . .
. . . Вияви личко на оковічко . . .

(Гол. II, 34, 22; ср. Шейн Бр. п. 43, 45, 87, 96, 105—6);

Ой *устань*, газдо, та не твердо спи,
Та вийди ж собі на подвіречко (Гол. II, 15),

свойственны колядкам не только этого содержанія, но и другим.

Поэтому такія обращенія, лишенныя связи с дальнѣйшим содержаніем колядок, становятся припѣвом, как бы формальным опредѣленіем категоріи этих пѣсень: „Ци чуеш и пр." (Голов. II, 35, 56, 76, 77, 80); „*Встань горі!* дав ти Біг добрі у твоїм дворі! Встань горі" (Гол. II, 8). То же начало в хорв. колядкѣ: „Vzstante gori, gospodar" (Kurelac, 293); ср. в моравской:

O spiš-'i ty, hospodaři, či čuješ?
Či-'i nam ty koledničku hotuješ?
(Sušil, 748, 746).

В виду этого, а также и того, что слова здѣсь соотвѣтствуют дѣйствительности, что колядники на пр. в болг. будят хозяев, стуча палками в двери (Милад., 521; Ка-

[2]) *вакли* (тур.), мр. *вакиристий*, баран v. овца бѣлая с черными ободками около глаз. [3]) ульи.

равел., 277), вряд ли можно усумниться в том, что начало болг. колядки „стани нине“ есть не что иное, как „въ(з)стани нынѣ“. Это очевидно и из того, что вмѣсто этого встрѣчаем и „стани горе (как в мр. и хорв.), поглед нине“ (Качан. 77) и

Стани *сега* (=нынѣ), господине,
(Карав. 213).

Излишне было бы останавливаться на этом, если бы здѣсь мы неимѣли пред собою поучительнаго случая того, как вывѣтривается вещественное значеніе слов.

Сначала „стани нине“, еще без всяких звуковых искаженій, становится запѣвом (в смыслѣ формальнаго опредѣленія) и таких колядок, в коих говорится не о хозяинѣ, или если и о нем, то в третьем лицѣ, на пр.

Стани нине, господине!
Ой коледо, мой коледо!
Замжчи ся Божя майка
От Игната [1]) до коледа,
Та си роди млада Бога . . .
(Карав., 277);

Стани нине, господине!
Джелеп Неё вино піс и пр.
(Качанов., 78).

Стани нине, господине!
Царь ми Стефан церкви гради . . . (ib. 87).

Затѣм, вслѣдствіе такого обобщенія, а может быть и потому, что мѣстами вышло из употребленія слово „*нине*“ (нынѣ), все выраженіе сливается в одно слово, или по частям подвергается звуковым измѣненіям и ошибочным толкованіям. М. С. Дринов, приводя колядку о чудѣ Св. Николая, начинающуюся так:

---

[1]) 20 Декабря, когда бьют свиней к Рождеству и когда начинаются поздравленія: „Прийдут родные и знакомые посмотрѣть, жирна ли свинья и скажут: „честита ви коледа и до година със здраве!“, на что хозяин: „и вам честито за много годин“ Карав. ib.

Станенине господине,
Дане бане, Дан войводо!
Сабрале сѧ 'сн светіе и пр.

замѣчает, что тамже, в Панагюрищѣ и нѣкоторыя другія колядки начинаются тѣми же двумя стихами, при чем произносится именно так: „станенине“ а не „стани нине“ (Периодич. спис. на Бълг. книж. друж. год. I, XI—XII, 157). Кстати замѣтить, что и имя *Дан* (обычное у Болг., Милад. 529, Карав. 294; женское Дана), по всей вѣроятности, было нѣкогда именем величаемаго, стало быть вставным, случайным, и за тѣм уже вовлечено в формальный запѣв и стало постоянным. Отчасти сходно с этим сербская пѣсня, о которой будет рѣчь ниже, из величальной, которая была обращена к нѣкоему *Даничичу Юрью*, а могла бы быть обращена и к другому, приняла облик исторической про этого Юрья (Vienac, 134—5). М. б. самое прозвище *Даничић* есть собств. *Данићић*, т. е. не от Даница, а от patron. *Данић*, предполагающаго тоже *Дан*, что в болг. колядкѣ. – Б. м. под вліяніем этого сочетанія („станенине . . . бане . . . войводо“) самое „станенине“ принимается за какой-то почетный титул величаемаго лица,

Стане Нине господине!
Чуле сме тя, тѧ сме дошле:
Имаш сина златнокоса . . .
Дай го, дай (го), Стане Нине . . .
. . . Стане Нине отговоря . . .

(Милад., 116.)

Это есть колядка, как видно из сравненія с коляд. у Качан. 79:

Станинине господине,
Дане бане, Дан војводо!
Имаш сина Михаила и пр.

В слѣдующей колядкѣ как *како* есть зват. п. (кака, sorar, Mikl. Gram. III, 182), так Нино, из „нынѣ“, принято за зват. собственнаго им.

Стани Како, дай колако [1]),
Стани Нино, дай крендиро! [2])
(Качан. 76).

Под вліяніем такого пониманія самими пѣвцами, и записыватель пишет:

Станянине господине,
Стани горе, поглед, Нине,
Какви ти сме госте дошли (ib. 77).

Подобным образом в Лазарских пѣснях (на 6-й или 5-й недѣлѣ В. Поста, Каравелов 202; 197; Милад. 523; у Сербов Лазарице под Лазареву субботу, Кар. Рјечн. s. v.), находящихся в связи с колядками и бр. великодными как по содержанію, отчасти и по формѣ, так и потому что самое имя евангельскаго Лазаря сближено с *лазити* (см. полаз; серб. „Лази, лази, Лазаре“, Кар. Рјечн.), находим:

Стамянине, домакине!
Тука ли си, или не-си?
Ако спіеш, разбуди се,
Ако піеш, весели се,
Оти идàт мали моми,
Мали моми водичарки . . .
(Милад. 502).

Подобная форма осмыслена сближеніем со *смиль* gnaphalium arenarium в лазарском величаньи холостому:

Смилянине, лудо дете!
Смиль ти пояс половина,
Сен(?) [3]) ти, лудо, убавина!
Што ти лице овенало?
Што ти уста потгорела?
Иль де-ка си неженето?
Ти си имаш мили татко,
Тебе младо пека женит:
Мома има у комшіи (ib. 502).

---

[1]) Колачь?

[2]) Чарку т. е. ракіи (кропдир, кропдил, Милад. 535).

[3]) *Сѣнь*? серб. *сјен*, м. umbra.

Поводом к такому сближенію могла послужить величальная пѣсня тому же:

А юначе, смиляпиче [1]),
Лазаре!
Смиль ти киска подгорела,
Над очи-те, над вежи-те.
Аль се мислиш да се жениш?
—Сум смислило, сум свършило,
Туку ми е на далеку:
Преку река Венетика . . . [2]) (ib. 487).

Б. „*Стани*“ (=въ(з)стани) колядок дает повод упомянуть здѣсь о серб. и болг. весенних величальных, впрочем отличных от разсматриваемой по главному содержанію, в коих уснувшаго будит мать, жена, муж, Христос. Эта послѣдняя черта б. м. послужит одним из оснований предположенія, что и вообще мотив „въстани“ идет от легендарнаго посѣщенія дома христіанскими святыми, чего я не дѣлаю.

Болг. Лазарская веспяночнаго размѣра (см. Объясн. мр. п. I, pass.):

Заспало [ми] е детенце
В позлатена люлъчица.
Мама-му го будеше:
„*Стани* [ми], стани, детенце,
Да си видиш Лазаря,
Как хубаво лазар'ва:
Шити поли развява,
Жлъти чехли потроп'ва
(Карав., l. c., 205).

---

[1]) Обращеніе в родѣ мр. „Ой ти козаче, хрещатий барвінку“. В болг. п.: завяла твоя „квітка“ (мр. = болг. киска)—пора жениться.

[2]) Вліяніе серб. пѣсень, в коих завидная невѣста—„преко мора“ „танана Латинка“, „мила шћерца дужда од Млетака“.

Серб. Кралицкая:

Заспала госпоѣа под жутом пеpанджом,
Господар је буди, у очи је љуби:
„Устани, госпоѣа! Кралице су дошле!
„Дај да дарујемо . . .“ (Кар. П. I 103);
Господар госпоѣи на крилу заспао.
Госпоѣа га буди, у очи га љуби:
„Устај, господару! Сабла ти се вади,
„(Сабла ти се вади) на три нова града.
У три нова града—три спиджира робла (ib.).

Болг. Лазарская (4+4):

Успàл ми е владика
Ристо—Богу на колена.
Ристос ми го скориваше:
„Стани, стани, а владику!
„Ето ти сѐ (=сж) Лазарице . . .
(Милад. 490).

В. „*Ластівка*“ будит:

а) Колядка:

Ой ластівонька та прилітає,
Ой дай Боже!
Господаренька та пробуджає:
„Ой устань, устань, господареньку,
„Побуди свою всю челядоньку,
„Та пішли же їх по обороньках,
„Чи ся коровки та потелили

и пр. сходно с А (Голов. II, 32; щедровка ib. IV, 11; ср. бр. волочоби. Безс. Бр. п. 8).

б) Щедровка:

Прилетіла ластівочка,
Сіла собі під віконце,
Стала вона шьебетати . . . :
„Ой встань, кгазда! Божа милість,
„Божа милість, твоя радість!
„Коровки се вположили и пр.

(Купчанко, П. Буков. н., З. ю.-з. отд. Геогр. О. II, 382; ср. Метл. 341—2; Чуб. III, 454—5, 459—60).

Г. „*Зозуля*“ будит:

а) Колядка у Голов. II, 78, N 12, кромѣ припѣва, представляет сочетаніе трех различных мотивов, недостаточно объединенных и по размѣру, который колеблется между 6+6 и 5+5. Запѣвом служит видоизмѣненіе пѣсни о ремезѣ (см. Объясн. I, 251—61) с колядным припѣвом: Кукала зазуля в селі в садойку,

Світає, ей світає,
рано, ранейко
Світле сонечко сходжає!

... Стала ся томити, де ма'т гніздо вити?

Небезопасно ни при дорогѣ, ни при потокѣ; лучше „па вишнім садойку“. Здѣсь переход ко 2-му, разсматриваемому здѣсь мотиву:

Та я си буду рано кукати,
Рано кукати, газду зобуджати:
„Вставай, газдо, горе, білий день на дворе,
„Стала ти ся радість на твоєму дворе:
„Коровиці ти ся всі положили,
„Сиве стадейко та породили

за тѣм стихи чуждые этому мотиву:

Час вам, волойки, орати горойки,
[А] вам коровиці, у ліс до травиці,
Вам, невістойки, носити істойки,
А вам дівойки, в ліс по травойки.

б) Кол. дѣвицѣ, Гол. II, 77—8. Дѣвица слышит кукушку. Ей хотѣлось бы имѣть саблю, чтобы вырубить лѣс, поймать кукушку, посадить ее в свой сад,

Жеби она мі ранейко кукала,
Ранейко кукала, газду зобуджала:
„Встань, газдо, горе [1]), білий день на дворе!

---

[1]) Поправка к Объясн. мр. п. I, 177: с этим горе=*горѣ* (дат. ед.), а не с *горѣть* м. б. связано поль. „gwałtu, *gore!*“ (при пожарѣ).

„Встань волойкім дати, час пійти орати...

Отсюда переход к особому мотиву: изображенію будущаго урожая и сбора.

в) Мр. щедровка, сходная с Вб, предполагается, по видимому, польскою (Kolb. Lud V 237):

Kukułeczka zakukała,
haleluja!
Gospodarza przebudzała:
„Powstań, powstań, gospodarzu,
„Pochodź, pochodź, po oborze,
„Bo w oborze Bóg dał dobrze;
„Krowisia się omnożyła,
„Parę wołków położyła...

Отсюда переход ко 2-му мотиву (злоторогіе волы и пр.), к 3-му (оранье):

Zawadzili (плугом) pierwszą skibę,
Wyorali złotą bryłę.

Отсюда — к 4-му, возникшему под вліяніем колядок о дѣвицѣ, золотой рясѣ и кузнецѣ (см. ниже)

Każ to złoto podziejemy?
Do złotnika zaniesiemy.

Он сдѣлает чашу, из которой будет пить Христос и Богородица, и когда эту чашу внесли в церковь (5-й мотив),

Same świece zaświeciły,
Kielichowi rade były.

Д. *Соловей* будит. С таким началом — болг. „лазарска“ (Милад. 405):

Позаспал ми цар Костадин,
На сопе-то му е дошло,
Му е дошло малко пиле,
Малко пиле бильбильче,
Да му веле ем говори:
„Стани, стани, цáр Костадин!

Его зовут мастерá строить монастырь, церковь св. Георгія,—мотив, напоминающій мр. колядку:

Колядники будят господаря, чтобы он *сосчитал свои*

деньги и распредѣлил их *на колокола, образа, ризы* и *свѣчи* (Гол. II, 22—3).

Русских колядок с мотивом „соловей будит“ невстрѣтилось, но вообще это мотив древній и распространенный. Соловей пѣснью сказывает зорю, разсвѣт („соловіи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдають“, Сл. о П.); он *будит мир*, откуда **Будимир*: „Соловей Будимировичь“ (собств. соловьевичь, как „орел орловичь“) должно было быть прозвищем птицы, прежде чѣм стало именем былиннаго лица. См. мое Мр. п. по сп. XVI в. 35, а также слѣдующее:

Свадебн. бр. (Шейн, Бр. п. 346):

Паліталі два салавейкі,
абыдва рабенькі,
Пабуджалі маладу Рыпінку
з белай ложи:
„Устань, устань, малада Рыпінка
з белай ложи:
„Уже твой стары на двор узъіжджаіць
(Шейн, Бр, п. 346).

Вр. *свадебная* „Небыло вѣтру“. Бояре приломили сѣни, раздавили чару, выпугнули соловья из саду. Невѣста причитает:

Свѣт-то мой соловей из саду!
Ктож меня рано будить буде,
Рано будить, поздно утѣшать?
(Шейн, Р. п. п., 461, 458; Объясн. мр. п., I, 8).

В мр. свадебной невѣста просит:

Дай же мені, мамко, соловъятко,
Що би мені раненько щебетало,
Що би мене раненько побуджало . . .
(Гол. II, 112—3).

В мр. веснянкѣ:

Ой в бору, бору, у борку,
Та будує мій миленький комірку.
„Будуй, мій миленький, комірку,
„А вибудуй вікопечко й кватирку,
„Щоб до мене соловейки прилітали

„Щоб мені хорошенько щебетали
(Чуб. III, 146).

В болг. п. соловей предлагает дѣвицѣ заклад: „если ты меня перепоешь („надпѣешь"), отрѣжешь мнѣ ноги и крыльца; если я, то тебѣ — косу. Дѣвица выигрывает, но прощает соловья с тѣм, чтобы он из своих птенцов дал ей двоих: одного—чтоб усыплял ее вечером, другого—чтобы будил утром (Dozon, 96, N 58, 59).

Время дѣйствія в разсмотрѣнных колядках есть не зима (которая вообще в колядочных мотивах неоставила почти никаких слѣдов), а начало весны; и не ночь, а разсвѣт. Сочетаніе разсвѣта (зори) и радости, которую в это время сказывают колядники или раннія птицы, дает повод поставить рядом другой мотив, в котором тоже является зоря (хотя и не в смыслѣ разсвѣта) и радость.

V.

Зоря (утренняя звѣзда) **зовет, сказывает вѣсть, радость.**

Мр. *зоря* значит: а) тоже, что ст. сл. вр. *заря, зоря*, именно = литов. auszra, aurora („зоря погоріла"); б) утренняя и вечерняя звѣзда, венера и вообще звѣзда. В свад. пѣснѣ *зоря*, venus, источающая росу (=слезы) и служащая образом невѣсты, оплакивающей свое дѣвство, названа „походющая":

Походющая зіронько,
Ти Маріню дівонько!
Всі двори сходила,
Слізоньки невронила,
А на батьків двір прийшла,
Та й стала подумала,
Подумавши заплакала (Гол. IV, 159).

Так и в серб. утренняя (даница) и вечерняя звѣзда есть по преимуществу „звијезда *прѣходница*", что предполагает ст.-сл. *пръходьня*, ст. русс. *переходня*, lucifer, hesperus и вообще πλανήτης [1]). Нѣт нужды считать эти названія переводом с греческаго, как и самое знаніе различія между неподвижными и переходными звѣздами может быть независимо от книжнаго вліянія.

Видимая по временам близость звѣзды денницы (лит. auszrinė) и мѣсяца и их удаленіе друг от друга понима-

---

[1]) „Сифъ ... сотвори имена звѣздамъ и с (=пяти) переходень (род. мн.) знаемомъ быти чякы: первую нарече Кронъ, в-ю Дия, г-ю Арея, д-ю Афродитъ, ѕ-ю Ермій, XVI в., Поповъ, Обзоръ хроногр. I, 6; „Кронъ нареченъ бывъ отъ Дамия отца своего во имя переходныя звѣзды", ib. 12; „роди дщерь именемь Афродита, во имя переходныя звѣзды" ib. 13.

лись у Славян и Литвы, как их любовное свиданіе и брак, за тѣм — ссора и разлука [1]), что находится в связи со слав.-литов. отношеніями мѣсяца и солнца и с индоевропейскими солнца (мужчины) и зари (=aurora, ушас). Между прочим пѣсенное сближеніе „зоря ждет мѣсяца“ (=дѣвица козака, опоздавшаго на свиданіе, Костомар. l. c.; Метл. 118) основано на сказаніи о звѣздѣ денницѣ и мѣсяцѣ, принадлежащем ко многочисленному роду сказаній о семилѣтнем (10-и лѣтн.) ожиданіи (resp. исканьи) женою мужа (Одиссей и Пенелопа, Добрыня, турецк. Ашик-Кериб):

„Мој бисере, ја те чекат нећу!“
—Срмо моја, зар ме чекат нећеш?
Даница је чекала мјесеца
За горицу седам годиница,
А ти мене нећеш ни годину,
Ни годину и ке половину!
(Кар. Пјес. из Херц. 112).

Любовное свиданіе зори и мѣсяца служит образом молодых „на посаді“ в превосходной свадебной пѣснѣ, уже упомянутой выше ради сближенія „освітимо“=„звеселимó“:

Слала зоря до місяця:
рано, рано!
„Ой місяцю, мій братіку,
(=мій товаришу)
ранесенько!
„Незіходь же ти раній мене,
„Изійдемо обоє разом,
„Освітимо небо й землю:
„Острахнеться звірь у полі
„Та зрадується гість у дорозі!“
Слала Маруся до Йвасечка:

---

[1]) Относящіяся сюда ссылки см. между прочим в моем соч. О мно. зн. нѣкр. вѣров. 227—9; Аоан. П. В. I, 75—8; Костомар. Ист. зн. южнорусс. пѣс. тв. Бес. 1872, IV, 38—47; Сумцов, О свад. обр. 51—6.

„Ой Ивасю, мій друже вірний!
„Несідай же ти („на посаді") раній мене;
„Обсядемо обоє разом,
„Звеселимо отця й неньку
(v. „два двори разом")

(Метл. 183—4; Чуб. IV, 112, 156—7; ср. Голов. IV, 300). От той разновидности сказанія, по которой измѣнникомъ, разрушителемъ счастья является мѣсяц, происходит запѣв пѣсни об (ожидаемом) бракѣ, несчастном по винѣ мужа. Установленіе связи между этим запѣвом и главным содержаніем может быть предоставлено пониманію слушателя (простое сопоставленіе того с чѣм сравнивается и сравниваемаго, Объясн. мр. п. I, 246—7, 266—7), на пр.

А. „Зоря ясна[я], чом несхóдила?
„Чом місяця недогóнила?
—Як (же) мені рано схóдити?
Як (же) місяця догóнити?
(т. е. невозможно)

—

За лугами за зеленими,
За садами за вишневими
Лежав шлях (та) дороженька
Широкая та й убитая,
Слізоньками та прилитая . . .
. . . Там дівчина умивалася . . .
. . . Красотою вихвалялася:
„Крáсо моя, та прекрасная!
Кому, крáсо, та достанешся;
Чи сотнику, чи полковнику . . .
. . . (А) чи тому, та несуженому,
Що в шúнок йде—наряжається,
А з шúнку йде—пъян валяється,
Велить мені . . . раззувати (ся) . . .
(Чуб. V 495).

За тѣм отношеніе представляемаго и представленія (символа) измѣняется сходно со случаями превращенія символа в обстановку (Объясн. I, 161, 179—80), именно: обо-

значаемое изображается как воспріятіе главнаго лица, дѣйствующаго в символѣ, т. е. зори:

Б. „Ти зірочко, ти вечірняя!
„Чом ти рано незіхóдила,
„Чом місяця недогóнила?
—Ой я рано изіхóдила,
И місяця да догонила;
Ой тим же я [та] забарилася,
На дівчину задивилася:
Ой на морі та на спнёму,
Там дівчина та купалася,
Морским милом умивалася,
В ясне люстро [ви](о)глядалася,
Своїм личком красувалася:
„Личко ж мое та билесеньке . . .
(и пр. сходно с А.), Чуб. V, 579—80.

Эти пѣсни по запѣву и главному содержанію (ровня—неровня) неотдѣлимы от слѣд. серб., в которой весняночный размѣр 4+3 весьма умѣстно переходит в свадебный 4+4+5 (ср. Кар. Пјес. I, 35 et pass.):

Текла зв'језда даница,
Да претече мјесеца.
Неморе га претећи,
Док заједно заћоше
За високу планину,
За зелену горицу,
За студену водицу; (=аж)
На водици дјевојка
Црпа, лева водицу
Са злаченом маштрафом [1])
И бијелом ручицом.
Ту долази стар на коњу, стара делија:
„Божја помоћ, дјевојчице, бјела румена!
„Хоћу ли ти доћ' помоћи црпат' водицу?"
—Иди с Богом, стар на коњу, стара делијо!

[1]) Кружкою.

Волим сама и до ноћи, нег' с твојом помоћи.— 17—27 = 1—11; 28=12 ... млад ... млада; 29—30= 13—14.

31 Добро дош'о, млад на кону, млада делијо!

Дођи мени ти (те, ет?) помози црпат водицу.—

Сказаніе, по которому виновница ссоры — денница, стало запѣвом серб. п. о раздѣлѣ и ссорѣ двух братьев, при чем форма связи запѣва с пѣсней таже, что в мр. и серб.: „звѣзда видит, что ...“ [1]):

Мјесец кара звијезду даницу:
„Ђе си била, звијездо данице?
„Ђе си била, ђе си дангубила?
Даница се њему одговора:
„Ја сам била, ја сам дангубила
„Више бјела града Бијограда,
„Гледајући чуда великога,
„Ђе дијеле браћа очевину,
„Јакшић Дмитар и Јакшић Богдане
(Кар. П. П, 629).

Слѣдующая болг. п. берет для запѣва соотвѣтственное этому сказаніе о ссорѣ солнца (женщины) и мѣсяца (ср. „солнце бранило мѣсяца“ в лот. п. Спрог. 311, Mannh. Lett. Sonnem. Z. f. Ethnol. VII, 77). Они согласились (из другого сказанія взято что они бились об заклад, „се облогве'е“) взойти и зайти разом, но мѣсяц опоздал, впрочем не по своей волѣ, как в литовской п. „Saulužė ank-

[1]) Ниже будет подробнѣе разсмотрѣна эта форма запѣва. Здѣсь же лишь предварительно замѣчу слѣдующее. В настоящем случаѣ имѣется переход от отношенія сходства (звѣзда=дѣвица) к отношенію „звѣзда видит, что ...“; но послѣднее может возникнуть и из других отношеній. При том звѣзда может смотрѣть и не на дѣвицу. Поэтому считаю ошибочным слѣдующее заключеніе от данных пѣсень к свойствам зори, как миѳическаго образа: „звѣзда как существо женское, обнаруживает особенное *любопытство* по отношенію к звѣздам; на пр. „зірочка ... на дівчину задивилася“, Сумцов, О свад. обр. 56.

sti kèlès, Mènužis atsiskyrè"), а потому, что, как зоря в серб. и ниже в мр. п., заглядѣлся на великое чудо:

Сънце и месец ми се облогве'е:
„А егиди [1]) ясна месечино!
„Обев еднош [2]) міе л'угреиме,
„Обев еднош міе да зайдиме!
Сънце угреѧ рано на утрина,
От утрина до ручега [3]) дойде,
Тога угреа ясна месечина.
„Чекай, чекай, сънце невѣрниче!
„Али 'вака вѣра си държало?
„„Обев еднош ке си угреиме,
„„И пак обев ке си зайдиме!““
И говори она лепо сънце:
„А егиди, ясна месечино!
„Не се греит, мори, на пладнина,
„Тук' се греит, мори, на утрина!"
И говори ясна месечина:
„А егиди сънце невѣрниче!
„Неугреаф рано на утрина,
„Зашт' си гля'аф голема унера" [4]).

Это великое чудо—, что родила вдовица богатыря (Секулу), который на 4-й день по рожденіи поѣхал на свадьбу к своему дядѣ Янкулу, убил Ламію (змѣя), заложившую всѣ пути, освободил из ея чрева три свадебных поѣзда, провел дядиных сватов туда и назад и за тѣм пригласил их к себѣ на крестины (Милад. 79 сл.). Т. о. здѣсь запѣв связан с пѣснью не отношеніем ссоры свѣтил ко главному содержанію пѣсни, а лишь послѣдним стихом: „зашт' си гля'аф голема унера".

За сим перехожу к колядкам.

---

[1]) Серб. (тур.?) *ћиди*, прекрасный.

[2]) Или „обе в еднош", а ниже не „обев ке си зайдиме", а „обе ке . . ."?

[3]) Обѣд.

[4]) Чудо.

A. Ішов перейшов місяць по небі,
Та стрівся місяць з ясною зорею.
„Ой зоря, зоря, де в Бога була,
„Де в Бога була, де маєш стати?“
—Де маю стати? В пана Івана,
В пана Івана, на ёго дворі,
На ёго дворі, а в ёго хаті.
А в ёго хаті та дві радости:
Першая радость—сина женити,
Другая радость—дочку 'ддавати!—
(Žeg. P. I, 10; Чуб. III, 415).

Что отношеніе начальнаго образа (мѣсяц и зоря) к двум радостям величаемаго основано не на одном сближеніи „освѣтить — возвеселить“; что этот начальный образ не есть лишь формальный запѣв, но что он есть часть самаго содержанія; что зоря здѣсь скажет радость хозяину, м. б. разбудивш него, как будят колядники или пѣнье птиц на зорѣ: это можно вывести между прочим из других пѣсень, в коих деница вызывает перед двор, сказывает вѣсть, будит, хотя и невсегда на радость, принимает порученія:

Дан осване и ограну сунце,
И даница на исток изиђе,
Преодница ведро небо пређе,
Надводи се над Ерцеговину
Пак *дозива* Ерцега Стефана:
„Изиђ пред двор Ерцеже Стефане!
„Ево теби три књиге стигоше“.
(Кар. П. I, 556).

Будила зора Лазара:
„Устани горе, Лазаре!
„Жедан ти коњиц водице“.
Али ми ћипи Лазаре,
Па узе кона за узду
Те ми га води на воду;
Али на води девојка (ib. I, 340).
Звѣзда зорињца изгрѣва,

Петканка двора метеше,
Петканка дума зорници:
„Зорнице, ясна зорнице!
„За што ми тъй [1]) рано изгрѣя [2]),
„Дѣца-та да си расплачеш,
„Моми-те [3]) да си раздигнеш [4]),
„Булки-те [5]) да си разбудиш?
„Зорнице, ясна зорнице;
„Ти стоиш близу при Бога,
„Много му здравс занесй
„Молба-та да ми послуша . . .“

Она жалуется, что у нея нѣт дѣтей, хотя она 9 лѣт замужем, и Бог выслушивает ея молитву. По словам Дозона, это начало пѣсни о жертвоприношеніи Авраама; но в таком случаѣ — пѣсня сшивная и необъединенная, ибо Петканка—жена Петка (Doz. 23).

Драги драгој *по звјезди поручи:*
„Умри, драга, доцкан [6]) у суботу,
„Ја ћу јунак рано у нећелу . . .
(Кар. П. I, 240).

ћевојка је зв'језду сестримила:
„Богом сестро, зв'јездо преходнице!
„Преходиш ли с исток до запада?
„Долазиш ли над Ерцеговину,
„И виђаш ли Ерцега Стјепана . . .
. . . „Спрема ли се, хоћеш по ћевојку?

Зоря отвѣчает: он собирается, но не за тобою, а за другою (Кар. ib. 55) [7]).

---

[1]) так.
[2]) засвѣтила.
[3]) дѣвиц.
[4]) поподыдкаешь.
[5]) жен, замужних.
[6]) поздно.
[7]) Подобный мр. поэтическій мотив (звѣзда посредница) может лежать в основаніи слѣдующаго: жених, отправляясь в дорогу, говорит невѣстѣ: „А щоб нам одрадніш було, так про-

С колядкою А сходны по началу слѣдующія:

Б. Ой небом, небом, небом синеньким
Ой дай Боже!
Ой по нім ходит місяц ясненький,
Ясна зірничка єго сестричка.
„Куда ти йдеш, ясна зірнице?“
—Иду від Бога, иду на землю,
Иду на землю, иду на села,
Богу на славу, людем на хвалу,
(узнать)
Чи так и теперь, як з стародавна.

За тѣм мотив „прежде—лучше“ (Гол. IV, 103).

В. *Щедровка*. „Зірничка“:
. . . „Місяцю брате, почекай мене!“
А се місяць на заході!
—Я нечекаю, часу немаю,
Бо иду в після від Господа Бога . . .
. . . Най єгомоспенько двори мітают,
Двори мітают, столи ставляют,
Столи тисови, обруси шовкови.
Буде ту Господь на вечерейці
(Гол. II, 165—6).

Коляд. Мѣсяц в послах от Бога к господарю, чтобы узнать, готовится ли он к празднику (ср. выше серб. „спрема ли се“):

Чи починас по старосвіцьку:
Чи ситив медок на святий вечір?
Чи варит пиво (и)к святу к Розству [1]),
Чи пік калачі з ярої пшениці
(Чуб. III, 347, ст. 31 сл.; 414).

шу тебе: вечірня зірочка як зійде, то ти споминаючи мене поглядай на неї; у ту пору я стану зорѣвати, гляну на тую зірочку и знатиму, що ти на неї дивився, то миші одрадніш буде, неначе я дивлюся на твої очиці, що як зірочки сяють“ Квитка, Маруся.

[1]) Sic вм. „до свято к-іоству“. Если это не описка, то дѣтское произношеніе: *й* вм. *л*=*р*.

Подобным образом готовится господарь к пріему „рочних гостеньків колядниченьків“ (Гол. II, 606; Шейн, Бр. п. 80).

Г. Звѣзда проситъ мѣсяца подождать, п. ч. она „вже послана по зелене вино... кудряве пиво, медок солодкий“ (Чуб. III, 414—5, Б.).

Д. Мѣсяц ищет на небѣ зори и приглашает:

„Ой ходімо ми Бога шукати,
„Бога шукати, людей спасати!“

Вѣроятно они находят Бога „в пана господаря“, который сидит за столом, перед ним 3 кубка: вино, пиво, мед (Чуб. III, 472; во внѣшнем сочетаніи с другим мотивом „спор Бога с Петром“—ib. 345—6).

В этом исканьи Бога и спасаньи людей м. б. — слiяніе туземнаго мотива и христіянской звѣзды ведущей волхвов на поклоненіе. Ср. повѣрье „Зірок на небі нелічено, а зорь—дві: світова и вечірня; вони стали вже, як Христос народився“ (Харьк. v. Екатериносл. г., записал И. И. Манжура).

VI.

Три радости. Бог (царь и пр.) **зовет, дарит.**

A. Бр. волочобная. Начало будет разсмотрѣно особо: молодец хочет застрѣлить голубя (по др. вар. змѣю), который отмаливается:

Скажу табѣ три радасці:
Першая радасць—Бог цябе завець,
Другая радасць—пан цябе завець,
Трецяя радасць—цар цябе завець.
Бог цябе завець—долю дасць,
Пан цябе завець—каня дасць,
Цар цябе завець—дачку аддасць.
А з долею далеваць будзеш,
На коніку паежджаць будзеш
А з царевнаю жыці будзеш
(Шейн Бр. п. 111; Безс. Бр. п. 12—3).

Б. Кол.

Ой вийди, пане господарочку,
Кличе тя Господь на порадочку,
Дарує тобі три долі в полі:
Першая доля—щастя здоровля,
Другая доля—воли корови,
Третяя доля—жито пшениця.
(Чуб. III 421).

B. Волочобники встрѣчают Бога, допытываются у него села N, честнаго мужа N. Он собирается в церковь, входит,

Упрашаець щаснай [1]) долі,

---

[1]) Так вм. „частый доли".

Щаснай долі, да три радасці
в домѣ (дѣти), худобѣ (кони воли) и в полѣ (жито), Шейн Бр. п. 96—7.

Г. Ци спиш, чи чуєш, господареньку?
...Кличе тя Господь на порадоньку
...На обороньці любая радість
(Гол. IV, 14; см. выше 4, А.).

Ср. ... „Бог тебе кличе, Дарує тобі два лани жита ... третій пшениці“ (Чуб. III 370, 385); „Біг тебе зове, дар тобі дає, Широке поле, жито густе“ (ib. 385); „Просив тя Господь на порадоньку до себе, Обіцяв тобі сто кіп житонька вродити“ (Галько, Обыч. з над Збруча, II, 30).

Самостоятельный мотив становится припѣвом:

„Ци дома, пане господарь?“
Просив вас, просив вас Пан Бог
На порадойку, на бесідойку до себе!
— Ой дома, дома, радойкі раджу,
Радойкі раджу, волойки ставлю...
(Гол. II, 2—3).

Д. Волочобная (сиротѣ?):
Да была в бабкі кур карабушка,
Да нанеслі куры карабец яец.
Да пришлі да бабы не у год госці
Да куко́льничкі єваєвольничкі [1]).
Падавала бабка да всем па ячку,
А беднай сіраце ячную лусту.
Тыє пашлі падскак[ива](у)ючи,
А бедная сірата паплак[ива](у)ючи.
„Да вярніся, сірата, цебє пан кліче,
„Да дарує [ён] табє коня вараного“.
11 Сірата бяре, да недзякує.
„Да вярніся, сірата, цебє пан кліче

---

[1]) От cucullus (см. Mikl., Matzen.), капюшон (м. б. ряженые), или от вертепа (szopki) с куклами (Веселов., Разыск., VI—X, 213).

„Да дарує (ён) табе седло залатое
14=11 (Шейн Бр. п. 453).

Тут три мотива: „недзякуе“—из колядок о добываньи города (см. ниже; ср. также вар. А и Шейн Бр. 104).

Е. Ой помогай Біг, пан-господарю
до тебе,
Вийт тебе кліче на порадоньку
до себе
(Гол., IV, 1).

Ж. Вр. свадебное величанье дружку или родственнику жениха:

Как у мѣсяца рога золоты,
У краснова солнышка лу́ны свѣтлыи,
У (имя) кудри русыи
У (отечество) по плечам лежат,
По плечам лежат, буди жар горят,
Буди жар горят, розливаются.
Што за эти ли кудри русыи
Государь его хочет жаловать
Тремя городам, тремя славными.
(Питером, Москвой, Бѣлым Озером).
В Бѣлозерском ему женитися . . .
(Колосов, Зам. о яз. и пар. п. I, 49).

Подобныя величанья могли мерещиться Манилову, когда он мечтает, „что они вмѣстѣ с Чичиковым пріѣхали в какое-то общество, . . . гдѣ обворожают всѣх пріятностью обращенія, и что *царь* (s. вм. „самое высшее начальство“), узнавши о такой их дружбѣ, пожаловал (-ло) их генералами“.

З. Сходные серб. и болг. мотивы (царь зовет „на јеглен“ = мр. на бесідоньку, на порадоньку) будут приведены ниже. Здѣсь упомяну болѣе далекіе: царь, узнав о красотѣ (величаемаго) ребенка, дарит ему царство (Объясн. мр. п. I88); колядники (или три короля), заслышавши, что у (величаемаго) хозяина есть золотоволосый и многоумный сын, приходят просить его на царство (Милад. 116, Качанов. 79—89; сходныя румынскія колядки — Весел., Разыск. VI—X, 267—71). К этому же типу относится болг.

п., помѣщ. у Миладин. 377—8 в числѣ любовных, несомнѣнно величальная, если не колядка, то Лазарская:

А Јоване домапине!
Али спіеш, али піеш?
Ако спіеш, разбуди се,
Ако піеш, весели се,
Оти [1]) дошле страмни [2]) гости,
Пострамен ти глас донесле:
Ми те канет [3]) кум да бидиш
Кум да бидиш девет села,
И да кърташ, и да венчаш.
Ак' неможеш сам да одиш
Пушти си аманетчіи [4]).

И. Дѣвицѣ пѣкогда перевозить царей и пр. (см. ниже „переправа"), п. ч. пріѣхал брат (отец) „з війська-дороги",

Він привіз мені та *три радости*
(три подарка), Метл. 333; ср. Чуб. 294, 313, 316—8, 321.

І. Дѣвицѣ с саду *три користи* (Чуб. III, 292; ей с золотой рясы „три надобы", Шейн Бр. п. 101 и мн. др.).

К. *Молодцу с трех дорог три користи.*

а) Щедровка паробку.

Мав Ивасенько ворона коня.
Сам молоденькій, кінь вороненькій!
Ой дав він єму шовкову траву:
„Ой їдж, мій коню, шовкову траву,
„Ой пий, мій коню, з Дунаю воду;
„Чую на тебе три дорожейки!"
Єдна дороженька т-аж до Боженька,
Друга дорожейка [т-аж] до королейка,
Трета дорожейка т-аж до панойка;

---

[1]) Потому что.

[2]) Странные, чужіе, принесшіе вѣсть еще болѣе странную, удивительную.

[3]) Приглашают.

[4]) Заступника, посла вм. себя, как царь или ведьможа.

Та до Божейка по здоровлейко,
[Та] до королейка по королество,
Та до папойка по милейкую.
Здоровля бере, ніт недякує,
Королество бере, ніт недякує,
Милейку бере, з-низка сь кланяє . . .
(Гол. IV, 159, Шкло Перемышль. окр.).

Пѣсня изображает слѣдствіе призыва со стороны Бога, царя, пана (см. выше А стр. 76). Происхожденіе ст. 12—4 тоже что ст. 11—3 вар. Д стр. 77.

б) Коляд. Гол. IV, 61=Чуб. 287, Г; щедр. (под Богоявленіе), от матери Я. Ѳ. Головацкаго, Гол. II, 55—6.

Послѣ начала типа „куна в дереві, дівка в теремі“ (см. ниже):

„Ти коню сивий, будь ми щасливий“
. . . На три дорозі та у три землі“:
(Волоскую, Нѣмецкую, Турецкую)
. . . З Волощини йде, волики веде;
З Німеччини йде, грошики несе,
З Туреччини йде, коники веде.
Ой воликами на хліб робити,
А грошиками війську платити,
А кониками з військом ся бити.

Во 2-м варіантѣ:

. . . З Литвоньки їде, конька веде,
З Вкраїни їде, зброїнку несе,
З Волощини їде, волики жене.
Ой кониками в війську служити,
А ясним мечом врагів (?) рубати,
А воликами на хліб робити.

Послѣдніе 3 стиха обоих вар. формально соотвѣтствуют окончанію вар. VI А. Могут быть вар. VI К болѣе близкіе к VI А в том, что с третьей дороги молодец привозит жену. Они могли бы объяснить происхожденіе баллады Мицкевича „Будрыс и его три сына“ в общем представляющей видоизмѣненіе величальнаго мотива „с трех дорог три корисги“, при чем дорога понята в тѣсном смы-

слѣ, как „путь“, военный поход. Размѣр ея $^2[(4+3)+4+3)+(4+3+3)]$ взят из литовской пѣсни

O tu strázdaj, strazdùži,
Tu rajmàsis pauksztùži
Kû rýkawaj lazdýnu krumély

(Juškevič, Lietùviškos dajnas, N 26, 128, 555, 697, 1018—9: мать горюет, выдавая дочь замуж, снаряжая сына на войну; молодец ѣдет на войну. Может быть, есть варіанты того же размѣра, в коих, как в отличном по размѣру вар. у Юшк. N 231, молодец привозит с войны дѣвицу:

Aš išjósiu i krýga, krygužéle
Powilósiu Lietùvos mergužéle.
Łabáj grážios Lietùvos mergužieles . . .

=Я выѣду на войну, приманю (обманом добуду) литовскую дѣвицу. Очень хороши литовскія дѣвицы . . .).

В другую сторону, пусть остается вопросом, можно лм вслѣд за Н. И. Костомаровым связать три дороги мр. колядки со словами Святослава: „хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходять ся: отъ Грекъ злато, паволокы, вино и овощеве разноличнии; иш-Чехъ же (и) из Угоръ серебро и комони; из Руси же скора и воскъ, и медъ, и челядь“ (Лѣтоп. под 969).

VII.

Волы (золоторогіе), соха v. плуг (золотые), оранье, сѣянье.

Величанье этих предметов и дѣйствій есть величанье хозяина, его *радость*. Величанье плуга находится в связи с упомянутыми выше святочными обрядами: обходом с плугом, символическим паханьем на канунѣ Новаго года и пр., а также, м. б., с обычаем в этот день в первый раз запрягать волов и коней неуков (почин, Чуб. III, 437), переходящим в обычай проѣзжать коней на Рождество и в Рождественскіе скачки (серб. вијати Божић, Кар. Рјечн. Божић; Терещенко, Быт Р. н., 38—9, 48).

A. *Колядки* (Zieńkiewicz, Pios. gm. l. Pińskiego, 10, откуда перепечатано в Безс. Бр. п. 72 и Ант. и Драгом. Ист. п. I, 52).

В чыстум полю крыж малёваны
Радуйся! Радовалися
Да всі святыя Рожеством!
На тому крыжу зовзуля рабая
Ранєнько встала, защебстала [1]),
Славного пана да й попугала [2]):

---

[1]) „Защебстала“ взято из другой колядки, гдѣ будит не зозуля, а ластовка или соловей.

[2]) *Попугала* здѣсь, очевидно, не в смыслѣ „привела в страх“, а в таком, как в других подобных п. „побуждала“. К этому значенію, а не к *пугати*, о крикѣ *пугача*, филина, может отно-

„Устань раненько, ўмыйся беленько,
„Ой пойдзі собє до новоє стайні,
„Ой выбер собє коня вороного,
„Ой поедзь собє в чыстеє поле!
„У чыстум полі ратас твоє,
„Ратас твоє, всё молодые,
„Волікі твоє всё половые [1]),
„Яремца твоє всё буковые,
„Ой *сохі* твоє всё *золотые*,
„*Сошнічкі* твоє всё *медзяные*,
„Подвоє [2]) твоє всё дроцяные,
„*Поліцы* [3]) твоє всё *срыбраные*,
„Поводкі [4]) твоє всё шолковые!“
Радуйся
Нє сам собою, з своєю же(о?)ною,
З своєю женою, з своїмі дзєткамі!

По началу эта колядка относится к типу IV Г. Относительно дальнѣйшаго ср. слѣдующую сербскую величальную, м. б. именно колядку, как и другая подобная „Град градила бјела вила“, тоже отнесенная Караджичем к числу неприуроченных к опредѣленному времени пѣсень миѳологическаго содержанія (Објасн. мр. п. I, 76 сл.):

„Оj орачу, млад орачу!

ситься междометіе *пугу-пугу!* (образованное как *туну-туну*), которым, по преданію, Запорожцы, подходя к хатѣ, давали о себѣ знать находящимся в ней.

[1]) *Половые*, flavi, fulvi. Непостижимо, откуда г. Безсонов взял, что это значит „племянные, на племя“.

[2]) *Под-вои* (кор. *ви-*), вицы, свитые прутья, коими связана розсоха (деревяный стан сохи) с обжами сошными (Даль), г. Безсонов, l. c., понял это как „створчатыя двери, собств. вереи“, почему „дроцяные“ (проволочные) обратилось у него в „выложенные полосами желѣза или из полос“ ибо-дѣ „на Бѣлой Руси лучшія ворота и особенно калитки — всѣ полосатыя, от набивок и желобков“.

[3]) Дощечка для отвала земли.

[4]) Мр. воловодики, налыгачі.

Ко ти даде младе во'ке,
Младе во'ке витороге
И јармове јаворове,
И палице шимширове [1]),
И заворце босилкове [2]),
И бич косу девојачку?"
—Служио сам Божју Мајку,
Те ми дала младе во'ке

10—4=3—7 (Кар. Пјес. I, 161—2).

Ср. „выслужить нѣчто (красоту, богатство) у солнца, мѣсяца" — Объясн. мр. п. I, 77, 81—2;—у другого чудеснаго существа—О мио. зн. нѣкр. обр. 142 слѣд.

В частности черта „выслужить у Божьей Матери волов, ярмо и пр." напоминает мр. сказки (первый плуг скован св. Кузьмой-Демьяном или Борисом и Глѣбом, см. мое соч. О мио. знач. и пр., 8—11; Аоан. П. В. I, 555—63), а равно и Скиоское повѣрье, приводимое Геродотом (IV, 5—7):

Первый человѣк в ненаселенной до той поры сторонѣ был Ταργίταος, сын Зевса и дочери рѣки Борисоена (Днѣпра). У него было три сына: Λειπό-ξαΐς, Ἀρπό-ξαΐς и Κολά-ξαΐς. При них упали с неба золотыя рало, иго (ярмо), сѣкира и чаша [3]). Первый увидѣл эти вещи и подошел взять их старшій, но золото жгло его. Тоже было со средним. Когда же подошел младшій, золото потухло, и он взял его в свое жилье. От этих братьев пошли три отрасли Скиоов (Сколотов); от младшаго, царя,—Скиоы, называющіеся Παραλάται (или—„Царскіе Скиоы, называющ..).

---

[1]) *Палица*, заноза; *шимшир*, buxus.

[2]) Заворац der bolzen an der pflugdeichsel; шворень (Чуб., III, 399).

[3]) Ср. свѣдѣніе, внесенное в Ип. л. из Визант. хронографа: „И бысть по потопѣ ... поча царьствовати пѣрвое Мастромъ отъ рода Хамова, по немь Феоста (Ἥφαιστος), иже и Саварога (Зварога) нарекоша Егуптяне. Царствующю сему Θеостѣ въ Егуптѣ ... спадоша клещь съ небесѣ, нача ковати оружье, прѣже бо того палицами и каменіемь бьяхуся", Ип.² 200.

Цари (или „Царскіе Скиѳы“) тщательно сохраняют это золото и ежегодно совершают в честь его торжественныя жертвоприношенія. Если же тот, у кого, под открытым небом, во время празднества, находится священное золото (кто стережет его под открытым небом) уснет, то он, как говорят Скиѳы, недоживет до конца года. Поэтому (в награду за опасность, которой он себя подвергает), ему дают столько земли, сколько он может объѣхать за день верхом.

Здѣсь даны, во 1-х, обычныя черты сказки о трех братьях, из коих лишь младшему удается совершить подвиг. Во вторых, сказка эта связана с именами, коих вторая половина -ξαΐς, по господствующему мнѣнію, соотвѣтствует скр. **кшаја-с* (при скр. *кши-*, *кшајати*, зенд. *khши-*, владѣть; ср. Вѣсе-*володъ*), что указывает на арійское происхожденіе сказки, а вмѣстѣ с другими скиѳскими именами, на иранское происхожденіе самих Скиѳов. (Ср. ссылки у Ern. Bonnel, Beiträge zur Alterthumskunde Russlands, SPb. 1882, I, 172—7 et pass.). В 3-х, как бы ни понималось извѣстіе о храненіи золотых вещей, достовѣрно то, что в V в. до Р. Х. у Черноморских Греков были свѣдѣнія, что у сосѣдей их в Приднѣпровьи ежегодно совершались празднества в честь, между прочим, земледѣльческих орудій, празденства, сопровождавшіяся, по видимому, гаданьями по почину. Что главное, при этом лицо получало вознагражденіе (как серб. полажайник, мр. посыпальщик, колядники с плугом), это естественно; но, чтобы такія гаданья, если точно они были, имѣли значеніе только для одного лица, это сомнительно.

Впрочем, оставляя в сторонѣ вопрос, гдѣ были в то время предки Славян, могли ли быть у них подобныя празднества плугу, обратимся к болѣе близкому.

К вышеприведенным южнорусс. и серб. п. примыкает польская колядка размѣра 4+4 „Kukułeczka zakukała“. Начало ея см. выше под IV Г в (стр. 80). За тѣм:

„A jakież im (wołkom) imię damy?
—A jednemu *złotorożek*,
A drugiemu *srebrnyrożek*.
„Cóż na nie zrobić każemy?
—*Srebrne jarzma, złote zatki* [1]).
Będą orać małe dziatki.
Wyjechali w czarne pole,
W czarne pole, na Podole,
Zawadzili pierwszą skibę,
Wyorali złota bryłę . . .
(Kolb., Lud, V, 237).

B. Другого, тоже святочнаго размѣра 6+6 (см. выше 1) серб. кралицкая, величанье хозяину:

У овога дома—добра домаћина [2]):
Јелени волови, калопер [3])—јармови,
Босилак [4])—палице, жито, као злато
(Кар. Пјес. I, 98)

и пѣсня „На бабицама“ (при посѣщеніи родильницы в первую недѣлю послѣ родов), по видимому, величанье дѣду новорожденнаго:

Јелени волови, *сребрни јармови*,
А *палице* су им *од сухога злата*.
Прва им је бразда, ка'но сјајна звјезда,
Чисто им је *жито*, *ка'но* чисто *злато*.
По њиви им шета кућна старјешина,
Из десног рукава бисер просипала,
Бисер просипала, снахе дозивала:
„Ходте, миле снахе, бисер да купите,
„На злато нижите, на врат га носите,
„На врат га носите, дјеци оставите,
„Нека дјеца знаду, да дједа имаду,

---

[1]) Za-tki занозы.
[2]) Ср. „на главн му—феса плетенога“, Mikl. Syntax. 355.
[3]) Из канупера, balsamita vulgaris.
[4]) Из васи́лька, basilicum.

„И нек' дјеца знаду за дједово благо!“
(Vienac Kačić-Miošiću, 156).

Пред нами здѣсь старѣйшина дома, дѣд, родоначальник большой семьи, сѣющій жемчуг из рукава, что напоминает святочное серб. мр. посыпанье из рукавицы (Кар. Рјечн. полажајника).

Из сравненія с этим вышеприведенной Пинской колядки можно вывести, что ее вряд-ли можно, вм. с издателями Ист. пѣс. мр. нар. (I, 53), приурочить к обстоятельствам исключительно — южно-русским, „к тому переходному времени от дружинно-русскаго к феодально-литовскому порядку“, когда боярин „слывет... тѣм, что владѣет значительным количеством плугов, что у него много ратаев, что хозяйство его богато и образцово устроено“. Все это может быть совершенно независимо от литовско-русскаго феодализма и гораздо древнѣе его.

VIII.

Тоже (см. VII). **Бог орет, святые помогают. Урожай, сбор хлѣба.**

А. Кол. Сводный вар. из Гол. II, 39, N 58 и IV, 16, N 19:

На оной горі, оной високой
Звеніли, звеніли,
Чотири *воли в золоті горіли!*
Там же ми оре *золотий плужок,*
Там же ми оре (=„за плужком ходит", Г. IV, 16) сам милий Господь,
А святий Петро ему поганят,
Божая мати насіня носит,
Насіня трое, не єднакес:
Єдно насіня—зелене вино,
Друге насіня—яра пшеничка,
Трете насіня—ладан пахнячий.
Яра пшеничка на Божу службу (v. на проскуроньки),
Зелене вине на причащаня
Ладан пахнячий—до кадилниці

Б. Голов. II, 8, N 11. Ст. 1—5 (кромѣ припѣва) сходны с 1—5 А. за тѣм (Матінка Божа)

Насінья носит, пана Бога просит:
„Зароди Божейку яру пшеничейку . . .

Слѣдует изображеніе урожая и сбора, как ниже.

В. Гол. IV, 17 и 16, N 21 и 20:

Чий же то плужок найраньше вийшов?
Бриніли, бриніли [1]) *волойки*
А *всі чотире в золоті!*
Іванів (величаемаго) плужок найраньше вийшов.

---

[1]) Мр. *бриніти* здѣсь — о цвѣтѣ золота. Я нѣсколько дополню и измѣню сближенія Шимкевича (Корнеслов, Сп. 1842, I, 17). Из стихов пѣсни:

Ой зацвіла маківочка, зачала бриніти;
Иде козак од дівчини, починає дніти.
Ой зацвіла маківочка білесеньким цвітом,
Иде козак од дівчини білесеньким світом,
(Максим. Мр. п. 110; Чуб. V, 53).

не слѣдуег, чтобы *бриніти* значило „бѣлѣть (т. е. быть бѣлым), как цвѣтущій мак“ (Шимк.), ибо параллелизм здѣсь не в сближеніи черт „бриніти=дніти“, а в сопоставленіи образов: „зацвіл мак, начал наливаться“ (по Максимовичу созрѣвать, собств. темнѣть)=козак любит, и потому „иде од дівчини пізно“. Ср.

Ой єден *мак* на городі *зацвів* по-волоски;
Та того я *хлопця люблю*, що дзюбатий трошки
(Гол. II, 826);

„Мак зелений“ = N любив та невзяв (ib. 431); цвѣтеніе=любовь — см. мой Разб. пѣсень Голов., Зап. Ак. Н. XXXVII, II, 93—4, 147, а также Гол. II, 287 (N 225), 338 (N 500, ср. 498), 350 (N 564); зацвіла пшениця на колос (=пара), ib. 767; зацвіли оболоки (стекла морозними цвѣтами) ib. II, 411; цвіт опадає=милий покидає=любовь пропадає, ib. II, 322, 332; ср. также 402 (N 732). В мр. *бриніти* 1-е *и* (не *і*) указывает не на основное *о*, которое может быть в бр. *бронѣть*, *брунѣть*, спѣть, навиться (об овсѣ), *бро*(v. у)*ниться*, об овсѣ, колоситься, *бронь*, *брунь* овсяной колос и т. п. (Даль); словац. *bronĕtí* (žito, ovoce), желтѣть, ц.-сл. *бронъ*, чеш. id., (cynus) albus, а на *ъ* (ср. дрижати и пр.): серб. *брца* (коза), *брцо* (кон) maculam albam in naso habens; сюда же, вѣроятно, словац. *brna*, *barna*, *brnavý*, *barnavý* (vúl, kráva) subfuscus.

Отлично по происхожденію и значенію, но сходно по звукам (*и*=е=ь) мр. *бриніти* (о пчелѣ, рѣкѣ)=польск. brzmieć. Кажется, ошибочно стоит *і* (=ê), а не *и* и слѣд.:

Усі луги зашуміли, забрі(=ê)ніли ріки;
Умер отець, вмерла мати, сирота-м на вікп
(Шч. Соломонов. Колом. 61).

а) (За плужком ходит сам Біг небесний,
А святий Павло волоньки гонит,
А святий Петро волоньки водит)

v.

б) (А святий Спас волойки напас,
Святий Михаїл воли напоїв,
Святий Петро воли погонив,
Пророки яли, воли запрягали,
Святий Никита заніз затика . . .)
Пресвята Діва їстоньки носит:
„Оріте, синки, довгої нивки
Будем сіяти жито пшеницю . . .
(изображеніе урожая).

Г. Голов. II, 116—7, N 23, сходно с В а (т. без амплификаціи В б)

. . . *Пречиста Діва їстоньки носит,*
Істоньки носит, все Бога просит:
„Ой роди, Боже, жито пшеницю,
„Жито пшеницю. всяку пашницю".

(урожай, сбор; высокій стог и на верху его *сокол* смотрит в море, ловит рыбу хозяину и хозяйкѣ. Этот послѣдній мотив („Сокол и пр.") первоначально совершенно самостоятелен (см. ниже). Как заключеніе колядок об урожаѣ он встрѣчается еще у Гол. IV, 117; II, 17).

Варіант из 7-и стихов, без изображенія урожая и пр. записан в Лохвиц. у. Полт. г. Он кончается стихами:

„Ой роди ниво (говорит Св. Дѣва) житом пашнею,
Ой посійся, наша ниво, волею ясною.

Послѣдній стих (разм. 8+6) есть новая поддѣлка.

Бр. „Плугі *ялывуць*, Пречиста Маці есні носіць", шедр. Шейн, Бр. п., 49.

Д. *Царинная* (весенняя, у Лемков, при обходѣ царины (поля) [Гол. IV, Распредѣл. 7] на Троицын день), Гол. II, 244—5:

Ей горе, горе! сам тя Бог оре,
Біжа Матінка насіня носит,
Насіня носит и Бога просит:

„Зародь, Божейку, насіня трое,
„Насіня трос, неєднакос...

и далѣе сходно с А.

Горе т. е. *горѣ*, sursum, первоначально обращеніе к хозяину (ср. выше на пр. Гол. II, 79: „вставай, газдо, горе, білий день на дворе"), по видимому, отнесено к *гора* mons, откуда — примѣчаніе записывателя, что будьто эта пѣсня поется „идучи под гору" (скорѣе уже „в гору", „на гору"). М. б. кому либо в „горе" видѣлся невозможный зват. от *гора* mons. Отсюда искаженіе „Сам *тя* Бог оре" вм. „Сам *ти* Бог оре", т. е. *тобѣ* (для тебя, хозяина) Бог орет, как на пр. в коляд. у Свидницкаго, Великдень у Подолян (Осн. 1861, XI—II, 63—4):

Пан господару! А с твого двору,
Ой дай Боже!
А с твого двору плужок виходае,
А за тим плужком сам Господь ходе

и пр. сходно с В.

Е. Кол. Гол. II, 17. Привожу ее всю, раздѣляя на важнѣйшія составныя части, непеобходимо связанныя между собою.

а) А в чистім полі, близько дороги
Ой дай Боже!
Орет ми плужок четвірничкою,
(Жич, Боже, на рік шестірничкою!),
А все волики, все половиї,
А в них роженьки все золотиї,
А воловоди все шовковиї,
На них яремці все тисовиї,
На них снізочки [1]) все кидровиї,
А занізочки [1]) все мідзяниї.

—

б) Та вийшла над ним Божая Мати [2]):
„Оріт же, синки, а здовга нивки,

---

[1]) Моя поправка вм. сноночки, занбсочки.
[2]) Опускаю „та и сказала".

„(А здовга нивки), а здрібна скибки,
„Та посіємо яру пшеницю,

—

в) Та вродит же ся що стебло—сребро,
Що стебло—сребро, золотий колос,
г) Зберемо женці—дівки-панянки,
А посільнички—хлопці-молодці,
А кладільнички—середні люде,
А порадничкн—старі люде.

—

д) Накладемо-ж кіп, як на небі звізд

—

е) Стане господарь межи копами,
Як ясен місяць межи звіздами.

—

Звезем пшеницю в господарске гумно,
Искладемо-ж і а в три стирточки,
А в три стирточки, а в три рядочки;
ж) Ой искладемо а в спід широко,
А в спід широко, а в верх висóко,
з) Тай завершимо сив соколоньком:
Сив сокіл сидит, далеко видит,
Ой видит же він чистое поле,
Чистое поле, синее море.

а) Величанье плуга и пр., независимо от участія в ораньи Бога и святых см. выше § VII.

г) Раздѣленіе народа на 3—4 группы—общее мѣсто. Вмѣсто этого у Чуб. III, 399, б. м. под вліяніем мотива „святые орют“ и пр., (господарь) „Наставляв женців попів та ченців“). Мотив „много работников, много хлѣба“ в пѣснях размѣра 4+4 находим с одной стороны в литов., с другой в хорв. п. Лит. (на свѣтлый праздник), конечно, идет от Бр. начинавшейся примѣрно с „Добрый вечер, господарю“. Ср. волочобную у Шейна, Бр. п., 91:

Господару, славный мужу
(Славный мужу) над мужамі!
Сядлай, ваше, да й коніка,

ѣдзь-жа, ваше, в чиста поля . . .

и лит. (Juškevič, Liėt. dainos, I, 301—2):

Łábas vákars, pon gaspádor!
Vaj łału, łału, [łału], pan gaspádor!
. . . Kélki, tėvaj, budink šėjma,
Te-gù šėria bėrus žirgus . . .
. . . Te-gù jója i łaukėli.
Júsu łaukė̀, dėku Diėvuj,
Šimtas ária, kits akėja,
Lėmta Marė́ rugius pjovė
Lėmta Ona stirtas krovė и пр.

[Добрый вечер, пан господарь! . . . Вставай отец, буди челядь, пусть кормят (. . . поят, сѣдлают) гнѣдых коней . . . пусть ѣдут в поле. На вашем полѣ, благодарить Бога, сотня орет, другая боронует, блаженная Марія рожь жнет, блаженная Анна скирты кладет . . .].

Хорватская, на канунѣ Иванова дня (Kukuljević Dela, IV, 253—4):

Бог помагај тому стану . . .
. . . Господину, вси дружини . . .
. . . Чији жнаци в равном полу?
Тојичекови, Јеличини . . .
. . . Жнач кре жнача, срп кре српа,
Слог кре слога [1]), сноп кре снопа,
Ну (пшеницу) везало сто везачев,
Ну ставило сто ставичев,
Ну возило сто возичев и пр.

„Чији жнаци?“ (за тѣм величанье их) ср. с мр. гребовичными и зажинивными:

Ой чиї сі гребці (v. женці)
Дівки та молодці?
Сами молодиї,
Серпи золотиї . . .
(Метл. 321; Чуб. III, 237);

---

[1]) ? у Кар. *слог* только промежуток между бороздами (загон) и *нијеха* гряда, что сюда вряд ли идет.

д) „кіп . . . як звізд“. Ср. в кол. у Гол. II, 8; IV, 17:

Будут снопоньки, як дробен дождик,
Будут копоньки, як звіздоньки,
Будут возоньки, як хмароньки . . . ;

в бр. волочобн.

Часты-густы звезды на небе,
Часцей-гусцей снапы на ніве;
Широк-высок месіц на небе,
Ширей-вышей стагі на гумне

(Шейн, Бр. п., 86, 91, 100; дожиночныя ib. 209, Голов. IV, 189). Это—в связи с повѣрьем, что яркія звѣзды под Рождество, Н. год, Крещенье обѣщают большой приплод ягнят (звѣзды—овцы, Ас. П. В. I, 691—3), и вообще скота, грибов, гороху (звѣзды—горох, ib. II, 761), гречихи и вообще хлѣба (Терещ. VII, 36, 39, 49—50; Сах Сказанія, II, Днев. 6; Даль, Посл., 1002—4), древесных плодов („роди Боже так рясно, як на небі звізді, а так красно, як од них ясно“, Чуб. III, 437).

е) Этот мотив встрѣчается и—Гол. II, 608. без д.

ж) Ср. в коляд. у Свидниц. Великдень, Осн. 1861, XI—II, 63—4:

Закладем стіжки, як земля вширшки,
Як земля вширшки, до неба ввишки.

Это располагает к присоединенію сюда мотива з), как выше § 8, Г, а также Чуб. III, 389—90.

з) Мотив этот, как запѣв—Чуб. III, 390, B: на дворѣ хозяина дерево, с коего сокол видит что за плугом ходит св. Петр и пр. . . . сбор пшеницы,

Покрием єї очеретиною,
Припівзим [1]) єї павутиною.

Отсутствіе мотива „сокол и пр.“—Гол. IV, 16—7.

Ж. Поль. кол., Kolb. Lud V, 236,

---

[1]) По-Узим (?). Вр. *па-узина*, переметина, хворостина для охраны стога от вѣтру; угор.-русс. *пáвузити*, притянуть сѣно v. снопы на возу, *пáвуз* притяг (А. Семеновичъ, Об особ.-угрорусс. гов.).

Hej nam, hej!
A na onej roli złoty płużek stoi . . .

Мотивы тѣже что в 8 Г и Е, кромѣ Е ж з. Несмотря на размѣр 6+6, ее можно считать заимствованьем из мр.

3. Орет не Бог или святые, а сам величаемый (Чуб. III, 399); „ему неначка (его мать) їстоньки носит“ (ib. 389—90), или „прийшов до нёго батенько ёго“ (Чуб. III, 388—9, A; Гол. IV, 117). Это можно разсматривать как раціоналистическую замѣну мотивов подобных слѣдующим:

α) „Что Христосъ плугомъ оралъ“ (в спискѣ отреченных книг, Тихонравов, Пам. отреч. Русс. л-ры, I, V). Христіанское апокрифическое сказаніе могло встрѣтиться с туземным миѳологическим (см. § VII).

β) Апостолы просят хлѣба у человѣка, пахавшаго свою ниву. Тот оставляет рало и волов и идет в город за хлѣбом. Тѣм временем Петр взорал ниву, при чем Андрей и др. погоняли волов, засѣял пшеницей, которая выросла и созрѣла к приходу пахаря (Тихонр., ib. 5 сл.). То же чудо в другой связи составляет содержаніе особой колядки, Гол. II, 9, N 13, Сяноцкаго окр.: Богородица несѧ на руках „соколя“ спасается от преслѣдованія жидов. Она проходит мимо человѣка, орющаго ниву и сѣющаго пшеницу. Когда вслѣд за нею подходят к тому же человѣку жиды, его пшеница уже поспѣла и он ее зажал. Услышав, что жена с соколятем проходила мимо этого человѣка, когда он орал и сѣял эту пшеницу, жиды вернулись. Ср. Морав. n. Suš., 19; Влуж. Hawpt a Smolerj I, 275. Болг. примѣненіе того же сказанія к историческому лицу сообщено у П. Сырку, Визант. пов. об убіеніи Никифора Фоки, СПб. 1883, стр. VIII: Царь Іоанн Шишман, спасаясь от Турок, наѣзжает на огородников, сажавших арбузы. „Желаю вам, говорит он, завтра их ѣсть“. От слова его сталось. На другой день настигла Турецкая погоня: „непроѣзжал ли царь?“ Огородники отвѣтили так, как пахарь в сказаніи о чудѣ Богородицы: проѣзжал, когда мы сѣяли.

Сюда же можно, кажется, отнести два семейства мр. пѣсень, сходных по основному размѣру 4 + 6:

1) О вдовином счастьѣ:

Из за гори буйний вітер віє,
Удівонька (v. бідна вдова) пшениченьку сіє...
. . . Іще вдова до дому недійшла,
А вже її пшениченька зійшла и пр.

К этому мотиву присоединяется, по сходству значенія, другой: „перепелка и ея дѣти", по смыслу противоположный мотиву „разореніе v. сожженіе гнѣзда" (Объясн. мр. п. I, 260, 263 слѣд.):

Нежурися, наша мати нами:
Підростемо, розлинемося сами;
Ой буде нас по горах, долинах,
Ой буде нас по чужих вкраїнах . . .

(Метл. 357; Zieńkiew. 170; Чуб. V, 854 – 63).

2) Из за гори буйний вітер віє,
Козаченько пшениченьку сіє,
Сіє, сіє, сіва недоходить,
Дівчинонька з обідом приходить. (Ср. 8 Г)
„Дівчинонько принiс тебе дідько:
„Посіяв я пшениченьку рідко!"

Пшеница чудесно — быстро всходит и поспѣвает (Метл. 27—8). К этому присоединен мотив:

А вже козак пшениченьку косит,
А дівчина дижину выносить,

нерѣдко входящій в состав пѣсни „Дівчинонька по гриби ходила" (см. Чуб. V, 885—6; Голов. I, 106—8; Чуб. V, 342, 346, 347 и пр.).

γ) „*Божая мати насіння носит*" (§ 8 А, Д) с чѣм ср. бр. „Прачистая . . . житцо . . . засявала" (Шейн, Бр., 91) и в особенности слѣдующее.

У Осетин, перед началом запашки под озимь справляется праздник *Хоры бон* (=хлѣба день). Утром посылают в лѣс за березовыми сучьями по одному человѣку из каждаго семейства. Остановившись около лѣса, посланные бросают в сторону по пирожку, говоря: „Ӯацилла (Ӯацил-

ла=Іелія, прор. Илія, Осет. громовержец; Вс. Миллер, Осет. эт. II, 240—2), сдѣлай так, чтобы этот год был счастливѣе и богаче прошлаго урожаем хлѣбов!" Дома опуская вязанку на пол, говорят: „сколько здѣсь сучьев, столько пусть уродится на наших полях копен!" Хозяйка дома кладет на сучья пирожки и молится: „Уацилла, да будет на нас милость твоя! Возрасти хлѣба наши так, чтобы пшеничныя зерна на колосьях были так пухлы и крупны, как эти пирожки!" (Милл. l. c. 280—1). Все это живо напоминает обычаи при заготовленіи бадняка (болг. *заклад* бъдник) у Сербов и Болгар (мое соч. О мно. зн. I, 4; Ас. П. В. III, 733 сл.). Жители аула собираются по одному или болѣе от каждаго семейства в саклю, гдѣ пребывает Каы-зад (ангел аула). Когда всѣ усядутся в извѣстном порядкѣ, один из стариков берет правой рукой треугольный чурек, а лѣвой чашку браги и, послѣ славословія Богу, начинает молитву *Уацилле*: „Уацилла, сегодня день твой, и мы усердно молим тебя, помоги нам. Сдѣлай так, чтобы житницы наши были набиты пшеницею, просом и овсом до верху с остатком. *Какой урожай был* на Курпѣ (Курп, мѣстность, славящаяся плодородіем проса), *когда Уацилла сѣял* на этой нивѣ лѣвой рукой, а *Маирäм* (Марія), идя за ним, *держала* для него *корзинку с сѣменами*; такой подай, Боже, и нам в настоящее лѣто!" За тѣм, обращаясь к присутствующим, старик трижды спрашивает: „вы чего просите?" „Хлѣба, хлѣба, хлѣба!" отвѣчают они.—Да насытит вас Уацилла!—Наконец отдав чурек одному из юношей, который для этого случая—в шубѣ на изнанку и с лохматой шапкой, вывороченной на изнанку, за поясом, старик обливает ему голову брагой, говоря: „как обильно льется эта брага, так да уродится хлѣб наш!" Облитый юноша также кричит: „да возрастит Уацилла хлѣба наши так, чтобы мы, дѣти, и внуки наши были богаты и сыты" (Сб. Свѣд. о Кавк. горцах, IX, отд. 3, 30; Вс. Милл. l. c.). В других Осетин. аулах вм. обливанья брагою—обсыпанье зерном: когда приготовленное на ужин разставлено на столах, старшему в семьѣ подносят зе-

рен в чашѣ или на блюдѣ и высыпают их ему в полу. Он берет в горсть зерен и спрашивает: „чего вы просите?“ Мальчики кричат: „хлѣба, хлѣба!“ Тогда старик через очаг бросает зерна (прочіе ловят их в шапки и полы) говоря: „да даст вам Бог хорошій урожай!“ (l. c. 279; обсыпанье см. в моем соч. О мио. зн., 56—63).

И так осетинская молитва приводит в связь Ўацилла [м. б. Василія (ср. Вес. Раз. VI—X, 434) или Илью, громовника, подателя урожая и (согласно с Царст. III, 41 сл.) — дождя [1]), как инд. Парджанја, см. это слово у Ао. П. В. pass.] и Марію. Она построена по общей формулѣ заговора (Бусл. Оч. I, 251): раз Илья сѣял, Марія за ним сѣмена носила, и послѣдовал урожай; так пусть будет и на тот год для нас. Трудно не вспомнить при этом мр. приговора при обсыпаньи на Новый год „ходить Илля“ и пр. (Терещ. VII, 109—10; Метл. 344; Маркев. Обыч., 1), в одном из варіантов коего, как в осетин. молитвѣ и пѣмец. заговорѣ X в., событіе, служащее первообразом желаннаго, представлено раз случившимся:

(И)*шов* Илья на Василя,
В ёго пуж[еч]ка житяночка:
Куди [ею] махнеть, [там] жито ростеть.
(так и пынѣ)
Зароди, Боже, жито — пшеницю и пр.
(Чуб. III, 452).

Соображенія Аванасьева относительно пуги (бича) Ильи — см. в П. Воззр. I, 282—4; с другой стороны — Весел. Раз. VI—X, 306 сл. 327, 438—40. Сюда же, вѣроятно, и бичь св. Петра, свѣдѣніе о коем сохранилось в мр. и ювр. названіи раст. Петрів батіг, Петровы батоги, cichorium intybus, цикорій с синими цвѣтами (Даль s. v.; Ао. П. В. II, 413.

---

[1]) В заговорѣ при собираніи цѣлебных травъ: „...Святой отец праведный Абрам все поле орал, Симеон Зилот садил, *Илья поливал*, Господь помогал. Небо — отец, а земля — мать. Благослови, Господи, эту траву рвать...“ (Майков, Вр. заклин., N 253).

IX.

Сѣянье, вѣянье золота—серебра.

Колядки VIII А, Б, Д, говоря, что „сам Господь оре“ а „Божая мати насіння посе“ предполагают, что Господь (или как в осетин., мр. заговорѣ Ѵацилла, Илья и т. п.) *сьет*. Можно предположить, что черты, какими было бы изображено это сѣянье, соотвѣтствовали бы тѣм, какими изображаются плуг, упряжь, волы и самое сѣянье в серб. п. VII, В: „жито, ка'но чисто злато... бисер...“ Параллели к этому—в слѣд. лотыш. пѣснях:

а) Что там сіяет, что там сверкает на верху той горы? — Милый Бог сѣет ячмень из серебрянаго лукошка (Спрогис, Пам. лотыш. творч., 300, 5).

б) Солнце заходит вечером, бросая золотое яблоко (ср. Объясн. мр. п., I, 58—61); утром восходя оно сѣет чистое серебро (Сб. антропол. и этногр. статей, изд. Дашков. II, 33 (85)).

в) Солнце (ж. р.) сѣет серебро на пнистой росчисти. „Посѣй, солнышко и (на) мой пай хоть на краешкѣ пня (ib. 30 (68); Спрог. 313, 32). С подобной просьбой обращается к солнцу б. м. дѣвица—невѣста, м. б. именно сирота. Ср. солнце вьет вѣночек сидя на вербѣ. „Свей, солнышко, дай и мнѣ один: мнѣ нужно ити в чужіе люди (за муж)!“, Спрог. 311, 14. Вѣнок (=счастье, добрую долю) невѣстѣ и в частности сиротѣ дает Лайма (Доля, Спр. 183, 36; 305, 5=Сб. Дашк. II, N 113, 701), надѣляющая сироту приданым (Спрог. 181, 27) и помѣщаемая *на липѣ*, как солнце—на вербѣ (Спрог. 183, 39; ср. Объясн. мр. пѣс. I, 155 сл., 71). Близость солнца (сауле) и Лаймы дает возможность предположить, что и в вышеприве-

денной п. то, что солнце сѣет серебро на долю просящей, понято, как обычное в русс. пѣснях и восходящее, как мнѣ кажется, ко времени Сл. о полку Игор. сѣянье доли (мое Сл. о п. Иг., 55—9, 126; „Немизѣ кръвави брези не бологомъ бяхуть посѣяни“, мнѣ кажется, предполагает образ: засѣванье „бологъмь“).

1. Какова бы ни оказалась степень примѣнимости вышеизложеннаго, я думаю, что из извѣстных случаев упоминанія *в пѣснях колядочнаго размѣра* [1]) образа „засѣвать золотом“ наиболѣе первообразны тѣ, в коих еще явственно отношеніе этого образа к урожаю. Таковы „царинныя“ п. у Лемков. Умѣстность сближенія этих пѣсень (Гол. II, 24—6) с колядками видна как из тождества их размѣра, так и из того, что почти всѣ их мотивы тождественны с колядочными.

А. Кады ідеме, Бога слідиме,
Бога слідиме, Бога просиме:
„Зароди, Боже, горы й долины,
Горы й долины, наші царины!
Наша царина преч поорана,
Сріблом—золотом преч засіяна,
Стріцовым пірком заволочена!“ (Гол. II, 246).

„Бога слідиме... просиме“ указывает, что обход идет *вслѣд* за прошедшим впереди Богом, к которому, [как виновнику, можно отнести то, что „царина (рум. tzarę=terra)... золотом засіяна“. Подобное общеніе с Богом — в мр. гребовичной, разм. 6+6 с колядочным припѣвом размѣра 5+5:

Ой піду я бором, говорячи з Богом:
Ой дай, Боже, дай, Боже помагай!
Ой дай мині, Боже, багатого свекра,
Дй дай мині, Боже, ласкаву свекруху,
Щоб непосилала в поле жита жати,
А щоб посадила крамом крамувати,

---

[1]) Ср. сходный образ в пѣснях весняночнаго размѣра, Объясн. мр. п. I, 160—9.

(Крамом крамувати), медом шинкувати.
(Гадяч, Метл. 317; Шейн Бр. п. 181).

Ср. также пинскую зажиночную, в которой — величанье и „толоки“ и хозяина у котораго она работала:

Ішов Бог дорогою
З велікою толокою,
А Янусько у ворут стоїт,
Шапочку в ручках держит:
„Ко мні, Боже, ко мні
З своєю толокою!
У мене поле далекес,
А жито буйненькес;
Нема кому на загоні статі,
Мое жито поджинаті:
Матка моя старенькая,
А сестрица маленькая“. (Zieńk. 226),

т. е. у кого нѣкому жать, за того Бог с толокою, как выше (и в других случаях) сиротѣ дает приданое Лайма. Эта черта зависит от примѣненія общаго мотива к лицу, а потому отсутствует при другом примѣненіи, как в слѣд. бр., при плетеньи дожиночнаго вѣнка:

Ішов Бог дорогою,
А за ним наш пан ідзець,
В руках шапочку несець
І да сябе Бога просіць:
„Да ка мне, Боже, да ка мне,
Да з густымі снапамі,
Да з частымі капамі и пр.
(Шейн, Бр. п. 211).

Приводя по поводу выраженія („Бога слідиме“) царинной, весенней п., пѣсни жатвенныя, я слѣдую объективно установившейся ассоціаціи: с одной стороны в пинской жатвенной п. находится вышеупомянутая черта царинной:

Засеяно поле
Золотым насінейком,
Да помощоны мосты
Да бітымі тарелямі,

(куда примкнуло вечерняночное величанье дѣвиц [они дороги]—жниц), Zieńkiew. 222; с другой стороны слѣдующія царинныя представляют явственное смѣшеніе с жатвенными:

Б. *(С) сбором идеме, полон несеме!*
Виходжай, соборе, с села на поле,
А с поляночки на царинойки,
А ви, дівойки, вийте вінойки!
Ей вили, вили, Бога просили,
А чей би нам квітли всі Божи віны,
Всі Божі віны, наши царины;
А чей би квітли горы, долины,
Горы, долины, та й полонини
10—12 Наша царинойка=А 5—7.
(Гол. II, 241).

В. (С) сбором идеме, полон несеме!
Мольмеся Богу и всі посполу [1]),
Жеби нас тучі незаходили,
Злиї вітрове непановали и пр. (ib. 246).

Г. (Идучи к церкви:)
...Дзвони дзвонойку против сборойку
Бо ми идеме с сбором в дорогу,
Бо ми співаме вшитки співанки,
Жеби нас тучі незаходили,
Жеби пролої незаливали.
Заваруй, Боже, горы й долины,
Горы й долины, наши царины, ib.

Между тѣм как в концѣ этих пѣсень говорится о засѣянных полях и огражденіи их от вредных вѣтров и проливных дождей (туча, пролой), первые указывают на послѣжатвенный обряд: дѣвушки плетут вѣнок из калины, надѣвают его на голову одной, „*княгині* молодої“ и сопровождая ее с *дружками*, идут с поля с пѣснями к дому хозяина (пана, попа), гдѣ княгиня подносит вѣнок хозяину или

[1]) С-обща. Нынѣшнее укр. (Ром. Полт. г.) *по́спіль* (=*по́-с-поль), под-ряд.

хозяйкѣ, а тѣ его выкупают (Гол. IV, Распредѣл. 7; Шейн Бр. п. 176—7). По бр. обычаю, старшая (не по возрасту) жница идет „с вѣнком на головѣ и с послѣдним снопом в руках“ (Шейн ib). Вѣнок и сноп — символы всего сбора, почему к ним слѣдует отнести названія *полон* (поль. plon) [1]) и *збір* в обжинковой п. (Гол. IV, 200, 191):

Принесли-сьмо вам полон
Зо всіх чотирех сторон;
Принесли-сьмо вам збір
З під зелених гір . . .

Отсюда видно, что в вышеприведенных царинных единственно вѣрное чтеніе — в Г („идеме *с* сбором“), по которому слѣдует и в Б, В читать „*с* сбором идеме, полон несеме“.

2. *Дары* (гостинцы). Так я назову семейство колядок, которое предварительно нужно разсмотрѣть для разложенія и пониманія другого семейства, характеризуемаго чертою „*злотом засьяно*“.

А. а) Величанье хозяйкѣ (Гол. IV, 31—2):

Наша панечка, господиночка . . .
Ой лелія!
По двору ходит, ключами дзвонит:
„Ой ключі-ж мої, та й золотиї,
Ой недзвоніте, неголосіте:
Ой тепер пан мій *з Угор* приїхав,
Ой привіз мені три подарунки
(. . . шовкова шуба . . . золотий кубок . . . тоненький рубок).

б) Ей же (Чуб. III, 320—1). Испорченный варіант. Слѣдует читать:

. . . . . ходит статечна *жона*,
Ой ходит, ходит, ключами дзвонит:

---

[1]) Подь. *plon* — в тѣх же знач., что и соотвѣтственное русс. слово: а) сбор с поля и его символич. замѣна: „Plun niesiemy, plun Do wielmoznygo w dum, дожиноч. п., Kozłow. Lud 204; б) = łup: siła więźniów ze wszelakim plonem, Pam. o wypr. Chocim. 86; в)=ясыр: ten plon, który obfity z Polski przyguali; Tatarzy plon od nas przywiedli. ib. 51, 84.

„(Золоті) ключі (та) небряжчіте,
Мого мил[еньк]ого перозбудіте,
Бо мій миленький барзо струженний
(Он пріѣхал из Одессы, привез три дара: купью шубу, золот перстень, шовкову хустку).

в) Ей же (Чуб. III, 403). Слѣдует: „панечка“ вмѣсто „панночка“. „Пан“ (=муж) „*з гір* пріѣхав“; 3 дара.

г) Величанье жены примѣнено к дѣвицѣ (Гол. II, 89—90). „Кречна паннočка“...:

„Ключики мої непобрязкуйте,
Мого милого непробуджайте,
Бо мій миленький барзо трудненький,
Барзо трудненький *з Угор* пріѣхав...
(привез 3 подарка:)
Кованій пояс лядвоньки ломит,
Срібний перстенець пальчики щипле,
Перлова тканка головку клонит,
Головку клонит на постілоньку,
На постілоньку а к батенькови.
(т. е. на дѣвичью постель.)
Жич Боже на рік—а к миленькому!

Звоном ключей будить (или небудить) милого или отца, мать—см. на пр. Метл. 26; вр. (Ст. Оск. у.) Коханов. Остатки бояр. п. 85 и др.

Б. Кол. хозяйкѣ (Гол. IV, 131):

а) Ой кури, кури непійте рано,
Гей дай Боже!
Бо мій миленький *з війни* надъїхав
(дары сходно с А г).

б) Свадебная, величальная старостѣ и его женѣ, того же размѣра, Zieńk. 126; W. z Oleska 8.

В. Кол. первопачально—женѣ, примѣненная к дѣвицѣ. Начало — под вліяніем колядок дѣвицѣ типа „райскія птицы“ (Гол. IV, 84; II, 50):

Ой заспівали райські пташеньки.
„Ой неспівайте, райські пташеньки,
Бо мій миленький барзо трудненький

(„з війни приїхав"; дары ср. А г).

Г. Кол. женѣ. Начало — под вліяніем колядок типа „дерево" (см. ниже), Гол. IV, 30—1:

Ой в чистім полі каменець стоїт,
Калино, калино—вино,
Винная моя ягода!
На тім каменці три прутки ростут

(Под вліяніем припѣва „калино" — эти прутки — „калиновий", „малиновий", а 3-й — „горіховий"; на 1-м сокол, на 2-м зозуля, на 3-м пчолы)

Зорчи словечко, господинечко . . . :
„Сив соколочку неквили рано,

(во 2-м куплетѣ:

„Сива зозулька, некуй раненько . . . ;

в 3-м к:

„Яри пчіленьки небриніть рано)
Не пробуджай ми (v. -айте) господаренька;
Тепер приїхав з ярмарівочки,
Там ми вторговав неведикий торг

(3 коровы, 4 волы), или

. . . барз великий торг

(дары: чоботы, перстень, рантух).

В вар. А б, г и В „барзо струженій" v. „барзо трудненький" слѣдует понимать не в том смыслѣ, как вр. „труден—болен" (как понято у Ант. и Драг., Ист. п. I, 48), а в таком, как серб. „трудан и уморан", усталый.

3. *„В Уграх злотом засіяно"*. Коляд. а) Гол. II, 1—2, Сяноцкаго у.=Ант. и Драг. Ист. п. I, 44, В; б) Гол. ib. 4—5, Сяноц. у.=Ант. и Др. ib. Б=Чуб. III, 433; в) Гол. ib. 13, того же у. = Ант. и Др. ib. 45, Г; г) Гол. II, 71—2=Ант. и Др. ib. 43, А.

Колядки эти разлагаются на двѣ части, α) и β).

α) принадлежит к тому же типу, что вышеразсмотрѣнныя кол. 2 А, но величанье обращено главным образом к хозяину:

а) В нашого пана, пана крайника,
(б, господарейка)

а) Писано, ей писано,
Злотом му терем писано!
б) Біг му дав, гей Біг му дав;
Незаздростіте, панове братья,
дасть и вам;

Кол. в) обращена к священнику, почему припѣв:

Радуйся, радуйся земле;
Син нам ся Божий народив!

У этого пана „тисови сінці, яворови східці“ (б, v. „яворови сінці, тисови стільці“, в,), „по сходах ходит“ (а, v. „на стільцях“ сидит) „молода пані“ (v. „молода княгиня“, v. „красна княнейка“); на ней (б)

„кований пояс,
На тім поясі золоти ретязки,
На тих ретязках мідяни клічі.
„Мідяни клічі, тихо дзвиніте,
„Тихо дзвиніте, пана (не) збудіте,
„Бо тепер пан наш з Угор приїхав,
„А з Угор, з Угор, з Угорской земли,

[v. (а) з войни приїхав, з Угорской земли).

Колядка д) обращена к дѣвицѣ, как выше 2 А г и 2 В. Дары, привезенные из Угор (как в кол. 2) уже надѣты, и „молоде паня“ (=дѣвица; ср. Объясн. мр. п. I, 57) красуется („пляше“) в них перед „паном“. За столом

... сідит пан Перемисльний,
Перед ним пляше молоде паня,
На тим панятi рудая сукня,
На пожейках ма't шнуровани бітки,
На бочейках ма't кований пояс,
На тим поясі жовти ретязьки,
На тих ретязькох золоти ключі ...

(далѣе, минуя обычное „золоті ключі, тихо дзвеніте“, ибо пан представлен бодрствующим,)

На голові ма't павяний вінок,
На ручейці ма't золотий перстінок.

(за тѣм, сходно с 2 А г:)

Рудая сукня избу заміта't,

Шнуровани бітки землицу точат,
Кований пояс бочки підпират,
Павяний вінок брез вітру шумит,
Золотий перстінок брез огня горит.

Опущеніе черты „ключі ... тихо дзвените“ лишило возможности поставить в связи с этим „*бо* наш“ и пр., а потому эта послѣдняя черта поставлена безсвязно:

А наш панойко з війни праїхав,
З войни з войнойки, з Вгорской сторонойки.

β) В этой второй половинѣ к семейным мотивам величанья [каковы забота жены (v. невѣсты) неразбудить усталаго мужа (v. жениха) своими хозяйственными хлопотами, любовь к ней мужа (v. жениха), выраженная подарками], прибавлен мотив общественный: пріѣхавшій привез братьям из чужой стороны добрыя вѣсти. Сошлись (v. посъѣзжались) к нему „панове, ёго братове“:

„Що там слихати (v. чувати) в Угорской землі? (а, б, в), v.

„Що там доброго в Угрох слихати? (г)

а) —В Угорской землі добре слихано,
Ой бо там уж є преч поёрано,
Злотом засьяно (sic), заволочено,
Заволочено, преч погороджено.—

б) —Угорска земля преч поёрана,
Преч поёрана и посіяна,
Павяним перцом заволочена,
Ясними мечи обгороджена,
Обгороджена од злої тучи.—

в) Угорска земля преч поёрана,
Яров пшеничков позасівана,
Стрицовим пірьком поволочена,
Золотим мечом обгороджена.—

г) —Добрі слишано, бо юж поорано,
Юж поорано, злотом засяно,
Павяним перцом заволочено,
Золотим мечом загороджено.—

По поводу мнѣній, высказанных об этих кол. у Ант. и Др. Ист. п. I, 46—9, замѣчу слѣдующее.

В чертах, какими изображено в вар. д „молоде паня“ (неговоря уже об изображеніи „панеї“ v. „княгини“ в смыслѣ свадебных пѣсень), каковы платье, заметающее избу, пояс с ключами, дѣвичій „павляний вінок“, нѣт ни одной, указывающей на то, что под „молоде паня“ разумѣлась когда либо не жена или невѣста, а кн. Данило, „отрок около 10-и лѣт“, а под „паном перемишльним“ не какой либо Перемышльскій пан, а именно „Володислав, сын кормильца княжескаго, который привел из Венгріи Даніила“ в отчину его Перемышль (Ип. л. под 1208).

Что в пѣснях Подолян, Полгорян и Горцев упоминаются Угры, это, конечно, свидѣтельствует о давних сношеніях с этою страною; но в разсматриваемых колядках это также мало указывает на какой либо отдѣльный случай из этих сношеній, как и упоминаніе Угор в кол. IX, 2 A, а равно и в кол. нѣскольких других типов. Как Дунай становится идеальною рѣкою и морем; так Горы и Угры — идеальною дальней стороною, изображаемою между прочим тѣми же чертами, что в заговорах непзвѣстная далекая пустыня, „де кури неп'ють, де дзвони недзвонять, куди чоловічий голос незаходить“. В свадебной п. неудачное сватовство представлено так:

Поїхав староста
В Угорскую землю
Угриночку влюбити.
Угриночку си влюбив,
Господь му неприсудив;
Бо в Угорскій землі
Куроньки неп'ют,
І світ несвітає,
І соненько несходит,
І дрібен дощ пейде,
І травонька неросте,
І коник ся непасе.

(W. z Ol. 4; Гол. IV, 223—4).

Вѣроятно, это лишь половина пѣсни. В другой половинѣ князь—молодой должен был противопоставляться старостѣ (как на пр. у Метл. 182—3) и говорилось об удачном сватовствѣ в Уграх ли, представленных с болѣе благопріятной точки, или в болѣе близкой странѣ. На это указывает мѣсто:

Ой де дзвононьки дзвонят,
Голосонько заходит,
Там тобі було Івасеньку,
До слюбоньку ставати.
(W. z Ol. 13; Гол. IV, 233).

Можно ли в этом видѣть память о какой либо несостоявшейся или состоявшейся женидьбѣ южнорусскаго князя на Угорской королевнѣ (ср. Ип. под 1243, 1250, 1254)?

О второй половинѣ колядки у Ант. и Др. I, 46 сказано: „... упоминаніе мечей, а также *намек на шлемы с страусовыми перьями* (?), дают повод заключать, что пан ѣздил в Венгрію с военною цѣлью ... В первоначальном варіантѣ, вѣроятно, шло дѣло не о том, что пан, воротившійся ... с своею *арміею* (?) завоевал Угрію, а скорѣе о том, что уладил какое-то дѣло с Уграми, приготовил там вспомогательную армію, к чему могут примыкать и тѣ слова, что угорская земля золотом засѣяна ... Уговор с Уграми аллегорически представляется как взораніе земли, засѣваніе золотом, а ополченіе Угров как *засѣваніе* (?) павлиным пером и огорожа из мечей ... Эта аллегорія в иных случаях понималась буквально, что и заставляло ... (в вар. в) пѣть ... что угорская земля засѣяна пшеницей".

Для меня упоминаніе пшеницы в вар. в) служит указаніем не на буквальность пониманія образа, а на его происхожденіе от той идеализаціи оранья, сѣянья и пр., как залога урожая будущаго года, которую мы видѣли выше под IX, 1, А, Б. Таким же образом „злая туча" вар. IX 3 б) связывает его с относительно первообразными IX 1 В, Г. „Земля ... стриповим (=струсёвым) перком поволочена" (вар. 3 в), черта, встрѣченная уже выше (1 А, Б), неза-

ключает в себѣ уже никакого намека на „шлемы со страусовыми перьями“, хотя происхожденіе ея может быть именно таково [1]). Здѣсь это болѣе поздняя замѣна волоченья „павяним пером“ (3 б, г), черты под стать сѣянью золота, перенесенной в апоѳеозу паханья, сѣянья, волочбы из других обычных образов: дѣвица пасет пава (между прочим Suš. M. p., 301—2, 381), плетет „павяний вінок“, метет („павяним“) пером. Послѣднее, как величанье дѣвицы, в слѣд.:

Доре Влахиница беле овце пасе,
Пасућ одхранила дѣерицу ди̂војку;
Ни ју дала видит сунцу ни ми̂сецу,
Ни-т' белому данку, ни-т младу јунаку.
Обкладил се јунак, јунак мед јунаки̂,
Да ју хоће видит и с њом говорити.
Израстал је борак уз ди̂војкин дворак;
Влизал ми је јунак на зелени борак,
Угледал ди̂војку с перјем дворе метућ,
С перјем дворе метућ, с рожом посипујућ.
„Помоз' Бог, ди̂војко! би ли моја била?“
—Ни-т ће ти Бог дати, ни-т ћу твоја бити!
(Kurelac, Jačke 183).

„Мести золотой метелкой“ (Объясн. мр. п. I, 51, 59, дополн. I; ср. также Шейн, Р. н. п., 463 и лот. заговор: „Марія золотой метелкой сметает кровь“, Трейланд в Матер. по этн. лот., Тр. Этн. Отд. Общ. люб. естествозн. VI, 144, N 276)=„мести павьим пером“. Это уравненіе сказалось в волочобной бр. п.:

---

[1]) Т. е. первоначально в пѣснях, неимѣющих связи с колядками, о страусовых перьях могло говориться, как об украшеніях шлемов или шапок. Ср.

A jedzie, jedzie mój kochanecek
po zielonśj dąbrowie,
A rozpuściuł se strusie piórecka
konikowi po głowie

(W. z Oleska 43; в Морав. вар. „zlate perečka“, Suš. 235; в других—„rozpuścił cugle, rozpuścił złote“, Wójc. I, 159.

...Да чим жа ён (гаспадар) уславівсе?
І дабром сваїм, и дваром сваїм:
Памятаюць дваре усё павім пяром,
Усё павім пяром, залатым крылом...
(Ш. Бр. п. 80; Зап. Геогр. О. по Эти. V, 81).

Переход от метенья пером к волочбѣ (боронованью) пером мог произойти и независимо от сочетанія значеній в вр. *пахать*, б. м. существовавшаго и в юрусс. говорах. Именно *пахать*, 1) на пр. избу вѣником, мести (ср. серб. п. и пр. *пахати* ventilare; мр. поломъя паше; *опашь*; рукопашь; ср. *маяти—махати*; 2) мыкать (горе) в свр. *горепашица*, горемыка (ж. р.), мр. *горо-пашний*; пахать землю, что предполагается и мр. *пашня*, *-ица*. Второе знач., м. б.. от к. **спâ* (σπά-ω и пр.) тянуть.

Такое происхожденіе образа „земля золотом засѣяна, пером заволочена“ нисколько немѣшает его иносказательности в разематриваемых колядках. Этот образ служит отвѣтом на вопрос „що там доброго в Угрох слихано?“ („в Угрох“ потому, что это опредѣлено уже первой составною частью пѣсни, потому что из этой страны воротился пан и привез дары). В отвѣтѣ сначала обобщеніе (там „добрі слихано“), за тѣм качественное опредѣленіе этого добра: там *мир*, как поле, огороженный мечами (v. мечем) от злой тучи. М. б. отчасти сходное отношеніе меча к негодѣ (в собств. смыслѣ)—в Моравской п.:

Kličnice z nebe,
My prosíme tebe,
Až budem žíti (жать),
Otevři nám nebe:'
Jedny vrata otevři,
Druhé mečem podepři (Suš. 769; ср. 772).

Одни ворота отвори для погоды, другія, для непогоды, подопри мечем, чтоб никто несмѣл отворять.

Независимо от отношенія к тучѣ, переносное значеніе „за(обь, пере-)городити“ вмѣстѣ с частною чертою этого образа („огородить страхом, оружьем“) восходит ко времени до Сл. о п. Иг. Ср. „аз всѣмъ во обидѣ есмь, зане неоградимъ

есмь страхомъ грозы твоея (княже), аки оградомъ твердымъ" (Дан. Заточн.); „дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты"; „загородите полю ворота своими острыми стрѣлами", Сл. о П. Игоревѣ.

4. *Орать копьем, мечем, сѣять стрѣлы* и пр. Косвенным доказательством отношенія образа, разсмотрѣннаго под IX 3 β, к миру и счастью, а равно и его древности, превосходящей Сл. о П. Иг.; служат его производныя формы, изображающія войну (собств. битву) и горе.

А. Кол. господарю (Гол. II, 28). Он
Сидит собі по конець стола,
А коло него служеньки его
Держат шапочки по за вершечки:
„Пущай нас, пане, в чистое поле,
„Чистое *поле неміреное*,
„Та най ми его *поміряємо*,
„Вірненьким плужком ба й пооремо,
„Тай посіємо яру пшеницю,
„Яру пшеницю, всяку пашницю!"
„Неміреное". Ср. в жатвенных, как величанье хозяину:
Дожалі поле нізмяропае,
Наклалі копы нізлічоные, (Шейн, Бр. п., 209, 215).
Б. м. под вліяніем „Пущай нас . . . в поле" в коляд. об осадѣ города, Гол. IV, 22, вносится черта: „Служеньки . . . шапочку носят, в него ся просят: „Пусти нас пане *в Польшу* на війну".

Б. Коляд. Гол. IV, 14—5. Начало сходно с А. за тѣм—урожай, сбор, своз, стог, а на верху сам господарь (как в других сходных сокол) „в море ся дивит, з рибков говорит" и пр.

В. Чуб. III, 294. Величанье двора.
. . . На тім кріселку сам панич сидить.
Прийшло до ёго три козаченьки . . .
„Ой позволь, пане, землю *міряти*"
. . . мости мостити . . . К этому внѣшним образом прикрѣплены другіе мотивы: перегонять стадо и пр. (ib. 289).

Г. Гол. IV, 7. Господарь посылает 3-х сынов *считать* стадо, овец, шаты.

Д. Гол. II, 57—8, Сяноц. у. Черты земледѣльческаго быта (как в А, Б) отчасти вытѣснены военными:

В господарейка а три сынове,
Сынове, сынове мої,
Витязейкове славнії!
Мали в'ни *рілейку неміряную*,
А ні орану, а ні сіяну;
Міряли ей *копієйками*,
Орали ей та *шабельками*,

по здѣсь возвращеніе к основному типу IX 3 β в, г:

Сіяли на пій яру пшінойку,
Волочили ей трусевим пером.

Далѣе: урожай, пшеница как стѣна, копы как звѣзды, возы как тучи, гумно как солнце.

Е. Гол. IV, 10. На берегу Дуная, в бѣлом шолковом наметѣ, на *золотом столѣ* (престолѣ) „гордий пан сидит", „*лічбоньку лічит незлічоную*".

Поперед него служеньки сго,
Держат шапочки по за вершечки:
„Ой наш паночку, господаречку!
„Ой поплати ж нам за заслужечку:
„Ой дай же... гроші нелічени... коні неїжджени... поля неміряни.
„Ой ми ж бо гроші перелічимо,
„Ворони коні попроїздимо,
„Широки *поля переміримо*,
„Ой *засіємо золотими стрілки*,
„*Заволочимо тугими луки*,
„Тугими луки, *вороними кіньми*:
„Все ж тото буде пан-господарю,
„Пан-господарю та на охвалу".

„Золотий столик, на тім столику гордий пан" ср. с постояннымъ эпитетом княжескаго стола в Сл. о П.: „града Чрънигова, отня злата стола"; „два сокола слетѣста съ отня стола злата"; „отня злата стола поблюсти"; „Все-

славъ .... дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго"; „путь ... на землю Рускую, къ отню злату столу"; „Галичкы(й) осмомысле Ярославе, высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными пълкы ... суды ряди до Дуная". Можно думать, что этот эпитет вошел в Сл. о П. из народной поэзіи.

Если позволительно относить неопредѣленныя указанія нынѣшней народной п. к извѣстным историческим лицам; то по поводу разсматриваемой кол. скорѣе всего можно бы вспомнить об „Осмомыслѣ" Сл. о П. Иг. — Ярославѣ Володимиричѣ Галицком: „бѣ же князь мудръ и рѣченъ языкомъ ... и честенъ въ земляхъ, и славенъ полкы: гдѣ бо бящеть ему обида, самъ преходящеть полкы своими, (но посылашеть я с вое)водами; бѣ бо ростроилъ землю свою ..." *(рос-* в том смыслѣ, как „князи ... роспасли суть Деревьскую землю", Лавр.[2] 54), Ип.[2] 441—2. Владѣнія его простирались до Дуная. Плата наемным войскам упомянута под 1174 г. (Ип.[2], 389); плата своей дружинѣ „за заслужечку" деньгами и натурой разумѣется сама собою. То что в кол. Е пан „лічбоньку лічит незлічоную" есть знак его мудрости. Ср. ниже в Ж: (грошыя нещисленное) „розумом рощислю". Кто рѣшает эту трудную задачу, тому нѣт нужды самому ходить на войну, п. ч. он пошлет слугу. Таким изображен пан в обжиночной величальной пѣснѣ, к сожалѣнію, кажется, испорченной относительно размѣра:

Ой золото, золото,
На току молочоне, 2.
На Дунай покочоне (?).
Кто золото перелічить,
Той на войну непуйде.
Ой наш пан молоденький,
В ёго коник вороненький,
Служонька молоденький.
Вуп (т. е. пан) золото перелічить
И на войну непуйде:
Пошле коня вороного

Служеньку молодого;
Ой буде (сам) [пан] паповати,
А служоньку буде знати.
(Гродн. Кобр. у. Сб. п. н. тв. в Свз. кр. 146).

Ж. Кол. паробку. Чуб. III, 271=Ант. и Др. I, 26—7, Кіев. у. Мать отправляет сына на войну. Он освобождает (?) Цареград („Вибив города Царигорода"), вяжет турецкаго царя. Царь (тот, которому оказана услуга) говорит:

„Ой коли-б я знав, чий син [то сивим] конем грав,
„Ой то б я ёму посаги (приданое за дочерью) давав:
„*Дав* ёму *поля неміряного*,
„Дав ёму бору несходимого,
„*Дав* ёму *грошиа нещисленного*,
„Дав ёму *вийска* [1]) одбіраного,
„Дав ёму лучок и стрілок пучок,
„Дав ёму стрілку—царівну дівку!"

(Все это по плечу витязю:)

—Я ж тее *поле копъем скопаю*,
Копъем скопаю й *стрілками всію*;
Я ж тиї бори вийском поламлю,
Вийском поламлю й огнем попалю;
Я ж тиї *гроши розумом рошчислю*,
Молоду царивну за себе визьму!—

Параллелями к представленію битвы орапьем, сѣяньем и пр. в вар. Д, Е, Ж служат, во 1-х, мѣста Сл. о П. Иг.: „Тъй бо Олегъ . . . стрѣлы по земли сѣяше"; „тогда при Олзѣ Гориславличи (горе) сѣяшеться и растяшеть усобицами . . ."; „чрна земля подъ копыты костьми была посѣяна а кръвию польяна: тугою взыдоша по Руской земли" (мое Сл. о П. 55—9, 62); во 2-х, сохранившіяся до нашего вѣка включительно народныя пѣсни:

а) Один вар. очень распространенной мр. п. размѣра 4+4 „смерть воина (козака, жовніра); ворон (сокол, конь)

[1]) *и* из о=ӯи.

приносит вѣсть матері“:

Чорна рол(ь)я заорана
Гей, гей!
Чорна рол(ь)я заорана
І кулями засіяна,
Білим тілом зволочена
Гей, гей!
І кровию [1]) сполочена [2]).

(Wacł. z Ol. 79—80 = Гол. I, 95. Другіе вар.: Гол. I, 96—101; III, 45, 90, 102—3; Метл. 447—50; Чуб. V, 941—6, 953, 957; Ант. и Др. I, 270; ср. К исторіи зв. „Сокол и конь“, 3 слѣд.; III, 123 слѣд.).

В 3-м ст. „кулями засіяна“—вм. „стрілками (v. стрілами) засіяна“. Совмѣщеніе пуль и стрѣл — в коляд. Метлин. 337:

За нами кулі землю з'орали,
За нами стріли, як сніг лігали.

Орати (без дополненія: копьем, копитами) = воевать; Залізняк идет со своим отрядом. „Порівнявшись з нами (дітьми) та й каже: „здорові, сучаки!“ А ми кажемо: „здорові, пане!“—А що ви, неорете?—Ні, пане.—А ми ж оце почали орати (Кулиш, Зап. о Ю. Р. I, 253).

Хотя я несчитаю невѣроятным, что в XII в. извѣстные поэтическіе образы (на пр. *пир*—битва, мое Сл. о П. Иг. 63) могли быть одинаково распространены и в сѣв. и в южной Руси; но относительно разсматриваемаго здѣсь образа нахожу ненесомнѣнным то, что Сл. о П. Иг. представляет такое же „полное сходство с сѣверноруссkою поэзіею“ (Смирнов, О Сл. о П. Иг. II, 211) как и с южнорусскою, ибо возможно, что козачья п. а) Сахар. Ск. Р. п. I, 3, 243 и того же типа б) Кир. IX, 22, и в) солдатская о Полтавской битвѣ Кир. VIII, 173, Шенкурск, идут с юга.

---

[1]) у W. z Ol. krowoju.

[2]) Так ib., от *полокати*, полочу, -чеш, а не „сполощена“, как поправляет Головацкій и др.

Первая из упомянутых:

За славной за рѣченькой Утвою . . . [1])
. . . Распахана была пашенка яровая.
Не плугом была пашня пахана, не сохою,
А вострыми Мурзавецкими копьями;
Не бороною была пашенка взборнована,
А коневыми рѣзвыми ногами;
Не рожью посѣяна была пашенка, не пшеницей,
А посѣяна была пашенка яровая
Козачьими буйными головами;
Ни поливой она всполивана,
Ни осенним сильным дождечком,
Всполивана была пашенка
Козачьими горючьми слезами.

5. *Вьять золото.*

А. Кол. Гол. IV, 8—9. Господарь — в стодолі . . . пшеницю віе,

Ходімо ми му заколядуймо,
Чей же він нам дасть хоть відвіёчки
Хоч відвіёчки на підсівочки.

Господиня дает колядникам по колачу и книшу, сын по коню, дочь по хусткѣ.

Б. Гол. IV, 17—8. Господарь служит службу у престола (он священник) и пр. как в А.

В. Гол. II, 70, N 1—3, составляющіе одно величанье семьянину:

Зяти чешут коней — дают колядникам по коню; сыны
На пелевни сут, злотічко віют . . .
. . . А чей нам дадут по вьячці (лопатѣ) злота... невѣстки „рубки качаут".

Г. Чуб. III, 421. Слѣдует читать так:

Пане господару, чи є ти в-дома?
Ой дай Боже!
Служеньки кажуть, що нема дома,
Що нема дома та за Уманём

---

[1]) Приток Урала.

Золото віє а срібло сіє.
„Ходім до нёго колядовати:
Чей (а не *чим*) же він нам дасть хоть відвійнячко
Хоть відвійнячко на насіннячко.

Д. Гол. IV, 111. Господарь
... Що в полі діє? золото віє,
Золото віє, срібло леліє,
Срібло леліє, порошком сіє...
(Господь обходит его хозяйство).

Е. Гол. IV, 31. По образцу В, Г, Д в примѣненіи к хозяйкѣ. „Господинечка
Що ж она діє? золото пряде.
Ходім до неї колядовати:
Ой чей же нам дасть по колядочці,
По колядочці хоть відзадячко...
... Хоть відпрядочки на ширіночку.

X.

Господь обходит двор величаемаго, считает скот, мѣряет деньги и пр.

А. У нашого господаренька
Біг ему дав!
Господаренька на имья Василья
Та незавидуйте, милії братья!
По двору ему калинові мости,
Мостами ходит сам Боже [1]) Господь,
В правій рученьці свіченьку носит,
Токмит [2]) волики на три плуженьки,
А на рік буде чом на чотире.

Ст. 1—7 повторяется еще 4 раза с измѣненіями в 6—7 ст.: ... корови на три обори, А ялівничок чом на чотире, ... коники ... овечки ... пчолоньки ... (Гол. II, 14).

Б. Гол. II, 15:
Ой устань, газдо, та твердо песни ...
... Ходит ти Господь по тих ріленьках
Кладе-ж ти воли у три плуженьки ...
(... клячи и пр.; стоженьки у три шароньки ...)
Кладе-ж ти срібло у три бодноньки!
Щирое злото та у чотире ...

В. ib. IV, 12—3: ... Господь ти ходит по подвіречку Шарує коровки на три желка, А на рік Бог дасть та й іще більше ... (волоньки и пр.).
... Міряє гроші получвертками,

---

[1]) Sic. вм. божий.

[2]) Парует, подбирает. Об этом словѣ, а равно и о *шар, струнка, желко* в слѣдующих вар. см. мою рецензъ. Сб. Голов отд. отт. 25—6, 17 (З. Ак. Н. XXXVII, 2, 80, 89).

Котри червони—полумисками . . .
. . . Шарує суконьки на три шпуроньки
Котри блавати чом на чотире,
А китаєви все окромішне и пр.
. . . Шарує стиртоньки . . .

Г. ib. IV, 111, ст. 7 слѣд.: . . . Господь . . . цугує коні усе вороні, Чей на рік буде сивозелізі", масти, вѣроятно, особенно цѣнной.

Д. Чуб. III, 346—8, А—В. . . . До господара сам Бог завитав, Завитав Господь до ёго току . . .

Е. Гол. II, 2—3. Сам господарь обходит свое хозяйство. Отношеніе этого вар. к предыдущим такоеже, как отношеніе VIII З к VIII А—Ж.

Ж. Бр. колядка (сообщ. А. Ѳ. Садовскій):

Нова лета, добра лета!
Пане аспадару, ци спіш, ци ляжиш,
( ) ци нас нячуіш?
Атчині акно, паглядзі ў гумно:
Што ў тваім гумне сам Бог ходзіць,
Спірды лічиць и цябе клічиць,
( ) дар табе дасць:
Табе самому сто коп жита,
А жане тваей шубу да долу,
Сыночкам тваім да па коніку
( ) па варанецькім,
Дачушкам тваім да па вяночку,
( ) па руцьвянецькім.
Пане аспадару! Ні кажи таміць.
( ) проша нас дарить!
( ) паш дар невялік:
Ковш гароху, решато бобу,
Асміну авса, на верх калбаса,
Калі другую, то подзінькую.
Пане аспадару!
Атдавши нам дар, сам живі здаров,
С дзеткамі, с жаной и с усей сэмьёй!

От подобных величальных пѣсень идут вр. подблюдныя (под Новый год при гаданьи перстнями), имѣющіе уже болѣе иносказательное значеніе:

Илья ходит пророк по полю,
Считает суслонцики (v. грудоцки) [1]) цястеньки:
Во первом-то полѣ сто суслон,
Во другом-то полѣ тысяча,
Во третьем-то полѣ смѣты нит, . . .
. . . Кому поём, тому выпоём и пр.

—

Сидит старик [2]) за ступкою [3]),
Считает деньги на три грудоцьки
(в 1-й—сто, во 2-й—1000, в 3-й смѣты нѣт).
Смѣта ево у царя в Москвѣ,
У царя в Москвѣ, в золотой казнѣ
(Колосов, Зам. о яз. 3, 256—7).
Исус Христос у ворот стоит,
Он с хлѣбом-солью, со скатертью,
С скотинкою, с животинкою . . .
Кому выпется [4]) и пр.
(Шейн, Вр. п., 374).
Еще ходит Никола по погребу,
Слава!
Еще ищет Никола неполнаго,
Что неполнаго, непокрытаго,
Еще хочет Никола дополнити,
Да кому мы спѣли, тому добро,
Кому выпется и пр. (Снег. II, 85).

Повторяющееся в мр. вар. выраженіе: (теперь много), „*чей* (т. е. *чай*) на рік буде . . .“ (больше), или, „а на рік буде *чом* (=*че-м*, чей-ми?) на . . .“ кажется примѣненіем

---

[1]) Суслон из 10 снопов.
[2]) Сам хозяин? Ср. вар. Е.
[3]) За стопкою. Ср. мр. три кубка.
[4]) „выпется“ см. стр. 59—60.

к скоту и другому добру тѣх чар с хлѣбом, которыя по Саксону Грамматику совершались у Руян на послѣжатвенном праздникѣ и, как говорят, до нынѣ происходят в мр. и серб. под Рождество или Новый год: „дай Бог, чтобы на тот год (говорящаго) из за хлѣба (пирогов и пр.) небыло видно!“ К относящимся сюда ссылкам в моем соч. О мио. зн. 46, и Ао. П. В. III, 745—6, слѣдует прибавить из Каравел. Пам. н. б. болг. 13, идущій от такого же обычая анекдот о жадности попов: поп набравши в селѣ хлѣба („порязаници“) сложил его в кучу, скрылся за ним и спрашивает: „видите ли мà, селене?“ — Видим тà видим!—„До година хич (нисколько) да мà невидите!“ (=до година порязаници-те да сà повече). „Други расказват това за Павликянски-те попове“. М. б. сюда же относится и мр. свад. обычай: вошедши в хату, жених становится перед столом против невѣсты, которая смотрит на него *из-за колача*“. Впрочем, отрывок пѣсни говорит: „Подивися, Марусенько, *крізь* колач...“ (Гол. II, 109), согласно с чѣм в Буковинѣ невѣста перед отъѣздом в дом жениха, смотрит на всѣ стороны свѣта сквозь отверстіе в колачѣ (Купчанко, Зап. Ю.-З. Отд. Г. Об., II, 498), и в Полт. г. она же послѣ вѣнчанья смотрит на молодого сквозь *дивень*, хлѣб в видѣ бублика (Арандаренко, Зап. о Полт. г., II, 246 у Сумц. Свад. обр., 140).

Черта вар. А. „калинові мости“ тоже связывает мр. колядки с вр. Она встрѣчается еще: в кол. у Гол., II, 27—8:

... Стоят мостоньки калиновїї ...
... Покощенїї жуковинами.
Ой пшов ними господаренько,
Та й застрічає два-три ангели ...;

у Чуб. III, 365:

Да мости, мости все калинові.
[А] чим побивали? все талярами,
[А] чим покривали? все килимами,
А туда ишло да три святиї,
Да три святиї, [да] три роздвяниї.

Им на встрѣчу Божія Мать. Ей нѣкогда ити колядовать вмѣстѣ с ними:

„Я од поля живу и все рисин нахожу
„Од тучи, од грому, од великого побою . . .

Вм. рисин читай *рисик* (счастье, Mikl. Fremdw.);

в бр. волочобн., Безс. Бр. п. 4:

. . . білі палі залотыя,
Масцілі масты ўсё сяребриныя,
Туды-м єхала Прачистая,
Ана єхала шесцьма канямі . . .
. . . к славнаму пану и пр.;

в вр. новогодной (Снег. II, 111);

Ай во борѣ, борѣ стояла там сосна
( ) зелена кудрява
Ой Овсень! 2.
Ѣхали бояре, сосну срубили,
Дощечки пилили, мосточик мостили,
Сукном устилали, гвоздьми убивали
Ой Овсень! 2.
Кому-ж, кому ѣхать по тому мосточку!
Ѣхать там Овсеню, да Новому году.

XI.

Господь со святыми, или святые (v. один из них) **обходят хозяйское поле.**

А. Кол. Чуб. III, 336 – 7, Пинск. у. Колядники будят хозяина: вставай, буди челядь, „по твоїму полю сам Господь ходить ... три святці водить“ (Юрія, Петра, Іліи).

Святеє Юрие землю одомкае,
Святий Петро жито зажинае,
Святая Илія у копи складае.

Б. Бр. волочобн. Шейн Бр. п. 93: Юрій и Микола— в поле „жита глядзець“. Всѣ жита хороши, а у N лучше всѣх: ему надо ... сына женить, дочку отдавать.

В. Бр. купальская, Шейн ib. 153: Ян с Петром по межам ходят, жита глядят; у N и N (величаемых) лучше всѣх.

Г. Волочобн. бр. Безс. Бр. п. 5—7, Шейн Бр. п. 99—100.

... Да што ў поле рана гаманіло? [1])
Гаманіло ў поле ядрено жито,
Ядрено жито гаспадара кліче:
„Да ты, гаспадару, отведай менє ...

Он едва может объѣхать (v. соколом облетѣть) свои поля, Жито уже высыпается. Совѣтуется с женой, нанимает жниц и пр., жена угощает их. Обильная жатва.

Относительно Ильи (А) ср. мр. новогодную посыпальную (выше стр. 114 (183)).

---

[1]) Мр. свадебн. Метл. 163:

Ой зашуміла, заговорила яра пшениця у стозі:
Та неподобонька мені у стозі стоятп,
Та подобонька з мене коровай бгати.

Относительно Юрія и Николая (Б), и объѣзда полей (Г) ср. болг. юрьевскую, щедровочнаго размѣра: а) Миладинов. 46:

На Юрьев день св. Юрій сѣдлает коня, объѣзжает стада (хозяйскія, в этом—величанье) и видит: все хорошо, овцы поягнились и пр. (см. выше стр. 70—3), но на пастьбищах нѣт травы, озими померзли, ярины погибли. Он возвращается печальный. Мать спрашивает о причинѣ печали и совѣтует послать росу и дождь и за тѣм на Спасов день объѣхать сумежья (сънори=сынори, греч. σύνορον). Вот на Спасов день он ѣдет и видит, что озими выколосились и пр. От радости он поет. Все, заслышавши его, притихло, кромѣ осины, которую он проклинает трепетать до вѣка.

б) Безс. Кол. Пер. VI, 43—4:

Св. Георгій кует коня. Св. Николай спрашивает „куда?“, а, по возвращеніи—„каковы поля?“—Жито коню до гривы, ячмень до узды и пр.

XII.

Господарь готовится встрѣчать, угощать годовых гостей 1) колядников, 2), 3) Бога и святых.

1. А. Кол. Гол. II, 606, 43:

Ой устань, устань, господареньку,
Гой дай Боже!
Побуди свою всю челядоньку,
Всю челядоньку, господиненьку,
Ой най же она раненько встає,
Світли світлоньки повимітає,
Кленови столи позастелає,
Воскови свічи позажигає,
Пшеничним хлібом позакладає,
Рочних гостеньків ся сподіває,
Рочних гостеньків, колядниченьків.
Ой за сим словом и пр.

Б. Кол. „газді“, Гол. IV, 109:

Подходя к дому:
Ид сему двору, ид веселому,
Гой дай, Боже!
Ой ми ж до тебе в рік загостили!
Ци дома, дома сам пан господарь?
Ой ми ж бо знаєм, господарь дома,
Бо сидит собі по конець стола,
По конець стола еворового,
А на тім столі *три кубки* стоя:
... Солодок медок на Святий Вечерь,
Багрове пивце д Святому Різдву,
Зелене винце людем *на закін*.

В. Кол. Гол. IV, 544—5: „Ци дома?“... господарь „по конець стола“... „три кубки“:

Медок солодок — на челядоньку,
Багрове пивце на колядочку,
Зелене винце та й до церківці,

где св. Николай звонарем, сам Господь три службы служит: за господаря, господиню, за челядь и худобу.

Г. Кол. Чуб. II,; 416—7 (N 142—3): три чаши v. 3 кубка и пр.

А в сёго пана *скамья* заслана . . .

Скамья, откуда лит. *skotia*, id., не scamnum, а стол. Так и у Метл. 193 и ниже (3).

Д. Бр. волочобн., Шейн, Бр. п., 80—1, N 139—140; застольная ib. 220: около двора N 3 ручья: вино, мед, пиво.

Е. Кол. Гол. IV, 7, N 7: колачі, 3 кубки, . . . „*оронe* пиво“ (срб. *руйно*, через мадьяр.?).

Ж. ib. IV, 11: „Ци дома . . . по конець стола, колачи, свѣчи, кубки с зеленым вином,

Зелене вино служби служило

за господаря и пр.

З. Кол. Люботин, Валков. у. (зап. И. И. Манжура):

А в нашого пана *ворота с під злота*
Радуйся, ой радуйся, Боже,
Веселися, земле, для Христа!
А в пашої пані три кубочки на скамьї,
Шо в первім кубочку зелене вино,
А в другім кубочку червоні ягідки,
А в третім кубочку солодок медок.
Зелене вино за-для пана ёго,
Червоні ягідки за-для ёго жінки,
Солодок медок за-для ёго діток.

И. Гол. IV, 20, N 28. „Ци дома“, Возлѣ господаря слуги,

Держат шапочки та й за кpисочки.
Він собі сидит, грошики лічит

. . . „на три столики“. Перед ним колачи, свѣчи, кубки с вином.

Зелене вино розшайпулося,

Розшайнулося по тисовім столі . . .

I. Щедр. Маркев. Обыч. и пр. 65—6; Чуб. III, 425, 455—9; Шейн, Бр. 48:

Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям на здоровъя!
Чи дома, дома, пан господарь?
Ой я знаю, що він дома,
А сидить він кінці стола,
А на ёму шуба люба
(v. На нім шуба соболёва),
На поясі калиточка,
7 В калиточці сім шеляжечкі.
Сёму тому по шеляжечку,
А нам братця по пирожечку.

В 7-м ст. вм. „сім шеляжечків“ (v. сто червінців) поют „дзинькаторі“ (семинарское измышленіе от дзинь! с латинским окончаніем). Отсюда у Чуб. искаженія „дзилинькотора“, „чиндокора“, „цинкагора“. Ср. вар. Балт. у. (сообщ. Л. С. Мацѣевич:

Ой чи є, чи є пан господарь дома?
Ой я знаю, що є дома,
Сидить собі а вкрай столэ,
На нёму шуба шубалёва,
А в тій шубі дзінькотора,
А в тій дзінькоторі калитка,
А в тій калитці сім червонців.
Сёму тому по золотому,
А нам хлопцям по колачові,
Та старим бабам по бухонцеві,
А дівчатам по сухарові.

Вѣроятно от мр. щедр.—моравская кол. (Suš. 746:

Sedí pan táta na kraj stola,
U něho čepička sobolová
Pod tú čepičku tři dukaty . . .)

и нѣсколько поль. (Kolb. Lud V, 231—2, N 34—из 2-х частей, различных по размѣру: 1-я 6+6:

Cy jest sam pan doma, cyli jego niema?

2-я Suknia na nim sobolowa.
Siągnął ci se do kiesenie,
I wyjął ci dwa cerwone,
Posunął je *po stołowie*,
Po stołowie jaworowie:
„Wynieście-sz to kolędnikom,
Tym to wielkim pracownikom.

Отмѣченныя формы указывают на мр. „по столові яворовім“.

Ср. также серб. кол. Кар. I, 115 (N 190).

К. Кол. Гол. II, N 44 лишь началом „ци дома“ и „по конець стола“ вяжется с А—3, а впрочем самостоятельный мотив: величанье господаря по одеждѣ. Относительно „кошуля“ ib. II, 18, N 25, ср. Шейн, Бр. 82, 97.

2. А. Кол. Голов. II, 31 (N 43), Жолковск. у. и с нѣкоторыми измѣненіями и перестановками ib. IV, 5 (3), Стрый. у.

На святий вечерь, на вечереньку,
Ой дай, Боже!
Ходит господарь сам по світлиці,
Ставит столеньки у три рядоньки,
Кладе обруси все шовковиї . . .
. . . Кладе таріпці все сріберниї . . .
Просит Боженька на вечереньку.
В єдно віконце світит му сонце,
В друге віконце та ясен місяць,
Ясниї зори світят в около.
Посадив Бога посеред стола,
Свяу Пречисту при другім столі,
Уси святиї навколо неї.
Приймає Бога зеленим випом,
Свяу Пречисту солодким медом,
Усі святиї шумнов горілков.

Б. Гол. IV, 111—2, Колом. у. По началу сходна с 1 Б. Колядники подходят

А д сему двору та й д' веселому,
А ми до тебе (а) в рік гостеми!

„Ци дома?“, ... „три кубці“. За тѣм дом представляется церковью:

Ходит господарь та й по церковці
Чествует Бога зеленим винцем,

святых—пивом, колядников медом. Далѣе — другой мотив „не так тепер, як с первовіку“ (см. ниже).

В. Чуб. II, 335—6 (63), Пинск. у. (мученье Христоса, из крови—Дунай), Бог вм. себя посылает к господарю на вечерю ангелов.

Г. ib. 337 (66). На вечерю „Панна Марія с Исусом“.

Д. ib. 384 (108), колядники поднимают с постели господаря и возвѣщают ему прибытіе Дѣвы Маріи и св. Николая, которые спросят:

„Чи навчаєш ти діти малиї
Богу молиться и пр.

Е. Щедр. на Новый год, Ананьев, сообщ. Г. Я. Стрижевскій: Пане господару, а вставай, не спи,
Щедрий вечір! 2
А вставай неспи, [та] застилай столи,
... Столи тисовиї, скатирки шовкові,
Та клади калачі з яроі пшениці,
Бо прийдут до тебе роковіі гості,
Роковіі гості, сам Ісус Христос,
Сам Ісус Христос, ще й Божая мати,
Ще й Божая мати. „Просю вечеряти!“

(говорит Христос.)

—А я неприйшла, синку, вечеряти,

(а за райскими ключами, выпустить души, кромѣ одной).

Ж. Коль., Ольшана, Богодух. у., сообщ. И. И. Манжура. Разм. 7+7 v. 6+6.

У нашого царя *помалёвані тина́*,
Рай розвився,
Христос уселився
У сёму дому!
Помалёвани типа, *с під злота ворота*,
( ) весь двір на помості,

( ) світлоньки новії,
( ), столи тесовії.
За тими столами три святі стояло,
( ) три служби служило,
( ) для пана Ивана,
( ) ше й за жінку єго,
( ), ше й за дітки єго.
Шо єго синочки—так як соколочки,
А то єго дочки—на небі зірочки.

(опущенныя полустишія заполняются предыдущими).

3. Чуб. III, 387, Борисполь, Переясл. у.:

А у пана Платона [1]) *золотиї ворота*,

за ними за столами святые служат заздравныя службы.

И. Хорватская колядка, Kurelac, Jačke, 293:

Взстанте, гори, господар!
Одпрте нам *врата*,
Пода дном су *злата* [2])
В обрху крутовна (?).
В вашем двори Божја Мат,
Посрид двора—зелен бор [3]),

(из другого варіанта ib.:)

Под бором је врани кон,
На нем сйди синак ваш
Тер (=и) сулицум сфркује . . . [4])

I. Серб. Кар. П. I, 117, „у очи Божића“ (на канунѣ Рождества):

Божић, Божић бата [5])
На обоја врата,
Носи киту злата,
Да позлати врата
И обоја побоја [6]).

---

[1]) Чубинскаго.

[2]) Золотой порог.

[3]) Сосна. Ср. ниже в мр. колядках: „стоїть сосонька серед дворонька“.

[4]) Мр. „копъем вихас“.

[5]) Стучится.

[6]) *Побој* = ц.-слав. *подъбой*, postis: „все двьри долини

Минуя другія, м. б. сомнительныя отношенія этой п. (мое соч. О мио. зн. пѣкр. обр. 20—1), привожу ее здѣсь п. ч. и в ней величанье состоит в том, что хозяина посѣщает Бог и что у него—золотыя ворота.

К. С Н ср. болг. „велигденска“ (великодная, величальная), веснянночнаго размѣра, Миладин. 33:

Ордено моме 'убаво!
Што глоба найде татко ти,
Што си продаде куки-те?
Што бѣ'а куки 'уба'и!
До девет врати големи,
Десета врата наймала,
Край мала врата ливада,
Во ливада-та зелен бор,
Под бор-от студен кладенец,
Край кладенец-от търпеза,
На търпеза-та 'си светци;
На чело—свети Никола,

далѣе Илія и Марія с младенцем, котораго вихорь восхищает на небеса.

3. *На пиру недостает одного из святых; чудо Св. Николая.*

А. Щедр. Чуб. III, 453—4 (19), Ковел. у. Варіант в прочем неудовлетворительный, но, если неошибаюсь, замѣчательный по одной чертѣ, невстрѣчавшейся выше:

Пане господару, замітай двори,
Замітай двори, застілай столи,
Накладай хліби усѣ разние:
Найдуть до тебе гості важние,
Наіде до тебе сам Господь з неба
С писарчиками, с окучиками.

прагъ имоутъ и надъдвьрныи прагъ, лежеи на подъбою, да подъбоя неможете стояти прага непмоуша, ни оутвръдити себе непозыбьлюща, аще да ненадълежитъ горнии прагъ на нею... Яко бо се съньметъ врѣхнии прагъ, то ноужда юстъ подъбоюма, рек'ше двьрникома, и худою рукою зыбатисе“, Іо. Экз. Шестодн. по Син. ркп. 1263, Чт. 1879, III, 39.

Св. Ильи сначала небыло: он жито стерег.

„*С окучиками*“ м. б. испорчено, вм. „*с окущчиками*“, с экспертами, от *окусити*, experiri. То, что сам Господь ѣдет к господарю с писарями и знатоками, напоминает былины о Дюкѣ Степановичѣ из „Волынца—Красна Галичья“, в коих Владимір, чтобы узнать, правду ли говорит Дюк о своем богатствѣ, сам ѣдет к нему в гости и велит „дом его переписывать“ (Кир. Дан., Кир. III, 105), или посылает к нему „трех писарей“ (Гильф. 125), переписчика (ib. 1077), общѣщиков (ib. 84, 782 и др.). Если бы похвальба Дюка неоправдалась, он был бы наказан, оштрафован, „оглоблен“. М. б. подобным ходом мысли в болг. величанье внесена „глоба“ (mulcta) и продажа величаемаго двора.

Ниже будет указана и другая сходная черта колядок и былин о Дюкѣ и других сродных.

Б. Бр. волочоби. Безс. Бр, п. 1—2. Славный муж N (величаемый) „уславівся“ (возславился) не столько гумном и добром, женой и дѣтьми, сколько тѣм, что

Што ў яго на дваре агні гараць,

варят пиво, гонят горѣлку к Великодню: он ожидает в гости волочобников с Господом Богом, всѣми святыми и Пречистою. Всѣ святые пособирались, одного нѣту, святого Ильи. Он призабавился:

По мяжах хадзів, жито радзів,
По бору хадзів, пщолкі садзів,

за ним посылают верхом св. Петра.

Огни на хозяйском дворѣ—черта, которая могла быть поводом к возникновенію купальской п. (норма размѣра 4+4?), Шейн Бр. 436:

Сегодня ў нас купала,
То, то, то!
Сам Бог агонь раскладаў,
Усех святых *к сабе* зваў,
Толька нету Іллі с Пятром,
Пашоў Ілля кала жита . . .

В. Кол. Чуб. III, 351—2. Ушиц. у. До господаря

„сам Бог завитав“ со своими святыми,

„*Суди судити* на що врожай буде“.

Илья на суд нейдет, п. ч. стережет пшеницы. Господь посылает за ним Петра.

Относительно „суды судити“ ср. бр. волочобн. Шейн Бр. п. 106—7: На хозяйском дворѣ церковь. Там на престолах Святые сідзяць, суды судзяць,

Суды судзяць, рады (=ряды, а не ра́ды) радзяць,

Которому святому у поле іці.

Распредѣленіе занятій между Юрьем, Николаем, Ильею (который и здѣсь был в отлучкѣ, жито зажинал) — в связи с „Свеци благо дијеле“, Кар. Пјес. II, N 1—2, Милад. 25—8.

Г. Бр. волочобн. а) Шейн Бр. п. 77—8; б) ib. 105; в) ib. 82—6. К хозяину собираются всѣ „святки“ (праздники=святые), Пречистая (или безлично) недосчитывается 3-х. Они являются друг за другом: Егорій пас хозяйских коров, Николай—коней (или „по межам ходил, жито родил), Илья жито зажинал (Пречистая — дожинает, к чему примыкает изображеніе урожая, ср. выше VIII).

г) Волоч. Шейн ib 98—9. По началу сходно с Б. N „ославівся“ (=возсл . . .) двором, семьею, через его двор—Дунай, на нем мосты, по ним в каретѣ (как возят чудовные образа) Пречистая, св. Юрій за повозника, св. Никола за помощника. Встрѣчу ей—волочобники (ср. Безс. Бр. 3, Шейн Бр. 96—6). „Невидали ли сына моего?“ (особый мотив, о коем ниже). 1-й и 2-й незнают, 3-ій сам там был и видал: сидит сын ея у честного мужа N, на дворѣ огонь горит, за столами праздники сидят. Они (как волочобники, Безс. Бр. 1) „раховалися, собиралися“, недосчитались св. Миколы (9 мая). Св. Петр, потом Илья отказывается ити за ним: „коня немаю, Миколы незнаю“. Тогда Юрій сѣдлает коня и только что съѣзжает с двора, как на встрѣчу ему св. Никола: он росу росил, жито родил, рон садил.

д) Волоч. Шейн Бр. п. 94—5. У господаря на дворѣ, в церкви на престолах Бог и всѣ святки „рахующца,

которому у пярод ступаць". „Святая Раштво у-пярод пайшла", за нею (ним) другіе в календарном порядкѣ до Ильи. Изображеніе урожая, „святки" меньшіе носят снопы, бо́льшіе в гумно складывают.

е) ib. 92. Перечисленіе праздников=святых:

Святая Вєлічка з чірвоным яічком,
Святы Юрря з росицею и пр.

В болг. старческой п. ев. Илья с Николою отправились на встрѣчу Лазарю. Видят, он ведет за собою „Вели-ден" с красными писанками и „Гергёв-ден" с печеными черноглазыми („вакористими", болг. вакли) ягнятами.

То не ми било свети Вели-ден, Гергёв-ден,
Нъ ми сѫ (сж) биле клети сираци просеци,
Лазар ги води, да ги облече, пахрани
(Безс. Кал. Пер. I, 33—4).

Д. Кол. Чуб. III, 351, Ушиц. у.

. . . А всі сваті(ї) ослоном сіли
( ) Тилько нема святого Різдва
( ) рече Господь святому Петру:
„(Ой) Пе́тре, Петре, послуго моя,
„Піди принеси свяге(є) *Різдво!*"
Не(в)війшов Петро як пів дороги,
Здибало Петра чудо чуднос,
Чудо чуднос, вонем страшнос.
Петро (в)жахнувся, назад вернувся.

Господь объясняет ему, что это-то и было св. Різдво:

„Було ёго взяти, Пе́тре, на руки,
„Сюди принести, на стіл покласти.
„Зрадовались би ся усі святиї,
„Що перед ними (та) Різдво сіло".

„Послуго моя", п. ч. Петр с Николаем на посылках у Христа во время его странствій по землѣ (Драгом. Мр. пред. 110, 121 сл.). Отсюда и „Николо, ти вірне служиш" (Гол. IV, 26).

Сочетаніе значеній „великій" и „страшный", какое— в ц.-сл. *гърдъ* (К ист. зв. III, 2; „страшьнь и грьдь соудии", „страшьнь образъ и грьдь", Mikl. Lex.); вѣроятное примѣ-

пеніе этого слова к празднику Рождества (ср. „крьщеніе (Христа) свето и грьдо“, Mikl. ib.), в связи с обрядными огнями или огнями, упоминаемыми в колядках (см. выше и Гол. IV, 25) могло повлечь представленіе *великаю* праздника Рождества *страшным* огненным чудом. Как выше (3 Б) замѣчена связь между колядочным и купальским мотивом; так можно догадываться, что одного происхожденія с этим огненным чудом—*полелó* (ср. *польти* urí, ardere, и мр. (Ром. у.) *палó* в поговорочном „ніж гострий як палó“) в шуточной купальской п. (Чуб. III, 205, Литин. у.; Объясн. мр. п. I, 183):

Летіло полелó через наше село,
Стало спочивати на Йванковій хаті,
Иванова хата запалилася,
Йванові голова засмалилася,
А Павлинка з радощами
Носить воду пригорщами.

Е. Кол. Чуб. III, 344, Ушиц. у. По главному мотиву (купанье Христа и спор его с Петром о небѣ и землѣ) этот вар. относится не сюда, но он началом дополняет Д и заключает черту, как бы намекающую на сон св. Николая (см. ниже) и испытанное им во снѣ сожалѣніе:

Пане господару, вставайте неспіть,
( ), Богу ся моліть,
Бо до вас прийдуть рокові гості.
А всі святиї ослоном сіли,
Святий Микола на копець стола,
Підперся мечем [1]) під правим плечем,
Склонив головку, вронив слёзоньку,
Де слёза кане, там Дунай стане,
А в тім Дунаю Господь купався и пр.

Серб. п. обычнаго эпическаго размѣра повѣствует: В Павловом св. монастырѣ святые празднуют „крсно име“ Христово (стало быть на Рождество или на Крещенье). В головах золотого стола—Громовник Илья, в сере-

[1]) Св. Петра.

днѣ Савва и Марія, в концѣ Пятница и Недѣля.

„Славу диже светитель Никола
И напија у славу Ристову,

и в этот торжественный миг он задремал, уронил чашу, но она неразбилась, ни пролилось вино. Илья упрекает его, он оправдывается: „я мало вздремнул и увидѣл чудный сон: 300 черпцов повезли морем воск и темьян в дар Св. Горѣ, поднялась буря и они кликнули: Помоги Бог и св. Николо! Гдѣ бы ты ни был, будь нынѣ тут!“ (ѣе си гоѣе, да си сада овѣе). Я пошол и помог им. От того то мнѣ и задремалось (К. II, N 22).

Соотвѣтственная болг. п. (запис. М. С. Дринов, в Панагюрищѣ, Період. Спис. 1876, XI—II, 157—8) есть колядка (разм. 4+4) и, как мр. вар. Е, начинается с обращенія к лицу:

Станенине, господине,
Дане Бане, Дан војводо...

(см. выше стр. 72 сл.).

Далѣе: всѣ святые собрались на крестины к молодому Богу, „на спонудà“ (=серб. бабине) к его матери. Нѣт только св. Николы. Посылают архангела потрубить с высоты Маріина престола в окованный рог налѣво и направо, чтобы услышал Никола и пришол. Никола пришол, но лишь дали ему в руки чашу вина, он вздремнул, уронил ее и пр., как в серб. Это его звали утишить море корабельщики. Т. о. тогда как серб. п. говорит лишь о душевном восхищеніи (entzückung, entrückung) св. Николая, болг. говорит сначала о том, что его нѣт на пиру, что он является на зов, а за тѣм о его снѣ. В отрывкѣ, перепечатанном у Без. Кал. Пер. VI, 42—3 из Бълг. книжици, Царьгр. 1862, Апр., св. Георгій, сидящій во главѣ трапезы, дважды посылает за отсутствующим Николаем, за 3-м разом идет за ним сам, как в бр., вар. Г г,

„Леле-варе, свет Никола!
Я си земи рог прѣкован...

Никола берет рог (как выше Архангел) и идет „над село-то“... (Для чего?)

4. К вар. XII, 3 примыкает слѣд. кол. дѣвицѣ, Гол. IV, 64—5, Ожидов, Золочев. у.:

Через селейко бистра річейка,
Дівойко, панна дівойко,
А ласкавоє сердейко!
Ой через річку кидровая кладка,
Ой ишла ж нею красна панянка,
Красна панянка, на имя Ганнуся.
Перепяло сй три молодчики,
А не есть то ми три молодчики,
Али есть то ми три ангелойки:
„Ой ступай же ти па кидрову кладку,
На самий перед помнеш ручки,
Ой а по тому своє личейко:
Уздриш долейку в чистій водиці,
Ой уздриш Бога по конець стола,
Пресвяту Діву посеред стола,
Сина Божого в сї ручейках,
Усі святиї а по застілью.
Ой устань же ти а у ранших кур,
Ой помнеш ти горіхови чаши,
Ой піди же ти а до пивниці,
Уточи же ти зеленого вина,
Принеси же сго а до світлойки
Почастуй Бога по конець стола,
Пресвяту Діву посеред стола,
Сина Божого в сї ручейках,
Усі святиї а по застілью!“

К сожалѣнію, это единственный варіант. Кажется, нужны перестановки. Вслѣд за 11-м ст. можно бы помѣстить 16—7, за тѣм 12—5, 18—24.

То что ангелы возвѣщают приход в гости Бога и пр., между прочим, напоминает сходный мотив серб. кол. хозяйкѣ (Кар. I, N 191):

Уранила, коледо! стара мајка, коледо!
Светој цркви на јутрену.
Сусрете је свети Петар

На јелену златорогу,
Златорогу и парогу [1]):
„Врн се на траг, стара мајко!
„Ево су ти гости дошли,
„Добри гости, колеђани . . .“

М. б. *кладка* указывает на близкое замужество (Объясн. мр. п. I, Указат.) и 3 ангела, вѣстники брака, как голуби=ангелы в кол. Чуб. III, 465, по сближенію этой п. со сродными. Смотрѣть на святках в колодязь, в прорубь, чтобы увидѣть суженого, узнать свою судьбу, — в обычаѣ у Руси, Чехов (Ао. П. В. II, 192, 209; III, 341, 169). По совѣту вилы Марко Королевичь смотрится в источник, чтобы узнать свое будущее.

А кад Марко лице огледао,
Виђе Марко, кад ће умријети
(К. Пјес. II, 441).

Сопоставленіе колядок, в коих гостьми являются только колядники („гости рокови“, „угодные“, желанные, как серб. полажайник, от котораго зависит счастье и несчастье дома во весь год, Кар. Рјечн. *полажајник*; Ао. П. В. III, 734; см. выше стр. 37, 54—60, 63—5), с тѣми, в коих они—вмѣстѣ с Богом и святыми, или же—на вечерю приходят только Бог, Богородица и пр. (XII, 2, 4), может быть, кажется, неуместно дополнено слѣдующими сближеніями.

а) Может восходить к отдаленной старинѣ сопоставленіе, даже отождествленіе гостя и Бога в пословицах, как „Гость в дом, Бог в дом“, „неганіце Бога в лес, калі в хату влез“ (о гостѣ, Ао. П. В. II, 63); Бога и счастья в обычных лотышских сопоставленіях: „Бог и Лайма“ (доля, счастье); серб. „Бог и Срећа“; вѣстники радости, Бог и „Срећа“, на пр. в припѣвкѣ „муштулугџијама“, вѣстникам приближенія сватов с невѣстою:

---

[1]) *Парог*, как прилагательное, с парогами.

На муштулук, браћо паша, добро сте дошли!

С вама дошла свака срећа и сам Господ Бог (Кар. Пјес. I, 45; моя ст. О долѣ, Древности, Тр. Моск. Арх. Общ. I, 187—8). Самое *Богъ* может этимологически значить подателя доли (ср. О долѣ ib. 153).

б) Приглашеніе на вечерю Бога и Богородицы может быть сопоставлено с нѣкоторыми нынѣшними и старинными извѣстіями о Долѣ, Рожаницѣ и ставимой ей вечерѣ. Конечно, в стихѣ кол. XII, 4, „Уздриш долейку в чистій водиці“ может быть рѣчь не об олицетворенной Долѣ, а о суженом; но олицетвореніе болѣе явственно в том, что в день св. Екатерины дѣвицы „варят *кашу* из пшена и мака и поочередно лазят на ворота, приговаривая: „Доле, ходи до нас вечерять!“ (Чуб. III, 257). Сюда же—разсказ, запис. в Канев. у. (Чуб. II, 427—8): „Дві жінки . . . одна гарна, а друга . . . погана . . . полаялись . . . : „Подивися ти, каже гарна, яка ти гидка та невірна!“. . . —Я, каже та, хоч и погана“. . . так „моя доля хороша . . . хочеш, я тобі покажу и твою долю и свою? . . . Піди-ж ти до дому и навари вечерять в здорових відерних горшках, звари борщу и *каши*, а я теж навару, та й понесем долям, то побачим и твою, и мою“ . . . Прийшли вони на перехрестну дорогу; поставила коло хреста погана жінка свої (маленькі) горщечки, развязала їх, зверху положила чистеньку ложечку, одійшла трохи од хреста, та й каже:

„Доле, доле, иди до мене вечеряти!“

Сказала вона раз . . . , и *другий* . . . , коли за третім разом приходить панич, да такий-же-то хороший . . . попробував борщу . . . далі каші, положив ложку сверху, завернув в рушничок гроші и незнать де й дівсь . . .

(Другая) невспіла крикнуть („Доле и пр.“) в третій раз, а тут як підйметця вітер, як схопитця буря . . . приходить Доля гарної жінки, да такаж то препогана, обірвана, кудлата, да ще й с хвостом [1]), виїла, виїла

---

[1]) Это может противорѣчить, по крайней мѣрѣ отчасти, моему толкованію (выше стр. 69) пѣсни на стр. 61.

все з горшків, поперекидала їх, та й пішла собі".

Что каша, кутья, имѣющая, как извѣстно, важное значеніе в рождественских вечерях, была одним из жертвенных блюд, на это указывает болг. *молитва*.

Самое имя, лежащее в основаніи гл. *молити* могло имѣть зн. жертвы, если судить по стар. поль. *modła= obiata*, жертва [2]). *Молити* в ст. яз. сочетается с винит. *молимаго* v. *моленаго* т. е. приносимаго, принесеннаго в жертву предмета. Так в словѣ Христолюбца: „и то все творять богы и богынями, и тако кладуть имъ требы, и *коровам* имъ *молять*, коуры рѣжють, и огневи молять же ся, зовоуще ѥго Сварожичьмь" (по сп. XV в., Тихонр. Слова поправл. против язычества, Лѣтоп. Р. лит. и др., IV, 92); „Кое же соуть идолослоужители? То соуть идолослоужители, иже ставять трапезоу Рожяницямъ, коровам молять виламъ и огневи подъ овиномъ" (ib. 94). Отсюда прич. страд. при подлежащем молимаго предмета: „аще л(и) нетворят того (=моленья идольскаго) вѣжи (=попове и книжници), да (=то) пьють и ядят моленое то брашно" (Сл. Христ. по Паис. Сб. XIV в., ib. 89). *Ся* при этом гл. изстари имѣло значеніе уже не собств. возвратное („приносить *себя* в жертву", Бусл. Оч. I, 82), а, как в стар. русс., нынѣшн. мр. *слати ся* (посылать не себя, а другого v. другое, но без наименованія его), было средством превращенія объективнаго значенія глагола в субъективное. Вышеупомянутое сочетаніе с винит., а равно и прич. страд., донынѣ сохраняется в разных мѣстностях Россіи. *Моленый баран*, обреченный в жертву (Бусл. l. c.; Ао. П. В. 256—7) [1]). Вят. *замолить* теленка, зарѣзать. *Молить*

[1]) „Bo bi byl chcial, modlȯ (obyatȯ) wzdal bich byl, ouszem modlamy ne bȯdzes sią kochacz, Modla bogu duch smȯczony... tedy wzmesz modli sprawiedlnosci... tedy nakladȯȯ na oltarz twoy cielȯȯt, Псал. 50, 18—9, 21; 1290 г. Maciejow. Dod. do piśm. 4.

[2]) У Осетин *ыувонд*'ом называется животное (баран и др.), предназначенное в жертву Богу или святому, по указанію гадальщика или старшаго в домѣ, иногда за год до праздника.

кашу, молить корову (Даль), *молить Касарецких* — об обрядном вареньи каши на молокѣ коровы, в первые послѣ отелу, о жареньи поросенка [1]). С этим согласно то, что серб. *мо̀литва*=молитвена чаша, невјестина чаша: бокарић напуњен вина и накићен вијенцем од цвијећа, који у

Хозяева дѣлают мѣтку на правом рогу такого животнаго. Они и пастухи, во избѣжаніе гнѣва святого, которому обречено животное, несмѣют нетолько обращаться с ним дурно, но и смотрѣть на него без благоговѣнія (Сб. свѣд. о Кавказ. горцах IX, 44, 50).

[1]) М. Е. Халанскій сообщает, что в с. Россоховцѣ, Щигр. у. Кур. г. *Моленье коровы* происходит т. о. За обѣдом, перед тѣм, как подавать (обрядную) кашу, на стол кладут сѣна, на него ставят кашу, в которую „устремляють“ (мр. „встромляють“, втыкают) двѣ былинки: одна—пастух, другая—теленок; зажигают перед иконой свѣчу и молятся. Старшая в домѣ женщина подымает горшок с кашей и качая его, приговаривает: „штоп каровки бѣжали, памыкивали, а телятки набрыкивали!“ За тѣм отрывает немного каши и бросает на сѣно, говоря: „ста на карову! а ста тялёначку!“ Сѣно относят коровѣ, кашу ѣдят. Если часть пѣнки от каши возьмет прежде всѣх женщина, то на тот год у той же коровы будет телка, а если мущина, чего стараются недопустить, то бычок.

Подобным образом, по с качаньем жаровни вм. каши происходит там же *моленье кур*, вечером под день Козьмы и Демьяна и *молить* касарецких, т. е. жарить поросенка под Новый год (Василія Еп. Кесарійскаго). В обоих случаях стол устилают соломою пшеничною, ржаною, овсяною и пр. с колосьями, что связывает всѣ 3 обряда с малорусс. под Рождество, и на эту солому складывают *неразламывая* кости кур и поросенка, чтобы на тот год цыплята были не с поломанными спинками и чтобы у поросят спинки негнулись. Это черта того же порядка, что Индійскій миѳ об Индрѣ, Марутах и Р·бhу'ах, из кожи съѣденной коровы создающих новую корову, и Скандинав. о Торѣ, который будучи в гостях у поселянина Эгиля, убил своих двух козлов, мясом их угостил своего хозяина и его домочавцев, проса неперебивать костей и складывать их на шкуры, и потом своим молотом оживил козлов, из коих, впрочем, один охромѣл, и. ч. сын Эгиля перебил его бердо (Mannh. Germ. Myth. 57 сл., 62—3; Ас. П. В. I, 685).

сватовима дјевери носе пред дјевојком, Кар. Рјечн. Можно думать, что это была чаша „моленая“; т. е. назначенная для возліянія [1]).

---

[1]) Есть свадебныя пѣсни и обряды, указывающіе, по видимому, на то, что при встрѣчѣ зятя тещею или невѣстки свекровью, первая чаша, или первыя двѣ не пились, а выливались. Кто бы их выпил, тот бы подвергся карѣ божества, и это понято так, что эти чаши заключают в себѣ „лиху долю“, „чари“, отраву, и только 3-я — „добрую долю“. См. обряд и пѣсни у Гол. II, 663; Гол. IV, 279; Чуб. IV, 300 („Непий, Иванко, першого привіту“), 339; наставленіе отца и матери сыну: „непий ... першого напоньку (=„першої чести“) ... вилий ... коникови на гривоньку“, ib. 317—8; Купчанко, Зап. Ю.-З. отд. Г. Общ. II 487; Шейн, Вр. п. 542. В Герм. невѣста выливает питье через голову (Сумц., О свад. обр., 151). В болг. свадебной пѣснѣ молодой поучает невѣсту:

Кога міе дома ке пойдиме,
Ке излезит моя стара майка,
Ке излезит со кронднл ракія [1]),
Ке ти да'ит со чаша викіа (?).
Ти да ми с чаша непотъемвиш,
Да с да'иш брату Костандину ...
... А не'ѣста умна и разумна
Не ѣк испи, ни чаша с даде,
Тук' с тури на земя суро'а (Милад. 467).

Совѣт передать чашу брату, деверю невѣсты, первоначально имѣет обрядное основаніе, как видно из вышеупомянутых мр. пѣсень у Чуб. IV, 339, 300:

Непий, Ивасю, первого привіту ...
... Дай старшему свату, родному брату,
Ой нехай вилле коніку на гриву,
или
Оддай маршалку через праве плече
Цехай він вилле коням на гриву;

по раз причина обряда понята так, что „первий привіт лихий“ (ib. 339), передача этой чаши другому получает смысл желанія, чтобы на этого другого—все лихо. Отсюда — похвала невѣстѣ, которая незахотѣла этого сдѣлать.

---

[1]) С чаркой водки.

Болг. *молитва*, по видимому, каша, пшеничная кутья, как поминальное коливо. Ср. слѣд. п.: Ожидая посѣ-

---

От этих обрядных, кажется, ведут начало эпическія п. на тему: мать, при встрѣчѣ, хочет извести нелюбую невѣстку ядом, но вмѣсто нея пли вмѣстѣ с нею, отравляет своего сына. В болг. пѣснѣ это еще связано с обрядной встрѣчей молодых и передачей чаши деверю: Богдан совершив умычку, предупреждает невѣсту:

„Твоя-та свекрва—моя зла маѣеха:
Она ѣе излезе снаха да пречека,
ѣе ти даде чаша руйно вино,
У чаша ѣе фармак [1]) ѣе ти тури.
Ти земи и хатар направи [2]),
Поклони с (=чашу) на помол девера".

Деверь пьет и падает мертвый (Верковиѣ, Нар. п. Македон. Буг. 316). В мр. пѣснях, частью того же размѣра, свойственнаго пѣсням с балладным содержаніем (об этом размѣрѣ—мой разб. п. Голсв., З. Ак. Н. XXXVII, II, 110—9, особ. 113; Объясн. мр. п. I, Указатель, особ. 210, 221), этот мотив отчасти смѣшан с другими сродными (превращеніе нелюбой невѣстки в тополь; над гробом пары любовников выростают деревья и пр.). Рѣчь идет отчасти уже о возвращеніи сына с дороги, с войны. Мать

... „Синові дала солодкого меду,
А невістці дала вужового їду,
А мила пепила, милому лишила...

(Гол. I, 81; ср. ib. 113—4 и 76—7). Размѣра 5+5 (испорченнаго смѣшеніем с 5+3) — Гол. II, 585: сын привозит невѣсту с войны.

Пивом мати го витас,
Невістці чари зряджас.
Син пива напив, під кон[ика]я розлив,
а выпил вмѣстѣ с женой яду:
Що моїй жені, най буде мені...

Размѣра 5+3 (Пряшев., Гол. II, 711—2): сын впервые приводит невѣсту „без материной поради". Размѣра 5+5 и 6+6, Бр. Эти. Сб. III, 218—9; Чуб. V, 711—18. Яд назван „отрута", „чорне пиво", „люте зілля", „зелена травка", „чемерівка"

---

[1]) φάρμακον, как русс. *зелье*, лот. *zâle* лѣкарство и яд.
[2]) Сдѣлай ей удовольствіе.

щенія гайдуков (разбойников) Диман-чорбаджи с 9-ю сынами и снохами прячется. На хозяйствѣ остается только младшая сноха. Она напекла 9 печей хлѣба,

Навари девет казана
Девет казана *с молитва*,
И още девет със жито.

Когда гайдуки наполнили двор, она говорит им:

„Вчера Димана заровихми . . .
. . . А ноще-с молитва варя,
Утри ща хора (людей) да збирам,
Да хаппат [1]) и да помянàт“;

по так как вы пришли, то давайте теперь закусите и помяните во спасеніе души покойника. Когда они сѣли ѣсть, она послала за сеймепами (жандармами), Милад. 328.

Что каша, кутья в частности, входила в состав „трапезы законной“ (ср. выше XII, 1, Б: „зелене винце людем на закіи“), „трапезы кутейной“ Роду и Рожаницам (см. Ао. III, 416—21), об этом извѣстное свидѣтельство слова Христолюбца: „іже ставят, лише кутья, ины трапезы, закон'наго обѣда, іже нарицаетьс безакон'ная трапеза, мѣнимая роду и рожаницам“ (Панс. сб. XIV в. Тихонр. лѣт. IV, 90). М. б. от обычая ставить трапезу кутейную роду и от смѣшенія значеній сл. *родъ*, предок — податель судьбы (ср. серб. усуд, моя ст. О Долѣ, Тр. М. Арх. Об. I 190 сл.) и родственник ведет начало соблюдаемый до нынѣ в мр. обычай на „Багату кутю“ носить вечерю, т. е. узвар и кутю, старшим родственникам: дѣду и бабкѣ, если они живут особо, крестным отцу и матери, которые дают (судять) имя.

Другія свидѣтельства говорят о языческой примѣси к чествованію Богородицы, отношеніи этого к Рождеству (?) и смѣшеніи Богородицы с Рожаницею. В ркп. М. син.

(I. с. 715). Послѣднее от общеслав. *чем-ерь*, яд, нѣчто горькое (досада, гнѣв и пр.), в частности чемерица. Ср также Чуб. V, 704—11.

[1]) Чтобы закусили.

библ. N 954, XIV в.: ... „мнящеся чсть творяще гежи Бци, ставяще тряпезоу кроупичьными глѣбы и сыры и чѣрпала наполняюще вина добровольнаго и творяще трепарь Ржьствоу, и подавающе дроугъ дроугоу ядять и пьють, и мнятся добро творяще и хвалоу тѣмъ въздающе владчици чистыи, еи же есть бечьстиє и хоула, виною рев(к?)ше Рожьства ...“ (Тихонр. Лѣт. IV 86). В Сб. Новг. Соф. соб. XV в.: „Се буди вѣмъ вѣдомо, яко Несторни иеретикъ наоучи *тряпъзоу класти* рожа(ни)цную, мня Бцю члкородицю“ (Тихонр. ib. 88). На сколько Несторий (V в.) повинен в этом кладеніи? *Трапезу класти* и *трѣбу класти* напоминает в кол. XII, 2 A et pass. „обруси *класти*“, „застилать столы“. Ср. „казала сї все *ліжко класти*“ (=лит. patałą kłoti, постель стлать). — Мене ще мамка ба й невіддала, щоби я з вами все ліжко клала, Гол. II 88. В сл. Хрнстол. по ркп. XV в.: „не тако же простотою злѣ служимъ, нъ смѣшаемъ съ идольскою тряпезою трьстыя Бця съ рожаницями“ (Тихонр. ib. 94—5); в Сл. Григ. Богосл. по той же ркп.: „черевоу работни попове оуставиша трепарь прикладати Ржства Бци къ рожаничьнѣ тряпезѣ, отклады дѣюче“ (ib. 101).

Черты, отмѣченныя выше в колядках, как то: обходы Бога и святых, умноженіе ими добра, приглашеніе их в дом и угощеніе, изображеніе урожая (выше стр. 111), пожеланія („дай Боже“, чтобы „в клуні в молутно“ и пр. стр. 51—2), ведут к сближенію колядок с дожиночными или обжиночными (ср. 118). Эти послѣднія, по размѣру, непредставляют единства: часть их сходна со свадебными, что, мнѣ кажется, должно быть принято в разсчет при их объясненіи.

В слѣдующей „спорышовой“ (дожиночной, „дорогою“ т. е. неся дожиночный вѣнок „и на хозяйском дворѣ“) размѣр 5+5 частью сохранился, частью возстановляется весьма легко:

(⌣) [1]) Хадзіў Спарыш (⌣) па вуліце,
(⌣) Па вуліце (⌣) па широкой,
(⌣) Па мураўце (⌣) па зялёной,
А ніхто Спарыша у двор нязавець.
Вышла выехала Хвядарiха:
„(⌣) Хадзі, Спарыш, (⌣) ка мне на двор,
„(⌣) Ка мне на двор, на чисовы стол:
„У мяне сталы пазасціланы,
„(⌣) Віном кубкі паналіваны;
„У мяне пірагоў панапечана,
„У мяне мёду панасычана,
„У мяне каша наварена.

[1]) ⌣ на мѣстѣ недостающаго слова.

„(⏑) Сядзь, Спарыш, (⏑) на по́куце,
„(⏑) На по́куце да на золаце;
„(⏑) Пі, Спарыш, зіляно віно!“
„Спары, Божа, у масм гумне,
„У масм гумне, у масм дваре!“
На таку вмалот, а в дзяжи падход,
А у печи рост, [а] на стале сыцё!
(Шейн, Бр. н. 209—10).

Послѣдніе два стиха могут быть словами не величаемой хозяйки (или хозяина), обращенными к Спорышу, а — величающих, принесших вѣнок. Ср. в колядках, выше стр. 51. То, что в пѣснѣ Спорыша приглашают сѣсть *на покуть*, за застланным столом, на котором кубки с вином, пироги, мед, каша; что в самом дѣлѣ обжиночный вѣнок помѣщается „на покуті“ (Ž. Pauli, P. l. K. I, 48) напоминает слѣдующій ю.-русс. обычай.

„На перший святий вечер“ (на Рождество) заметают хату до чиста и вносят „*дідуха*“, т. е. „соломи мервястої“ и застилают ею всю землю в хатѣ. За тѣм вносят „*діда*“, т. е. *снопъ* пшеницы, жита или овса, и ставят его под образами, на покутѣ, сторчь, огузком („гузярем“) вниз, колосьями вверх. Кто вносит „діда“, говорит: „Слава Ісусу Христу! Дай Боже тої свята щасливо опровадити и Нового Року дочекати, од Нового Року до Богоявленія, од Богоявленія до Воскресенія, од Воскресенія до сто літ, поки Пан Біг назначив вік, всім посполу, хто є в тім дому“ (Иг. Галько, Нар. звичаи . . . над Збручем, II, Львв. 1862, 9—10. Чуб. III, 262—3. Другія ссылки в моем соч. О миѳ. зн. пѣкр. обр., 72 сл.). С таким значеніем слова *дідух* (предполагаемаго собств. галиц. Дѣдушичи, Дѣдушицкій) согласен обычай „палити дідуха“ (т. е. сѣно из под скатерти) на 3-ій день Рождества, до солнца, перед воротами на улицѣ (Kolberg, Pokucie, I, 82—3). В других мѣстностях самый снопъ, поставляемый на покутѣ, называется не только *дід*, как выше (Kolb. ib. 86), но и *ді-*

дух (ib. 84) [1]). Этот снопъ мѣстами вымолачивают около Н. г. и вымолоченное зерно прячут до посѣва, а тогда

---

[1]) Терещенко, не указывая на источник, приводит слѣдующее: у Карпатской Руси, на канунѣ Рождества „из хлѣбных яствъ занимает главное мѣсто огромной величины бѣлый хлѣб ... называемый *крачуный* или *крачун*. Его сажают в печь около 3-го часу и обставляют вокруг калачами". В сумерки приступают к принятію *крачуна*. От порога сѣней до главнаго стола, покрытаго полотном, устилают дорогу чистой соломою. На стол ставят большую миску, наполненную домашними овощами и хлѣбным зерном; послѣ выносят ... кушанья ... а в срединѣ их становится большой крачун, окруженный *мьлкими крачунами*. С появленіем звѣзды возвѣщают шествіе *крачуна*. Двое почтительно выносят большой овсяный или ячменный *снопъ* и ставят его в угол избы; прочіе встрѣчают его осыпкою зерновым хлѣбом из миски" [как у Сербов посыпают (и напоют, т. е. поливают вином) „бадняк", как в Серб. и Бр. обливают жатвенный вѣнок, Аѳ. П. В, III, 763)]. „Всѣ присутствующіе садятся во время шествія *крачуна* за один стол, не исключая работников ..." (Терещ., Быт Р. н., VII, 20—1). Отсюда слѣдовало бы, что *крачун* есть не только рождеств. хлѣб (болг. *бъдник*, между тѣм как рождеств. полѣно, серб. бадњак=болг. заклад бъдник) но и снопъ (=дід, дідух). О малых крачунах говорит болг. колядка:

Бог са ради, коледа!
Снощи вечер, коледа!
И крачунци, коледа! (Карав. 277).

Терещенко заимствует свои свѣдѣнія, требующія подтвержденія, из словацкаго источника. На это указывает, как неполногласная ф. *крачун*, так и приводимая им, этимологія из которой могли быть выснованы и прочія свѣдѣнія о крачунѣ: „Карпатороссы совершают на канунѣ Р. Х. *крачун*, который у них есть покровитель домашних животных и птиц (!?); *крачун* происходит от *крачу*, выдергиваю шерсть из животных" [словац. *krákati*, za vlásy rvati, čechrati]. „Домашнія животныя у Карпато-Россов начинают линять с Р. Х.... и это линяньe извѣстно под именем *искраканья* (?). Если великим постом в (?) искраканных животных появляется новая шерсть, то это признак, что скоту занемочь, хозяину обѣднѣть, и думают, что всему виной Крачун, который истребляя животных, карает вольнодумных и негостепріимных хозяев. Лѣтом насылает

мѣшают в сѣмена (Свидницк., Великд. у Подолян, Основа 1861, XI—XII, 66). Он м. б. тождествен с дожиночным

он на стадо медвѣдей и волков. Для защиты от бѣдствій, хозяева дают пир Крачуну" (Терещ. l. c. 20).

Фактическая сторона дѣла, до разъясненія вышеприведеннаго, состоит в слѣдующем. Русс. *корочюнъ*, как названіе Рождества, солноворота (12 Дек.) или Филипова поста (с 15 Н.)—в Новг. I л. под 1143 г.: „стояше вся осенина дъждева от г(осно)жика дни (8 Сент. ?) до корочюна: тепло, дъжгъ"...; как имя личное угорскаго боярина (Славянина, как и другіе упоминаемые вмѣстѣ с ним)—в Ип. л. под 1202: „приялъ... бѣ (король) Данила, како милого сына, оставилъ... бѣ у него засаду: Мокъя великаго слѣпоокого и Корочюна (и?) Выпта, и сына его Витомира, и Благиню (и) иныи угры многи". За тѣм, минуя графич. термины с тѣм же оконч. -ун- (как, *Карачун*, село между Воронежем и Задонском на р. Воронежѣ, *Кречунов* село или мѣстечко в Угор. Руси, Голов., П., II, 428 и др.), — у Галиц. Гуцулов, *корочун*, Рождественскій пост; у Закарпат. Руси *керечун(ь) вечер*, сочельник *кере*—предполагают заимствованное *кре*—), болг. *крачун*, словац. kračún, Рождество; отсюда заимствованы Мадьяр. karácson, id., и Рум. crăciunŭ (creiciunŭ), id., а в колядках—олицетвореніе: „старик Кречун" купающійся вмѣстѣ с Господом Богом и Св. Иваном, принимающій в своем домѣ Господа Бога (Веселов., Разыск. в обл. русс. дух. ст., VI—X, 228, 240). Особо стоит вр. слово в выраженіи „тут (ему) и *карачу́н*" (конец, смерть), „задать карачуна". Вот и все. За тѣм начинаются гаданія. Значеніе личнаго прозвища производно: болг. *Крачун*, родившійся 25 Дек. (Ср. фамилію Велигдан, от серб. прозвища). Найболѣе скромное предположеніе высказано Миклошичем: по поводу врусс. карачун „невольно думается о болг. *крачун* Рождество и о возможности того, что христіанскій праздник занял мѣсто языческаго" (V. Gr., II, 142). А. С. Петрушевич (Корочунъ — Кракъ, Филологическо-историч. разсужд. Львов 1876, отд. отт. из „Слова", in 16, 1—40), отвергая мнѣніе, что *крачун* есть перевод лат. adventus, Рождественск. пост (от *крачи-ти, крак* шаг, нога и пр.), мнѣніе, которое А. Н. Веселовскій, на оборот, находит вѣроятным (Разыск., VI—X, 235), думает, что *корочюнъ* (и Кракъ, Крокъ, как миоич. личности) есть названіе зимняго солнца, как „грядущаго", идущаго Ср. Hanuš, Bajeslovný Kalend. 1860, стр. 43. О своем сближеніи с скр.

снопом (снопом именинником, Пенз. Симб.), который тоже мѣстами называется дѣдом (Аѳ. П. В. III, 767, 772).

Г. Шейн (Бр. п. 520) думает, что в мѣстечкѣ Чашниках и около пѣсни дожиночныя (которыя поются при плетеньи и несеньи вѣнка и послѣдняго снопа, ib. 176, 211) называются *спорышовыми* „вѣроятно оттого, что значительнѣйшая часть вѣнка состоит из *спорышей*, т. е. стеблей с колосом двойчаткой“, названных так, как предзнаменованіе всякаго обилія и плодородія. Но колосья двойчатки, тройчатки и т. д. довольно рѣдки (старосвѣтскіе люди хранят их в рамках под стеклом) и сомнительно, что из них, кромѣ рѣдкаго случая, состоит „значительнѣйшая часть“ вѣнка. „Спорыш“ значит „спорящій“, приспоряющій, дѣлающій так, чтобы было „споро“, хватало на долго. Этим именем, независимо друг от друга, может быть назван и дожиночный вѣнок или сноп, который кладут в „засѣк“ (III. ib. 177) для умноженія зерна, и двойчатки, будет ли это колос или орѣх (спорышка, Даль), который для счастья кладут на дно сундука или носят в карманѣ. Вр. *спорыш* и *спорынья*, *спорынь* (послѣднія два — кромѣ отвлеченнаго значенія = *спорина*), а) болѣзненное чорное зерно во ржи, п. ч. „от него квашня хорошо подымается“; б) (и *-ышек*) уродливое маленькое яичко, п. ч. по повѣрью, из такого яичка, снесеннаго пѣтухом, может, при умѣньи, вылупиться змѣй, приносящій богатство (ср. Даль, Сл.).

В дожиночных пѣснях в сб. Шейна (Бр. п. 209—11) синонимами *Спорыша* являются „*добро*“, „*Богъ*“, „*рай*“. На этом основаніи г. Шейн полагает, что „упоминаемый

крс-а́ну- (Объясн. мр. п., I, 119), которому не придаю никакого значенія, замѣчу только, что дѣлая его, я а) не отождествлял суффиксов, ибо слав. -ун-=*ван-, а не *-ан*; б) предполагал возможность сохраненія в корнѣ *к* вм скр. *ç*; в) имѣл в виду празднованіе и моленіе не Богу, а враждебному демону у Осетин, между Рождеством и Новым годом (Сб. свѣдѣній о кавказских горцах IX, Б. Гатіева, Суевѣрія и предразс. у Осетин, 27—8).

в спорышовых пѣснях *рай* („Ишоў Рай по вуліце“ и т. п.) *несомнѣнно* есть названіе Бога жатвы“, аттрибут коего—вѣнок и который „людям является в олицетворенном образѣ цвѣтущей дѣвицы“ (Бр. п. 523), т. е. той жницы, которая несет с поля вѣнок. Г. Фаминцын (Божество древних Славян, СПб. 1884, I, 318) полагает, что в этом „Раѣ“ „*нельзя* неузнать сокращеннаго имени . . . мр. Урая (Юрія)“ (См. Объясн. мр. п. I, 123).

Мнѣ кажется, что прежде, чѣм соглашаться с одним из этих утвержденій, можно обратить вниманіе на слѣдующее:

а) Многія жатвенныя пѣсни по размѣру тождественны со свадебными. Таково большинство обжинковых у Гол. IV, 188—203; у Чуб. III, 240, 242—3, 244, 252. Из бр. такова та, в которой [„уже“, по мнѣнію г. Шейна (521)] нѣт олицетворенія вѣнка:

Ходзіў Бог на полю,
Пацераў карону,
Ваши жнейкі жалі,
Карону паднялі (Ш., Бр. п. 213).

Свадебный напѣв дожиночной п. см. у Кольберга, Pokucie I, 207.

б) Между свадебными и обжиночными есть и болѣе близкое сходство, заставляющее думать скорѣе о переходѣ 1-х во 2-я, чѣм на оборот.

Ср. свадебную, когда собираются ѣхать (с короваем) по невѣсту:

Помолімося Богу,
Бо поїдем в дорогу,
Аби-смо незблудили,
Коровай незгубили.
Місяцю побоженьку [1]),
Світи [2]) нам дороженьку,
До панни молодої,

---

[1]) „*Побогъ“, предполагаемое этим ласкательным, м. б. относилось бы к „Богъ“, как порогъ к рогъ и т. п.

[2]) = всвіти, освіти.

До дружини нашої (Гол., IV, 307)

и обжинковую:

Місяцю розроженьку [1]),
Світи нам дороженьку,
Щоби ми незблудили,
Віночка незгубили
(ib. 193; Чуб. III, 240);

свадебную:

Нема панойка (v. попа) дома,
Поїхав [він] до Львова
Ключики куповати,
Церковцю відмикати,
Молодятам слюб давати
(Гол. IV, 255, 346),

и обжинковую:

Нема попа дома,
Поїхав до Львова,
Мед вино куповати,
Женчики частовати (ib. 194).

в) Как в свадебных п. приглашаются в дом Бог, Спас, Пречистая, ангелы, Воскресенье, Св. Крест мѣсить, убирать коровай (Чуб. IV, 222, 224; Гол. IV 303 и пр.), вить вѣнок (Гол. IV, 370, 401, 423), вышивать „заставу“ (знамя) (Гол. IV, 422—3); так в бр. обжинковых приглашаются Бог, Спорыш, Рай.

г) Как свадебный коровай есть гость („Где-ж ти був, наш гостю короваю“, Гол. II, 642), так жатвеннаго вѣнка дожидают как гостя:

Замітайте двори,
Застеляйте столи,
Сподівайтеся вінця
До свого гуменця.
Сивая пава літала,
Крилами двір змітала,

---

[1]) С расходящимися рогами.

Сподівала ся вінця
До свого гуменця (Г. IV, 200. Я измѣнил порядок четверостишій. О значеніи „мести„—Объясн. мр. п. I, 51, 242).

д) О короваѣ и свадебном вѣнкѣ с одной и обжинковом вѣнкѣ с другой стороны—тѣ же выраженія:

„Точися, короваю . . .“ (Чуб. IV, 376) и „Точится вінок, точит“ (Гол. IV, 193), „Котився вінок з поля Аж до нашого двора; Підіте принесіте, Дівчину уберіте (свадебн. Neyman, Materyały etnograficzne, Osobne odbicie ze Zb. wiadom. do Antrop. kr. 1884, 15), „Ой котився виночок“ (обжинков. Сб. пам. н. тв. в свз. кр., 159, 209; Чуб. III, 222, 233, N 14).

Сравненія свадебнаго коровая „як місяць“ (Чуб. IV, 216), „як сонечко“ (ib. 230, 234; Гол. II, 640 и пр.)— и об обжинковом вѣнкѣ,

Бо наш вінойко красний,
Як місяченько ясний,
Іще вишший від плота,
Ще дорожший від злота;
Іще вишший від гори,
Ще ясніший від зори
(Ż. Pauli, Гол. IV, 199).

О короваѣ во многих свад. п. говорится, что он послан от Бога (Чуб. IV, 231), что он „з раю“ (Чуб. ib. 216), оттуда же, откуда встает солнце („з раю сонечко встає“ ib. 666) и свѣтит мѣсяц (ib. 230). Отсюда *рай* становится эпитетом коровая:

Світи, місяцю, з раю
Нашому кораваю,
Абы був коровай красний,
А як сонійко ясний . . .
. . . Ой раю, ти мій раю,
Пшеничний кораваю . . . (Гол. IV, 245)
Кораваю мій, раю (Чуб. IV, 227—8, Kolberg Pokucie I, 227).

Существительныя аттрибутивныя нерѣдко, вытѣсняя свои опредѣляемыя, становятся на их мѣсто, на пр. сначала было „пальць-мизиньць“, „рука (и в серб. нога) десьница“ а за тѣм *мизинец* (т. е. палец), *десница* (т. е. рука, но не нога); или у Гоголя (М. Д., Пов. о Капит. Кон.): „ковры — Персія, сударь мой, такая“ . . . ; „прижался там в уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтем, можете себѣ представить, какую нибудь Америку, или Индію—раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую“.

Подобно этому „райське деревце“ (свадебное, гильце) = рай-деревце и только „рай“, как в слѣд. свадебной, когда украшают „деревце“:

Колесом, колесом в гору сонце йде,
В наший Марини рай ся вье.
Марусенько, дівонько,
Хто-ж тобі той *рай* дав?
Дав менї Біг и батенько мій.
(Kolb. Pokucie I, 328, Гол. II, 99, 102).

На этих основаніях предполагаю, что *рай* в бр. жатвенных п. не есть ни Юрій, ни названіе особаго бога жатвы, а первоначально—эпитет жатвеннаго вѣнка или снопа.

XIII.

Обход с козою.

По Чуб. III 265 с козою (т. е. с наряженным козою) ходят „колядовать“ (Кременец. у.), т. е. на Рождество, днем, а особенно вечером (Галько, Н. звичаи . . . под Збручем, II, 15). В Пинщинѣ этот обход совершается на Новый год утром (Zieńkiewicz, Piosenki L. pińsk. 37), стало быть одновременно с засѣваніем (Ходить Илья и пр. См. выше стр. 115); в других мѣстностях „на Меланку“ (31 Дек.), когда наряженные дѣдом, цыганом, Меланкою водят козу, медвѣдя, (мѣстами коня, в старину тура), волочат плуг (Гол. IV, 144—5; Свидниц. Великд. у Подол. Осн. 1861, XI—II, 66).

Пѣсня колядnаго размѣра о козѣ — у Чуб. III, 265—7, Черниг. и Волын. г.) у Zieńk. 40 сл. (Пинск.) и Свидниц. l. c. 67—8 (Подоль.). Отмѣчу в ней слѣдующіе мотивы, приводя в скобках болѣе важные варіанты:

а) Го-го-го, коза, го-го-го сіра,
(Гоп-гоп, козуню, гоп-гоп сіренька)
Ой розходися, розвеселися
По всему (Zieńk., свому, Ч.; сему?) дому по ве-
[селому
Ой поклонися сему (свому Ч.) господару
И жонi ёго, и дiтям ёго.

Относительно „по веселому“ ср. выше стр. 48—55.

б) Де коза тупою (топою) [1]), там жито копою (купою),
(Де коза туп-туп, там жита сім куп)
Де коза рогом, там жито стогом,
Де коза ходить, там жито родить
(Де небувае, там вилягае).

---

[1]) Ступою? (т. е. шагом), стопой?

в) Ой ко́зо, ко́зо, поглянь на гради (=на гряди,
т. е. в избѣ, за печью),
Поглянь на гради, чи нема зради?
Старая баба-то тая зрада:
(на печи сидить)
Солому січе, пироги пече,
А сіно смажить, пироги мажеть

т. е. эта баба хитра. Ср. „А ў Несвіжы людзі хижи: салому таўкуць, бліны пекуць, сена смажуць, бліны мажуць“, Пам. и Обр. 174.

г) 1. При видѣ волка:
Мудрая козуня догадалася
В темниї (в піцыс, Пинск.) лози заховалася:
„Ўже небоюся ні в полі ловця,
( ) ні в лісі стравця [1]),
Оно боюся старого діда
( ) сивобороди:
Той мене забъе з тугого лучка,
( ) з правого плечка.

2. Неходи, коза, у тее сельце,
У тее сельце, да в Юриновку:
А в Юриновці всі люде стрельці.
—Я небоюся тих людей стрельців,
Тилько боюся старого діда,
Що в того діда борода сіда.
Устрелив козу під праве ребро.

3. Неходи, коза, у тее сельце,
У тее сельце да в Михайловку,
А в Михайловці всі люде стрельці,
Встрелили козу в правее ухо . . .
. . . Пуць, коза впала, нежива стала.
А міхоноша бери дудочку,
Дуй козі в жилу: „будь, коза, жива!“
(Дми козі під хвіст . . .)

---

[1]) Ср. *травить* звѣря.

Да устав наш козел, да пошов наш козел
. . . Да микаючи, да рикаючи,
Короля в полі да шукаючи,
Господина в домі да питаючи.
Щоб сёму господину и коровки були
И неврочливиї, и молочливиї,
И овес самосій, и ячмінь колосій и пр.

Упоминаніе о стрѣльцах Михайловцах и Юриновцах в г) 2 и 3 несоставляет, думаю, существенной черты пѣсни. Эта черта могла быть взята из особой пѣсни, величальной — для своего села, насмѣшливой для чужаго, какова Купальская (или Петровочная, веснянка, уличная, вообще—лѣтняя) п. у Шейна, Бр. п. 169, в которой легко возстановляется размѣр 5+4 (Объясн. мр. п. I, 231 слѣд.):

Стральцы—байцы Концевляне:
Застралілі жабу в водзе
( ) мыш на калодзе
4 Свайму пану на пахвалу,
5 Свае пані на аблямье [1]).
Стральцы—байцы Чашнічане:
Застралілі лося в лесі

8—9=4—5. Ср. относительно противоположенія своих и чужих а частью и относительно размѣра Чуб. III 114—5 (5), 161—2 (78), 163—4 (84); из вр. п. ср. хороводную (Халанскій, Р. н. п. Щигр. у. II, Р. Ф. В. 1881):

На Сідялёвской уліцы
Восям девак кнутом бьють . . .
. . . На Расехавецкай уліцы
Восям девак шолкам шьють и пр.

За выдѣленіем этого мотива, останется, что коза боится дѣда, который ее застрѣливает.

Оживленіе козы мѣхоношею А. Н. Весселовскій (Разыск. VI—X, 214—6) сравнивает с вр. пѣснями о том, как старый муж лѣчит притворную болѣзнь молодой жены

---

[1]) На обшивку, опушку.

лыньком или червленым вязом (варьяціи этого мотива извѣстны в сказках и в мр. пѣснях), особенно с п. о старом гостѣ Терентьищѣ. Т. идет за докторами для молодой жены, встрѣчает скоморохов, и вм. с ними, в мѣшкѣ за плечами мѣхоноши, возвращается домой. Скоморохи объявляют Авдотьѣ, что муж ея убит; та рада и велит им спѣть про стараго Т., „в дому бы его вѣк невидать“. Скоморохи поют:

Слушай, шолковый мѣх,
Мѣхоноша за плечами . . .
. . . Бери червленый вяз и пр.

„В началѣ пѣсни *мѣхоношей* назван *скоморох*, взявшій к себѣ на плечи мѣх, в который спрятали Терентьища; когда далѣе к нему обращаются с прозвищем мѣхоноши („Шевелись, шолковый мѣх, Мѣхоноша за плечами“), то это напоминает нам мр. святочную игру: как тот мѣхоноша оживляет козу своей дудочкой, так мѣхоноша Терентій лѣчит свою жену червленым вязом. Скоморошья пѣсня является пародіей святочной“.

В виду того, что в разных вр. говорах чуть замѣтное произношеніе и опущеніе *в*, *ў* перед звучными и *м*, *н* обычно (на пр. в п. запис. г. Халанским в Щигр. у.: *'нас* вм. в-нас=у нас), думаю, что слѣдует читать:

Слушай шолковой мѣх,
В мѣхоноша за плечами,

т. е. „у мѣхоноша“ (им. ед. мѣхоношь, как *вожь*); что стало быть в пѣснѣ вовсе нѣт превращенія гостя (купца) Т-ища в мѣхоношу, нѣт сходства между исцѣленіем жены вязом и воскрешеніем козы дудочкою и пѣсня о Т-щѣ вовсе неесть пародія святочной. Но возможно что в самой святочной п. г) 3 есть пародія.

Дѣло в том, что мѣхоноша является не „вожаком козы“, как думает г. В. (l. c. 214), ибо козу водит дѣд (Галько, Н. звыч. под Збручем, II, 15), а *только* мѣхоношею и комическим лицом, над которым потѣшаются бр.

волочобныя пѣсни [1]). Как такому лицу ему поручается шутовское оживленіе козы, когда из нея „дух вон“, дудкою, какою мясник раздувает тушу. Есть ли тут намек на надуванье *козы* (волынки), или нѣт, это безразлично.

В мотивѣ г) 3) оживленная коза оказывается козлом. Это вѣроятно, предполагает сшивку и указывает на то, что были подобныя пѣсни о козлѣ.

Что оживленіе козы или козла могло изображаться повѣствовательно и драматически без комическаго оттѣнка, на это м. б. указывают мотивы а) и особенно б), гдѣ такого оттѣнка нѣт и гдѣ коза представляется подательницей плодородія. Это дает возможность и здѣсь, как выше (спон—діддідух), привести в связь рождественскій и дожинковый обряд.

В бр. дожиночной п. („когда завивают бороду“, т. е. извѣстным образом закручивают или связывают послѣднія несжатыя колосья на нивѣ: „завить (завязать) Волосу,

---

[1]) Пачинальнічку па дзесятнічку
(v. чарвон зăлатей)...
(А) кашаланосу да пірог к носу
Ш. Бр. н. 81;
(v. А міхоношаго горкая доля,
Горкая доля: жана нялюбіць,
(Жана нялюбіць і нігалубіць):
Принясі ягомосці (иронія) кусок сала,
Штоб яго жонка любіць стала ib. 82, 96.

Тоже о „музыкѣ“ ib. 93. Впрочем „музыка“ обыкновенно неесть комическое лицо среди волочобников, и пѣсни Безс. Бр. п. 20, Шейн Бр. п. 100 называют его долю горькою иронически, п. ч. его (как и на свадьбѣ) угощают:

А музыкова горкая доля,
Горкая доля: кварта гарелкі...

Замѣчу к слову, что бр. существительнаго *„музычін, музычина“* (Безс., Бр. п., 20; Весел., Разыск., VI—X, 212) нѣт. Это формы прилагательнаго притяжательнаго („А музычина (=музыкова) горкая доля“), по недоразумѣнію принятаго издателем за существительное.

Ильѣ, Спасу бороду“ или „оставить Христу, св. Николѣ на бороду“; в Германіи dem Woden für sein pferd, Vergodendeelstruss т. е. frau Goden theilstrauss, Ае. II. B. I, 474, 697—9; Метл. 327; Чуб. III, 226), козел на межѣ, на краю нивы, дивится (завиваемой) бородѣ:

Сядзіць казёл на мяжы,
Дзівуйіцца барадзе:
„Ай чіяж гета барада,
„Уся мёдам уліта,
„Белым шоўкам увіта?“
—Турилкіна барада и пр.

(т. е. величаемаго хозяина, которому противополагается другой, уничижаемый, котораго борода дётем улита, берестою увита), III. Бр. п. 208.

4-й ст. указывает на возліяніе, входящее и в нѣмец. дожиночный обрад Gr. D. M.² 142. Соотвѣтственныя мр. пѣсни Черниг. губ. вм. 1-го стиха ставят

Ходе Илля по межи . . .

или Седить ведмідь (півень, ворон) на коні
(Метл. 325—6, Чуб. 227—9).

Козел, как и Илья, представленный в пѣснѣ лишь наблюдателем, первоначально, м. б., был участником самаго событія: это его собственная борода. „*Коза*, по Далю (Слов.) клок хлѣба, покинутаго на пашнѣ несжатым. Подобно этому (Der Bock, Geiss, die Ziege) называется послѣдній сноп или послѣдняя сжинаемая горсть хлѣба (Mannh. Это остаток вѣрованія, оставившаго многочисленныя слѣды и в западной Европѣ и состоявшаго, по толкованію Маннгарта, в том, что душа нивы (сѣножати и растенія вообще) есть козло- или козообразное существо (как и Фавн, Сильван), преслѣдуемое жнецами и скрывающееся в послѣдній несжатый пук колосьев или послѣдній сноп (нѣм. kornbock, haberbock, korngeiss, roggengeiss, Mannhardt Wald und Feldkulte, II, 155 слѣд.).

Рождественскіе обходы ряженых с медвѣдем и козою, извѣстные и у Болгар (Качановскій, Пам. Болг. н. тв. I, 3 — 4), немогут быть отдѣлены от подобных обходов в Германіи и Швеціи. В Германіи в числѣ ряженых — человѣк, обвязанный гороховой соломой, мѣстами называемый der Bär (сканд. Björn, медвѣдь, прозвище Тора) и Klapperbock (=швед. Julebock, рождеств. козел). Принадлежность Klapperbock-а козлиная шкура и деревяная голова с подвижною щелкающею челюстью (как у русс. козы и серб. турицы, Караджич. Рјечн. *Чорође*), что напоминает имена козлов Тора: Tanngniôstr (= Zahnknisterer) и Tanngrisnir (=Zahnknirscher) а также и то что грозовым божествам Индрѣ и врагу его Вртрѣ приписываются золотыя челюсти, производящія гром (Mannhardt, Germ. Mythen 123, 237—8; Ао. П. В. I, 387).

То что в мр. п. дѣд застрѣливает козу, а мѣхоноша ее оживляет сходно с упомянутым выше (стр. 159) сказаніем об убіеніи и оживленіи Тором его козлов. Лукавая баба, которой боится коза в мр. п. тоже б. м. найдет соотвѣтствіе в Герм. сказаніях (Mannh., Germ. Mythen 176—8).

Связью между козлами грозоваго божества и житным (resp. дожиночным) козлом служит, по мнѣнію Маннгарта то, что одно и другое есть представленіе явленій, производимых вѣтром. Когда волнуется нива, говорят: „jagen sich die Böcke“, „treibt der Wind die Böcke durchs korn“, dat koarn *buckt*“ (рожь „*козлует“, что напоминает поль. koziołki wywracać, кувыркаться, перекидаться через голову, чеш. kozlec = kotrlec, purzelbaum). С другой стороны чорныя грозовыя облака в жаркіе дни называются „Gewitterböcke“, „Thors bockar“ (на Готландѣ)= Торовы козлы. Также, повидимому, представляется и клубообразный вихорь предшествующій грозѣ, в разсказах связывающих это явленіе с жатвою или уборкой сѣна. Слѣдующій литовскій разсказ дает нам и козла, как бы отождествляемаго с сѣнной копною (словац. kozel, -zlu, копна

сѣна или соломы) и стрѣлка: Перед самым наступленіем бури, гребцы видят: бѣжит козел так быстро, что нельзя за ним услѣдить глазами. Вслѣд за ним—охотник, и спрашивает: „невидалиль козла?“ Только что ушол охотник, куда указали люди, как гром ударил в сѣнную копну и зажег ее (Mannh. Antike Wald und Feldkulte, III, 155—7).

XIV.

1. Солнце, мѣсяц и дождь (v. два святые и Бог) спорят о силѣ.

2. Три овчаря и пр.

1 А. З-за ної горы, з-за высокої,
Гей, воли, гей!
Відти ми выходят трёх братів рідних:
Єден братцейко — світле сонейко,
Другий братцейко — ясен місячок,
Третій братцейко — дробен дождкейко.
Місячок ся бере заморозити
Горы, долины и верховины,
Глубок-поточейки и быстры річейки;
Сонейко ся бере розморозити
10—11=7—8
Дождичок ся бере зазеленити
12=7
Будь Богу хвала з нашого слова!
Богу на хвалу, людём на славу!
(Гол. II, 4; Середнее, Сяноц. окр.).

Припѣв указывает на обряд хожденья с плугом и колядки об ораньи (стр. 99).

Этот варіант колядки ср. со сказкою о том, как солнце, *мороз* и вѣтер заспорили, кому из них встрѣчный человѣк сказал „похвалёны“ (т. е. laudetur J. Chr.). Оказалось, что — вѣтру, который за то обѣщает прохлаждать человѣка при солнцепекѣ и согрѣвать его в мороз (Заблудовье, Гродн. г. Аѳ. Ск. III, 1; П. В. I, 313—4; Чуб. I 31; ib. 30—1 — спорят 4-о: солнце, мѣсяц, вѣтер и мороз). Schott, Walachische März. N 38 представляет еще

большее сходство: цыган встрѣчает на пути солнце, *мѣсяц* и вѣтер, кланяется только одному из них. Далѣе отстоит древняя басня, пересказанная Ляфонтеном, а по мр. Е. Гребенкою, о том, как Феб и Борей заспорили, кто из них снимет с путника плащ. Это удается Фебу: „plus fait douceur que violence“. По видимому, еще дальше — лишенный всѣх миоологических черт индійскій разсказ, упоминаемый Бенфеем (Benf. Pantschatantra, I, 494 со ссылкою на Dubois, Pantschatantra II, 230), о четырех глупых брагманах, заспоривших о том, к которому из них было обращено привѣтствіе. Число четыре напоминает о четырех богах (Индра, Агни, Яма, Варуна), которым Дамаянти предпочитает Нала.

То, что в вар. А — „місячок ся бере *заморозити*“ а в сказкѣ на его мѣстѣ является *Мороз*, кажется не случайным недоразумѣніем, а чертою существенною. Мѣсяц холоден, сравнительно с солнцем. „місяцю, місяцю! світиш та негрієш, дармо в Бога хліб їси'“, сказал цыган в морозную мѣсячную ночь. Ср. также индійское: „когда охладѣет жар огня и станет жарок лучь мѣсяца, тогда женщины станут цѣломудрены“ (Benfey, Pantschatantra II, 258). Мѣсяц охлаждает. В инд. сказкѣ заяц, выдавая себя за посланника своего (заячьяго) бога, Мѣсяца (скр. *çaçin*, *çaçânka* мѣсяц, как носящій на себѣ зайца, *çaça*, что напоминает литовскаго „Диверикс'а“ заячьяго Бога, Ип. л. 542, 556, под 1252), говорит от имени мѣсяца слону: „я удержу свои лучи, и тѣло твое и твоих спутников будет уничтожено жаром“ (ib. 229).

Как в литовских пѣснях (Ness. 1—2, Schl. Leseb. 3—4) Перкун, разгнѣвавшись на Мѣсяца, передѣлил его кордом (мечем), от чего лицо мѣсяца печально; так в мр. разсказѣ (Луцк. у. Чуб. I, 31), св. Онуфрій, заспоривши о чем-то (о могуществѣ?) с морозом, разрубил ему голову топором, отчего мороз болѣл до Спаса. Поэтому небывает мороза от Онуфрія (12 Іюня) до Спаса (16 Авг.). Можно предположить варіант этого разсказа болѣе близкій к ли-

товским пѣсням, именно такой, в котором мороз есть вмѣстѣ с тѣм мѣсяц.

Мѣсяц представляется лысым волом (в загадкѣ, Аѳ. П. В. I, 660) и лысым человѣком; мороз тоже сивым волом (Аѳ. ib. 661) и сѣдым, лысым стариком (Чуб. I, 31). М. б. в связи с этим находится распространенное повѣрье, что в сильные морозы нужно насчитать 12 лысых (по числу мѣсяцев) и тогда „на двенадцатому пересядетця мороз“ (Чуб. I, 32). По крайней мѣрѣ эта связь лысых и мѣсяца (=мороза) кажется болѣе первообразною, чѣм связь лысых и вѣтров в мольбѣ вѣтрам: „В Поморьи Кемскаго у. перед возвращеніем промышленников с Мурманскаго берега домой, бабы... отправляются к морю *молить вѣтер*“. Между прочим стараются сосчитать тридевять (27) плѣшивых [1]), обозначая каждаго углем или ножом на лучинкѣ. „Произнося имя 27-го нарѣзывают крест. С этими лучинками выходят на задворки и выкрикивают: „Всток да обѣдник, пора потянуть! Запад да шалоник (юз., Даль), пора покидать! Тридевять плѣшей всѣ сосчитанныя, пересчитанныя, *встокова плыш* наперед пошла“. При этом бросают лучинку через голову, оборотясь лицом к востоку и припѣвают: „встоку да обѣднику каши наварю и блинов напеку, а западу, шалонику спину оголю. У встока да обѣдника жена хороша, а у запада, шалоника жена померла!“ (П. Ефименко, Матер. по Этногр. Арх. Чуб. II, 157, из Максимова Год на сѣв. I, 385).

Упомянутая здѣсь каша вѣтру (ср. в сказкѣ, Аѳ. П. В. I, 313) находит соотвѣтствіе в обрядном приглашеніи Мороза на кутью или на кисель на канунѣ Рождества (Аѳ. П. В. I, 319; Чуб. III, 263; Шейн Бр. и. 39). По отношенію к связи мороза с мѣсяцем отмѣчу бр. формулу:

Мароз, мароз, *князю!*

Хадзі куцью есць разом (Шейн ib. 452).

Сколько извѣстно, *князем* (в мр. пѣснѣ и заговорѣ) и *княжичем*, т. е. молодым князем, молодиком (в поль. едини-

[1]) По числу вѣтров?

ственном названіи мѣсяца, как свѣтила, księżyc) называется только мѣсяц.

В разсматриваемом вар. А и в нѣкоторых других нижеслѣдующих, из трех спорящих послѣдній, по времени обнаруженія его могущества слѣдующій за солнцем, есть *дождь*. Это воззрѣніе, по которому пора, найболѣе противоположная зимѣ, есть пора дождя (как в Скиѳіи, гдѣ по словам Геродота, зимою дождя почти небывает, а лѣтом он неперестает, Herod. IV, 28), заключено в слав. *лѣто*, которое предполагает значеніе дождя (литов. lytus, lėtus, дождь). Т. о. солнце представляет здѣсь среднюю пору года, весну, и год дѣлится на три части, согласно с воззрѣніем, которое Тацит приписывает Германцам: сказав, что Германцы ненасаждают (плодовых) садов, неотдѣляют (их от) лугов и неорошают, а требуют от земли только жатвы, почему и самый год дѣлят не на столько же частей (как Римляне); он говорит: „hiems et ver et aestas intellectum ac vocabula habent, autumni perinde nomen ac bona ignorantur“ Tac. Germ. 26. Это может быть примирено с существованіем у Герм. и у Славян издревле названія для осени, как поры жатвы, части лѣта (Grim. Myth.² 717—8).

Замѣтной связи с герм. обрядом, изображающим спор лѣта и зимы (Sommer u. Winter, Grimm, l. c. 722 слѣд., Ао. П. В. 691), совершавшимся не только весною, но и около зимняго поворота солнца (Uhlands Schriften, III, 29), наша колядка непредставляет.

Существенныя отличія представляет русс. разсказ о спорѣ *двух* святых: зимняго Миколая (6 Дек.) и лѣтняго Ильи, из коих первый покровительствует мужику, а второй тщетно старается наказать его за непочтеніе (Ао. П В. I, 476—7).

Б. Варіянты, которые я назову здѣсь, сходны в слѣдующем.

Спорящіе — тѣже, что в А. Они *гости* величаемаго хозяина, так что „спор“ вставляется в рамку мотива XII (стр. 143 сл., „Ци дома“):

Ци дома бываш, пане господарь?
Встань д' горі! Дав ти Біг добрі
У твоїм дворі! Встань д' горі!
(см. стр. 70 сл.)
Твої ринойки [1]) позамітани,
Твої столойки понадкривани,
За твоїм столом троі гостейки,
Гостейки троі неєднакії и пр.
(Гол. II 8, N 12).

Пан господарь, уставай с постели,
Уставай с постели, застеляй столи,
Застеляй столи, клади калачі,
Клади калачі з яроі пшениці:
Будуть до тебе з неба гості,
Шо первий гостю—ясен місяцю,
А другий гостю—ясне сонечко,
А третій гостю—дробен дощ іде.
Шо звір у полі, товар у дворі [2]).
Дарує Господь два лани жита,
Два лани жита, третій пшениці,
Третій пшениці на паляниці [3])
Четвертий проса—колядка довша,
А пъятий вівса—колядка уся
(Богод у. Мурафа. Зап. И. И. Манжура).

В кол. у Гол. II, 19, N 27, начало:

А вже до тебе в рік Біг приходит,
В рік Біг приходит, три товариші

(ясне соненько, білий місяць, дрібний дощик), по видимому, говорит, что они спутники Бога, посѣщающаго хозяина. Без этого осложненія—кол. Гол. IV, 3, N 1; II, 19, N 26: „Ой изійшлися три товариші“ или:

А в полі, в полі три дорозі,
Щедрий вечір и пр.

---

[1]) Скамьи, лавки.
[2]) Искаженіе. См. ниже.
[3]) Ср. стр. 137.

Там собирались три товариші и пр.
(Валк. у., Люботин, зап. И. Манжура).

Неорганическое сочетаніе этого со „слезою св. Николая“ (стр. 153—4) или сверх этого—с криницею из слезы, бѣленьем риз Богородицею, ея сном — в кол. Гол. II, 10, N 14 и 40.

То, чѣм похваляются эти гости—товарищи, ассимилировалось с мотивами „звеселити“ (стр. 48 сл.) и „слала зоря до місяця“ (стр. 84—5), именно всѣ они дѣйствуют согласно, освѣщают и возвеселяют, так что и спорить им собственно нѣ о чем:

Сонейко гварит: „ніт як над мене,
„Як я освічу гори, долини,
„Церкви—костели и всі престоли!“
Ясен місячок: „ніт, як над мене!
„Як я освічу темну нічейку,
„Возрадуются гості в дорозі,
„Гості в дорозі, волойки в возі“ [1]).
Дробен дожджейко: „ніт, як над мене!
„Як я перейду три рази на ярь
„Три рази на ярь місяця мая (=ярця),
„Возрадуются жита пшениці,
„Жита пшениці и всі ярниці“
(Гол. II, 8, N 12, начало см. выше).

К этому в одном вар. (См. мое соч. О мнѳ. зн. нѣкр. обр. 24) присоединено, как заключительный аккорд, размышленіе:

Ніт як над тебе, великий наш Боже!
Ти кажеш місяцю: „світи всему світу!“
Ти кажеш сонейку: „світи всему світу!“
Ти кажеш дожджейку: „мочи суху землю!“
Роди, Боже наш, жито пшеницю,
Жито пшеницю, усяку пашницю,
Бувай здоров, пане господарь и пр.

В вар. Гол. II, 19, N 27 и Рус. Днѣстр 38 солнце и дождь одинаково говорят: „Ой як я зійду разом з *зоре-*

[1]) Sic вм. „в стозі“.

ми“, но вѣроятно первоначально это говорит только мѣсяц: зорі здѣсь звѣзды. См. также Чуб. III 409—14, гдѣ в вар. Д и Ж, как в кол. ib. 452—3, „зрадується . . . звірь“ есть искаженіе. Упоминаніе здѣсь „гостя (купца) чумака, дороги“ показывают, что здѣсь „звірь“ не животное вообще, а волк, радость коего не на пользу человѣку. Слѣдует читать согласно со свадебною п. (выше стр. 84): місяць:

„Як я ізійду з вечера пізно,
„Возрадується гость (=купец) у дорозі,
Та острахнется весь звірь у полі!“

В смыслѣ животнаго вообще в кол. у Гол. IV, 105—звірка: „Израдується гість у дорозі . . . сіно в полозі, Рибка у морі а звірка в полі“. В этом же смыслѣ „врадуеся вся звірь у полі“ Гол. IV 53, 61.

В. Кол. Гол. IV, 3, N 2. Вм. дожда—„Вихвалюеся третій товариш—сам Біг небесний:

„Як же я спущу дрібного дожджу,
„Зрадує ми ся весь мирний світок,
„Жито пшениця, всяка сівбиця.

Г. Кол. вдовѣ, которой возвѣщается пріѣзд трех *царей:*

Один царенько—ясное сонце и пр.

(Гол. IV, 105). Это—сочетаніе мотива Б с евангельскими царями-волхвами. Выводить из обхода волхвов варіянты А-В считаю неудобным. Иначе А. Н. Веселовскій: „*Нельзя* сомнѣваться, что тип колядки о посѣщеніи дома святыми и Богородицей *или* 3-мя товарищами сложился под вліяніем рождественских обходов, в коих являлись Богородица и Різдво (Берта) и 3 царя волхва“ (Ж. М. Н. Пр. 1877, II, 251; ib. 1876, II, 272; Разысканія VI—X, 247). В слѣдующей нескладной щедровкѣ в началѣ рѣчь о волхвах, за тѣм об олицетворенных праздниках:

Три святі приходять, подарки приносять,
Радуймось, усі веселімось,
Перед Сусом Христом низько поклонімось.
Ой радуйся, Боже, освітися земле
На весь вік!

Подарки приносять, срібло злото воздають,
Срібло злото воздають, ше й на церкву подають.
Та приходило а три святителя:
А первое святче (s.) пресвятое Рожество,
А другое святче—пресвятого Василя,
А третее святце (s.)—Иван Хреститель.
Пресвятое Рожество всім нам радість принесло,
Пресвятого Василя сей нам вечір звеселя,
А Иван Хреститель воду перехресте
(Богод. у. с. Ольшана. И. Манжура).

Д. Гол. IV 136, кол. записанная в Угор. Руси, Уріилом Метеором, сходная с предыдущею по припѣву, носит слѣды книжных передѣлок.

Топоры звенят, біл камень тешут,
Радуйся, радуйся земле,
Днесь нам сам Спас ся
народив!

„церковь будуют с 3-мя дверьми и 3-мя верхами, которые „суть три небеса", гдѣ

Ангелы звонят на службу Богу,
На службі поют, „*с нами Бог*" *зовут*.
Радуйся, земле, *біжи на хвалу*,
Біжи на хвалу Ісусу Христу.
Сопечко *біжит*: „не с *над мною*,
Кедь я загрію на *Родство* Христа...

Это „біжи", „біжит" — личная прибавка. Далѣе: „Місяць говорит... зірничка каже... зрадує ми ся Гость *во* дорозі, *вся тваръ во Бозі*. *Дождь так* говорит..." затѣм прибавка:

Пшеничка каже: не с над мене:
Без мене *нигдѣ* служба небуде,
Ни в *простих* церквах, ни в монастирях.

2. *Три овчаря* v. *один овчарь с тремя трубами*.

Нетрудно предположить, что труба Михаила Архангела, с которою мы встрѣтились в болг. колядкѣ (стр. 154), среди пастушескаго населенія Карпат понята была, как овчарская труба (*трубета, трумбіта* Гуцулов, Гол. I,

Объяснен. к изображеніям 8), при чем сам трубящій стал овчарем. Этот мотив мог застать туземные величальные мотивы, в коих звукам овчарской трубы приписывалось только то, что они далеко слышны, т. е. славны (ср. „далеко чути", Объясн. мр. п. I, 12—3, 61). Так болг. овчарскія пѣсни (Милад. 321—3) прославляют овчаря за то, что звуками своего „кавала" (гр. καυλός, ствол?) он издали умѣет разсказать своей милой, что дѣлается с ним и его стадом и что ей дѣлать. Слѣдующія п. представляют различныя сочетанія и уподобленія мотива „далеко слышно овчаря" с величаньями XIV, 1, Б, Г и XI (стр. 141—2).

А. Купчанко, П. Буков. н. (Зап. Юз. от. Г. Об. II, 374) и Гол. IV, 532—3.

Знати—пізнати, котре добрий пан:
Гой дай Боже!
В него ворота з самого злота
(стр. 144, 147—8),
В него подвірье, як срібло біле.
(Зритель недоумѣвает:)
„Ци мгла, ци вода, ци білі вівці?"
—Ні мгла, ні вода, все білі вівці!
„Чії то вівці?" — Нашого пана,
Нашого пана, пана Івана.
Идут за ними три вівчарики:
Один вівчарик — святий Николай (6 Дек.),
Другий вівчарик—святий Юрий (23 Апр.),
Третій товарищ—сам святий Господь.
Гей идут, идут, три трубці несут:
У Николая да й роговая,
А у Юрия да й мідяная,
А у Господа з самого злота.
(⌣) Як затрубив святий Николай,
Усі се гори (да й) забіліли;
(⌣) Як затрубив (да й) святий Юрий
Усі се ліси зазеленили;
(А) як затрубив сам святий Господь,
Пішли голоса по-пд небеса!

В этом величаньи пана (resp. господаря) заключена апоѳеоза овчаря и его трубы. Овчарями у пана служат святые зимній и весенній и сам Бог. Достаточно ли для возникновенія этого образа одних христіанских мотивов и так сказать отвлеченнаго, лишеннаго содержанія, миѳологическаго настроенія мысли? Или же этот образ примыкает к дохристіанским образам небесных музыкантов и пастухов, каковы между прочим Пан, Аполлон, инд. Гандһавры, доящіе небесных коров Апсарас (Mannh. Germ. Myth. 76 и указатель под „Musik“; Ѳ. П. В. I, 324; III, 757)? Здѣсь и в других подобных случаях, на пр. возникает ли рог скандин. Геимдалля *вполнъ* или хотя отчасти из трубы Арх. Михаила (Веселовск. Разыск. VI—X, 345), сомнѣніе полезнѣе убѣжденія.

Б. Kolberg, Pokucie I, 99—101, Испас, близь Коломыи. Ст. 1—6 — величанье жены: Гой в цего кгазди хороша жона . . . : З Бог (род. мн.?) ризи прала . . . на край Дуная . . . над синим морем. Де їх сушила? В тура на розі.

Далѣе:

Ци тан [1]), ци туман, ци білі вівці?
Ні тан, ні туман, лиш білі вівці,
За ними хогі три вівчарикі,
Три вівчарикі, всі три свякії,
Всі три свякії, пророкі Божиї,
Гой носі з собов ба й по трубочці,
Ба й по трубочці й-а в правї ручці:
Й-а в Николая ба й мігляная,
Й-а у Юрия ба й роговая,
Й-а в пана Бога ба й золотая.
Гой як затрубит сьвитий Николай,
Сьвитий Николай й-а в мігляную,
Підут голоса й-а в темні ліса,
Гори долини й-аж побіліют,
Гой усі пташки позаніміют,

[1]) Тьма? Серб. тама.

Позаніміют, позалітают,
Позалітают тай ниспівают.
Гой як затрубит ба-й сьвитий Юрий,
Ба й сьвитий Юрий й-а в роговую,
Підут голоса й-а в темні ліса,
Гори долини подзеленіют,
Гой усі пташки порозніміют,
Порозніміют, повілітают,
Повілітают, красно співают.
Гой як затрубит сам сьвитий Господь,
Сам сьвитий Господь й-а в дзолотую,
Й-а в дзолотую ба й на сьвитий день,
Ба й на сьвитий день та й на Великдень,
Підут голоса по-під небеса,
Й-аж всі сі церкви порозтваряют,
Й-аж всі сі свічи позажегают,
Гой усі ксёндзи на служби стают,
На служби стают та й Бога просе,
Правє всеночне за кгосподарє,
Правє вутренє за кгосподиню,
За кгосподиню за Семенишку,
Правє службочку за челядочку,
За челядочку Семенишину,
Бувай здорова и пр.

В. Гол. IV, 110, Коломыя.

Ст. 1—5 сходны с А 1—5.

6 З тими вівцями три *пастиречки*
(Форма слова указывает на воспоминаніе о Еванг. пастырях), именно „св. Дмитро“ (26 Окт.), Николай и Юрій; но к ним присоединен 4-й, Господь Бог. От звука трубы 1-го земля замерзла, лѣс засох; от 2-го горы забѣлѣли; от 3-го верхи зазеленѣли; от 4-го „Вдарили голоса по-під небеса
Божі се церкви поотвіряли . . .
„Св. Микола коло престола“ . . . Бога просит . . . за папа кгазду . . . та й за кгаздиню . . . за всю челядку“.

Т. о. здѣсь яснѣе, чѣм в Б, что рѣчь идет о церкви — небѣ.

Г. Гол. IV, 543—4, Буковина.

У господаря „подвіря сріблом леліє“ (неизвѣстно от чего), „А в его дворі—два три *королі* (ср. царі, XIV, 1, Г):

В святого Дмитра трубочка з сребра,
В святого Юра з *буйного* тура [1]),
В Господа Бога а з однорога [2]).

От трубы 1-го—„Гори долини всі в біль ся вкрили“; 2-й „Всю кригу розбив, дерево розвив“,

А як затрубив сам Господь з неба,
Врадувалася на рілі скиба . . .
. . . У морі риба, у горах зело,
У горах зело, у стогах зерно,
Всі ся церковці поодтворяли . . .
Служит св. Микола (сходно с В).

Д. Гол. IV, 53, N 28:

Ой из за гір а з полонини,
Ой дай Боже!
Вийшла ж ми відти турма овечок,
Ай а за ними три вівчарики

с 3-мя трубами: роговая слышна в Московщину, костяная в Угорщину, золотая—„по-під небеса, аж на небеса“.

В слѣдующих вар. тот же мотив примѣняется к величанью уже не газды, господаря, у котораго есть чабаны, а паробка, который сам есть *бутей*, чабан. От тройцы лиц варіантов А—Д остается то, что у самаго величаемаго три трубы (иногда и три опоясни).

Е. а) Гол. IV 52, N 27, Ясень, Стрый. окр.; б) ib. 61, Стрыйск. окр.

Сводный вар.:

1 Ой из за гори з-за зеленої
Ой дай Боже!
Виходит же нам чорна хмаронька
(v. Зачорнілася чорная гора,
Вийшла з-за неї чорная хмара).

---

[1]) М. б. внесено человѣком знакомым с буй-туром Сл. о П. Иг.?

[2]) Тоже книжное.

Але не є то чорна хмаронька,
Але но є то овець турмонька,
Наперед овець—гордий (v. красний) молодець,
Гордий молодець бутєсь овець,
Бутєсь овець чо-м Василенько;
Заперезався чорнов ожинов,
За тов ожинов дві—три трубоньки . . .
[роговая, мідяная (v. золотая), *зуброван (жубровая)*]
Та як затрубит та в роговую,
Та врадуеся вся звірь у полі;
15=13
Та врадуеся вся риба в морі;
17=13
Та врадуеся весь мир на землі.

Нам (ст. 1), dat. eth. (См. мою ст. Мр. п. по сп. XVI в., 6 слѣд.).

Турмонька (ст. 4), стадо. *Турма*, хорут. grex, серб. commeatus, рум. turmъ; ит. turma = лат. turma.

Наперед овець (ст. 5)=перед овцами. В вар. Д, б) сущ. с предлогом понято как одно существ. в имен. ед. м. р.: „Напередовець, красний молодець".

Гордий (ст. 5—6). Считаю этот эпитет молодца древним синонимом древнаго же народно-поэт. эпитета *буй* („буй Рюриче") см. мое Сл. о П. Иг. 94 и особенно 111 слѣд. *Гордый* здѣсь в древнем смыслѣ=нѣм. hehr (К ист. зв. III, 2). Ср. еще:

. . . За тобою, Морозенку, вся Україна плаче,
Не так тая Україна, як те *горде* військо . . .

Этот архаизм становится уже непонятным, почему в галицком вар. пѣсни про Морозенка он слит с опредѣляемым в одно слово:

Не так тая Україна, як тое *гердо*-військо . . .
. . . За царскими воротами Гердовійско з Шведом
[бьется (Русал. Днѣстр. 18).

Тѣм понятнѣе, что еще болѣе архаичная ф. *горде* (зват. ед. безчленнаго прилаг.; менѣе вѣроятно, что это нарѣчіе, образованное по образцу *добре* bene, б. м. заимствованнаго

с поль. dobrze и имѣющаго при себѣ в галиц. говорах *добрі=добрѣ*), искажена в звуковом отношеніи и принята за собственное имя:

Гей Орде пишний, пане дідічу,
Ой з-горда собі да й починаєш,
По під Камянець коником граєш . . .
(Гол. IV, 533),

что ср. с Гол. II 18:

Гордий та пишний пан-господарю . . .

В другом смыслѣ, противоположном бѣдности (смиренію) и в поль. формѣ в слѣд.:

Пішли ми сй (ярини) жати три красні дівойкі:
Єдна пішла жати гарда рихтарёва,
Друга пішла жати гарда бургарёва,
Третя пішла жати вбога сирітойка, (Гол. I, 89).

Чорнов ожинов (ст. 8)—см. ниже.

Ж. а) Гол. II, 60, N 12; б) ib. 610—11. Сюда же можно поставить плохіе вар. Ушиц. у.: в) Чуб. III, 405 и г) ib. 464—5.

В а) — „заперезався гей *ожинкою*“. Вмѣсто неизвѣстно откуда взятаго толкованія: „житною соломою“ (Аѳ. П. В. III, 757), предполагаю здѣсь недоразумѣніе: „ожинкою“ вм. „ужівкою“ (веревкою). Ср. б):

Заперезався трома *ужевками*,
А за ужевками три трумбеточки
(„дубинал“, „золотая“, „ціновая“).

Вар. „ожинкою“ (ежевикою) дала в свою очередь вар. Е: „чорнов ожинов“).

Дѣйствіе труб состоит только в том, что их далеко слышно, в чем—слава величаемаго. Связь с вар. А, Б, видна в том, что,

Ой як затрубив а в зубровую (v. золотую),
Пішли голоса *по під небеса* (а, б),

к чему в) прибавляет:

Небеса ся ростворили,
Всі святи ся поклонили.

З. Гол. II, 59, Середнее, Сяноц. окр.

З-за оной гори з-за высокої

Відти (вм. выдны) мі выходит овец керделец [1]),
На перед овец—*білый* молодец,
На тим молодци сірая гунька,
А поверх гуньки сут три трубойки
(золотая, мідяная, яворова).
„Як си затрубью на золотую,
„Піде мі голос по-під небес*ах* (?);
„Як си затрубью на мідяную,
„Піде мі голос по *мідянині*,
„По мідянині, по всему світу,
„По всему світу, по білым цвіту;
„Як си затрубью на яворову,
„Піде мі голос по всіх долинах,
„По всіх долинах, по яворинах.

Білый молодец (ст. 3) в том смыслѣ как в Е „красний". Этот эпитет в таком примѣненіи держится, по видимому, только в западной полосѣ южнорусских земель:

Насадили вни три села людьми:
Перше селейко—старойкі люде,
Друге селейко—білі молодці . . .
. . . Білі молодці—та для войнойкі
Кол. Гол. II, 11 (Сяноц. окр.?)

А за сим словом бувай же здоров,
. . . Білий молодче, на имя Василю
Поколядь, Станисл. и Стрыйс. окр. Г. IV, 62—3.

Колядка незамужней (Ряшедь, Сяноц. окр. Гол. II 82):

На 'ній мі гори, на ній высокій
Там же мі косит білий молодец,
Красна дівойка сніданічько носит.
Ище невыйшла лем на покосы,
Ей кричит, плаче красна дівойка
(т. е. она родила).
„Цить, неплач, некрич, красна дівойко:
„Из яворойка [буде] колисанойка,
„Завісиме го меже дубойки,

---

[1]) *Керделец*. Ср. хорут. kerdelo, серб. крд овца, стадо.

„Меже дубойки на ретязойки:
„Вітер буде (ме?) дути, буде (ме?) колысати,
„Дожджик буде (ме?) ити, буде (ме?) го купати,
„Сонце буде (ме?) гріти, пеленки сушити,
„Матінка Біжя буде (ме?) повивати,
„Свята Магдалина [буде] плекаторойка,
„[Буде] плекаторойка и рідна мамойка".

Этот мотив выходящій из ряда обычных величальных, кажется примѣненіем к дѣйствительному случаю, требовавшему утѣшеній поэзіи, неколядочной цѣсни, в которой находим тот же эпитет:

Бьел мóлодзец (2) сьено косіт,
Млода ўдова есці носіт.
Несла, несла (2) недонесла,
Сьела собье й започыла (2)
Бьела сына породзіла,
Породзіўшы (2) й окупала,
Й окупаўшы уповіла,
Й уповівшы (2) говорила:
„О муой сыну бѣлюсенькі!
„Муой Дунаю быструсенькі!
„Ой чи цебе утопіці,
„Ой чи цебе й годовацi?
„Йутопівшы (2) од Бога грѣх,
„Годуючы—од людзей смьех!"
(За) Чуў тое (2) бьел мóлодзец,
Кінуў косу у покосу,
Сам поскочиў до ўдовонькі:
„Чи ты, ўдово, (2) ошальела,
„Чи розуму мало мьела?
„І нас матка (2) годовала
„І поцьехі дожидала;
„І мы будзем годовацi
„І поцьехі дожидацi!"

(Заблудовье, Гродн. г. Бѣлост. у. Этн. Сб. Щ, 95—6). В вар. Кобрин. у., Дорогичинск. вол., Сб. Пам. нар. тв. свз. кр. 13, отмѣчу: „Козаченько сіно косить, за їм дівка

обід носіть . . . Кинув косу на закосу . . .
. . . Куплю тобі колисочку,
Да й повішу в холодочку;
Буде вітер повивати,
Колисочку колихати . . .
Бьел молодзец, красны Стасенько
(Заблуд. Этн. Сб. III, 93);
(⌣) Із под лесу, лесу цёмнаго
(⌣) Ішла тучка волочобная;
А не туча то шла, волочобнічкі,
Волочобнічкі, белы молойцы,
Белы молойцы а ўсё Кудиницы
(Безс. Бр. п. 3);
Породила йя вдовонька *біленького* (=хорошого) сина
(Гродн. у. Сб. п. свз. кр. 196);
Ср. также: *біла* дівка (вм. обычн. „красна“);
Коли Турки воёвали,
Білу челядь заберали,
И в нашої попадоньки
Взяли они три дівоньки (Гол. I, 49);
Ой їздило пахолятко по полю,
Загоняло білу челядь до двору
(Сб. свз. кр. 198);
Гей лелію!
С-пуд дуброви, с-пуд зеленої
Гей лелію!
Вибігає [сивий] кунь вороний,
За тим конем *білое* дитя,
Білое дитя, на имя Максим
(Ковел. у. Чуб. III 392—3);
„давно путуєме за тим білим чадом“ (невѣстою, Угор. Русь. Гол. IV, 427; ср. Объясн. мр. п. I, 57).

В вр. я замѣтил только в свадеб. п. у Сах. Ск. Р. п. III, 159:

Ты бѣлая моя сосѣдушка,
Голубушка, Настасья Ивановна!

м. б.=милая.

В серб.

. . . . вјерна љуба
Овако му тихо говорила:
Што т' је, Марко, мој бијели другу!
(Vienac Kačiću 141);
Ај коњиу бјела Марка мога (ib. 143).

В болг. „бели сватове“ Милад. 478.

В литов. соотвѣтственное *baltas* имѣет, кромѣ собственнаго, еще значенія: а) = бѣлый (=красивый, добрый, удалый) молодец:

Czon waikszczojo uldawajo du bałtu dragunu . . .
Ej dragunai, dragunukoi, bałtėji brolyczei! . . .
. . . Ten nugrindo didžus tiltus bałtujų brolyczu
(=там намостили большіе мосты (из тѣл) „бѣлых братцев“; бѣлых здѣсь вряд ли „милых“), Ness. L. V. 21—2;
. . . Butum' manę, mamuže, įmetus' į upužę . . .
. . . Butu manę sugawę žwejų bałti brolyczei . . .
. . . O tai buczau buwusi žwejų bałta mergele
((Лучше) было б меня, матушка, вбросить в рѣчку . . . поймали бы меня из рыбаков бѣлые братцы (=добрые молодцы рыбаки), я стала бы рыбацкая бѣлая дѣвица), ib. 47—8;
Ir priėjo pilnas kėmas bałtujų wėszneliu
(наѣхало полон двор бѣлых гостей, по Нессельм. — geputzt), ib. 196.

б) *baltas*, милый, с переходом значенія, как в эпитетѣ „свѣтъ“ (мое Сл. о П. Иг. 24), в мр. пѣсенном параллелизмѣ между „ясний“ и „милий“ (Ž. P. I, 72), в вр. между „ал“ и „мил“ [1]): bałta motuszė (Ness. L. Volksl. 129); bałta dukrele (ib. 165), broleli mano, bałtasis mano! (298); mėli kunį' bałtėji (plural. majest.), милый

[1]) Брат с сестрой, свивши по вѣнку несут их к отцу—матери: „Который вѣнок алѣе? Который из нас милѣе? — Всѣ вѣнки алые! Всѣ дѣти милые“ (Терещ. IV, 6); Я па тветікам хаділа, Па лазорівым гуляла, Нінашла твята алова Супраті друшка мілова (Щигр. у.).

князь (хіеże, священник), ласковый! (Ness. Wb., гдѣ ошибочно „schönster“). Так и в лотыш. balta mâmulite, милая маменька. Литов. bałti žmones, по Несс. ehrliche, aufrichtige Leute ср. с мр.:

Нежаль жа ми тої хусткі, шом ю *біло* прала,
Тілько ми жаль Василенька, шом *вірне* кохала
(Ž. P. II, 23).

—„Піде мі голос *по мідянині*“. Этому в той же кол. и в других этого типа соотвѣтствует „по під небеса“. То что труба „мідяная“, могло напомнить, но немогло вновь создать этого образа, по видимому тождественнаго с Гомер. χάλκεος, πολύχαλκος οὐρανός, на пр.

ὣς οἳ μὲν μάρναντο, σιδήρειος δ' ὀρυμαγδὸς
χάλκεον οὐρανὸν ἶκε δι' αἰθέρος ἀτρυγέτοιο,
II. XVII, 424—5 =

Так они бились, и гром (раздаваясь) желѣзный
К мѣдному небу всходил сквозь безплодной эѳир.

Сюда же можно отнести желѣзное небо (σιδήρεος οὐρανός, Гом.), мѣдный, золотой ток (серб. гумно), на котором бьются сказочные богатыри (К ист. зв. III, 29; токъ, Объясн. мр. п. I, 25) и мѣдное поле—серебряное гумно серб. свадебной п. (Кар. П. I, 41—2) варіант которой был приведен в Объясн. мр. п. I, 168):

Играх се златном јабуком
По полу по мједеноме,
По гувну по сребрноме,
Одскоком скочи јабука,
Удара Будви у врата,
Саломи врата на двоје,
А кључаницу на троје,
Просу се бисер по перја (=по травѣ).
Сави се паун од неба,
А пауница од пола,
Да купе бисер по перја.
Млада се Маре (невѣста) молаше:
„Пауне, мој мио брате,
„А паунице сестрице!

„Некупте бисер по перја,
„Јер сам ћевојка вјерена,
„Вјерена, неповедена,
„Пак ми се хоће дарови:
„Свакоме свату грнлица,
„Староме свату и двије".

К этой пѣснѣ прийдется еще возвратиться по поводу колядки о райских птицах и золотой рясѣ.

Ср. также *ледяную* твердь у Іо. Экз. Бол. (Объясн. мр. п. I 91).

И. Кол., записанная от „австріяка" в сел. Лугах. Ольгоп. у. Подоль. г. (сообщена Л. С. Мацѣевичем).

Ой з-за гори, з-за високої
Виходить хмарка біла-біленька,
Біла-біленька, як мак дрібненька.
Ой то не хмара, біли овечки,
За тими овечками гречний молодець,
Занерезаний срібним поясом.
За тим поясом три трумбітки:
Одна трумбітка горіхова,
Друга трумбітка мідяная,
А третя трумбітка золотая.
Ой як заграв та в оріхову,
Пустив голосок у темний лісок;
Як заграв в другу трумбітку
Пустив голосок по-під небесом (sic);
В третю трумбітку як заграє,
Пустив голосок аж на той світок.
Виходит же Божа мати,
Та й стала питати:
„Чий то синок пустив голосок?
„Як би я знала, я б ёго взяла,
„Горно-б убрала, за стіл посадила
„Межи святії, межи старі люди.

—

Ой сидять, сидять, радочку радять,
Радочку радять, все первовічну:

„Ой не так тепер, як з первовіку:
„Сини на батька руки підіймає,
„Ой доч (з.) матері суперечає,
„Брат на брата мечем рубає,
„Сестра на сестру чарів питає,
„Кум до кума пізви дає,
„Сусід до сусіда перелази забуває

Размѣр многих стихов испорченный. Ст. 23 слѣд. — особый колядочный мотив без связи с предыдущим.

I. Кол., Мурафа, Богод. у., запис. И. И. Манжура.

Ой в ліску, ліску, на жовтім піску,
Ой дай Боже!
Ой в ліску, ліску, на жовтім піску,
Святий вечір!
Семенко ходе, три трубі носе.
Що одну носе та золотую,
А другу носе серебряную,
А третю носе та мідяную:
Та як заграє у мідяную,
То чути ёго по всёму лісі;
А як заграє в серебряную,
То чути ёго по всёму світі;
А як заграє у золотую,
То чути ёго до пан—короля.
Пан король каже: колиб же я знав,
( ) чий то син заграв,
То-б я за ёго королівну-б дав,
А приданого половину-б царства дав.

K. Чуб. III, 280, Ковель. у.

Ішдив Василько в військо служити,
Заслужив собі три свистілойки
(золотую, мідяную роговую)
6 (v.) Як заграє в роговую
7 То буде чути в [ёго] батенька (в) [на] дворі; 8=6 в мідяную; 9=7 в матюнки в сінях; 10=6 в золотую; 11=7 в [ёго] дівойки в коморі.

Л. Кол., Zeg. Pauli, P. L. R. I 8=Чуб. III, 293:

Ой вийду-ж я на гору [високу],
Та затрубью в три роги:
Та затрубью в [ріг] мідиний,—
Та чути ми до родини;
Та затрубью в [ріг] золотий,
Та чути ми до дівчини;
Та затрубью в [ріг] жубровий,
Та чути ми на весь світ.

В вар. И является новое лицо, „Божая *мати*“, до которой „на той світок“ доходит звук трубы овчаря. В I и K овчарь замѣнен воином. В I разсматриваемый мотив сочетается с другим (о коем ниже), гдѣ молодца величают за удальство и король говорит:

„Коли-б же я знав, чий син *конем* грав . . .“

В K смысл такой, что слава военных подвигов доходят до отца, матери, невѣсты. Вар. Л замѣчателен тѣм, что переходит в размѣр 4+3.

Из этих данных создалась самостоятельная пѣсня размѣра 4+3 „мать . . . сын“: α) вар. записанный мною от Пр. Еф. Потебниной в началѣ 50-х и по всѣм соображеніям существовавшій в этом видѣ и в началѣ 20-х годов в с. Перекоповкѣ, Ром. у.; β) Zieńkiewicz, Pios. gm. l. Piińsk.; γ) Сб. п. нар. тв. в свз. кр., 32—3, Гродн. г. Бѣль. у.; δ) Максимович, Сб. укр. п. I, 1849, 96—7; Ž. P. I 45; ε) Н. И. Костомаров у Чуб. V, 864, Харьк. губ.

Максимович называет эту пѣсню колыбельною и говорит, что в ней „козачка над колыбелью сына воображает себѣ предстоящую ему жизнь“. Повод к этому подало тождество ея размѣра с размѣром колыбельных: „Ой ти коте, коточок“ и пр.; но мнѣ положительно извѣстно, что она примѣнялась ко взрослому сыну, именно Ивану, отдаваемому в государеву службу.

a)

„Ой сину мій, Иване,
„Дитя моє кохане! [1])
„Як я тебе кохала, [2])
„І дня-нічки неспала.
„Я-ж думала: оженю,
„Сама себе звеселю;
„А тепера [3]) в військо 'ддам,
„Печаль серденьку завдам!“
— Неплач, мати, по мені
Ісправ мені три дуді,
А усі три мідяні.
Я в першую заграю,
Як коника сідлаю;
А в другую заграю,
Як із двора зъіжджаю;
А в третюю заграю,
Серед полку стоячи,
На государя смотрячи,
Та зачуэ *мать* (sic) моя
Із церковці идучи,
По синові плачучи,

и этот звук из за земель, слышный только ей одной, связанной с сыном невидимой сердечною связью, м. б. ее утѣшит.

В рукоп. вар. Черн. г. послѣ 2-го ст.:

Як я тебе родила,
Всю ніченьку сходила . . .

стиха 18-го, переносящаго в сферу смотров, нѣт вовсе; вм. 19 слѣд.:

. . . мати (матуся?)
До церковці ідучи:

---

[1]) Милое.

[2]) Воспитывала.

[3]) Т. е. „викохавши“, воспитавши.

„Ой десь моя дитина,
„Як у полі билина;
„Ой десь моя кохана . . .
„Нема сина Івана!

β) (оставляю непослѣдовательность фонетики):

Зашуміло дерево
Над водою стоячы;
Заплакала удова
Да на сына гледячы:
„Ой муй сыну Іване,
„Дітя-ж мое кохане!
„Ці мне цебе женіті,
„Ці до войска вручыті?
„Оженівшы—радосьно,
„Даті в войско—жалосьно!“
—Матко-ж моя старая!
Да скуй же мні тры дуде:
Ой одную ціхую . . . (14=22)
. . . А другую жалосьну,
А трейцюю голосьну:
В голосную зайграю,
Як на коня вслдаю (*я*?);
В жалосьную зайграю,
Як із двора зъежджаю;
А в трейцюю ціхую—
За доленьку ліхую.—

γ) Под похилим деревом
Мати з сином стояла
Правди в ёго питала:
„(Ой) муй сине Іване,
„Дитя мое кохане!
„Як я тебе родила,
„То ўсю нужу сходила;
„Як я тебе годовала,
„Всяку нуж[еньк]у приймала;
„А тепер до вуйська оддам,
Сама собі жалю задам!“

—Мати-ж моя рюдная!
Ісправ же мні три труби
І уси (три) мідяни[т],
А четверту золоту[ю],
А я в першу за[и]граю,
Як коника [о]сідлаю;
А в другую за[и]граю,
Як на ёго сідаю;
А в третюю за[и]граю
(Як) (із) ворут виїжджаю[чи];
А в четверту за[и]граю
Серед полку стоячи,
Нехай чує мати моя,
Нехай чує рюдная,
Што на чужуй стороні:
Ані сестри, [а]ні брата,
(І)но Пульша проклята;
Ані матки, ні ойця,
Но сам блудний, як овця.

Ст. 10—11 испорчены. В 19 вм. „ёго“ лучше „коня“. В 23 „полку“ я поставил вм. „пулка“. Ст. 26 казался бы достовѣрнѣе, если бы пѣсня была напечатана не в том сборникѣ, в котором, вмѣстѣ со многим хорошим, помѣщены, как цѣнныя народныя п., глупыя поддѣлки (стр. 7 и сообщенныя М. О. Коялovичем, стр. 115—8).

δ) и в ( ) ε. (счет стихов по γ).

По над морем—Дунаем
Вітер явор хитає,
(А по під тим явором
Сидить мати із сином,
Вітер явор хитає)
Мати сина питає:

δ 4—5 = α 1—2.

„Ой чи тебе оженить,
„Чи у військо урядить?
„Як я тебе *колихала* (δ и ε),
„Усю (темну) піченьку не спала;

„Як я тебе зростила,
„Сама себе звеселила;
„Як я тебе оженю,
„Всю родйну звеселю;
„Як я тебе в військо дам,
„(Сама) собі жалю я (я нѣт в γ) завдам!“
— (—Нежурися, моя мати:
Вже того неминовати.)
Мати ж моя рідная,
Порадонько вірная!
δ 16 = α 10 труби; β 17 = α 11
А четвертую трубу
Ісправ мені золоту.
δ 20 = α 12 у одну трубу . . . ; δ 21—2 = α 13—4
—На коника сідаю (ε=α 15);
δ 24—5 = α 16—7
І шабельку держачи,
Щоб зачула матуся (ε=матусенька)
До утрені ідучи,
Як голубка гудучи:
δ 28—9 = α 1—2 „Ой сине-ж
„Ой коли-б же я зозуля,
„Я-б до тебе полинула!“
—Як би, мати, я сокіл,
Я-б то тебе прилетів.
Рости-ж, синку, в забаву
Козачеству на славу,
Вороженькам в *рас*праву!
В ε) вм. δ 28—9:
Як зачула тое мати,
Стала плакати—ридати

далѣе = δ 30—3, а ст. δ 34—6 в ε) вовсе нѣт.

В ст. 6 вар. δ и ε *„колихала“* считаю за ненужную, нарушающую размѣр и смысл поправку вм. м. б. непонятаго *кохала* (вар. а), которое м. б. исправителю было извѣстно только в одном, сюда пендущем значеніи „любила“. Чтобы яснѣе выставить, что пѣсня поется ребенку, в δ) прибавлены стихи 34—6, которые считаю поддѣльными.

По цѣльности и силѣ вар. *а*) выше остальных. Форма его—чисто драматическая, свойственная и мн. др. мр. пѣсням. Отношенія лиц нетребуют поясненій. В нем мать неспрашивает, что ей дѣлать: она сама видит необходимость разлуки и горя, как и бывало, и бывает. В вар. β—ε разговор вставлен в эпическія рамки, ослабляющія драматичность и первоначально несвязанныя с главным содержаніем пѣсни. Цѣльнѣе других вар. β, в котором, хотя плачь вдовы об участи сына и выражен в формѣ вопроса, но так, что форма нестановится содержаніем, невходит в образ, поставленный в началѣ пѣсни. Перенесеніе дѣйствія на идеальную сцену посредством запѣва в вар. δ, ст. 1—3, кажется менѣе удачным.

Мотив: Вітер явір *хитає*,
Мати сина *питає*

взят из другой пѣсни, существенное содержаніе которой есть именно вопрос на пр. о том „хто тобі вірніший? чи жінка, чи теща, чи рідная мати?“. Об этом образѣ замѣчу:

Невѣрное мнѣніе, будто „*явор*, являясь в началѣ пѣсни, тѣм самым указывает на ея печальное содержаніе и вообще опредѣляет грустный тон всего послѣдующаго“, мнѣніе подтвержденное ссылкою на разсматриваемую здѣсь пѣсню (Костомаров, Истор. знач. юр. нар. пѣсен. творч. Бес. 1872, VIII, 54) произошло от неразличенія образа и того что в нем существенно в извѣстном случаѣ, т. е. „представленія“ (см. мое соч. Объясн. мр. п. I 42 и 41). Не явор вообще печален, а то что он „*похилився*“ = N „зажурився“, что „вода корінь мие“ = „серденько пие“. Значеніе печали остается неизмѣнным, что бы ни клонилось, гнулось или ломалось: явор, береза, дуб, сосна, лозы, трава, былина, коромысел, кладка (ссылки см. в моей ст. О связи нѣкр. представленій в языкѣ. Филол. Зап. 1864, отд. отт. 9—12; мое Сл. о П. Иг. 65, по поводу „ничить трава жалощами а древо с тугою к земли преклонилось“, „уныша цвѣты жалобою а древо с' тугою къ

земли преклонило(ся)"). Ср. также „трава... похилилась" =„дівка... зажурилась" у Чуб. V 282, 284;

Червоная калинонька (та) без вітра хитається;
Молодая дівчинонька за козаком вбивається (ib. 352).

Сосна колихалася... дочка жалілася
(Чуб. III, 191—2);

Стоїт верба над водою, колише собою;
Ой чи тужиш так за мною, як я за тобою?
(Гол. II 339);

Сидит голуб над водою, хитає собою;
Ци ти тужиш так за мною, як я за тобою?
(ib. 376).

Один из множества случаев скрытаго параллелизма, опущенія посредствующих звеньев мысли (мой разбор Пѣсень Головац. Зап. Ак. Н. XXXVII, II, отд. отт. 82):

Невелика пташиночка, все гілья вгинає;
А хто знає від любости, нехай мені дає.
А хто знає від любости, то порадьте, люде,
Бо вже мені за дівчинов загибелька буде!
(Гол. II, 288),

т. е. печаль, происшедшая от мнимо-маловажной причины сначала изображена метафорично (1 ст.), потом — одним из своих моментов, именно просьбой дать „ліків од любощів", „такого зілля" „щоб забути" („забутнóго").

От этого „хилитись = журитись" отлично представленіе вопроса на двое („чи так, чи ні?"), а затѣм и вообще вопроса, колебаніем в противоположныя стороны: „*хитає = питає*":

Ой у поле билиночка, вітрец нев *хитає;*
Иде мати до донечки, людей ся *питає:*
„Скажіт мені, люде добрі, де моя донечка?
„Най я пійду відвідаю, ци добра долечка?
(Гол. II, 393);

Ой у полі дві тополі, одна другу перехилює;
У городі дві дівчини, одна другу перепитує
(Кост. Ист. зн. и пр. Бес. 1872, VIII, 31);

Есть у полі дві тополі, йодна одну росколихує;

Подружечка в подружечки одна в одної випитує:
„Чи була ти, подружечко, а сей вечір да на улиці?
„Чи бачила, подружечко, а ти мого жениха в очі?
(Лавренко, Пісні. К. 1864, 119);

На морі вода хитається,
Дівчина літа пітається
(т. е. спрашивает о лѣтѣ):
„Ой чи було літо, чи небуло?
„Чомусь мені невеличке воно:
„Ні зозуленьки некували,
„Ані соловейки нещебетали,
„Мене мати гулять непускала
(Кост. ib. V 82);

Пливе човен води повен та й ся вихилює;
Сидит хлопець коло дівки та й ся випитує:
„Що би тобі, моя мила, купити, купити?“
(Гол. I 252);

неясно:

Хитай, вода, берегами, хитай, вода, лугом;
„Чомусь до мья неприходив, якесь ишов с плугом?“
(слѣдует оправданіе, Гол. II 33).

Предполагаю, что обычная рифма „колише — пише“ возникла в случаях, гдѣ письмо заключало в себѣ вопрос:

Ой гаю, мій, гаю, густий — непрогляну,
Що на тебе, гаю, и вітер невіє (v. недише),
И вітер невіє, гілля неколише.
Ой брат до сестриці часті (дрібні) листи пише:
„Сéстро-ж моя, сéстро, сестро убогая!
„Чи привикла, сестро, на вкраїні (на чужині) жити?“
(вар.—у Чуб. V, 474).

За тѣм это основаніе сближенія — неявственно или вовсе отсутствует:

Вітронько дуе, вітронько дуе,
Хабиною колише;
Ой десь мій милій тай чорнобривий,
Листоньки мені пише (Г. I 255);
Ой за вороти явір зелененький

А ним вітер колише;
Та десь то моя кохана дівчина
Чотире листи пише.
(т. е. скоро ли буду назад?)
Хоть най напише, хоть най залише,
Най в тугу невдається,
(А) за чотире (та) неділоньки
[Та] най мене сподівається
(Гол. III 342);

На горі, на горі травка ся колише;
Стародавний фраїр листок до мня пише.
Ей пише він, піше, тілько не малює,
Стародавний фраїр то за мнов банує (ib. 434);

Стоїт верба над водою, собою колише;
А мій милий чорнобривий дрібний листик пише
(ib. IV 470);

Ой у полі вітер дише, билину колише;
Козаченько до милої штири листи пише;
„Ой нетужи, моя мила, в тугу невдавайся . . .
(Г. I 12);

Гей сів Сава конець стола, дрібне листьє пише,
А Савиха молоденька дитину колише (ib. 19).

Только в послѣднем случаѣ порядок слов, обратный сравнительно с предыдующими, удостовѣряет, что других основаній для риѳмы, кромѣ звуковых, нѣт.

Едвали слѣдует считать случайною, чисто звуковою рифму „дише—пише“ в серб. п.:

Вихар пуше, ал-катмером [1]) дише,
Драги драгој ситну книгу пише
(Кар. П. из Херцег. 117; Kukuljević, Dela, IV, 148).

[1]) Ал-катмер, тур., алый полный (двойной, махровый, т. е. цвѣток, роза).

XV.

Чудесное дерево; с него три корысти.

1. А. Кол. господыни, Гол. II, 51, Золочев. окр.
Ой там за двором за чистоколом
Ой дай Боже!
Стоїт ми, стоїт зелений явір,
А в тим яворі три користоньки:
Єдна ми [1]) користь—в верху гніздонько,
В верху гніздонько, сив соколонько;
Друга ми користь а в середині,
А в середині в борти пчолоньки;
Третя ми користь у коріненька,
У коріненька чорнїї бобри.
Сив соколонько – пану на славу,
Ярі пчолоньки—Богу на хвалу,
Чорнїї бобри—та на шубоньку,
Та на шубоньку господиноньці.
Бувай здорова и пр.

Б. Щедр. Ковель. у. Чуб. III, 473.
Летіла соя у кунець села
(ᴗ) Упустила (ᴗ) жолуденьку:
„(ᴗ) Рости, дубе, тонкий, високий!“
А в том дубові (ᴗ) три користи:
(ᴗ) У корені – чорни(ї) бобри,
У середині—яри(ї) пчоли,
А из верху—ясни соколи.
Чорни(ї) бобри—(ᴗ) на шубойку,

[1]) Dat. eth.

Яри(ї) пчоли—(◡) на свіченьку,
Ясни соколи—на утішейку.

Уже из нераз встрѣченнаго выше пріема колядок, подчиняющаго міровыя силы интересам величаемаго лица, которому на пр. служат или у котораго гостят Бог и святые, можно бы заключить, что и это дерево (каково бы ни было происхожденіе этого образа) понято так, что пользованіе им есть апоѳеоза. Такое пониманіе, кажется, подтверждается ст. 1—3 Б, которые, удовлетворяя потребности поэтическаго мышленія представлять образ не данным, а возникающим, намекают на небесное происхожденіе этого дерева; ибо, по мр. повѣрью, у сои (corvus glandarius) ключи от вирья (Объясн. мр. п. I 121).

К Б примыкают по началу:

а) Бр. волочобн. Безс. Бр. 10—1, гдѣ „сова“ искаженіе вм. „соя“:

Ляцела сова с чистаго поля
(◡) Нясла жолудзь (◡) на крылочку,
Кінула жолудзь на богаты двор . . .
. . . А с того жолудзя (◡) вырос дубок . . .
. . . А на том дубу чорян орёл,
Чорян орёл гнездзечко вьець . . .

(величаемый мѣтит в него стрѣлой, орел отмаливается, обѣщая попадобиться в женидьбѣ).

б) Бр. коляд., сообщ. г. Садовским:

Ляцеў галубок, ўроніў жалудок
Посеред двора (◡) широкаго.
Ой вышаў, вышаў малады N,
Ой выняс, выняс стрелачак пучок,
Ой мецiць, мецiць сакала біці,
Саколік яго просiтца в яго:
„Малады N, да нябі мяне:
„Звелічу цябе в цесци на дварс,
„В цещи за сталом, за мёдам-віном“.

Очевидно, послѣ 3-го ст.— пропуск, который должен быть дополнен сходно с а). Голубь здѣсь напоминает о сочетаніях, данных в мр. коляд. о 3 голубях на яворѣ среди

моря, которые „радоньку радят, як світ сновати“ (Гол. II, 5) и в слѣд. хорват. коляднѣ (размѣр весенних п. 4+3), в коей пожеланія колядовщиков вложены в уста голубки:

Добар вечер, господар!
Врзте на се модар плашћ,
Прошећте се на двор ваш.
На двору је зелен бор (=сосна),
Под бором је врани коњ,
На нем сйди синак ваш,
Тер сулицум сфркује [1]).
На бору—голубица,
Која гуче и поје,
Добро лето вам зове,
Да би жито родило,
Жито и бела пшеница.
Ва 'вой хижи 'е дйвојка,
Заручнака б' добила,
Да б' га она просила ... (Kurelac, Jačke, 293).

В. Кол. Гол. II, 3, Сяноц. окр.:
Стоїт соснойка серед дворойка,
Алилуй, гей алилуй,
Господи Боже помилуй!
Ей в тій соснойці тройкий хосен [2]):
3 Ей от кореня жовти лишойки [3]),
А в середині яри пчілойки,
А під вершейком сиви соколи.
6=3 Поносуются [4]) ... 7 Же їх доходят панскі хи-
[тройки;
8=4 Поносуются ... 9=7 ... буйни [5]) ручейки;
10=5 Поносуются ... 11=7 ... дуйни вітрове

---

[1]) Мр.=копъем вихае.
[2]) Барыш, польза.
[3]) Лисицы.
[4]) Ср. серб. *поносити се*, гордиться, или чеш. *ponosovati se*, stěžovati si, жаловаться?
[5]) Высокія (в переносном смыслѣ) или сильныя. См. мое Сл. о П. Иг. 111—3 и К ист. зв. IV, 54.

12 Дуйни вітрове, шайни дожджове [1]).

Соколы, по видимому, гордятся тѣм, что до них недостают даже такія руки, как величаемаго, а лишь вѣтры да дожди.

Г. Кол. Гол. IV, 6, Калница, Сяноц. окр.:

В нашого пана господарейка,
Біг єму дав!
Незаздростіте, панове братья,
дасть и вам!
Стоїт соснойка серед ринойки:
В корені сосни перепелойки,
А в пні сосновім яри пчілойки,
В вершейку сосни чорни кунойки

1-е пану на обѣд, 2-е ему на мед, 3-й паній на шубу.

Перепелки у корня появились здѣсь из другой кол., записанной там-же (Гол. IV 6, N 6), гдѣ один из 3-х соколов „приніс на обід перепелойку", и потѣснили кун на мѣсто соколов.

Д. Бр. волочобн. Безс. Бр. п. 9, N 8, ст. 10—33 представляет сочетаніе вар. в родѣ А (явор) с В, Г (сосна): у N на дворѣ сосна. Он спрашивает у пчол на ней, что они думают? Пчолы думают принести ему 100 пудов меду и 100 пудов воску. У него на дварѣ явор . . . сокол думает пригнать ему из Шведской земли стадо скота, из Турецкой — табун коней. Из других вар. (см. ниже) видно, что первоначально добыча соколов — другая.

2. *Пчолы.* К мотиву XV, 1, как первообразу, можно возвести кол. Гол. IV, 12, N 15, в которой всѣ три корысти с сосны — от пчел: Господарь

. . . в сосновім бору,
Соснойку втворит [2]), Богу ся помолит:

---

[1]) *Шайний* дождж напоминает лит. *szaunus* lytus, проливной дождь. Впрочем, если сходство не случайно, и если тут, как я думаю, нѣт заимствованія, то связь не непосредственная (ибо лит. *sz*=слав. *с*).

[2]) Отворит. М. б. заглянет в борть и помолится Богу (небесному). Однако ср. Бусл. Оч. I, 80—1: „дуплинам древяным . . . поклоняющеся" (Жит. кн. Константина Муром.); „жил в лѣсѣ, молился пням" (посл.).

„Дай же ми, Боже, три користойки:
(пчелу, воск и мед)

В других сходных сосна уже вовсе неупоминается: вар. Гол. II, 174, N 21 и Zieńkiew. P. l. Pińsk. 31—2 (откуда Безс. Бр. п. 75) началом примыкает к кол. об овцах (XIV, 2, Б, Е, стр. 190, 192—3):

За дваром за новым цёмная хмара
Не ест то хмара, ярые пщолы...

Сюда же бр. волочоби. Безс. Бр. п. 3 и кол. Чуб. III, 392, N 119.

3. *Щастливое и несчастливое дерево. Сокол и змѣй или жаба.*

Припѣв кол. XV, 1, Г „незаздростіте", встрѣчающійся и в других кол. о красивой женѣ и богатствѣ (Гол. IV, 60; II, 4), подтверждаетъ то, что дерево в разсматриваемых п. есть образ, знаменующій благосостояніе, счастье.

В связи с этим — моравскій обычай: колядники носят „*štěstí*", т. е. березовую или хвойную вѣтку, украшенную яблоками, кусочками сукна и пр., воткнутую в горшок; под нею ясли с ребенком и голубкою (Sušil. Mor. p. 739). Такой же смысл счастья имѣет сидѣнье или лежанье под болѣе-менѣе чудесным деревом с соколом или без него в серб. и болг. п. Ср. на пр. Кар. П. I, 495, N 677 (величальная) с N 108, стр. 60 (свадебная, величальная = колядкѣ, о которой ниже); ib стр. 312 и 332, NN 423 и 456; ib. 319 сл. NN 435—8; Миладин. N 177 (в моей ст. Мр. п. XVI в. 45—6). Предполагаю первоначальное тождество этих деревьев с деревом мр. колядок. М. б. также об этом деревѣ говорит свад. п. (перед отъѣздом жениха из дома родителей):

Яворе, яворойку,
Оставай при домоньку,
Розвеселяй мамоньку,
Закля ся повернеме
И чадо привеземе (Гол. IV 274).

Ср. зелен — весел, ясенье — веселье (выше стр. 51—2). Ср. также свадебн. величальную:

Где соколи гнізденько вили,
Там бояре мед вино пили . . .
(Чуб. IV 211).

В этом образѣ, можно думать, заключались нѣкогда черты, исключенныя из мр. колядок, вслѣдствіе своей несовмѣстимости с величальным характером этих пѣсень, черты давшія возможность в других пѣснях придать этому образу противоположное значеніе (несчастнаго состоянія) или раздвоить его на дерево счастливое и несчастливое: у корня вода, которая понята, как подмывающая корень (См. Объясн. мр. п. I 240—1, 244, 247; ср. ib. 251—3) и змѣй, иногда огненный, который, может быть, был понят, как изсушающій корни (Ср. огонь у корня Объясн. мр. п. I 248; 260, 263—6), или подъѣдающій их.

В серб. величальной п. Кар. I 488, N 664, на верху яблони сокол гнѣздо вьет, у корня — змѣй грозит попалить соколят. В Болг. п. Милад. N 167 — на вершинѣ кипариса поет соловей, у корня — змѣй (моя ст. Мр. п. XVI в. 44—5). В румынской п. о загробных странствованіях души, по сю сторону моря, через которое нужно переправиться душѣ, на берегу стоит вяз богинь (Дзин, bradul Dinelor), на нем выводит птенцов сокол, щенков — лающая выдра подстерегающая людей (Σκύλλη?), и змѣенышей — желтая змѣя. Этот вяз переносит душу на ту сторону моря — черта б. м. заимствованная из Хожденія Зосимы к Рахманам—гдѣ встрѣчаются еще два чудесныя дерева (Веселовскій, Разыск. в обл. русс. дух. ст. VI—X, 22—32). В вр. заговорах—нерѣдко змѣя под дубом *мокрецким* (прилаг. из сущ. энитета: дуб-мокрец = сырой дуб) (Аѳ. П. В. II 295), сырым дубом, ракитою, ракитовым, липовым кустом (Майк. Вр. закл. N 174—6, 178, 180), а также птица и змѣя или жаба:

. . . . . „у синяго моря окіяна лежит огненный змѣй. Сра(я)жается и снаряжается он *зажигать* горы и долы и быстрыя рѣки . . . . *орлицу с орлятами*, скопу (орлик, falco heliaetos) со скопятами“ . . . . (Майк. Закл. N 7); . . . „на кіянѣ—морѣ лежит камень латырь, возлѣ . . . пре-

стол Пресв. Богородицы; возлѣ того престола стоит дерево суховерхово", (на нем) „сидит птица — желѣзны носы, булатны когти, щиплет – теребит *жабу* сухую и мокрую" (загов. от болѣзни жабы, Майк. ib. N 98); „В городѣ Ерусалимѣ на рѣкѣ на Ярданѣ стоит древо *кипарис*, на том древѣ сидит птица *орел*, щиплет и теребит когтями и ногтями и под щеками, и под жабрами у раба Б. (имя рек)... *жабу* (загов. от жабы, Тихонрав. Лѣтоп. IV, 78); „На золотѣ морѣ золото древо", на нем „золоты птицы— носы желѣзны и когти желѣзны, дерут и волочат (усови) от р. б. имр. (от усовой, Майк. N 90). Жаба под дубом в заговорѣ, отождествляемая с жабою в горлѣ, как видно из названія жабы — болѣзни: *дубоглот* (Даль) и из заговоров: „дуб, дуб, возьми свой дубоглот, и глот, и мокрую жабу... от р. б. имр.! Невозьмеш свой дубоглот, он тебя с вѣтвями и с кореньями проглотит" (Майк. N 100); больной, отождествляя себя со своей болѣзнью, говорит: „утренняя заря Марея, вечерняя Маремьяна, возьмите у меня жабище; невозьмете — сосну березу с корнем съѣм: (глотая воздух) хам, хам, хам!" (ib. N 102).

В слѣдующей п., сверх черт колядок XV, 1, В, Г (сосна, пчолы), находатся еще другія, дѣляющія в ней сосну образом горькой доли женщины. Пѣсня эта по основному размѣру 5+4, нѣсколько разбавленному, по обычаю, в вр. редакціи, принадлежит к разряду, разсмотрѣнному в Объясн. мр. п. I, 231 слѣд., в частности — к типу пѣсень приведенных там на стр. 240—1, 247.

а) Варенцов, Сб. п. Самар. кр. 192—3.

Уж вы вѣтры мои, вѣтерочки,
Ваши тонки(е) голосочки!
Вы недуйте, вѣтры, на лѣсочки,
Нешатайте, вѣтры, в бору сосну;
Во бору ли сосенкѣ стоять тошно [1]),

[1]) Т. е. и без шатанья (=нечаль) ей тошно. Ср. мр. Вітер повіває, сосонку хитає.
„Нехилися, сосно, бо й так мені тошно".
(О связи нѣкр. предст. 10).

Стоять тошно сосенкѣ, невозможно:
[Не] (что) водой ли сосенку подмывает,
Горностайка к сосенкѣ подбѣгает,
Злы кореньица подъѣдает,
Посеред то сосенки пчелы вьются,
[Пчелы вьются, пчолушки непривьются;
Как у Ванюшки кудри вьются —незавьются]
Как у Любушки слёзы льются
(Что слёзы льются) неуймутся.
„Ты скажи-ка, Любушка, о чем плачеш?
[Ты скажи-ка, Любушка, с кѣм гуляеш?
Или с братьями, или ты с сестрами,
Или с прежними со друзьями?]
—Уж и есть у меня печаль горе:
Отдают дружка во солдаты.

Въ [ ] — неорганическія, по моему мнѣнію, вставки.

б) Мр. (Воронежск. губ.), с великоруссизмами, Чуб. V, 318:

(⏑) Віе вітер в чистім полі
(⏑) По крутому бережечку,
По жовтенькому (⏑) пісочку,
По хрещат*ім* (-ому) барвіночку

(тут, вѣроятно, пропуск; ср. Объясн. мр. п. I, 240).

(⏑) Вода сосну підмиває,
Горносталь корінь підъїдає,
(⏑) Зверху сосна усихає, (ib.)
Поверх (посеред?) сосни пчоли вьются,
(⏑) В молодої слёзи льются
(⏑) Не по отцю, не по мамі,
А по милому (⏑) дружечку
(⏑) По ясному соколочку.

Горностай здѣсь, вѣроятно, комбинація другаго врага сосны (змѣя, жабы и т. п.) и такихъ образовъ, какъ в вышеприведенныхъ колядкахъ куны, бобры.

Оставляю вопросом: на сколько умѣстно сближеніе даннаго здѣсь сочетанія „пчолы . . . горностай корень подъѣдает“ с образом притчи индійскаго происхожденія: чело-

вѣк, спасаясь в пустынѣ от бѣшенаго слона, по корням дерева спускается в сухой колодязь, на днѣ котораго видит змѣя, между тѣм как двѣ крысы, бѣлая и чорная, стараются перегрызть корни дерева, на коих он висит . . . а на деревѣ — пчолы и в рот ему попадают капли их меду (ссылки см. в статьѣ „Die quellen des Barlaam und Josaphat, F. Liebrecht, zur Volkskunde, 457).

Эпитет „*злы* кореньица“ некстати вошел сюда и в другую п.

„Во сыром бору все под соснами . . .
. . . Нам постелюшка—мать сыра земля,
Нам зголовьицо—зло кореньицо
(Якушк. Соч. 547)

из какой либо пѣсни, гдѣ о кореньях говорилось как о злых, лютых, ядовитых.

Ст. 12 вар. а), раздѣляющій сближеніе „пчолы вьются“ = „слезы льются“, взят из п. такого содержанія, как на пр. у Якущ. ib. 547:

Что вились-то мои русы кудри, вились завивались
(но перестали, развились)
Как заслышали мои кудерушки на себя невзгодье
Что большое ли невзгодье, великое безвременье:
Что уж быть-то мнѣ, доброму молодцу, во солдатах.

Сближеніе „пчолы вьются“ = „слезы льются“ основано на представленіи пчел разлетающимися и разливанья—разсыпанья (разлетанья) образом горя (ср. О пѣкр. симв. 103—5; Объясн. мр. п. I, 160 слѣд.:

Приснився ему сон дивненький,
Шо на его дім пчоли впали . . .
(толк:)
„Маеш дома пригодоньку,
„Бо пчолоньки то — слозоньки.
(Гол. I, 182—3);

а) Дала-сь мене, моя мати, за високі гори,
Недала-сь ми більше віна, ино едні пчоли,
А пчоли ся розлетіли, а я ся лишила,
Шоби мені лиха доля головку сушила;

А пчоли ся розлетіли, а я ся лишила,
Шоби мене, моя мати, зла доля побила
(Гол. I 266);

б) б 1—3 = а 1—3.

4 А тепер'сь мья, моя мамко, на віки втопила
(ib. II 329).

Общій характер мр. пѣсни заставляет видѣть здѣсь не черту дѣйствительности (приданное, состоявшее из одних пчол; от него неосталось ничего, откуда упреки мужа, родных, слёзы), а реальное изображеніе образа (может б., вызванное дѣйствительностью), имѣющаго символическое значеніе.

Как ἀσύνδετον:

У пасіці мени *пчоли*, за пасіков *оси;*
А вже-ж тота Боднарючка *плаче* та голоси
(Гол. III 35, 213).

В слѣдующей свадебной несчастное дерево противолагается счастливому:

а) Zieńk. P. l. Pińsk. 82—4:

Не ѣдь, сватухно, пузно в дорогу . . .
. . . Нестановіса под е[д]ліною
[Бо] е[д]ліна дерево нещаслівое,
Нещаслівое й нєвродлівое:
З кореня его [то] вода подмыла,
(І)з середіны [его] жовна [1]) пробіла,
А з верху его хвіля [2]) зломіла.
Стань собі, сватухно, под сосонкою;
Сосніна—дерево щаслівое,
То (та?) щаслівое, [то] уродлівое:
З кореня его—чорны[е] соболі,
З середіны его—боровы[е] нцолы,
А з верху его—райскіе пташкі.
Чорны[е] соболі поселіті хочут,

---

[1]) Дятел.

[2]) В вост. мр. *хвиля*, волна; на ср. чеш. chvíle (zlá), буря.

Боровы[е] пщолы полетіті хочут,
Райскіе пташкі [то] заспеваті хочут.

β) Шейн, Бр. п. 471 и 480:

. . . Паедзіш ты, брахалька, жаніціся, . . .
. . . Нестанаві коніка под рабінай;
Рабіна – дзерева пящаслівая:
З-пад камля рабіну вадой мыіць,
Пасірод рабіны черві точуць,
[А] з макушкі рабіны птіцы клююць.
[О]станові конічка над ягором [-ой]:
Ягор [вм. *-ро, -ра*] дзеревцо щаслівая:
З-пад камля ягора сытой мыіць,
Пасерод ягора пчолкі бруюць,
А з макушкі салавъі пяюць.

γ) Эти. Сб. III, 202:

Да паедзіш, пананьку [s. вм. -янку] женіцісе,
Нестав коніка над каліною,
[Бо] калина дзерево нещаслівое:
Весною каліну дзевкі ломець,
У осень каліну пташкі зоблюць.
Пастав коніка над явором,
Явор дзерево щаслівое:
В яворным камле—чорные бабры,
[У яворы] у середзіне—райскіе пщолкі,
У яворы ў верху сівы[е] сакалы.
Чорные бабры [бобрики] добрые на боцікі (!)
Райскіе пщолкі—солодок медок,
Сівые сакалы—да на гуляніне.

Сравнивая эти свадебныя с колядками XV, 1, А, Б, можно замѣтить в них новыя черты: на вершинѣ дерева поют райскія птицы или соловьи, у корня — медвяный источник.

О соловьѣ или другой птицѣ (павлинѣ!) поющей на верху чудеснаго дерева, говорят болг. пѣсни:

В слѣд., очевидно, величальной, Яну просят два царя, третій хочет ее похитить. Она бѣжит в лѣс „Димна гора Богдано'а“ (Богдан—ея жених или муж?),

Найде дре'о *кипаро'о*:
Во кореи-от змех му лежит,
На върво'и славей пеит,
Ми се скрила Будин-Яна
Зме'о-тому под криля-та

Царь посылает 3-х послов, они вырубили весь лѣс, но не-нашли Яны. Нетронули только одного дерева — на верху соловей, у корня змѣй (Милад. N 167).

Сходный мотив — как запѣв:

Єдно дърво дафиново
Цвет цветило, рот родило,
Найнавърху среберн пърстен [1]),
На перстено єдно пале
Песна пее, дури [2]) вреви [3]):

Эта птица выговаривает: „как непотрясется земля и непомрачится свѣт от того, что побрались брат с сестрою". Еще рѣчи недорекла, как это случилось и погибли грѣшные любовники (Верковић, Нар. п. Македон. Буг. 29—30).

Изникнало єдно дърво,
Єдно дърво дафиново,
Колку лично [4]) толку вишно:
Корень-от му по 'сà земя,
Вършеи-от по сино небе,
На вършеи-от паун пее,
Дури пее, дур' зборува:
„Слушайте малко голѣмо,
„Слушайте турци, кауре!"

Он говорит: у кого красивая дѣвица (дочь), пусть ее не-бьет неругает, пусть дает ей рядиться, чтоб было чѣм вспомнить дѣвованье (Милад. N 380, по началу сходна ib. N 177 и 247). Запѣв с чертою „паун пее", отвлечен-

---

[1]) Перстень, ср. Объясн. мр. п. I, Указатель.
[2]) = мр. аж.
[3]) Говорит.
[4]) Прекрасное.

ный от дальнѣйшаго содержанія, может находиться в связи с началом Черноморской п.:

Над річкою, над кубанню
вирастало древо . . .
. . . На тім древі сидить пава,
Кричить пава: запропала
Чорноморська слава
(Мое Сл. о П. Иг. 156).

Мы увидим и далѣе, что образ „чудесное дерево“ очень обычен именно в величальных пѣснях.

Здѣсь перед нами такое видоизмѣненіе этого образа: на вершинѣ дерева (корни его по всей землѣ) птица (соловей и пр.) поет то, что составляет суть пѣсни. Я немогу отказаться от догадки, высказанной мною в ст. Мр. п. XVI в. 1877, 49, что на такіе запѣвы, разбѣги мысли в величальных пѣснях, приписываемых Бояну, намекает выраженіе Сл. о П. Иг.: „Боянъ бо вѣщий, аще кому хотяшеть пѣснь творити то *растѣкашеться мыслію по древу*, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки“. Самое сравненіе Бояна с соловьем, как оно ни естественно, могло быть облегчено существованьем пѣсень, в коих „слава“ влагалась в уста соловья (ср. ниже, XV, 4, г): „О Бояне, соловию стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, *скача*, славию, *по мыслену* (идеальному, поэтическому) древу!“

Чѣм вѣроятнѣе покажется нам предположеніе, что подобные запѣвы с „мысленнаго древа“ были обычны в пѣснях еще XII вѣка; тѣм менѣе вѣроятно будет то, что они могут быть выведены из *одних* книжных, христіанских, апокрифических источников, несмотря на то, что вліяніе этих источников несомнѣнно.

Из новаго особенно легко заимствуется то, что сродно с преждензвѣстным. Т. о. плодотворность библейских сказаній о древѣ жизни и древѣ познанія добра и зла, вытекающих из Эдема рѣках и змѣѣ (Быт. 2, 9—10; 3, 1—4) и апокрифов о райском и крестном древѣ может объясняться нетолько тѣм, что они сами по себѣ способны

были произвести сильное впечатлѣніе, но и тѣм, что они застали другія, сходныя сказанія, частью туземныя, частью заимствованныя из других источников.

Возвращаясь к частностям, нетрудно замѣтить, что „С под камля ягора сытой мыѣць“ (выше, β), а равно и приводимыя ниже черты „золотыя вѣтви, серебряныя листья“ и т. п. напоминают бесѣду Панагіота с Фрязином Азимитом: „А посреди рая — древо животное, еже есть божество. И приближается верх того древа до небес. Древо то *златовидно*, в огненной красотѣ. Оно покрывает вѣтвями весь рай. Имѣет же *листья от всѣх дерев* и *плоды тоже*. Исходит от него сладкое благоуханіе, а *от корня* его текут млеком и *медом* 12 источников“ (Рки XVI в. Бусл. Оч. I, 501). В свою очередь это сказаніе а равно и *щасливое* дерево с соколами в русс. п. напоминает древнія эранскія сказанія о деревѣ среди моря или озера, называемом *безскорбным*, безпечальным (Jaṭbés). *орлиным* (зенд. *çaêna*, орел=скр. *çyêna*, сокол), приносящем сѣмена (плоды) всѣх деревьев. На этом деревѣ сидит птица *çina-mrŷ* (çina=çaêna; позднѣе—персид. Симург). Когда она взлетает, выростает 1000 вѣтвей, когда вновь садится, то ломает 1000 вѣтвей и стряхивает с них сѣмена. Другая птица подбирает эти сѣмена и переносит их туда гдѣ „Тиштар“ собирает воду и вмѣстѣ с этими сѣменами в дождѣ ниспосылает ее на землю [1]). Близь безпечальнаго дерева, на том же озерѣ или на источникѣ Ардвйçура ростет бѣлый Гом (hom, зенд. haoma = скр. sóma). Кто питается им, тот безсмертен. Его охраняет

---

[1]) Ср. ниже кол. о райских птицах, отряхивающих с дерева золотую рясу, а также заговор: „На морѣ на кіянѣ, на островѣ на Буянѣ стояло древо; на том древѣ сидѣло 70 как одна птица; эти птицы щипали вѣти, эти вѣти бросали на землю, эти вѣти подбирали бѣси и приносили к Сатанѣ Сатановичу“, котораго говорящій просит зажечь сердце у дѣвицы N (Тихонравов, Лѣт. IV 75).

О сѣменах звѣрей, падающіх с дождем на землю См. мое соч. К ист. зв. IV, 52.

99999 Ферверов, а *жаба* или ящерица, созданная для этого Аи̇граманиу-с'ом, хочет истребить его, но ей мѣшает 10 рыб, питающихся небесной пищей (Kuhn, Die herabkunft etc. 119, 124—5; Vindischmann, Zoroastrische stud. 165 сл.).

Этому в Вѣдах соотвѣтствует смоковница (ficus religiosa, скр. *açvatttha*, соб. гдѣ стоит конь или кони) на 3-м небѣ от нас. На верху ея двѣ птицы, из коих одна клюет фигу; другія птицы садятся на нее и ѣдят сóму или *мадху* (мед) и *амр̇та* (амвросію, безсмертную пищу; о тождествѣ *мадху*, *сóма* и *амр̇та* — Kuhn, ib. с. 144—5, 158—9).

Под этим деревом — мѣстопребываніе богов; там Яма пьет с богами; там растеніе куш̣ѳа, воплощеніе амр̇ты (Kuhn, ib. 127—8). С этим деревом, источающим Сому (açvatthah сóмасавана-) отождествляют дерево *Илпа*, приносящее плоды всѣх деревьев, стоящее в мірѣ Брагмы, окруженное морем, за молодильною рѣкою (виджара̀надѝ); омовеніе в ней, даже один вид ея возвращает юность.

„*Вверх корнями, вниз вѣтвями* (обращена) эта вѣчная смоковница. Она называется „сѣмя“, она — Брагма, она амр̇та. В ней покоятся всѣ міры; за нее непереходит никто“ (Ка̀ѳака—упанишад, Kuhn ib. 198; Bhagavadgita, ed. Lassen, XV, 1; 237—8), с чѣм ср. вр. заговор „от руды“: „на морѣ на окіянѣ, на островѣ на курганѣ стоит бѣлая *береза внив вѣтвями, вверх кореньями. На* той на березѣ — мать Пресвятая Богородица, шолковыя нитки мотает, кровавыя раны зашивает: нитка оторвалась, руда упялась“ (Майков, Вр. заклин. N 149 = 3. Геогр. Об. по Эти. II; Ао. П. В. II, 277) [1]).

---

[1]) Присутствіе в других подобных заговорах черт из апокрифических сказаній, каковы вѣроятно или несомнѣнно „гробница“ (Майк. ib. N 142—3), „бѣл латырь камень“ на котором „в святой апостольской церкви золотой престол“ (ib. N 150—2, 141, 143—5, Jagić Arch. I, 99—101), три кедра или „петріи, хитрій и кипарис“ (ib. 181, 81), нелишает вѣро-

Индійскому *açvattha* соотвѣтствует скандин. ясен yggdrasill (=конь Игга, т. е. Одина) с богами и дѣвами судьбы, медвяною росою, коею питаются пчелы, с орлом, змѣею, бѣлкою и оленями. Между прочим *на* вѣтвях этого ясена Идуна, хранительница молодильных яблок и напитка безсмертія.

Отождествленіе чудеснаго дерева с вѣтвистыми облаками (=wetterbaum, ·Kuhn Die Herabk. 131; за ним многіе другіе: Аѳ. П. В. II 279 et pass. и пр.) нетолько непротиворѣчит земному происхожденію этого образа, но прямо предполагает его. Человѣк, заключая от близкаго и извѣстнаго к далекому и неизвѣстному, переносит на небо свою земную обстановку и затѣм, когда этим она измѣнена, освящена и возвеличена, приписывает ей, в ея земном видѣ, свойства, полученныя ею на небѣ. Так устанавливается идеальная связь міросозданія. Нужно было знать лѣс и поле, дерево с ключем под ним и с гнѣздящимися на нем птицами и т. п.; нужно было охотиться, пасти стада, угонять их у других и защищать свои, пить молоко и пьяный напиток, сражаться каменным и металлическим оружіем, имѣть извѣстныя формы брака, суда и пр., чтобы все это перенести на небо; без этого перенесенія невозможно было бы усмотрѣть в земном деревѣ, птицѣ, в каменном молотѣ, в женихѣ и невѣстѣ тѣх свойств, которыя им приписываются вѣрованіями народов. Трудность изслѣдованія заключается между прочим в опредѣленіи того, на какой точкѣ своего пути от близкаго к далекому и обратно мысль захватила тѣ или другіе признаки.

Нелишены вѣроятности слѣдующія соображенія (Mannhardt, Wald- und Feldkulte I, Baumkultus, 45 сл.).

Поэзіи различных народов свойственно сравненіе личной жизни человѣка с жизнью растенія. Неудерживаемая критикою мысль принимает сочетанія образов за связь вещей, из сравненія строит цѣлый мір, заключая, что если

ятности мнѣнія, что основа таких заговоров с дубом на буянѣ и пр. возникла не из этих сказаній.

человѣк представляется деревом, то и на оборот дерево — человѣкообразно; далѣе, — что оно двойник человѣка, его дух хранитель, причина явленій его жизни. Когда личная жизнь расширяется до семейной и общественной, то и личный двойник и дух хранитель, представляемый и деревом, становится образом и вмѣстѣ покровителем семьи, дома, общества. Частным подтвержденіем этой схемы служат швед. vård-träd, дерево хранитель (ib. 51). Сканд. yggrasill, может быть, не измышленіе скальдов, ни литературное заимствованіе, а лишь видоизмѣненіе древняго аріо-европейскаго представленія, увеличенное и примѣненное ко всему міру дерево-дранитель лица и дома. Этим объяснялось бы то, что в одной из пѣсень эдды (Fiölsvinnsmál), на вопрос, какая корысть с Мимирова дерева (=yggdrasill), коего вѣтви простираются над всѣми странами, дается странный отвѣт, что плоды его слѣдует класть в огонь для облегченія родов. Такое свойство миѳическаго дерева предполагает, по видимому, обычай окуривать родильниц плодами дерева хранителя, с коим сходен дѣйствительно существующій обычай, что в Швеціи женщины, при приближеніи родов, обнимают vård-träd и датск. повѣрье, что родильницам помогает растущая близь дома бузина (ib. 54—6) [1]).

Как „мысленному дереву“ приписывались в извѣстной мѣрѣ свойства дѣйствительнаго, так, на оборот, священныя деревья с вытекающими из под них источниками, стоявшія у языческих храмов, как в Упсалѣ, по свидѣтельству Адама Бременскаго, у Поморян, по свидѣтельству жизнеописанія Оттона Бамбергскаго и пр. (Mannh. ib. 56 сл; Aѳ. II. B. II 296, 300—1) могли быть не только первообразами міроваго дерева, как думает Мангарт, но и его изображеніями и земными воплощеніями.

---

[1]) И в Малороссіи распространено повѣрье: неистреблять близь дома бузины, чтоб неслучилось несчастья (Ромен. у. Ср. Чуб. I, 77).

4. *Кипарисно дерево. Гусли.*

а) В свадебн. п. (Шейн, Р. н. п. 563, N 33), дерево о трех угодьях отождествляется с невѣстой:

Стояли комони пошибши головы . . .
. . . Слышали комони дальнюю дорожку,
Повозку тяжолую с душой красной дѣвушкой.
(Жених говорит:)
„Потихоньку, бояры, с горы спускайтеся,
„Неполомайте, бояры, кипариснa дерева!
„В кипариснѣ деревцѣ было три угодійца,
„Первое угодье—трои пчолы ярыя,
„Другое угодійце—звончатые гусельцы,
„Третіе угодійце—душа красна дѣвица.
(тут, вѣроятно, пропуск: на гуслях мнѣ играть,)
С душой красной дѣвицей мнѣ вѣк вѣковати,
С душой красной дѣвицей мнѣ тошну ноч коротати.

(Вѣроятно слѣдует спачала послѣдній стих, потом предпослѣдній). Дѣвица в деревѣ или на деревѣ—см. ниже.

Гусли — дѣвица, жена, играть — любить: Объясн. мр. п. I, 12, 216 и слѣд.:

. . . Лежали гусли неналаженныя.
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Наладить гусли N N-чу.

(его дома нѣт и пр.) Сах. Ск. Р. н. III, 17;

Стояла рябинушка на городѣ,
Срубили рябинушку на четверо,
Сдѣлали рябиновы гуслицы;
Этим-то вот гуслицам нѣту игрока.
Игрывал поигрывал удалой молодец,
Тѣшил—потѣшил любушку свою.

(Ефименко, Матер. по Эти. Арх. г. 2, 117, 66). См. также Пасек, Очерки Росс. V, 179.

—

б) Свадебн. Кохановской Остатки бояр. пѣсень (Р. Бес. 1861, II), 80 и сходная Сах. Ск. Р. н. III, 159):

Середи было двора да Федорова
Рай мой, рай!
Там стояло деревцо кипарисово,
А к тому ли деревцу соколам был слёт,
Соколам был слёт, молодцам был съёзд.
Они думали думу, думу крѣпкую:
. . . „Ой и кто возьмет у Федора дитя . . .

в) В другой свадеб. (Сах. ib 138) дѣвицѣ снится кипарисное деревце и соколы, из коих один унес утку. Мать объясняет:

Кипарисное деревцо, то—я у тебя,
Соколы молодые, то—гости у нас . . .
. . . Уж один ли сокол, то твой суженый,
Сѣрая утушка, то ты у меня.

Подобное сближеніе чудеснаго, видѣннаго во снѣ дерева и жены, матери в болг. величальной (Лазарской), Милад. N 622:

Сон сонила Янкулица
На утрина во неделя:
Изникнала яболшница
Стреде дворе песочина,
Стребен корен, злати гранки,
Завързала пет яболка,
Пет яболка позлакени . . .

Муж ей объясняет:

Яболшница сама ти си,
А яболка—наши деца.

Серб. п. (Кар. Пјес. I 134) помѣщает подобное дерево, именно лавр (δάφνη), который и в вышеприведенных болг. п. чередуется с кипарисом, среди рая:

Расло древо сред раи
Племенита дафина,
Племенито родила,
Златне гране спустила,
Лишће јој је сребрно;
Под ном света постела
Сваког цвећа настрта,

Понајвише босилка
И румене ружице;
На ној светац почива
Свети отац Никола.

Илія приглашает его дѣлать корабли, перевозить души с этого свѣта на тот, кромѣ трех, из коих

Трећа душа најгрешнија:
Девојку је скудила [1]).

Отсюда, а равно из веснянночнаго размѣра 4+3 (Объясн. мр. п. I, pass.) видно, что это пѣсня дѣвичья.

—

г) Свадебная величальная (Сах. Ск. Р. п. III 176 и 192, N 18 и 24) представляет соединеніе черты „кипарисно дерево“ с вышеупомянутою: „на вершинѣ чудеснаго дерева поет птица“:

Над рѣкою было над *Іорданью*
Что стояло тут древо *святое*,
Что святое оно *кипарисное;*
Как на этом древѣ кипарисѣ
Что сидѣла тут птица немалая,
И немала она, невелика;
Она славила славу большую:
„Уж как быть то Петру воеводой,
„Алексѣевичу воеводой,
„Да носить ему шубу соболью,
„А на шубѣ цѣпи золотыя,
„На цѣпях звѣри лютые.
У Петра слуги молодые.
„„Уж вы гой еси, вѣрные слуги!
„„Вы пригряньте веслами поскорѣе:
„„Литва к городу приступает;
„„Уж как надо Литву порубити,
„„Честь хвалу молодцу получити!““

(В ст. 11—2 — вр. былинный мотив о котором Веселов. Разыск. III—V, 4, 7 слѣд.; в 16 слѣд. — извѣстный в мр. колядках мотив: отраженіе набѣга).

---

[1]) Опорочила, оклеветала.

Кипарис, особенно видѣнный во снѣ и служащій образом лица, указывает на вліяніе апокрифич. сказанія, извѣстнаго под именем Бесѣды Іерусалимской. Царю Волоту Волотовичу снится между прочим: „выростало древо *кипарис — серебреное кореніе* и вѣтви у древа — *все золото бумажное;* поверх того древа сидит птица кречет бѣлой, на ногах у нево колокольчик". Царь Давид Іессеевичь объясняет: „что с тое страны полуденныя выростало древо кипарис—кореніе сребреное, то у меня будет сын царь Соломон премудры, и он сожиждет святая святых; то есть кречет бѣлы" (то есть кречет тот-же Соломон); „а что у кречета колокольчик золотой — у твоей царицы родится дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца" (Памятн. стар. р. л-ры, II 307; другіе ссылки—Веселовскій, Слав. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ, 179—80; Разыск. III—V, Сон о деревѣ 47 слѣд. 70—2).

Эта или другая подобная редакція, повліявшая на изображеніе дуба со свинцовыми корнями, серебряными отростками, позолоченною макушкою, шелковыми листьями в одномъ из вар. п. „О конѣ и соколѣ" (К ист. зв. III, 128) [1]), сама, кажется несвободна от вліянія народ. пѣсень. Я разумѣю „колокольчик"; ср. мое Сл. о П. Иг. 148 и слѣд свадебн. п. Невѣстѣ видится сон, мать объясняет:

Середи стола ясен сокол,
То Иван-ли свѣт Матвѣевичь (жених),
Золотыя же опутинки—
Да то ты, мое дитятко,
(Коханов. Остатки бояр. п. 82).

Сон Волота, вѣроятно, сроден с древними сказаніями (Ген, Культурныя растенія и домаш. живот. 148), пер-

---

[1]) „Сердечушка булатная" этого дуба напоминает о желѣзном первопосажденном дубѣ апокрифа (Ав. П. В II, 163, 294; Jagić Arch. I 95, 128; ср дуб булатный в заговорѣ, Ефименко, Матер. для Этн. ар. Арх. губ. 204).

вообразом коих может считаться сон Астіага: снилось ему, что из ложеси его дочери Манданы выросла винная лоза и простерлась над всей Азіей. Это значило, что сын Манданы, Кир, будет царствовать вм. Астіяга (Herod. I, 18). Эти дохристіанскія сказанія перешли в сказанія о снѣ Богородицы, отразившіяся в славян. п.:

Санак спила Пречиста Госпоѣа,
ѣе јој расте по крај срца дрвце,
У ширину по свему свијету,
У висину до ведрога неба.

Брат ея Василій толкует ей, что дерево—Христос:

Што се дрвце широм раширило
И покрило с крај на крај свијета,
То ће (Хѣ) свијет од гријеха спасти;
Што се дрвце к небу узвисило,
Са земле ће оцу Богу поћи.

(Карадж. Срп. н. п. из Херц. 312).

Usnula, usnula ja Maria *v rají*,
Ja Maria v ráji, v ráji na kraji.
Uzdál se jí sníček: z jejího srdečka
Vyrůstla jí na něm krásná jablonečka;
A tak krásná byla—celý svět zakryla . . .

(Suš. Mor. p. 789).

Припѣв „рай, мой рай“ в свад. п. о кипарисном деревѣ (б) может предполагать сочетаніе рая и кипариса, какое находим в слѣд. морав. свадебной п.:

A před rájem, rájem, před rájskymi vraty,
Stojí tě tam stojí cypris malé dřevo,

Под ним за круглым столом Бог с апостолами; молодец с дѣвицей просят святого брака

„Sobaš ty jich, Petře (говорит Бог), a já jich požehnám“;
A co Pán Bůh slúčí, žádný nerozlúčí,

Leda ryl, motyka [1]) co sa zemí týká
(Suš. Mor. p. 787).

Такое сочетаніе ведет к предположенію, что *кипарис* вм. с Іерусалимом и Іорданом вошел и в Бесѣду Іерусалимскую, в заговоры и в вышеприведенныя пѣсни из круга сказаній о 3-х крестных древах: кипарисѣ, певгѣ (πεύκη), кедрѣ, замѣщаемых одним кипарисом и выводимых из рая (Веселов. Слав. сказ. о Солом. 170 слѣд.; ср. также Майк. Вр. закл. N 181: земля стоит на трех кедрах; N 81: на островѣ Буянѣ—3 дерева: петрій, хитрій и кипарис).

5. *Райское дерево плывет.*

а) Кол. Гол. II, 30—1, Стрый.

Ой долів, долів, долів луженьки,
Ой дай Боже!
Йдут долів ними бистрі річеньки.
Ой плине-ж, плине райское древце,
Райское древце з трома вершечки:
В однім вершечку сив соколонько,
В другім вершечку сива кунонька,
В третім вершечку сив-ластовлята.
Ой нес-ж тото сив соколонько,
Але є-ж тото господаренько;
Ой нес-ж тото сива кунонька,
Але є-ж тото ба й газдиненька;
Ой нес-ж тото сив-ластовлята,
Але є-ж тото єї дитята.

Припѣв „Ой дай Боже“ намекает на „тролкий хосен“ господарю и пр., и предполагает нетождественность того что на деревѣ и самого господаря (XV, 1). За тѣм принадлежности дерева: сокол, куна отождествлены с величаемыми хозяином и его женою, а так как нужно было

[1]) Мр: ... ніхто неразлучить,
Тілько нас разлучить заступ та лопата.

упомянуть и дѣтей, то для них взят готовый образ из другой ассоціаціи: ластівка—матінка, ластівлята—дитята.

То что райское дерево *плывет*, а до нѣкоторой степени и предрасположеніе к отождествленію его верхов с хозаином и хозяйкой, может быть возведено к сказанію о крестном древѣ: в едемѣ „древо израсте на три столпы: единъ столпъ Адамъ, вторый столпъ Евга, третій столпъ посреди—самъ Господь. Егда же согрѣши Адамъ и Евга, тогда паде Адамова часть въ рѣку Тигръ“ (и то дерево, „на немь же распятъ ся разбойникъ вѣрьный“, „изнесе Тигръ рѣка изъ рая“), „а Евжина часть паде въ раи, да егда бысть потопъ, *на водѣ потопнѣй изыиде*, да егда исяче вода древо оста при морстѣ рѣцѣ“ (и „на немь распятъ ся разбойникъ невѣрьный“). Для утоленія тоски Адама по раю, Сиѳ добыл из рая вѣтку 3-го дерева, ради котораго Адам был изгнан. Из вѣтки этой Адам свил себѣ вѣнец, в коем его и похоронили. Из вѣнца выросло дерево: „на три растеше и въ єдино стоєше“. Соломон добыл эти три дерева для покрытія храма, но они непригодились для этого и стали впослѣдствіи крестными (Тихонр. Пам. отреч. р. литер. I, 305 сл.). В связи с этим находятся колядки и др. п. о построеніи церкви с тремя верхами и пр. (А. Н. Веселов., между прочим в реценз. Трудов Эксп. в Зап. Русс. кр., Зап. И. А. Н. XXXVII, 2, 192—4).

Образ плывущаго райскаго дерева застал в памяти другіе, неимѣющіе с ним связи по происхожденію. Гуцулы и Бойки занимаются, и вѣроятно изстари, как Новгородцы и пр. плотничеством, рубкой и сплавом по горным рѣчкам и далѣе до Дуная бревен и готовых разобранных срубов (Гол. I, 703—5, 716). Но рубить дерево и тесать значит любить, сватать, брать за себя (Гол. I, 12, 224; II, 203, 295, 309, 313, 339, 553, 619, 756, 788, 790, 812; III, 246, 289, 326, 423, 437, 442; IV, 478, 517; Чуб. V, 235—6, 879, 883 и мн. др.); рубить = орать = копать = косить = любить, Курелац Jačke 4 (N 23). Обыкновенно здѣсь дерево—женщина („січеная калинонька=

вінчаная N, Метл. 170); но возможно примѣненіе этого образа и к мужчинѣ:

Доста има горе несјечене
И јунака млада неженена:
Узимаћу, кога ми је драго
(Кар. II, из Херц. 107, 168, 205).

В слѣдующих свадебных еще незамѣтно вліяніе пришлаго образа. Срубленное и сплавляемое на Дунай дерево — невѣста:

(Ой в лісі), в лісі, лісі буковим
(Ой (і)шло), (і)шло два тесельчики,
Сікут, рубают самбір—деревце,
Сікут, рубают, на Дунай пускают.
„Чи впірне-ўвірне самбір деревце?
„Чи пійме-возьме староста сваненьку?
—Ні впірне-неўвірне самбір деревце,
Ні пійме, ні возьме староста сваненьку.
(W. z Ol. 12—3, Гол. IV, 233).

Вѣроятно, это лишь половина пѣсни; в другой должны измѣняться ст. 6—8: „чи пійме—возьме N N (Ивась Марусю)? — Ой впірне . . . ой візьме". *Самбір-деревце* как „Тур—царь". Ср. „Ой у лісі у самборі".

Свадебное деревце (різка) приплыло Дунаем:

Пішли дружечки на Дунай
( ) піречко зберати,
Марисі різочку сплітати.
„Ой різко, різко гільчаста,
„Ще-ж есь до того й крещаста!
„Берегом Дуная приплила
„В Марині на столі освіла".
(Гол. II, 657).

В слѣдующей свадебной („когда приходит невѣста от вѣнчанья") срубленное и сплавленное дерево=гільце (різка)=невѣста:

Крутое деревце, витое [1])

[1]) О закручиваньи ствола при ростѣ.

У темнім лузі рубано,
Тихим Дунайцем спускано,
На жовтім піску тесано,
На тихім Дунаю ловлено,
А в нові двори внесено,
На тисові столи кладено,
На ильчистій скатерти вбирано.
(Гол. IV, 356).

Этот образ сплавляемаго и *вылавливаемаго* дерева мог сочетаться с образом плывущаго *райскаго* дерева. Это послѣднее есть *рай-дерево* (как выше „самбір-деревце“) и просто *рай*, откуда пришѣв „рай мой, рай“ в вр. свадебной, приведенной выше (XV, 4, б). Но свадебное дерево есть символ не только невѣсты, но и жениха. Отсюда в вр. свадебной:

Пойду млада по двору,
Взгляну млада по морю,
Какой по морю *рай плывет*...
...„Ах ты Анна Петровна свѣт!
„Сойди же ты с терема [высокаго],
„Поймай, поймай раюшка [дружка].
—На что же мнѣ раюшка?
У меня есть ладушка,
Свѣт-сударь Иван Андреевич.
(Сах. Ск. Р. н. III, 122);

Па рэчкі па быстрай
Там рай плыветь белінькій.
Сястрицы падружынькі
Вот Аннушку клікалі:
„Анна Міхайлавна!
„Пайдём с намі *рáя* (з.) лавіть,
„*Рáя* лавіть белава!“
—Сястрицы падружынькі!
Падітя вы біз мінє,
Лавітя рáя злі сібе!
Я сабє рáя паймала,

Я сабє рая белава,
Тімахвєя Іванавічя . . .

(Халанскій, Р. н. п. Щигров. у., Р. Ф. В. 1879, IV, 261, ударєніе *рáя* вм. *рай*, как напечатано по ошибкѣ, поправлено самим собирателем).

Т. к. *рой* пчел в свад. п. есть тоже образ жениха (и бояр), то в пѣснѣ разсматриваемаго типа по недоразумѣнію поставлен рой вм. рай и получилось:

Па рєчушкє па быстренькой рой плыветь,
Падруженькі Анісью-свѣт клікалі:
„Пойдем с нами, Аніся-свѣт, рой имать!“
—Идіте-ж вы, падруженькі, без мєнє:
Я себе белава рай паймала . . .
. . . Ой чем не рой да Іван-от свєт у мєнє?

(Кохановская, Нѣск. Р. пѣс., Р. Бес. 1860, I, 82) К-я объясняет эту пѣсню тѣм, что „пчеловоды топили перваго роя, совершая этим идолопоклонническую жертву водяному или домовому на богатство дому и на хорошій вод пчелы“ (ib.).

б) В слѣдующих п. сербской и болгарской мотив: „на плывущем деревѣ — величаемые (или величаемая)“ является лишь запѣвом. Это предполагает существованіе серб. и болг. величальных пѣсень, в родѣ мр. кол. приведенной выше (XV, 5, а), в которых упомянутый мотив составлял главное содержаніе.

Серб. Кар. П. из Херц. 217:

ђевојка је црне очи клела:
„Црне очи, Бог вас неубио!
„Све виђосте, данас невиђосте,
„ђе Морава пронесе јавора:
„У гранам јој (?) кује кујунджија
„Кујунджија Витковића Симо,
„А у стаблу везилица везе,
„Везилица Зоровића Ађа . . .

Это—величаемые. Он задает ей неисполнимыя задачи, она отвѣчает такими же. Такое же главное содержаніе с другими запѣвами, на другой сценѣ — у Кар. Пјес. I,

165—7; на рогах плывущаго оленя — см. ниже XX, 5, е — з.

Болг. Милад. 446—7:

Потекла ми вода сунгерлія,
Понесла ми круша шербетлія,
Под круша-та [имат] еден шарен одар,
На одар ми [седит] мома Ангелина . . .

Она, отождествляемая с водою и сладкою грушею (плодом), отвергает ухаживанье старика и доступна молодому: ему пить эту воду и ѣсть эту грушу.

в) Была или есть колядка или щедровка, сходная со щедр. у Чуб. III, 460—1, N 24, А (стоит церков (v. свѣтлица, хата) новосрубленная, в ней три окна, в 1-м мѣсяц=господарь, во 2-м солнце=господыня, в 3-м зори=их дѣти), с тою разницею, что церковь и пр. изображена генетически: плывет явор v. клен, из него церковь и пр. Этот вар. слившись с мотивом „кленовый лист—письмо“ [1]), дает слѣдующую щедр. (Метл. 342, Чуб. III, 462, З):

Ой на ріці на госоці,
Там пливас кленов листок,
На тим листку написано
( ) три писмечка:
Перве письмо ясен місяць,

2-е — солнце, 3-е — зори; місяць — господарь и пр., или (Чуб. III, 262, Ж):

А з клену листу нападало,
Та тим листі написано:
Ясний місяц—пан господарь и пр.

Сліяніе этого мотива с мотивом „корабль, на нем терем (v. 3 терема), гдѣ мѣсяц, солнце, звѣзды“ дает слѣдующее (Чуб. III, 462, Е):

---

[1]) Ой піду я в зелений ліс,
Та вищиплю кленовий лист,
Пішлю післьонькы до батенька,
Чи звелить батенько гуляти,
(Костомар., Ист. зн. и пр., Бес. 1872, VIII, 38—9).

Ой на річці на Ордані
Пливе човен малёваний,
А в тим човні аж три письмі:
Єдно письмо—ясен місяць и пр.

г) Кол. Голов. 20 (Стрый.)=Ž. P. I, 9, Терещ. VII, 67, есть сочетаніе мотивов „три корысти с дерева“ и „построеніе церкви“:

В пана Івана на ёго дворі
Радуйся, земле!
Веселися, наш Боже, над нами!
Стояло древо тонке, високе,
Тонке високе, листом широке.
Із того древа церков рублена,
А в тій церковці два—три престоли:
В першім престолі святоє Різдво,
В другім престолі святий Василій,
В третім престолі Іван Хреститель.
Святоє Різдво [нам] радість принесло,
Святий Василій новий год приніс,
Іван Хреститель воду перехрестив.

Что здѣсь разумѣются образа́, видно из вар. у Чуб. III, 337—8, N 67 A:

. . . А на тому древі намалёвано,
Намалёвано три святителі . . . ;

но, как нерѣдко в языкѣ русс. лѣтописей, изображеніе отождествляется с изображаемым.

За тѣм, под вліяніем мотивов в), а может быть и темнаго воспоминанія о каком либо сказаніи об обрѣтеніи чудотворнаго образа на рѣкѣ (есть сказаніе об образѣ, найденном плавающим в криницѣ), образ представляется плывущим:

Ой на річці на Ордані
Пливе образ виринає . . .
(Чуб., III, 461).

6. *Дерево везут.* В Словѣ о крестном древѣ находим: „и искаше (Соломон) дрѣво да покриеть цркы

и повѣдаше ему древо, еже посады Моусіи въ мори, и ш(едше) посѣкоше древо и *возеху* й биволь . . .“ (Тихонр. Пам. 310). Эта черта вошла в весеннія и лѣтнія пѣсни (веснянки, купальскія): а) Чуб. III, 310, N 40; б) весн. ib. 130, N 26; в) купаль., ib. 215, B; г) купаль., В. Пассек, Очерки Россіи I, 112—3). Первая из названных пѣсень помѣщена в числѣ колядок, но и она скорѣе веснянка, так как ея размѣр 6+6 в колядках мало обычен (см. выше стр. 16), а величанье и „парованье“ трех молодцев и трех дѣвиц есть черта веснянчная и в колядках вовсе невстрѣчается.

а) Величанье 3-х паробков—в том, что их—три хоругви или что они — три колокола (т. е. что их далеко видно, слышно); величанье дѣвиц—в том, что они—3 свѣчи ясных („ясна“=„красна“):

Через наше село *везли* клен *дерево*,
А с того деревця висока церковця,
А у тій церковці [штирі] три короговці
(v. . . . три дзвони голосні):
Перша короговця Івана молодця
(или: Перший дзвін голосний то Хведорко красний) и т. д.

Через наше село и пр.
. . . А у тій церковці (та) три свічі ясних;
Перша свіча ясна то Ганнуся красна и т. д.

Послѣ перваго стиха здѣсь мог быть припѣв, сходный купальской п. г):

Через наше село везено дерево,
Ой воно, воно, в неділю рано
З-за моря далеко!

(из дерева — церковь, в ней 4 окна, „Первое віконце — Василько як сонце“ и пр.) [1]). В этом припѣвѣ можно еще

---

[1]) По поводу этой пѣсни, приводя ее в связь с купальскою о Ганнѣ (см. Объясн. мр. п. I, 206—7, 211), В. Пасек приводит неумѣстныя догадки: „под этим деревом разумѣют гроб Анны (жены в кн. Владиміра), а под 4-мя окнами —

усмотрѣть память о чудесном происхожденіи дерева. В веснянкѣ б) он отчасти вошел в один из припѣвов, указывающих на то, что величаются дѣвицы и молодцы:

Через наше сельце везено деревце,
Стій, калинонько, стій
За морем далеко!
А з того деревця роблено комірку,
Стояло світило
Місяців чотирі! [1])
А в тій коморці роблено кроватьку,
Стояло світило
Зірочок чотирі! [1])

(А) на тій кроватьці (там) дівочки спали и пр. Здѣсь „за морем далеко“ могло пониматься так, что калина (=дѣвица) стоит в невиданной и неслыханной странѣ, „де кури непоють, де собаки небрешуть, куди человічий голос незаходить“ (ср. серб. „Боже мили! чуда великога!“ и ниже XIX, 5, ζ). На оборот в а) припѣв

Стій, калинонько, стій,
Недалеко чути дзвін!

может имѣть тот смысл, что калина (=дѣвица)—там, гдѣ слышен звон, т. е. молва, слава (мое Сл. о П. Иг. 52—3).

Вслѣд за важным словом идет и шутка. Пародируются сказки, думы (Чуб. V 1170—1, N 211, 213), колядки (Чуб. III, 478—9 и др.) [2]), веснянки и купальскія. Относительно веснянок ср. на пр.

---

4 гробовых доски на 4 стороны свѣта“ ... „Что это за дерево, которое везли из за моря именно в воскресенье и построили из него церковь? Ненапоминает ли это X го вѣка, принятія из за моря христіанской вѣры ... Не тогда ли брошен в воду Купало? ... Или ненапоминается ли этим деревом ... об образах, мѣдных изваяніях и прочем привезенном Владиміром в Кіев?“ (Оч. Росс. I, 112—3).

[1]) По числу величаемых паробков и дѣвиц.

[2]) На пр.
Та вбив Дацько шуліку
Перед віку

„Ой вийдіте, дівочки, на новес літечко“ и пр., и „Ой вийдіте, безштанькы, заспівайте веспянки“ и пр. Или — пѣсню у Голов. II 685, разсмотрѣнную в моем Разборѣ Пѣс. Гал. и Уг. Руси, Зап. Ак. Н. XXXVII, 2, 129—30, отд. отт. 66—7). Сюда же относится часть веснянки у Чуб. III, 133—4, N 32. Объясненіе ея в разборѣ „Тр. Этн. эксп. в юз. кр.“ А. Н. Веселовскаго (Зап. Ак. Н. XXXVII, 2, 209—11) неудачно потому, что автор принял пародію за серіозную пѣсню и механическую связь умышленно безсмысленных стихов пародіи со стихами серіозной пѣсни за связь органическую. Именно стихи:

Ой у лісі на горісі сорока зависла,
А вже твоя та Юхимка (v. Біжи, біжи та Юхимку) вечеря прокисла [1])

суть пародіи частью на стихи механически внесенные в туже пѣсню:

Запалю я куль соломи, не горить — палас;
Біжи, біжи N (козаченьку), N (дівчина) конас

(Ср. Чуб. III, 138; относительно „горѣть=болѣть, жар=горе“ см. мое Объясн. мр. п. I 174), частью же — на пѣсню, которая начинается со стиха:

„Ой у лісі на горісі сорока скрегоче“. . .,

т. е. вѣроятно вѣсть подает. Если в пародіи „сорока зависла“, т. е. повисла, повѣшена, то и вѣсти, хотя бы о таком важном дѣлѣ что „вечеря прокисла“, подать неможет. В серіозной, вышеупомянутой пѣснѣ могло стоять:

І шуліку і сову
І пугача на тину.
Перед віку!
А Доциха негуне
В черепочку сімъя мне
на гарбуз
(Зап. И. Манжура).
Ой на річці на Ордані
Нема хліба, ходім далі
(когда непозволят щедровать). id.

[1]) Так давно тебя ждет ужин, что уже прокис.

Як приїхав (v. Ой як прибіг) козаченько тай
став (v. тай впав) *на порозі*,
Ой облили козаченька дрібненькіи слёзи

(ср. Чуб. III 134). В n. ib 138 из этого с малым смыслом сдѣлано „на *морозі*“, а в концѣ вар. A, Чуб. III, 134 не то переписчик по недоразумѣнію, не то так мудрящій человѣк сплел „нісенітницю“ без размѣра и смысла, под вліяніем одного окончанія *-озі:*

Иди, Ивашко, да негайся,
Будуть тобі *бозі*
Вінчаться с тобою.

Для сравненія привожу из объясненія А. Н. Веселовскаго слѣдующее, отмѣчая то, что мнѣ кажется неудачным: „В лѣсу *на горѣ* (?) *качается* (?) сорока, Евхимка кличут домой: будто *простыл* (?) его ужин! Но он нехочет ѣсть. Тогда объявляется настоящая причина призива“ (объявляется, да не в той пѣснѣ): запылал *въстовой* огонь (? думать ли нам о т. наз. *фигурѣ*, т. е. смоляной бочкѣ на шестѣ, зажигая которую давали знать о татарских набѣгах? А то куль соломы горящій на землѣ недалеко виден), „слышен голос: бѣги, кончается твоя милая!“ О другом вар.: „Он гнушается любящей его *дѣвушкой*, которая еще раз зовет его („*молодая* (не дѣвушка) та вечерять кличе“), когда он садится за вечерю одинокій: Приходи, Ивашко, „негайся“, не то, повѣнчаешься *с чертовкой* (?). Я (т. е. А. Н. Вес.) принимаю „бозі“ в значеніи мр. „богини“ = „чертовка“ (l. c. 209—10). Т. о. здѣсь принимается, что именит. мн. м. р. *бозі* употреблен вм. жен. *богині*. Сама по себѣ форма именит. мн. *бозі* в женской пѣснѣ, записанной по сю сторону Днѣпра (Переясл. у.), внушает величайшее сомнѣніе. Уже в Волын. памятн. XVI в. постоянно по нынѣшнему им. мн. м. р. склоненія на *ы* = винит.: комины, рожны, столы, жолобы (Памятн. изд. Времени. Коммисс. III), слѣдовательно было бы *богы*. Как архаизм — в межевой записи Галицкой 1424 г. „а при томь свѣдці были“ (Рус. Дѣстр 1837). По нынѣшней фонетикѣ этот архаизм звучал бы *бози* (бо-

зы), что и находим в думѣ: „Ей козаки, діти, друзи (=друзы), моладці“ (Сосниц. у., Метл. 389); ср. „ніхто невидів, лем панскі слузи (=слузы)“ (Сяноц. окр., Гол. II 57), по аналогіи с именами на з. Только для рифмы:

Та сядемо в темному лузі,
Оттеп(е)ра ми сами *друзі*
(Метл. 367),

как будто от **друзь*, от котораго только для рифмы произведен род. ед. *друзя:*

Йой відріжте й або відірвіте й та срібного кгудзя,
Й то чи невбъсте або чи нескараєте мого вірного друзя
(Метл. 403).

Все это отступленіе имѣет цѣлью показать отношеніе вышеприведенной купаль. п. „Через наше село везено дерево“ к слѣдующим народіям:

а) Запис. в южн. ч. Черниг. г.:

Через наше село піч везено,
Купала на Йвана!
А у тій печі да усе книші.
Усім дівчатам по книшику стало,
Тілько нашій Уляниі да книша недостало.
На що їй книша? їй Іванко душа.

б) Чуб. III, 216, Переясл. у.:

Иване, Ивашеньку!
Да через село да піч везено,
Иване, Ивашеньку!
А на тій печі (да) три деркачі [1]):
Первий деркачко [2]) Павло Ткачко . . .
(2-й—N, 3-й—N).
Да через село піч везено,

---

[1]) *Деркач*, мр. *дзерач*, обшморганный вѣник.

[2]) Вм. *деркачик*, для рифмы с *Ткачко* в угоду личному значенію. Т. о. и *Ткачко*, как собств., вм. нариц. *ткачик*, *Козачко*, собств., вм. нариц. *козачок*.

А на тій печі да три зірочки:
Первая зірка то Софійка дівка...
(2-я N, 3-я N)
Що Павлусь каже: „Я Софійку люблю...
И за себе возьму, черевички куплю...
(Так и о 2-й и 3-й парѣ).

XVI.

Орел (v. сокол) и **рыба.**

A. Кол. Метл. 330=Чуб. III, 424, Остер.

(Ой по) над морем (по над) глубоким
(Там) стояв явір (тонкий) високий [1]),
Грай, море, радуйся, зе́мле,
Вік до віку!
[А] на тім яворі сиз орел сидить,
Сиз орел сидить, да в воду гледить,
У воду гледить з рибою говорить:
„Ой буть нам, рибо, в одного пана,
„(В одного пана), пана Ивана!
„Тобою, рибо, гості витати [2]),
„А моїм пером листи писати.

Этот вар. дает мотив без сочетаній с другими, и с этой стороны может считаться старѣйшим; но болѣе первоначальной кажется другая користь пану от пера, именно та, о которой говорит слѣдующій вар.

---

[1]) Размѣр 2-х стихов испорчен. В скобках мои догадки.

[2]) У Метл. вітати Так же пишут П. А. Кулиш и др. что кажется неосновательным заключеніем от „привіт=привѣт“. Мр. вітати=поль. witać.

Б. Кол. Гол. IV, 117, Колом. окр.

N орет, его отец говорит ему о будущем посѣвѣ, урожаѣ, сборѣ (ср. выше VIII, 3):

Зберемо вози на три обози,
Завезем єго (хліб?) края Дуная,
Там скидаєм стіг, як на небі звізд [1]),
Завершим єго сивим соколом;
Сив сокол сидит, в Дунай се дивит,
В Дунай се дивит *з* (у Гол. *с*) *визов* говорит:
„Ой визо, визо, славная рибо!
„Де би нам бути с тобов у купі?
„Ой будемо-ж ми в пана Василя,
„В пана Василя там на обіді:
„Ой тобов, визо, стрільби костити,
„А мнов, соколом, *стрільби перити.*
Ой на здоровье, пане Василю,
Гой дай Боже!

Мѣрою стога послужило дерево колядок [2]) (XV и т. п.), и таким образом дерево, на котором сидѣл сокол, замѣнилось стогом, который, ради сокола и рыбы, нужно было завезти „края Дуная".

Виза = поль. wyza, ч. vyz, vyza, хорв. (Kurelac, Jačke 294), хорут. viza, der Hausen, accipenser *huso*, осетер. *Стрільби—стріляки.*

Замѣна дерева, под коим рѣка и рыба, стогом объясняет сочетаніе стога и чудесной рыбы в свадебной коровайной п.:

---

[1]) Вм. 2-го полустишія ожидалось бы „до неба ввишки" (см. выше стр. 109, 111). Оставив 14-й ст., как есть, пришлось бы, несмотря на „скидаєм" (а не „накйдаєм"), считать „стіг" за стар. род. мн., а в 15-м ст. „єго" относить к подразумѣваемому одному из многих стогов, самому высокому.

[2]) Как на оборот свадебное деревцо сравнивается со стогом:

... Чи багат Марусин батько?...
... Високи стоги на гумні,
Вище—вилечок на столі. Чуб. IV 105.

У стозі пшениця,
Під стогом криниця;
Там щука-риба грала,
Золотес перо мала (Чуб. IV, 224).

Кажется также, что неясное воспоминаніе о рыбѣ одних колядок, о птицѣ (орлѣ, павлинѣ), роняющей перо, от котораго такому то користь, — других, о бобрах — третьих (XV, 1, А, Б) и об отношеніи всего этого к чудесному дереву породило свад. п. „як вільце вьють“:

А в віру, в вірочку [1])
На жовтім пісочку
Щука риба гра,
Золоте перо втеря [2]). —
Играй, неграй, бобре,
Звили вілечко добре!
(Метл. 136, Черниг.).

Можно думать, что здѣсь золотое перо рыбы идет на украшеніе „вільця“, с чѣм ср. свадебную, когда невѣста посылает жениху подвѣнечную сорочку:

Гримнула щука[-рибонька] на морі,
Приплило золото [і серебро] до берега (v. -у) (лучше к берегу
Старосто(во)му (v. дружбовому) коничкови (лучше „коніку“) до чола,
Шоби ся світив, як [ясная] зора,
Ой шоби [він] з дорож[ень]ки незблудив,
Шоби [він крамських] сорочок незгубив.
(Wacł. z Ol. 6; Гол. IV 224; Чуб. IV, 184).

Подобно этому горностай, с которым мы встрѣтились выше (XV, 3, а, б) у корня чудеснаго дерева, в свадебной является птицей, перья которой идут на „гильце“, на украшеніе коровая:

---

[1]) Правильно было бы „въ виру“ (*и*, а не *і*); поль. *wir*.
[2]) Ср. Ой в ліску, в ліску, да на жовтім піску
Пава ходила, піръе губила . . .
Кол. Чуб. III, 300 и пр.

α) Летів горностай по-над став,
Попускав піръячко на весь став;
А ви бояри молод[и]ї,
Попливьте ви по воді,
Збірайте піръячко до пірця,
Молодому до гильця.

β) β 1 = α 1 ... через сад, α 2 золоте піръячко попускав
Та підіт, дружечки, зберіте,
Марусі (вінок, гильце?) вберіте
(Чуб. IV 102, сл. ib. 234).

γ) Еще далѣе идет искаженіе в бр. п. (Вилей. у.), Сб. п. Свз. кр. 269:

Ляцев *вінаград* цираз сад,
Разсыпав перьейка на увесь сад.
Малада N хадзіла,
Яна сваіх дзевачак праспла:
„Дзевачкі мае, сястрыцы!
„Вы гета перьейка зберыця,
„Ды мне вяночак звіця ...

Слѣдующая болгарская свадебная представляет внѣшнее, непродуманное сочетаніе мотива сходнаго с мр. колядочным: „дѣвица сад стерегла, отгоняла райских птиц“ с мотивом, сходным с XVI A (рибою „гості витати“):

Села є мома дуня и калина,
Та го є села й вадила,
И вадила, род родило.
Насрави се [1]) риба-златно крило,
Изеде й дуня и калина.
Мома му се каном заканила [2]):
„Нека, пека [3]), риба-златно крило!

---

[1]) Повадилась.

[2]) *Канък* зову, прошу: „неканен, невикан“, Безс. Болг. п. II, 41, непрошен, незван. Может быть случайное сходство с вр. „за ладью хватайся, а Богу канайся“ (Даль).

[3]) *Нека* (=нехай), „незаймай“ (мр.), срб. немој.

„Не ке дойде Гърче-праматарче [1]),
„Да си купа секаква коприна [2]),
„Да исплетем мрежа копринена,
„Да излова риба-златно крило,
„Да изгоста кума и кумица,
„Што ке остане—зете и невеста
(Верковић, Н. п. Макед. Буг. 220—1).

B. Чуб. III, 441, Радомысль. у.
Весь двір на горі, явор на дворі,
На тим яворі сиз сокіл седит,
(Сиз сокіл седит) на море гледит;
(⏑ ⏑) зобачив рибу чечуру [3]):
„Ой рибо, рибо, (рибо) чечуро!
„Побратаймось (=ся), посваймось (=ся).

Первоначально это сватовство (т. е. связь, отношеніе) птицы и рыбы состояло в отношеніи их к стрѣльбѣ из лука, к величанью стрѣлка. Подъ вліяніемъ смутнаго воспоминанія объ этомъ к приведеннымъ стихамъ безъ связи приложено:

Ой кому дати з лучка стреляти?

—Такому то; мало того, что онъ стрѣлокъ: ему подобаетъ у короля служить, рады радить, суды судить.

Выше (XII, 3, A, стр. 150) предположено, что в вр. былину про Дюка Степановича входитъ величальный мотивъ „домъ переписывать“, намекъ на который есть в мр. колядкѣ. Гораздо явственнѣе то, что величанье, котораго составныя части только что приведены („у N стрѣлы, переныя перьями чудеснаго орла или сокола, кощеныя костью чудесной рыбы“) вошло вм. с размѣромъ в описаніе стрѣлъ Дюка:

Потому [тѣм] стрѣлам цѣны не было: . . .
Клеены [онѣ] клеем осетра-рыбы,

---

[1]) Ср. πραγματευτής, торговецъ.
[2]) Шелкъ.
[3]) *Чечуга*, стерлядь, новоросс. (Даль)?

Перены [онѣ] перь[иц]ем сиза орла,
А сиза орла, орла орловича;
А того орла, птицы камскія,
Не тоя то Камы, коя в Волгу пала,
А тоя-то Камы—за синим морем,
Своим устьем впала в сине море.
А летал орел над синим морем,
А ронил [он] перь[ица](я) во сине море,
А бѣгали гости корабельщики,
Собирали перья на синем морѣ,
Вывозили перья на Святую Русь,
Продавали душам красным дѣвицам;
Покупала Дюкова матушка . . .
(Кирша; Кир. III, 102).

То, что посредницами являются дѣвицы, показывает, что мотив „орел перо ронил“ (на стрѣлы) вошел сюда уже в сочетаніи с другим мр. колядным мотивом: „пава перье ронила, N собирала“ (на вѣнок), мотивом перешедшим в вр. таусенную с замѣною дѣвицы молодцем:

Летѣла пава, таусен! роняла перья, таусен!
Кому перья брати? (такому то)
На что перья? шапочку шити,
Перьями пушити
(Тер. VII, 118).

Это послѣднее сближеніе сдѣлано О. Миллером (Илья Муромец, 590).

Г. Кол. Голов. II, 16, N 23 (см. выше VIII, Г). По началу сходно с Б. Изображеніе сбора с поля:

Будут возити, в стоги стожити,
А в ширь ширити, а в вись висити,
А на вершечку сив сокіл сидит, . . .
. . . В море ся дивит, рибоньку ловит . . .
. . . Господареви на вечероньку . . .
Господинонъці й всій челядоньці.

Д. Кол. Гол. II, 17, N 24 (приведена выше под VIII, Е, стр. 108—9). Стог завершен соколом,

Сив сокіл сидит, далеко видит,
Ой видит же він чистое поле,
Чистое поле, синее море.

Этим пѣсня и кончается, оставляя неудовлетворенным ожиданіе: что же видит сокол, кромѣ пустой сцены.

Е. К XVI A, B примыкают запѣвы колядок: „сокол с дерева видит . . .“ (Чуб. III, 390, выше стр. 111), о которых вмѣстѣ с другими подобными запѣвами рѣчь в другой главѣ.

XVII.

Три сокола.

1. Добыча соколов — пану користь. Кол. Гол. II, 2, N 2, Сяноц. окр. и IV, 6, N 6, тоже.

В нашого пана сут три соколи,
Соколе сивий, соколе,
Нелітай ранейко у поле!
. . . Тот що полетів в чистое поле,
Тот же ми приніс перепілойку,
Перепілойку пану на сніданя;
Тот, що полетів быстров річейков,
Тот же ми приніс щуку рыбойку:
Щука рыбойка пану на обід;
Тот, що полетів в темни лісойки,
Тот же ми приніс чорну кунойку:
Чорна кунойка—пану на шубойку
(v. З чорной кунойки—паній шубойка).

Припѣв, б. м., относит „соколе“ к самому величаемому (а не к его соколам), чѣм бы устранялось противорѣчіе между „нелітай“ припѣва и содержаніем пѣсни, которая именно посылает сокола в поле. Впрочем возможно, что „нелітай“ есть лишь способ болѣе нагляднаго представленія образа даннаго в самой пѣсни. Если пѣвец говорит соколу: „нелітай“, то он видит его летящим. Именно так в болг. свадебной п., Милад. 472 (N 538):

Соколе ситен димитен,
Нелетай горе високо,
Нешири криля широки,
Не вакяй сенка голема! [1])

---

[1]) Недѣлай большой тѣни.

Под сенка седат златари,
Златни си седла златеха,
Златени узди леeха,
Далеко мислят да 'одат
По сиротица Драгана,

т. е. по невѣсту. Это генетическое изображеніе сборов жениха по невѣсту.

К кол. ближе всего примыкает по содержанію серб. „пирна", пировая, величальная, по размѣру (4+4+3)= Кар. I, N 202, 227=Болг. свадебныя, Милад. 460 (N 511), 483 (N 570) и напоминающая свадебныя серб. размѣра 4+4+5 (Кар. I N 52, 59 et pass.).

а) Vienac... Kačić-Miošići, 155.

Славном деспот Гюргю гости додjоше [1]).
Забрину се [2]) славан Гюргю деспоте:
„Чиме ћемо славне госте частити?"
Ал' бесjеди вjерна љуба деспота:
„Небрини се, славан Гюргю деспоте,
„Чиме ћемо славне госте частити;
„У нас има до три ловца крилата;
„Једног ћемо чарној гори послати,
„Да ухвати једну птицу летушку;
„Другог ћемо Мориш-води послати,
„Да улови Мориш-рибу јесетру;
„Трећег ћемо равном Срjему послати,
„Да донесе рујна вина црвена,
„Са тим ћемо славне госте частити
„И у двору нашем бити весели!" [1])

б) Кар. Пjес. I, 317 (N 431).

Домаћину добри гости [3]) дођоше.

---

[1]) Стихи испорченные, м. б. лишніе.

[2]) *Застара се*, озаботился, опечалился заботой.

[3]) Эпитет древній. Ср. выше о колядниках (стр. 65) и привѣтствіе Ольги Деревлянам: „добри гостье придоша!" (Лавр.[2] 54, что древнѣе, чѣм в Ип.[2], 35: добрѣ гостье придоша).

Застара се домаћине у дому:
„Чим ћемо ми наше госте частити?“
Беседи му домаћица у дому:
„Ми имамо до три ловца у двору:
Једног ћемо ми послати у гору,
Нек улови златнорога јелена;
Другог ћемо ми послати у море,
Нек улови једну рибу моруну [1]);
Трећег ћемо ми послати у Пешту,
Нек доведе под прстеном девојку;
С отим ћемо наше госте частити,
Девојка ће под прстеном служити.

Ст. 10—11 представляет соединеніе разсматриваемаго мотива с другим: „сокол переносит невѣсту“, о котором ниже.

Обобщеніем добычи соколов может служить то, что они приносят господину радость, „здравле и веселе“, (с чѣм ср. выше: „птица будит N и сказывает ему радость, IV, стр. 78 сл.). Это ведет нас от приведенных серб. п. к слѣдующим, еще болѣе тѣсно связанных с колядками частью по образу чудеснаго дерева с соколом и змѣем (α), частью по времени, Рождеству, к которому относятся (β и слѣд.).

α) Кар. II. I, 488.

Јабука се вјетру моли,
Да јој гране не обломи:
„Да мој вјетре, неломи ме,
„Неломи ме, некрши ме!
„Ја сам теби род родила:
„Сваку грану дв'је јабуке,
„А на врху и четири;
„На врх соко гн'јездо вије,
„На корен ми змаје сједи,

---

[1]) Моруна=muraena, н.-гр. μουρουνα; но значит accipenser huso, осетр.

„Змај соколу поручује:
„„Ако пуштих жива огња,
„„Гн'јездо ћу ти опалити,
„„Тиће ћу ти пофатати!““
„Соко змају одговара:
„„Мој' су тићи полетари,
„„Брзо ће ми полећети
„„Пут онога славна мјеста,
„„Добре гласе однијети,
„„Да смо [ми сви] здраво и весело.““

То, что яблоня умоляет вѣтер,—замѣчательный художественный пріем для увеличенія конкретности образа, во 1) указаніем обстоятельства (значит — вѣтер вѣет и гнет яблоню); во 2) указаніем точки зрѣнія на образ (здѣсь—рефлексивнаго воспріятія: яблоня сама себя изображает); в 3-х) квалификаціей образа: яблоня говорит: неломай меня, п. ч. я не простая яблоня . . . „Ja сам *теби* род родила“—dat. eth., т. е. не *для* тебя, а „ты видишь, я родила . . .“

Караджичъ замѣтил: „рекао би човјек, да је пјевач последње три врсте додао друштва ради“, т. е. что пѣвец свернул в сторону для оправданія безцѣльности образа. Я думаю (Мр. п. XVI, 6, 45), что тут — художественный умысел представить с одной точки зрѣнія и чудесное дерево с соколом и змѣем, которые обмѣниваются бранными словами, как орел и змѣй yggdrasill'a и тѣх, кому с этого дерева угодье. Из спора змѣя с соколом мимоходом узнаем, что соколичи уже на выростѣ, что вот они полетят „пут *онога* славна мјеста“, к *тому* (извѣстному соколу) мѣсту и принесут добрые вѣсти, здоровье и веселье *нам* пирующим. *Мы* при этом улыбаемся и улыбается художник. Что это величальная, обрядная п., в родѣ колядки, видно из вар. („Ладарице, играјући коло“):

Оj јабука зеленика
Јобер града господскога
З лепим цветом јодцветала,

Добрим родом јобродила:
На все стране по три гране,
На верхунцу по четири,
Гори седи сиви сокол,
Гори седи, града гледи:
„Бог нам живи ту господу,
„Ту господу ву том граду!“
Господа се споминала
С ким би нега дарувала:
„Мали дарек—јен крајцарек,
„Добер дарек—цванцигарек
(Kukuljević, Razl. Dela IV, 253).

Нега в 12 ст. — сокола. Величающіе просят, как будто не себѣ, а ему. В другой подобной п. (ib. 252) вилы пьют за здоровье господ (величаемых),

Господа се споминала,
С ким би виле дарувала.
Мали дарек—цванцигарек,
Добер дарек—јен шкударек (ит. scudo).

β. *Божићна* (од Божића, како се налаже Бошњаци на ватру до Васила дне), Кар. П. из Херц. 342.

Три тичице гору прелећеле,
Свака носи у клуну знамење:
Прва носи винову лозицу,
Друга носи класак од шенице,
Трећа носи здравља и весела.
Која носи винову лозицу,
Та је пала на Фрушку горицу;
(и оттого там—сады-виноградѣ)
Која носи класак од шенице,
Та је пала на богату Мачву;
(и оттого Мачва богата)
Која носи здравља и весела,
Та је пала на нашу трапезу,
Да смо вазда здраво и весело!

γ) Сходная, Кар. П. из Херц. 336.

ð) Хорв., Kurelac Jačke, 295:

Кад је било, Боже, о Божићи,
О Божићи, у правој полноћи,
Все птичице високо летиле,
Нег три су ми од јата остале.
Једна лети ва то равно поле,
Она носи три класе пшенице,
Да б' пшеница родно обродила . . .
. . . Друга лети ва те винске горе,
Да би горе с вином обродиле . . .
. . . Трета лети ва то наше село,
Да би здраво и весело било,
Да би с' млади никдор нестарали,
А ти стари да б' се омладили.

ε) Сходная ib.

ζ) Кар. П. из Херц., 336: Вмѣсто 3-х птиц сам Божић:

Поручила Божићева мајка:
„Тамо ћу вам послати Божића,
„По Божићу [1]) три ките цвијећа:
„Једну киту здравла и весела,
„Да сте вазда здраво и весело;
„Другу киту мира и погодбе,
„Да сте вазда мирни и погодни;
„Трећу киту вина и шенице,
„Да сте вазда пјани и ситани.

Под вліяніем мотивов: „три птицы приносят три „знаменья", между прочим колос и грозд; другого: „молодец в темницѣ узнает, лѣто ли, или зима, по цвѣтку или грудкѣ снѣга, заброшенным к нему дѣвицей" (Марко въ арапской темницѣ: Кар. Пјес. II, 377; Милад. 63—4; Качановскій, Пам. н. болг. тв. 255, 258; мр. Молодик изд. Бецким II, 1843, 138, К ист. зв. II 7—8); третьяго: невольник посылает на родину сокола с вѣстью или прось-

[1]) Через Божича.

бой (К ист. зв. II, 6—7) — возникли слѣдующія болг. пѣсни размѣра 5+5.

Въ 1-й (Милад. 507) — сестра и братья: (сестра говорит:)

„Високо стоиш, дзвездо-ле [1]), далеку гледаш,
Да не 'и виде мой-те два брата?"
—Видоф 'и, видоф край църно море,
На стол седе'е—книга пише'е,
Сълдзи роне'е—сокол ране'е,
Сокол ране'е—и му веле'е:
„Тà ке те пущам—на горна земя,
„Ти да ми видиш—коя ко'а [2]) ꙗ.
„Ако є пролет [3]),—пролет Петров-ден,
„Да ми донесиш—до три класо'и
„Бѣла пченица—шесторедица,
„Шесторедица—църнокласица;
„Ако ꙗ ꙗсен,—ꙗсен Митров-ден,
„Да ми донесиш—два грозда грозꙗ,
„Два грозда грозꙗ—два синамбеля.

Во 2-й (Милад. 352) идеальная сцена—под мировым деревом; мать в колыбельной пѣснѣ собирается послать за знаменьями сына, что напоминает вышеприведенную серб. ζ:

Израстло ми дърво дафиново [4])
На стреде небо, на стреде земя,
И со вишина небо фтасало,
А со ширина земя покрило.
Пот дре'о ми ꙗ сирак Георгія;
С нога го лелят негова майка,
С нога го лелят, песна му пеит:
„Нани ми, нани, сирак Георгія!
„Ти да ми растиш и да порастиш,

---

[1]) Послѣ каждаго 1-го полустишія.
[2]) Пора.
[3]) =Серб. пролѣ̏е.
[4]) Стих испорчен; м. б. дърво дафина.

„Та ке те пущам на горна земя,
„На горна земя, на мирна земя,
„Ти да ми видиш, коя доба ıє . . .
. . . „Ако ıє ıєсен, ıєсен Митров-ден,
„Да ми набериш два грозда грозıє,
„Да грозда грозıє, два синамбеля . . .
. . . „Ако ıє пролет, пролет Гюргев ден,
„Ти да ми скиниш [1]) два класа жито . . .
. . . „Ако ıє пролет, пролет Петров-ден,
„Да ми набериш секакво цвеке . . .

Смысл пѣсни неясен.

---

[1]) Сорвеш.

XVIII.

Сокол, хорт и конь.

А. Щедр. Гол. II, 154 (N 12), Перемышль.

У чистім полі грушенька стоїт,
Нешуми рано, смеречино!
Під тов грушеньков біле ложенько!
На тім ложеньку пан Хомуненько

(держит коня на уздѣ, хорта на ремнѣ, птицу на рукѣ, „пустил“ (=послал) их в поле, в лѣс, на озера).

Коничок иде, стадойко веде;
Хортичок біжит, куноiйку несе;
Пташейко летит, рибойку несе.
Стадейко—в поле на росплодойку;
Куноiйка буде милій шубойка;
Рыбойка буде ране снiдане.
Бувай же здоров и пр.

Припѣв неимѣет видимаго отношенія к содержанію п., так как дерево, опредѣляющее сцену, не смерека (pinus larix, pinus picea?) а груша. По этому можно понимать его иносказательно: шум дерева=печаль, „нешуми, смеречино“=„радуйся!“ „Рыба“ связывает эту п. с XVI.

Б. Кол. Гол. IV, 40, Золочев. окр.

А в чистім полю бел терем стоїт,
Підзвонюй, підзвонюй, коню,
Своїми узделами золотими!
А в тім теремі білос ложе,
А на тім ложу красний молодець.
Красний молодець, *премудрий стрілець*

(далѣе сходно с А: конь—стадо „батеньку на обхід“ (хозяйство), хорт — лису, матері на шубу, сокол — „утінку *тащит*“ — пану на снiдання).

В. Щедр. Ант. и Драгом. I, 7, Черн.

В чистім полі да намет стоїт . . .

(хорт – зайца).

Г. „Виноградье“ (кол.), Ефименко, Матер. по этн. Арханг. г. II, 94.

. . . Что во далечем далечѣ, в чистом полѣ,
Что еще того подалѣ, да на *украинкѣ*,
Тут стояла-ль яблонь кудреватая.
Что под той ли же под яблонью кудреватою
Испостроена кроватка слоновых костей,
зубья рыбьяго,
Ножки точеныя, позолоченыя,
На кроваткѣ периночка пуховая лежит,
Зголовьеце косещетое,
На зголовьицѣ подушечка пуховая лежит,
Ниволочки тафтяныя,
На перыни одѣяло черных соболей лежит,
Опочив держит N господин,
Он с своей со душой со N госпожей,
Промеж ними катается злачен перстень:
Дума крѣпкая, слово тайное,
Слово тайное, необъявное.
Они думали думу заединую:
Ясна сокола сряжали,
По поднебесью пущали;
Черновыжлока сряжали,
Во темны лѣса спущали;
Черен корабль сряжали,
Во сине море спущали.
Черновыжлок-то бѣжит,
Он куниц—лисиц *тащит:*
„Это моей госпожѣ на кунью шубу“;
Как ясен сокол летит,
Лебедь бѣлую *тащит:*
„Это моему хозяину на почестен стол,
„На возрушанье, на вовкущанье“;
Как черен корабль бѣжит,

Живота много *тащит*:

„Это моему хозяину на житье бытье, на богатство". Размѣр смѣшанный (5+5 и его амплификаціи, как в былинах; (5+3)), мѣстами отсутствіе всякаго размѣра. Амплификаціи в великорусском стилѣ (особенно ст. 5—11). На заимствованіе с юга указывает „на украинкѣ" и трижды употребленное „тащит", которое в вар. Б только один раз и умѣстно. Конечно, составитель имѣл перед собою и туземные образцы, именно—колядки с размѣром болѣе-менѣе близким к „Уж вы сѣни мои сѣни, сѣни новые мои", в родѣ слѣдующей.

Коляда (Колосов, Замѣтки о яз. и нар. п. 2, 168 сл.) „поется в 1-й день Рожд., цѣлою толпою, в домах тѣх семей, в которых в теченіи того года была свадьба", „в селах Шмаковѣ и Ошмаринѣ Каргоп. у. Олонец. г.; в других мѣстах ея незнают" (ib. 174). „По моему мнѣнію, замѣчает Колосов, (это) — один из перлов народной поэзіи: столько в ней художественной цѣльности, поэтических частностей и древних эпических мотивов" (ib. 133). Во всяком случаѣ это хорошій образец былинной дробности моментов при генетическом изображеніи дѣйствій, оттѣняющій собою большую сжатость малорусс. пѣсень. Связью с вар. Б может служить то, что герой—тоже стрѣлец.

Ты позволь, сударь-хозяин, ты позволь господин,
Коледа! [1])
Ты позволь, господин, да ко двору прійти,
Ко двору прійти, да словцё молвити,
Словцё молвити, да рѣчь говорити.

—

Ищо чей ж двор стоит, чей высок новой терем?
Ищо двор стоит Павла Макаровича,
Што высок терём Натальи Васильевны души.
Против широка двора, господинова села
Разливаласе Дунай да рѣчька быстренькая,
Што со тихими с глубокими со заводами,

[1]) Послѣ каждаго стиха.

Што со крутыми, со краснымя со бережками.
Што по той ли Дунаи рѣчьки быстренькою
Ище плавали двѣ билые двѣ лебеди,
Што и сѣрые двѣ малые двѣ утушки.
Што ис хо́роша из высока ис терема,
Ис хорошово косивчета окошечка,
Уздрѣла-усмотрѣла молода ево жона,
Молода жона Наталья Васильёвна душа,
Говорила Наталья господину своёму,
Господину своёму таковые словеса:
„Я без бѣлыих без лебедей обѣдать нехочу,
„Што без сѣрыих без утушек неужинаю!“
Закручинился то Павел, запечаловался,
Выходил-то-ли Павел на конюшней двор,
Выбирал то и Павел себѣ доброво коня,
Себѣ доброво коня, коня неѣзжаново,
Што неѣзжаново, коня несѣдлановo;
Он накладываёт уздечку тесмянинькую,
Он накладываёт сѣдёлышко черкаскоё,
Он подстегивал подпруги семишолковые,
Он не для ради басы, он ради крѣпости;
Говорил то вѣдь Павел своим вѣрным слугам:
„Уж вы слуги мои слуги, слуги вѣрныи мои!
„Вы подайте-тко, слуги, золоты мои ключи,
„Поскоряе отмыкайте окованы сундуки,
„И подайте-тко тугой лук разрывчатой,
„Поскоряе нову стрѣлочку калиновую!“
Поѣзжал то Павел на Дунай рѣчьку гулять,
На Дунай рѣчьку гулять, да бѣлых лебедей стрѣлять;
Уѣзжал ли то Павел ко Дунаю ко рѣкѣ,
Сходил то вѣдь Павел со добро́ва со коня,
Он садился то Павел за ракитовой куст,
Он патягиваёт тугой лук разрывчатой,
Накладываёт стрѣлочку калиновую.
Уж он перьвой раз стрѣлил, он немог дострѣлить;
А в другой он раз стрѣлил, он недострѣлил [1]);

[1]) Он перестрѣлил? Колос.

Уж он третей раз стрѣлил, немог устрѣлить.
Он здавался во кручинушку во великую печаль,
Он садился то Павел на добро́во-то коня,
Уѣзжал-то и Павел ко подворью своёму,
Ко подворью своёму, ко широкому двору.
Што из высока из терема,
Ис хорошово косивчата окошечка,
Што уздрѣла-усмотрѣла молода ево жона,
Молода жона Наталья Васильовна душа.
Выходила Наталья на широкой двор,
Отпирала Наталья широкіе ворота,
Што стрѣчала Наталья господина своево,
Што снимала Наталья со доброво со коня,
Говорила Наталья таковые словеса:
„Я без бѣлые лез лебеди обѣдаю, сударь,
„И без сѣрые без утушки отужинаю;
„Без тебя, моя надежа, часу быти немогу,
„Ни часу я часовать, темной почи коротать!“

—

Не пора ли то, хозяин, колёдовщиков дарить?
Ище наша то колёдка што й немала, ни величка,
Што й немала, ни величка, не в рубь, ни в полтину,
Што не в рубь, ни в полтину, ровно сорок алтын,
Ровно сорок алтын с одной денежкой;
Што во двери-ти невойдет, а окном как шьёт [1]).

---

[1]) Ср. бр. волочобную:

Наши дары нявялікі,
Нявялікі в дзвери нялезуць,
Праз ваконцо як шиць шиюць
Шейн, Бр. п., 92.

XIX.

Сокол (v. орел) переносит невѣсту через воду. Сокол – сват [1]).

1. А. Кол. Гол. II, 68. Стрый. В [ ] ставлю амплификаціи, которыя, по моему мнѣнію, могут быть опущены. Порядок 7-и стихов мною измѣнен.

Стоїт ми, стоїт зелений явір,
Повійний, повійний вітре,
Прихили явір до землі!
На тім яворі сив сокіл сидит,
Сив сокіл сидит, гніздечко віва'т (1),
Обкладає го острим тернічком,
Острим тернічком, сухим бильечком,
А в серединку – цвіт та калинку (2),
А на вершечку – щирое злото (3).
Туда милала (4) гладка стеженька,
Надійшов нею гайний (5) молодець,
Гайний молодець та Ивасенько,
[Сивов шапочков насуваючи,
Рясними суконьцями потрясаючи,
Срібними підківками вибрязкуючи,
Ясенов шабельков вививаючи]
Золотим луком потрясаючи,
Та яв сокола стрілков стріляти
[Стрілков стріляти, шаблев рубати],

---

[1]) В этой гл. и в слѣдующих (Олень, перевоз и др.) переработана моя статья 1866 г. „*Переправка через воду, как представленіе брака*“ („Древности“, Археологич. Вѣстник изд. Моск. Арх. общ. т. I, М. 1868, стр. 254 – 66).

Сив сокіл каже: „Нестріляй мене“
[Нестріляй мене, перубай мене!]
„Коли ти будеш ой женитися,
„Я тобі стану та в пригодоньці:
„Тебе молодого [сам] перепроваджу,
„Твою княгиню на крильці возьму,
„А твої гроші возьму на поші!“

(1) *Віва'т* (у Гол. вѣва'ть): *і* здѣсь странно. У Гуцул и Бойков *вы* (предлог и в словах вімня, вісокый)=*ві*, но въ 13—4 ст. *ви*- - -. При том основное русс. *и* измѣняется ли там в і? Во всяком случаѣ основная ф. есть *ви*ваат=вивасть, м. б. без предлога (т. е. не из ввивасть=увивасть).

(2) ἓν διὰ δυοῖν: цвіт—калину, калиновий цвіт.

(3) *Щирый*, чистый, т. е. выдѣленный из прочаго, один только (гот. skeirs, лит. skirti, раздѣлять, выдѣлять, различать, *skyras*, особый, отличный от другого; лит. *czyras* (на пр. Lëtuvninkas)=щирый—из русс.

Терен, калина и золото значит, что гнѣздо неприступно, чисто, прекрасно. Ср. „город городити, терняньком тернити“ (Гол. II 181; Объясн. мр. п. I, 116);

Ой славен, славен, пане господару!
Ой чим же ти ся (та) прославив?
Золотим терном обгородився
(Кол. Чуб. III 357);

О невѣстѣ:

Знати Гануненьку, знати
З котрої она хати:
Двір єї обтернений,
Калиною обсаджений,
А на височку зіле;
Є в тім дому весіле,
Ž. P. I, 86; Гол. IV 261.

Видоизмѣненіе этого величанья поется именно „як молода чесна“ (Ромен. у.):

Знати Марусю, знати,
З якої вона хати:

Черчиком обсипана,
Калиною обтикана,

а без калины, и другим лицам (Тол. IV, 341).

Описаніе соколинаго гнѣзда, подобное тому, какое в приведенной выше колядкѣ, имѣлось в виду слагателем думы „Про ясное соколя бездольное дитя“ приводимой Костомаровым (Ист. зн. ю.-р. пѣсен. тв., Бес. 1872, XI, 13):

Вилинули соколи из чужої сторони,
Сіли-пали в лісі на при(=е)воздобному дереві орісі,
Ізвили собі гніздо драгоцінное щерлатнее
Ізнесли вони собі яйце жемчужнее
І вивели вони собі дитя бездольнее.

(4) *Милала*, виднѣлась. Эта болѣе длительная форма, предполагающая **мьл-ѣ-ти* (Туль. *млѣться*, Вят. *млиться*, представляться, чудиться, чего неслѣдует смѣшивать с *мьлѣти*, предполагая что *л* из *н*, как в *сумльваться*, серб. младијах) в русском встрѣтилось мнѣ только в этом мѣстѣ. В серб. *мѝлати се:* „На Божић узму двојица чесницу па је окрећу међу собом, и пита један другога: „милам ли се?“ (т. је помила ли се иза чеснице). Онај му одговори: „милам мало“ (= видно немного). А онај први онда рече: „сад мало, а до године (= на тот год) ни мало (т. ј. да роди жито добро и да тако велика буде чесница, да се ни мало непомила иза не)“, Кар. Рјечн.

Как *зърѣти* (в двух различных знач.) : *зорити* (К ист. зв. I, 203), так при **мьлѣти*, виднѣться, причинное *молити* показывать: серб. *помòлити:*

Још зорица незабијелила,
На даница лица помолила,
А од дана ни спомена нема . . .

Хорут. *moliti*, hinstrecken, *moleti* hervorragen. При этом сущ. серб. *пòмолм* Бечу, в виду: „кад су били Млетку на помолку“. К этому семейству лужиц. *milina* сѣверное вліяніе (которое Ав. П. В. I 253 ошибочно смѣшал с одной стороны с *молотъ* и *молнія* с другой с *мльтъ* от жару=*мьдлѣти);* греч. μέλας, лот. melns, чорный и сродные; м. б. лот. *mils*, мара, привидѣніе, в котором **мал*

сходится с **мар,* в русс. *мрѣять марево* и пр. (К ист. зв. I 204).

(5) *Гайний* ближайшим обр. напоминает мр. *гайнувати,* расточать, прокучивать. Ср. также серб. *гојан, гојени,* как эпит. молодца, коня.

Б. Кол. Гол. II, 60, Сяноц. окр.

На яворѣ сокол вьет гнѣздо
Барвінничейком (1) го подкладас . . .
. . . А завершує сухим (2) золотом.
Там тади лежит давна (3) стежейка,
Стежейков їде молодий панич,
Молодий панич на сивим коні,
Ей міря'т—стріля'т до сив-сокола.
„Нестріляй мене, молодий пане!
„Ой як ти підеш за тихий Дунай,
„За тихий Дунай, по красну панну,
„То я ей тобі перепроваджу,
„Перепроваджу и перенесу,
„Своїма хорті *(и?)* я пересвищу (4),
„Єї чижемки я незамочу".

(1) Барвинок, может быть, как в А — калина, представленіе чистоты, красоты гнѣзда: ср. „хата — як у віночку", а вѣнок дѣвичій в пѣснях — „з барвінку" („Ой вінку мій вінку, хрещатий барвінку"). Но м. б. между соколом и молодцем усматривалась связь (см. В), а в таком случаѣ барвинок — указаніе на то, что пѣсня — паробку, неженатому (ср. „Ой ти козаче, хрещатий барвінку").

(2) „*Сухим* золотом" в русс. п. есть чуть ли не ἅπαξ λεγόμενον, как „милала". Этот эпитет, как замѣтил Буслаев (О вліяніи христіанства на слав. яз. 1848; Оч. I 87), об обычном в серб. п. *сухо* злато, слѣдует сравнить с серб. „тако ме *сува* муна неосмудила" (ясная, огненная) и серб. *жежено* злато. Этот послѣдній эпитет в русс. пѣснях тоже невстрѣчается (здѣсь золото—„чистое, красное", „пуговки однозолотныя", Кир. III, 16; мр. „щире, червоне", „з самого злота"), однако в Ип. л. под 1252, в описаніи

наряда Данила Романовича — „сѣдло отъ злата жьжена,“ гдѣ предлога *отъ* нѣт необходимости считать сербизмом.

(3) В *давна* стежейка (l. c. и Гол. II, 9, 42 сл.) нѣт нужды предполагать древняго знач. „далекая“, как это сдѣлал я (Мр. п. XVI в. 17). Вѣрнѣе, просто — давняя. Ср. лежит з-давна стежейка, Гол. II, 58, 73; IV 65; ой бував туда здавна гостинець, Г. IV 74; „лужком бережком та *гладков* стежков . . . гей *ухоженов*, позолоченов, Гол. II, 85; коло городейка *убита* стежейка“ Г. II, 92 (обычно „битий шлях, вбитий гостинець, доріженька широкая та убитая“), вр. по стеженькѣ по той ли *торной* дороженькѣ, Терещ. II, 448 (=via trita). Другіе эпитеты: быстра стежейка (метонимія), Гол. IV 66; серб. „туд је легла танена стазица, по ној шеће . . .“ Vienac 11; туд се дала танка стаза, по ној шеће . . . Кар. II. I 118; мр. *уляний* (?) гостинець Гол. IV, 107.

(4) Вм. „своїма хорти“ на основаніи нижеслѣдующих вар. м. б. слѣдует предположить „твої *ми* (dat. eth.) хорти я пересвищу“. Конечно, такой дат. при мѣстоим. притяжат., а не указат. (з-за 'ной—ми гори . . .), странен.

В. Гол. IV, 39, Золочев.

А в сокольника (1) а двір в острозі (2)
Соколе!
А в соколенька чорни оченька
и брови!

(1) (2) у самого величаемаго двор в частоколѣ. Припѣв обращен к нему же. В дворѣ явор, на гнѣздѣ сокол „жалібно квилить“. „ . . . З давна стежейка . . . Надійшов нею красний молодець *премудрий* стрілець“, т. е. искусный „хытрый“. Сокол отмаливается: „невбивай мене:

Я тобі стану в пригодоньці!“

а какая „пригода“, это сокол обозначает загадкою, в которой женидьба изображена тремя моментами, распредѣленными по трем городам (сходный поэтическій пріем см. в моей ст. Мр. п. XVI в., 33—7; Объясн. мр. п., I, 32 сл.):

„Загану тобі три загадоньці,
„Три загадоньці: три городеньки;
„В першім городці—коні сіддати,
„В другім городці—бояре брати,
„В третім городці собі панну взяти,
„Собі панну взяти и з нею жити".

Участіе сокола подразумѣвается (ср. А, Б).

Г. Волочобная холостому. Шейн, Бр. п. 102—3. В полѣ—кони, из них один „сам (s. вм. *сил)* невеличек

А касатенькій, волосатенькій,

никто его непоймает, кромѣ N, который ѣдет на нем на охоту. На яворѣ сокол. N „селецца-мелецца (целіцца-меціцца?) сокола стрелящі". Сокол обѣщает стать в пригодѣ:

Як будзеш ты да жаніціся,
Да будзеш браці за водами,
Да за водамі, да за морямі,
Да приедзеш ты к сінему мору,
Да будзеш *клікаць* да *перевознічков,*
Да будзеш клікаць, недоклічисся;
Яж цебе молодого да й *перевезу,*
Цебе молодого да на правом крыле,
Што твою жену покілем (?) с тобой,
До твоіх сватов да на левом крыле,
А приданое на середзіне,
А музыченьку на шеєньке,
А подруженек да на хвостіку,
Твоєго коніка та у плыв пущу,
Перевезу цебе на тот бок Дуная.

Смѣшеніе переноса и перевоза под вліяніем мотива „перевоз".

Д. Волоч. ему же. Шейн, Бр. 107—8. Начало (кони и пр.), как в Г „. . . древо"

Тонко-высоко, лістом широко,

на нем „*орел*-птица, *жовта лісіца*" (лисица появляется здѣсь под вліяніем XV, В и т. п.). Далѣе сходно с Г.

Е. Волоч., ib. 108—9. Начало как в Г „сізий орел"; N хочет его убить „з каленой стралы" (как из ружья).

Выше „*каменна* стрѣла“ – описка. Орел обѣщает, когда не будет ни переходу, ни переѣзду,

А я ж там табе (себе?) *пірамышлю,*
Пірамышлю піраправлю.

Ж. Волоч. ib. 109—10, как выше. Орел говорит:

Я твої мыслі *пірамыслю,*
Піравяду табе через синє море.

Ср. У чистім полі біл камень лежить,
На тім камені сиз орел сидить,
Ой сидить орел да й размишляє,

Метл. 242. В серб. Кар. П. I, 320, „Стаде соко мишлат' и размишлат“ вызвано содержаніем пѣсни: соколу на ели (=молодцу) нужно выбирать вдову или дѣвицу.

З. Волоч. Безс. Бр. 10—1 (генетич. изображеніе дуба. См. XV под Б). Орел обѣщает перевезти на себѣ молодых и поѣзжан, „коні твої

У плын пущу, *я перясвіщу* (ср. выше Б).

И. Бр. кол. приведенная выше (XV, Б, б): голубь, жолудь (из него дуб, на котором) сокол обѣщает N: „звелічу цябе в цесця на дваре“.

К. Безс. Бр. п. 11 (N 12):

А на морі, морі, а на сінянькім,
А там лякав и *белы камянь,*
А на камяні сокол сядзіць

Далѣе как выше. Сокол обѣщает:

„Я твое соколы свістом перясвіщу“

(см. выше Б, (4));

молодого и жену на крыльях перенести на его подворье;

„А твой бацюшка разгневався,—
Буду яго слічне я просіці,
Крыльцами надворья замятаці,
Вочкамі свяцёлку освяціці,
Галасочком бацюшку развясялю“.

Эта амплификація с испорченным размѣром могла возникнуть под вліяніем п. Шейн, Бр. п. 53 (N 103), размѣра 4+4(⌣3)+3, ошибочно отнесенной у Ш. к колядкам, то-

гда как она ни по размѣру и содержанію, ни по употребленію в других мѣстностях (Минск. г. Сб. пам. н. тв. свз. кр. 170; по размѣру, отчасти и содержанію ср. ib. 16; в Харьк. губ.) к колядкам неотносится:

Наляцелі сакалы з страны,
Сѣлі палі у вдовушкі (в. вм. па доміке) на дварс,
Крылушкамі увесь двор размялі,
Воченькамі святлічоньку (в)свяцілі,
Голос(оч)камі удовушку взбудзілі . . .

Они извѣщают: пріѣхали козаки (v. уланы) с войны, привеля коня ея мужа, на сѣдлѣ кровавая сорочка . . .

Л. Волоч. Безс. Бр. п. 12. Молодец ѣдет „паляваці, долі шукаці“. Сокол обѣщает его переплавить, сватов *перевезти в челнъ* через рѣку, гдѣ „за рѣками“—невѣста.

Подобный вар. дополняет опущенія и объясняет величальный смысл А.

Щедров. (Чуб. III, 473, Ковель. у.): сокол с дерева глядит на море, гдѣ „човник возиться“, а в нем „молода N“ (см. ниже XIX, 5).

М. Вр. волочобн. Шейн, Р. н. п. 389, Иск. губ. Явное заимствованіе из бр. и мр. Древо (как выше Д), на нем „сизой орел“; „*препышный* стрѣлец“ (сочетаніе мр. „пишний панич“ и, как выше под В, „премудрий стрілець“); „И хочет он да й *лань* убити“ (безсмысленное соединеніе разсматриваемаго мотива и другого: *олень, лань*, см. ниже), эта лань оказывается птицей и обѣщает:

Я ж тебе возьму под право крыло,
Суженую я возьму под лѣвое,
Хартоз твоих всѣх пересвищу (См. выше Б, 4).

Н. Волоч. Шейн, Бр. 111.

„На *камени . . . голуб*“; „слічны паныч хацев яго з ружжя забіць“, голубь отпрашивается, обѣщает сказать три радости (см. выше VI, А, стр. 93).

О. Кол. сообщ. Л. С. Мацѣевичем, запис. в Ольгополь. у., доказывающая что видоизмѣненія под Н возникли на югѣ:

Пане господарю! а на твоїм двору,
Радуйся! зрадовалися
всі святії з Рожеством!
[А] на твоїм двору *біл каминь* росте,
[А на тім каміні червона калина]
[А] на тім каміні (⌣)два *голуби* [сидят].
Вийшов [пан] господарь [та] з нової хати,
З нової хати, [та й] начав стріляти.
„Пан[е] господарю, [а] нестріляй з лука,
[А] нестріляй з лука, [бо] то не голуби,
[Бо] то не голуби, [а] то єсть ангели.
[А] зіслав нас Господь [та] з неба на землю,
„Чи в вас [так] на землі, як в нас на небі?
„А в нас на небі [вся] правда настала,
„А в вас на землі [вся] правда пропала,
„[Вся] правда пропала, [а] кривда настала:
„[А] брат на брата з меча воює,
„[А] сестра на сестру чар[оньк]и готує!“
А за сим словом [та] бувай же здоров,
[Та] бувай же здоров, пане господарю.

II. Щедр. Чуб. III, 465, Ковель. у. Оранье, урожай, стог, на нем *3 голубя*—отмаливаются у стрѣлка тѣм, что они ангелы.

2. Этот мотив извѣстен и в пѣснях других Славян.

а) Серб. свадебная, „кад се скуплају сватови“, Кар. II. I, 11, Рисан.

Долеће сиви соколе,
Долеће Петру [1]) на дворе;
Излази Петро делија,
Сокола стаде плашити;
Говори сиви соколе:
„Немој ме, Петро плашити:
„Доћи ће бр'јеме—година
[„Мене ћеш, Петро, молити]

[1]) Жениху.

„И стаће воде-Дунави
„И друга бистра језера;
„Онда ћеш мене молити,
„Да твоје свате преведем
„И тебе с Аном [1]) пренесем".

Вар. (Mij. Stojanović, Pučke pripov. 268) запис. в Славоніи показывает, что в пѣніи первая трехсложная стопа повторяется:

Долеће, долеће сиви соколе...

В слѣдующих п. нѣт переноса через воды, и сокол или другая птица лишь дает совѣт или является сватом; но за то—стрѣлянье.

β) Plohl-Herdvigov, Hrv. n. p. 38, около Виницы Вараждинск. жупаніи. Размѣр шедровок.

Sedi loga [2]) srědi loga [3]),
Srědi loga zelenoga.
Poleg [4]) pala vuzka steza,
Po jě ide mladi jagar [5]);
Štěl je logu prestreliti,
Loga mu se drebno [6]) moli:
„Naj [7]) ti mene, mladi jagar,
„Naj ti mene prestreliti;
„Ja ti očem povedati,
„Kak se jočeš oženiti:
„Nejemli si stare vdove:
„Stara vdova—žalost tvoja;
„Nejemli si mlade sneће:
„Mlada sneha—puna grěha;
„Neg si zemi děvojčicu,

---

[1]) Невѣстою.
[2]) = vuga, иволга.
[3]) Луга, лѣса.
[4]) Мимо.
[5]) jäger.
[6]) Ср. вр. *дробьть*, робѣть и лит. *drebėti*, дрожать.
[7]) =Нехай (=оставь), незаймай.

„Děvojčicu Jelenčicu:
„Děvojčica Jelenčica
„Vnogo ima, majno štima [1]).

Вар.—Kuhač Južno-slov. nar. popjevke II, 2, N 566, из Штиріи:

Žuta vuga lépo poje
Na sred lóga zelenoga,
hoj, hoj!

За тѣм тоже повторяется в другом тонѣ: „hoj, hoj“, но напѣву сходно с припѣвом „слава“, вр. подблюдных.

γ) Plohl-Herdv. ib. 7, Вараждин:

Fučkaj mi, fučkaj, črni kos [2])
Tu vu zelenom bukovju!
Mimo je spala stezica,
Po nji se šeču jagri tri,
Počmu mi kosa cilati,
Kosek se počme moliti:
„Najte me, najte strělati,
„Ja vam pokažem grada tri,
„Vsakem su gradu lubce tri,
„Vsaka vam ima [3]) sinke tri:
„Oni vam znaju [3]) pisati
„Ze črnom tintom, běl papĕr;
„Oni vam znaju lubiti
„Ze vsom dušicom, srčekom.

Очевидно, это усложненіе мотива, сходнаго с β ст. 1—10: из одного охотника — три, каждому птица сказывает по невѣстѣ, у каждой будет по три сына. „Стеза, стезица“—ср. кол. XIX, A—B.

δ) Болг. Милад. 492 (N 592), Лазарская, величальная. Сокол—сват.

Седнал ми ѥ довлет[4])-ага

---

[1]) =Мало цѣнит.
[2]) Дрозд.
[3]) В значеніи будущаго.
[4]) Могущественный или придворный?

Во одаи, во сараи [1]),
В рàка дѣржит чаша кафе.
Ми долета лепо пиле,
Лепо пиле соколо'о,
И му падна на рамена;
Стрептит пиле со криля-та,
Му нараси чаша кафе.
Мàдри ага говореше:
„Айде віс мой' сеймени! [2])
„Што стоите, што гледайте?
„Донесите лàк и стрела,
„Устреляйте ова пиле,
„Ова пиле соколо'о!"
Пиле му се одговори:
„Ай-ти-тебе, мàдри ага!
„Не сум дошло за стреляне,
„Тук сум дошло, глас донесло:
„От цара сум допуштено,
„И от цара, и от краля;
„Цар-от имат мила керка,
„А ти имаш мила сина;
„Оба да се сусватите,
„Сусватите, сузе'ите,
„И пак да се понаш'вите [3]),
„Како нива со пченица,
„Како овци со ягнина,
„Како цвеке во градина!"

Из Милад. N 593 видно, что сокол „нараси" (=нарясил, от „рясa" = рaса) кофе цвѣтами, т. е. роняя их с дерева, на которое сѣл:

С криля трепнà, чут орони . . .

Еще видиѣе это в слѣд., тоже лазарской, гдѣ—раздвоеніе предыдущаго.

---

[1]) В комнатѣ дворца.
[2]) Воины.
[3]) И за тѣм чтобы вы гордились (потомствoм) как нива и пр.

Каравел. Пам. пар. б. Болг., 203:

Стари Яно вино пиѥт
Под вишница-черешница,
Яновица — до колѣна [1]),
Син, сипови слуга служат [2]),
Мили снахи диван стоят [3]),
Мили керки ручек носат.
Долетѣле два сокола,
Собориле цут от вишна,
Нарасиле чаша с вино.
Ми извика стари Яно
На (вм. ма) негови-те синови:
„Бре синове, мои чеда!
„Што стоите, што гледате?
„Лел земите лук и стрѣли,
„Устрѣлайте два сокола!“
Одговаря два сокола:
„Немой, Яно, негрѣши се!
„Несме дошли за стрѣляне;
„Отдалеко прелетѣхме
„И добор глас сме донесле:
„Ми сме чуле че ти имаш
„Синове (⏑) за женене,
„Мили керки за мàжене;
„Ми сме дошле да струваме
„Строй да строваме [4]),
„Пьрстен да меняваме [4])
„Ил за сина, ил за керка.

ε) Болг., эпич. разм. 4+6, неприуроченная ко времени, Качановскій Пам. болг. н. тв. I, 205 сл.

Смиля(н)ин — юнак хочет женить своих сыновей близнецов на двух сестрах — близнятах. Он садится на коня,

---

[1]) Подлѣ.
[2]) Наливают.
[3]) Стоят благоговѣйно (в ожиданіи приказаній).
[4]) Испорченные стихи.

берет ружье, ѣдет лѣсом, видит „*пиле*-златокрильку“ (т. е. пиле-соколово, а не „утицу“, как думает г. К.), цѣлится. Птица за выкуп ведет его в неизвѣстный град, гдѣ он находит и сосватывает желанных невѣст. Не смотря на сон своей жены, предсказывающій гибель сыновьям, он собирает 300 сватов и с сыновьями ѣдет по невѣст. На возвратном пути кто-то отрубил сыновьям во снѣ головы.

ζ) Болг. Милад. 409, разм. 6 + 6.

Дѣвица вышивает шелком в саду. Три бѣлых *голубя* крыльями роняют цвѣт с дерева и обсыпают ей платье, клювами *путают шолк*. Дѣвица хочет их застрѣлить из лука, но — они прилетѣли на смотрины, чтоб взять ее за своего брата.

В двух свад. п., несомнѣнно находящихся между собою в связи и одинаковых по размѣру 5 + 3, серб. Кар. С. н. п. из Херцег. 297 и болг. Милад. 465, N 521, сокол летит от жениха к невѣстѣ на оглядины, или с порученіем, чтобы она вышивала дары. Вѣроятно и в п. ζ) голуби замѣнили соколов.

Черта голуби — сваты „копринà смотихà“ не случайно сходна с подобною в мр. свадебной (невѣстѣ снится: „з раю пташки вилiтали, Чорний шовк поснували“, Чуб. IV 255, Объясн. мр. п. I 162) и в вр. (5 + 5):

Ишла молода лѣсом по́ воду,
( ) по студёную,
А на встрѣчу мнѣ гуси лебеди.
„Гуси лебеди,
„Что мнѣ скажете, что прикажете
„Мнѣ про батюшку и про матушку,
„Про родных братцев, про невѣстушек,
„Про родну сестру да Елену-свѣт?“
—А во теремѣ, под окошечком,
Да Елена-свѣт там ковры ткала,
( ) ковры шолковы:
На набойничку—шелкú рáзные,
На просѣсточкѣ—кругà зóлоты,
На набѣлочках ясны́ сóколы,

На проножечках черны̀ со́боли,
А сказали ей: „с Литвы *сват ѣдет!*“
А Елена-свѣт непужалася,
Она вскидалася и взбросалася,
Шолки разные поплута́лися,
Круги золоты помѣшалися,
Ясны соколы разлеталися,
Черны соболи разбѣгалися.—

(Кохановская (Соханская) Нѣск. русс. пѣс. Р. Бес. 1860. 1, 46, Щигров. у.).

Ст. 1—8 — запѣв на тему „кто видит? кто слышит?“ показывает отношеніе содержанія пѣсни к пѣвицѣ.

Ст. 9 слѣд., вѣроятно свадебная п.

Ст. 13—5, изображеніе ткацкаго станка, имѣют величальное значеніе. Это не мертвыя украшенія, как видно из ст. 20—3. Станок — замѣна чудеснаго дерева колядок и свадебных п. Соболи—ср. XV, 3, *а*.

Ст. 16 „с Литвы сват“. Представленіе бояр жениха, врагов, именно Литвою („Ой ненаходь, Литва! Буде з нами битва: Будем воювати, Маръечки недавати“, Метл. 215), могло войти в пѣсни задолго до того времени, когда южная Русь вошла в состав литовскаго княжества. В приводимой Соханскою l. c. 47 пословицѣ „к людям Богородица, а к нам все Литва“ (т. е. к людям хорошіе женихи, а к нам невѣсть что), по видимому противоположеніе священнаго „поганой“, еще языческой Литвѣ.

Этот, как мнѣ кажется, свадебный мотив вошел, с еще большими измѣненіями относительно-первообразнаго значенія ткацкаго станка, в состав одного из вар. былины про Ивана Годиновича (Кир. П. III, 13—4). Ив. Год. объявляет царю Черниговскому:

„Я пріѣхал к тебѣ сватом свататься“

за тѣм, послѣ отказа, он идет к Авдотьѣ и видит:

Тут сидит Авдотья полотенце ткёт:
На головкѣ у Авдотьи бѣлы лебеди,
На лѣвом плечѣ у ней черны соболи,
На правом плечѣ сидят ясны соколы,

На прошестях у Авдотьи сизы голуби,
На подножках у Авдотьи черны вороны . . .

Другое, мнѣ кажется, неидущее сюда сближеніе этих подробностей—у Ор. Миллера, Илья Мур. 373.

Черта „сваты (v. жених) путают тканье невѣсты“ находится и в лотыш. п.:

„Куна (=невѣста) поставила кросна на верхушкѣ высокой ели; пріѣхали два божьих сына (=сваты) спутали тканье куницы (v. бѣлка нашедши спутала тканье куницы) (Спрогис, 115, 10—11; ср. ib. 9).

3. Из Германских параллелей беру у Уланда слѣдующіе.

а) Нижне-нѣм. п., Uhland, Altchoch u. niederdeutsche Volkslieder, I, N 15, B:

Dar steit ein lindboem an jenem dal,
Is bawen breit und nedden schmal,
van gold dre rosen!

Милый просит соловья (fruw nachtigal) сидящаго на этой липѣ, быть послом к милой. Соловей застает ее вышивающею подарок милому, передает ей золотое кольцо.

б) В Шотландской п. сокол (goshawk) или попугай, во всяком случаѣ поющая птица [1]), переносит через бурное море письмо к милой (Uhland, Schriften III, 110).

в) В Датской п. *ворон* переносит невѣсту из заточенія через море к жениху (ib. 112).

г) В нѣм. поэмѣ „Житіе св. Освальда“ (одного из Англосаксон. королей VII в.), извѣстной в списках XV в., но относимой Уландом к XII в., главную роль играютъ приключенія *ворона-свата*, очень усложненныя личным вымыслом. В них отмѣтим слѣдующія черты. Освальд посылает ворона с письмом и кольцом за море к дочери невѣрнаго царя, которая через того же посла пересылает Освальду кольцо и письмо с приглашеніем пріѣхать за

[1]) Ср. Сидит сокол на тополі,
Піе пісню по неволі. Гол. I 138;
Соко ми пева у белу двору, Кар. Пјес. I 477.

нею тогда-то. В это приключеніе вставлено между прочим то, что ворон, уставши среди моря, садится *на камень*, печально кричит, *ловит* подплывшую к камню *рыбу* (ср. XVI и XIX, К). Тут морская жонка схватывает его и увлекает в водяное царство, откуда он освобождается хитростью. В урочное время Освальд с войском плывет за море по невѣсту, берет с собою прекрасно-рогого *оленя*, котораго он лѣт 17 воспитывал у себя, но, несмотря на совѣт невѣсты, забывает взять ворона. Т. о. когда послѣ долгаго плаванія он пристал к берегу, ему пѣ через кого дать знать невѣстѣ. По его молитвѣ, Бог посылает за вороном ангела. Ворон считает себя обиженным: „пусть, мол, служит ему олень“. Все таки он еще раз перелетает море и вторично передает вѣсть невѣстѣ и приносит ея отвѣт. За тѣм — похищеніе невѣсты при помощи хитрости оленя и возврат (Uhland ib. 113—20).

По видимому, сочинитель или сочинители этой поэмы в XV, а может быть, как предполагает Уланд, и в XII в., в Германіи или Англіи, имѣли перед собою два семейства сказаній или пѣсень, представленныя двумя семействами славянских пѣсень: одно, в коем сват—ворон (сокол), другое, гдѣ вѣроятно такую же роль играет олень. В обоих, или только в одном первом, невѣста — за морем. В отличіе от колядок и пр., в нѣмец. поэмѣ ворон и олень, не смотря на свою чудесность, представляются домашними, придворными животными короля. Нарочно для посольства ворон приказывает оковать себѣ перья чистым золотом и сдѣлать золотую корону. О стрѣльбѣ из лука нѣт рѣчи (ср. Костомар. Ист. знач. юр. н. пѣс. тв., Бес. 1872, XI, 20).

4. Былина про Михайла *Казарянина* заключает в себѣ, как существенную черту, мотив „ворон-сват“. Поэтому здѣсь неумѣстны будут нѣкоторыя замѣчанія об этой былинѣ и нѣкоторых других, сродных.

О. Миллер (Илья Мур. 710) замѣчает: „если бы... в *прозвищѣ* (Мих. Казарянин) (Кирша Дан. = Кир. IV

91 сл.) можно было видѣть указаніе на то, что он выходец из древняго царства Хазарскаго, то Михайлу пришлось бы отнести к числу самых древних заѣзжих богатырей". Понятно, что с этою возможностью нужно сопоставить одну или нѣсколько других. Из былины видно, что „Казарянин" есть не прозвище, сохраняющее память о происхожденіи лица или его предка, а личное имя, стоящее рядом с крестным и свидѣтельствующее только о том, что были нѣкогда по сосѣдству козары:

„А зовут меня Михайлою Казарянин,
„А Казарянин душа Петровичь млад".

Родом же он гостиный сын „из Волынца города из Галичьи", подобно Дюку, что может приниматься за намек на происхожденіе нѣкоторых мотивов былины.

Такія имена давались в южной и в сѣверной Руси до XVII в. включительно. Ср. „панъ *Козаринъ*, Маршалко Луцкоѣ земли", 1438, (А. з. Р. I, N 36); дьякъ *Козаринъ* Дубровскій, 1555 (Д. к А. И. N 81; см. также Морошкин, Именослов: Козарин Шестаков, 1610). Подобным образом: *Печенѣговъ* (1565, С. Г. гр. I, N 186), *Печенѣжичь* (Морошк. Имен.); село *Печенѣги* (Харьк. губ.) и *Печенѣжин* (близь Коломыи) могли быть названы не прямо по имени народа, а от имени основателя; *Берендѣй*, толмач кн. лит. Александра (1492, А. З. Р. I, N 102), земянин Кіевскій (1500, ib. N 178), *Половецъ* (откуда фамилія Половцев); *Волохъ* Сусѣдов (1509); *Китаецъ* (он же Китай, Китайко, жена—Китайкова, Д. к А. И. I, 88); *Латынянъ*; *Русинъ* (часто), *Сасинъ* Путята (1585, А. изд. Вил. К. I, 12, Гродн.). М. б. от имени извѣстных ханов Половецких: *Куря* Олексѣевичь Шемятевъ (Пск. 1474, А. З. Р. I, N 69), *Кобякъ* Клементьевъ (1571, С. Г. Гр. I, N 198).

Т. о. происхожденіе имени героя былины *может быть* случайное. Требовалась поэтическая конкретность, а между тѣм имени героя небыло в памяти пѣвца, и вот он брал первое встрѣчное, м. б. имя одного из слушателей. Так в число богатырей мог попасть *Залѣшанин* (Залѣ-

шанинъ Никифоровъ Волохова 1565, С. Г. Гр. I, N 186). Или же, если пѣсня была нѣкогда величальной, что возможно и в настоящем случаѣ, в нее вносилось имя величаемаго (ср. выше стр. 75).

Былина о Козарянинѣ м. б. разложена на слѣд. части:

а) Описаніе коня, доспѣхов, лука и стрѣл (Кир. IV, 91—2, ст. 1—38), отчасти дословно сходное с подобным в был. про Дюка (ib. III, 101), сродно с величальным мотивом колядок, о чем ниже.

Далѣе — звено связующее этот мотив с былинами Кіевскаго круга (поѣздка в Кіев ко Владиміру и встрѣчная чара) и другое, установляющее связь а) с б): порученіе пострѣлять гусей лебедей и пр. отчасти буквально сходное с подобным в былинѣ про Потока (Кир. IV 93, ст. 76—82 = ib. 52, ст. 14—21; стр. 94, ст. 89—93 = стр. 53, ст. 29—33).

б) Казарянин

Наѣхал в полѣ [сыр]-кряковистой дуб,
На дубу сидит тут черной ворон . . . [1])
С ноги на ногу переступывает
Он правильно перушко поправливает
А и ноги, нос *что огонь горят* [2]).
. . . В та-поры Казарянин
Вынимал из палушна свой тугой лук,
Из колчана калену стрѣлу,
Хочет застрѣлить черна ворона;
А и тугой лук свой потягивает,
Калену стрѣлу поправливает,
И потянул свой тугой лук за ухо [3])
Калену стрѣлу семи четвертей,
И завыли рога у туга лука,

---

[1]) Из чего О. (т. Коммисс. Общ. Л. Р. С. или только г Безсонов) заключает, что „по складу стиха нужно „врана“? Это правильный 10-сложный стих.

[2]) Т. е. в золотѣ.

[3]) Без размѣра.

Заскрипѣли полосы булатныя;
Чуть было спустил калену стрѣлу,
Провѣщится ему черной ворон:
„Гой еси ты, удача доброй молодец,
„Нестрѣляй меня ты, черна ворона:
... Скажу тебѣ добычу богатырскую ...
Эта добыча—дѣвица (Кир. IV, 94—5).

Этот мотив отчасти дословно приурочен и к Алешѣ Поповичу (Кир. II 80—1). Первоначально эта дѣвица дѣйствительно становилась невѣстою и женою героя пѣсни. К этому состоянію пѣсни относится то, что Алеша, освободив полонянку

Падал коню во правý ногý:
„Спасибо тебѣ, батюшко доброй конь!
„Получил я себѣ обручницу,
„Обручницу, подвѣнечницу! (К. II, 82).

Отношеніе одного из мотивов был. про Михайла Потока, уже упомянутой выше, к разсматриваемому мотиву б) опредѣляется слѣдующим.

Есть пѣсенный мотив: „молодец подстрѣливает лебедь (утку)=берет за себя дѣвицу“; он соотвѣтствует другому, „сокол бьет лебедь“, имѣющему тоже значеніе. Лебедь в обоих случаях имѣет символическое значеніе и превращеніе ея в дѣвицу не необходимо, хотя и возможно. На него намекает слѣд. морав. кол. о состязаніи в стрѣльбѣ, как образѣ соисканія невѣсты:

Na tej panskej hrázi dvanáct se jich schází,
(v. dvanáct střelců stojí)
A na tom rybničku bílá labuť pluje.
Vystřelil tě na ni jeden ze dvanácti,
Vystřelil tě na ni její bílé (v. zlaté) péro.
Aby se to péro v pannu obrátilo!
Aby ta panenka dostala mládence! [1])
Aby ten mládenec dostal její věnec!
(Suš. Mor. n. p. 750).

---

[1]) Жениха.

Вр. свадебная у Сахар. (Сказ. Р. н. III 180—1) состоит из двух п. сходнаго значенія. В 1-й два сокола (=сваты) унесли соловья (=невѣсту), посадили в клѣтку,

Как заставили всю ночь воспѣвать,
При кручинѣ молодца утѣшать.

2-ая п. встрѣчается, как самостоятельная (Сах. ib. 208 (послѣдніе 4 стиха придѣланы); Варенцев, Сб. пѣс. Самар. кр. 44—7 (один из вар. XVIII вѣка); Якушкин, 595, N 66). Начало этой п. представляющее лишь несущественныя разнорѣчія, привожу по варіантам Вар.:

Мил по бережку (v. он по горенкѣ) похаживает,
Он тугой лук натягивает,
Калену стрѣлу направливает,
Он стрѣлѣ приговаривает
(v. Во слѣдок стрѣлѣ наказывает):
„Полети, моя каленая стрѣла
„Выше лѣсу по поднебесью,
„Ты убей, убей, каленая стрѣла...

Здѣсь начинаются разногласія и амплификаціи, которыя затемняют первоначальный смысл пѣсни, вытекающій из того, что стрѣлок—жених, лебедь или утка—невѣста. Представляя читателю повѣрку на основаніи указанных выше вар., привожу только свое гадательное чтеніе: (ты убей)

Лебедь бѣлую (v. сѣру утицу) на заводи,
Красну дѣвицу во теремѣ.
Лебедь бѣлая (v. сѣра утица) то ѣства моя,
Красна дѣвица—невѣста моя.

Ср. также Чуб. V, 7, 17 „стрілець“ убил лебедь,

Порозсипав білі пера лугами,
Порозливав кров червону річками.
То не кров, але дівоча краса.

Приключеніе Потока на охотѣ в былинѣ Кирши Дан. (Кир. IV, 53, ст 34—56), очень испорченной относительно размѣра, есть комбинація этого мотива (лебедь—невѣста) с другим: птица, в которую цѣлит N отпрашивается, обѣщая „в пригоді стати“, пригодиться. Эта ком-

бинація сказывается в повторенія здѣсь нѣкоторых выраженій мѣста былины про Казарянина:

. . . Хочет (Поток) ѣхать от моря синяго
Посмотрѣть на тихія заводи,—
И увидѣл бѣлую лебедушку:
Она через перо была вся золота,
А головушка у ней увивана красным золотом
И скатным жемчугом усажена.
Вынимает [он Поток] из налушна свой тугой лук,
Из колчана вынимал калену стрѣлу . . .
. . . Накладывает на тетивочку шелковую,
Потянул он тугой лук за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли рога у туга лука.
А и чуть было спустить калену стрѣлу,—
Провѣщится ему лебедь бѣлая . . . :
. . . „Нестрѣляй ты меня лебедь бѣлую:
„Нъ в кое время пригожуся тебѣ!“

Дальнѣйшее содержаніе былины нисколько неоправдывает этого обѣщанія. Оно состоит частью из амплификацій, частью из бродячаго разсказа о живом мужѣ похороненном с женою. [Кромѣ указаній на нѣм. сказку у Гриммов' Kind. u. H. märch. N 16 и Тысячу одну ночь, Прикл. Синдбада (О Милл. Илья Мур. 389), ср. еще „Кн. мудрости и лжи“. Грузин. бас. и ск. XVII—XVIII в. Саввы Сулхана Орбеліани. Перев. Ал. Цагарели. СПб. 1878, N 111; Сб. Свѣд. о Кавказ. горцах VIII, Ингуши, 34—5: похороненный с женой убивает змѣю; другая оживляет убитую травой; той же травой герой оживляет мертвую жену. Сходная Африканская сказка—Liebrecht zur Volkskunde 381].

Точкою соприкосновенія между былиною про Михайла Потока у Кирши и житіем св. Михаила „от града Потоукы“, родом болгарина, убившаго змѣя на озерѣ и освободившаго выведенную на пожраніе дѣвицу, может служить только то, что и Поток, хотя при совсѣм других

обстоятельствах, убивает змѣя (Веселов. Разыск. VI—X, 355 сл. 365).

в) *Полонянка.* Ворон вм. себя указывает Казарянину добычу:

. . . „Скажу тебѣ добычу богатырскую:
„Поѣзжай на гору высокую,
„Посмотри в раздолья широкія,
„И увидишь в полѣ три бѣла шатра,
„И стоит бесѣда-дорог рыбій зуб,
„На бесѣдѣ сидят три татарина,
„Как бы три собаки наѣздники,
„Перед ними ходит красна дѣвица
„Руская дѣвица полоняночка.
„Молода Мароа Петровична".

Казарянин ѣдет и видит по сказанному: дѣвица

Во слезах неможет слово молвити,
Добрѣ жалостно причитаючи:
„О злочастная моя буйна голова!
„Горегорькая моя руса коса!
„А вечор тебя матушка расчесовала (s.)
„Расчесовала (s.) матушка, заплетала;
„Я сама дѣвица знаю-вѣдаю:
„Расплетать будет моя руса коса
„Трем татарам наѣзднікам!"
. . . А первой татарин проговорит:
„Неплачь, дѣвица-душа красная,
„Нескорби, дѣвица, лица бѣлаго!
„А с дѣлу татарину достанешься,
„Непродам тебя дѣвицу дешево,
„Отдам за сына, за любимаго,
„За мирного сына в золотой ордѣ!"

(Кир. IV, 95—6).

Тоже с сокращеніями и измѣненіями (2 Татарина и пр.) в был. про Алешу Поповича, Кир. II 81, и в одном из вар. былины про купанье Добрыни (Гильф. 1251): (Змѣя несет дѣвушку)

Сидит-то дѣвица да причитыват

И ко своей-то косы да желторусые:
„И моя-та коса да желторусая!
„Плетена́ у родители у матушки,
„Во новом во высоком во тереми;
„Росплетать станут маленьки зміеныши,
„Да во тѣх во пещерах во глубокіех!“

Это — самостоятельный мотив, неимѣющій первоначально никакого отношенія ни к б), ни к г). Ср.

а) П. Якушкин, Соч. 566, N 12; размѣр (5+4) относит эту п. к дѣвичьим (Объясн. мр. п. I 231 слѣд.): это дѣвица примѣняет к своей будущей судьбѣ (замужество — полон) [1]). Полет мысли в будущее представлен пространственно: мысль уносится бурею и останавливается на мѣстѣ дѣйствія:

Я всю ночь млада (⌣) ніспала,
Ой люли, люли,
Люли ніспала,
Нічево млада ніслыхала,
Как буйны[е] ветры шармавалі [2]),
С [высака] терема верхі пасарвалі,
Ва чисто поля паснасілі,
Кы белу шатру станавілі;
А в біле шатре злой татарин.
Красна[я] девушка паланян[оч]ка
Сільно дабре плачить [3]),
Татарин её унімаіть:

---

[1]) На пр. в вр. свадебной невѣста говорит о сватах:
Тыи меня гости полоном полонят,
Полоном полонят, во полон берут
(Шейн, Р. н. п. 519).

[2]) *Шермовать*, собств биться оружіем, фехтовать, как и сродныя слова в чеш. поль., относится к итал. *scherma*, *scrima*, фр. *escrime* и соотвѣтственным словам в герм. нар. Здѣсь это слово смѣшано со *штурмовать* (нѣм. sturm, буря). Обратный случай, т. е. *штурмованье* вм. *термованье* см. Веселов. Ю.-р. был. III—XI, 249.

[3]) ? Паланяночка сільно плачить.

„Ты неплачь, неплачь, красна[я] дев[уш]ка!
„Мы сашьем тебе лісью шубу,
„На буйну голов[ушк]у кунью шапку,
„На резвы ножкі [красны] сапожки,
„На белы[я] ручкі рукавічкі".
—Узатлеіть [1]) та (лісья) [кунья] шуба!
Прападі та [кунья] шапка!
(Ты) пусті міне к атцу к (мамкі) [матері]!—

Варіант запис. Востоковым — Кир. П. VIII, 322—3. Запѣв этой пѣсни принадлежит к распространенному и, по видимому, древнему типу начал с полета вѣтра. Ср. серб. (Кар. Цјес. I, 197 (N 287):

Вјетар ружу уз поље носаше
На Јовов је шатор поносаше,
Гдјено Јово са Маријом бјеше.

(Их разговор составляет содержаніе пѣсни). Сходный тип, далеко неисчерпанный в моей ст. О Нар. п. Галиц. и Уг. Р. Головацкаго (Зап. И. Ак. Н. XXXVII, II, Отд. отт. 59—76) представляют начала с истока или теченія рѣки.

β) Причитаніе полонянки в был. про М. Казарянина „горегорькая моя руса коса" находит соотвѣтствіе в мр., болг., серб. п. про дѣвку бранку или, с обычным усложненіем, трех бранок:

Ант. и Драгом. Ист. п. мр. н. I, 138:

... Коло огня турок сидить,
Турок сидить, люльку курить,
Коло ёго дівка сидить,
Дівка бранка косу чеше:
„Ко́со ж моя русявая!
„За кого ж ти заручена?
„За турчина заручена,
„За татара засватана!
„За козака рушник дала,
„За татара заміж пішла!"

—ib. 86=Гол. I, 50. Одна из трех полонянок:

[1]) В смыслѣ повелит. накл.

„Косо моя жовтенькая!
„Не мати тя росчісує,
„Візник бичем ростріпує!

—ib. 185=Рус. Дн. 16—7:

Ой вийду я на могилу,
Подивлюся у долину—
Ідуть ляхи на три шляхи,
А козаки на чотирі . . .
. . . А татари на всё поле;
Меже ними дівка бранка . . .
. . . Русу косу росчесує,
Дрібне листє пописує
Там у воду пометує:
„Плинь же, плинь же, дрібне листє
„До моєго тата в гості!
„Нехай тато несумує,
„Най ми посаг неготує;
„Ой вже бо я посаг мала
„Під явором зелененьким
„Та й з турчином молоденьким
„Из турчином арабином
„Та й з нещирим татарином!

Мог быть варіант:

Русу косу росчесує
Та у Дунай пометує:
„Плинь же . . . руса косо . . . ,

болѣе тѣсно связывающій эту пѣсню со слѣд. болг. *свадебною*, примѣненною, как выше *α*), к невѣстѣ:

Ней море, море Тодоро! [1])
Видела ли си, видела,
Каквѝ сà Турци минали,
Те сà карали, карали [2])
До три ми роба робинки . . .
. . . Єдна-та била Влахинка,

---

[1]) Имя невѣсты.
[2]) Гнали.

Друга-та бише Гркинка,
Трета-та бише Тодора,
Русе си косе мокнаше,
По бел ги Дунав фрлеше,
На Дунав вели-говори:
„Носи ги коса, бел Дунав
„На майчини-ми дворови,
„На баштини-ми тремови!
„Белке [1]) си майка досети
„Че є Тодора пленета!
(Верковић, Нар. п. Македон. Буг. 227).

γ) В слѣдующей серб. (Кар. П. I 337—8, N 462) находим вмѣстѣ обѣ черты, порознь встрѣченныя в α) и β): обращеніе к косѣ и утѣшеніе. Кромѣ того эта пѣсня по размѣру (4+6) роднится с приводимою ниже мр., а по запѣву принадлежит к типу: идеальная широкая сцена дѣлится на три (рѣже четыре) поля, в 3-м (или 4-м) происходит то, что составляет главное содержаніе пѣсни:

Три су горе у пореду росле:
Једна гора од били-билура [2]);
А друга је од мави-пируза [3]),
А трећа је од цркли-мерџана [4]).
Која гора од били билура,
У ту гору снијег до колена;
Која ли је од мави-пируза,
Ту се тићи јалкунићи [5]) легу;
Која ли је од цркли-мерџана,
Тудар паса [6]) Мирко војевода
И проведе три шћери Карлове:

---

[1]) Тур. быть может.
[2]) Из бѣлаго (?) хрусталя (тур.).
[3]) Из голубой бирюзы (тур.).
[4]) Из красных (?) коралов.
[5]) ἀλκυών?
[6]) Проходит, ит. passare.

Једно ми је дугокоса млада [1]),
А друго је под прстен ђевојка,
А треће је дијете нејако.
Која-но је дугокоса млада,
Она русу косу куњијаше:
„Бог т' убио, моја косо руса,
„Што сам тебе гојила залуду
„За попруге кона Мирковога!"
Која ли је под прстен ђевојка,
Она златни прстен куњијаше:
„Бог т' убио, мој златни прстене,
„Што сам ти се веселила млада:—
„За поткове кона Мирковога!
Која ли је дијете нејако,
Она цмили јутром и вечером.
Ћешио их Мирко војевода:
„Небојте се, три шћери Карлове!
„Ти, која си дугокоса млада,
„Тебе ћ' узет за вјерну љубовцу;
„Која ли си под прстен ђевојка,
„Узећу те за Дуку синовца;
„Која ли си дијете нејако,
„Послаћу те на трагове мајци
„Да старицу обеселиш мајку!"

Мирко м. б. то же лице, что *Мирчета:*

Ој Дунаве, тија водо!
Што ти тако мутна течеш?
Ил те јелен рогом мути,
Ил Мирчета војевода?
—Ни т' ме јелен рогом мути,
Ни т' Мирчета војевода,
Већ ђевојке ђаволице,
Свако јутро долазећи,

---

[1]) Невѣста, засватанная.

Перунику [1]) тргајући
И белећи своје лице (К. П. I 492)

есть, вѣроятно, извѣстный в серб. и болг. эпосѣ „Mirčea“, воевода Волошскій (1386—1418; см. Hasdeu, La Valachie jusqu'en 1400, Bucar. 1878, 84—99).

Малорусскую пѣсню (Сб. пам. н. тв. в свз. кр. 123 = Ант. и Драг. Ист. п. I, 87, Гродн. г. Бѣльск. у.) привожу здѣсь возстановляя размѣр 4+6; что должно быть выпущено—в [ ]:

О сюй ночи стучало-гриміло.
Я думала, што брат з вуйска їде,
[А] то їхали татаре-буяре,
Везли з собой три Подоляночкі,
[ ] усі три сестренькі.
[Ой] старшу[ю] везли в червонум убранні,
А середню[ю] [везли] в зелёнум жупані,
А найменьшу [везли] голеньку-нагеньку.
[Ой найстаршуй] треба (о)чипок вишити,
А середнюй [треба] виночок увити,
А найменьшу [треба] на Дунай пустити:
Нехай пливе до ойця до маткі
До своєї [ ] родинонькі.

Далѣе отстоит болг. (4+6): паша ведет „три синджира робя“: „юнаци“, „невести“, „девойки“ (Верков. Н. п. Мак. Буг. 353); ср. того же размѣра, но сильно искаженная, записанная В. Ст. Караджич. (Kolo, IV, 51; Безс. Болг. п. II, 101) и разм. 6+6 (Верков. ib. 59—60) и др.

г) *Кровосмѣшеніе.* Казарянин побивает Татар, а с полонянкою хочет „грѣх творить“, но она оказывается ему сестрою (Кир. IV 96—7). Сходно с этим и в был. про Алешу П. (ib. II 82). Подобная встрѣча приписана Ильѣ (Кир. I, 92). К литературѣ мотива „брат освобождает из неволи сестру; кровосмѣшеніе предупреждено или состоялось“, кромѣ указаннаго у Ант. и Др. I, 275—286, можно прибавить:

---

[1]) Iris germanica.

Болг. Верков. Н. п. Мак. Буг. 306—9 (кровосмѣшеніе и смерть); ib. 282 (ласточка предупреждает кровосмѣшеніе); Милад. 106 (N 76), 124 (87), 164 (там же „тещa в плѣну у зятя“), 195 - 6, 198—9; Кар. Пjес. из Херц. 179 (брат покупает сестру, она узнает его по примѣтам), с чѣм ср. болг. разм. 4+4 „жена по примѣтам узнает мужа в янычар-агѣ“, Період. Спис. на Бълг. книж. друж. 1876, XI—XII, 147—50.

Остальное в былинѣ про М. Казарянина (возвращеніе в Кіев и пр.) — амплификація и цемент, так что вся былина есть сплетеніе первоначально неимѣющих между собою связи мотивов.

5. *Запѣвы: Сокол* (v. другая птица) *видит то-то.*

α) Поэты разных времен и народов, стремясь к конкретности образа, достигают этой цѣли или так, что самим изображеніем явственно указывают точку зрѣнія, с которой оно воспринято, или, что может быть первообразнѣе, ставят на эту точку себя или другое человѣческое или человѣкообразное существо. Чѣм шире кругозор, тѣм выше должен стоять тот, чьими глазами смотрит пѣвец. Так в Ил. XIII, 1—16, для возможнаго соблюденія поэтической правды в противопоставленіи племен, наслаждавшихся миром, как дивные питающіеся молоком кочедойцы (ἱππημολγοί) и справедливѣйшіе Абіи, а с другой — истреблявших друг друга Троян и Ахеев, пѣвец представляет, что Зевс, отворотившись от Трои, отдыхает, оборотив свои свѣтлыя очи на первых; тогда как с вершины другой горы Посейдон смотрит на Иду, Трою и стан, сострадает Ахеям и негодует на Зевса. С этим можно сопоставить обычный пріем юж.-русс. колядок, возникшій, по видимому, в горной мѣстности, по которому пѣвец представляется созерцающим *с горы* (и на оборот):

Ей *долов ми* (dat. eth.) долов далеко
Там же ми ріля та й нейорана
(Гол. II 9; Мр. п. по сп. XVI в. 16—7).

Сюда же вр., Кохановъ. Нѣск. русс. нѣс. Рус. Бес. 1860, I 108:

Высоко [я] сижу, далеко [я] вижу,
Ой [я] вижу, вижу бѣл шатер во полѣ,
А во том шатрѣ молода[я] вдова
[ ] с вѣтром [рѣчь] говорит:
„Ой [ты] вѣтер, вѣтер, [тонкой] (⌣) буйный вихорь!
„Обил ты рóсу с[о] темнаго лѣсу,
„Обей ты с мене небыли[я] слова!
„Обидны в полѣ горах да рѣпа;
„Насмѣшны в мірѣ вдова да дѣвка.
„Красную дѣв[уш]ку злат вѣнец очистúт,
„[А] мене удову—мать сыра[я] земля,
„Мать сыра[я] земля, гробова[я] доска!“

Для созерцанія вмѣстѣ и сего и того міра нужно взойти не на наши горы, а на идеальныя, освященныя и возвеличенныя преданіем, как в стихѣ нищаго:

Ходил человѣк по Сіонским горам,
Смотрѣл человѣк по всей землѣ
[ ] по всей Руси:
Чѣм это земля изукрашена?
Чѣм это земля изнаполнена?
Чѣм это земля изнасажена?
—Изукрашена [земля] церквами Божьими,
Изнаполнена [земля] душами праведными,
Изнасажена [земля] душами грѣшными:
Что про этих про грѣшных протекала рѣка,
Протекала рѣка, рѣка огненная;
Через огненну рѣку перевозчики стоят.
„Михаил Архангел да Гавріил-свѣт!
„Перевезите вы нас через огненну рѣку,
„Через огненну рѣку к своему Христу,
„К пресвятой мати-Богородицѣ!“
—Неперевезем то мы вас через огненну рѣку
К самому Христу, к [пресвятой] Богородицѣ:

В Божью церковь вы нехаживали,
Пѣнья-чтенья церковнаго неслушивали,
Звону колокольнаго невѣровали [1]),
Великаго поста неностовали,
Среды, пятницы [Христовы] непраздновали,
Земных-то поклонов несполнивали.

(Ефименко, Матер. по эти. Арх. губ. ч. 2, 38—9. Сродная по главному содержанію, но отличная по запѣву серб. слѣпецкая п.—у Кар. II. I, 134—5, см. выше XV, 4, в).

Сюда же начала вр. былин, в родѣ:

Ох и далече, далече во чистом полѣ,
А еще того подалѣ во раздольицѣ . . .

Кир. II. I, 6, 18—23, 30, 92; II, 2, 3, 9, 17, 80 и пр.

Из за гор, было, гор высоких
ib. III, 100 и пр.

β) По подобным побужденіям пѣвцы разных вѣков и народов и их герои высказывают желаніе подняться на крыльях птицы; унестись на них, куда порывает их душу, видѣть даль очами птицы [2]). Всяк вспомнит при этом „полечю зегзицею по Дунаеви“ Сл. о П. Иг. (см. примѣч. в моем изд. стр. 138, а также пѣсни мр. Метл. 255 и лит. Nesselm. N 281, разсмотрѣнныя по отношенію ко грамматич. выраженію перехода от желаннаго к дѣйствительности, от будущаго к настоящему и прошедшему, в моем соч. Из зап. по Р. Гр. II 187—8). Другой извѣстный примѣр—Кар. II. II, N 304, „Смрт мајке Југовића“:

---

[1]) *Вѣровать* здѣсь wahrnehmen. Ср. „никакого духу он невѣрует“ Др. Р. ст. 1878, 239, незамѣчает никакой вони.

[2]) Как выраженіе „порыва“, когда „мислоньки заносять“—в Сл. о п. Иг.: „А ты, буй Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло; высоко плаваеши [на дѣло въ буести] яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся“. Со времени ложно классич. оды *парѣть, парѣніе* стало обычно в литерат. русс. яз. со спеціальным значеніем полета фантазіи поэта, а со времени паденія этой формы — *высокопарный*, о слогѣ,— получило смысл порицанія: надутый и т. п.

Бога моли Југовића (мн.) мајка
Да јој Бог да очи соколове
И бијела крила лабудова,
Да одлети под Косово равно
И да види девет Југовића
И десетог стар-Југа Богдана.
Што молила, Бога домолила:
Бог јој дао очи соколове
И бијела крила лабудова,
Она лети над Косово равно,
Мртви нађе девет Југовића
И десетог стар—Југа Богдана,
И више ни девет бојни копла
На коплима девет соколова,
Око копла девет добри коња,
А поред ни девет лути лава . . .

Такое желаніе нераз приходило Гете и вложено им в уста Вертера („wie oft hab' ich mich mit fittigen eines kranichs, der über mir hinflog, zu dem ufer des ungemessenen meeres gesehnt . . .“) и Фауста (1 ч. 2, Vor dem thor):

. . . Sie (die Sonne) rückt und weicht, der tag ist überlebt:
Dort eilt sie hin und fördert neues leben!
O, das kein flügel mich vom boden hebt,
Ihr nach und immer nach zu streben!
Ich säh' im ew'gen abendstrahl
Die stille welt zu meinen füssen,
Entzündet alle höh'n, beruhigt jedes thal,
Den silberbach in goldne ströme fliessen.
Nicht hemmte dann den göttergleichen lauf
Der wilde berg mit allen seinen schluchten.
Schon [1]) thut das meer sich mit erwärmten buchten
Vor den erstaunten augen auf.

---

[1]) Переход желательнаго и условнаго в изъявительное наклоненіе.

Doch scheint die göttin endlich wegzusinken;
Allein der neue trieb erwacht,
Ich eile fort ihr ew'ges licht zu trinken,
Vor mir den tag und hinter mir die nacht,
Den himmel über mir und unter mir die wellen.
Ein schöner traum; indessen sie entweicht.
Ach! zu des geistes flügeln wird so leicht
Kein körperlicher flügel sich gesellen!
Doch ist es jedem eingeboren,
Dass sein gefühl hinauf und vorwärts dringt,
Wenn über uns, im blauen raum verloren,
Ihr schmetternd lied die lerche singt;
Wenn über schroffen fichtenhöhen
Der adler ausgebreitet schwebt,
Und über flächen, über seen
Der kranich nach der heimat strebt.

Wagner

Ich hatte selbst oft grillenhafte stunden,
Doch solchen trieb hab ich noch nie empfunden.

γ) Это, по убѣжденію Фауста, общечеловѣческое, хотя и незнакомое Вагнеру стремленіе предполагается и образами, возникающими не из непосредственнаго воспріятія, заимствуемыми из преданія, каковы любимыя славян. пѣснями запѣвы „с птичьяго полета“ и т. п. В этом родѣ и запѣв колядок, примыкающій к колядкам XVI и XIX, 1; „сокол с высокаго дерева видит на морѣ (v. Дунаѣ) корабль:

а) Ой в ліску, ліску на жовтім піску,
То ми вино, ой то ми вино,
Що в три рядочки саджено! [1])
Стоїт деревце тонке високе,
Тонке високе, в листу широке,
В листу широке, в верху кудряве,
А в тіх кудерціх сив сокіл сидит,

[1]) Припѣв относящій пѣсню к разряду величаній дѣвицѣ, о чем ниже.

Сив сокіл сидит, далеко видит,
Далеко видит на тихий Дунай.
На тім Дунаю корабель плавле,
А в тім кораблі золотий стільчик,
На тім стільчику кречная панна...

Она вышивает дары деверю, свекру и милому (Гол. IV, 68), что, без запѣва, составляет содержаніе особой кол. Гол. IV, 119—20. Сходный запѣв при другом содержаніи (брат везет дѣвицѣ 3 подарка)—ib. 547—8. Оторванный запѣв, примыкающій к кол. о чудесном деревѣ — Чуб. III, 298: сосна „сріблом обросла“, с нея сокол „далеко видить на сине море“, гдѣ „корабель пливе“. Другой (Чуб. III, 418—9) — с искаженіями: „сосна від срібла ясна, від злота красна“, А *в тій* сосні корабель пливе; 3-ій Чуб. III, 473 (см. выше XIX, 1, Л).

б) Гол. IV, 22, Станислав. окр.; без дерева; традиціонный образ драматизуясь, представляется непосредственным воспріятіем, что выражается в обращеніи:

„Ой сивий о́рле, високо літа'ш,
„Високо літа'ш, далеко вида'ш;
„Ци видів [ти], орле, корабель на морі?“
—Ой я там видав, я сам там бував:
А в тім кораблі усе столове,
По за столове сидят панове,
А межи ними найстарший панок.

Слуги просятся у него на войну; он сам идет, осаждает город, берет выкуп.

в) Кол. Гол. II, 156—8, Жолков. окр. Запѣв, сходный с б) в 1-м ст. „Ой вірле, вірле, сивий соколе“ представляет соединеніе начал с орла и сокола. На кораблѣ трое ворот, о чем—Объясн. мр. п. I, 75.

г) Кол. Гол. II, 89, Золоч. Гуси лебеди с дерева, изображеннаго, как в а) („в корінь глубоко“), „далеко видят: чистое поле, синее море“, в кораблѣ дѣвицу, которая говорит поповичу (т. е. завидному жениху):

„Ой возьми мене та з кораблика,
Бо є у мене сімдесять братів,

Сімдесять братів, а три рідненькі,
Ой держат мені та парть [1]) велику,
А як мня возьмеш, все тото дадут.

д) Якушкин, Соч. 605 (N 97). Сочетаніе мотива „птица видит море, корабль“ с мотивом „орел (сокол) бьет лебедь, она сказывает ему правду: на полѣ битвы ему больше поживы (Максим. Укр. н. п. М. 1834, 116; Лукашевич, Мр. и Червонор. думы и п. СПб. 1836, 68—9; Чуб. V, 949, 957; мое Сл. о П. 154, К ист. зв. II, Замѣтка о двух п. 10):

Летал соколик сокол высоко,
Бѣлая лебедушка еще выше ево.
Сокол в лебедушки выспрашивает:
„Гдѣ ж[е] ты лебедушка, гдѣ ж[е] ты была?“
—Я была лебедушка на синем морю.
„Что ж ты, лебедушка, себѣ видѣла?“
—Видѣла лебедушка на [синем] морю корабль,
В этом кораблику новый *чердачек*,
В этом чердачку вдовушка живет,
У этой у вдовушки дочь хорошая ростет...

Это только запѣв, а самой пѣсни нѣту.

е) Т. о. мы получаем возможность ассоціаціи: „сокол смотрит на море, гдѣ корабль, на нем „чердак“ (К ист. зв. II, 23, на чуд=на чердак, в думѣ про Олексія Поповича). Присоединив сюда „бѣлый камень“ коляд. XIX, 1, К, Н, О, получаем главныя стихіи запѣва *всѣх* извѣстных вар. мр. думы про *Олексія Поповича* (Ант. и Драг. Ист. п. I 176 сл., тоже в Кіев. Стар. 1884):

Ой як на чорному морі та на білому камені
Там сидить ясен соколонько,
Смутно (собі) має,
Жалібненько квилить проквиляє,
На чорнее море сяє далеко поглядає...
(l. c. 191—2).

Признав вм. с гг. Антоновичем и Драгомановым, что

---

[1]) parз, надѣлок.

эта дума относится по происхожденію к концу XVI в. (1583 ?) и прибавив предположеніе, что упомянутый запѣв с самого начала был связан с дальнѣйшим ея содержаніем, мы получим указаніе на наименьшую степень древности этого и близко сродных запѣвов, и на то, что мотивы, из коих они возникли (XIX, 1), гораздо древнѣе.

Упомянув здѣсь о запѣвѣ этой думы, выскажу *в видѣ отступленія* свое предположеніе и о нѣкоторых других ея чертах, из которых отмѣчу слѣдующія.

Сокол „квилить—проквиляє", п. ч. видит на морѣ бурю:

На чорному морі негаразд починає,
Ізо дна моря сильно хвиля вста(ва)є (l. c. 194)
Судна козацькі-молодецькі на три части розбиває:
Перву часть ухопило, у Біларанську (Орабську, Агарьську, Агараньську) землю занесло,
Другу часть схопило, у Дунай в гирло забило;
А третя часть тут (ся) має,
Посеред чорного моря, на бистрій хвилі, на лихій хуртовині потопає ... (ib. 177, 186, 188, 194).

В этом обычном дѣленіи идеальнаго поля зрѣнія на три части [1]), из коих на одной (здѣсь—ближайшей) сосредоточивается вниманіе, под Арабскою землею пѣвец, конеч-

---

[1]) Образцы пѣсень этого типа – в моей ст. „Мр. п. по сп. XVI в." 3, 31, 33—7. Ср. также Кохановская, Пѣск. русс. пѣс. 109 (3 садика, в одном соловей, в другом кукушка, в 3-м плачет вдова); Варенцов, Сб. пѣс. Самар. кр. 51—2 (В полѣ садик, в нем 3 древа:

На бѣлой березѣ соловейко свищет,
На сухой крушинѣ кукушка кукует,
На горькой осинѣ Горюшко горюет ...);

Kurelac, Jačke 63:

... На оној су води три мости делани,
Три мости делани, три гради зидани.
Ва првом су граду худе удовице,
Ва другом су граду гиздаве дйвојке,
В трећом ми је граду, ка се мени храни,

но, мог разумѣть только наиболѣе отдаленную неизвѣстную землю; но слово, которым он ее назвал, может служить одним из указаній на южно-славянскій источник, в котором под этой землею разумѣлись побережья Эгейскаго моря, пожалуй Сирія или Египет (М. Халанскій „Кого разумѣть под именем Черных Арапов в серб. нар. п.“ Р. Ф. В.).

В 3-й части, на потопающем суднѣ гетьман (отаман кошовий, Грицько Коломниченко, Грицько Зборовський) „на чардак виступае“ (182), „до козаків словами промовляе“:

„Сповідайтесь, панове милосердному Богу,
Чорному морю и менї отаману кошовому;
В чорнес море впадіте (т. е. тот, кто окажется
найбольшим грѣшником),
Війська козацького негубіте“ (186).

Тогда Ал. Попович говорит:

„До моєї шиї камінь привъяжіте, . . .
. . . У чорне море самого мене спустіте;
То нехай я буду своєю головою чорнес море дарувати,
Ніж я маю много війска безневинно на чорнім
морі погубляти . . . (178, 183).

Он исповѣдуется и в числѣ его грѣхов тот, что он „старшу сестру (лучше „матку стареньку“) стременем у груди однихав“ (179, ср. 192—3).

В большинствѣ вар. одной исповѣди его и сокрушенія о грѣхах достаточно для успокоенія бури. Но в одном вар. (184) козаки уже собираются бросить Алексѣя в море,

Та ще такого козака у море пускать пощадили,
На лівій руці мизиного пальця втинали,
Его кров у чорнес море метали.

Kâ се мени храни, другому накани . . . ;
Kukuljević, Razl. Dela, IV, 169 (. . . У Леванту граду три кастела златна . . .).

То скоро чорнее море кров християньську заживало...
. . . Суден козацьких нерозривало.

Всѣ вар. кончаются поученіем, иногда влагаемым в уста самого Алекс. Поповича, о важности отцовской-материнской молитвы, а нѣкоторые сверх того и обращеніем пѣвца к слушателям:

Дай Боже миру царському,
Народу християньському,
Усім на здравіе, на многі літа,

или:

Усім головам вислухáющим . . .
. . . Многа літа до конця віка.

Выкуп головою или только кровью разсматривается как дар, жертва морю. О метаньи жребіев нѣт рѣчи, чѣм вр. былина о Садкѣ и морском царѣ (ср. кн. Іоны, гл. 1—2) исключается из ближайшаго сравненія. Точно так и между Олешею, т. е. Александром [1]) Поповичем Ростовским вр. былин и Алексѣем Поповичем Пирятинским мр. думы можно усмотрѣть лишь весьма несущественное сходство, недающее основанія заключать, что мр. дума представляет „передѣлку былиннаго образа“ (ср. Н. Дашкевича, Былины об Алешѣ Поповичѣ и пр. К. 1883, 60—1), или, что „южный Алеша Попович доживает свой вѣк в образѣ Олексія Поповича малорусской думы“ (Веселовскій Ю.-р. был. III—XI, 279). На против в слѣд. болг. п. про Станковича Дуку (Миладин. 65 сл.) из стихій мр. думы находим: бурю на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣх против матери, камень ему на шею, заключеніе о непростительности грѣхов против матери и сестры и поздравленіе слушателям.

---

[1]) Александром—на основаніи хотя и поздних лѣтописных извѣстій (см. между прочим Вес. Ю.-р. б. III—XI, 275—6). Вр. *Олеша, Алёша* теперь есть уменьшительное при *Алексѣй;* но стар. *Олешь, Леша* (из Олеша) (1462 г. Акт. отн. до И. Ю. Р. I, 637—8) относится и к Александр; мр. Лесь, Леся; поль. Oleś, Olesia—только Александр, Александра.

Привожу эту замѣчательную пѣсню в переводѣ, с нѣкоторыми сокращеніями.

Разыгралось соленое море:
Сильный вѣтер с четырех сторон (всѣх),
Брань воздвиглась высоко до неба,
Ко дну моря видно и до пекла.
Разыгралось соленое море:
Вот потопит (всю) Святую Гору
С монастырем свѣтлым Хиландаром [1].
И говорит (тут) Сава игумен [2])
Ко (своим) тѣм трем стам монахам:
„Слышите ли, вы триста монахов?
„Я скажу вам (⌣) нужное слово:
„Вы скидайте и шелки и бархат,
„Надѣвайте монашское платье,
„На головы—шапки-камилавки [3]),
„А на шеи (да) епитрахили,
„А на плечи золотыя ризы,
„На руки-тѣ златы нарукавья;
„Вы возьмите евангелья-книги,
„Вы креститесь и Богу молитесь,
„И, быть может, Господь нам поможет!“
Вот молятся Богу всей душою,—
Еще пуще море разыгралось!
И говорит (тут) Сава Игумен
Ко (своим) тѣм тремстам монахам:
„Слышите ли, вы триста монахов?
„Пойдем-ка мы во темную келью:
„Болен лежит там Станковичь Дука,
„Хочу еще его исповѣдать:

---

[1]) Ке потопит липан Свѣта Гора,
Монастыра леши Хиландара.

[2]) Конечно, Св. Савва Неманичь, основатель Хиландарскаго монастыря.

[3]) Пропускаю:
Под мишки-те стакли позлакени.

„Или умрет, иль Богом простится“ [1]).
И'дут вперед (тѣ) триста монахов,
А за ними (сам) Сава игумен;
Вот он входит во темную келью
И говорит тут Сава Игумен
Ко тому Станковичу Дукѣ:
„Сыну мой, Станковичу Дуко!
„Скажи, сыну, свои погрѣшенья:
„Болен лежиш десятое лѣто,
„Излежал ты уж девять постелей,
„А к постелям и девять подушек;
„Сквозь кости-тѣ трава проростала [2]),
„Из травы-той люты змѣи лазят:
„Оком видиш, рукой неоткинешь!“ [3])
И говорит тут Станкович Дука
Ко тому Игумену Савѣ:
„ . . . [4]) Я скажу тебѣ свои грѣхи (всѣ):
„Ни в чем вѣдь я Богу небыл грѣшен,
„Только любил три кумы крестовых [5]),

---

[1]) Он предполагает, что Дука и есть тот грѣшник, ради коего Господь грозит гибелью Святой Горѣ.

[2]) *Из* коски-те . . .

[3]) . . . со ръце не факяш.

[4]) Мнѣ непонятно: „Ако можи за правда да биде“ и „Ели можиш за правда да бидиш“ (Милад. 66). Развѣ: „если можеш постоять за правду“? Это давало бы тот смысл, что Дука считает себя правым, но сомнѣвается, что его оправдает игумен.

[5]) „Залюбиф три млади свѣти Іо'ана“ и далѣе „А за три-те свѣти Іовани-те, А за три-те Бог не те прощават“ (66—7). Это очень смѣлая метонимія. Рѣчь—о любовной связи с ку́мами, оскорбляющей покровителя кумовства, св. Іоанна. Ср.

Када свеци благо подјелише.
Петар узе винце и шеницу . . .
Свети Іован—кумство и братимство (Кар. П. П, 2);
На свѣт[и] Іован що му є паднало?
Паднале му кърсти и икони,
Паднале му кумство, побратимство (Милад. 27).

„Только зжег я три тырла ягнячьих;
„ . . . Подпалил я три амбара жита . . . [1])
„ . . . Монастырей девять я ограбил . . .“
—За монастыри тебѣ простит Бог,
Монастыри и грѣхи другіе;
За кумовство Господь непрощает.
Прощен будешь, скажи только правду:
Еще в чем другом согрѣшил ты?
И говорит тут Станковичь Дука
Ко тому игумену старцу:
„Обуял меня сильный дьявол:
Поднялся я (рано) в воскресенье,
Взял с собою коней [2]), соколов я,
Соколов, и хортов, и гончих
И поѣхал по́ лѣсу на ловы.
На встрѣчу мнѣ мать моя старуха,
В руках несет бѣлыя просфоры.
(Праздновала святого Георгья,
Так несла в церковь приношенье) [3]).
Обуяла дьявольская сила,
И слѣзаю я с коня на землю,
И я отнял бѣлыя просфоры [4])
У своей матери старухи,
Раскрошил и хортам и гончим:
Хорты ѣдят, гончія нестали [5]).
А мать меня тогда проклинала:
Сыну мой, Станковичу Дуко!
„Будь ты болен да девять годочковв,
„Излежи ты да девять постелей,

---

[1]) Как Алексѣй Попович, который „близьких сусідів хліба-соли избавляв“ Ант. и Драг. I 183.

[2]) Sic. М. б. другого коня в поводу? О спутниках в пѣснѣ неговорится.

[3]) На'ора, srb. навора, ἀναφορά.

[4]) „Слѣзаю и отнял“=слегвам . . . отмаф.

[5]) П. ч. умнѣе борзых. Конечно, поступок Дуки был вызван упреками матери.

„На постелях да девять подушек!
Тут схватил я свою мать старуху,
Приподнял ее себя повыше
И ударил о черную землю.
Вот какое мое согрѣшенье!“
И говорит (тут) Сава Игумен
Ко (своим) тѣм тремстам монахам:
„Возьмите вы, (братья) легкій камень,
„Легкій камень . . . пусть он вѣсом будет . . .
„Вѣсом будет в триста (и три) ока;
„Навяжите вы Станку на шею,
„Навяжите, бросьте его в море:
„Непріймет ли Станка это море?“
Что тут дѣлать тѣм тремстам монахам?
Навязали ему легкій камень,
Легкій камень в триста (и три) ока,
Навязали и бросили в море;
А море-то Станка неприбрало,
А море-то да вспять побѣжало,
Побѣжало море, отступило
На сорок шагов и на четыре.
Когда йдут люди по закону,
Когда идут в церковь на Петров день,
До нынѣ им скамьей этот камень.
(Старина то) давно это было!
Кто согрѣшит к матери старухѣ,
Кто согрѣшит пред сестрою милой,
Кто согрѣшит перед милым родом,
Тому грѣхи во вѣк непростятся.
Кто слушает, будь вам всѣм веселье
И от Бога доброе здоровье!

Я непытаюсь исчерпать вопрос об этой пѣснѣ и думѣ. Дума стóит изученія со стороны своеобразности характера героя и других бытовых черт. Болг. п. тоже подлежит изслѣдованію. Она имѣет свое особое родство с сербскими пѣснями, из коих теперь могу указать только одну, про Леку Дукадинца. Имя героя этой пѣсни, *Лека Доукагинь*,

встрѣчаемое в серб. грамотѣ 1387 г. (Даничић, Рјечник из књижевних старина српских, s. v.) напоминает имя Алексѣя Поповича.

Разболе се Дека Дукаћинче,
Боловао девет годин дана,
Нит' умире, ни преболијева:
Проз кости му трава проницала,
А у траву с' луте змије легле;
Ма му мајка ријеч бесједила:
„О мој сине, Лека Дукаћинче!
„Да доведем частна свештеника,
„Да му синко све грехове кажеш;
„Не би ли се с Богом умирио,
„Не би ли се с душом раставио?“
Него мајци Лека одговара:
„Да ја тебе све грехове кажем,
„Па ти кажуј часном свештенику;
„Ја га бо-зна дочекат немогу.
„Пет сам, мајко, кумова убио
„И пет мило кума облубио,
„Пак убио до пет побратима.
„Јоште једном у чету одосмо,
„Ка' дођосмо пред бијелу цркву,
„Ту ми, мајко, разбијасмо цркву.
„Сва је моја редом бише дружба,
„Чврсто бише, разбит немогоше;
„Ја ударих неколико пута,
„Те на троје полећеше врата.
„Улегосмо у бијелу цркву,
„Ал' у цркви блага неимаше,
„Него један сандук од камена.
„Одоше га дружба разбијати,
„Сви га бише, разбит немогоше;
„Ја ударих неколико пута,
„Те саломих сандук од камена;
„Ал' ни у нем неимаше блага,
„До у нему двије светињице,

„Света Петка и света Нељела,
„Обје мени стадоше зборити:
„„Здрав дошао, Лека Дукаћинче,
„„Здрав дошао двору бијеломе,
„„Тек' дошао, муке те напале!
„„Боловао за девет година,
„„Нити умр'о, нити преболио;
„„Проз кости ти трава проницала,
„„У ној ти се луте змије легле,
„„У срцу ти зиму зимовале,
„„А у перчин лето летовале!"
То кад зачу мајка остарала,
Довати га за распалу руку,
Истури га пред бијелу кулу.

(Чубро Чојковић, Пѣванія черногорска, 1837, 64—5). Ср. также грѣх, болѣзнь и исповѣдь королевича Марка в болг. п. у Милад. 63 (серб. Марко Краљевић и кћи краља Арапскога, Кар. П. П, N 64).

Замѣчу еще, что между редакціей, в коей гибель от морской бури грозит Святой Горѣ и Хиландарской лаврѣ и той, гдѣ, как в мр. думѣ, потопает корабль, могут быть среднія ступени. В серб. п. о чудѣ Св. Николая (Кар. П. П, 100, см. выше стр. 154) на потопляемом бурею кораблѣ находится 300 монахов, везущих воск и онимам Святой Горѣ. Связь между кораблем и монастырем могла установиться через посредство восходящаго к первым вѣкам христіанства представленія церкви кораблем и Христа—кормчим. Это представленіе вр. хлысты и скопцы примѣняют к своим сборищам. У скопцов „кораблем спасителя называется отдѣльное сборище одной и той же секты, которое имѣет своего главнаго пророка или спасителя" (Зап. Геогр. Об. по Эти. I, 536); обряд „радѣнья" называется „кораблем ходить" (sic? вм. входить), ib. 535. В пѣснях хлыстов и скопцов часто говорится о (их) кораблѣ, заливаемом волнами мірского моря и т. п. (l. c. 531, 532; IV, 46, 49, 68—9, 72, 127, 142, 147).

б) К пѣснѣ, приведенной выше под XVII, 1 б, *а* „Ој јабука“ примыкают сходныя по запѣву серб. и хорв., представляющія образцы того пріема в сочетаніи традиціонных мотивов, который я пытался опредѣлить в своей статьѣ „Мр. п. по сп. XVI в. 42: широкая сцена съужается до точки (шапка, в лужиц. п., приводимой ниже, камень в перстнѣ) или до момента, которые вновь раздвигаются: точка—в обширную сцену, момент в ряд дѣйствій.

а) Кар. Пјес. I, N 621:

О јаворе, зелен боре,
Диван ти си род родно!
На дв'је гране—дв'је јабуке,
А на трећу соко сједи,
Соко сједи тер-но [1]) гледи,
Ђе војвода обједује,
Војводић му коња држи
У синџжиру [2]) позлаћену;
Синџжир пуче, коњ утече.
Отуд иде ђевојчица.
Војводић јој говорно:
„Држ', ђевојко, коња мога!
„Ти ћеш бити снаха моја“.
Вели њему ђевојчица:
„Оклен ћу ти снаха бити,
„Кад ја незнам брата твога?“
—Ласно ти га познавати:
Пред војском је арамбаша [3]),
На глави му самур-капа [4]),
А за капом до три пера:
Једно перо—годиница,
Друго перо—мјесец сјајан,

---

[1]) Тер, те=и; *но* м. б.=оно, вот.
[2]) Цѣпь.
[3]) Атаман, собств. атаман разбойников.
[4]) Соболья шапка.

Треће перо – жарко сунце;
Које перо годиница,
То је перо за шеницу;
Које перо сјајан мјесец,
То је перо за војнике;
Које перо жарко сунце,
То је перо за јунаке,
А јунаци за ђевојке".

Обращеніе в ст. 1—2 показывает, что исходом служит точка зрѣнія самого пѣвца; с 6-го ст. она смѣняется точкой зрѣнія сокола. В 20 ст. мысль останавливается на одной точкѣ, расширеніе которой достигается тѣм, что эти перья не сравниваются только, а в самом дѣлѣ суть: погода, мѣсяц, солнце. „Мјесец – за војнике", п. ч. и он, как они, ночной путник (Кар. Посл. 284); „місяць – козацьке сонце".

„Јаворе — боре . . . јабуке", ст. 1—3, может быть объяснено из сложенія однородных начал с явора, сосны, яблони. Послѣднее в слѣд. вар. (Kurelac, Jačke 311):

Ој јабука зеленика!
Ненарасла превелика,
Нег ми расла родовита:
На китици до јабука,
На врхунцу по четири,
На четртој сокол сѝди,
Сокол сиди, доли гледа,
Кди господа обедвују.
Узда пукне, кон се цукне.
„Држ-де ми га, девојчица!
„Хоћеш бити нева моја".
—Как ћу бити нева твоја,
Кад непознам брата твóга?"
—„Мóга [је] брата лагко познат:
Он у војски цара служи,
У њега је лепи клобук,
На клобуку троје перје:

Једно перо—жарко сунце,
Друго перо јасни месец,
Трето перо облачина.
Облачина 'е за годину,
Година је за пшеницу,
Пшеница је за погачу,
Погаче су за девојке,
Девојке су за јунаке,
Јунаки су за војнике,
Војници су за господу,
Господа су за правицу,
Више путиј за кривицу.

б) Кар. Пјес. I, 177, N 262:

О јабуко, тедена! зеленико, редена!
Што с' толики род родила?
На три гране три јабуке,
На четвртој соко седи,
Та он гледа ником полу,
Где јунаци коње кују,
Радоица и Грујица.
Радоичин кон с' измаче
Лепој Мари у босилак.
Луто куне лепа Мара:
„Оте! кону, пуст остао!
„Стрелица те устрелила
„Кроз седлашце у срдашце,
„Кроз уздицу у губицу,
„Кроз све ноге кроз четири!"
Ал говори Радоица:
„Некун', Маро, кона мога;
„Ја ћу тебе горе клети:
„Ти се, Маро, неудала!
„Ако ли се и удала,
„Мушка чеда неродила!
„Ако ли га и родила,
„За руку га неповела!
„Ако ли га и повела

„На војску га опремила,
„Са војске ти недошао!
„Дружина му кон довела,
(Кон довела, глас донела)
„И на коњу бојно седло,
„И о седлу бритку саблу,
„И о сабли рукавице
„Црном крвљу напунене,
„Сваком свилом навезене,
„А највише црном свилом,
„Нек су мајци црни данци,
„А сестрици годинице
„Верној љуби тавне ноћи!“

Вар.—Кар. Пјес. из Херц. 231: дѣвицѣ отвѣчает сам конь. Пѣсня—„у колу“. Имена—может быть присутствующих, участвующих в хороводѣ. Конь топчет – см. Объясн. мр. п. I 44. Стихи 17 слѣд. вар. б), как серіозный отвѣт на гнѣв дѣвицы, вызванный слишком смѣлыми любезностями, через чур грозны. Но это и недѣйствительное проклятіе, а только—угроза.

Упомянутый выше пріем (расширеніе точки в сцену) тѣсно вяжется с другим, который удачно опредѣляется названіем, данным издателями слѣдующей в.-лужиц. пѣснѣ: „*wojmidła*“, звенья цѣпи (Smalerj i Haupt, I, N 59; II, N 91). Образы цѣпляясь друг за друга, вереницей проходят перед зрителями, так что нельзя остановиться ни на одном. Единство достигается тѣм, что всѣ они (добытая на бою невѣста, пасенье пав, вѣнок унесенный вѣтром, игра в коей этот вѣнок служит ставкою) — колядочные, величальные дѣвицѣ. Привожу эту пѣсню в близком мр. переводѣ, без прибавок, подобных тѣм спеціально великорусским, которыми уснастил свой перевод Н. Берг (Пѣсни разн. нар. М. 1854, 77: „коńа wedźe“=коня . . . удало́ва, sedlo=сѣдельце боевое):

Усі пани з войни їдуть,
Го, гей, з войни їдуть
Наш пан собі коня веде,

На тім коні сідло лежить,
На тім сідлі панна сидить,
А на руці золот перстень,
В тому персні сине око,
Через око річка тече,
По бережку трава росте,
У тій траві пави ходять,
Пишна (rjana=гарна, вбрана) панна пави пасе

Пави пасе, шовки пряде,
Шовки пряде, віночок вье.
Як повіяв стиха вітер,
Заніс вінок до корчомки.
Там молодці в кости грають,
О той вінок, трое братів.
Наймолодший собі бере.

Слѣд. хорв. (Kurelac, Jačke 294) связывает мотив „перстень“ и пр. с тѣм, который в мр. п. „Розлилися води на чотирі броди“ (Мр. п. по сп. XVI в. 35—7; Ž. P. I, 44; Чуб. III 142):

Три рибари рибе ловѣ,
Уловили визу рибу,
У 'ној риби злат прстенак,
Он прстенак с трими окӣ:
В једном оку гуслар гусла,
В другом оку дудаш дуда,
В трећем оку бубаш бије.
Ва кôм оку гуслар гусла,
Онде ћаћко сина жени;
Ва кôм оку дудаш дуда,
Онде мати дћер удаје;
Ва кôм оку бубаш бије,
Онде цесар војско справља.

Три рыболова входят в колядочный мотив о вѣнкѣ занесенном вѣтром в Дунай; *выза*—см. выше XVI; перстень в пойманной и распоротой рыбѣ сродни Поликратову (ср. мое Сл. о П. Иг. 99), так что и здѣсь может быть

намек на судьбу. Участь человѣческая изображена как бы в 3-х медальонах: в двух — двѣ радости — свадьбы, в 3-м царь снаряжает войско, значит — разлука и горе. Если так, то это хорошій обращик свойства поэзіи: безконечное в конечном, или, говоря сдержаннѣе, образ в немногих чертах и обширное его примѣненіе.

По поводу поэтических форм, как „wójmidła“ припоминается фантасмагорія, которою духи усыпляют Фауста (Göthe, Faust, ч. I, 1094 сл. „Schwindet ihr dunklen wölbungen droben! . . .).

ε) Внѣ видимой связи с мотивом „сокол с дерева видит“ стоят запѣвы: мысль несется за полетом птицы, направленным туда, гдѣ происходит дѣйствіе“ (. . . Schwankende beugung schwebet vorüber, Sehnende neugung volget hinüber . . . Göthe, Faust, I, 1105). Сюда — Чуб. V, 797 (N 372); основной размѣр — 10, так что слѣдует читать:

Ой з-за горы вітер повівае,
Та вишневий садок росхиляє
З-відтіль зозуленька (А із відтіль сокіл ?)
вилітае,
На синее море поглядае;
Що синее море замерзае,
Замерзае лёдком тонесеньким,
Припадае сніжком білесеньким . . .

(смерть козака).

Сюда же—Zienkiew. P. l. Piński., 154 = Апт. и Др. Ист. п. I 56—7). Это, по всей вѣроятности, щедровка или другая подобная величальная. Привожу ее, ставя в [ ] вставки и прибавки искажающія размѣр и смысл:

В тёмнум лесе на йорисе
Зовзуленька гнездо звіла,
Звівши гнездо, заковала,
Заковавши поленула
В тее село Луніньскее,
В тее місто боярскее;
А в тим селе удивонька

(Удивонька) двор будуе,
[А] збудовавши да й малюе,
[А по] (з)малёвавши да й говорит:
„Кто у [гетим] двори паном буде?
„Кто моїм деткам батьком буде?
Єхав селом князь Міхайло:
„[Да каже] я у [гетом] двори паном буду
„Твоїм деткам батьком буду!

Послѣ 12 ст. я опустил вставку

[Кто у гетим двори панею буде,
Кто моїм деткам маткою буде].

Так, кромѣ нарушеній размѣра, пѣлось бы вдовцу. В этом случаѣ вм. безсмысленной прибавки послѣ 15 ст.

[А моя жинка панею буде
Твоїм деткам маткою буде]

слѣдовало бы:

Я в тим двори пані буду,
Твоїм деткам матка буду.

ζ) То чего невидала даже птица с высоты, то необычно, удивительно. Поэтому слѣдующіе запѣвы имѣют смысл сербских

„Мили Боже! чуда великога!“

Веснянка:

Летіли гуси зизаючи [1]),
За їми другі слухаючи.
Ой де літали, то літали,
Такого села невидали,
Як тое село (та) Полоски [2]):
[Ой] там молодиці, як білиці [3]),
А дівойки як зороньки,
А паруб(оч)ки, як паничі

9—12=1—4; 13=5 . . . Дубровиці [4])

---

[1]) Гигаючи.
[2]) Свое, величаемое.
[3]) В. м. *бѣлица*, раст. leukanthemum vulgare, Даль Словин. bělica—Edelweiss.
[4]) Чужое.

Там молодиці, як копиці,
(Ой) там дівойки, як совоньки,
(Ой) там молодці, як жеребці

(Чуб. III, 161—2. Ср. Коханов. Нѣск. р. п. 115: голубь слышал, как Новоселовку корят, а Михайловку хвалят).

Щедровка:

Сива раба зозуленька
Усі садки облітала,
Но в едному небувала;
А в тим садку стоїт хатка...

(Чуб. III 461, Д; ср. ib. Г; Голов. II, 81; IV, 34: „осади“ вм. сади; „церковь“ вм. терема в саду; Безс. Бр. п. 73; ib. 17—8 (А ты вуточка луговая...).

Веснянка:

Ой ніхто там небував,
Де се явір розвивав,
Ой яворе, яворонько, зеленепький!
(Тілько бувало) два місяці ясних,
Два місяці ясних, два молодці красних и пр.
(Рус. Днѣстр 43—4).

Сюда же относится в серб. п. Кар. П. из Херц. 217 (см. выше XV, 5, б):

Црне очи, Бог вас неубио!
Све вињосте, данас невињосте,
ђе Морава пронесе јавора...

XX.

Олень (лань), **тур.**

1. *Лань указывает охотнику невѣсту* (ср. XIX, 4, б). Савельев, Сб. Донских пѣс. СПб. 1866, 95. В [ ] ставлю обычныя в донск. и др. вр. п. амплификаціи растягивающія основной размѣр (здѣсь 5+5) и приспособляющія его к новому напѣву (ср. мое К ист. зв. III, 128—9); в ( ) мои вставки.

Между Кум-рѣки, между Тереку (в. вм. *ом*),
Между тѣх[-то], было, трех [Кумских] отножинок,
Там ходил-гулял [удал] доброй молодец
Млад донской казак, млад охотничек,
За плечми (1) [он] носил (он) пищаль—турку,
( ) все винтовочку,
Долгомѣрную, семиядную,
( ) восьмибляшную.
Вмѣсто цѣлика [врѣзан у винтовочки] бральянт-камень
[У винтовочки] насѣчка (была) позлачоная,
[У винтовочки] (а) подсошечек (⌣) кизиловый,
На винтовочкѣ как написано
( ), напечатано,
Что Иван [то] сударь, Краснощоков сын.
(Он ходил гулял) (2) (⌣) не стежкою
( ), не дорожкою,
Все тропинкою, (все) звѣриною.
На встрѣчу ему мать сѣра ланья
( ), сы ланятами.
Как разкидывает он подсошечек,
( ) кизиловый,
[Он] приклад[ыв]ается, бла[го]словляется:

„Ты позволь, [мать сѣра] ланья, по тебѣ стрѣлять,
„По тебѣ стрѣлять, по твоим дѣт[оч]кам!“
—Ты меня убьеш, не шубу сошьеш,
(⌣) Ланят побьеш,—не опушиш!
Ты пойди, пойди, млад донской казак,
Млад донской казак, млад охотничек,
В зеляны луга, в заповѣдные:
Там ходит турчин со турчанкою,
Он ублажает [молодую] (⌣) турчаночку,
(⌣) Забавляет в звончатны(я) гус(е)л(ьк)и;
Ты турчина у̃бьеш, [а] турчан[оч]ку [за муж] возьмеш.

(¹) Сав. „за плечами“. (²) Сав. Он шел-то.

б) Вар. записанный Ф. С. Аврамовым в Трехостровянской ст.

б) Ст. 1—4 = а 1—4 (... Тереку ... отноженов). б 5—6=а 15—6 ...не стёжками ... не дорожками.

(Все) звѣриными тропинками.
За плечьми-то носил свою винтовочку
воронцовочку.
На встрѣчу [то] ему добр[ом]у молодцу
Ланья бурая с оленьятками,
С оленьятками, с малы́ми дѣтками.
Он намѣрился в ланью бурую,
Ланья бурая рѣчь возговорила:
„Ты небей мене, доброй молодец,
( ) ланью бурую,
Несироти моих ильинятушек,
( ) мэлых дѣтушек!
Ты поди, поди, доброй молодец,
В зелены луга, в больш[я] займища,
Ты убей, убей сѣрых утушек
( ) сы утятами!

Конец испорчен: согласно с а), лань должна бы указать добычу лучше себя.

В вар. а) 5—14 ср. с описаніем лука и стрѣл в былинѣ про Дюка (Кир. III, 102—3). Ст. 15—7 а=5—7 б

послужили образцом для соотвѣтствующих ст. пѣсни о козакѣ посылающем коня послом:

„Бѣги ты, конь мой, все не стежкою . . . не дорожкою . . . Ты тропинкою все звѣриною“ (Сах. Ск. Р. н. III 240 (13). Ст. 20—4 ср. со словами дяди Ерошки в Козаках Л. Толстого: „Нынче весной так-то подошел табун важный, зачериѣлся“. „Отцу и сыну“ . . . Уж хотѣл стрѣлить. Как одна фыркнет на своих поросят: „бѣда-мол, дѣтки, человѣк сидит!“ и затрѣщали всѣ прочь по кустам“ . . .

2. *Олень обѣщает стать в пригодѣ,* прійти на свадьбу.

Вр. свадебная: а) вар. записанный мною в Пенз. губ. (О миѳ. знач. нѣкр. вѣров. 38); б) Кохановской Остатки бояр. п., Р. Бес. 1860, II, 79, Щигров. у. Кур.; в) Варенц. Сб. пѣс. Самар. кр. 154, Бузулук. у., село Зуевка, гдѣ жители—переселенцы из Ворон. г.; г) Шейн Рус. н. п. 448, Туль. г. Представлю сводный вар., опуская незначительныя разногласія.

Нерозливайся, мой тихій Дунай!
Непотопляй (незаливай, не топи ты) зелены́е луга!
Во тѣх ли лугах все шелко́ва трава,
По той по травушкѣ ходит олень,
Ходит олень золотые рога,
(Щиплет олень шелкову́ю траву).
По мо́сту, мосту́ калиновому
Тут ишол прошел Иван [1]) господин
(v. Мимо тут ѣхал Иван господин),
Встрѣчю ему—бѣлой олень;
Хлыснул оленя он плеточкою,
Что взговорит ему бѣлой олень,
Бѣлой олень золотые рога:
„Небей ты меня, Иван господин!

[1]) Жених.

„Нѣ в кое время я сам пригожусь:
„Станеш жениться, на свадьбу приду,
„Золотыми рогами весь двор освѣчу,
„Всѣх я твоих-тѣх гостей взвеселю,
„Пуще тово я невѣсту твою,
„Я невѣсту твою, Занаиду-душу,
„Чтобы она и неплакала,
„Чтоб нетеряла (v. неслезила) бѣлово лица,
„Ненадрывала свою бѣлу грудь.

Отрицаніе в „неразливайся“ ср. с замѣченным под XVII, 1., 353.

„Освѣчу—взвеселю“: ср. выше III, 48—53, 55, 84—5 и в частности в кол. о соколѣ XIX, 1, К.

Об отношеніи оленя к свадьбѣ см. выше XIX, 3, г). Пѣсень, в которых бы главным мотивом было, что олень (как в XIX сокол) переносит невѣсту через воду или служит сватом, я незнаю; но в слѣд. серб., типа „wójmidła“ (XIX, 5, д), имѣющей, как показывает послѣдній стих, отношеніе к замужеству, олень рогами перебрасывает дѣвицу через рѣку. По размѣру (4+3) это веснянка (ср. Объясн. мр. п. I, 131, 149, 221 et pass):

Пасла мома јеленке,
На воду их навраћа.
Јеленци јој пређоше,
Ал' неможе та мома.
Осврте се јеленак,
Узе мому на роге,
Пак је хита на бреге.
Гдје је мома паднула,
Ту је расла брекиња.
К ној доходе чобани,
Подсјекоше брекињу,
Од ње праве свирале,
У свирале говоре:
„Преди, момо, дарове!“

(Кар. Пјес. I, 167).

„Брекиња (рябина)=дѣвица (ср. Объясн. мр. п. I, 11—2,

213—6; к пѣснѣ на стр. 215 прибавить Житец. Оч. звуков. ист. мр. нар. 306—7; рябина = гусли = дѣвица (жена) в вр. вечерниочной, Ефименко, Матер. для этногр. Арханг. г. Вып. 2. 66, 117 (см. выше XV, 4, а).

В чеш. п. (Erben, Prostonar. čes. p. 1862, 470—1) темной и спутанной, вслѣдствіе накопленія разных мотивов, молодец пасет оленей, посылает одного к дѣвицѣ, олень приносит на рогу яблоко; из разкроеннаго яблока вылетает птица, это не птица, а дѣвица.

3. *Олень (тур)* N-у *користь*.

A. Гол. IV, 18 (N 23), Стрый.

Ой шумит, шумит гой дубровонька,
Ой дай Боже!
Зійшла ж ся ід ній вся громадонька.
„Чого ж ти шумиш, гей дубровонька?“
—Ой то-ж я знаю, чого я шумю:
Бо в мене є чудное звірють,
Чудное звірють, сиве оленють,
В того оленя сімдесять рогів.
Ой ходит за ним можний панонько . . .
. . . Оно ж му каже: „ти за мнов нейди,
„Нетруди собі рожну ласньку,
„Несмугай собі ясну зброеньку!
„Ой зайду ж бо я а в шуги-луги,
„А в шуги-луги на бистри води;
„Там ти мене їмеш, там ти мене вбьеш . . .
. . . „Ой на роженьки будеш вішати,
„Будеш вішати дорогі шати,
„На пароженьки ясни зброеньки,
„Сива шубонька пану на хвалу!“

„Звірють, оленють“ (ср. р.) формы мнѣ неизвѣстныя. Суф. *-ути* — ж. р. Можно бы ожидать: „чудное звіря сивий оленю“.

„*Рожну* ласньку“, если не искаженіе, то ἅπαξ λεγόμενον. Если **рог-* = *арг* (как в *расти—рости=ardh*), то

можно бы подумать о гомер. κύνες πόδας ἀργοί (Curt. Gr. Et. 157).

„В *шуги* луги“ есть искаженіе непонятаго „Ой шуги в луги, райськіи пташки“ (часто в кол.), гдѣ „шуги“ — междометіе, которым прогоняют птиц. „Зажени мя а в *туги* луги“, Гол. II, 604 есть опечатка или ошибочное чтеніе вм. „в шуги“.

Б. Коляд. Гол. II, 604 (41), Стрый.

Ой долов, долов, долов луженьки . . .
Гой дай Боже!
Ой упав сніжок тай на обліжок,
(здѣсь пропуск?)
Побродив *ею* (? порошею) чудний звіренько,
Послідив ею (ёго ?) господаренько,
Кликнув-покликнув на свої слуги:
„Гей слуги мої все вірненькії!
„Збирайте ж зброю, скликайте ж *лаю!*

Олень просит:

„Нерубай мене, нестріляй мене!
„Возьми ж ти мене в свої луженьки,
„В свої луженьки калиновії,
„Возьми ж роженьки до світличеньки,
„А пароженьки до комороньки . . .

Это величанье неженатому: „вінчуєм ми ти . . . Вінчиком ясним, дівчатем красним“. *Лая*, meute, как в А, кромѣ этих мѣст, невстрѣчено.

В. Кол. Гол. II, 603 (40), Стрый.

N „Жорстva стріляє, звір промовляє:
„Непсуй срільбоньки чом стройненькії,
„Нетоми хорти чом ловненькії!
„Ой зажени мя я в шуги луги
„Мене ти тамо чом іспіймаєш,
„Роги-пароги чом позваляєш,
„Будеш на роги вішати шати,
„А на пароги ясную зброю (в. вм. збрую).

Жорстva б. м. искаженіе, вм. *жорстко*. Ср. вр. „как *жестоко* лук натянеш, и струна порвется“.

Г. Кол. Гол. II, 62, Стрый.; ср. ib. 69. Опускаю вставочные мотивы (N пшеницю *віе* (s. вм. сіе) злотом леліе", ср. IX, 5, стр. 134, и добываньe города):

Гожий молодець личко вмиває . . .
. . . Коня сідлає, зброю збирає, . . .
. . . Тай до батенька він промовляє:
„Най ся батенько коня примає,
„Бо поїдемо в чистоє поле,
„В чистоє поле а в темний лісок
„За чорним туром, за грубим звіром!"
Як надибали чорного туря,
Чорного туря, грубого звіря,—
И сніпок стрілок недостріляє,
И сив коничок из ніг спадає,
Гордий молодець з страху вмліває,
А чорний турець так промовляє:
„Небійся мене! Забьеш ти мене!
„Поїдеш же ти в неділю рано,—
„Тогди ж ти мене та й постріляєш . . .
„ . . . А за славоньку панну дістанеш".

Послѣдній стих, хотя косвенно, связывает эту охоту с браком.

Д. Гол. II, 48, N 15. „Газдиня" посылает слуг поймать в шолковыя сѣти

„Дивноє звіре *тура-оленя*".

В этой чертѣ — сложеніе кол. об оленѣ и турѣ. Ср. „јаворе-боре" XIX, 5, *δ*, *α*. Простое сопоставленіе — в былинѣ у К. Д. (Кир. IV, 79): „Туры, олени (по)выстрѣлили".

Охота за *„чорним* туром, за грубим (крупным) звіром" и изображеніе ея опасности — черты бытовыя, напоминающія охоты Мономаха: „А се в Черниговѣ дѣял есмь . . . тура мя 2 метала на розѣхъ и с конемъ, олень мя один болъ, а два лоси, один ногами топталъ, другый рогома болъ . . ." (Лавр.², 242). Тур, упоминаемый здѣсь, в Сл. о П. Иг. (буй туръ и яръ туръ Всеволодъ; храбрая дружина рыкают, акъ тури, ранены (т. е. дружина,

а не тури) саблями каленымі на полѣ незнаемѣ) и в вр. былинах (Марина обернула Добрыню *гнѣдым* туром-золотые рога" и пр.) есть не зубр, как думает автор примѣчанія Кир. П. II, 46. Blaise de Vigener, аатор „Desription du royaume de Poloigne et pays adiacens", Paris 1573 (Кулиш, Исторія возсоед. Руси, II, 450) свидѣтельствует о том, как стара эта ошибка. *Urus*, туръ (Thur), котораго, говорит он, нѣкоторые ошибочно называют *buffle*, *bison* (suber = зубр) есть „настоящій дикій бык, только гораздо больше, весь *чорный*, но с болѣе свѣтлою полосою вдоль спины (tous noir, hormis une rage meslee de blanc, que leur va le long de l'eschine). Он встрѣчается только в Мазовіи, близкой к Литвѣ, и *еще* в нѣкоторых селах (villages), которыя обязаны охранять его в больших оградах, в родѣ парков". Так как зубр, теперь охраняемый подобным образом, в пѣснях вовсе неупоминается, то нужно думать, что мр. кол. Д и т. п. относится ко времени гораздо раньше конца XVI в., когда тур был еще обычною дичью.

В этих кол., сходно с XIX, 4, б, можно предположить взаимодѣйствіе мотивов: звѣрь отмаливается, указывая лучшую добычу, невѣсту и звѣрь сам есть добыча = невѣста (как в мотивѣ, разсматриваемом ниже „куна в деревѣ"). Слова оленя и тура напоминают слова невѣсты в кол. Гол. II, 611 и др. подобных (XXVII):

Коня нетоми, людей нетруди,
Бо я ж до тебе сама прилену...

Возможно, что обѣщаніе тура-оленя в свое время стать добычею молодца, независимо от примѣненія к сватовству и браку, находится в связи с преданіем, подобным вр. и нѣм., что нѣкогда олень в лѣтній праздник сам приходил на закланіе (мое соч. О миѳич. знач. 36—7; Веселов. Разыск. VI—X, 348—9).

В свад. п. *тур*, *турица*=невѣста, молодая (жених—бык, невѣста—корова, К ист. зв. III, 66). Согласно с древним обычаем („Подмѣн невѣсты", Сумцов, О свадеб. обр.

27, VIII), вм. молодой вводят паробка, одѣтаго в женское платье и с закрытым лицом:

Ведем тура в хату!
Чи тур, чи турица,
Чи хороша молодица?
(Stecki, Wołyń, I, 87).

Сюда же: перед выводом (молодой к ея родителям):

Повідали нам люде
Ой що то тур буде;
Ой не тур, не турица,
Ино красна молодица?
(Гол. IV, 264; ср. Чуб. IV, 472).

Сватовство—облава на тура. Когда берут молодую из дома родителей:

В луженьку калиновим—два дзвонки малесенькі,
А хоць они малесенькі, але голосненькі:
Видзвонили і виголосили сірого тура з луга;
У Івасенька короленька бояри молодиї,
А хоць они молодиї, але вимовниї:
Вимовили, виговорили Касуненьку від батенька.
(Wacł. z Ol. P. l. Galic. 16).

Подобно этому *лось, лосица* — невѣста: в свадебн. бр. (Этн. сб. III, 230; ср. Шейн, Бр. п. 197 и Мр. Гол. IV, 238):

Ой чаго, лосю, ой чаго сівы
(і) к лугу (v. к селу) прилігаеш? (1)
Ой чы ты, лосю, ой чы ты сівы
ліхую зіму чуеш?"
—Ой хоць ліхая, хоць неліхая,
нябудзе, як лецечка!
Я в летку пайду, травіцу скашу,
росіцу развєрушу (2).—
„Чаго, дзевачка, чаго маладзенька,
так сільненька плачеш?
„Чы ты, дзевачка, чы ты маладзенька,
ліхую свякров чуеш?"

—Ой хоць ліхая, хоць неліхая,
нябудзе, як матачка:
Я в маткі пайду, я вяночек савъю
з дзевачкамі у садок пайду!—

(1) S. у Ш.; в Этн. сб. прилагаеш; Гол.—прилітаеш.
(2) S. вм. невозможнаго „рацЂрушу“ (Этн. сб.).

Хадзілі стральцы-лавцы на бары,
Хочуць яні стараго лося забіці.
Ой зачула стара ласіца у лузе,
Ой кінула крутые рогі на лугі:
„Нехай мае крутые рогі прападуць,
„Як майго стараго лося тут забьюць!“
Ой заржалі коні вароные за дваром,
А запелі две свашкі за сталом,
Засвісталі два сакалы на моры,
Да зачула малода дзевачка в каморы,
Ой кінула залатые ключы об зямлю:
„Нехай мае залатые ключы прападуць
(А) як мене ад бацюшкі навязуць
(Этн. сб. III, 225).

Я думаю, что о невѢстѢ же говорит лотыш. пѢсня: „Лось говорит убѢгая: „Спадет моя великая сила, Сломят мои бѢлые рога, Теперь будут мои бѢлые рога (на то, чтоб) боярам пиво пить“ (Спрог. III N 2; ср. ib. N 3). Если, как кажется, из лосьих рогов недѢлали рогов для питья, то пѢсня первоначально говорила о турѢ или туриць: ср. турій рог в вр. был. и литов. *taurė*, рог для питья, лот. охотничій рог.

В серб. свадебных олень—жених, лань (кошута) невѢста (Кар. Пјес. I, N 14, 17, 103); жених и его братья—охотники, олень—невѢста (разм. 5 + 5):

Јелен попасе смиљ по загорју,
Више га тлачи, нег' што га пасе,
Лепи га Ранко на кону тера,
Братац га Веса на друму чека,
А братац Мила код бела двора,
А сестра Јела кроз пенџер гледа,

Кроз пенџжер гледа, тијо беседи:
„Терај га, [брате] Ранко, неоставлај га,
„Удри га, [брате] Весо, непропуштај га:
„Није то звере у гори расло,
„Веће је расло код миле мајке,
„Код миле мајке, код драге браће,
„Код свега рода, код родитела".
(Кар. ib. 21, N 35).

Моравская колядка (Suš. 754) представляет соединеніе такого мотива (лань—невѣста) с мотивом: „с нея кристь", видоизмѣненнаго подъ вліяніем колядок „золотая рясá, из нея кубок" (XXXIII):

U susĕda nova stajňa, koleda!
A v tej stajně koně vrane,
„A kto na ně sedať bude?"
—Kdoby jiny, jak synečĕk? . . .
„Kaj un na nich jezdiť bude?"
—V čirem poli chytať laňky.
Chytl un tam pĕknu laňku,
Laňku, laňku, jmenem Anku.
Měla ona zlate rožky,
Zlate rožky, stříbrne nožky.
Ty rožky ji ulomime,
A žbankův z nich nalať dame.
Kdo z tych žbankův pijať budĕ?
Kdožby jiny, jen synečĕk? . . .

К этому типу принадлежит румынская колядка (Веселов. Разыск. VI—X, 256—8): молодец разсказывает, что он „забавился" гоняясь за ланью, ея роги на кубки . . . шкура на попону, на ошейник для „огарей". Его уличают во лжи: не за ланью он ѣздил, а к невѣстѣ.

4. Особый вид предыдущаго мотива (от оленя кристь) представляет слѣдующая болг. п.

а) Периодическо Списание на Бълг. книж. Друж. год. I, кн. 2, 1870, 106—7.

Котельскій говор: *ѣ*=глухой зв. отличный от *ъ*; *о* неударяемое=*у*; ё неудар.=*ю*; *е* неудар.=*и*; конечное *я*=*е*; небные *д, т*=*гь, кь* (как в нѣкоторых Галиц. заднѣстровских говорах) и что болѣе замѣчательно, в том же направленіи подвинулось мягкое *н* (*нашту*=нѣ-што: „п-то трѣба тврдѣ мѣко да се изговаря“), а *н* твердое стало небным: *плень*, *Данюви*=Данови, на Даня=Дана.

Сношти минъх крей Данюви [1]):
Порти-ти му [2]) раззеени,
Вуйскâ (-тâ) му хъзър [3]) стуи,
Куне-ти му усидлани,
Хрътки-ти му чулясъни [4]).
Хорâ-тâ сâ чуду чугет:
„Чи шу мисли Дан войводâ,
„Да ли мисли бяг [5]) да бягâ
„(Бяг да бягâ) ф Влашкâ зиме,
„Или мисли плень да плени?“
—Чи немисли бяг да бягâ,
И немисли плень да плени,
Най [6]) шâ иди лоф да лови:
Дрибна ловâ—еребици
И по́дрибна—препирици.—
Ни намери дрибна ловâ,
Най [6]) намери сур-иленâ,
Сур-илена злътурогâ.
Пудгони гу с востър маждряк [7]),
Илен бяга, убрашта сâ
И на Даня утгуварс:

---

[1]) Мимо двора Дана.
[2]) Его ворота растворены.
[3]) Готово.
[4]) ? Хыждеу переводит „detachés“; но ср. болг. (тур.) *чул*, попона.
[5]) Набѣг?
[6]) Но.
[7]) Копье.

„Ни мâ гуни, Дан-войводâ!
„Неможиш мâ ни дустигнâ,
„Чи [8]) ази съм ут кушутâ,
„Ут кушутâ първаскинс:
„Аз съм сукал [9]) първо млеко".
Утгуваре Дан войвода:
„Ой та теби сур илено!
„Мой-ту й' [10]) кончи ут кубилкâ,
„Ут кубилкâ първескинкâ,
„И ази съм първи майци:
„Аз съм сукал първо млеко!"
Утгуваре сур-илена:
„Ни мâ струвай [11]), Дан войвода,
„Чи шâ блъвнâ ду три реки,
„Шâ пудписâ [12]) Румъние:
„Идна рекâ—мет [13]) и маслу,
„Втора рекâ—руйно вину,
„Трекя рекâ—бело житу;
„Руйно вину за бакали [14]),
„Бело житу за урачи,
„Мет и маслу за уфчери!"

б) Что приведенная п. есть величальная (колядка или весенняя) видно из сравненія с колядкою у Миладин. 116 (N 83), в коей опускаю 2-ю половину (с 28 стиха), п. ч. это—самостоятельная колядка (колядовщики просят у хозяина сына ребенка в цари)

Стане нине, господине!
Зора ми ся е (=й) озорило

---

[8]) Потому что.
[9]) Сосал.
[10]) =Моѥ-то ѥ конче.
[11]) В смыслѣ стар. „не дѣй" = нехай, незаймай, серб. хорв. немој, нека, нај.
[12]) Затоплю, покрою.
[13]) Мед.
[14]) Торговцам.

Из хубава Влашка земя,
Из гиздаво Дрѧнополе!
Не є зора, не видело [1]),
Най (=но) Рабрьо юнак де гони,
Де си гони сури єлен . . .
. . . Конь му веє (?)—слънце грее,
Конь му диха—звезди вдига.
Рабрьо юнак отговаря:
„Бягай, бягай сури елен [2]),
„Стигна ще те Рабрьо юнак
„От девойка пръвескиня,
„Пръво мляко забозина“ [3]).
Єлен му сѣ отговаря:
„Бързай, бързай, Рабрьо юнак

(вѣроятно пропуск=а) 23—6, от котораго остался только стих:

„От кошута първескиня“.
Той є̀ погна, той є загна,
Та отиде дур при море.
Три девойки платна бялят,
Та̀ хварлили с бухалчица [4])
Удари'я сури елен,
Та го фана Рабрьо юнак.

в) 'Колядка, Період. Спис. 4-е теченіе, Ип. XIII, 1885, 144:

1 Че що ми се та́тань чуе,
Ко́ледо-ле!
Задѝ та́л равна гора? . . .
21 . . . Сам си 'рабро с добра конья,
Та си гони сури елен,
Обърна се сури елен
Та па 'рабру проговари:

---

[1]) Это не зоря, не свѣт. Ср. Милад. 117, ст. 21.
[2]) Т. е. бѣгай-небѣгай, как ни бѣжи.
[3]) За бозан-о? *Бозам* кормлю грудью, сосу.
[4]) Вальком, пряником.

„Леле варай, 'рабро юнак!
„Тизе мене немош' стигна:
„Я сам бозал от майчица,
„От майчица първескьина!"
Провикна се 'рабар юнак:
„Леле варай, сури елен!
„И язе сам от майчица,
„От майчица първескьина;
„И мой конь с млеко бозал
„От майчица първескьина!"
Провикна се сури елен:
„Я върни се 'рабар юнак
„Я върни се, негони ме;
„Мен ме варди сам си Господь,
„На глава ми распетие!"
Ка' го видѐ 'рабар юнак,
Ка' го виде, повърна се.

В б) молодец без имени, ибо *рабрьо*, принятое за собственное, есть *(х)рабри-о*, но он сравнивается с зорею всходящею из прекрасной *Волошской* земли. В а) он назван Даном-воеводою; его сборы вызывают вопрос, незадумал ли он похода в Волошскую землю? Эти намеки, согласно с Хыждеу (B. P. Hasdeu, La Valachie jusqu'en 1400. I. Bacur. 1878, 84—99) могут быть объяснены т. о. Серб. п. „Маргита дјевојка и Рајко војвода" (Кар. II. III, N 10), по вѣрному замѣчанію Хыждеу, преставляющая аналогію с перечисленіем вождей во 2-й п. Иліады, упоминает о сыновьях и внуках Александра Бассараба, воеводах Волошских:

На Видину граду бијеломе
Онђе бјеше старац Владисаве;
А на равној земли Каравлашкој
Онђе бјеше каравлах Радуле;
На Букрешу граду бијеломе
Онђе бјеше бего Радул-бего
С својим братом Мирком војеводом.

О послѣднем говорится и особо:

А док бјеше војевода Мирко,
Ми турчина нигђе нечујасмо . . .

Эти лица суть: сыновья Александра Бассараба Владислав „Старый“ (1360 – 73) и Раду-Негру (1373—83) и сыновья Раду-л'а: Дан воевода, называемый здѣсь и в других п. Радулом, вѣроятно вслѣдствіе смѣшенія его с его отцом (1383—6) и Мирко, Мирче (1386—1418). Мирче спорил со старшим братом Даном из за наслѣдства и был дважды разбит им. Об этих усобицах и о враждебных отношеніях братьев к болг. царю Шишману сохранилась память в серб. и болг. п. (Кар. П. П, 445, N 75; Чубро Чојковић Пѣванія Церног. 60 сл.; Милад. 282 и 248) в коих Дан, как выше, называется Радулом или (Мил. 248) смѣшивается с Янкулом. Можно думать, что под собственным своим именем он является в кол. α) и что его имя стало нарицательным в запѣвах других болг. колядок (см. выше IV, стр. 75). Если это так, то величальный мотив об охотѣ за оленем, связавшійся с именем Дана, его старѣйшинством и Волошскою землею в кол. а), без упомянутых собственных имен мог существовать у Болгар ранѣе конца XIV в.

Ст. 35 сл. вар. а) ср. со слѣдующей Юрьевской п.:

Търгнал ми е свети Гёрги
С утре-м рано на Гергёвден,
Да обходи зелен синор [1]),
. . . Зелен синор баш пшеница.
На срѣща му сура ламя [2]),
Сура ламя сос три глави.
Свети Гёрги отговаря:
„Ой та тебе сура ламё,
„Назад, назад сура ламё!
[Че] ща извада злат буздован,
„Ща откжсна до три глави,
„Та ще текат до три рѣки,

---

[1]) Межа, граница.
[2]) Змѣй.

„До три рѣки черни кърви!
Не са върна сура лама.
Той извади злат буздован,
Та одсѣче до три глави.
Текнале са до три рѣки,
До три рѣки чърни кърви:
Първа рѣка по ораче
( ), баш пшеница;
Втора рѣка по овчере
( ) прѣсно млѣко;
Третя рѣка по копаче
(По копаче), руйно вино.
Стани сега господине!
Тебѣ пѣем, Бога славим.
От Бога ти много здраве,
От дружина с веселбица.
(Карав. Пам. н. б. болг. 212—3).

Ср. также Gylfaginning, 39 (Edda übers v. Simrock², 303): вымя козы на Валгаллю источает мед; там же олень с рогов котораго падают капли, стекающія в источник у одного из корней ясена Иггдрасилле, откуда вытекают многія рѣки.

Ст. 38 слѣд. вар. в). Распятіе между рогами оленя— как в легендѣ о св. Губертѣ (Wolf, Beitr. zur Deut. Myth. I, 145). В болг. н. эта черта наносная. Ср. румын. кол. (Разыск. VI—X, 64), гдѣ олень, в котораго собираются стрѣлять охотники Кречуна, оказывается Іоанном Крестителем, котораго в гнѣвѣ закляла мать.

5. *Запъвы: на рогу* (v. *на рогах*) *оленя то-то* (величаемая дѣвица, молодец или обое). Ср. выше, XIX, 5, 7:

а) Кол. дѣвицѣ, Гол. II, 612 (52), Стрый. окр.
„Шуми-нешуми чом дубровонько!“
Гой дай Боже!
—Ой як же мені гой нешуміти?
По мені ходить дивнос звіря,

Дивное звіря девятороге,
А на десятім святий тарільчик,
На тім тарельці золотий стільчик,
И тім стільчику паппонька сидить,
Ой сидить, сидить, косоньку чеше,
Косоньку чеше, по столу мече.
„Ой недоїжджай чом козаченьку!
„Ой непідхиляй чом кватиреньку!
„Ой ненапускай буйного вітру,
„Буйного вітру, ясного сонця,
„Бо од вітроньку косонька вяне,
„А од соненька личенько смагне!“
Ой за сим словом бувай здорова и пр.

В формальном отношеніи—замѣчаніе под XIX, 5, *а*). Личность пѣвца служит только исходною точкою: ему принадлежит лишь обращеніе и олицетвореніе в 1-м ст., за тѣм со 2-го ст. — точка зрѣнія дубровы и, с 10-го — дѣвицы, которая замѣчает, что к ея терему ѣздит (не раз) жених. Ея слова (ст. 10 сл.) косвенное изображеніе того, как *она сама* хранит неприкосновенною свою красоту. В вр. и серб. п. это дѣлают другіе: мать: братья:

Есть у нас у братов родна сестра . . .
. . . Сидит она во высоком теремѣ,
Сидит заперта двумя двѣрями,
Она замкнута тремя ключами;
Ей красно солнушко неогрѣет
И буйны вѣтры ее необвѣют,
Ясный сокол мимо терема непролетит,
На добром конѣ мимо молодец непроѣдет.
(Кир. II, 68).

У госпоѣе мајке лепу ћерку кажу:
Неда је видити сунцу ни месецу,
Ни мутном *облаку*, ни младом *јунаку* . . . *).
(Кар. Пјес. I, 356, N 492).

---

*) „*Облак*“ = „*јунак*“ (жених) в серб. и болг. п.: Кар.

б) Кол. Гол. II, 84. Дубвова в себѣ чует „тура—олень“ (XX, 3, Д.),

Шо на головці девять ріжечків,
А на десятім терем збудован,
А в тім теремі кречна панночка.
В'на собі ходит, усе шенкує . . .

(главное содержаніе см. „тролкій напой“ XXXV).

в) Кол. дѣвицѣ, Kolberg, Pokucie I 108:

„Ой сосно, сосно, ни шуми точно!“
Гой дай Боже!
—Ой як же ж мині ба й нишуміти,
Ба й нишуміти та й нигукгіти?
Ходит по мині всекая звірька,
Всекая звірька, сивий оленю!
На кім оленю сімдевять рогів
Й а той десятий самий дзолотий,
Й а в кім дзолотім світлечко горит,
Й а в кім світлечку панночка сидит,
Кгречна панночка гой N

(она шьет три ширинки и пр.).

Пјес. I, 2, N 3; 16, N 27; того же размѣра 5+5 слѣд. свадебная болг.:

Над Бояниин [1]) облак се вије;
Не ми е облак, што ми се вié,
Лю ми е лудо [2]) Бояна тера [3]),
Бояна тера, Бояна гледа.
(Верков. Н. п. Македон. Буг. 92).

[1]) Над двором Бояны (невѣсты).
[2]) Лудо-младо, молодец.
[3]) Соб. гонит (ищет, просит ?).

Ја какве су Фочанке дјевојке!
Мамиле би са неба облаке,
Камо л' неби са земле јунаке,
Кар. Пјес. III, 568.

О серб. Додолѣ, которая (как невѣста) схватывает перстень, падающій из облака—см. Ав. II. В. II 172—4. Ср. мио о Зевсѣ в видѣ облака и Іо.

г) Кол. Гол. IV, 130 = Рус. Днѣстр. 37, Калуш, Стрый. окр.

А з гори, з долу вітер повівав,
Ой дай Боже!
Дунай висихав, зільём заростав,
Зільём-трепітьём, вшеляким цвітом;
Дивное звірє спасає зіле,
Спасає зіле сивий оленець,
На тім оленци пядесять ріжків,
Пядесять ріжків, един тарелець,
На тім тарелци золотий стільчик,
На тім стільчику чемний молодець
На гусли грає, красно співає . . .

Вмѣсто развитія этого мотива (N играет), к нему приставлен другой: N отбивает полон и поселяет 3 села людей.

д) Кар. Пјес. I, 166, N 243:

„Што се сија крај горе зелене?
„Да л' је сунце, да л' је мјесечина?
—Ни т' је сунце, ни т' је мјесечина,
Већ два златна рога од јелена,
У њима су два града грађена,
У једном је кујунџија Јанко,
У другоме Јана хитропрела . . .

Они задают друг другу неисполнимыя *задачи* (см. этот мотив).

е) St. Mažuranić, Hrv. nar. pies. 161.

Лов ловио Сибињанин Јанко,
Лов ловио и Бога молио,
Да му Бог да, да ловак улови.
Туда пројде јелен звире младо,
На рогих му колонжија кује,
На пирошких везе везакина.

Продолженіе — „задачи“, как в д). Главное содержаніе пѣсень д), е) вставляется и в другую рамку: „кујунџија“ и „везилица“ задающіе друг другу неисполнимыя задачи — на вѣтвях явора, плывущаго по Моравѣ (Кар.

Пjес. из Херц. 217, N 191; см. выше XV, 5, б). Возможно, что сочетаніе такого запѣва с разсматриваемым произвело слѣд. болг. свадебныя п.:

ж) Верковић, Н. п. Мак. Буг. 220. „Когда сваты идут по невѣсту“:

Илеи плива по море,
Рогови му [сѧ] вити-ни
На рогови пиргови [1]),
На пиргове—проскефал [2]),
На проскефал дивојка;
Там нижеше бел бисер . . .

Юнак разсыпал ей бисер, поломал иглы, порвал нити, и когда она стала плакать, стал утѣшать: „вдвоем соберем и снижем“.

Относительно этого мотива и весняночнаго размѣра 4+3 см. Объясн. мр. пѣс. I, 160—9.

з) Милад., 466, тогда же:

Спливнал ѥлен по море да пливат,
На рого'и шарен одар носит,
На одар ѥ постеля послана,
На постеля терзіи седе'е,
Девойкѣ ѣ пърстени ко'с'е.

Так как во всѣх упомянутых пѣснях, за исключеніем г), такой запѣв имѣет отношеніе к любви и браку; то можно думать, что такое же отношеніе имѣла и самостоятельная пѣсня об оленѣ, от коей произведен этот запѣв, что и находим в XX, 1 и 2, отчасти в XX, 3. Представленіе жениха — ловцом, а его добычи — невѣстой, в нѣкоторых п. под XX, 3 дает повод здѣсь помѣстить слѣдующій мотив:

---

[1]) πύργος, башня.
[2]) προσκεφάλαιον, взголовье.

XXI.

„Куна в дереві, дівка в теремі“.

1. А. Кол. паробку. Вад. Пасек, Очерки Россіи, III, 85 (Харьк., Полт., Ворон. г.); Чуб. III, 283—4, A (Черн. губ.), B (Полт.), Г (Кіев. у.); ib. 272, Г (Уман. у.); ib. 271 (в соединеніи с мотивом „мать провожает сына на войну“, и „поединок с турецким царем“); ib. 439, A; Гол. IV, 41, Золоч. окр.; вар. И. И. Манжуры, Мурафа, Богод. у. Привожу болѣе-менѣе сводный вар.:

Ой рано, рано кури запіли [1]),
Ой дай Боже! Кури запіли,
А ще ранійше Івасю (N) устав,
Івасю устав, лучком забряжчав [2]),
Лучком забряжчав, братів пробуджав [3]):
„Вставайте, братця, коні сідлайте,
„Коні сідлайте, хорти скликайте,
„Та поїдемо [в чистес поле,
„В чистес поле], на полювання!
„Ой там я назнав куну в дереві,
„Куну в дереві, дівку в теремі.
„Ой вам же, братця, куна в дереві,
„А мені, братця, дівка в теремі!
[„А кому буде куна на шубу,
„А мені буде панна до шлюбу!“]

Б. Основа, 1861, XI, Свидницкій, Великдень у Поділян, 56—7; Чуб. III 284—5, Д (Черн. у.), Ж, З (Винниц. Ушиц.).

---

[1]) Болѣе архаично, чѣм в вар. Манж. „півень заспівав“.
[2]) v. задзвонив.
[3]) v. побудив; у Манж. „братців попужав“.

Здѣсь – общее мѣсто многих других колядок паробку:

N устав, три свічі всукав,
При одній свічі личенько вмивав,
При другій свічі шатоньки вбірав,
При третій свічі коника сідлав . . .

В. Кол. Чуб. III, 283, Б представляет смѣшеніе с поль. охотничьею пѣсней совсѣм другого размѣра, именно $^{2}(4+3)+5$ (ib. 284 Е.).

В вар. Манжуры (А) вм. „в чистес поле“ стоит „в чужу сторону“, согласно с тѣм, как сваты в обрядной рѣчи называют себя чужеземцами:

„ввійшли старости і подали хліб, і говорили *законний речи* про куницю:

„„Ми с люде Німецькії, а йдемо з землі Турецької. Ми собі ловці удалиї молодці. Раз дома у нашій землі випала пороша. Я й кажу товаришу: „Чого нам дивитись на таку шквирю? Ходім ськать усякого звірю!“ І пишли. Їздили, слідили, нічого неполучили. На зустріч нам як раз їде на вороному коню оцей князь“ (жених встает и кланяется). От після зустречи він кае-говорить нам такиї речи: „Ей ви ловці, добрі молодці! услужіте менї службу, покажіте дружбу! Ось як-раз попалась менї лисиця або куниця, а троха, чи не красна дівиця: їсти-пити нежалаю, достати її жалаю. Поможіте, піймайте; чого душа захоче, усёго від мене бажайте: *десять городов* і скиду хліба!“ От нам ловцям-молодцям того і треба. Пійшли ми по слідам, по всім городам. Перш слід пішов у Німеччину, а далі в Туреччину: ходимо, шукаємо, а її непіймаємо. Усі царства-государства пройшли, а її незнайшли. От і кажемо князеві: „Нетілко звіря в полі, що куниця; пошукаємо де инде, знайдетця и красная дівиця“. Так наш князь затявсь, при своїй думці зоставсь. „Скілько, каже, по́ світу не гуляв, а такої куниці, піби красної дівиці, невидав!“ От ми все по слідý йшли, та в се село—як зоветця, незнаємо—прийшли. Тут изнов пала пороша. Ми ловці молодці давай ходить, давай слідить! Сёгодні рано встали і зараз на слід напали. Пійшов наш

звір та до вас у двір, а з двора до хати; тепер бажаємо ёго піймати. Певно вже наша куниця—у вас у хаті красна дівиця!"

„Нашому слову кінець, а ви зробіте нашому ділу вінець! Віддайте нашому князю куницю, вашу красную дівицю! Чи віддасте, чи нехай підросте?"

(Квітка, Маруся; ср. Чуб. IV, 59, 62).

Тот же образ в свадебной п.:

Вчора з вечора та порошенька впала,
А о півночи та куночка походила.
К білому світу хортики на слід спали . . .
. . . „Виляй-невиляй, ти чорна куночко,
„Виляй невиляй, хортикам лапку давай,
„А Болохівцям шкуру оддавай!"

Во 2-й, параллельной половинѣ этой пѣсни невѣста — „старостам ручку и по рушничку, молодому хусточку" (Чуб. IV, 84—5, Старобѣль. у. Х. г.; ср. Метл. 123—4, Острогожск. у.; Гол. II, 630; IV, 248; вр. Терещ. Быт Р. н. II, 201, 203). *Болоховцы*—ловцы; ср. в грамотѣ Сигизмунда III, разрѣшающей основаніе Лысянам (мѣстеч. Звенигородскаго у. Кіев. г.): „każdy Bołochowiec z *pol* przyszedłszy, z rybą, rybę dziesiątą do zamku staroście naszemu ma dawać, a insi Bołochowcy, jakąkolwiek mając zdobycz, jako w inszych miasteczkach naszych zachowuje się, urzędowi zamkowemu pokłon (=дар) zwyczajny mają dawać" (Арх. Юз. Р. ч. V, т. I, 137. Дашкевич, Болоховская земля и пр. Тр. III Арх. съѣзда (1874) К. 1878, II 127; его же „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцах", Кіев. Унив. Изв. 1884). Подобно тому, как выше ловцы говорят, что они идут из земли Турецкой, в думѣ о соколяти, приводимой Н. И. Костомаровым (Ист. знач. Ю.-р. пѣс. тв. Бес. 1872, XI, 13) „стрільці-Булахівці" идут из Цареграда и в него, что может указывать лишь на то, что с этим именем связывалась мысль об отдаленных странствованіях за добычей:

Ішли стрільці Булахівці из Царегорода,
Щерлатнее гніздо усмотріли,

И бездольне, безрідне ясне соколя собі забрали,
Та в Цареград єго заношали . . .

Трудно сказать на какой ступени перехода от собственнаго к нарицательному находится имя „Болохівці“ в приведенных пѣснях. Извѣстно, что такой переход—дѣло обычное: „Француз“ учитель бывает и не Французом, а Русским; „мадам“ модистка — большею частью уже не Француженка; жители села Ра́шевки, Гадяц. у., ходебщики, скупают и вымѣнивают щетину, шкурки (откуда их прозвище „котолупы“) и т. п., и если бы появились такіе промышленники из других мѣст, то их вѣроятно называли бы по старой памяти Рашевцами.

Возвращаюсь к кол. „куна“ и пр. *Куна* и ея слѣды *по порошъ* = невѣстка, Метл. 232 = Чуб. IV, 436; ср. также Гол. II, 116; соболь и куница = жених и невѣста, Чуб. IV, 182; ср. Гуляев. Оч. юж. Сиб. 37; отсюда эпитет козака:

Невийду, козаче, невийду, собо́лю,
Небуду стояти сей вечір с тобою . . . ;

„говорила куна́ из куно́ю“ = „сестра из сестрою“, Метл. 220, Золотоноша.

Что образ „куна“ свой и южным Славянам, видно из слѣдующаго. Паша спрашивает:

„Је л’ истина, што ми луђи кажу . . .
. . . Је л’ истина, чобане Михате,
Е ти имаш у Призрен дворове . . .
. . . Е ти имаш девет пауновах,
А за њима девет павуницах,
И пред њима мудра видра шета,
А за њима златоутва шкрипа,
Међу њима окићена *куна* . . .
— Све ј’ истина, драги господаре!
Што си чуо, ништа лажа није:
Павуни су браћа моја мила,
Павунице, то су ми снашице,
Мудра видра, то је наша мајка,
Златоутва, то је наша сека,

(Међу нима окићена *куна*
То је моја вјереница *луба)*...

(Кар. П. III 429. Послѣдніе 2 стиха с „твоја“ вм. „моја“ пѣсня влагает в уста паши). Сходное по стилю изображеніе многолюдной семьи — в вр. свад. п., с разницей зависящей от другой точки зрѣнія. Именно в вр. п. („на дѣвичникѣ“) — точка зрѣнія невѣсты, которой дом суженаго представляется ненавистным. Ей снится сон, мать толкует:

Избища старая, то чужая сторонушка,
Углы прочь отвалилися—незнакомые людишки,
Гусыня сыпучая, то свекровь лихучая,
Котище усат*ое* (s. вм. -ый), то свекрище стар*ое* (s. вм. -ый),
Ясные соколы—дѣверье пересмѣшливые,
Косатки косатые, то золовки щекатые,
Лебедушки бѣлыя, то невѣстки бѣдныя.

(Шейн, Р. н. п. 552—3; ср. Сахар. Ск. Р. н. III 174, гдѣ вм. „котелище“ читай „котище“).

С другой стороны в лотышских пѣснях *куница*=дѣвица, суженая, есть обычный образ: см. Сб. антропол. и этн. статей изд. Дашковым, II, 85 (N 384); Спрогис 113—5 (NN 1—11). Между прочим, добываніе куницы сопоставляется с другою трудною задачею, исполняемою женихом: „Я перерубил золотую колоду серебряным мечем; Я добыл ту куночку, что лежит (спит) в золотом гнѣздѣ“ (Спрогис, ib. N 3).

Жених — ловец, т. е. охотник и рыболов. 1) в вр. величальной свадебной, одного типа с колядками:

Под калинкою, под малинкою [1])

---

[1]) Ср. болг. Стари Яно вино піет, Край калина, край малина... Милад. 490; в свадебной: „Под калинки, под малинки, Под цървени трандафили... ib. 501. Из подобных пѣсень, а не наоборот, „калина — малина“ и „rumenŭ calinŭ“ румынских колядок (Вес. Раз. VI—X, 23, 269).

Ай али, али, али,
Али ля, али, али! [1])
Спить покоится добрый молодец,
Добрый молодец N, N,
У ногах стоять слуги вѣрные . . .
. . . Будють-побужають [2]) добра[го] молодца:
„Ты устань, устань, добрый молодец . . . !
„Ты охочь ходить во чисто поле,
„Во чисто поле, на сине[е] море
„За куницами, за лисицами,
„Все за красными за дѣвицами.
(Туль. Шейн, Р. н. п. 424).

Бояре и жених — ловцы (рыболовы), невѣста — рыба (Сах. Сказ. Р. н. III, 109; Шейн, Р. н. п. 473). Сюда же серб. п. Кар. I, 434.

При этимологических изслѣдованіях мы большею частью принуждены ограничиваться указаніем на то, что такой то признак служит представленіем такого-то значенія: в словѣ *хыт-ръ* умный, хитрый представлен быстрым. Но представленіе входило в состав конкретнаго, многосложнаго образа (Объясн. мр. п. I, 41—2), опредѣлить который в словах старых можно только приблизительно, указаніем на круг образов, данных в поэтических произведеніях, на круг, из котораго могло быть взято извѣстное представленіе. Таким образом можно думать, что из образов охоты, ловли, в приведенных выше и других подобных пѣснях, взяты представленія ума и т. п. мѣткостью (стрѣлы), быстротою (в преслѣдованіи звѣря), *ловкостью* в собств. значеніи слова (Новг. Арх. *ловкой* искусный в ловлѣ) в ряду слов, из которых приведу нѣкоторыя.

Общесл. *хыт-ръ*, собств. „ловкій“, т. е. (скоро) схватывающій, ловящій. Отсюда: а) серб. хитар, хорут. chiter,

[1]) Ср. лелю, Объясн. мр. п. I, 16—21, 29—30.
[2]) Древнѣе былобы: „будять-побудять“.

вл. khietry, velox : серб. хитар лов, на пр. кошута брза; итри ловац (Кар. I, 434) и, как ловец, *хитрый* жених:

Један да је хитар ђувеглија,
А двојица да су два ђевера, ib. II, 227;
А водимо мила сина мога,
Сина мога хитра ђувеглију ib. 545.

Предполагаю, что эпитет возник гораздо раньше заимствованія опредѣляемаго. Может быть тоже значеніе „быстр“ в вр. загадкѣ: „мать толста (=печь), дочь красна (=огонь), сын хитер (=дым), под небеса ушол“. Поль. куяв. *chytry*, „ciekawy“ [1]), skory do roboty.

б) Ц.-сл., болг., стар. русс., хорут. = мудр, искусен (вр. „хитрецы-мудрецы“); пл. *chytky*, достопочтенный, честный, нравственный.

в) Вр., мр., поль., чеш.=лукавый, astutus.

К этому же семейству слов и кругу образов я отношу мр. *хист* (хыс-ть) умѣнье достигнуть чего, способность, и вр. *шустрый* парень ловкій в разных смыслах. Из других представленій ума быстротою (О нѣкр. симв. в слав. нар. поэзіи, 62, слѣд., гдѣ допущены нѣкоторыя ошибки) упомяну общеслав. *постигнуть* умом, чеш. *vystihnouti*, собств. догнать, затѣм понять, а также: „ty jsi chytřejši než ja ... ja žádnemu nevystihnu (немогу помочь, поль. zapobiedz), Kulda, Pov. a poh. 578.

Слова общеарійскаго корня *сак*, ити слѣдом (sequor, ἕπομαι и пр., Pott, Et. Forsch. Wurz. Wb. III, 304 сл.) в слав. языках и отчасти в литовско-лотышском примѣняются к охотѣ, сватанью и юридическому слѣдствію:

а) Лит. *pëd-sek-is*, *pëd-sak-is* (идущій по слѣдам), собака ищейка, *pëdsakas* выслѣживанье и слѣд звѣря и человѣка. Русс. (и поль. -ć) *сочить* слѣдить, тропить звѣря; *у-*,

[1]) *Ciek-awy* (теку в зн. бѣгу) собств. почти тоже, что ловкій, biegły, вр. достремливый, за тѣм любопытный. Малорусс. мѣщанка приписавши этому послѣднему слову, книжному, любопытный, значеніе перваго (цікавий) выразилась о дѣвицѣ: „вона така собі любопитненька“ (т. е. ловкая, бойкая).

догнать (Перм.), попасть на цѣль (Тв.); *о-*, выслѣдить со всѣх сторон, о звѣрѣ и пр.; ср. „иніи простая чадь рѣзаху люди живыя и ядяху, а иніи мьртвая мяса и трупіе обрѣзающе ядяху, а друзіи конину, псину, кошкы; нъ тѣхъ, осочивъше тако творяще, овъихъ огньмь изжгоша, а другыхъ осѣкоша, иныхъ извѣшаша“, 1230 г., Новг. I, 47; *осокъ* = поль. *ostęp*: „поперекъ мху мокрика по гранемъ къ медвѣжью осоку къ старому, да поперекъ осока по гранемъ и по ямамъ . . .“ 1504, С. Гос. Гр. I, N 137. С *про*, вперед, впереди — *просокъ* (или просока?) передовой развѣдочный отряд: „князь же Юрьи посла Дорожа въ просокы въ 3-хъ 1000-хъ, Новг. I, 51.

Уже из знач. а) легко может образоваться общее значеніе *suchen*, искать: „княгіня малодая . . . златы ключи пацярала, таперь пашла ключов сачиць“, Эти. Сб. II, 175.

б) Так как, по вышесказанному, сваты — ловцы, слѣдящіе (куницу и т. п.) невѣсту по порошѣ или по черностопу, то серб. *сочити* находить и сватать невѣсту, *сочење* сватанье сватами невѣсты.

в) При малолюдствѣ с одной стороны и при общеизвѣстности охотничьяго искусства читать вещественные слѣды с другой, вор разыскивался главным образом „по горячим слѣдам“ [1]). Самое это выраженіе и его дружка „*и слъд простыл*“—охотничьи. Слѣдующая статья Русс. Пр. хотя примѣнена к случаю „аже (тать) бчелы выдереть“, очевидно, да и по мнѣнію толкователей, может быть отнесена и к другим случаям, как „аже крадеть скотъ в хлѣвѣ или клѣть“, „аже крадеть скотъ на поли . . . гумно или жито въ ямѣ“ (Син. сп., Р. Дост. I, 37): „небоудеть ли татя, то *по слъду женоуть*. Аже небоудеть слѣда или или къ селоу, или к товароу“; (или если и будет слѣд) „а *не отсочать* от себе слѣда ни ѥдоуть на слѣдъ, или отобьются, тъ тѣмъ платити татбоу и продажю. А *слъдъ*

---

[1]) Это первоначально может относиться не к слѣду стопы, а к мѣсту вылежанному, нагрѣтому звѣрем.

гнати [1]) съ чюжими людми а с послоухы. Аже погоубять слѣдъ на гостинци на велицѣ, а села небоудеть, или на поусте, кдѣ же небоудеть ни села, ни людий, то неплатити“ (тѣм которые отсачивают от себя слѣд) „ни продаже ни татьбы“ (Син. сп. Рус. Дост. I, 50—1). Из этого мѣста слѣдует, что так как *отсочити* отвести слѣд, то *сочити* искать слѣда уже не в охотничьем, а в юридическом смыслѣ как и лот. zagli sekt, слѣдить вора. Это косвенно приписывает Русской Правдѣ юридическій термин *сокъ*. Серб. *сок*, термин восходящій к XII в. (Mikl. Lex. s. v.), кто берется сыскать (соб. выслѣдить) и в случаѣ нужды уличить вора, частный сыщик, свидѣтель (Кар. Рјечн. s. v.). Принадлежность этого термина ю.-запад. Руси видна из слѣд.: „А коли татя приведуть, а на кого *сокъ усочить*, а домучатся (=пыткою допытаются) татбы, а будеть (тать) перво того крадываль и кому плачиваль“ („плата“ вознагражденіе за убыток, мое сочин. К ист. зв. III, 50—3) „а околица то будеть вѣдала; (то) и безъ лица (без улики) — обѣсити. А пакъ ли сокъ усочить на кого, а лица небудеть, а перво будеть украль, и околица будеть перво злодѣйства на него невѣдала а будеть никому неплачиваль; ино ему платити татбу истыцю и вину, а смертьною раною его неказнити“ Судебник Казимира Ягелловича, 1468, А. З. Р. N 67. Как легко такое значеніе могло перейти к значенію ложнаго доносчика, клеветника (ср. нѣчто подобное в сл. ябедник, фискал), видно из мѣст, как слѣд.: „jeśliby kto kogo obmówił, że Rzpltą zdradzić miał, a takowy powiadacz i *sok* jeśliby jawnym świadectwem nie dowiódł, gardłem ma być karan“, Stat. Lit. (Linde s. v.). В чеш. *sok* в стар. юрид. пам. еще проглядывает значеніе, сходное с вышеупомянутым серб. и русс., за тѣм оно заслоняется значеніями вытекающими из воззрѣнія обвиняемаго: *sok* обвинитель, доносчик, клеветник, врагъ, супротивник, соперник на поединкѣ и в любви.

---

[1]) Слѣдъ гнати = лот. *pēdas dzīt*.

Вр. *в-сочь*, в лицо, напротив, могло возникнуть из значенія обвиненія *в глаза*. Во всякомъ случаѣ это не изъ *в су-очь*, какъ думаетъ Даль.

Заключеніе мр. кол. XXI, 1, A, именно дѣлежъ съ братьями: „вам—куна . . . мені—дівка“ связываетъ ее со слѣдующею серб., которая, небудучи обрядною, представляетъ сочетаніе колядочныхъ мотивовъ: чудесное дерево, съ него сокол видит . . . охота за серною и оленемъ:

Лепо ти је родно јаблане [1]):
Све бисером и драгим каменем!
Али га је соко окрунио [2]),
Долећући јутром и вечером,
Долећући, у гору гледећи,
Где два брата итар ловак лове:
Старији је братац уловио,
Уловио срну и кошуту
И јеленче злаћени рогова;
А млађи је братац уловио,
Уловио Сосу златокосу.
Старији је млађем' говорио:
„Ајде, брате, да ловак делимо!“
А млађи је стар'јем беседио:
„На част теби срна и кошута
„И јеленче злаћени рогова,
„А мени-ка--Соса златокоса!“

(Кар. П. I 319).

B. Кол. Чуб. III, 439, Луцк. у.

Ой рано, рано кури запіли,
Хто найраній встав? молодий N,
(Лучком подзвонив), братців побудив:
„Вставайте брати, підем на войну,
„Та звоюємо жовту пташечку,
„(Та) не пташечку да Климця дочку!“

---

[1]) *Јаблан*, populus pyramidalis, черта не древняя.
[2]) Обломал плоды, отрусил.

Ср. болг. свад. Милад. 494 и 499, сводный вар.:

Вяхнал юнак бърза коня
Та отишол честа гора,
Честа гора Богданова [1]).
Лов да лови диви пилци,
Диви пилци, ѣребици.
Три дни ходил, три дни ловил,
Не изловил диви пилци,
Тук изловил малка мома
Променена [2]) наредена,
Като китка накитена [3]),
Като перо насузено (наросено) [4]),
Та га фати за ржка-та . . .
. . . Та га метна на коня-та,
Та га носи у свой доми.

Считаю вѣроятным, что разсматриваемый мотив А, Б (сватанье — охота, звѣрь — сватам (v. братьям), дѣвица — жениху) вошел в состав былины про Ивана Годиновича, как момент второстепенный по отношенію ко главному „в поединкѣ жена принимает сторону врага", принадлежащему к числу странствующих, как извѣстно, великолѣпно разработанному в серб. н., приуроченной к Косовским, „Бановић Страхиња" (Кар. П. П, N 44). В вар. Кирши Владимір говорит:

„Гой еси, Иван Годинович!
„Возьми ты у меня князя сто человѣк,
„Русских могучих богатырей,
„У княгини ты бери другое сто,
„У себя, Иван, третье сто;
„Поѣзжай ты о добром дѣлѣ о сватаньѣ;

---

[1]) Вѣроятно, имя отца невѣсты.

[2]) Одѣтую.

[3]), [4]) Как разукрашенный пучек цвѣтов, как листок или пучок цвѣтов) украшенный росою (— слезами).

„Честью недаст, ты и силою бери!“
... Поѣхали к городу Чернигову;
А и только переѣхали быстраго Днѣпра,
Выпала пороха снѣгу бѣлаго.
По той по порохѣ по бѣлу снѣгу
И лежат три слѣда звѣриные:
Первый слѣд гнѣдаго тура,
А другой слѣд лютаго звѣря,
А третій слѣд дикаго звѣря.
Стал он Иван разъясачивати [1]):
Послал он за гнѣдым туром сто человѣк,
И велѣл поимать его бережно,
Без той раны кровавыя ...
(за лютым звѣрем другое сто, за вепрем третье) ...
... А сам он, Иван, поѣхал единый во Чернигов град,

откуда он насильно увозит Настасью Дмитревну (Кир. III, 22—3). Былина дает этому такой оборот, что для такого дѣла Ив. Годинович непуждается в дружинѣ. В вар. у Гильфердинга (Он. был. 890) Ив. Годинович вмѣстѣ с тремя товарищами, Добрынею, Алешею и Исаком Петровичем, увозят Настасью—

Недоѣдучи до города Кіева
Попало на лѣсу три слѣдочика:
И первый слѣд лева звѣря,
А другой слѣд лани бѣлыя,
А третій слѣд *черной куночки.*
Тут Добрынюшка поѣхал за левым-звѣрём,
А Олешенька за ланью за бѣлою,
А Исак Петрович за куночкой чорною,
А Иванушка Годинович
Отдыхал он с Настасьей во бѣлом шатрѣ ...

---

[1]) *Исак*, турец., anordnung, Mikl., распредѣленіе.

2. *Куница тесто.*

Свадебная, Вилейск. у. Вил. г. Сб. пам. н. тв. Свз. кр. 280:

Разумная пташачка жавароначак:
У гору лятучи, крильяйкамі махая,
С гары лятучи, песянькі спявая.
Разумная дзіця N (жених):
Учера з вечера русыя кудзяркі часав,
С павночи варанога каня сядлав,
Сягоння рана на паляванья пасхав,
Забів ён куночку-бобрика,
Привёз ён к цясцёчку (в) падарку
За сваю маладую каханку.

Пѣсня похваляет благоразуміе молодого: он, как жаворонок, знает, что когда дѣлать. Сходство с XXI, 1, — в том, что как там, так и здѣсь куница — отступное, там братьям, здѣсь тестю.

Возможно, что мотив XXI, 2 был и в колядках. По крайней мѣрѣ, кажется, что слѣд. щедровка есть сочетаніе этого мотива с другим, „мать дороже милой“, сочетаніе в угоду которому N дарит куну не тещѣ, а родной своей матери:

Щедр. Zieńk. P. I. Pińsk. 22, откуда Безс. Бр. п. 76—7; ср. Zieńk. ib. 24—6.

. . . „І поеду в чистее поле,
„( ) на полёванс.
„І выполюю дзевець лісув,
„( ) дзесяту[ю] куніку,
„( ) матцы на шубку“.
Огневаласе его мілая;
— Ой пегневайся, моя мілая!
(Ой) ты ж мене негодовала,
(А) годовала [мене] моя матонька,
Цёмної ночи недосыпала,
Ясної свечи непотушала,

Очепок з ножок неспущала [1]).

Ср. Морав. колядку, Suš. 752:

Můj bratříček z vojny jede,
Tři jablička v ruce nese.
Jedno jest dal svej matijce,
Druhé jest dal svej sestřijce,
Tretí jest dal svej milence.
Milenka se rozhněvala,
Že všech jablek nedostala.
— „Matička mě vychovala,
„Sestřička mě kolíbala,
„Tys mně milá nic nedala!“
—Bílej šatek jsem ti dala,
Ty's zašpinil, já vyprala.

—

Приведенная бр. свадебная п. говорит, что молодой дарит тестю *за* молодую — куницу натурою, или, как говорилось, „лицом“, „шерстью“ (Из зап. по Р. Гр. II 429). Слѣдующая (Ст. Осколь. у.) говорит о подобной платѣ попу и притчу:

Ой есть у саседа харошая девка;
А взял бы (я) за себе, да поп невенчаеть,
А поп невенчаеть: (он) за-сына чаеть;
А дьякан неслужіть: по девушке тужіть;
Пономарь незвоніть: за себе наровіть [2]).

---

[1]) *Очепок* род. мн.? М. б. „з очепка ножок неспущала“? Очепок (?) рычаг, конец котораго шнурком соединен с колыскою. Мр. *почіпка*, шнурок, посредством котораго погою качают колыску, Чуб. VII, 386.

[2]) Ст. 3—5 этой пѣсни — мотив, идущій с юга (см. вр. п. у Халанскаго, Р. п. п., Хороводныя, N 79, Русс. Фил. В. 1881 г. и мр. записанную мною, тамже), быть может, из Греціи. В мр. п. дѣвица жалуется на свою красоту, которая такова, что ей нельзя пойти в церковь, между прочим п. ч. „дяченьки задивляються та читати помиляються“. В новогреческой (Legrand, Recueil de chansons populaires Grecques, Paris, 1873, 302—3) дѣвица „дѣлает из солнца (свое) лицо, из

6 Паеду я, молодец, да к новому торгу,
Куплю то я, молодец, попу да куніцу
( ) [а] дьячку лісіцу,
А беднаму панамарю да сераго зайца.
Ой поп—за куніцу, [а] дьякон за лісіцу,
А я добрый молодец—за красну девіцу.
(Кохановская, Нѣск. Р. пѣс. Русс. бес. 1860, II, 76).

Трудно обойти сближеніе этих пѣсень со свидѣтельствами о *куницѣ* или *куничномъ*, как *денежной* подати. О ней говорит ю.-русс. свад. п. (из над запад. Бога?), в общем достовѣрная, хотя возбуждающая сомнѣнія нѣкоторыми звуками и формами:

„Неся куницу „do dworu“. „Коровай, покрытый цвѣтною хусткою или бѣлым ручником, а в нем злотый и 15 грошей несет староста (marszałek weselny), а брат молодой—пѣтуха“.

Мы ідемо з куніцу
І з ярою пшеніцу
Од свого господара
До пана дідіча (s. вм. -ta)
... Подякуймо Богу і пану
І ксендзові своёму,
Же нас звінчал.
А пан немножко взял:
Ліцерскую (1) *копу*
За Гануліну косу.
... А пан немножко взял
За мене молодую:
Червоньца червоного
Од Лукашка молодого (2)
(Wójc. P. ludu II, 145—6).

мѣсяца грудь (т. е. у нея лицо — красна солнышка, грудь — ясного мѣсяца), из воронова крыла свои брови — „як шнурочок“ (мр. п.=γαΐταν οφρύδι). Увидал ее поп (в церкви)—ошибся (в чтеніи), дьяк взбѣсился (ἐδαιμονίσθη), когда увидал ее царь, упал без памяти.

(1) Kopę groszy ... panu czyli rycerzowi. Wójć.

(2) Это, может быть, внесено из другого, позднѣйшаго варіанта.

Ср. также:

„А свадебную куницу давати имъ (Кіевскимъ мѣщанамъ) *шерстью*, а небудетъ куницы шерстью, ино пять грошей за куницу“ (1494, Ак. З. Р. I, N 120).

„А мировая куница и свадебная имати по шти грошей, а со вдовы имати по тому-жъ, которая пойдетъ за мужъ“ (Жалов. грам. Смолянам кн. Васил. Ив., 1514, С. Г. гр. I, N 148).

„Gdy panna miejska idzie za mąż, powinien dać nowożeniec każdy horodniczemu zamku Kijowskiego kunicy półzłotego, a gdy wdowę pojmuje, był też powinien dać złoty polski, z których-to kunic horodniczy każdy zamku Kijowskiego ma mieć swoje opatrzenie“ (Wereszczyński Osada Kijowa, Linde s. v.). Платит именно молодой, по этому неточно: „na Rusi dziewka idąca zamąż do innej wioski, płaci pieniądze, nazwane kunica. Ta denominacya wzięła początek *a jure cunnagii*“, Naruszew. Hist. у Линде s. v. Но средневѣковое *cunagium* (ничего общаго с *cunnus*) с несравненно большею достовѣрностью объясняют иначе, так что связь его с „куницею“ невозможна: „cunagium a cuneus (sigillum ferreum, quo nummi cuduntur), typus seu ipsa typi percussio, qua signantur monetae etc.; tributum pro impressione typi exsolvendum“ (Gloss. man. ad script. med. et inf. latinit. Halae, 1773).

Линде (l. c.), а вѣроятно и многіе другіе, приводят в связь *свадебную куницу* с русс. *куница* в смыслѣ размѣнной цѣнности. В этом, мнѣ кажется, заключается неточность. Несмѣю утверждать, что *куница*, с этим суффиксом, в смыслѣ размѣнной цѣнности вовсе невстрѣчается, но думаю, что в общеизвѣстных источниках, как Лавр. и Ип. л., Русс. Правда, Грам. 1229 встрѣчается только: *куны* во мн. ч. частью в том общем значеніи, в каком *скотъ* (деньги, Лавр.², 140, под 1078, откуда *скотьница*,

казначейство: „взимати ... питье и яденье и отъ скотьницъ купами“, ib. 123, под 996), частью в значеніи опредѣленной цѣнности „по 4 куны“ ib. 140 и пр.; *куна* (а не *куница*) в ед. ч. в знач. мѣха натурою („имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ“, Лавр.[2], 23, под 882) и условной цѣнности: „а се оурочи городнику: закладаюче городня коуна взяти“ (Русс. Пр., Син. сп., Р. Дост. I, 53); „или которыи Нѣмцичь купитъ судъ серебряныи, да(ти) ему отъ гривнѣ куна вѣсцю; или (=если) продасть, недати ѥму ни вѣкши“ (Гр. 1229, Р. Д. II 265). В этой формѣ и с первым из названных общим значеніем слово дошло и до нашего времени в слышанном мною от безграмотной женщины мр. выраженіи: „се (діло) не в великих кунáх“, res parvi pretii, parvi momenti и вр. „нужда куны родит“ (Даль).

Если я неошибаюсь, свадебная *куница*, которая встрѣчается всегда именно с этим суффиксом, ведет начало не от *куна*, мн. *куны* в смыслѣ размѣнной цѣнности или опредѣленнаго ея количества, независимо от употребленія или назначенія, а от того спеціальнаго значенія *куница*, шкурка mustelae, как плата тестю или всему роду, которое мы видѣли в вышеприведенной свадебной п. и в вр. выраженіях, относящихся к свадебному обряду: „куницу, лисицу, золотую гривну да стакан вина“ просят за выкуп невѣсты; „отдай за куницу красну дѣвицу“ (Даль, Сл. s. v.). Такое обособленное значеніе слова *куница*, мнѣ кажется, можно считать болѣе древним, чѣм вышеприведенныя значенія слов *куны*, *куна* (деньги) и, по крайней мѣрѣ, неменѣе древним, чѣм *куница*, дань, подать вообще (напр. по реестру имущества Выдубицкаго монастыря, 1593, этому монастырю приходилось в год с одного села „куницы грошевой з городов з садами з каждого по грошъ 12“, Кіевл. за 1841, 22). Мнѣ видится здѣсь один из случаев долговѣчности поэтическаго образа. Тогда как между *куна́ми* и тѣм, что на них покупалось, с незапамятных времен также мало связи, как между любою из условных цѣнностей (как вѣкши, бѣлы или бѣлки, лобки, мордки, грив-

ны, рубли, гроши и пр.) и товаром; между *куницей* и выкупаемой на нее дѣвицей до нынѣ чувствуется связь сходства: куница — плата за дѣвицу потому, что *дѣвица* = *куница*.

Сѣв. вр. *кунка*, дѣвка (Домостр. изд. Яковлев 66 и теперь в Новг. г.), если не из *кумка*, *кума*, может быть в связи с *куна* = лит. *kiaunė*, лот. *caunа*, mustela martes (в лот. и хитрая женщина), как на оборот серб. *златка*, женское собств. имя, в Боснѣ = *куна*. Впрочем, если бы, что мало вѣроятно, удалось установить прочно большу́ю древность такого рѣдкаго областнаго слова, как *кунка*, дѣвка, то оставалась бы для него еще одна возможность. Именно, допуская измѣненіе *а* в *у*, *ы* послѣ гортанных (К истор. зв. III, 25 слѣд.), можно бы сравнить *кунка* с скр. *канâ*, *канû*, *канjâ*, дѣвушка, *канû-ка*, молодой и мизинец палец, *кан-ûjан̃с*, *кан-ишт̃ha*, меньшій, наименьшій, гр. κοινός, молодой, новый.

Согласно с воззрѣніем на *плату*, как на вознагражденіе сначала — лица ближайшим образом пострадавшаго, а потом князя и пр. (К ист. зв. III 50 – 3), думаю, что „куница“ тестю есть форма болѣе древняя, чѣм куница князю (княжее) и его посадникам, за тѣм пану, попу.

Относительно вопросов болѣе-менѣе связанных с этим, как jus primae noctis, коммунальный брак, свальной грѣх и пр. см. Liebrecht, Zur volkskunde, 416—24; Веселовскій в Зап. Геогр. Общ. по Этногр. II, 744—5; Кистяковскій, К вопросу о цензурѣ нравов у народа, ib. VIII, 169—70).

За сим перехожу к мотивам аналогичным с XIX и XX.

XXII.

Змѣя сватом.

1. А. Щедр. Чуб. III, 440, Черниг. у.
А в полі, в полі [да] біл камінь лежить,
Святий вечор!
[А] під тим каменем да люта змія [лежить].
Ой туди іхав да (пан N)
Став с коня вставать (да) змію рубать;
Ой тая змія да й промовила:
„Нерубай мене, несічи мене;
„Буду я тобі в великій пригоді:
„Ой як будеш ти (да) женитися,
„Помощу мости все перстнёвие,
Поставлю столи все тисовие (ти- вм. ті-)
„Поставлю стовпи все золотие,
„Повішу коври все шовковие.
„(А) як будеш (ти) дівочку везти,
„Забряжчать мости все перснёвие,
„Засяють стовпи все золотие,
„Замають коври все шовковие,
„Загоряться свічі все восковие".

—

Да бувай [же] здоров молод[ий] (N=Андрійко)
(Ой) ми же тебе не зневажаєм,
Из святим вечером поздоравляєм.

Б. Волочобн. Безс. Бр. п. 12—3; коляд. ib. 72 (N 113) и волочобн. Шейн Бр. п. 111. В послѣдней вм. змѣи—голубь. В первой:

У чистом поле чисцюсеньком
(⌣) Ляжиць камень белюсенькій,
Под тым камянем люта гадзіна.
Туды-м (=мі) ішоў (⌣) славны паніч,
(⌣) Славны паніч Пётра Пятровіч,
(⌣) Целіць меціць, (⌣) забіць хочець;
(⌣) Тўгій лучок пацягівасць,
Золоту[ю] стрелку направляець,
(⌣) Люта гадзіна атмавляець:
„Ох небій мяне, негубі мяне,
„Негубі мяне, слічны панічу . . .
„Вот скажу я табе (⌣) три радосці . . .

(что Бог дает долю, пан коня или землю, царь дочку. См. выше VI, стр. 93).

Из сравненія А с Б и с XXIV можно заключать, что в А стихи 9—17 заключают мотив вставной. Как самостоятельный мотив, он встрѣтился нам выше, Объясн. мр. п. I, 136—143. Сочетаніе змѣи и мощенія чудеснаго моста могло возникнуть в А под вліяніем: с одной стороны — того, что, сходно с мотивами „сокол-сват“, „олень-сват“, нужно было, чтобы услуга, которую окажет змѣя, имѣла отношеніе к браку; с другой стороны — того, что имѣлась готовая ассоціація „змѣя—мост“ в сказкѣ типа „змија младожена“ (Караджич. Срп. н. припов. 1853, 65): змѣя (сын) посылает мать сватать царевну; царь обѣщает под условіем исполненія трудных задач, из коих первая: „ако начини ћуприју од мога двора до свога од бисера и драгога камена“.

2. *Купанье Добрыни Никитича.*

В был. „Добрыня и змѣй“ (Гильферд. Он. был. 663 слѣд., от Щеголенкова, и от того же записанная Барсовым, см. О. Милл. Илья М. 425) Д. просит позволенья

у матери искупаться в рѣчкѣ „Почаевой“. Портомойки на рѣчкѣ ему совѣтуют:

Некупли-тко ты своего тѣла на́гаго . . .
Да купли-тко ты в рубашкѣ полотняноей.

Сходно с этим у Рыбн. I 121 и Гильф. pass., гдѣ „Пучай рѣка“. Проф. Миллер (Илья 427, примѣч.) думает, что эта черта зашла сюда из был. о Васильѣ Буслаевѣ, гдѣ (Рыбн. I 361) мать совѣтует Василью искупаться в Ердань-рѣкѣ „нагим тѣлом“, п. ч. „нагим тѣлом купался сам Исус Христос“ (ср. Кир. V, 30). Конечно, это вѣроятно, тѣм болѣе, что и с Почай-рѣкой, т. е. Почайной, в которой, по преданію, Владимір крестил Кіян, как и с Іорданом, связывалась мысль о крещеньи. Однако, как увидим, [см. ниже, г) и е)] мог быть и другой повод приписать Добрынѣ купанье не только в платьѣ, но даже в броне, именно — странствующій мотив: „N в платьи и оружіи переплывает рѣку (море), убивает змѣя, добывает себѣ (v. освобождает) дѣвицу“.

И так Добрыня купается в рубашкѣ; но вот

„С-под западнёй сторонке стук да грем [велик] идет,
. . . И забилась то волна по крутым берегам,
И надѣлся тут Добрынюшка во одежду богатырскую;
Показаласи змѣя да восьмиглавая.
(Д. хочет ей рубить саблей головы)
И смолилась тут змѣя восьмиглавая . . . :
„Неказни-тко ты, Добрынюшка, змѣиныи головы:
„Я иду ко морю, ко синю́ морю,
„А иду к ко́ролю ко великому,
„Ко великому ко́ролю, да у синя́ моря;
„И есть-то у него да едина дочь . . .
„Брови то у нёй чорна соболя
„И очи то у нёй ясна сокола,
„По косицам-то у нёй звѣзды частыя . . .
„Я достану эту королевичну от синя́ моря,
„Да жди-тко ты меня, Добрыня, да три денька“.

В назначенный срок Д. находит на берегу эту дѣви-

цу, везет в Кіев, хочет за себя взять, но мать несовѣтует без доклада Владиміру.

В этот вар., кажется, единственный извѣстный в своем родѣ, внесен величальный мотивъ „змѣя—сват".

Из других вар. беру для сравненія слѣдующія черты:

Добрыня — *мальчик:* ему 12 лѣт (Кирша, Кир. II 50), конь у него „дѣдушков" (Гильф. 747). Во всѣх вар. борьба со змѣем связана с *плаваньем* Д. У Кирши два момента борьбы без перерыва слѣдуют друг за другом: Д. запорошил змѣю глаза и ушиб два хобота шляной земли Греческой с пѣском, и когда змѣй упал в Израй рѣку, „в тот же час" дубиною убил его до смерти. В других, думаю, болѣе новых вар. за первой схваткой слѣдует договор со змѣем (ему „неносить полонов русскіих") нарушеніе договора змѣем, который уносит Забаву и пр., вторичная поѣздка Д. и убіенье змѣя. В пещерах змѣя Д. находит много злата-серебра и свою *тетушку,* Марью Дивовну. В др. вар. освобожденная—дочь князя Марфида [1]) Всеславьевна (Владимір говорит: „за нашей дочкою за царскою", Гильф. 316—8), или племянница князя Забава [2]) Путятична (ib. 470, 745 и пр.). Вмѣстѣ с нею Д. выручает „полоны русскіе", 40 царей, 40 царевичей, „много князей бояров" (ib. 479, 744, 749, 802).

Почти всѣ пересказы этого приключенія преисполнены утомительной „меледой" о том, как N вставал, умывался, сѣдлал, „скидал порточики семи шелков". По красотѣ они невыдерживают никакого сравненія с напоминающими их по главным нитям основы болгарскими пѣснями о подвигах ребенка или мальчика, которыя в свою оче-

[1]) Ср. „Малъѳредъ", жена Влад. Свят., Лавр. под 1000 г.

[2]) Незнаю, извѣстны ли какія либо соображенія об этом имени, кромѣ примѣч. у Рыбн. I 479. Мнѣ кажется, что форма *Забава* возникла из стремленія осмыслить непонятное *Запава* (Кирша, был. о Солов. Будим.). Если произносить не *Запáва*, а *Зáпава*, то это будет легким искаженіем древн. **Заапъва*, надежда. Ср. муж. личныя имена: *Ждань, Жадынъ, Хотынъ, Неждань, Нечай* (в страдат. знач.).

редъ напоминаютъ Геракла, гидру и яблоки гесперид. В нѣкоторых из болг. п. эти подвиги приписаны Секулѣ, племяннику Янкула (Сибинянина Янка, Гуняда), м. б. потому, что Секула—„дијете“, мальчик 12-и (Кар. П. II 509) и даже семи лѣт (Чубро Чојковић, Пѣв. Черногор. 134). Сравн.

а) Милад. 79, сл. Великолѣпный зачѣв этой пѣсни, по общему смыслу соотвѣтствующій серб. „Боже мили, чуда великога!“ приведен выше, стр. 88. Вдова рожает мальчика, который уже на 4-й день берет отцовскаго коня и оружіе и ѣдет к дядѣ Янкулу на свадьбу. Янкула 3 мѣсяца собирается по невѣсту, и несмѣет пойти, п. ч. пути залегла ламія. Дитя разсѣкает ее и

Що ке видит чудо и големо!
В бѣло сърце [1]) три рала [2]) свато'и,
По свато'и три млада зете'и,
До зете'и три млади не'ести.

В дворѣ невѣсты дитя вырывает с корнем золотую яблоню рожавшую (по?) три золотыя яблока и несет ее перед сватами домой. Т. о. он добывает жену дядѣ, себѣ *тетку*.

б) Милад. 221—7. Секула — дитя и его отец ѣдут по невѣсту к королю Латинину. Здѣсь Секула трижды доказывает свое юначество: убивает на поединкѣ арапа, выходит невредим, благодаря помощи *отцовскаго коня* (как в сказкѣ типа „конек горбунок“) из раскаленной печи, и наконец, на том же конѣ, *переплываетъ* чорное море, убивает морскую ламію и с корнем приносит золотую яблоню с 3-мя яблоками.

в) Качан. Пам. болг. н. тв. N 191. Марко берет с собою в гости к Янку од Косова „малко дете“ Груя. Груё видит здѣсь Виду, и чтобы добыть ее, при помощи (Марковаго ?) коня переплывает три рѣки [3]), убивает 3-х ал (змѣев) и срывает 3 золотыя яблока.

---

[1]) В чревѣ. Ср. серб. срдо бола, disenteria, мр. на (т)щé серце, на тощій желудок=лит. tuszczias szirdis.

[2]) Ср. серб. *рудa* толпа.

[3]) Вм. „до една готока“, до друга готока“, „до третя го-

г) Милад. 314. Пьют 30 молодцев, наливает им Ружица дѣвица. Она говорит:

„Ако можам 'сем слуга да чинам,
„Я неможам 'сем любов да бидам;
„Кой є юнак, от юнака роден,
„Да си слечит рубо копринено,
„Да облечит от пандзур кошула [1]),
„Да си земит щица челико'а [2]),
„Да препливет преку църно море,
„Да излезит на край, на краище,
„Тамо имат злата яболшница,
„Да си скинат три злати яболка;
„Я со него любов ке да бидам".

Один из 30-и исполняет это.

д) Качановскій, 316 сл. N 143. Сходная с г). „Деница девойка".

Вино пі̂ят тридесет деліи
У меана под Демир-капія,
Слуга им (є) Деница девойка . . .
. . . Павел мирно несѣдеше:
Чаша зима за пърсти 'я лови,
Чаша дава, низ сърце воздиша . . .

Задачу задает Марко. Павел переплывает Дунай, вырывает с корнем дафину с 2-мя золотыми яблоками. Когда он плыл назад, проснулась ала стерегшая дерево, и настигла его середи рѣки. Павел разсѣк алу на три трупа.

Образ, подобный чудесной яблонѣ болг. п. является и в мр. свадебной, „на заручинах":

Пливти тобі (невѣстѣ) дві річеньки, третій Дунай,
За Дунаєм черешенька з ягідками . . .
(Чуб. IV, 73—4; Объясн. мр. п. I 198).

тока" слѣдует, кажется, читать: до еднаго, другаго, третьяго *тока*.

[1]) Рубаха, надѣваемая под панцырь.

[2]) Стальная дщица, латы? Ср. „бронѣ дощатые" Ип.[2] 595.

е) Серб. п. „Цетинка и млади Радоица“ (Кар. П. I, 570—1), очевидно, принадлежащая к одному семейству с г) и д), отличается от них отсутствіем сказочных черт и прикрѣпленіем странствующаго мотива к лицу, извѣстному по другим серб. п. и непредставляющему ничего сказочнаго:

Вино піе тридест Цетицана
Край Цетине тихе воде ладне,
Вино служи Цетицка ђевојка;
Како коме чашу додаваше,
Он с' немаша за 'ну чашу вина,
Већ се маша руке и недара.
Ал говори Цетинка ђевојка:
. . . „Ако могу свима бити слуга,
„Ја немогу свима бити луба,
„Већ ћу бити онога јунака,
„Кој' паплови на воду Цетину
„Под јуначким рухом и оружјем
„И под оном диван кабаницом,
„Те переплови ту воду Цетину,
„Преплови је од брда до брда [1]);
„Онога ћу бити вјерна луба“.

„Мали Радоица“ дѣлает это. На возвратном пути он притворно тонет, чтоб испытать вѣрность дѣвицы. Она бросается в воду его спасать.

ж) Серб. величальная (почашница) „Јунаку“ (Кар. I, 84):

Оружан јунак Дунай преплива,
Селдан го коњиц при бр'јегу чека;
Нечудимо се добру јунаку,
Већ се чудимо коњу његову,
Ће га оселдан при бр'јегу чека;

---

[1]) *Брдо*, гора, здѣсь—берег, как на оборот *бријег* - гора и стар. русс. *гора* значит также берег (ер. мое Мр. п. по сп. XVI в., 32).

А још је трећа, која ј' највећа:
Дома га љуби с поштенем чека.

3. *Переплыть рѣку* (Дунай, море), чтоб *добыть дѣвицу*.

а) Слѣд. бр. п., помѣщенная в число купальских (Шейн, Бр. п. 164), отличается от колядок, кромѣ припѣва, тѣм, что подобно многим другим уличным (весенним и лѣтним), двойственна по составу: порицает одного, величает другого. (◡) = слог недостающій до размѣра 5 + 5.

(◡) У караля (◡) сірод двара
Божа-ж мой!
(◡) Тынок высок, (◡) Дунай глубок.
„Хто геты тынок (◡) піраскочиць,
„Хто геты Дунай (◡) піраплывець,
„Каралевначку за сябе возмець“.
(◡) Абазваўся [маладей] (молад) Мікітка:
„Я геты тынок (◡) піраскочу,
„Я геты Дунай (◡) піраплыву,
„Каралевначку за сябе вазьму!“
(◡) Як стаў скакаць, няпіраскочиў,
(◡) Як стаў плысці, (◡) няпіраплыў,
Каралевначку за сябе нявзяў.

Ст. 13 = 6 . . . . Піліп; ст. 14 – 6 = 7 – 9; ст. 17 = 10 . . . (◡) піраскочиў; 18 = 11 . . . дык піраплыў.

19 Каралевначку за сябе узяў.

б) Болг. (4 + 4), Милад. 107 – 8, корчмарка (ср. выше XXII, 2, г, д, е) Јована:

. . . Пречула ми се Јована
С убавина, гиздавина,
Найповике со работа.

Привлеченный ея славой Дервиш-баша с 300 дервишей хочет ее плѣнить. Она предлагает добровольно достаться тому, который исполнит задачу:

Ке пойдиме църно море,
Ке ви пливнам по море-то,
Вие по мене да пливнете;

Кой преплива църно море,
Той мене ке ме земе.

Дервиши тонут.

е) Моравская (Suš. 189) и словенская (Sborn. Matice Slov. I, 17). Размѣр (4+3) относит эту пѣсню к весенним (Объясн. мр. п. I, pass. et 149).

Моравская:

Tam z tej strony Dunaja,
Tam se chlapci scházijú,
Sobě hádky dávajú:
Kdo ten Dunaj přeplyne,
Ten to děvče dostane.
Конец счастливый.

Сюда же морав. Suš. 188—9: Припѣв сходный с а). „Panove“

Jak k Dunaju přijeli,
Velka radu měli:
Mily mocny Bože!
Kdo ten Dunaj přeplyňe,
(Ten) *rytířem* ostane.

Младшій и самый красивый берется, тонет, дает знать милой *в замок* (обстановка рыцарская). Она:

Oj rybaře, rybaře
Ulovte mi rybu
Srci memu milu . . .

Об этом послѣднем мотивѣ—Объясн. мр. п. I, 198. Прибавить Suš. 780—1.

г) В ю.-русс. п. (моя ст. Мр. п. по сп. XVI в., 2—3) дѣвица говорит:

Скочу я у Дунай, у Дунай глубокий,
А хто м'не доплинет, его я буду.

Воевода Стефан это исполняет.

Пользуюсь случаем, чтобы дополнить сказанное мною об этой п. Старѣйшій варіант ея (до 1571) не есть наиболѣе цѣльный. Слова дѣвицы предполагают, что у нея нѣсколько соискателей, как выше под б), в) и др. подобных; тогда как из ст. 9—16 (l. c. 3) видно, что она уже

находится во власти одного, от котораго зависит взять ее или покинуть. Этот мотив взят из другой пѣсни типа разсматриваемаго здѣсь. Цѣльнѣе варіанты записанные в наш вѣк (Сах., l. c. 31–2; Объясн. мр. п. I, 34–5; Н. п. Новоосколь. у., запис. Поповым, Рус. Фил. В. 1884, II, 253—4), гдѣ существенная черта — предложеніе молодца (капитана, нáбольшаго), (согласно со стих. 9—16 вар. XVI в.) взять дѣвицу не за себя (она—неровня), а за слугу, и ея отвѣт. Как я уже замѣтил (Объясн. мр. п. I, 35), в жизни бывало немало таких случаев. Поэтому, т. к. по формѣ, по пріемам, рус. п. кажется до сих пор вполнѣ своеобразною; то нѣт основаній видѣть заимствованія в том, что и в нѣм. п. (Uhland Alte... Volkslieder I, 220 сл.) рыцарь говорит:

Weine nicht, weine nicht, brauns mägdelein,
dein er will ich dir zalen,
Ich will dir geben ein reiterknecht,
dazu dreihundert taler.

Она несогласна. Рыцарю спится, что она умирает в родах. Он скачет в Аугсбýрг, застает ея похороны, закалывается, их хоронят в одном гробѣ. Отдаленное сходство с этим—Suš. 92, гдѣ ссылка мр. и поль. п. неимѣют значенія.

д) Колядки: „вѣнок — в Дунай“, „за переемець — сама молода“ будут разсмотрѣны ниже.

е) Болг., Период. Спис. Год. I, IV, Браила, 1871, стр. 74—6. Поется на свадьбѣ „пред кумове и сватове“. Иванчо со сватами ведет невѣсту. Разлившійся Дунай преграждает им путь. Вода неспадает 3 дня. Тогда сваты:

„Кой щж сѫ ѣмни-наѣмни
„Дунавж дж си пръплавж?“

(вѣроятно, чтобы дать знать в домѣ жениха). Берется сам жених. Сваты теряют его из виду, думают, что он утонул, хотят уже возвращаться назад, но невѣста отказывается, под предлогом, что хочет видѣть великолѣпный дом, которым ей хвалился жених. Переходят Дунай и застают что

жених сидит на одрѣ и ожидает сватов. Заключеніе указывает на эпическое значеніе, на правду пѣсни:

Дж неби чуду ставалу,
Неби сж песень пеялу
На тжзи чесиж тръпезж.

4. Сюда можно присоединить значительное число пѣсенных образов, как *перескочить*, *перейти*, *брести*, *плыть* и пр., имѣющих отношеніе к любви, браку и препятствіям в любви и вообще, независимо от измѣненій дѣйствующаго лица.

Перескочить.

Za těma, za těma černýma očima
Věru bych já pro tě Dunaj (skokem) přeskočila,
Ne Dunaj, ne Dunaj, ale celé moře
Pro tebe bych přeplovala, potěšení moje!
(Erben, České P. 113).

Za Juričkom bysom kroček nekročila,
Za Janičkom bysom Dunaj preskočila
(Слов., Jagić, Dunav etc. Arch. I 302).

Okolo Milotic voděnka se točí,
Kdo tam má panenku, nechať ju přeskočí.
Já ju tam také mám, já vodu přeskočím,
Červeným šátečkem ja sobě zatočím.
(Sušil, Morav. n. p. 375).

Тече річка невеличка, зхочу—перескочу;
(поэтому:)
Віддай мене, моя мати за кого я схочу.

(но рѣшеніе еще непринято, и отсюда примѣв к этому и слѣдующим двустишіям:)

Гей, сама я незнаю, що чинити маю?
Чи плисти, чи брести, сама незгадаю.

(С первым двустишіем ср. Гол. II, 780, N 147; I, 296).

Широкий лрочок, (но) я го перескочу;
Дай же мене, мамцю за кого я схочу
(Гол. I 233).

Я узойке перескочу, широке обійду;
Нежурітся, вороженьки; ще я з того вийду.
(Гол. II 816, N 59).

Перескочу поточину тай недотулюся;
(а в противном случаѣ,)
Як неозьму, котру люблю, то неоженюся
(ib. 878, 74).

За тѣм—рѣчка, как трудность прервать связь:
Перескочу бистру ричку, ані доторкнуся;
Перестану тя любити, ані подивлюся
(Гол. I, 238; II, 338).

Перейти.

Ой перейду тоту річку, та затну смерічку [1]);
(потому что)
Таку маю білявочку, як у траві чічку [2]).
(ib. II 280).

„Через Дунай, через Тису
Ступай, мила, бо тя лишу!"
—Нелиши мя, бійся Бога,
Бо я с тобов пійти годна!— (ib. II, 554).

З того боку на там-той бік незайду, незайду;
Загубила-м щастье долю, незнайду, незнайду.
(Гол. II, 775, N 121).

Дала-сь мене, моя мати, за Дунай, за Дунай,
Тепер собі, моя мати, подумай, подумай!
Дунаю неперебути, ані пребродити:
Небуду ж тя, моя мати, во вік видіти.
(Гол. I, 266).

Перебрести.

Ой недумай, мій миленький, недумай, недумай!
(Немедли; вѣдь я)
Перебрела-м быстру річку, перебреду Дунай;
Та як будеш, мій миленький, думати, думати,

---

[1]) Рубить=любить.
[2]) Цвѣток.

Буде ти ся пшениченька в полі зімовати
=упустиш время, Гол. II, 764).
„Перебрела бистру річку й половину ставу;
(далеко зашла, поэтому)
„Сватай мене, козаченьку, невводь у неславу!"
— Сама себе, дівчинонько, у неславу вводиш,
Що пізненько, нераненько из улиці ходиш.—
(общеизвѣстная по сю сторону Дн.).
Коби річка невеличка, я би-м перебрела;
Коби ми був милий вірним, я би-м го любила
(Гол. II 762; ср. ib. 326);
Коби річка не ширічка, я би-м не бродила;
(нестоило бы)
Коби любко небув красний, я би-м нелюбила;
Але річка широкая, то буду бродити,
А мій любко молоденький,—буду го любити.
(Гол. II 763).
Через річку, через став...
(он перебрел);
Любив мене, перестав.
И я его любила,
Бо-м до него ходила (ib. 537).
Нема лёду, нема броду, нема й переходу
Пливи милий до милої через бистру воду
(Чуб. V, 309; Метл. 83).
„Бреду річку, бреду, річечка ріняна [1]);
„Змочилося платьє, Аннице білява!"
—Річку и я бреду, на березі буду!
(а если стѣсняешся,)
Глядай собі, милий, про мене [2]) другую.
(Гол. II 554).
„Poviz mi, dzěvečko, mam li k tobě chodzić?
„Zimna je vodička! mam li přes ňu brodzić?

---

[1]) Пѣсчаная. Ст. русс. *рѣнь*, syrtis.

[2]) Вмѣсто меня (К ист. зв. III, 43). В вост. мр. это было бы понято, как в „про мене, байдуже!", что до меня, то...

— Nebrodz se, Janičku, přes zimnu vodzičku,
Bo ja sem chudobna pro tvoju mamičku.
(Suš. Mor. p. 388).

Teče voda Lidečkem
hej, hej,
Tym fojtovym dvorečkem.
Kdo tu vodu pobřede
hej, hej,
Ten panenku povede (ib. 423).

Szeroki jareczek, nie można przepłynąć;
Przyjdzie mi, chłopczyno, dla ciebie zaginąć.
(Zajszner, Podhal. 75).

Szeroki jareczek, a bystry, a bystry;
(но брести нестоит, п. ч.)
Nie tak jeszcześ ładny, jakeś, chłopcze, pyszny
(ib.).

В болѣе общемъ смыслѣ „брести“ = жить (как „ити“: „вѣк прожить — не поле перейти“):

Горе мені на чужині: зовуть мене заволокою,
Велять мені річку брести широкую та глибокую
(v Велять мені Дунай плисти, Дунай річку та глибокую).
Ой чи плисти, а чи брести, а чи мені утопитися?
Бідна-ж моя головонько! нідокого прихилитися
(ср. Шейн, Бр. 226).

„Молодиї рибалочки перевезіть до роду!“
Молодиї рибалочки да цёго нечували,
Да зачула моя мати, да сидячи в комнаті:
„Броди, броди, моя доню, да помеж куниною;
„Живи, живи, моя доню, да помеж чужиною!“
(Чуб. V 565).

Студена вода, студена вода! тяженько ю збродити;
Чужій матінці, чужій матінці тяженько догодити
(Гол. III 145).

„Засвіти свічку . . . *перебреду річку*“ — см. Объясн. мр. п. I, 196—8.

Болгар.:

Гази ли са та зи вода студена?
Кърши ли са таз' калинка червена?
Либят ли са до три моми згодени?
(Милад. 390).

Лотыш.: Перебрела я рѣчку по самому чистому мѣсту; Я хотѣла (получить) честнаго (skidru) мужа, ѣсть хлѣб из чистой ржи (skidru rudzu), Сборник Дашкова; ср. Спрогис 9.

Смѣло бреду эту рѣчку, знаю—камни на днѣ;
Смѣло беру эту дѣвицу, знаю что добраго нрава
(Спрогис, Пам. лотыш. тв. 8).

Перейду я через рѣчку, неостанусь по сей сторонѣ; (Пойду) я к пахарю хлѣба, который будет гладить меня по головкѣ (ib. 9).

Бреду я через двѣ рѣчки, в третьей умываю лицо; двум молодцам отказываю, к третьему иду подать руки (ib. 10. Умыватися=женихатися, см. мой Разб. Сб. Головацкаго, отд. отт. 68, ср. также:

Ой Парася придалася, та [й] заморгалася
(слишком много „на молодці моргала"):
Ой перейшла чтире річки, та невмивалася
(Гол. II 295).

Плыть (Объясн. мр. п. I, 198).

Свадебная:

Дала мене моя мати за муж,
Дала мене за Дунай (за) бистрий,
Дала мені (да) човничок плисти,
Дала мені и веселечко:
„Пливи, доню, моє сердечко!"
Дала мені калинову вітку:
„Заткни, доню, за білу намітку,
„Щоб калини да неполамати
„И ягідок да неподавити,
„Свого роду непрогнівити". (Чуб. IV, 439, вѣроятно, когда вынесут сорочку молодой со слѣдом ея дѣв-

ства. Несомнѣнно, ст. 6 слѣд. — совѣт сохранять дѣвство до замужества. Ср. пѣсню в ст. Кистяковскаго, „К вопросу о цензурѣ нравов", Зап. Геогр. Общ. по Этн. VIII, 186).

„*Човен* и *весло*", как средства преодолѣть препятствія:

„Де ты, милий, пробываеш?
„Што за мене негадаеш?
—Пробываю край Дунаю,
Я за тебе все думаю.

Кобы човен и веселце,
Ночовав бых у тя серце;
Ані човна, ні повода, —
Мушу ночовати дома.

(Гол. II, 535, Угор. Русс. 399).

Ой немаю-ж я срібного човника, ні золотого веселця:
Ой поплив би я аж за сине море, де коханес серце!

(Гол. II 513).

На оборот, когда есть почти всѣ условія, а между тѣм . . . :

Пливе човен, пливе човен, пливе и весельце;
Чом ти мене так нелюбиш, як я тебе, серце?

(Чуб. V, 308).

Невижу никаких основаній для толкованія, что „челнок, наполненный водою, вообще—символ *полноты чувств*" и что „дѣвица сравнивает с челноком, наполненным водою, своего милаго, думая, что он так ее любит, что не станет долго странствовать и вернется домой, соскучившись об ней" (Костом., Ист. зн. ю.-р. пѣс. тв. Бес. 1872, V, 110). Это толкованіе оставлает недоказанным предположеніе, требующее доказательства, по моему невѣрное, именно, что объясняемое образом „човен—повен" само уже дано в народной поэзіи как поэтическій образ; образа „*полнота* чувств" я в мр. пѣснях невстрѣчал. За тѣм — мое объясненіе. Если челнок не у берега, а по серединѣ рѣки, да еще полный, то прежде, чѣм переѣхать на нем, нужно поплыть или побрести за ним, пригнать к берегу и вычерпать. Поэтому этот образ напоминает вмѣстѣ с любовью и ея горе, разлуку и т. п.:

Пливе човен, пливе човен та й ся розливає;

Кождий бідний — нещасливий, котрий ся кохає
(Гол. II, 752).

Плине човен води повен, нікому звернути
(т. е. его к берегу; нѣт надежды);
Ой як тяжко мому серцю о тобі забути!
(ib. 754).

Поплив човен води повен, коби несхибнувся!
(если „схитнется“, то его совсѣм зальет)
Ой поїхав мій миленький, коби повернувся!
(ib. 768).

У Костом. l. c. (110) во 2-м ст. „колиб *не*вернувся“ опечатка вм. „повернувся“, или недоразумѣніе.

Пливе човен води повен, коли б непролився
(т. е. чуть непрольется);
Ой поїхав мій миленький, колиб небарився!
(Чуб. V 293).

Пливе човен води повен, на бок незвернется
(=„несхитнется“; а между тѣм)
Ой відай бо мій миленький до мня невернется!
(Гол. I, 302).

Есть случаи мнимаго параллелизма, когда, несмотря на видимое соотвѣтствіе членов сопоставляемых выраженій, сопоставленіе основано на подразумѣваемых мыслях. На пр. в двустишіи:

Пливе човночок по ріці;
Плаче батенько по дочці

ни „пливе“ незначит „плаче“, ни „човен“ не есть образ отца, ни рѣка образ дочери; но плывущій середи рѣки челнок, как выше, есть образ разлуки, горя, в частности горя отца выдающаго замуж дочь. К таким случаям относится и слѣдующій:

Плаваў чаўно(чо)к по раце,
(⌣) Плакаў дзяцюк по дзевце.
Плаваўши чаунок узнырнець,
Плакаўши дзяцюк уздыхнець:
„Як з восені лыка нядраці,

„Так сілою дзеўкі няўзяці.
(Шейн, Бр. п. 70).

Судно в том смыслѣ, как выше (Гол. II, 752) — човен:

Ой пливе судно, з-під мора видно,
з під ёго вода зтиха;
Ой хто незнае [та] жениханнячка,
(то) той незнае лиха!
Ой поплив, поплив та мій миленький
все тихою водою,
Шапочки незняв, рученьки недав,
непопрощавсь зо мною.
(Чуб. V 197).

XXIII.

Юнак и вила.

Помѣщаю здѣсь этот мотив, по его принадлежности к колядочным и другим величальным на тему „нестріляй мене, красний моло́дче“ . . .

А. Кар. Пјес. I, 181—3, „Секула и вила“ (у Рисну пјевају момци играјући у колу). Б. Черногорская колядка, Чубро Чојковић, Пѣванія Черногорска, 3 — 4. В. Кар. ib. 151 „Јунак вилу устријели“. Г. Верковић, Нар. п. Македон. Бугар. 229, „Трапезарска, из Добриништа у Разложном предјелу. Всѣ щедровочнаго (серб. болг. колядочнаго) размѣра 4+4. Из названія вар. Б и Г видно, что если эта п. и не есть с самаго возникновенія величальная, то примѣнялась к величанью, при чем отнесеніе величаемаго к роду лиц, обозначенному историческим именем Секулы, могло неустранять этого имени.

А.

Шатор пеке Угрин Јанко
У крај Саве воде ладне,
На јуначко разбојиште
И на вучје вијалиште,
На вилино игралиште;
Док ето ти б'ијела вила
[Угрин-Јанку говорила]:
„Ход' отоле, Угрин Јанко!
„Не пеки ми шатор тудар;
„Ако запех стр'јеле моје.
„Устр'јелићу тебе Јанко!“
Јанко вили одговара:
„Небојим се тебе, вило,
„Док су мене два сестрића:
„Бан Секуле с Мијаилом“.

У то доба бан Секуле
Б'јелу вилу уфатио,
Пак је води ујку своме,
Ујку своме Угрин Јанку.
Богом кум и б'јела вила,
Богом кум и бан Секула:
„Богом брате, бан Секуле!
„Неводи ме ујку твоме,
„Ујку твоме Угрин Јанку;
„До три ћу ти била казат:
„Прво ћу ти биле казат,
„Да ти луба роди сина;
„Друго ћу ти биле казат,
„Да ти сабла с'јече турке;
„Треће ћу ти биле казат,
„Да си стиман у дружину".
Секул вили одговара:
„Луда ли си б'јела вило!
„Била здрава глава моја,
„Родиће ми луба сина;
„Била крепка мишка моја,
[„А и оштра ђорда моја]
„Сјећи ће ми сабла турке;
„Био собом јунак добар,
„Бићу стиман у дружину".
И одведе бјелу вилу,
Дарова је ујку своме.

Ст. 3—5 переставлены мною согласно с вар. Б. У Кар. они стоят в порядкѣ: 5, 3, 4.

10. *Ако запех*, прошед. пермиссивное в знач. буд. (Из запис. по Р. Гр. II, 185—6).

15. Михайло — Свилојевић (Jagić, Arch. IV, 208), один из трех излюбленных серб. пѣснями угорских юнаков (János Hunyady, Zechol, Szilagy; Богишић, Н. п. I, 36 и N 20, 21: „Угарска господа", „Три бана Угрићића, три добра јунака").

20. „Куми“. „Тако и. п. и син рекне оцу, кад га што врло моли: „кумим те богом“. Кар. Пјес. I 182.

31. Стиман = в вар. Б частан.

Из отрывка пѣсни размѣра 4+6, приводимаго Караджичем ib. 183, видно, что „шатор“ (А 1) есть синекдоха, что Угрин Янко становится *станом* на страшном мѣстѣ „на костех“ (русс. лѣтоп.), на побоищѣ, гдѣ воют волки и вилы водят коло. За эту дерзость вила грозит ему местью:

Чу ли мене од Сибина Јанко!
Ти непени бијела чадора
На мојему дивну игралишту,
И на мојем дивну пјевалишту;
Јера ћу ти *све* постријелати
Вране коње и добре јунаке.

Когда Янко испугался, Секула его ободряет:

„Дај ти мене два ронца јунака
И дај мене два бијела (х)рта
И дај мене два сива сокола;
Живу ћу ти вилу уватити!“

и исполняет свое обѣщаніе.

В разсматриваемой пѣснѣ сила падает не на то, что Секула умѣл поймать вилу, а на то, что предлагаемый ею выкуп ему ни по чем, потому что он полагается только на свои личныя достоинства.

Б — краткая редакція.

Лов ловио Бан Секуле
И плапином и горицом.
Намјера га напијела

Б 4—6 = А 3—5. 7 Ту уфати Секул вилу. Б 8—11= А 20, 22—4, Б 12—26 сходно с А 25, 31, 27, 29, 29, 32—3, 39—40, 34—5, 36—8, 41—2.

Б 27 А он нему крило златно,
Крило златно и перјатно.

В. Содержаніе пѣсни влагается в уста величаемаго.

Прођох гору, прођох другу,
Зађеде ми јасен клобук.

Стегнух коња, да ја видим,
Али вила на јасену.
Запех стр'јелу за тетиву,
Да устр'јелим бјелу вилу.
Стаде вила заклинати:
„*Нестр'јелај ме, млад јуначе!*
„До три ћу ти добра дати:
Прво ћу ти добро дати,
Да си стиман у дружину;

12=10 Друго... 13 Да имаш спензу [1]) небројену, 14=10 Треће... 15 Да т'је љуби лепш' од мене".

—Мала т' фала, бјела вило!
Ја сам стиман у дружину.
„Имам спензу небројену,
„Моја ј' љуби лепш' од тебе".
И устрјелих бјелу вилу.

Ст. 19 ср. с п. („у колу") у Кар. Пјес. I, 64—5:

Петар (имя величаемаго) се граду фалио:
„Не (=није) лепше љуби од моје
„Ни б'јеле виле од горе".

Вила является на состязаніе, оказывается в-трое хуже Петровой жены и оправдывается.

Ст. 14—5. Здѣсь один из даров, коими вила откупается,—чтобы милая N-а была лучше ея, вилы; в слѣдующей свадебной, сходно с вышеприведенными мотивами (XIX, XX, XXII) вила указывает юнаку невѣсту:

... Млади Јово (жених) коња игра,
У ливаду коње мјери,
А вила га с горе гледа...:
„Што ливаду коњем мјериш?
„Но с' обрни с десном страном,
„С десном страном пут истока,
„Ђено дивно коло игра,
„Ту је твоја вјереница
Сваким добром испуњена:

[1]) Спенза, в знач. деньги, казна.

„И ружицом од пролећа,
„И гривицом од бисера“.

Это и исполняется (Кар. П. I, N 92).

Ст. 4 и 7: *мјери* и *мјериш* в различных значеніях: с винит.—направлять копье, цѣлиться им, с творит.—мѣрять копьем, бросая его. В послѣднем значеніи—в мр. кол. (выше стр. 130) „міряли єї (рілейку пеміряную) копієйками“.

Ст. 8. Правой стороной, правым плечом по направленію к востоку, стало быть на лѣво?

Ст. 14. Жемчужным *ожерельем*. В этом же древнем значеніи „гри(в)на бијела бисера“, как подарок невѣстѣ—Богишић, Н. п. N 21, 64 и словарь.

Г. Болгарская.

Излекнао сив[о] соколе
От край (града) Будим-града
По планина, по рудина,
По самовилски игралишта.
Догледа го самовила,
(Самовила) дивна юда,
И му вели ем говори:
„Нетроши [1]) (⏑) (⏑ ⏑) коня
„По мои-те игралишта,
„По мои-те фрлялишта:
„Ке ти фърлем [сос моя] остра стрелка,
„Остра стрелка црноперка!“
[а лудо ѝ говори:]
—Фърли стрелка, самовило,
(Самовило), дивна юдо!
Я стоим ти на мегдану,
(⏑) Да видим, што кеш чинииш“.
Ка дочула самовила,
(Самовила) дивна юда
Та му фърли [сос] остра стрелка,
Йостра стрелка црноперка.

---

[1]) Неломи, т. е. нетоми.

Он дочека в десна рака,
С(ъ)кърши а и га сломи́,
[И] бутна́ конѐ та по неа.
[И] самовила, как го виде
(ъ ъ ъ ъ) и [она] побегна.
Тува дева да я стигне,
Та я стигна̀ на мостове
(ъ ъ ъ ъ) мраморени,
Мраморени, каменени,
[И] я пригърна [и] я целива
И є строши 'си-те коски [1]).
Лежала є 'си-те пости,
'Си-те пости (ъ) велики,
И велики, и божики,
[И] от Петрови половина,
На мостови мраморени.

—

Тебе поем, сив[и] соколе,
Тебе поем, Бога фалем.
(Верковић, Нар. п. Македон. Буг. 299).

[1]) Кости.

XXIV.

Семьсот молодцов.

А. Кол. Гол. IV, 39, Станисл. окр.
Ой ходя', блудя' сімсот молодців,
Ой дай, Боже!
Доблудилися т' доброму пану,
Т' доброму пану, пану Василю.
„Пане Василю, переночуй [у] нас!
„Колись ми тобі *станем в пригоді:*
„Як будеш їхав в Угри по дівку,
„Поставим мости з білої кости,
„Заснуєм ліси паволоками,
„Засіем поле дрібнов жемчугов.
(Як будеш їхав з Угор а з дівков (?))
„Забриня мости з білої кости,
„Зашумя ліси з паволоками,
„Зарясхтит поле дрібнов жемчугов.

Б. Чуб. III, 419, А. Уман. у.
А в лісі, лісі (а в) Недоборі
Блудыло блудців сім сот молодців,
Приблудилися до пана Василя.

Они просят вывесть „з лісу з Недобору“ (= Медо-бору. „Медоборы и Товтры“ возвышенности на сѣв. от Днѣстра, Голов. I, Карпатск. Русь, 565—6), за что они станут в пригодѣ, как в А.

В. Чуб. III, 420, В. вм. „паворочками“ слѣдует „паволоками“?

Услуга их сходна с услугою сокола, переносящаго невѣсту, и змѣи (XXII, А). „Блудці“ напоминают *Бродников* (Сузд. лѣт. под 1223, Лѣт. по Лавр. сп.[2] 482). Число 700 тоже, что число бояр в свад. п. (Объясн. мр. п. I 157—8) и сватов в колядкѣ (см. ниже).

Г. Чуб. III 419, Б. Молодцы обѣщают пану за то, что он вывел их из Недобора, править *за него* (церковныя) службы на Св. вечер, Новый год и Велик-день. Это предполагает, по видимому: „править *ему* службу“ (военную и пр.).

Д. Кол. сообщена П. С. Ефименком, запис. в 1862 от 70-и лѣтней старухи.

А ў лісі, лісі [та] нерубаному,
[Та] нерубаному, [та] небуваному,
[Там] ходило [та] блудило сімсот молодців;
Приблудилося к тихомў Дунаю,
К тихомў Дунаю, к славному пану,
К славному пану, пану Івану:
„Та пане Йване, [та] виведь же ти нас
„Из сёго лісу [темного та] нерубаного! [1])
„Станем ми тобі в великій пригоді:
„Ой як будеш ти, [та] молод, женитця,
„[Та] виорем нив[оч]ку чорними орлами,
„[Та] засіем нов[оч]ку дрібними жемчугами [2]),
„[Та] помостим мости все золотиї,
„Поставим стовпи щирозлотниї,
„[Та] погатим гаткиї все вінковиї.
„Ой як будеш ти королівну вести [3]),
„Закричять орли в чистому полі,
„[Та] засяють жемчуги (та) на роздоллі,
„Забряжчать мости все золотиї,
„Засяють мости щирозлотниї,
„[Та] зашумлять вінки все вінковиї,
„[Та] замають короговки все шовковиї“ [4]).

Ст. 11, „виорем . . . *орлами*“. Костомар. (Ист. зн. ю.-р. н. пѣсенн. тв. Бес. 1872, XI, 28—9) приводит отрывок петровочной н.

---

[1]) З темного лісу нерубаного?
[2]) Дрібним жемчугом?
[3]) ... царівну вести? Или: Як будеш вести та королівну...
[4]) Корогви?

„Ой Петре, Павле, Іване!
Та зъоремо (s. вм. -імо) поле орлами,
Та засіємо жемчугами,
Та поставим стовпи золотиї,
Та повісим коври шовковиї . . .

и веснянку:

Орел поле изорав
И пшениці насіяв
Дівочкам на коровай,
Молодицям на пиво,
Парубочкам на диво.

Орел поле изорав
И ячменю насіяв
Парубочкам на коровай,
Молодицям на пиво,
Чоловікам на диво.

К. замѣчает (ib.), что эту веснянку, вѣроятно, надобно понимать в таком же смыслѣ, как и слѣдующую:

Грайте дівочки без орла,
Поки я принесу, принесу
Зеленее літечко, літечко,
Хрещатий барвінок, барвінок,
Старим дідам сіяньня, сіяньня,
Чоловікам ораньня, ораньня,
Молодицям гречку жать, гречку жать,
Вам, дівочкам, погулять, погулять,
Вам, молодим, погулять, погулять.

Кост. предполагает, что это говорит орел: „он заохачивает дѣвиц к играм, а сам обѣщает полетѣть и принести зеленое лѣто“ и пр.; „орел, приносящій лѣто и установляющій занятія людей, есть тот же восточный сокол, разсѣвающій животворныя сѣмена, и тот же греч. орел, спутник Зевса“.

Все это для меня неясно. Можно догадываться, что связь *орла* и *оранья* может и неимѣть других оснований, кромѣ созвучія. Могло случаться и так, что из стиха пѣсни=Летить орел через море, крилечками *паше* [1]), т. е.

---

[1]) Ср. Летить орел через море, крилечками маше;
Ніхто мені без малої правдоньки нескаже.
(Метл. 64).

машет (Объясн. мр. п. I, 128) выведно, что он пашет, т. е. орет.

Е. Чуб. III, 420, Г, сходно с А—В, но прибавлено изображеніе невѣсты, чѣм этот мотив связан с XXVII.

Ой чудо-ж була (не) невісточка
(На поле—хмарою, с поля дощем)
По дворі пройшла та й осіяла,
До сіней ввійшла, злота принесла...

XXV.

Молодец ѣдет в горы (v. за горы) по дѣвку.

А. Щедр. Гол. II, 168—70:

Поїхав Йвасенько в гори по дів[ой]ку,
В неділеньку пораненько!

Далѣе два момента:

1) Пріѣзд на мѣсто жениха со сватами:

(Вѣроятно люди выходят из церкви)
Хлопойки мовлят: „соколи летят“;
Жінойки мовлят: „війнойка буде!“
Дівойки мовлят: „сонейко сходит!“

Он берет из них самую красивую и *богатую*.

2) Возвращеніе домой и представленіе невѣсты матери. Невѣстка искусная пряха:

Ой буде ж прясти (s. вм. пряти) тонок-ось ленок
Господу Богу на кошулейку и пр.

Б. Кол. Чуб. III 290, Ушиц. у. В смѣшеніи с другими мотивами.

Ой рано, рано, пан Иван устав...

При свѣчах он собирается „за гороньки... до милої“. Мать провожает. Невѣста *богата*, нарядна ? :

Буде ся вбирала в Бога за дверьми.

В. Щедр. Чуб. III, 464, N 26, Холм. у.

N собирается „за гіроньки до дівоньки“. Мать свѣтит и совѣтует:

Небери син[онь]ку дів[оч]ки в таночку,
А бери синку [що] в полі на жниві...
Ой що за нею снопкі густиї,
( ), жмені частиї.

Сходно и в других пѣснях:

Недивися, сину, що головка гладка,
А дивися, сину, чи метена хатка;
Недивися, сину, що хóроше ходить,
А дивися, сину, чи ділечко робить.

Г. Щедр. Чуб. III, 464, N 27, Заслав. у.

N коня сѣдлает, отец свѣтит, спрашивает: „куда“
—За границю по дівицю!
Моя дівка багатирка:
В буддень ходить в сріблі, в злоті,
В свято ходить в оксамиті.

Сюда же Чуб. 416, N 141.

Д. Валков. у., записал И. Манжура, как колядку, но размѣр весняночный.

N кон[ика](и) сідлає,
N з двор[ик]а зъіжджає,
N-а бат[ень]ко питає:
„Що ти, сину, гадаєш?
„На що коня сідлаєш?
„Куда з двору зъіжджаєш
Сйночку мій?“
—Таточку мій!

(⌣) Шож тобі до сёго?
Осідлаю коня вороного [1]),
Та поїду до царя
Добиватись лицарьства;
Хоч лицарства недобьюсь,
Так я ума наберусь.
Таточку мій!

Тоже о матери, братѣ, сестрѣ и (?) милой. Это нѣсколько сомнительное видоизмѣненіе пѣсень свадебных: Гол. II, 657—8 и Чуб. IV 249 разм. 5+3: „соненько сходит та й грає“; Гол. IV, 307: „соненько сходит, в гору йде“ и лѣтней (Петровочной?) Чуб. III, 403—4, 12. Послѣдняя записана мною в Ромен. у. в таком видѣ:

Из за гори сонечко йде й грає,
Ивашечко кониченька сідлає.

---

[1]) Испорчен размѣр.

Вийшов к ёму батенько, питає:
„Ой куди ти, мій сйночку гадаєш,
(Що ти сёго коиченька сідлаєш?)
—(Ой що тобі, мій батеньку, до того?
Сідлаю я коиченька не твогó!
Поїду я до тестенька до свогó:
Там мене дівчинонька полюбила,
Золотими перстенями подарила.

По началу сходна также купальская (Stecki, Wołyń, I, 106).

XXVI.

N (возвращаясь со сватовства? с войны?) посылает вперед послов к матери, чтобы всытила меду для него, сварила пива для челяди. Гол. IV, 36, 3, Чортк. окр.

XXVII.

Невѣста говорит: . . . „*я до тебе сама прибуду*“.

А. Кол. Чуб. III 281.

Ні світ, ні зора занімається,
Молодий Василь прибірається
На королев[ський] двір (по) королівну [сватать]
(⌣) Одказала-ж [ёму] да королівна:
„Неідь (до) мене, несватай мене,
„(Бо) я (і)к тобі [да] сама прибуду,
„(Сама прибуду) рано в неділю,
„(⌣) Через [чистее] поле темною хмаркою,
„(⌣) Через [синее] море сірою уткою,
„Над твоїм дворцом дрібненьким дощом,
„У сіни ввійду ясною зорою,
„А в хату ввійду ясною свічкою,
„За столом сяду пишною панною“.
Свекор(ко) каже: „невістко моя!“
Свекруха каже: „послужка моя!“
Молодий Василь [каже: се] „невіста моя
(Невіста моя) [к мені] в гости прибула!“

Б. Кол., Основа, 1861, XI—XII, Свидницкій, Великдень у Подолян, 55.

У славнім селі, в багатім дворі
Ой дай Боже!
Там пьют молодці все добірній,
Меже ними есть кгрешний молодець,
Кгрешний молодець N хлопець,
Посилає він вірь явір за дівку,
Вона до ёго все лйсти пише:
„Кгрешний моло́дче, нетомй ко́ней,
„Нетоми коней, нетурбу́й люде́й:

„Там я до тéбе самá прибуду!“
(⏑) Полем ішла, як чорна хмара;
У село ввійшла, як дробен дощик;
У сіни ввійшла, як зорá зійшла;
До хати ввійшла, як паняночка.
(А) єго ненька аж ся зъумила:
„Що мені Бог дав за паняночку,
„За паняночку, за невісточку!
„По вóду пішлá—винá принесла,
„По вогонь пішла—злота принесла!“

В ст. 2 „пьют молодці“ и ниже, вар. В, „корчмонька“ ср. с началами серб. и болг. п. XXII, 2, г, е. В ст. 5 вм. несомнѣнно испорченнаго „вірь явір за дівку“, отлично от своей прежней догадки („в пръл“, „в вирій“, О мио. знач. нѣкр. обр. и пов. 204), я теперь читаю „до гір за дівков“, или „в гóри“, или „в Угри по дівку“. Ср. ниже В, Г, и выше стр. 125—6 и XXV.

В. Кол. Гол. II 611, Стрый.

Коло мостонька нова корчмонька,
Гой дай, Боже!
А коло неї коники в пені;
Один ми коник найворонійший,
До него хлопець найприборніший;
Бересь їхати в гори по дівку,
Она ж до него переказала:
„Коня нетоми, людей нетруди,
„Бо я ж до тебе сама прилену
„По над селенько чорнов хмароньков,
„На подвіренько дрібним дождиком,
„Ой а до сіней чом ластовою,
„Ой а до хати чом невістою.
„„Ой нене, нене, навчи-ж ти мене
„„Злото сновати, а срібло ткати!““

—

Бувай здорова кгречная панно!
Вінчуємо ти щастьем здоровьем,

Щастьем здоровьєм, доленьков добров,
Віночком ясним, дівчатем красним!“

Эти колядки поются как молодцу (ему хвала что у него такая невѣста), так и дѣвицѣ. В вар. В смѣшано поздравленіе дѣвицѣ (ст. 15) и молодцу (ст. 18: „дівчатем красним“).

Во 2 ст. я поставил „в пені“ (=„на припоні“, стало быть на готовѣ) вм. опечатки „в менѣ“.

Г. Кол. Чуб. III 424, упомянутая выше под XXIV E: 700 молодцев, „як будеш їхать *в гори* по дівку“, „мости“;

Ой чудо-ж [то] була, (не) невісточка и пр.

сходно с A—B.

С этим ср.

а) Шейн, Бр. п. 70; пѣсня помѣщена в числѣ масляничных. Дѣвица говорит:

„Шліся ка мнє, Гармонею [1]), [шліся] к бацькє майму
Калі м(є)нє „ бацька ня [о]ддасць,
Я за цябє „ сама пайду
Чираз поля „ широкая,
Чираз мора „ глубокая,
(⌣) На двор твой „ чорной тучею,
Ў сені тваї „ дробным дожд(ж)ем,
Ў хату тваю „ ясным соўнцем,
(⌣) За стол твой „ паненкаю,
Ў ложу твою „ міленькаю“.

б) Вр. свадебная: Кохановская, Остатки боярских пѣсен, Р. Бес. 1860, II, 135—6, Ст. Осколь. у.; Сах. Ск. Р. п. I, 3, 116 (5+3).

Зоря зорюшка Наталья,
Зоря бѣлая Ивановна!
(Ты зоря ль моя, зорюшка,
Ты душа ль моя, N)
Обошла город зорёю,
(Городом прошла зорёю)

---

[1]) Обращеніе повторяется в серединѣ каждаго стиха.

Пришла ко двору тучою,
Вдарила в ворота грозою (бурею),
Пустила силён дождь по́ двору,
А сама плыла утёною (уткою),
На терём взошла дѣвицей,
Махнула рукавом по столу:
(v. На крыльцо взошла павою,
Во новы сѣни лебедем,
Во высок терем соколом
Садилась за стол с молодцом,
Махнула платком во терем)
„Вы раздайтеся, бояре,
„Разступитеся, большіе! (v. дворяне)
„Вы послушайте, бояре,
„Чѣм меня бятюшка дарует:
„Дарует батюшка городо́м,
„Широки́м двором с теремо́м,
„Со косящетым со окном;
„Еще ли вѣковым другом,
„Молодым князем Федором.
(v. Чѣм меня батюшка жалует?
Небольшим даром, теремом.
Чѣм меня матушка жалует?
Вѣдь большим даром, женихомъ,
Вѣковым дружком N).

в) Варіант предыдущей п. (Шейн, Р. н. п. 450, Туль. г.) представляющій ту особенность, что, как выше (XXII, В), само величаемое лицо представляется говорящим:

Городом я шла зарею,
Ко бору (двору?) пришла тучею,
Ударила в ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама я поплыла уткою,
На крыльцо я взошла павою,
В новыя ворота лебедкою,
Во высок терем дѣвушкой,
Садилась за стол с молодцом,

С молодцом содружником
С Алексѣем Федоровичем,
Махнула платком через стол:
„Встаньте, бояре, к одной сторонѣ,
Слушайте, бояре, что я стану говорить:
„Сулил мнѣ батюшка семь городов,
„Потом родимый недал одного!“

С 13-го стиха размѣр другой из пѣсни ib. 457—8:

Сулил мнѣ батюшка семь деревень,
Повыдамши батюшка,—нѣт ничего.

Сравнивая кол. А—Г с пѣснями а—в) видим, что особенность колядок — изображеніе идеальных, желанных житейских отношеній молодой. Она—гордость свекра, свекрови, мужа (А 14—7); она показывает, что хочет научаться от свекрови всему доброму (В 13—4) [1]); она счастливая, удачливая (Б 17—8) [2]). Ст. Б 17 (ср. XXIV, Е) объясняется нѣмецким и русским повѣрьем, что около полуночи под Рождество или под Крещенье (рѣже — под Свѣтлый праздник) вода в криницах превращается в вино (Grimm Mythol. 551—2, Аѳ. П. В. III 741, Чуб. III 3), при чем только *щастливый* может уловить это мгновеніе: „На багатий вечір буває такая година, що вся вода переміняється в вино. І була, кажуть, їдна така *щаслива* дівчина, що поспіла як раз у такую годину до криниці, і як набрала води та принесла до дому, то в їдним відрі була вода, а в другім вино“ (Под. г., Драгоманов, Мр. н. пред. 144). Есть также мр. разсказы о превращеніи жару в золото, между прочим, как нѣкто пошол в поле к

---

[1]) Она и сама умѣеть „злото сновати“ и пр., но считает нужным показать себя на первых порах несвѣдущей. Ср. лотыш. п.: „умѣючи работать иду я в (чужи) люди (т. е. замуж), но притворяюсь, что ничего незнаю; пытаю нрав (приличіе, честь) свекрови, станет ли она меня учить“, Сб. антропол. и этногр. изд. Дашковым, II, N 809.

[2]) Ср. родиться на зорѣ—счастье, Объясн. мр. п. I, 102.

костру за огнем и как чумаки насыпали ему в припол или в покрышку жару, который дома оказался золотом.

Общія черты колядок и пѣс. а—в), необнаруживающія заимствованія ни с той, ни с другой стороны, и суда по этому — древнія, восходящія, быть может, к миѳологическим основам, — то, что невѣста идет тучею (и бурею в вр.), дождем, зорею (и солнцем). Сходныя представленія см. в Объясн. мр. п. I, 61, 68—9. Ср. также слѣдующее:

Туча и дождь:

Вдова

. . . ненайшла родини, найшла в полі билину [1]),
Найшла в полі билину, матусину могилу,
До могили припала, матусеньки гукала.
(Мать из могилы:)
„Ой куди ти доню йшла, що ти мене тут найшла?
„Чи *чорною хмарою,* чи *дрібненьким дощиком,*
„Чи тихою водою? . . . (Метл. 277).

Свадебная:

Ох и говорила да туча з громом:
Да рано, рано,
Ох и рано, рано да ранесенько,
Да туча з громом!
„Да що ти пȳйдеш да з стуком-груком
„Й-а я за тобою из дрȳбним дощем;
„Чи славен (славній?) ти будеш с стуком-груком,
„Ой чи я славнійша из дрȳбним дощем?“
Ох и говорила Маруся з Иванком:
„Й-ой ходім, Иванку, да до церковки;
„Да то ти пȳйдеш из музиками,
„Й-а я за тобою из дружечками;
„Чи славен ти будеш да музиками,
„А чи я славнійша да [из] дружечками?“
(Чуб. IV, 179).

Ср. также в вр. п. „туча грозная“ — жених, Шейн Р. н. п. 529, 544; туча сахарная (?), ib. 524—5.

[1]) Подобіе свое.

Зоря и *роса*—см. Объясн. мр. п. I, 93—8 и II 83 (Походющая зіронько . . .“ гдѣ вм. „Гол. IV, 159“ читай Чуб. IV, 159).

Разсматриваемый образ невѣсты — есть итог нѣсколькихъ, первоначально встрѣчавшихся отдѣльно, связанныхъ лишь единствомъ примѣненія, именно слѣдующихъ: невѣста= а) туча и дождь; б) зоря (и солнце); в) утка (ласточка, нава, лебедь). Эти слагаемыя древнѣе своего итога.

По отношенію къ связи представленія невѣсты (утренею) зорею (и на оборотъ зори невѣстою) с „сама прибуду“ считаю важнымъ свидѣтельствомъ лот. п. (Спрогис 158 (78)):

Пате наце гайсуминя
Непиркама, неведама;
Ба̀линям лѝгавиня
Та пиркама, та ведама.

(Сама взошла (соб. пришла, т. е. приходит) зоря, ее ненужно покупать (о выкупѣ невѣсты), ни вести (т. е. замужъ); братцу милую (невѣсту) ту нужно покупать, нужно „вести“ (т. е. брать изъ дома родителей). *Гайсуминя* = *гайсминя* (Бривзем. в Сб. антроп. ст. Дашк. II, N 633), уменьшит. и ласкат. при *гайсма*, утренняя заря (ibid. NN 303, 344, 1018, 1021—1), синоним. литов. *auszra* (gáisma aust=лит. auszta auszta, разсвѣтаетъ заря).

г) Мотивомъ „сама прибуду“ кол. А—Г и пѣсня а) связываются с Вятскою кол. („виноградье“) у Колосова Замѣт. о яз. и пар. п. 3, стр. 251—2):

Как у города у Архангельсково
Виноградье красно зеленое!
У тово же пристолища корабельново
Тут стояла же берёза кудреватая,
У этой берёзы коренье булатное,
У этой берёзы кора позолочена,
У этой берёзы прутья серебряны,
На этих же прутьях листья комчатные;

У этой же берёзы высок терём;
Тут сидѣла же душа красна дѣвица,
Она шила вышивала шириночку,
Шила-вышивала чистым серебром,
Она строки строчила красным золотом.
А тут зазрѣл-засмотрѣл доброй молодец:
„Я пойду, да доброй молодец, во кузницю,
„Искую три пилы, три булатные,
„Потпелю же я берёзу кудреватую,
„Уроню же я з берёзы высок терём!“
А тут услышала душа красна дѣвица:
„И неходи же, доброй молодец, во кузницю,
„Некуй три пилы, три булатные:
„Ну и будет время—*сама сойду*,
„(Сама сойду), за тебя пойду“.

Изображеніе чудеснаго дерева см. выше (XV, 4, в, стр. 229, 231).

Из связи видно (особ. ст. 17, 21), что в ст. 8-м (который у Колосова стоит четвертым) „*у* этой берёзы“ слѣдует понимать, а может быть и читать так, что *на* березѣ терем, в нем дѣвица. Эту черту ср. с упомянутым выше (228, 236); солнце (женщина) *на* деревѣ, Объясн. мр. п. I, 64, 153.

„*Махнула платком* (рукавом)... *вы раздайтеся, бояре... дарует батюшка городок*“. Этот величальный мотив (стр. 392) принадлежит к числу тѣх, которые, встрѣчаясь в своеобразной обработкѣ с одной стороны в вр. мѣстностях (Туль. Кал. г. и др.), с другой — в Коломыи и Буковинѣ, недают повода предполагать заимствованіе и должны быть отнесены к общерусским (м. б. до XIII в.?).

а) Коляд., Купчанко, П. Буковин. н., Зап. Ю.-з. отд. Геогр. Общ. 376; Гол. IV, 536. Ис за лѣсу всходит зоря:
Гей в лісі, в лісі да й в Недоборі
Гой дай, Боже!
Ци вогонь горит, ци місяць світе?

—Ні вогонь горит, ні місяц світе,
Кгрешная панна вінком сіяе,
Вінком сіяе, бояр честуе:
„Станьте, бояре (v. *и*) в одну сторону,
„Бо мене батько даром даруе,
„Даром даруе, три села дае:
„(⌣) Одно село з старими людьми,
„А друге село из парубками,
„А трете село из дівочками;
„З старими людьми село порядне,
„А з парубками село буйное,
„А з дівочками село славное!“

β) Кол. Гол. IV, 124—5, Колом. окр.

А в вінці, в вінці, в виннім городці (1)
Гой дай Боже!
Стоїт Параска на перехідці (2)
Фустков махае на свої бояре:
„Роступітеся, панове бояре,
„Бо хоче мене лелька (3) дарити
„(⌣) Хоче мені сто волів дати . . .
. . . „А всі с плугами на хліб орати.

Далѣе . . . „мамка . . . сто коров . . . а всі с теляти“ . . . , „братик . . . сто овец . . . а всі з ягняти“.

(1) Опредѣленіе не мѣстности, а под видом мѣстности—состоянія дѣвства. См. ниже XXXIV, 1, А, Б.

(2) *На перехідці*. Ср. Ипат.², 319, под 1152: И якоже съѣха Петръ съ княжа двора, и Володимиръ (Володаревичь Галичьскый) поиде к божници къ святому Спасу на вечернюю; и якоже бы *на переходѣхъ* до божници, и ту види Петра ѣдуща и поругася ему . . . И отшѣвше вечернюю, Володимиръ же—отъ божници; якоже бы на томъ мѣстѣ *на степени*, идѣже поругася Петрови, и рече: „оле тѣ! нѣкто мя удари за плече!“ . . . и хотѣ летѣти (= упасть), и ту подхытиша и подъ руцѣ и несоша и въ горенку“. . .

(3) Отец.

Свадебныя аа) Чуб. IV, 161, над Збручем, когда дарят невѣстѣ:

Скочила Маруся на терем (sic вм. терен),
Махнула хусточков на перед:
„Розступітеся, родино!
„Най мене даруе чужина
„Не великим даром—посагом,
„А щастям-здоровьям за столом!“

бб) Чуб. IV, 394, Староконстант. у. Волын. г., когда прощаются с невѣстой при переѣздѣ ея в дом жениха:

Вступила Маруся на поріг (на моріг?),
Махнула рушничком на поріг (в. вм. періг):
„К стороні, дружечки, к стороні!
„А пустіть мене к столові:
„Чимсь мене матінка даруе?
„Великим даром, посагом,
„А вічним мужом Іваном!“

В дополненіе к вышеприведенным вр. п. ср. еще хороводную [а) Халанскій Р. и. п. Щигр. у., Р. Ф. В. 1881, 1; б) Варенцов, Сб. п. Самар. кр. 120; Коханов. Остат. бояр. п. Р. Бес. 1860, 2, 73]:

а) . . . (Аннушка) узяла платок, павяла танок,
Узяла другой, павяла кругом.
Танок вывяла, платок кинула . . .
„Князья, бóяря, станьтя óдаля,
„Станьтя одаля к адней стóраня!
„Єдя батюшка всех нас перядя,
„Хочя всех дарить, всех пажалавать,
„Всех па гораду, всех па новаму,
„А Сямёнушку нібальшим даром:
„Вараным канём, каваным сядлом!
„А вот Аннушку куняй шубою,
„Бобром пушана, дó-земи (v. на-земь) пушпана
„До сырой зямли, мурáвой травы“.

По б) отец ѣдет с торгу; по в) он „подарит всѣх—стольным городом с пригородками, А мене младу вѣковым другом“.

Другой оборот получает черта „вы раздайтесь“ в вр. п. Якушк. Соч. 609 (N 105), Холмогоры:

Вы раздайтесь, разступитесь, добры люди,
Вы па всѣ ли на четыре сторонки,
Покуль батюшко меня за муж не выдал
За того ли за дѣтинку за невѣжу . . .

т. е. до тѣх пор только и величаться. Ср. серб.

Ђевоване, моје цароване!
Цар ти бијах, док ђевојком бијах!
Кар. II. I, 300.

XXVIII.

Дѣвица в деревѣ.

По тому же мотиву „сама прибуду“ сюда относится серб. п. разм. 4+4 (Кар. II. I, 364—5), у Караджича— безыменная, которую я считаю величальною. Может быть случайно сходство этой п. с XXVII г) в том, что как в г) дѣвица *на* деревѣ, так в д)—*в* деревѣ.

Бога моли младо момче:
„Дај ми, Боже, златне роге
„И сребрне парошчиће,
„Да прободем бору кору,
„Да ја видђу, шта ј' у бору“.
Бог му даде златне роге
И сребрне парошчиће,
Те прободе бору кору;
Ал' у бору млада мома,
Пак засија, кано сунце.
Њој говори младо момче:
„Ој чујеш ли, млада мома!
„Просио-б' те, недаду те;
„Мамио-б' те поћи нећеш;

Отим'о б' те, сам немогу".
Ал говори млада мома:
„Оj Бога ми млад jуначе!
„Непроси ме, недаду ме;
„Неотимли, погинуħеш:
„У мен' има девет браħе
„И толико братучеда;
„Кад пojашу вране коħе,
„А припашу бритке сабље,
„Пак накриве вучи-капе,
„Страота jе погледати,
„А камо ли дочекати;
„Грijота jе погинути,
„А страмота побjегнути;
„Веħе ме мами, *ja ħу поħи.*

Оставляя в сторонѣ превращеніе в оленя, отмѣчу в этой п. двѣ черты:

а) Дѣвица, вышедши из под коры сосны, „засіяла как солнце". Дѣвица, выходящая *из* дерева, одѣтою в солнечное (мѣсячное, звѣздное) платье, встрѣчается в сказках типа „Cenerentola", „Aschenbrödel", „Свинячий" (мишачий) кожушок", гдѣ, впрочем, дѣвица сначала входит в дерево, напр. Аѳ. Ск. вып. II, N 31: „дуб разступился, она одѣлась"; Рудч. Ю.-р. ск. II, 46: „вѣрбо ярая! одчинись-отворись, Ганна панна йде!" и пр.

б) Дѣвица в деревѣ — не ровня молодцу: ему бы ея недобыть; его счастье, что она *сама* пойдет, но этого могло бы и неслучиться. В другой п. (Mikuličić, Nar. prip. iz Hrvatsk. primorja, 139) она неровня потому, что она вила:

Зрасла jелва крај луга зелена.
Мимо иде jедно младо момче,
Пикне с чизмум ва jелву зелену,—
Скочи вила из jелви зелене.
„Не биж, вило, бит ħеш луба моja!"
—Како би ja луба била твоja?
Бура ми je зибарица била,

А зикица [1]) букова корица,
А пленчице букови листићи!

В свадебной п. Кар. Пјес. I 64—5 (см. выше XXIII, B) вила не гордится этим, а смиряясь перед человѣческою культурой, объясняет, почему она не так хороша, как Петрова милая:

„Мала ти фала, делијо!
„Ако т' је лепша љубовца
„Од мене виле од горе.
„А ну је мајка родила,
„У свилен повој повила,
„Мајчиним мл'јеком дојила;
„А мене вилу од горе,
„Мене је гора (=лѣс) родила,
„У зелен листак повила;
„Јутрења роса падала,
„Мене је вилу дојила;
„Од горе вјетриц пувао,
„Мене је вилу шикао:
„То су ми биле дадије!“ [2])

Пѣсни эти, по видимому, недвусмысленно говорят, что в состав сложнаго содержанія, объединяемаго под словом „*вила*“ (мое соч. О миѳ. знач. нѣкр. обряд. и повѣр. 167—75; Объясн. мр. п. I 85; Аѳ. П. В. II, 152 слѣд. и указатель) вошли древесныя нимфы, рождающіяся (и умирающія) вмѣстѣ с деревом [3]), но также и отдѣляемыя от одушевляемаго ими дерева, водящія под ним хороводы и пр. „Вила од горе“, „горска вила“, которую „је *гора родила*“, есть не горная (как думал Аѳ. l. c. III 156; это „вила од планине“ = ὀρεστιάς), а лѣсная (δρυάς, ἁμα-

[1]) Перестановка из *зшкица (= зыбкица, зыбка, колыбель)?

[2]) Няньки, мамки.

[3]) Вѣрованіе широко распространенное. Ср. Schiefner, Indische Erzählungen, Bullet. de l'Acad. des sc. de St.-Petersb., XXIV, 474: в саду мгновенно выростает дерево кадалӣ, через 7 дней оно трѣскается и из него выходит красавица.

δρυάς; „ἁμαδρυάδες νύμφαι διὰ τὸ ἅμα ταῖς δρυσὶ γεννᾶσθαι; μελίαι и пр.), из тѣх которыя γίγνονται . . . ἀπὸ ἁλσέων (Od. X, 350; Mannhardt, Wald und Feldkulte II, 5 слѣд., 33). Этимологія слова *вила* может быть независима от этого. Аѳ. (П. В. III, 153, 182) думает, что это слово значит вьющая, болг. *само-вила*—самовьющая, самопряха (?); я сближал с **вити*, гнать, от того, что вила гоняет облака; но возможно и то, что слово заимствовано, тогда как содержаніе его — заимствовано только отчасти. Соблазнительно сходство звуков и значенія с римским *virae* querquetulanae, „nymphae praesidentes querqueto virescenti“ (Fest. у Мангарта, Feld u. Waldkulte II, 34).

Что до болг. „*самовила*“, то неподлежит сомнѣнію, что значеніе этого слова во многих точках совпадает со значеніем слова *вила*. Если в болг. книжной легендѣ сивилла, родившаяся от сѣмени царя Давида, названа самовилой (Веселовск., Опыты по истор. развитія христіанской легенды, II, I Сивилла-Самовила и пр., Ж. Мин. Н. Пр. 1876, Февр. 252, 255), то это может значить не то, что сл. *самовила* возникло *из сивилла* или под вліяніем его, а лишь то, что пересказчику первое было болѣе обычно, чѣм второе. Спрашивая себя, что вѣроятнѣе: то ли, что *само-* в *самовила* выдѣлилось из непонятнаго слова и особособилось под вліяніем славян. *сам*, из слова, от котораго пошло и *вила* (или с которым вила неимѣет ничего общаго), или то, что *само* приставлено к готовому *вила;* я отдаю предпочтеніе послѣднему. *Само-* нѣкогда приставлено к *вила*, точно также, как оно приставляется к *горска* (вила горска = самовила самогорска, Милад. 1, 5, 6), к *дива* (Самодива, ср. „самовила дивна юда“ выше XXIII, B). Конечно, остается вопросом, под вліяніем чего, кромѣ безсмысленнаго здѣсь слав. *само-*, могла произойти такая приставка. Может быть, если вила = *δρυάς*, то образцом для *самовила* послужило *ἁμα-δρυάς*? (Pr. Sobotka Rostlinstvo v nar. podaní, 21).

XXIX.

Знатная (небесная) родня.

1. *Дѣвица не ровня молодцу: у нея знатная родня.*

Русских колядок, относящихся сюда, невстрѣтилось, но А. слѣдующая вр. п. (Липец. у. Тамб. г., Аѳан. П. В. I, 80), по видимому, есть величанье дѣвицѣ и по замѣтному ней основному размѣру 5+5 принадлежит к одному типу с колядками.

Дѣвица говорит:

„Перевощик, добрый молодец!
„Пер'вези меня на свою сторону!"
—[Я] пер'везу тебя, за себя возьму.

На это дѣвица:

„ . . . [ты] спросил бы меня,
„Чьего я роду, чьего имени?
„(⏑) Я роду-то (⏑) небольшого,
„( ) (⏑) ни малаго:
„(⏑) Мнѣ матушка красно солнушко,
„А (⏑) батюшка (⏑) свѣтёл мѣсяц,
„Братцы у меня часты звѣздушки,
„А сестрицы (⏑) бѣлы зорюшки!"

Ст. 1—3 относятся к мотиву „перевоз—брак" и не находятся в необходимой связи с мотивом „знатная родня". В других сродных пѣснях нѣт рѣчи о перевозѣ и указаніе на родню дѣвицы мотивируется иначе. Поэтому, кто считает нужным возводить эту пѣсню к миѳическим основам, тот должен это дѣлать отдѣльно для каждаго из двух главных ея мотивов, или же, что затруднительно, признать их исконную неразрывность. Говорю это в виду толкованія этой пѣсни как цѣлаго: вода здѣсь (т. е., ко-

нечно, не в самой пѣснѣ, а в предполагаемом ею мнѣ) есть океан ночного неба, а дѣвица—вечерняя заря (Dämmerung), дочь солнца (Mannhardt, Die Lettischen Sonnenmythen, Zeitschr. f. Ethnologie, VII, 305).

По 2-му мотиву вышеприведенная п., кромѣ нѣкоторых частностей, сопоставляется со слѣдующими.

а) Кар. П. I, N 232:

Извирала студена водица,
На водицу сребрна столица.

На ней золотоногая, золоторукая дѣвица. „Оно чудо по свијету пође“. Заслышал и паша-тиран (ср. XXII, 3, б), послал двух слуг узнать, правда ли это, и, увѣрившись, сам пошел по дѣвицу с 600 сватов. Завидѣв их, дѣвица:

„Фала Богу, чуда великога!
„Да ли је се паша помамио? [1])
„Кога хоће да узме за лубу?
„Да он узме сунчеву сестрицу,
„Мјесечеву првобратучеду,
„Даничину Богом посестриму?!“

И вмѣсто дара (яблока), который обручаемая дает жениху, она бросает к небу 3 яблока; сваты бросаются ловить, но три молнiи поражают, одна — 2-х деверей, другая пашу жениха, 3-я сватов.

б) Кар. П. I, N 233:

Тамо кажу гору јаворову
И у гори воду босилькову,

у воды чудеснaя дѣвица; царь посылает за ней двух гонцов, она является, и первая, недожидаясь вопроса, говорит:

„Што си, царе, за ме поручио?
„Ја сам сунцу рођена сестрица,
„А мјесецу првобратучеда!“

Царь отпускает ее с подарком.

в) *а*) Колядка („на Стјепан дан (27 Дек.) пјевају дјеца идући од кући до куће“) Mikuličić, P. iz Hrv. Promor., 138). Запѣв (ст. 1—9) — разговор дѣтей? Одно из

[1]) Съ ума сошел.

них заросило рубашонку в долинѣ, гдѣ видало диво: золотыя пити и пр.? Вѣроятнѣе, что „кошулице“ есть описка или опечатка вм. „кошутице“ (лань).

„Росна, росна кошулице!
„Каде си се уросила?
—Тамо доле ва долине,
Каде расту златне жици,
Златне жици, подвежици.—
„Отргнимо једну жицу,
Па ју посмо златарићу,
Да нам (=пам) скује ключ од града,
Да видимо ча ј' ва граду.
Ва граду је девет братац,
Мед ними је једна сестра.
Причели су коншилати [1]),
Да кому те сестру дати.
„„Боле ју је дати сунцу,
„„Боле сунцу, лех месецу;
„„Сунце ће ју огријати,
„„Месец ће јој свекар бити,
„„А влашићи [2]) деверићи.
Туту буди, Боже, фален
Из Марију навек, амен.

в) β) Iv. Kukuljević, Različita dela, IV, 205, из Топлицы на ю.-в. от Вараждина. Вѣроятно, тоже колядка.

Oj (hoj) дивојка медјиморка!
Где си воду заjмала? [3])
—На крај села под храстичом, [4])
На храстичу *злата роса,*
Њо ми бере злати ключар,
Њо ми несе дал далеко,
Дал далеко *рај-ковачу:*

---

[1]) Совѣтоваться, ит. consigliare.
[2]) Pleiades.
[3]) Брала.
[4]) Храст—дуб.

„Куј ми, ковач, девет клучов,
Девет клучов одшрачов,
І кім одпремо девет комор,
Ву десети—Мара сестра.
Братци со се споминали [1]):
„Кам хочемо с Маром сестром?
„Јели к сонцу, је л' к месецу:
„Сонце свети, месец мрачи".

О чертах „золотая роса", „ковач дѣлает из нея тото" см. ниже (XXXIII, 8). Величанье дѣвицѣ—между прочим в том, что она росла за 9-ю замками: ср. выше, стр. 336 и слѣд.

ћевојка је у кавезу расла . . .
. . . Ни виђела сунца, ни мјесеца
(Кар. П. II, 223).

Сходный образ, подчиненный схемѣ „милый лучше отца—матери" находим в п. у Гол. IV, 78, названной колядкою, но скорѣе, судя по размѣру 5+3, относящейся к весенним или свадебным:

Ой заперлася Ганус(я)[ейка]
У яворовій коморі.
Прийшов до неї батейко:
„Ой отворися, донейко!"
—Неотворюся, батейку,
Бо (я) ся бою вітройку:
Сонце личейко а вшече,
Вітрець косойку усіче.

Тот же отвѣт матери, брату, а милому:

Ой отворюся милейкий и пр.

От этой п. неотдѣлима литов. того же размѣра и содержанія, Juškevič, Liet. dajnos I, N 87:

Atéjn debesis; atéjna,
Tóje debesý kamára . . . [2])

---

[1]) Говорили между собою. Хорут. meniti se, spomenkovati se, говорить.

[2]) Ср. „град . . . на грани од облака", Објасн. мр. п. I, 76, слѣд.

Отец просит:

„Atdarýk, dúkra, łąngiali¸,
„Padûk ma bałtą rąnkialę.
—Ni aš łąngiálu daryšiu.
Ni bałtú rąnku nedûsiu:
„J¸pus vėjalis vejdiálus,
J¸degs sauliale rąnkiáles и пр.

Ср. также купальскую, Чуб. III 212. „Сберегать от вѣтру“ = от дурной славы — мой Разб. нѣс. Головац., отд. отт. 70—2.

г) Безыменная, сходная с предыдущею, Кар. II. I, N 229, „Из горнега приморја“. Ст. 1—17 — запѣв с колядочною чертою: дѣвица — теряет перстень, находит жених. Связь запѣва с дальнѣйшим неясна.

Паде магла по Бојани,
Ситна роса по ливади,
Нитко росу проћ неможе,
Него једна боса Маре [1]);
Ни она је проћ' неможе,
Нога јој се поплужнула,
Прстен јој је оскочио.
Маре Марка потворила [2]):
„Ти ми, Марко, прстен нађе“.
Марко јој се куњијаше:

---

[1]) „Перейти через росистую ливаду=перебрести снѣжное поле“ (см. Указатель). Пріем „нитко... него“ свойствен и русс. пѣсням:

Ой ніхто там небував, де ся явір розвивав,
Тілько бувало три місяці ясних,
Три місяці ясних, три молодці красних...

—

...Как по той по дощечкѣ
Никто нехаживал,
Никого неваживал;
Перешел N сударь (жених),
Перевел N (невѣсту).

(Сах. Ск. Р. н. I, 3, 115, 130; Гул. Оч. Ю. Сиб., 31).

[2]) Несправедливо обвинила.

„Нијесам ти прстен наша',
„Но сам синоћ с војске дошa'.
„Пуштах хрте и огаре,
„Пуштах хрте низ ливаде,
„А огаре уз дубраве,
„До Дунава доходише,
„На Дунав се надзираху,
„Ал' су у град [1]) девет братах,
„Деветина сестру мају;
„Но их сестру сунце проси,
„Ниједан је брат недаје;
„Она браћа говораху:
„„А не, брате, један брате!
„„Јер је сунце огњевито,
„„Сестру ће ни изгорети"".
„С друге стране мјесец проси,
„Ни један је брат недаје,
„Најсредњи је брат даваше,
„Сва га браћа послушаше;
„Јер се мјесец промјењује,
„Она има својте [2]) доста:
„Све звијезде за јетрве [3]),
„Преходницу другарицу,
„А даницу заовицу" [4]).

д) Кар. П. I, N 234, разм. 4+6:

Дѣвица построила среди лѣса великолѣпную церковь. Это диво дошло до царя. Он посылает за нею 2-х своих

---

[1]) „Као да се овдје *Дунав* мисли да је град. Крањци Беч зову Дунај". Караџ. Но может быть и иначе: хорты и огары с берега Дуная видят город, замок.

[2]) Родни.

[3]) Жены братьев (мѣсяца).

[4]) Сестра мужа, т. е. мѣсяца. Ср. Кар. П. I, N 230: звѣзда деница женит (брата) мѣсяца на молніи, Бог и святые в поѣзжанах, молнія раздает им дары. В пѣснѣ Кар. П. II, N 2, „огњана Марија" при раздѣлѣ власти между святыми получила от Бога „муњу и стријелу".

племянников. Тѣ застают дѣвицу перед ея палатами (дворови), на золотом престолѣ (столови), грозную, с голой саблей на колѣнях (преко крила) и несмѣют даже подойти к двору. Царь собирает большое войско, но дѣвица

Јелен-рогом шарца оседлала,
Лутом га је змијом зауздала,
Још га лутом змијом ошибује [1]);

она избивает войско, берет в плѣн и ослѣпляет царя.

е) Кар. П. из Херцег., N 260, размѣром свадебных пѣсень (4+4+5):

Град градила бјела *вила* као Цариград,

лучше Цареграда: башни украсила цвѣтными (?) камнями, стѣны из костей коней и юнаков (Објасн. мр. п. I, 83—5), на вышках—людскія головы позолоченныя. На ея вопрос вѣрный ея слуга Никола отвѣчает, что город (замок) ея лучше Цареграда.

То се чудо далек чуло, до у Цариград.

Царь посылает войско разрушить этот город, но вила берет в руку горсть каменьев и избивает войско.

ж) Кар. П. I, N 239, „Луба змаја огњенога“ на приставанье 3-х молодцев *у воды* отвѣчает:

Проћте ме се три млада бећара:
Ја сам кћерца цара честитога,
А сестрица паше Босанскога,
Вјерна луба змаја огњенога“.

Относительно мотива „змѣй уносит дѣвицу“ ср. Милад. 11.

з) Верковић, Н. п. Макед. Буг. 58:

Прочула се [е] Катерина [2])
С хубавина, с гиздавина,
Й-а найвеке сос работа,

---

[1]) Ср. Милад. 179: ... Гюргя самовила
... си зеде сурего елена,
Си го зеде за коня бързего,
Узенгии до две люти змии,
Жълта смока за камджик ѫ зеде.

[2]) Имя величаемой.

Прочула се й (=є) дур на цара.

Царь посылает трех послов узнать „што човек є, што юнак є“. Мать отворяет им двери:

„Катерина не є тука:

„Отишла є на друшки-те,

„У друшки вез да зафашта“.

Мотив „та се фала чак до цара чула“ (что дѣвица искусная пряха и пр.), Кар. П. I, 164, 99 и вышеупомянутая ib. N 233.

---

2. Прежде чѣм перейти к дальнѣйшим сближеніям пѣсни A, остановлюсь на поэтическом пріемѣ, свойственном как русскому, так и многим другим языкам.

Сила качества изображается или объективными признаками (на пр. много = толпа, тьма и т. п.) или состояніем лица воспринимающаго впечатлѣніе. Это состояніе в свою очередь выражается или объективно, эпически, или субъективно, лирически, выраженіями интеръекціональнаго характера [1]), при чем между тѣм и другим способом есть переходныя ступени.

---

[1]) В мр. *крий Боже*, на́роду якого там зібралось! Гребінка; „вітер по землі *крий Боже* заревів“, id.; „за ними ввійшов Василь ... *крий, мати Божа!* ні живий, ні мертвий, білий як стіна“, Квітка;

„И каких-то цвітів там небуло (на плахті)? *Батечку мій*, та й годі“, Квітка (т. е. цвѣта были столь разнообразны, что при видѣ их зритель только воскликнет „батечку мій“ и не в состояніи будет больше ничего сказать); „*матінко моя*, який-то хороший!“ (обычно); „*батечки мої!* як то дуже засумовала“, Кв.; вр. „*батюшки свѣты*, какой ...“. Единственное число есть здѣсь первоначально восклицаніе дитяти, которое неможет иначе выразить изумленія, страха и пр., как обращеніем к отцу, матери; множественное число есть обобщеніе таких обращеній и первоначально — относительно болѣе спокойное выраженіе состоянія множественным числом того слова, которое вызывается этим состояніем.

„Жінки голосять так, що *страх*“, Греб. (=аж страх бе-

То, что выражается только указаніем на чувство зрителя или восклицаніем, какое вызвано этим чувством, то иначе невыразимо. Это уравненіе в Гомер.

ὅσσα τὰδ' ἄσπετά πολλά (=) *σέβας μ' ἔχει εἰσορόωντα*,
Od. IV, 75,

как здѣсь несказанно много (золота, электра), страх меня берет, когда смотрю; нарѣчіе *ἄσπετον* сильно. Мр. „и сказати неможна, яка хороша“.

ре чоловіка); „*страх*, який хороший (вр. ужас, какой красивый); „*страх* (нарѣчіе) хороший!“ = Гомер. *σέβας μ' ἔχει εἰσορόωντα*.

Сюда же *дивный*, *чудный*, *чудесный* в знач. прекрасный; вр. обл. *дивно*, много, давно; серб. *чудо*, много: чудо паса ујеђоше вука (nec Hercules contra plures; мр. „гуртом и каша їється“, иронич. „гуртом добре й батька бити“).

Смѣшанное, неопредѣленное чувство заставляет в подобных случаях прибѣгать к ругательству, проклятію, обращенному не к предмету (часто прекрасному, милому) вызывающему это чувство, а пущенному на вѣтер; при этом однако возможно, что грамматически проклятіе будет относиться и к этому предмету, так что получается нѣкотораго рода lucus a non lucendo.

Головочка гля̀денька, гладенька!
Сорочечка біленька, біленька!
Цур пек ёго (не "*ей*") *ма* (т. е. матері),
Яка Стешка чепурна! (н. п.);
—Ось тиждень, як небув, дивлюсь—
Кат ёго ма (=матері)!
На вишеньці гостей (=горобців) нема, Греб.

Серб. А каква је, *родила је кура!*
Искићена човом венедичком,
Начичана сребром бијелијем,
Испуцена златом жеженијем,
А од себе дивна и угледна,
Лепша цура, но бијела вила.
(Кар. Пјес. IV, 62).

А тако ти (т. е. Бога), моја мила мајко,
Они турчин од кога је града?
Диван ти је, *три ча јада била!* (Пѣв. Черног. 59).

На основаніи таких выраженій образуются мнимо бранные

Что несказанно, то невѣдомо человѣку, *то есть* (sic) вѣдомо не ему, а Богу, чорту: „Бог (чорт) знает, как много и т. п.“ [1]).

Еще сильнѣе гомер. ἀθέσφατος, несказанно большой, сильный и пр., соб. такой, что и Бог нескажет.

Приближаясь к цѣли этого отступленія: как неизвѣстное есть то, что извѣстно Богу, и то чего человѣк неразсудит, разсудит Бог („а то Богови судити“ Русс. лѣтоп.); так то, *чего человѣкъ неимѣетъ* есть то, что *имѣетъ Богъ, чортъ*. Отсюда для *никто* — чорт, для *нѣтъ ничего* — мр. *бiг ма* и пр. [2]).

эпитеты, выражающіе не негодованіе, презрѣніе и пр., как бы слѣдовало из их прямого значенія, а, противоположно эвфемизму, благосклонное удивленіе, любовь и т. п. Таково серб. *курвић* (мр. скурвий син, соб. подлый, что напоминает вр. о дѣвкѣ, м. б. красивой и милой — „она шельма, подлая...“), *пуст, клет:*

Конь (такой смышленый), что
„Сам се курвић по авлији шета“.
На ногама гаће шаровите,
Какве су јој клете искићене (Кар. Рјечн.);
„каква је, клета! неможе се човјек нагледати“ (ib.); болг. клето сърце (т. е. милое, свое, Гомер. φίλον κῆρ); „лијепа је, пуста, као вила“ (К. Рјечн.).

[1]) Мр. „там *морока ёго* знае, як-то мудро тогдi танцёвав“ („як то гарно намалёвав“), Кв.; „а оружжо! там *погибель ёго знае*, як то живо списав“ (маляр), id.; „вража ёго мати знае, на що вiн гадае“ (неизвѣстно, на что он намекает).

Я думаю, что мр. выраженія „*з чорта* (*з биса*) гарна“ объясняются из того значенія предлога *съ*, которое в *столько* и пр. (съ толико = количество равное толикому), но, конечно, не в том смыслѣ, что красота ея равна красотѣ чорта, а в том, что красота равна той, какая вызывает упоминаніе чорта.

Подобным образом мр. *до біса, до чорта, до гаспида* (т. е. много), *до сина* („аж тут гульк! вiдтiля Домаха, вiдсiля Івга, а там Хвеська та Педора, та ся, та та, то й назбiраетця їх до сина“, Кв.), значит: так много, что дѣло доходит до упоминанія *бьса*, „сучого (бiсового, гаспидьского) *сина*“. Сюда же серб. „јао (v. тежко) мени до Бога милога!“

[2]) *Никто:* „зачало човни бурхати, що враг устоїть на

Само собою, что выраженіе, как *бі̀ ма́* в отрицательном значеніи *нема́* (нѣт), предполагает значеніе положительное *Бі̀ мае* (Бог имѣет, „Бог богат“, „у Бога всего много“).

Согласно с этим ходом мысли: если даны представленія солнца, мѣсяца и т. п. матерью, отцом выдающими свою дочь за муж, и связанное с этим перенесеніе имени мѣсяца, солнца и пр. на земных родителей земной невѣсты [1]); то значеніе *дѣвица—сирота* (или „дѣвица достается мужу внѣ своего рода, на пр. как плѣнница“), *ее нѣкому выдавать замуж*“ может быть выражено так: „*у дѣвицы отец—мѣсяц, мать—солнце*“ и пр. Такое выраженіе с явственным образом будет отличаться от слов, как *бі̀ма, чортма,* гораздо большею поэтичностью. Если и содержаніе этих послѣдних невполнѣ исчерпывается их прозаическим значеніем „нѣту“, но прибавляет к нему намек на сопровождающее чувство покорности или досады и т. п.; то пѣсенные образы, как лотыш. „возьми, братец,

---

ногах“, Котл. Эн.

Нѣт: „*Бі̀ ма*“ (т. е. мае), „*чорт-ма, кат-ма*“ (как одно безсубъектное глагольное сказуемое в наст. вр.; в прош. и буд. чорт-мало, чорт-матиме грошей). С опредѣленным субъектом: „чорт-*мав* тобі десь (должно быть) и стида“ Котл. Эн.; „диявол ма вам и стида“ id.

Невѣсть откуда, куда: „де ти *в дідка* (в чорта, в гаспида) взявся?“ Нѣоткуда: „де мені в чорта грошей узяти?“

Подобным образом *ни один* в серб. ђаволи, чертовскій, т. е. принадлежащій чорту, находящійся у него, а не здѣсь:

... Посјека(о) стотину тураках,
Од стотине мане ђаволега, Пѣв. Черног. 53;
У главу му зуба ђаволега,
А брада му на крило панула (ib. 228).

[1]) Невѣста говорит:

Как продумали меня бѣдну горькую
Свѣтел мѣсяц родимый батюшка,
Красно солнышко родима матушка
На чужу дальню сторонушку ...
Сах. Сказ. Р. н. III, 112 NN 18—20 и т. п.

сиротку, она великаго роду: Бог — отец, Лайма (счастье, доля)—мать, божьи сыновья – братцы“ (Спрогис, 177, N 1; ср. ib. 181, N 25 и 27, и Бривземніакс в Сб. Дашк. N 119); кромѣ своего отрицательнаго значенія, пробуждают цѣлый ряд других мыслей, какими человѣк услаждает себѣ сознаніе горькой доли и внушает себѣ бодрость, в родѣ: „голому разбой нестрашен“, „нѣт денег перед деньгами“ и пр.

Сказанным оправдывается мнѣніе, что нижеприводимыя пѣсни, несмотря на отрицаніе („не мать—а солнце“ и пр.) должны быть сопоставлены с пѣснею А.

α) Полоняпка как образ невѣсты в масляничной (весенней) пѣснѣ, приведенной вполнѣ в Объясн. мр. п. I, 33. В Московской ротѣ „дѣвка плачет“, замуж нехочет“, потому:

Что не батюшка выда(ва)ет,
Что не матушка снаряжает,
Что не братцы в поѣздѣ,
Не сестрицы в свашеньках;
Выдавает свѣтёл мѣсяц,
Снаряжает красно[е] солнце,
Частыя звѣзды в по́ѣздѣ,
Вечерня[я] заря ў свашеньках.

β) Шейн, Бр. п. аа) 435 и бб) 132—3. Толочанская, основной размѣр 7+4 или [(4+3)+4]. Собиратель полагает, что эта пѣсня изображает „отчаяніе дѣвушки, очутившейся одною в утлом челнокѣ среди моря, вслѣдствіе дерзкой шутки трех парней“ (ib. 132). Такое пониманіе лишает пѣсню ея примѣнимости, ея поэтическаго смысла. Черты здѣсь идеальны, символичны и принадлежат к тому семейству, которое отчасти разсмотрѣно выше (Объясн. мр. п. I 190—227, „дѣвица тонет“). Когда мр. или бр. пѣсня говорит, как разсматриваемая, что „на морі дівчина біль білила“, то она далека от пониманія под этим дѣйствительнаго случая, в родѣ того, что Навсикая в виду близкаго замужества отправляется ко впаденію рѣки в море мыть свое платье и дары (серб. бјеле даре) тѣм,

которые ее поведут (Одисс. VI, 25 слѣд.). „Бѣль бѣлить“ — состояніе невѣсты; молодцы — сваты, искатели; то, что ее упоили, слѣдует разумѣть не столько буквально, как то, что древніе Индійцы называли браком Писачским [1]), сколько вообще как неблагоразумный брак, вслѣдствіе коего женщина очутилась одна в горѣ, что в морѣ.

аа) Ой на море дзєвынька бель беліла,
Ой на море красная [2]) бель беліла,
Приплывала к дзєвыньце два чавночка [3]),
А у тых (у) чавночках [3]) два казака:
„Ай Бог помоч, дзєвынька бель беліці!“
Упоілі [4]) дзєвыньку, упоілі,
У лотычкі снатінькі палажилі,
Од бережку лоточку [5]) отпыхнулі.
Очнулася дзєвынька сярод мора,
Заплакала дзєвынька сільнюсенька [6]):
„Ай ні мамка дзєвыньку выдавала,
„Ай ні татка дзєвыньку благаславляв,
„Ні сястричкі у баярычках сідзелі,
„Ні браціткі косыньку распляталі,
„Ні цётычкі у поезд паєжджалі;
„Выдавала дзєвыньку цёмна[я] почка,
„Благаславляў дзєвыньку ясён месяц,
„Сідзелі у баярках дробны звєзды,
„Распляталі дзєвыньку буйны вятры‘
„Поезжало в поездзє красно сонце.

бб) . . . ст. 10. Ня маці дзявчину выправляла,

---

[1]) Паиçáчо—вивáһас, веденіе (брак) Писачей, злых демонических существ, когда мужчина овладѣвал дѣвицей сонной, пьяной или помѣшанной (Hans Die Heirattsgebräuche der alten Inder, в Weber's Ind. Stud. V, 284).

[2]) При повтореніи стиха вм. „дзєвынька“ ставится „красная“ в соотвѣтственном падежѣ.

[3]) У Ш. „чалоночка“.

[4]) По вар. бб). В аа) ай споілі.

[5]) Я переставил слова.

[6]) Вм. сильнюшенько.

Ня састрицы скрыночкі накладалі,
Ня падружкі косы расплятали,
Ня браціткі ўплёты развязали;
Выпраўлялі дзяўчину три молойцы,
Накладалі скрыночку цёмны ночи,
Расплятали косынкі буйны ветры,
Ўбірала уплёты цемна[я] гроза,
Повянчала дзяўчину быстра[я] вода.

γ) *Сирота—невѣста.* Литовская п. свадебная и безименная. Разм. 5+5 или 2(5)+5. Варіанты а) Nesselm. Litauische Volksl. N 74; б) Juškevič, Lietuviškos dainos III, N 1252; в) ib. N 1253, г) Юшкевич, Литовскія свадебн. п. п. N 480; д) ib. N 302; е) ib. N 420; ж) Leskien u. Brugmann, Litauische Volkslieder u. Märchen, стр. 123, N 50.

Опуская постороннюю примѣсь в вар. е) 1—13, дѣлю эту пѣсню на двѣ части: 1) *запѣв* с птичьяго полета (см. выше стр. 295 слѣд.), котораго в этой связи в русс. пѣснях я невстрѣтил и 2) плачь дѣвицы, находящій соотвѣтствіе в вышеприведенных русс. п.

1) Вар. в), по чертѣ „дѣвица в челнокѣ“ найболѣе близкій к бр. п. β):

Lėkė sákalas (2) par ažerėlį,
Tamė ážere (2) jū́das łajvialis,
Tamė łajviály (2) sėdi mergiálė,
Gálvą šukávu (2), biziáli, pýnė... [1]).

Вар. а):

Lėk' vanagelis per ažereli,
Tam ežerelij' verpetas sukos,
Pas tą verpetą rutu darželis,
Tame darželij' verke mergele... [2]).

---

[1]) Летѣл сокол через озеро, на том озерѣ черный челнок, в том челнокѣ сидит дѣвица, голову чесала, косу (лотыш. *bize*, н.-нѣм. *bise*, коса, Ullman, Let. Wb.) плела.

[2]) Летѣл коршун через озеро, в том озерѣ крутится вир, у того вира рутяный садочок, в том садочкѣ плачет дѣвица.

ж) Лети, коршунок, через озерцо, свей гнѣздечко в рутяном садочкѣ; в этом садочкѣ плачет дѣвица.

б, г, д) Летит сокол на подгорье (в долину, низменность), на том подгорьѣ зеленый лужок, через тот лужок течет рѣчка, у той рѣчки рутяной садочок, в том садочкѣ рутяная постель, у той постели (v. в том садочкѣ) сидит дѣвица, голову чешет, тяжко вздыхает (v. горько плачет)...

2) Болѣе менѣе сходно во всѣх вар.; в вар. в) и других

Nèr ma močiùtės krajtialuj kráuti,
Nèr ma lèviálu daliálej skirti
Ner ma sesiáles vainìkuj pi¸nti
(v. šalè, v. sû'le sèdóti),
Nèr ma broliálu łaukù lydèti;
Sáulė močiutė krajtiáli¸ króvė,
Mė́nů tèviális dalialę skýrė,
Žvajgždės sesialės vajniką pýne
(v. šalė sėdė́ju, v.
Žvajgždė́ sesàlė sû'le sėdėju)
Sė́tyns brolialis łaukù lydė́ju!

(Нѣт у меня матери накладать скрыню (кубло, т. е. собирать и надѣлять приданым) (ср. выше β, бб), нѣт у меня отца давать долю, нѣт у меня сестрицы вить вѣнок (v. сидѣть подлѣ, сидѣть на скамьѣ, т. е. быть в дружках, боярках и т. п.), нѣт у меня братца провожать (быть провожатым, быть в поѣздѣ); солнце-мать накладала скрыню, мѣсяц-отец давал долю, звѣзды-сестрицы вили вѣнок (v. звѣзда сестрица сидѣла в дружках), сито-братец (созвѣздіе плеяд, как одна личность) был в провожатых).

Относительно миѳологическихъ основаній этой пѣсни и других замѣчу:

Солнце-мать накладывает *скрыню* с приданым (лот. pûrs, лит. kraitis) дочери. См. Объясн. мр. п. I, 64—8. Там же 67 – 8 — предположеніе, что *дочь* солнца – невѣста может быть не только чѣм то отличным от солнца (зарею, утреннею v. вечернею звѣздою), но и солнцем слѣ-

дующаго дня. К указанным там основаніям предположенія прибавлю: как лот. „*битес мейта*“, дочь пчелы = пчела (Бривземн. в Сб. Дашк. II, N 255); как *земес матес мейтиня*, дочь матери земли есть земля, как могила — невѣста похороненнаго (ib. N 889); как *вея мате*, мать вѣтра есть вѣтер (ib. N 215, 990): так *саулес мейта*, солнцева дѣвка (дочь) может быть солнце. Такое тождество (т. е. с нашей точки зрѣнія) может лежать в основаніи воззрѣнія серб. п. (XXIX, 1, а, б), по которому дѣвица, соотвѣтствующая солнцевой дочери есть родная сестра солнца и двоюродная мѣсяца.

Стихи лит. п. „Нѣт у меня отца давать долю... *мѣсяц — отец* давал (дал) *долю*“ соотвѣтствуют стихам бр. п. β) „Ні татка... благославляў, благославляў... ясён месяц“. Т. о. „судить, раздавать долю есть дѣло отца („доля батькова“, Объясн. мр. п. I, 100) и мѣсяца — отца. Послѣднее говорит в пользу одного из высказанных мною предположеній (в ст. О Долѣ „Древности“, Тр. Моск. Арх. Общ. II), что под Усудом (олицетв. судьба) серб. ск. (Кар. Прип. 89), дворец котораго постепенно превращается в бѣдную избушку и снова возрастает, мог разумѣться именно мѣсяц.

Стиху лит. п. „звѣзды — сестрицы вили вѣнок“ (или “звѣзда сестрица сидѣла подлѣ, в дружках“) соотвѣтствуют: серб. XXIX, 1, г) „Преходница — другарица“, бр. β, аа) „в боярках — дробны звѣзды“, что согласно с жен. родом слов *звъзда*, лит. *žvaigždė*, лот. *zvaigzne*; серб. *преходница* (планета); *зоря* (в см. звѣзды); *денница* (в см. утренней звѣзды); лит. *auszrinė*, *vakarinė*, утренняя, вечерняя звѣзда.

Литовскому „сито братец“ (*sėtyns brolialis*, pleiades; лот. *sētiņš*, семизвѣздіе, Oriön) точно соотвѣтствует, кромѣ разницы в числѣ, серб. (XXIX, 1, б, α) „Влашићи (волосожары, pleiades) дјеверићи“. Кромѣ того вр. (А) „братцы у меня часты звѣздушки“, α) „часты звѣзды в поѣздѣ“ предполагают в славянском языкѣ мужескія названія извѣстных звѣзд или планет. В лотышском мужескаго рода

аусеклис, аусекліньш venus, утренняя, а судя по нѣкоторым даннымъ [Спрогис 315 (N 2, 3), 314 (N 4)] и вечерняя звѣзда; по соображеніямъ Мангарта (Lett. Sonnenmythen, Z. f. Ethnol. VII, 305—6) ту же звѣзду, принимаемую то за одну, то за двѣ различныя, слѣдует понимать подъ *божьимъ сыномъ* и *божьими сынами* (dêva dels, dêva deli, лит. dëvo sunelei) лотыш. и лит. нѣсень. Этотъ божій сынъ представляется охотникомъ: „Божій сынъ пошелъ лѣсовать (охотиться) въ мглистое утро, онъ гонитъ серебряную куропатку съ золотыми погази“ (Бривз. N 106). В слав. языкахъ если нѣт мужескихъ названій звѣзд, то они могли быть, при чемъ измѣненіе рода могло произойти подъ вліяніемъ общихъ названій, как *звъзда, зоря*. М. б. напр. что сущ. муж. лежат в основаніи чеш. *zvířetnice*, hesperus, если это названіе невозникло подъ вліяніемъ переводнаго *zvíretník* (звѣрятникъ, в томъ смыслѣ, как *курятникъ*, n. loci) = ζωδιακός. Именно *zvieřtnice* могло бы предполагать *zvíretník* (звѣрятникъ, охотникъ за звѣрем, как *медвѣжатникъ*, охотникъ за медвѣдями). С чеш. словом ср. лит. *žvėrinė*, вечерняя звѣзда („п. ч. при появленіи ея волк выходит на добычу“, Ness.), также марс (žv. mažoji) и сатурн (žv. didėji), ст. русс. звѣряница (Аѳ. II. В. I, 736).

3. *У молодца знатная родня* и пр.

Обстановка здѣсь другая, чѣм выше (XXIX, 1). К молодцу сватов незасылают, но его сваты — враги, именно разбойники („сваты попоиша“ Сл. о П. Иг. и примѣч. к этому мѣсту в моем Сл. о П. 63—4):

А. Колядка, Гол. II, 53, Сяноцк. окр.

Поїхав Іванцё до гір на вино [1]),
Сам молод, гей сам молод,
Сам молодейкий!
. . . Подибали ж [2]) го сім розбійників,
Стали ся ёго вивідовати:
„[Ци] маєш [ты], Іванцю, рідног' батейка?

[1]) Т. е. пить вино в переносном смыслѣ?
[2]) Надибали?

(далѣе: матінку и пр.)

— В мене батейко—ясен місячок
... В мене матінка—ясне сонейко,
... В мене сестройка—ясна зірнойка,
... В мене братейко—сив соколойко.

Пословица „в полѣ съѣзжаются, родом несчитаются“ идет не „от мѣстничества“ (как объяснил Даль, Посл. 263), ибо считались мѣстами не тѣ, которые „съѣзжались“ в полѣ, т. е. не враги, а люди одного стана; она есть раціоналистическое отрицаніе утвержденія: „в полѣ съѣзжаются, родом считаются“, при чем „считаются“ может быть понято или так, что при поединкѣ [1]) каждый из супротивников считает и сказывает свой род, или так, что при этом они досчитываются до общей родни [2]). То и другое обычно в эпосѣ разных народов: первое на пр. в Иліядѣ VI, 119 слѣд. (разговор Діомеда с Главком), второе, когда поединщики родные братья или сын с отцом, узнают друг друга (на пр. серб. в Пѣванія Черног. N 5) или неузнают—passim.

Что произошло дальше, колядка неговорит: или разбійники отстали, узнав с кѣм дѣло, или молодец расправился с ними, как выше (XXIX, 1, а, д, е) дѣвица со своими сватами.

Б. Кол. Гол. IV, 48, Стрый. окр.

Ишов Василько через Угроньки:
„Не сам я, молод, у тім лісочку загину!“ [3])

---

[1]) *Поле*, на пр. „крестъ цѣлую и на поле съ ними битися лѣзу“. И поималисъ обои за поле, 1530, Ак. Юр. 37. Чеш. pole, битва.

[2]) *Фамусов*:

... Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними,—наслѣдства недѣлить—
... Как вам доводится Настасья Николовна?
(Горе от ума).

[3]) По размѣру это припѣв, при чем несовсѣм обычно (хотя не небезпримѣрно, ср. третій припѣв вар. В), что он

Перейшли ёго три розбійнички:
„Біг помагай-біг, три розбійнички!“
—Бодай здоровий, білий молодче!
Яли ж ся его извідовати:
Извідовати, испитовати:
„Ой ци є в тебе в Руси батенько?“
(При повторенін ст. 1—6, в 7-м „матінка“ и пр.)
—В мене батенько гей ясний місяць . . .
. . . В мене матінька ясне сонінько,
. . . В мене братійчик *ясний топірчик*,
. . . В мене сестриця ясна зірниця.

В ст. 24 в перечисленіе небесной родни вносится ссылка на личную доблесть [1]). Этот мотив в слѣдующем вар. В вытѣсняет все миѳологическое или безслѣдно, или так, что, как слѣд происхожденія этого вар. от А—Б, остается неумѣстно лишь одна черта.

В. а) Кол. записал И. И. Манжура в Люботинѣ Валк. у.; б) Метл. 337=Чуб. III, 277, Грайворон.

[Та] іхав Павлечко через густий ліс[ок],
Соколю ясний, паничу красний,
Павлечко!
Зостріло ёго сімсот козаків,
Не чорне перо по кониченьку
Полягло!

вложен в уста самого героя: „если погибну, то не один“ (а отомщу за себя). Ср. серб.

. . . А мене је, браћо, најжалије,
Ће срамотно погинут хоћемо
Без икаке замјене јуначке, Пѣв. Черног. 19;
Јесам ево погинуо, побро,
Ма нежалим што сам погинуо,
Пошто си ме осветио дивно;
А и ја сам себе замјенио,
Убио сам мојега крвника, ib. 37 et pass.

[1]) „Говорил тут Василій Буслаевич:
„А невѣрую [я, Василька] ни в сон, ни в чох,
„А и вѣрую в свой червлений вяз“. Кир. V, 26.

Пита́ють ёго́, чи є́ в ёго батенько.
„Небув я дома, гуляв я в пана
в гетьма́на!“
4 —В мене батенько вороний коник!—
5—7=1—3 . . . матінка.
8 В мене матінка зостра шабелька.
9—11=1—3 . . . братічок.
12 В мене братічок тугенький (так в б); в а) золотий) лучок.
13—5=1—3 . . . сестриця.
16 В мене сестриця ясна *зірниця* (в б)—рушниця).
17—9=1—3 . . . миленька,
20 В мене миленька постіль біленька.

Три припѣва чередуются, из них первые 2 — рѣчь посторонняго зрителя, 3-ій—мысль самого героя.

2-й припѣв „не чорне перо“ и пр. обычный пронический оборот, отрицаніе для болѣе сильнаго утвержденія: „тото перо (на шлемѣ, на шапкѣ), покрывшее (шею) коня!“ Он ѣхал склонив голову, задумавшись, как другой герой, болѣе поздняго времени, Морозенко:

Склонив-схилив головоньку
Коникові на гривоньку,
Та розпустив чорні кудрі
Коникові до копыта.

Сходный образ в поль. и морав. п. (W. z Oleska 43; Sušil 245; ср. Wójc. I 158; отсюда мр. свадебн. Чуб. IV 172, N 322):

A jedzie, jedzie mój kochaneczek po zielonej dąbrowie,
A rozpuścioł se strusie piórecka (Morav. *zlate* perečka) konikowi po głowie.
„(A) nie tak mi żal strusich piórecek,
Com je rozpuściuł,
„(∪) Bardziej mi żal mojej Kasieńki,
Com ją opuściuł.

Припѣв встрѣченный выше в отрицательной формѣ „не чорне перо“ (l. c. и Гол. IV 43; ib. 42—с искаже-

ніем) в колядках молодцам встрѣчается и в положительной ф.:

На коню, гей на коню, злоте піренько по нёму
(Г. IV 128);
На конiченьку злоте піренько мое!
(ib. 142; ib. II 54 с „я по ню“(?));
Павлине перо на (по?) конiченьку (полягло)
(Чуб. III, 281).

— В ст. 2 „сімсот козаків“ — сватов (см. выше XXIV).

— В ст. 20 милая—постель, т. е. другой милой нѣт („постіль біла, стіна німа, ні з ким розмовляти“), тот же смысл имѣет и ст. 4, 8, 12, 16, т. е. у него нѣт родни. Таким образом, сходно с XXIX, 2, α, β, γ, переходим к п. Г, изображающей сиротство.

Г. Бр. безыменная, а) Этн. сб. III, 212; б) VII, Смѣсь 14—5.

А при крайчику, при Дунайчику
Там два браціткі а купаліся,
А купаліся размаўляліся,
А межи іх чужаземчик быў;
Чужаземчина загубіць хочуць.
Адзін кажець: „загубім яго!“
[А] другі кажець: „попытаемся,
Чи ёсць у яго а род племеня...
... —„Ціхі Дунаю то мой татанька,
Сырая земля то матка мая,
Ў лузі салавей то мой браціткa,
Ў бару зязюля то сястра мая,
Бела бярозка то жана мая,
Ў бярозкі розкі то дзеткі мае!
Ціхі Дунаю умывай мяне!
Сырая земля прикапай мяне!
Ў лузі салавей, пощебеч на (на?) мне!
Ў бару зязюля пакукуй на (на?) мне!
Бела бяроза, пашумі на (на?) мне!
Ў бярозкі розкі, паківайця се.

В б) 3 молодца, как в Д. Послѣдній стих:

Малады атросткі, намойцесь па мне.

Это — переложеніе пѣсень А—В так сказать в минорный (в поэтич. смыслѣ) тон.

Д. Эти. сб. VII, смѣсь, 13. Пѣсня записанная, как и Г, б), А. Махвич-Мацкевичем в Рыль. и Дмитріев. у. Кур. г. — Стихи сомнительной подлинности или явно подложные ставлю в [ ].

Во тихом Дону, во тихом Дону
Там купались три молодчика:
Два молодчика братцы родные,
[Лицом сходные,
Не воры, охотнички,
Донскіе разбойнички,
Татарскія рожи,
На чорта похожи],
[А] третій молодчик [был] чужесторончик,
[Православный Русской,
Из земли он Курской,
Княжескаго роду,
Отроча опальный (2),
Сиротинушка безталанный,
Унес буйную головушку
Из Масквы от плахи,
Гдѣ скончался во темницѣ
Его батюшка родимый (2)
Старшій князь Василій.]
[Как один из братьев стал так говорити:
„Как нам молодца этого убити?“
Отвѣчает братец: постой погоди!
Распросим его,
Какого он роду племени?]
Есть ли у него родимый отец,
Есть ли него родимая мать,
Есть ли у него братья молодцы, (?)
Есть ли у него сестры родныя,
Есть ли у него молода жена,

Есть ли у него малы дѣточки?“
—Тихой Дон рѣка мнѣ отец родной;
Сырая земля—родна матушка;
Соловей в бору—родимый мой брат,
Кукушка в лѣсу—сестрица моя;
Бѣлая берез[ушк]а—жена молода,
От нее (?) отростушки мои дѣточки!“
Головка безталанная (?) покатилася,
„Тихій Дон рѣка [родной батюшка], ты обмой меня!
„Сырая земля [мать родимая], ты прикрой меня!
„Соловей в бору [милый братец мой], ты запой по мнѣ!
„Кукушка в лѣсу [во дубровушкѣ, сестрица моя], покукуй по мнѣ!
„Бѣлая берез[ушк]а [с своими отростками] пошуми по мнѣ!“

Возможно, что между вар. A—B и приключеніем Ильи Муромца с разбойниками есть, во всяком случаѣ отдаленная, связь. Если первообразом этого приключенія служили пѣсни в родѣ упомянутых, то мотив „знатная (небесная) родня“ в примѣненіи к Ильѣ должен был сильно измѣниться. Илья, как извѣстно, подзадоривает разбойников тѣм, что „взять-то“ с него „нѣчево“:

„Один смур кафтан в сто рублей . . .
. . . А коню с сѣдлом и смѣты нѣт“;

и только в один отрывок внесены новыя черты, б. м. замѣнившія нѣчто болѣе древнее:

Развернулся, распахнулся доброй молодец:
На правой на полынкѣ—знамя царское,
А на лѣвой полынкѣ персонушка (Кир. I, 19).

XXX. XXXI.

Дѣвица в плѣну. Дѣвица „коні пасла, погубила".

Нижеприводимыя кол. А, Б, В, у Ант. и Драг. (Ист. п. мр. нар. I, 36—8) вѣрно отнесены к одному семейству, но, по моему мнѣнію, должны быть объясняемы иначе, в связи с вышеупомянутыми серб. п. XXIX, 1, а, б, д. Отмѣчаю черты повторяющіяся во всѣх 3-х п. или только в 2-х из них.

А. Кол. дѣвицѣ. Гол. II, 82, Сяноц. окр.

Ей там *на луках* на Бадалівских
Під бором, гей під бором,
Під зеленейким явором!
Там мі дівчатко Бадалівчятко
Коники пасе, на гусевках грає.
Підслухали мі го *панскії слуги*,
Скоро підслухали, *пану знати дали*.
„*Коники возьте* до кінничейки,
„[А] *гусевки* возьте пану до світлиці,
„[А] дівчатко возьте, [всадьте] *до темничейки!*"
Коники ирзут пану в кінниці,
[А] *гусевки граут* пану в світлиці,
[А] дівчатко *плаче* пану в темниці.

Б. Кол. „паробкови", Гол. II, 57, Сяноц. окр.

А там *на луках* на барз широких
Сам молод, ей сам молод,
Сам молодейкий на коничейку,
Сам молод!
Кол' огня ходит широкий танец,
А в таньци ходит княгня Иванко,
На головойці сокола носит,

В правій ручейці конічка водит,
В лівій ручейці гусевки носит.
Нихто невидів, лем *панскы слузи,*
Скоро ввиділи, *пану доповіли.*
„Ой *идьте, идьте,* Иванка звязите,
„Иванка звязите, ту го приведіте,
„Соколойка пустьте до соківниці,
„*Гусовки* шмарьте до гусевниці,
„*Конічка* вставте *до кінничейки,*
„Иванка всадьте *до темничейки!*“
Соколит квілит, головойки хоче,
Гусевки граут, Иванка споминаут,
Конічок гребе, до поля хоче,
Иванко *плаче,* до милейкой хоче.

B. Кол. господарю, Гол. II, 12, Сяноц. окр.
А *на* 'них *луках,* ни 'них широких,
Ялилуй, гей ялилуй,
Господи Боже, помилуй!
Ген там Волоси церьков муруут,
Ой коло споду камінічейком,
А в середині деревічейком,
А к вершечкови сріблом золотом.
Виділи ми то *панскій слузи,*
Скоро ввиділи, *пану повіли.*
„*Идьте* ж ви, *идьте,* Волохів возьміте,
„Волохів возьміте, *в темницю* всадіте
„В темницю всадіте, срібло заберіте,
„Срібло золото пану на славу“.

По возможности объективное объясненіе этих пѣсень должно состоять в указаніи ассоціацій, данных в других народных пѣснях, послуживших к образованію этих.

а) „*Коні* (воли) *пасти, загубити*“.

Припѣв вар. А („під бором“) и черты „дівчатко“ „на луках“ „коники пасе“ (пан приказывает их занять) относит эту колядку к одному разряду со слѣдующими:

а) Кол. дѣвицѣ, Гол. II, 75:

Пасло чадейко біле стадейко,
Під бором, ей під бором,
Під зеленейким [під молодейким] яворомъ!
Стадейко пасло, шитічко шило,
Шитічко шило, стадо згубило.
„Піди, татцейку, стада глядати!“
Татцейко пішов, стада ненайшов.
(также мать, брат; но наконец)
„Піди милейкий стада глядати!“
Милейкий пішов, стадойко найшов.
Ліпшій милейкій, як брат ріднейкій!

Послѣдній стих указывает общую (весьма обширную по количеству образцов и мѣстностей) категорію пѣсни и вмѣстѣ объясняет смысл заключеннаго в ней образа: пасет (кони, волы и пр.) невѣста, дѣвица; она их теряет, и находит (занимает) жених. Очевидно сродство этого образа с тѣм, который различно варьируется в веснянкѣ „Сѣянье проса“ (Объясн. мр. п. I, 39 сл.).

β) Кол. Гол. IV, 86—7 и 133; II, 144.

Пасла Ганнуся воли и пр.

Припѣв в первых 2-х тот же или сходный.

Сюда же Žeg. P. P. L. R., II 33—4, колядка, хотя помѣщенная в числѣ безименныхъ.

γ) Волочобная, Шейн, Бр. п. 101—2:

Красная панна малада[я] Ганна
. . . кони(кі) пасе,
Пасучи коні да пагубіла,
Да шукаючи (да) заблудзіла.

Спрашивает у 3-х встрѣчных волочобников; двое невидали, 3-й обѣщает указать, если дѣвица разгадает 3 загадки (это—жених).

δ) Волочобн. ib. 117—8.

Начало сходно с γ. 3 встрѣчные молодца. 3-ій кони видѣл. Загадки (или другая цѣна) опущены, вслѣдствіе чего без связи:

Цяпер дзеўцы коні скажим:
„Тваї коні у чистом полі

„Чорным шоўком напутаны,
„А сярабром панузаны
„[Ядуць траву всё памётную,
„А пьюць воду всё балотную]
„Ядуць траву всё сунічную,
„А пьюць воду всё крынічную".

Записыватель, не поняв смысла, внес в текст величальной пѣсни два стиха, взятые мною в [ ], из укоризненнаго ея варіанта. Ср. стадо, попутанное бѣлым шолком или лыком и валом, Объясн. мр. п. I, 141.

Указаніем на то, что величается дѣвственность служит между прочим „трава сунічная". *Суница* (вр. суни́ка, земляника; сближают с скр. *çóṇa* красный), *полуница* (полоница, поленица, клубника), по цвѣту ягод, образы дѣвства, как калина, червец, рожа [1]).

ε) Безыменная, Чуб. V, 1073, с испорченным размѣром (4+4 ?):

Ой за гаєм зелененьким
Пасла дівка коні вороні̆,
А пасучи погубила,

---

[1]) Свад. Питаєсь коровай перепечи,
Чи є стежка до печи?
—Ой є стежечка да маленькая,
Муравочка зелененькая;
Ой заросла да суничником,
Зацвіла поленичником (Метл. 163).

В вар. этой п. вм. *до печи* стоит *до клети*, от обычая класть молодых спать в клѣти (ошибочно объясненіе у Метл. 165; ср. Чуб. IV, 235; Этн. сб. III 246 и мое соч. К ист. зв. III, 66). Коровай—жених; его путь к брачному ложу порос „суничником".

В другой свадебной п. образ „полониці", как запѣв, сочетается с сожалѣніем невѣсты об утраченных радостях дѣвичьей жизни:

Ой по горі полониченьки.
Мої любі вечерниченьки!
Вже ж [болі] на вас неходитоньки,
З паняпками недружитоньки (Чуб. IV, 127).

Пішла шукать, (за)блудила.

Она спрашивает у двух дворянчиков:

Чи небігли [сюда коні ворони
Чорним шовком *ви*(по?)путани,
Золотом гриви позаплечувани (? позаплітувані ?),
Сріблом копита позаливани?

Тѣ загадывают ей 5 загадок. Дѣвица как „отецька дочка“ (честного, славного роду) отгадывает.

За гай зайшла, коні знайшла,
Пришла осень, заміж пішла,

должно быть за одного из загадывающих.

„Кони, шолком попутанные“ ср. с δ.

Потерять волы (кони), заблудиться — выйти замуж, потерять „вѣнок“.

ζ) Гол. III, 228—9 (русско-словацк.), 6+6.

Пасло дівча воли по под чарне гори,
Дробне шитья шило (ср. α, β) волки потратило,
Волки потратило, само заблудило.

Она спрашивает у птицы („орабичок-птачок“), гдѣ найти

Моі штирі воли лем яко соколи,
А на них дзвоночки яко органочки,

т. е. гдѣ найти потерянное „дівування“? Оно осталось у отца, у матери. „Птичок“ говорит:

Видів я їх (воли) видів на високой горе,
На високой горе отец с нима оре,
( ) а так горко плаче:
( ) „Ей Боже мой, Боже!
„Ніт моєй дівочки поганяц волочки!“
Твоя стара мати за кроснами сидит,
За кроснами сидит, полотенце робит,
( ), а так горко плаче:
( ) „Ніт моєй дівочки,
„Ніт моєй дівочки, шпуляти цівочки!“

То, что птица видит потерянные волы у отца неимѣет никакого притязанія на реалистичность: это только

условное изображеніе пути, какой проходит мысль замужней к отцу—матери.

η) Поль. Kolb. Lud, I, 133; морав. Suš. 115.

Kąpała się Kasia w morzu,
Pasła koniki we zbożu.
Wysed Jasieńko z za bora
Pognał koniki do dwora.
Jak się Kasia wykąpała,
Za Jasieńkiem pobieżała . . .

В моравской п., как и понятно, крѣпостническихъ отношеній незамѣтно. Он не пан и не слуга, а просто „synek“, „šuhaj“, занимает волы не „do dworu“, а просто „dom ich vede“; он ровня и вм. выкупа требует обѣщанія выйти за муж.

„Купанье в морѣ“ (поль. морав.) указывает на метафоричность всего образа. „Купатись“ = „кохатись“, „женихатись“ : „голуб купався“=„N женихався“;

Ой я в річці купалася,
А в трох кохалася,
А з четвертим звінчалася, Чуб. V, 269.

Тоже „быть у воды, у моря“, „умываться“ (мой Разб. Пѣсень Головац. 20, 68). Ср. также:

I stojała nad wodą (=pasła ci je (wołki)) nad wodą,
Ciesyła się (=wdzięcyła się) urodą.
Co u kata za uroda była?
W scyrym polu wołki zagubiła
(Kolb. Lud I, 131; Kozłowski, Lud, 57).

θ) От польской и ю.-р. п. идет литовская, Юшкевич, Lietuv. dajnos II, N 1015:

O ąnt kálnu žalà lìepa,
O po kálnu łygi łąnka [1])
Kásè gánė pálšus jáuczus,
Ganýdama ir užmigu [2]).

---

[1]) Ср. выше: „на луках, на барз широких“.

[2]) „Волвки пасла, твердо заснула“, Гол. IV, 87.

Jèškodama pobłúdyju [1]).
Ir satiku pòną Jasią.

Волы у него в дворѣ. Она предлагает ему за выкуп 2 талера. Он:

„Łajkýk, Kásė du dórelu:
„Ràsi búsi manu miėła.
„Liki svėjka, panà Kásė,
„Aš jaunikas, ta našlájtė [2]).

1) Гол. I, 85—6 (N 41—2); III, 21; Чуб. V, 908 сл., N 478; Stecki, Wołyń I, 122; Żeg. P. P. I. R. II, 9; Українські пісні, вид. Балліної, 37.

Разм. $^2(4+4)$, как во многих других п. балладнаго содержанія, иногда с амплификаціей $(4+4)+(6+4)$. Выше разсмотрѣнный мотив:

Ой у степу край дороги (v. при дуброві),
Пасла Кася воли й коні,
А пасучи загубила,
Шукаючи заблудила

является здѣсь лишь символическим запѣвом, указывающим на характер событія. Нѣкоторые вар. прямо, без запѣва вводят in medias res. Ляхи подговаривают дѣвицу:

Сідай Касю на колясу
(v. Сідай з нами *у колясу*) [3])
Поїдемо в землю нашу.

Мать посылает в погоню ея братьев, в одних вар. требуя казни (Наженете у Прилуці, По'друбайте руки й ноги суці), в других прося немстить и небезславить. Братья догоняют и несмотря на просьбы сестры, убивают Ляха по-

---

1) „Шукаючи заблудила".

2) = Pani Kasiu, zostaj zdrowa,
Ja młodzieniec (=kawaler), a ty wdowa.

3) Именит. вин. мн. *kolasa*, серб. кола, воз.—Козаки Сагайдачнаго „strzelbę z dział... taborem jednym *i kolasami* znieśli i zatrzymali na sobie" (1621 г. Pamiętn. o wyprawie Chocim. 47). Поль. форма, давшая начало русской *коляска*, повидимому—из лужиц. (н.-луж. *koliaso* колесо), откуда и нѣм. kalesche.

хитителя. Похищенная почти вездѣ Кася (поль.) или мр. Катря, но в одном *Галя*. Это вмѣстѣ с выраженіем ея просьбы:

„Що хотіте, те й беріте,
Тілько Ляшка негубіте“

указывает на связь с нѣкоторыми варіантами пѣсни о сестрѣ, вышедшей за крамаря и 9-и братьях разбойниках (Гол. I, 166, Чуб. V 910 сл. и др.).

ж) Интересный случай перенесенія на христіанских святых черт совершенно свѣтских представляет одна из „Меланок“, пѣсень, в день св. Меланіи (31 Дек.), Чуб. III, 467, Гол. IV, 145–7, 146:

Ой учора из вечора
Пасла Меланка два качура [1]),
А пасучи загубила,
Приблудила в чисте поле,
А там Василько (1 Янв.) плужком оре...

Далѣе слѣдуют посторонніе мотивы, механически связанные с этим. Василій и Меланія представляются любовниками или мужем и женой (Гол. IV 147 сл.).

Возвращаюсь за сим к кол. A—B.

В A черта „на луках“ находится в связи с тѣм, что здѣсь величаемая дѣвица *пасет* кони.

В Б и В черта „на луках“ остается внѣ связи и это служит одним из указаній на их производность. Другія указанія на это в слѣдующем.

б) Черта A—B „слузи... пану повіли“ и плѣненіе относит эти п. к одной категоріи с мотивом серб. „та се фала чак до цара чула“ и с упомянутыми серб. п. XXIX, 1, а, б, д; но в послѣдних главное дѣйствующее лицо дѣвица, откуда опять таки слѣдовала бы первообразность кол. A по отношенію к Б и В.

---

[1]) Первоначально, м. б., пародія.

Мы ожидаем встрѣтить в кол. А величальную пѣсню, но напрасно ищем, в чем состоит величанье. Кони дѣвицы ржуть („конь ржет“ от печали), ея гусли (печально) играют у насильника пана и сама она *плачет* в темницѣ. Думаю, что в предполагаемом первообразѣ послѣдняя черта стояла не в концѣ, а в серединѣ или началѣ, и что плач смѣнялся весельем, как в слѣд. серб. п. 4+6, Кар. Срп. п. из Херц. 143:

Поцмилела лијепа ђевојка
Уз колена бега Лубовића:
Хоће бего да јој лишце љуби.

Она предлагает ему за себя выкуп: сорочку, которую она вышила золотом, сокола, который знает 4 языка (котораго сама выучила) и коня, что сама вскормила. Мать присылает эти три добра. Но конь и сокол недаются в руки бегу. Дѣвица берется поймать их и, вмѣсто того, чтоб отдать их, садится на коня

И побјеже, весела јој мајка!

Три добра дѣвицы в серб. п. (как и в кол. А кони и гусли)—символы ея самой: кому ея добро, тому и она. Рубаха=дѣвица, мое соч. О нѣкотор. симв. в слав. нар. п. 145—6; гусли=дѣвица, ср. Объясн. мр. п. I, 12.

в) В вышеупомянутой серб. п. XXIX, 1, а, (Кар. П. I, N 232) и в сродных (ib. N 233—4) слава дѣвицы, дошедшая до паши или до царя, оправдывается ея чудесною красотою:

Жуте су јој ноге до колена,
А злаћене руке до раменах.

Предполагаю, что такой же мотив был в ю.-русс. кол. о плѣнѣ молодца, ибо в кол. у Гол. II, 53, N 3 о том, что молодец нехочет брать за службу у короля коров, волов, коня, но берет дѣвицу, внѣ всякой связи с содержаніемъ находится припѣв:

В желізі, гей в желізі (=в цѣпях, в кандалах)
Єго ручейки, єго ножейки
В сріблі золоті огріли!

г) Что эти черты (чудесная красота и плѣн) перенесены на молодца с дѣвицы, на это в кол. Б указывает слово *княгня*. Сколько извѣстно, в мрусс. такой формы в значеніи *княжá, княженя́* нѣт. Кол. Б, как и А, В, записана в Сяноц. окр. и обнаруживает вліяніе сосѣдняго словацкаго языка, между прочим в *шмарьте*, бросьте. В словацком *kňahňa* (как и чеш. *kňeňe, kňení, kňíní* — стяженіе из *kňahyňa* под вліяніем ударенія на первом слогѣ) не только как эвфемистическое названіе (олицетворяемой) болѣзни (рожа, оспа Jungman), но и в смыслѣ княжны, царевны (Škultety a Dobšinsky Sloven. pov. 412 et pass.), дѣвицы (в сказкѣ, Bož. Němcov Sebr. Spisy VII, 226, 230). Таким образом в кол. Б в сочетаніи с мужеским именем „княгня Иванко“ и с припѣвом „сам молод“ contradictio in adjecto нечувствуется лишь в силу забвенія смысла заимствованнаго слова.

Черты приписываемыя этому лицу в кол. Б („в танци ходит“, т. е. внутри хоровода, на головѣ сокол, в правой рукѣ водит коня, в лѣвой носит гусли) вовсе не непремѣнно указывают на его мужескій пол: кони и гусли у дѣвицы находим в кол. А, коня и сокола — в серб. н. б). Имя Иванко здѣсь случайное. Одним словом, я ненахожу основаній ни для предположенія, что „пѣсня эта говорит о князѣ, который, очевидно, неимѣя права являться в Галицкую землю, пришел туда и был взят в плѣн“ . . . , что „имя князя подходит к Ивану Берладнику, а обстоятельства (?) плѣненія к судьбѣ сына его“ (Ипат. лѣт. стр. 226, 335, 446; Ант. и Др. Ист. п. I 37), ни для мнѣнія (ib.), что кол. Б относительно пола главнаго лица первообразнѣе, чѣм А.

д) Относительно „*терновий огник*“ (кол. Б) Костомаров догадывается, что „языческіе хороводы отправлялись при горѣніи костров и для этого употреблялся между прочим терн, имѣвшій священное значеніе“ (Ист. зн. ю.-р. н. пѣсен. творч. Бес. 1872, VIII, 45). На сколько *терновый* огонь связан с хороводом, этого пока рѣшить

нельзя. Ближайшим образом эпитет „терновий“ есть средство идеализаціи огня (костра):

Свадебн.

Ой там на горі горят огні
а все *терновий*,
Коло тих огнів стоят столи
а все *тисовий*,
Коло тих столов сидят ковальчики
а все молодиї,
Куют коненьки під старостоньки
а все ворониї,
А им сваненька підков додае,
я все *мідяний*,
А *коралики* на гуфналики
а все *дорогиї* (Гол. IV 234);

Передѣлку этой п. представляет вр. свад. (Ст. Оскол. у., Кохановской Боярскія п. 92):

За горами огни горят
а все терновые,
А в кузенкѣ кузнечики
а все молодые,
Куютъ ильютъ подковушки
а все золотыя,
Подковали ворона коня
сходатому свату.
А сватов конь, а сватов конь
невмѣетъ ходити
И сваненьку молодую
невмѣетъ возити.

(Тоже о женихѣ, с измѣненіями:

. . . молоду Ивану,
Иванов конь (bis) умѣетъ ходити
Настасью-свѣт молодую
умѣетъ возити.

—

Ой на горі, горі терновиї огні
А коло тих огнів двандцать молодців
(разбойников, Гол. I 157).

Как вообще возвышенный слог требует архаизмов (в том числѣ и старых заимствованій, как церковно-славянизмы в русском); так подобныя упомянутой поэтическія формулы нерѣдко восходят к очень отдаленной старинѣ: доисторической, как по всей вѣроятности Дунай в русс. нар. поэзіи, или—исторической, как *„золотая* гривна“ в смыслѣ дорогого подарка [1]). Поэтому вѣроятно, что и *„терновий* огник“, как общее мѣсто, восходит к язычеству. *Терн* здѣсь слѣдует понимать не в нынѣшнем смыслѣ (prunus spinosa), а в древнем общем значеніи колючаго кустарника и в значеніи серб. *трн*, нѣм. dorn, hagedorn глог, глод, crataegus. Есть значительное число указаній на связь горьких (жгучих по вкусу, как чеснок, осина), жигучих (как осот, крапива) колючих растеній с огнем, на символическую замѣну ими огня, в том числѣ погребальнаго костра. См. мое соч. О мио. знач. нѣкр. обр. 305 слѣд., откуда заимствую только свѣдѣніе что, по свидѣтельству Вагилевича в Галиціи еще в 1827 и 31 году во время засухи и холеры жгли предполагаемых упырей и вѣдьм на *терновом огнѣ*. О связи этого обычая с общим погребальным и очистительным (священным) терновым костром — Котляревскій, О погреб. обыч. язык. славян, 31—3. Liebrecht (Zur Volkskunde, 64—5) не без основанія догадывается, что терн—глод употребляется для погребальных (и вообще очистительных) костров, потому что (Kuhn, Herabk. etc.) считается одним из воплощеній молніи и что извѣстный глодовой кол (у Серб. Нѣмц. =

---

[1]) Обдарована Касуненька
Гривнами золотими,
Талярами битими,
но она цѣнит не это, а мнѣніе отца, который говорит:
Дав ми Біг діждати
За людей (т. е. хороших) дитя дати,
Гол. IV, 226.
Смысл такой старины забывается. Отсюда в вар. этой п. безсмысленныя искаженія: *„ревними* золотими“, „лежте, полежте, *ревни*“ Г. II, 654.

русс. осиновый кол), которым пробивали упырей, был символом сожженія. Позднѣйшая замѣна терноваго огня, возникшая подъ вліяніемъ мысли о святости кедра (одно изъ крестныхъ древъ), его рѣдкости и цѣнности (жена: „Та справ мені кедровую (тисовую) труну“; мужъ: „Та дож, мила, кедрини достати, Будеш, мила, в сосновій лежати“); есть *кедро́вый* огонь. Такъ в кол. доставленной мнѣ П. С. Ефименкомъ о потерѣ и обрѣтеніи честного креста:

[А] в пана Миколи [та] на ёго дворі
[Та] на ёго дворі [та] горіли огні,
[Та] горіли огні все *кедровий*,
[Та] коло тих огнів та все святиї,
Та все святиї, [що] по Христу вчили,
[Що] по Христу вчили, хрест загубили.
Ой туди ж ішла славная жона,
Славная жона славного мужа,
Славного мужа пана Миколи.
Вона тут ішла, золот[ий] хрест найшла,
[Та] її ж просили усі святиї:
„Славная жона славного мужа!
„Ой верни ж ти нам сей золотий хрест!
„[Та] будем за тебе Бога просити,
„Бога просити, службы служити:
„Первая служба на святе Різдво,
„Другая служба на свят[е] Васил[ь]я,
„Третяя служба на свят[ий] Великдень,
„Та й на Великдень, та й на весьтождень.

е) Кол. В представляется мнѣ механическимъ сочетаніемъ двухъ мотивовъ, имѣвшихъ одну общую черту, именно: 1) о построеніи церкви (с 3-мя верхами, с тремя окнами) Волохами (т. е. не Румынами, а италіянскими мастерами; ср. на пр. свѣдѣніе о построеніи Даніломъ Романовичемъ церкви св. Ивана в Холмѣ: . . . окна 3 украшена стеклы Римьскими . . . выспрь же верхъ украшенъ *звъздами* златыми на лазурѣ“ Ип.[2] 558; в числѣ оплакивавшихъ смерть Володимера Васильковича, построившаго много церквей, были и Сурожцы (ib. 605), б. м. не только купцы, но и

мастера: зодчіе, каменотесы и пр.). Это особый колядочный мотив, на пр. Чуб. III 462, H и др.

2) О построеніи чудесной церкви дѣвицей, которую берет или хочет взять в плѣн царь (паша, тиран, пан). Этот мотив преполагаю на основаніи вышеупомянутой серб. п. XXIX, 1, д (Кар. Пјес. I, N 234:

Фалила се лепота девојка:
„Прести нећу, а неумем вести,
„Баби нећу чувати говеда;
„Насред горе саградићу цркву:
„Темель ћу јој од мермер-камена,
„А греде ћу дрво шимширово [1]),
„А слеме ћу дрво тамбурово“.
Та се фала чак до цара чула.

и пр. (см. выше).

Предполагаемый вар. отличается от этого между прочим тѣм, что в нем строительницу приводят к царю (пану) как Босильку дјевојку в п. XXIX, 1, б (Кар. ibid. N 233).

Отрицанія во 2 и 3 ст. пѣсни N 234, как и всегда предполагают утвержденія. Послѣднія неданы в обстановкѣ, в какую в этой пѣснѣ поставлена дѣвица и слушатель недоумѣвает, с какой стати она объявляет, что нехочет прясть, неумѣет вышивать, нехочет пасти отцовскаго скота. Утвержденіе, как объясненіе и оправданіе, могло заключаться в пѣснях, служивших для мысли пѣвца исходною точкою, в которых подобная дѣвица вышивала и пасла скот. Первое нам дано в п. у Кар. N 233 (выше XXIX, 1, б):

Тамо кажу . . .
. . . Код воде Василку дјевојку:
Ките кити, подвезице плете,
Свака кита од дуката злата,

---

[1]) Кол. B: Ой коло споду камінічейком,
А в середині деревічейком
А к вершечкові сріблом золотом . . .

Подвезице царева арача.

То се чудо чак до цара чуло и пр.

Второе в кол. А. Первое и второе вмѣстѣ—в кол. XXX—XXXI, а) *α*): „Чадейко . . . стадейко пасло, шитійко шило“.

Т. о. для объясненія кол. В нѣт необходимости предполагать дѣйствительный случай: ограбленіе или штраф и арест Волохов, в родѣ контрибуціи и стѣсненій, коим Ярослав Изяславичь подверг Кіев: „попрода всь Кыевъ . . . Латину и гостѣ и затвори всѣ Кыяны“ (Ипат.², 393).

XXXII.

Дѣвица — „як зоря".

Выше (XXVII, А, Б и др.) встрѣчалась эта черта, как одна из нѣсколькихъ входящих в образ невѣсты; здѣсь она главная.

А. Колядка, Метл. 331, Остер.; Б. вар. И. И. Манжуры, Мурафа, Богод. у.; В. Чуб. III, 290; Г. Гол. IV, 69, N 8, Сяноц. окр.; Д. Чуб. III, 395—9, варіанты А—О; Е. Чуб. III, 475, NN 50, 51; Ж. Гол. II, 613, Стрый.; З. Чуб. III, 286 и др.

Ой ясна (v. рясна) красна́ в лузі калина,
А ясній-красній в пан-отця дочка,
В пан-отця дочка, дівка Христечка: (Б)
Убіралася, наряжалася,
[Що первий наряд—червоний сапъян,
А другий наряд—голубий жупан,
А третій наряд—жемчуг-намисто (Б)
или:
Скидала платте все крамовес,
А надівала все золотес (Д),
или:
Бере на себе дорогі сукні,
А поверх суконь срібло та злото (Ж),

или:

. . . в срібло ся вбрала,
[По пояс в срібло, в злото по землю (Е)]
До церкви пішла—як зоря зійшла,
[Пошла до церкви ясною зорею (Д)],
У церкву ввійшла та й засіяла.
Пани стояли (та й ся зглядали,
Та й ся зглядали), й питали:
„Чи то царівна, чи королівна?“
—„Я не царівна, не королівна,
Батькова дочка, славная панна!“

Вар. З — с началом XXI, Б:

Ой рано, рано кури запіли,
А ще ранійше N устала,
Ой вона встала, три свічі зсукала,
При едній свічі косу чесала,
При другій свічі личко вмивала,
При третій свічі сукню вбірала,
Ішла до церкви, стежка сіяла,
Ввійшла до церкви—церква палала . . .

Начало вар. Ж,

Там за стіною, за золотою,
Там ся вбирає кгречна панночка

ср. с А:

А в пана Йвана на ёго дворі,
На ёго дворі стоїть світлиця,
А в тій світлиці (панна N убіралася и пр.).

В нѣкоторых вар. на вопросы зрителей, изумленных красотою дѣвицы, отвѣчает отец. Эти вопросы роднят эту кол. с кол. „Мать узнает сына по кошулѣ, коню и пр.“:

. . . Пани стояли, шапки знімали,
Шапкй знімали, ёго пітали:
„Чи ти царенко, чи короленко?“
—Я не царенко, не короленко,
Отецький синок N (Чуб. III, 281),

а также с вар. величальными:

а) Сах. Сказ. Р. н. III, 176. Свадебная (5+5); ср. Шейн, Р. п. п. 443; выше стр. 95.

Как у мѣсяца золоты рога,
А у солнышка лучи ясные,
У Ивана кудри русыя,
У (Алексѣе)вича по плечам лежат . . .
. . . Соѣзжалися князья [и] бо́яры,
Дивовалися на это дитя:
„Еще чье это дитя милое?
„Хорошо очень в(о)спорожено!
„Да не солнышко-ль в(о)спородило?
„Не свѣтел-ли мѣсяц вспол-вскормил?“

(Тут, на основаніи вар. Б, слѣдовало бы ожидать

—Уж вы глупые князья бояра,
Неразумные люди добрые;

но у Сах. стоит:

Уж вы (⌣) князья бояре,
Вы разумные, люди добрые!)
Вспородила [меня] родна матушка,
Вскормил-вспоил родной батюшка,
Возлелѣяли мамки нянюшки,
Завила кудри сестра милая!“

б) Виноградье (колядка), Ефименко, Матер. по Этногр. Арх. г. II, 94, с амплификаціями в великорусском стилѣ [1]).

---

[1]) Т. е. в стилѣ противоположном стилю мр. пѣсни, дающей только необходимые толчки воображенію, но неведущей его на помочах, а предполагающей его самодѣятельность. Судя по образцам, доставленным в переводѣ Л. Ст. Мацѣевичем, румынским колядкам свойствен сходный (кромѣ выбора и формы подробностей) с великорусским дешевый способ амплификаціи. Посредством введенія ненужных, случайных или легко подразумѣваемых черт колядка об ораньи и сборѣ (ср. выше VII—IX) переходит за 200 стихов. Вот примѣры того, как наивно калякает эта кол.: „И пошли мы орать на той горѣ прекрасной и высокой, на чистом полѣ, гдѣ весьма выгодно нам работать, п. ч. недалеко корчма, откуда все достанем: ракію, спирт и вино и весьма крѣпкій хорошій тютюн . . .“; или: „Вот

В соборѣ у Михаила Архангела
Зазвонили часто раннюю заутреню Рождественскую;
Ото сну ли молодец (N N) просыпается,
Со великоя хмѣлины пробужается,
Он встает молодец со кровати со тесовы,
Со перины со пуховы,
Во сафьянныя сапожки обувается,
Ключевой свѣжей водой умывается,
Тонким бѣлым полотенцем утирается,
В кунью шубу да одѣвается,
Надѣвает на главу да черну шляну пухову,
Что пошел-то, пошел добрый молодец да в Божью церковь.
Там вставает молодец на правую на руку,
Да ко правому крылосу,
Он и крест-от кладет да по писаному,
Он поклон-от ведет да по ученому,

он встал, чорныя свои очи промыл, иконам поклонился, святому Богу помолился, свою жену в уста поцѣловал, на коня, как у Св. Георгія, сѣл и пр.“; или: „И поѣхал он в Калараш. Когда в Калараш прибыл, то нашел, что Калараш сгорѣл, только двѣ лавки остались с трубками и иголками. И поѣхал он в Бѣльцы, и. ч. услышал, что там ярмарка хорошая и кудрявая. В Бѣльцах нашел, что на ярмаркѣ только ложки и лопаты, и направился к Сорокѣ, ибо услышал, что желѣзо продается там на око. Когда в Сороку прибыл и направился по маленькой улицѣ, ненашел там ничего, нашел только двух жидов, которые за волоса таскали друг друга из за маленькаго куска мамалыги. И направился он по большой Мѣщанской улицѣ, гдѣ нашел желѣзо и сталь. Купил сто пудов желѣза и сто пудов стали и дал Трандафиру цыгану, который хорошо бил молотом. Но этот, когда молотом бил, искры отскакивали ему в глаза, люлька тухла, и пока он ее (вновь) закуривал, желѣзо простывало и из желѣза сдѣлать он ничего немог. И дал он дѣлать серпы Николаю цыгану. Этот дѣйствительно хорошо молотом бил: когда он молотом ударял, люлька сама закуривалась. Из желѣза он отличные серпы дѣлал“ и пр.

От желанья богомолец Богу молится,
На всѣ стороны четыре поклоняется.
В три ряды тут завивались кудри молодца:
Во первый раз завивались чистым серебром,
Во второй раз завивались красным золотом,
Во третій раз завивались скатным жемчугом.
Вси бояра и купцы сдивовали молодцу:
„Не заря-ли добра молодца спородила?
„Не млад ли свѣтел мѣсяц вспоил вскормил?
„Не часты ли ярки звѣздки звозсіяли молодца?“
—Уж вы глупые бояра, неразумны христіяне!
Уж как бы то заря спородила молодца?
Уж как бы то часты звѣзды снарядили молодца?
Спородила молодца родна матушка (N),
Воспоил-вскормил роден батюшка (N),
Снарядила молодца красна дѣвица (N).—
Знать те (ѣ?) молодцу жениться пора
На хорошей, на пригожей красной дѣвицѣ душѣ
(такой-то).

—

Нам недорого ни злато, ни серебро,
Дорога нам любовь молодецкая:
Злато серебро минуется,
Молодецкая любовь да незабудется,
Хоть забудется, да воспомянется [1]).
За тѣм здравствуеш, хозяин и пр.

Оба вар. предполагают мотив „родство со свѣтилами“ (XXIX).

— Как понимается „зоря“ в мр. кол. (aurora или stella?), неясно. Отчасти сходная величальная хорватская

---

[1]) Ср. запѣвы былин:
Нам нежалко (=нежелаем) пива пьянаго,
Нам нежалко зелена вина,
Только жалко смиреной бесѣдушки...
(Кир. I, 19, 20, 31).

(Kukuljević, Dela, IV, 250. Na Jurjevski kres) ясно говорит о звѣздѣ:

Захајала нам свитла звизда,
За лугеми зеленими! [1])
Ни нам оно свитла звизда,
Нег нам оно Томашева,
Томашева млада љуба . . .

Свѣт — красота (на пр. Объясн. мр. п. I, 111); красота — от звѣзды (денницы): дѣвица говорит:

О данице, о сестрице!
Подај мене свјетлост твоју,
Да наресим младост моју
(Кар., Пјес., I, 150);

см. также Объясн. мр. п. I, 61; красота — от солнца, мѣсяца (Кар. II. I, 161). Сюда же „сукна од сунашца“, „чоха од мјесеца“ (Кар. Пјес. из Херц. 342).

[1]) Припѣв послѣ каждаго стиха.

XXXIII.

Дѣвица мостит мост милому.

Кол. Гол. II, 87; IV, 73, Стрый. См. Объясн. мр. п. I, 132—51 и указатель: мост, кладка, вербовая дощечка; ib. II, XXIV.

XXXIV.

Перевоз через рѣку.

1. *Молодец перевозит дѣвицу.*

А. Бр. *ярная* [1]) (Шейн, Бр. п. 201, Лепель. у.) представляет свод и вм. взаимное объясненіе отчасти уже разсмотрѣнных образов брака: перевоз невѣсты через рѣку, мощенье для нея мостов, переѣзд ея с боярами сватами, перенесеніе ея соколом.

Хадзіла дзевенька кала речинькі,
Крикнула гукнула піравозничку (=оў?),
Адклікнуўся 'дгукнуўся яе міленькі:
„Я-ж к табе, мілая, чаўночком плыву".
—На тваім чаўночку я ніплавала!—
„Я-ж табе, мілая, масты мащу".
—На тваім масточкам я ніхадзіла!
„Я-ж табе, мілая, конікоў пашлю".
—На тваіх коніках я ніездзіла!
„Я-ж табе, мілая, баяроў пашлю".
—С тваімі баярамі я пізнаюся!
„Я-ж к табе, мілая, сакалом ляту (т?).
—Я-ж к табе, мілы мой, піранёлачкай!

Б. Свадебная, величальная, а) Кохановская, Остатки бояр. п. п. Рус. Бес. 1861, 139—41, Ст.-Осколь. у.; б) Сах. Ск. Р. п. III 119—20.

---

[1]) Отдѣл ярных в сб. Шейна, помѣщенный между жнивными и дожиночными, состоит из дѣвичьих п., по общему содержанію подходящих к мр. веснянкам, петровочным, купальным, свадебным. В частности веснянками могли бы быть NN 323, 340, 350, 352, свадебными — NN 325, 328–37, 342, 344–6.

а) Умное дитятко то Настасья-свѣт,
Разумное дитятко то свѣт-Павловна,
Умнѣе разумнѣе ее во роду нѣту,
Бурею (б. соболем) Настасья-свѣт всѣ лѣса прошла,
Бурею Павловна всѣ темные лѣса,
Крыла лѣса (2) алым бархатом,
Катила она (2) золотым перстнём,
Прикатила (2) ко круту берегу,
Кличет она (2) громким голосом:
„Есть ли здѣсь (2) перевозчики,
„Кто-б перевез (2) на ту сторону?“
Что взговорит (2) да Степан-судырь:
„Я за тобой, Настасья-свѣт, я корабль пришлю,
„Я за тобой, свѣт-Павловна, раззолоченый“.
—Неприсылай (2) корабля за мной,
Неприсылай (2) раззолоченаго:
Корабль—судно качливое,
А я дитя у батюшки пугливое.
„Я за тобой, Настасья-свѣт, я коней пришлю,
„Я за тобой, свѣт-Павловна, со боярами“.
—Неприсылай (2) ты коней за мной,
Неприсылай (2) со боярами:
Бояре—люди смѣшливые,
Я-ж дитя у матушки стыдливое.—
Я за тобой, Настасья-свѣт, соколом прилечу,
Я тебя, свѣт-Павловна, под крылом унесу!

Относительно того, что жених не перевозит, а переносит, хотя и не соколом, ср. мр. весн. (ркп. сб. Ѳ. И. Ромашкевича, юж. у. Черниг. г.):

Што через сад зозуленька летіла,
А Мархвушка перевозу хотіла.
„На що ж тобі, Мархвочко, перевоз,
„Що Кузьмичок на рученьках перенёс,
„Він перенёс, перехватив,
„Він нічого незамочив.

В. Свад. Гуляев, Оч. ю. Сибири, 10.
Соболем Наташенька *лѣса прошла* (2),

Крыла лѣса алым бархатом,
По пути катила крупным жемчугом,
Прикатила на крутый бережок.

Жених перевозит, неберет за перевоз „золотой казны, платья цвѣтнаго“, а

„Подари собой, мое сужено,
„Мое сужено, мое ряжено.

Относительно „бурею“ в Б—ср. выше XXVII. О „крыла лѣса, катила порстнем“ в Б, В—ср. Объясн. мр. п. I, 68 слѣд. и пред.

Плата за перевоз дѣвством — в поль., Kolberg, Lud, IV, 12–3, Kujawy:

Wędrowała mała, precz powędrowała,
W kalinowém borku pierwszą nockę spała.
. . . „Powiedz że mnie, powiedz, czém że ci mam płacić:
Czyli talarami, czy cnotę utracić?“
—Niepłać, dziewczę, niepłać, toć to ja zapłacę:
Nie utracisz cnoty, ja talary stracę.—
Odrachował ci ji talary na stole:
„Obejrzyj się, maluśka, czy stanie za twoje?“
—A mało to, mało, trzeba jeszcze przysuć:
Za wianek sto złotych, a za cnotę tysiąc . . .

Мотивом в родѣ А, Б (без платы) воспользовался авторъ религіозной п. (Безсон. Кал. V, 53), в коем женихом дѣвицы (dewotki? монахини?) [1] является Христос, перевозчиком Іоанн:

Nad Jordanem stała, do Boga wołała:
„Panie Jezu Chryste! przez twą wodę czystę

---

[1]) Ср. серб. колядку, вѣроятно, дѣвицѣ, потерявшей надежду выйти замуж или давшей обѣт дѣвства:

Маргариту крад просио . . . Ја сам нему вјеру дала,
. . . „Нећу крала, нећу бана, Да сам иег'ва вјереница.
Нег' Исуса милостнога.

(Кар. П. из Херц. N 357. Ср. „заручник Божје мајке“, N 356. Обѣ, вѣроятно, из Дубровника).

„Niech że ja przejadę k tobie na biesiadę!
„Przewieź Symeonie, ty święty patronie!“
—Nie ma, panno, wola, Niebieskiego króla.—
Rzecze panna zasię . . . :
„Przewieź święty Janie! . . .
. . . Jan święty żegluje, okręt k niej kieruje:
„Zawsze (у Б. всегда) Bogu miła, będziesz w niebie żyła.

Видоизмѣненіе В (плата собою за перевоз) находим в мр. похабной п. Чуб. V, 1122—3 (Гей під горою, під перевозом Стояла дівчина с своїм обозом) и в болг. (Верковић, Нар. п. Македон. Буг. 97—8) на тему „милый дороже отца и матери“:

Кинисала й' Дана на гости да иде
Сос майка, сос башта и сос прво любе.

Когда они шли туда, Вардар был сух, а когда—назад, он разлился. Дана просит перевозчиков перевезти, дает за отца тонкую сорочку, за мать тонкіе платки; но за милаго перевозчики неберут подобной платы, а просят „т(в)ос-то бело лице . . . . т(в)ои-те црни очи . . . . т(в)оя-та рамна снага“.

2. *Дѣвица перевозит.*

А. Кол. дѣвицѣ, Чуб. III, 316—8, А, Д.

У брода, в брода да в перевоза
(Ой) там Марьечка (v. Дівка N) [да] перевоз держала
Й-од перевозу по червонему брала.
А туди ішло сім сот молодців
(Сім сот молодців) Білоцерковців
(v. все Запорожців):
„Красная панно, перевези нас!“
—Неперевезу, немаю часу,
Не часиночки, не годиночки:
Тепер муйй братко з вуййська приїхав,
А привуїз мені да три радощі
(перловий вінок, золот перстень, дорогу (v. зелену) сукню).

Б. Чуб. III, 313—4 (отец в гости).
Ой в Днестрі, в Днестрі, да перевозі . . .

В. Kolberg, Pokucie I, 102. Начало сходно с Б. Приходят
Сім сот молодців самих вібранців,
Самих вібранців, й а Русовичів . . .

— „У брода". См. *брести*, XXII, 4.

— „Сім сот молодців" — сватов. См. выше XXIV и ниже („Рада", вар. К). В В они „вібранці" (отборные), „Русовичі" (=Русичи Сл. о П. Иг. и пр.). Ср. „Панну сватают (v. вже-м заручена) й-аж до Галича, за Русовича", Kolb. l. c. 101, 106. В А (Г, Борзен. у.) они „Запорожці", что, может быть, не случайно совпадает с представленіем „весільних" бояр запорожцами в свад. п. (мое К ист. зв. III, 71, 134) и с тѣм, что присутствующих при раздачѣ коровая не „близьких приятелів" называют в комическом смыслѣ запорожцами, п. ч. они стоят за порогом хаты (Чуб. IV 383—4).

Так и в серб. свадебной невѣста перевозит *сватов* на вѣнкѣ и жениха на пучкѣ розмарина (символы дѣвства): Кад долазе муштулугджије (Кар. П. I, 44)
Пуче пушка, ето конаника,
Пуче друга, ето и другога,
Пуче трећа, ето и војводе.
„Наш војвода, камо ти сватови?
— Остали се на мору возећи.
„Наш војвода, ко возар бијаше?
—Возар беше, госпоћа девојка;
Све сватове на венцу превезе,
Младожењу на струк' рузмарина.

Таким образом в кол. А—В величанье дѣвицѣ, в том, что она *еще* нехочет перевозить сватов (выходить за мужь), что ей нѣкогда, п. ч. у нея „три радости". По другой причинѣ дѣвица неперевозит в мор. п. (Sušil, 241):
Jaborové lodi, klencové veselko,
Převez mia, milenko, přez malé jezerko.

– Já t'a perřevezu, já sa vody bojím;
Já o t'a, synečku, do konca nestojím.

А о том, как настаетъ для дѣвицы пора „перевозить", когда оставитъ она отца и матерь ради мужа, говоритъ пѣсня весняночнаго размѣра (4+3+3) (Чуб. V, 510–11; ср. ib. 759–60):

По тім боці Дунай, Дунай [1])
Я молода гуляла, гуляла.
В лузі калина, темно-невидно:
Соловейко нещебетав!
Пришла ко мні матінка, матінка:
„Перевези, донечко, донечко!"
Я матінки невзнала, невзнала,
Перевожчика незвала, незвала.

Тоже повторяется с измѣненіями: „батенько", „братічок", „сестрица" и с тѣм же припѣвом.

Пришов ко мні милейкий, милейкий:
„Перевези, милая, милая!"
Я милого узнала, узнала,
Перевожчика позвала.
В лузі калина, ясно да красно:
Соловейко защебетав!

Смыслъ припѣва объясняется тѣм, что соловей приноситъ не только весну („сади развивае", cum = propter), но и разсвѣт (радость, см. выше стр. 55–7), веселье калинѣ „у темному лузі", как милый дѣвицѣ:

Без малого соловейка и світ несвітає,
А без мого миленького гуляння немає
(Метл. 38–9).

Болгарская пѣсня сходнаго размѣра (4+3), Милад. NN 431 и 465, по общей темѣ „кто переплывет Дунай" соотвѣтствуетъ пѣснямъ, разсмотрѣннымъ выше (XXII, 2, 3): три дѣвицы: Влахиня, Гречиня и Болгарка спорятъ из за

---

[1]) v. „Сидит дочка над морем". Могло бы быть „По над морем Дунаем".

[2]) Припѣв послѣ двустишія.

молодца и предлагают каждая приданое, характеризующее занятія ея народа. Молодец предлагает:

„Кой' ке мене преносит,
Преку бѣла Дунафа,
Тая мома ке земам".

Перенесла (v. перебросила) его только Болгарка. Отсюда, молча, слѣдует нравоученіе: свой к своему.

Отмѣчу здѣсь два болѣе отдаленныя измѣненія разсматриваемаго мотива.

а) П. „*Божићна*" [1]). В роли перевозимаго Божић:

Зове Божо иза воде: „превезите ме!"
—Није дома домаћина, да те превезе:
Отиш'о је у бадњаке, да их довезе.
Спремићемо старе баке, да те превезу.—
„Старе баке масло [2]) варе, омастиће ме".

Тоже повторяется с измѣненіями в 3—5 ст. Божичь нехочет ни молодиц, ни дѣвиц, п. ч. шалавливы и утопят его, но:

Спремите ми малу ћецу, нек ме превезу:
ћецица су без гријеха, Божји анћели.
(Кар. П. из Херц. N 346).

Таким образом малые дѣти найболѣе достойны Божича: это их праздник. Совершенно независимо от того, есть ли Божић чисто-христіанское олицетвореніе, или нѣт, может быть под вліяніем представленія Христа женихом, эта пѣсня, судя по размѣру (4+4+5), обычному в свадебных (Кар. Пјес. I 8—85 pass.), имѣет подкладкою свадебную пѣсню.

---

[1]) „Пјесме Божићне", отличныя от колядок, поются с того времени, как „бадњаци" кладутся на очаг (24 Дек.) и до Васильева дня, т. е. „малога Божића" гостьми, а если их нѣт, и домочадцами. Кар. П. из Херц. 345.

[2]) Род жирного кушанья.

б) Тот же мотив с оттѣнком „плата за перевоз собою“, можно усмотрѣть в вр. п. „Молодец и рѣка Смородина“ [а) Кир. II 61—3; б) Рыбн. I, N 82 и Гильф. N 262).

В а) ... Отъѣзжает сын от матери
На чужу дальну сторону,
Подъѣзжает к рѣкѣ Смородинѣ:
„Что же ты рѣчушка
[С] перевозу с нас береш?“
Возговорит рѣчушка ...
... Душой красной *дѣвицей:*
„Ох ты гой еси молодец,
Ты Добрыня Никитьевичь!
—[С] перевозу с вас беру
По добру коню наступчиву,
По сѣделечку черкасскому,
По удалу добру молодцу,
А тебя я, добрый молодец,
Я тебя и так перепущу ...
... Переѣхал же молодец ...
... И стал *похвалятися* ...

Но он забыл за нею два ножа, воротился и утонул.

В б): горькая доля молодца (Бог немилует, царь нежалует и пр.); его женят на богатой немилой женѣ, но ему „лучше ... добрый конь злата серебра“, он ѣдет на чужую сторону и пр. сходно с а). Смородина говорит:

„Да не я тебя топлю-гублю,
А топит губит похвальба ... молодецкая!“
... Да тому хоробру́ такова слава
[И] оставалась [у] его нелюба́ жена.

Предполагаемое измѣненіе основного мотива могло произойти здѣсь под вліяніем слѣдующих ассоціацій:

Отъѣзд от матери и несчастье сблизили пѣсню с былинами про Добрыню (на пр. Рыбн. I, N 25) и внесли в нее самое его имя.

Отъѣзд в чужую сторону вяжется с гибелью (Горе и злочастіе; мр.

„Непокидай козаченьку рідненького батька,
Як батька покинеш, сам марне згинеш
Річенькою быстренькою за Дунай сплинеш);

погибнуть—потонуть (мое Сл. о П. Иг., 78—80; Объясн. мр. п. I, указатель „тонуть"), при чем, в силу обычной в нар. п. „матеріализаціи" образа, потопленіе представляется дѣйствительным. Ближайшая причина гибели — однородна с тою, которая накликает на молодца. Горе:

А всегда гнило слово похвальное,
Похвала живет человѣку погуба
(О Горѣ и Злоч.).

XXXIV.

Золотая ряса (v. роса).

Этот мотив и сродные с ним слѣдующіе (XXXV) дополняют собою XV-й и болѣе-менѣе связанные с ним XVI—XX. Там користь с дерева или от птицы сидящей на нем и пр.—господарю, паробку, здѣсь—*золотая ряса* (роса, кора) с этого дерева—*користь дѣвицѣ*

1. А. Происхожденіе дерева—как выше (XV, 1, Б): Безс. Бр. п. 15, N 21, волочобная, дѣвицѣ:

. . . Туды [1]) ляцелі два галубочка,
Да лалым, лалым, гей лалым!
(◡) Выкінулі [яны] на жалудочку,
На тых [2]) жалудочках расцець па дубочку—
Залаты[я] лісця, сребрная раса.
А хто-ж (вм. кто-ж) (◡) тыс (◡) лісця зломіць?
А хто-ж (◡) тую (◡) расў струсіць?
Малада[я] панєнка (◡) расў струсіць,
(◡) Расу струсіць і лісця зломіць.

Лалы-м = лелюм, может быть через посредство литов. laĩu, Объясн. мр. п. I, 17—20.

Относительно мѣста дерева и пр.:

Б. Черниг. Губ. Вѣд. 1854, N 13, 102, Олишевка, Козелец. у. Щедровка.

А в пана дядька [да] на ёго дворі
Щедри вечор, добри вечор,
Добрим людям на здоровъе!

---

[1]) Гдѣ была панна.

[2]) С тых жалудочков? Или б. м. „в тых жалудочках", при чем, как часто в ст.-русс. *въ* с мѣстн. в значеніи матеріала из котораго нѣчто сдѣлано.

[Там] стояло древо тонке високе,
Листом широке да кудрявеньке[е],
[А] на тому древі золота[я] кора,
( ), жемчужна[я] роса.
Де узялися райские пташки,
(⏑) Обдзюбали золоту[ю] кору,
( ), жемчужну[ю] росу.
Вышла (⏑ ⏑ ⏑) красна(я) панна,
( ) панна N,
Да й позбирала золоту[ю] кору,
( ), жемчужну[ю] росу,
Да і понесла до золотаря:
„Золотарику, ти мъуй братику!
„Іскуй же мені золоти [злати] перстень,
( ), жемчужну[ю] стръучку [1]).
В перснику (⏑ ⏑) (⏑) (вінчатися) [вінчатця]
(⏑) В стръучці (⏑ ⏑) (величатися) [величатця]“.

—

Будь же здорова, красная панна,
Красная панна, панна N!
Ми ж тебе, [красная] панно, неспонижаем,
Ми ж тебе праздничком поздоровлямем.

B. Zieńkiewicz, Piosen. gm. l. Pińsk. 18—22 = Бесс. Бр. 74, кол.

У *перевоза* (*) стоїт береза . . .

(*)=близость замужества; см. выше XXXIV, 2.

. . . Да налєнулі райскіє птушкі,
Злотую кору пооббівалі,
Шолкове вєтьє пооблам'валі.
Вышла, быбєгла красная панна,
Да і сплєснула да й рученькамі:
(⏑) „Шугі в лугі! райскіє птушкі“
. . . „Ты злотніч(ень)ку ремєсніч(ень)ку!

---

[1]) (Стрічка) широкая лента с узором. *Скиндячон* – узкая гладкая.

(⏑) Іскуй (⏑) мнє з(о)лоты пояс,
Із окравочок (⏑) персцёночок,
А із вєтейка (⏑) то вєночок:
(⏑) У поясі (⏑) красовацьца,
(⏑) У персцёнку (⏑) залецацьца,
А у вєночку (⏑) ізвєнчацьца.

Три вещи соотвѣтствуют трем моментам періода дѣвичьей жизни, оканчивающагося вѣнчаньем.

Г. Щедр., Мурафа, Богодух. у., запис. И. Манжура.

[А] в нашого дяді (?) на (⏑ ⏑) дворі
( ) (⏑ ⏑) береза,
[А] на тій березі золота кора.
„А я ту[ю] кору та облупаю [1]),
„Понесу кору та до коваля:
„Скуй мені чару ще й золот[ий] перстень!
„Ой я чарою [буду] частувати (му),
„А перстеником [буду] дарувати (му)“.

Д. Щедр. Чуб. III, 471, Староконст. у.

А в нашого господара
Стоїт явір серед двора,
На явові золота кора,
. . . а срібна роса.

Панна „кору обстругала, . . . росу обтрусила“ и пр.

Е. Kol. Pauli, P. l. Pol. 5:

Na śród dworu jawor stoi,
Hej leluja!
Na jaworze złota rzęsa . . .

(райскія птицы отрусили и пр.).

Ж. Кол. Гол. II, 614, Стрый окр.

А в поли (⏑ ⏑) близко дороги,
Божая, божая мати
А все в золоті ходила!
Садок саженій, наострожений,
А в том садочку біла постілка,

[1]) Говорит дѣвица.

А в тій постілці кгречная діва
Ряси стерегла и там *заснула*.
Райски пташочки рано злинули,
Рано злинули, рясу зшайнули.
Золота ряса дуже звеніла,
Дуже звеніла, діву збудила.
А діва встала, рясу зібрала . . .

. . . до золотника . . . шубу, пояс, перстень, перлову тканку и пр.=Ж.

З. Кол. Гол. IV, 67, Стрый.
Перед оконцем садочок стоїт
А в том садочку золота ряса,
Ой сходилися буйни вітрове
Обтрясли ж они золоту рясу.
(Панна собрала „в шитий рукавець“:)
. . . „Ой ковальчики, ой ремісники!
А скуйте-ж мені золотий вінок,
А з установчіків золотий пояс,
А з обрізочків золот[ий] перстенець:
Золотий вінок голови (род. ед.? вин. мн.?) склонит,
Золотий пояс лядвоньки зломит,
Золотий перстенець пальчики світлит.

И. Волоч. Безс. Бр. 15 (N 19):
(⏑) У гарóдзе на паряходзе
(⏑) Стаїць варба (⏑) тарчистая,
(⏑) На ней раса залацістая.
(⏑) Прилящело *сямсот варабьёв*
(⏑) Тую расу (⏑) абтрусілі,

панна подобрала, попрятала в сундук. „700 воробьев“ = 700 молодцов (сватов), см. выше XXIV, XXXIV, 2, А, Б; Объясн. мр. п. I, 158.

Мр. „горобець—молодець“, „горобчик—жвавий хлопчик“ (Чуб. V, 1145). Там же 1144—5 „*синиця*“—молода (невѣста), „молодиця“, с чѣм ср. ниже К.

І. Кол. Чуб. III, 394, Черниг. у.
Ой у городі конопличочка,

Червоне, червоне вино
В неділю рано сажено!

На той конопляниці ремчаньська (?) роса . . .
N „позбирала росу в поливану мису“ . . . „до золотника“ и пр.

К. Щедр. Чуб. III, 474, Ковель. у.

Ой у полі конопелька,
На конопельці золота роса.
Там синиця походила,
Ту росичку потрусила,
До золотничка поносила . . . :
. . . „Искуй мені перстенёчок“. . .

Л. Гол. II, 88—9, Золочев.

А в чистім полю грушечка стоїт
На тій грушечці золота ряска.
N „збирала ряску та й у запаску“ . . . до золотника . . .

М. Кол. Чуб. III, 404, Васильков. у.

Ой в бору сосна з самого злота . . .
N „виламала гіллячку з самого вершечку“ . . . „до злотарників“ . . .

Н. Волоч. Шейн, Бр. п. 101:

У чистом поле стояла береза . . . широки лісця . . . дробная раса . . . Хто ж тую росу обіваць будзе? (неизвѣстно). „Подбірала росу красная панна“ . . . „в рукавец“ „злотнічку“ . . .

„Ты скуй же мне три *надобнічкі*“
(„надобочкі“? ниже — *надобок*, м.; ср. чеш. nádoba, vas, instrumentum):

Первый надобок—золотый кубок,
Другій надобок шовкова хустка,
А третій надоб—злотый персцёнок:
Золотым кубком умываціся,
Шовкова хустка—уціраціся,
Злотый персцёнок—вснчаціся.

О. Кол. Чуб. III 391, Овруч. у.

Сочетаніе мотивов „дерево, ряса“ и „золотые ворота“:

Ой у полі, в полі стоять нові двори,
А в тих нових дворках новиї ворота,
(⌣) На тих воротях пташки ночували,
. . . злото по'дбивали (и пр., 3 причиноньки: сукня, павин віночок, перстень).

---

2. „*Чарою . . . частувати*“ (Г). Вѣроятно, что для такой же цѣли служил первоначально „золотий кубок“ (Н) именно — угощать гостей колядников или Бога и святых (см. выше XII). Явственное сочетаніе с этим послѣдним мотивом в кол. Е, конечно, возникшей на Русской межѣ:

„Złotniczeńku, rzemieśniczeńku,
Ulij że mi złoty kubek!“
—Któż ci będzie z niego napijał? [1])
„Sam Pan Jezus z aniołami
I Maryja z dziewicami,
[Nadobna dziewica z kawalerami“].

От подобнаго поль. варіанта идет вар. Д:

Зроби мені золот[ий] *кілих*,
Золот[ий] кілих, [а] срібний кубок,
А с кілиха сам Господь пъє,
А с кубочка пан господарь . . .

---

[1]) Napijać=серб. *напијати* (см. Кар. Рјечн. s. v.) пить к кому, с перевѣсом момента предшествующаго самому питью, именно — произнесенія приличной обстоятельствам рѣчи „уза здрвицу“ (серб.). Этому соотвѣтствует ст.-русс. *пити на кого:* „яко упишася Древляне, повелѣ (Ольга) отрокомъ своимъ пити на ня (чтобы отвести им глаза), а сама отъиде кромѣ и повелѣ дружинѣ сѣчи Древляны“ Лавр.[2] 56; единою же пьющю Ростиславу с дружиною своею, рече Котопанъ: „княже, хочю на тя пити!“ Оному же рекшю: „пий!“, онъ же испивъ половину, а половину дасть князю пити (ib. 162), с чѣм ср. существующій до нынѣ обычай, что пьющій кому только надпивает (см. между прочим Иванова-Желудкова (Кельсіев) Русское село в Малой Азіи, Русс. Вѣст. 1866, N 5 или 6). Бр. „пью на цябе повным кубкам, добрым здаровьем; што мыслю сабе, то и табе“ (Шпилевскій, Пантеон 1853, N 5).

и испорченная кол. у Чуб. III, 326: господаря нѣт дома, он пошел к золотарю, „щоб нам зробив срібну ложечку... золотий кілих (церковные, для причащенія), щоб нам була від Бога слава".

3. *„Перстеником дарувати"* (Г).

Разумѣются дары брачные: милому, роду, дружкам. Ср. слѣд.

а) Чуб. III, 466, N 32, Ковель. у., пѣсня названная щедровкою, но по размѣру 4+3 принадлежащая к весенним (Объясн. мр. п. I, указат.)

У писаря [1]) при дворі
Стоїть явор при окні,
На яворі гиллячки,
На гиллячках віточки,
На віточках хустойка,
На хустойці золото.
То Парася [2]) вішала,
То молодці тішила.
„Ви-те-ж мої молодці!
„Неходіте поночі,
„Нерубайте явора,
„Нетрусіте золота,
„Бо мні оно потребне
„Свекра, свекров дарити!"

Здѣсь образ „явор", сначала представленный внѣшним по отношенію к дѣвицѣ, потом с нею отождествляется: она просит нерубить явора „по́-ночі", украдкой, по воровски, но „рубать—любить, сватать" (XV, 5 стр. 234) „деревце стято = дівку взято" (Гол. IV 242 и пр.). Она „отецькая дочка", „чесна дитина" хочет открытаго, торжественнаго брака: свекра дарити и пр.

По началу приведенная пѣсня близка к весн. Чуб. III, 44:

---

[1]) Отец?
[2]) Величаемая дѣвица.

У короля у дворі
Зацвів крокіс на горі.
„Чом, дівчатка, нейдете,
„Чом крососу нерветé? . . . [1])

а эта роднится по содержанію со слѣд. весн. (Чуб. III, 139, Переясл. у.):

Ой там на горі на красі [2])
Красіс [3]) кукіль [4]) у овсі.
„Чом ви, парубки, нейдете,
Куколю з овса нервете?“
—Ой ирвется нам на душі,
Що всі дівчата хороші,

т. е. порываетъ душу то к одной, то к другой.

б) Свадебная, „когда дарят свашек платками“, Чуб. IV 589:

За хатою липа,
Золотом оббита.
Підіть обдеріте,
Дружечок подаріте

с чѣм ср. когда вьют вѣнок молодой (ib. 102):

На горóѣ липа
Золотом облита.
Підіт обломіте,
Та Марусю вберіте.

в) Свадебная, когда молодая обдариваетъ свекра и пр. Коханов. Нѣск. бояр. пѣс. 105—6, Ст. Осколь. у. (4+4+6):

Груша-яблонь садовая—кора золотая;
Тут мимо шла Настасья-свѣт, кору колупала,

---

[1]) Рвать - любить. Крокіс (carthamus tinctorius, Объясн. мр. п. I 153—4) — козак: „де козак стоив, там крокіс посходив“ Костомар. Бес. 1872, VI, 30.

[2]) *Краса* здѣсь = серб. присоје; свр. „красит“ красно солнце, свѣтит.

[3]) Ср. бр. *краска*, цвѣток.

[4]) По смыслу *куколь*—дѣвицы. Ср. хорв.

Nigdir gore bez kitja ni,
Nikdir pola bez kukola,
Nit' junaka bez ženitbe,
Nit' dívojke bez udatbe, Kurelac, Jačke 6.

Она кору колупала, золото сымала,
Тѣм золотом, тѣм золотом...
—„платки вышивала“ (свекру), „чепцы“ (свекрови), „ковры затыкала“, „коня одѣвала“—„друга даровала“.

г) St. Mažuranić, Hrv. nar. p. 174:

Девојка је невен-цвиће брала,
Невену је говорила млада:
„Сахни-вехни, невен-цвиће моје,
„Како вене срце од јунака!“ [1])
Ал се драги иза горе јавла:
„Некуни ме, липото дивојко!“
—Некунем те, млајахни јуначе,
Већ [2]) ја кунем зелен *бор* ва гори,
Да би *з нега златна роса пала,*
Да би из не прстене ковала,
Ча бим свому [3]) роду даривала:
Првога бим својој [3]) мајки дала,
Другога бим својој [3]) сестри дала,
Трећега бим за се оставила.

Отсюда видно, что сербо-хорв. нар. поэзія предполагает образ: с дерева (сосны) — золотая *роса* (=ряса), дѣвицѣ користь: куются дары.

д) Кар. Пјес. из Херц. 247, безименная, но по размѣру и содержанію—колядка:

У јасена ситна *реса* [4])
На ној пала *медна роса,*
Купила је кошутица,
Ујкала је ђевојчица:
„Иш отоле, кошутице!

---

[1]) Она произносит заговор, „присушку“ (формула — в моей ст. Мр. п. по сп. XVI в., 21), разумѣя своего милаго. Потому то он и отзывается, думая, что она ему хочет зла, клянет, а не заклинает.

[2]) Слѣдует окольное изображеніе ея желаній: дарить в качествѣ (его) невѣсты.

[3]) Твому, твоїй? [4]) „Дробная ряса“ (Н).

„Ето ловца Херцеговца!
„Ловац ће те уловити
„И цару те поклонити,
„Цар ће нему диван дати:
„Орахово и Грахово,
„Орашево и Крушево".

Это дополняет выше (г) предположенный образ: ср. „дівка... *рясы* стерегла" ... „Иш отоле" = „а шуги в луги" (В); но собирает медвяную росу не птица, а лань, которая сама служит подарком (ср. XX, 3). Эта пѣсня дает основаніе мнѣнію, что выше (XXIX, 1, в) стр. 404) в пѣснѣ Mikuličić, N. p. iz Hrv. pr. 138—9 вм. „росна кошулице" слѣдует читать „кошутице".

е) Свадебная, Кар. Пјес. I, 41—2:

Играх се златном јабуком
По полу по мједеноме,
По гувну [1]) по сребрноме;
Одскоком скочи јабука,
Удара Будви у врата,
Саломи врата на двоје,
А клучаницу на троје,
Просу се бисер по перја [2]),
Сави се паун од неба,
А пауница од пола,
Да купе бисер по перја.
Млада се Маре молаше:
„Пауне, мој мио брате,
„А паунице сестрице!
„Некупте бисер по перја,
„Јер сам ћевојка вјерена,
„Вјерена, неповедена,
„Пак ми се хоће дарови:

---

[1]) Гумно. Так мѣстами в свр. гувно.

[2]) По травѣ, по лишћу. „Као се код нас коже перо лука, тако се онамо (у Горн. приморју) зове сваки лист перо" Карадж.

„Свакоме свату гриница,
„Староме свату и двије".

Дерева нѣт, но „паун и пр. и жемчуг" соотвѣтствуют райским птицам и рясѣ — росѣ мр. п. См. также „Сокол похищает разсыпанный жемчуг", Объясн. мр. п. 168—9; сокол похищает „дівоцькую красу" (ib. 116—23).

4. *Рясá*, вин. *ря́су* (песмѣшивать с заимствованным *ря́са*, vestis, гр. ῥάσον, Mikl.), серб. *ре́са*, вин. *ре̑су*, им. мн. *ре̑се*, поль. rzęsa, цсл. рѧса и пр. В значеніях замѣтны представленія украшенія, покровенія, изобилія. Отмѣчу значенія: а) висячій кистью цвѣток или плод растенія, как цвѣт на лѣщинѣ (серб. *реса*, iulus), плод на березѣ; отсюда б) вр. *ряса* серги и подвѣски к ним; в) висячія украшенія дѣвичьяго вѣнца: „на вѣнец берется *ряса з богатого* вівса" (Гол. IV, 369) (овес рясни́й—с богатым колосом), „з рісами вінець" (ib. 223); вр. „вѣнец дѣвичій с жемчужной рясой" (Даль); серб. „вјенцу ресе и узресе" (в н. пѣснях, Карадж.); в вышеприведенных пѣснях из золотой рясы чудеснаго дерева или сада — между прочим куется дѣвичій вѣнок (3); г) серб. *реса*, вр. *ряски*, бахрома, мохры; ст.-сл. рѧсьнъ, id. Представленіе покровенія—в (д) поль. rzęsa, ст.-сл. рѧсьнъ, русс. *ресница* (=рясница), е) вр. мр. *ряска*, lemna [1]). Значенія изобилія, густоты — в кашеб. „gęsty jak rząsa", вр. (ягод) ря-

[1]) *Ряска* в символическом значеніи:

У козака стільки віри,
Як на синім морі піни

(т. е. вовсе нѣт, когда море тихо и свѣтло),

А в дівчини стільки ласки (=любви),
Як на тихій (стоячей) воді ряски
(Лавренко, Пісні, 37).

Одбивае од берега щука-риба *ряску;*
Утеряла дівчинонька у козака *ласку.*
„А я-ж тую дрібну ласку зберу у запаску,
„А в вечері козакові підійду під ласку".
(Метл., 8);

са—рясой, мр. рясно; красоты — в серб. *ресити*=китити, мр. „зрясить коровай, ельце“, украсить (см. также Объясн. мр. п. I 159); у Памвы Берынды „въ лѣпоту“=„въ рясноту“. Ср. в мр. думѣ:

Як дасть Бог, що прийде весна красна́,
Буде вся наша голота рясна́
(Кул. З. о Южн. Руси, I, 54),

т. е. одѣта, украшена.

5. *Роса* серебряная (А), жемчужная (Б), золотистая (Р), золотая (К), *златна* (г) играет в приведенных пѣснях такую же роль, как и ряса: из нея куются перстни и пр. Так как это встрѣчается не только в брусс., но и в мр. и сербохорв. пѣснях, то звуковое тождество слов *рясá* и *роса* в бѣлорусс. *расá* здѣсь ни при чем. Можно думать, что первоначально в образѣ чудеснаго дерева стояли рядом, невытѣсняя друг друга *ряса*, т. е. плод этого дерева, и *роса*, что и находим в д):

У јасена ситна реса,
На јој пала медна роса . . .

„Медна роса“ соотвѣтствует здѣсь тому, что медвяная роса hunangfall (=honigfall) каплет с листьев сканд. мірового ясеня Yggdrasill, ее берут пчелы на мед; что по инд. сказанію *сома* или *madhu* (мед), *амр̥там* (ἀμβροσία) каплет с небеснаго дерева [1]), а по эранскому (выше стр. 224) сокол, по видимому, вмѣстѣ с плодами безпечальнаго дерева, стряхивает и небесную воду, уносящую эти сѣмена на землю. Предполагаю, что в слав. п. эпитет *рясы* (золотая и пр.) вытѣснил эпитет *росы* (медвяная), что сдѣ-

---

На тім боці на толоці зъіли кози ряску
(умышленная нелѣпость);
Утратив я, побратиме, у милої ласку
(Гол. II. 419).

[1]) О небесном (звѣздном, лунном) происхожденіи росы и меду см. J. Král, Soma (madhu, amŕtam)—ambrosie a nektar, Sborník praci filologických, vydaný na oslavu 25-letého jubilea prof. J. Kvíčaly, v Praze 1884.

лало возможной замѣну рясы золотою (и пр.) росою, из которой дѣвицѣ вѣнок и пр.

6. Как выше из золотой росы с дерева — невѣстѣ перстень и пр., так в вр. свадебной — из *пѣны колодца:*

Ты кипи, кипи, колодец,
Ты кипи, кипи, студёной,
Ключевою водою
Со серебреной пѣной!
Тут N (имя невѣсты) выходила,
Свѣт (отечество) выходила,
Она пѣну снимала,
Она ризу сливала
На икону-Миколу
А еще-то сливала
Золотое колечко,
А еще-то сливала
Два вѣнца золотые
(Москва, Аѳ. П. В. П, 290).

Возможно, что этот колодязь приводился в связь с чудесным деревом и росою с него, подобно тому, как в сканд. и эран. сказаніях у мирового дерева — источник.

Примѣненіе сходнаго образа к схемѣ „милый лучше отца матери“ — в свадебн. п.:

Под горой, горой высокою
Что кипит колодезь с красным золотом.
Красны дѣвицы расчерпывают
Коя чарой, коя ковшичком,
Одна N (невѣста) цѣлым кубцом.
„Кому кубец (отдать) с красным золотом?
„Отдать батюшкѣ — назад невзять,
„Отдать матушкѣ — ничего невидать;
„Как отдам кубец N (жениху) . . .
. . . „Тѣм кубцом мы село заведем“.
(Гуляев, Этн. Оч. Юж. Сибири, 20).

7. Золотая *кора* (Б, В, Г, Д). Предположив, что кора — золотая, п. ч. по ней стекает золотая роса, можно бы привести в связь с этим изображеніе крестнаго древа в бр. вар. стиха о голубиной книгѣ (Варенцов, Сб. русс. духовных стихов, 233):

Пачаму-ж Захабур[1])-гара всім гарам ацец?

[1]) Ѳавор.

—Сам Исус Христос на сй прабросился [1]),
Ён прабросился на распяцьи был,
И цякла руда па каренійцу,
Са яво руды кара вырасла,
И бралі карý па всім папам,
Па всім папам, па паповічам,
Па всім царквам, па царковочкам.

Мнѣ слышится здѣсь отзвук мотива „с коры чудесного дерева таким-то корисъ“. Во всяком случаѣ я невижу в приведенных стихах ничего, оправдывающаго слѣдующее толкованіе: „ . . . кровь Спасителя . . . образно смывала грѣх прародителя, капая на его голову, которая представлялась“ (не в приведенном мѣстѣ) „лежащей у подножія креста. Остается непонятным только загадочное растеніе (?), выростающее от божественной крови. *Кора* духовнаго стиха, очевидно, испорчено, либо замѣнило какое нибудь другое названіе. В одной греческой легендѣ о нахожденіи честнаго креста разсказывается, что на мѣстѣ, гдѣ Евреи умышленно закопали крест Спасителя, выросла трава пахучая и врачующая: врачи зовут ее ὤκιμον, а народ — βασιλικόν. Это ocimum basilicum, душки, мр. васíльки, которые в народной русской обрядности до сих пор связаны с культом креста: их клядут в церквах под распятіе, дѣлают из них кропило, откуда, быть может, самое названіе кропила василок. Их в самом дѣлѣ берут „по попам . . . по церквам“. Это один из хороших обращиков того, как литературное содержаніе легенды может нетолько нереходить в обряд, но и становиться неотъемлемою принадлежностью народно-поэтических воззрѣній“ (А. Веселовск. О Соломонѣ и Китоврасѣ, 175). Но вѣдь поводом заговорить здѣсь о васильках служит только мнѣніе, что кора—есть растеніе; а если кора есть кора?

8. *Кузнец* (коваль Г, ковальчики З [2]), золотарь, зо-

---

[1]) Преобразился.

[2]) Ср. мр. свадебная, при расплетаньи косы:
Де твоï, Касуненько, ковалі,

лотник, Б, В, Ж, І, К, Л) кует невѣстѣ вѣнок, перстень, пояс и пр. Мѣсто дѣйствія в приведенных пѣснях ближайшим образом неопредѣляется. Также и в слѣд. вр. подблюдной, предвѣщающей свадьбу, примыкающей к колядкам Б, В:

Идет кузнец из кузницы, Слава!
Несет кузнец три молота, Слава!
„Кузнец, кузнец, ты скуй мнѣ вѣнец, Слава!
„Ты скуй мнѣ вѣнец и золот и нов, Слава!
„Из остаточков золот перстень, Слава!
„Из обрѣзочков булавочку:
„Мнѣ в том вѣнцѣ вѣнчатися,
„Мнѣ тѣм перстнем обручатися,
„Мнѣ тою булавкой убрус притыкать [1])
(Сах. Ск. Р. н. І, 3, 12, 18; Снегир. Тер.).

В вр. свадебных пѣснях свадьбу кует св. Кузьма-Демьян (одно лицо), по одному вар. „в божьей церкви, на крутой горѣ“ (Шейн, Р. н. п. 547; ср. ib. 545—8; Терещ. II, 448; Аѳ. П. В. І, 466). В вр. заговорѣ (присушкѣ) кузнецѣ приковывают молодца к дѣвицѣ „на морѣ на океанѣ, на островѣ на буянѣ“ (Аѳ. ib. 465). В слѣд. вар. хорв. пѣсни, приведенной выше (XXIX, 1, в, Mikuličić, N. p. iz Hrv. primorja, 138—9), примыкающей к вышеприведенным пѣсням о золотой росѣ, *рай-ковач*=райскій (ср. рай-дерево, XV, 5, стр. 236):

Що твої косоньки ковали?
Та нехай прийдут, розкують
[Все собі] сріблo-золото заберут
(W. z Oles., 8; Голов. IV, 227).

[1]) Весьма распространенный в пѣснях пріем: перечисленіе 3-х (рѣже 4 и болѣе) вещей, за тѣм поясненіе: 1-я есть то-то, 2-я то-то и пр. (на пр. свѣтел мѣсяц то хозяин в дому=ясен місячок то господарь и пр.), или 1-я такова-то и на то-то, 2-я..., 3-я, на пр. Вывела квочка четверо діток: N, N, N и N, У того N кривиї ноги... кривими ногами жар загрібати (Гол. II, 682—6; Чуб. III, 194; = Ант. и Др. Ист. п., І, 87—8 и пр.

Хој (=hoj) дивојка Медјіморка,
Где си воду зајимала?
—На крај села, под храстичом.
На храстичу злата роса,
Но ми бере злати кључар [1]),
Но ми несе дал-далеко,
Дал-далеко рај-ковачу.
„Куј ми, ковач, девет кључов,
„Девет кључов одпирачов,
„С ким одпремо девет комор,
„Ву десети Мара сестра.
Братци со се споминали:
„Кам хочемо с Маром сестром?
„Јели к сонцу, јел к месецу?
„Боле к сонцу, нег к месецу:
„Сонце свети, месец мрачи.

Лотышскія пѣсни знают небеснаго кузнеца, кующаго между прочим вѣнок и перстень солнцевой дочери. Так как для меня несомнѣнно существованіе величальнаго пріема, состоящаго в постановкѣ величаемаго дѣйствительнаго лица на мѣсто и в обстановку лица миѳическаго (на пр. невѣста = тонущее солнце-дѣвица, Объясн. мр. п. I, 190 слѣд.); то я несчитаю слишком смѣлым отождествленіе этого небеснаго кузнеца с тѣм, который в вышеприведенных колядках кует невѣстѣ вѣнок и пояс.

„Кузнец кует на небѣ (v. на краю моря), уголье (т. е. горячее) сыплется в Двину, божьему сыну кует он пояс (v. шпоры), солнцевой дочери вѣночек (v. колечко)“, Спрогис 313 (29), 302 (19); ср. ib. 13 (19) и Бривземн. в Сб. Дашк. N 107.

„Кто там зажег огонь на краю того поля? — Кузнец кует на небѣ, уголье сыплется в Двину, божьему сыну кует он шпоры, солнцевой дочери колечко.—Развѣ (лишь)

---

[1]) Ср. Объясн. мр. п. I, 108 (замыкач), а также 117 и ключь, замыканье, отмыканье в указателѣ.

так велика солнцева дочь, как это маленькое колечко?“ [1]) (Бривземн. в Сб. Дашк. N 56). Относительно пояса, вѣнца, кольца солнцевой дочери см. пѣсни, приведенныя в Объясн. мр. п. I 71, а также Бривземн. NN 98, 82, 83.

Пока кажется вѣроятным, что образ небеснаго кузнеца есть старинное достояніе славянской и лотышской поэзіи. Сомнительны попытки отождествленія этого кузнеца с громовым божеством (мое соч. О миѳ. зн. нѣкр. обр. и повѣр., 12 сл.; Аѳ. П. В. I, 464), а равно и подробности в объясненіях Маннгарта, из соображеній котораго найболѣе вѣроятно то, что лот. (и славян.) небесный кузнец соотвѣтствует финскому Ильмаринену, выковывающему свод небесный и Сампо, чудесныя жернова, мелющія муку, соль и золото (=солнце), германскому Виланду (сканд. Völundr), греч. Гефесту, супругу Афродиты (зари?), сковавшему небо, дома богов и Ахиллов щит (=солнце), Mannh. Die Lett. Sonenmyth. Zeitschr. für Ethnol. VII, 319–23.

---

[1]) Значит, было основаніе отождествлять солнцеву дочь с ея кольцом. О представленіи солнца перстнем см. также A. Kuhn, Die entwickelungstufen der mythen bildung (Abh. der Ak. der Wiss. Zu Berl. 1873, 139 сл.).

XXXVI.

Сад-виноград, яблока и пр.

1. N „*саду* (вина) *стерегла*“.

А. Кол. Гол. IV, 79=135, 80 (N 25); II, 613—4 (55); Метл. 330—1; Kolberg, Pokucie I, 119. Чертами „ряса“ („садок злотом рѧшений“, „расом рашений“), „золотарь“ (Гол. II, 614), нѣкоторыя из этих вар. ближайшим образом связаны с XXXV, Ж. Первый из указанных варіантов:

Була в батенька нова світлонька,
В неділю, в неділю рано
Зелене вино саджено!
А коло неї садок саджений,
Садок саджений, злотом рѧшений,
А в тім садочку зелене вино
[Зелене вино, що Богу мило].
Стерегла ж ёго красна дівонька (N),
. . . Шитінько шила, твердо уснула.
Та надлетіли райскі пташеньки,
Сіли упали на злоту рясу,
А злота ряса та й зазвеніла,
Та й ся дівонька з сну прохопила:
„Ой гиші, гиші (=гушу) райські пташеньки!
„Не вам батенько садочок садив
[Садочок садив, все злотом рясив,
„Зелене вино барзо оздібне]:
„Маю я брата на оженінью,
„Сама молода на одданінью.

Привожу этот вар. ради припѣва, возникшаго из самого содержанія пѣсни. Отрываясь от этого содержанія, этот припѣв в мр. колядках становится показателем раз-

ряда величанья (дѣвицѣ, молодой женѣ), в врусс. — припѣвом колядки независимо от ея содержанія (Сах. Ск. Р. н. I, III, 16—7; Шейн, Р. н. п. 365: виноградье красно зеленое и пр.), даже припѣвом других величаній, независимо от пола и возраста величаемаго („розан мой, розан, зелено виноградье"), а в сѣв. вр. „виноградье" — названіем колядки. Конечно, этот припѣв и названіе зашли на сѣвер оттуда, гдѣ в самом дѣлѣ есть сады-виноградъ.

Б. За выдѣленіем черт, которыя могли быть заимствованы из кол. другого типа, эта колядка, на основаніи нѣкоторых из вышеупомянутых вар. (Kolb., Метл.) и многих других, отчасти указанных под В получает такой вид:

Ой в вині, в вині [1]) в виннім городці
Стерегла вина красная (кгречная) панна . . .
А стережучи твердо (кріпко) заснула.
Ой налинули райськиї пташки
Та й позобали (одзёбали) зелене вино [2]).
Як прокинеться панна N:
„Ой шугй в лугй, райськиї пташки!
Необзобуйте зелене вино,
Бо мені вина надалі треба (барзо потреба):
Есть у мене брат іще нежонат,
А я молода ще заміж нешла
(v. Маю братіка на оженінню,
Маю сестрицю на віддайнячку),

---

[1]) Или „А в вінці, вінці, виннім городці", Гол. IV, 124, т. е. виноград „як у віночку". *Виннїй ґород* (не „огоро́д") есть weingarten. В этом смыслѣ заимствованное слово *виноград* до нынѣ употребляется на югѣ; в литер. русс. по недоразумѣнію оно стало названіем винограднаго плода, при чем сад-виноград, weingarten, стал называться виноградником.

[2]) Здѣсь, т. е. в примѣненіи к зеленым листьям и плодам виноградным, именно в пѣснях, а не в просторѣчіи, наиболѣе вѣроятный источник выраженія *зелено вино* в значеніи виноградная вина (мр. на пр. Гол. IV, 109 и пр.), а в вр. и хлѣбнаго. Таким образом нѣт нужды в *зелено* видѣть здѣсь другія значенія этого слова: свѣтлое и пр.

Сама молода заручена,

Заручена за поповича (v. за крулевича, v. аж до Галича за русовича, Kolb. I, 106).

В. Райскія птицы сами будят дѣвицу, Г. IV, 70, 547.

Г. Как ни понятно кажется „а шуги в луги!“ (и в вр. шугать, шигать птиц, сгонять; лит. saugoti стеречь?), тѣм не менѣе в вар. Л. С. Мацѣевича, запис. в Балт. у. это принято за имя птиц:

Ой де ся взяли а шуги луги

. . . Та шуги луги поразгоняла . . .

Ср. выше, стр. 323—4.

Д. Вино принято за напиток, Метл. 331, Чуб. III, 399 слѣд., откуда

. . . р. пташки

Вино попили, чаши побили . . .

Е. Гол. IV, 534--5, быть может, поется дѣвицѣ, которой еще далеко до вѣнца, или дѣвицѣ неимѣющей в виду замужества, почему вм. окончанія, как в Б, стоит:

Треба мні вина на дві-три служби

(т. е. церковныя). Из подобнаго вар.—в А:

Зелене вино, що Богу мило.

Ж. Кол. Гол. II, 93; IV, 80; Чуб. III, 399—402, 467; Маркевич, Обычаи и пр. 24; вар. Л. С. Мацѣевича, Балт. у.; вар. И. Манжуры, Валк. у. начинаются т. о.:

Ой гула́, гула́ [1]) (v. зажурилася) крутая гора,

Що невродила шовкова трава,

Тільки (але, а, та й) вродило зелене вино . . .

v. Зажурилися гори й долини,

Що незродили жито-пшеницю,

Ино зродили виноградонько.

Стерегла его и пр.

Это есть примѣненіе образа, первоначально неимѣющаго связи с этою пѣснею, извѣстнаго в других пѣснях „гора гудет (густи = лит. gausti, густи и плакать — причитать),

---

[1]) Это искажено в „Ой умна, умна каменна гора, Що невродила . . .“ Пасек, Оч. Росс. III, 97.

горит, чернѣет, плачет“ (о чем надо говорить особо), к представленію мѣстности данной в разсматриваемой пѣснѣ воспріятіем, т. е. это запѣв однородный с „сокол видит (то что составляет содержаніе п.) и т. п.

В других пѣсняхъ горѣ есть чего печалиться, здѣсь же—отрицательный способ возвеличенія, род ироніи: гора почернѣла и т. п., п. ч. „вродило вино“ (лучше травы и пшеницы).

а) Колядка дѣвицѣ с этим запѣвом и с присоединеніем нѣскольких черт колядок разсматриваемаго типа (жемчужна трава, золота ряса дуже звеніла, N збудила) примѣняется к молодцу, сочетаясь с мотивом XX, 3, стр. 324—5 (Гол. II, 68, N 23):

Зачорнілася чорная гора,
Що незродила жито пшеницю,
Але зродила жемчужну траву,
Жемчужну траву—золоту рясу [1]).
Надъїхав нею гордий молодець

пустил на траву коня, сам „борзо заснув“; вѣтры зазвенѣли рясою, пробудили; он сѣдлает коня, гадает ѣхать „за чорним туром за грубим звіром“ и пр.

б) В болѣе цѣльном видѣ подобная колядка дѣвицѣ (гори . . . вино . . . панна стерегла, барзо уснула . . . , райскій пташки, Гол. II 93) теряет самостоятельность, становясь переходом к ниже приводимому мотиву: „дѣвица педает яблока отцу и пр.“, который прикрѣпляется к первому таким образом:

. . . Пташки . . . исхопили зелене вино,
Незіставили, лиш винне [2]) ябко.
Туди стежечка здавна бувала,
Надійшов нею батенько еї и пр.

3. К XXXVI, 1, А и пр. („шуги в луги“, „*не вам*“ садок сажений, а для свадьбы), XXXV и XV (чудесное

[1]) Траву с рясою.
[2]) Виннаго вкуса.

дерево на дварѣ, за двором) примыкает серб. свадебная, размѣра 5+5, с примѣненіем, как в Ж, а), к жениху (Кар. Пјес. I, 60):

Расла јабука Ранку пред двором:
Сребрно стабло, злаћене гране . . .
. . . Бисерно лишће, мерџан-јабуке [1]).
По ној попало сиво голубље
[Сви јој голуби гуком гука'у,
Гугом гука'у, бисер зоба'у,
А један голуб гуком негуче,
Гуком негуче, бисер незобље].
Терала и је Ранкова мајка:
„И'те одатле, сиво голубље!
„Ту је јабуку Ранко садио,
„Ранко садио и заливао,
„Да под ном седе Ранкови свати,
„Под ном да седе и вино пију".

Стихи кажущіеся лишними взяты мною в [ ].

I. Из существованія в серб. п. форм, которыя считаю производными, заключаю, что в этих пѣсняхъ была и болѣе первообразная форма величальнаго мотива: дѣвица стережет вино v. чудесное дерево, при чем вино v. дерево отождествлялось с нею самою, а птица похищающая вино или оббивающая плоды — с женихом, или, как в мр. Чуб. IV, 255, N 629, (райскія) птицы, с дружками, сватами.

а) Кар. Пјес. I, 362 (N 502; ср. ib. N 499—501):

Ја посадих виту јелу
И уза ну вину лозу . . .
. . . Ја поставих дјевојчицу,
Дјевојчицу чуварицу,
Не обиђох за годину;

---

[1]) Краснаго корала.

Мени гласи додијаше:
„Вита јела посјечена,
„Вина лоза озобана...
...„И дјевојка облублена".
Ја пих пођох да обиђем,
Ал...

До сих пор связь этой пѣсни с разсматриваемым мотивом сказочнаго характера возможна, но неочевидна; но приставим сюда окончаніе вар. этой пѣсни у Кар. Срп. п. из Херц. 249:

...Приступит' се немогаше
Од висине вите јеле...
...Од ширине слатке лозе,
Из стабла јој вода тече,
Из недара (т. е. из борти, ср. XV, 1) челе лете,
А у врху (?) вино тече.
Куни чеде ђевојчица
За кавадом у недарца,
Вино лева у ђердане...

Послѣдній стих могу понять только предположив отождествленіе этого вина, из котораго дѣвица сливает ожерелья, и золота, как выше (XXXV) медвяная роса = золотая ряса=золотая роса; может быть и „винный колодязь" вр. пѣсень=колодязь с красным золотом.

б) Примѣненіе мотива: „N сад садила, вина стерегла" к выраженію мысли „женина родня милѣе сестры" (Кар. Пјес. I, 213):

Садила Мара виноград
И бјелу лозу винову;
Навади јој се вран гавран (=нѣлюб),
Озоба Мари виноград.
Марија брату поручи:
„Јоване, брате рођени!
„Пошли ми сивог сокола,
„Да ћерам врана гаврана!"
—Марија, сестро рођена!

Скоро [1]) је у лов ишао,
Витко је крило сломио;
Немогу ти га послати.—

Далѣе видно, что сокол есть сам брат, а охота, на которой он сломил крило, так что уже больше не будет охотиться, есть та охота за лебедью и т. п., которая столь часто, преимущественно в свадебных пѣснях, служит образом брака:

Марија брату поручи:
„Јоване брате рођени!
„Зар [2]) нема оне милости,
„Што 'но је била код мајке?
—Марија, секо рођена!
Сад нема оне милости;
Она се милость разврла [3])
На моје свасти [4]) и шуре
И моје слатке пунице [5]).

б) В п. Кар. Пјес. 319 (N 435). Самостоятельная п. в коей сокол обламывает (оббивает) плоды чудеснаго дерева (XV, стр. 224 и др.) становится запѣвом пѣсни типа XXI:

Лепо ти је родио јаблане [6])
Све бисером и драгим каменем,
Али га је соко окрунило [7])
Долећући јутром и вечером
Долећући, у гору гледећи,
Гди два брата итар ловак лове . . .

2. *Три сироты рясы стерегли.*
Кол. Гол. II, 77 (10), Сяноцк. окр.:

---

[1]) Недавно.
[2]) Ужели.
[3]) Разбросалась, распредѣлилась.
[4]) Женины сестры.
[5]) Женская женина родня.
[6]) Итал. тополь.
[7]) Оборвал, оббил.

. . . На [тих] конопевках золота ряса (XXXV, 1, I, K),
Обдзёбуют мі [ей] дрібни птачькове,
Обганяли ей три сиротойки:
„Ише-ге, ге-ге, дрібни птачькове!
„Необдзёбуйте золоту рясу,
„Ей бо мы м'еме люту мачоху,
„Та в'на нас спалит на дрібный попел[ец]
„Вна нас посіе в загородойці,
„Та з нас ся вродит трояке зілья: . . .
. . . Біждеревочок . . . мята . . . барвінок . . .

Эта колядка должна пѣться не дѣвицѣ, хозяйской дочери, как сказано у Гол., а именно трем сиротам. Она принадлежит к тѣм немногим колядкам, которыя идеализуют не свѣтлыя надежды, а безнадежное горе. Превращенія ср. с Объясн. мр. п. I, 222—30.

3. А. *Дѣвица сад садила,* в нем (будет) три користи: орѣхи, вишни, яблоки брату, милому и себѣ (Кол. Гол. IV, 78, N 23), или „орішками четоватися (цитатися: „чи чіт, чи лишка?“), вишеньками забавлятися, яблучками підкидатися“ (Żeg. P. I, 8=Чуб. II, 292; Метл. 340).

Б. N „вино садила“, уродилось 3 ягодки: 1-я мать, 2-я отец, 3-я—сама молода

заручена за поповича,
Щоб неробила, мід вино пила,
Мід вино пила, ключами дзвонила,

т. е. была не работницей, а хозяйкой (Гол. II, 92, N 31). Вино (лоза) — семья, члены семьи—ягоды. Ср. величанье:

Ой кто у нас ягодка?
—Ягодка да Марья-свѣт
(Коханов. Нѣск. русс. п. 58).

В. Сад-виноград (=чудесное дерево) — благосостояніе семьи. Волочобная пѣсня (Шейн, Бр. п. 453) говорит о какой-то невзгодѣ и об утѣшеніи и ободреніи, какое находит хозяин в женѣ:

Гдзе мы хадзілі, гдзе мы бывалі,
Да такого чуда нігдзе невідалі,
Как у нашаго пана гаспадара:

Пасерод двара высока[я] гара,
Да на той гаре сад вінаград . . .
. . . Схадзілася (схапілася? схвацілася?) шура да бура [1])
Сад вінаград да паламала,
Райскіі пташкі да атагнала.
Да зажурився пан гаспадар(у),
Да яго жана [да] разважывала:
„Да нежурися, пан-гаспадару!
(Мы) сад-вінаград напрысаж[ывае](уе)мо,
Райскіі пташки попрынаж[ывае](уе)мо.

4. N (сокол, жених, сваты) ломает, рубит сад-виноград.

А. Кол. Чуб. III, 280 (13):
Що в пана N на єго дворі
Сади зацвіли, пташки запіли.
(Ой) десь узявся ясненький сокол,
Сади поламав, пташки розогнав.
„Ты-ж пане N ідь до короля,
„Ідь до короля, позивать сокола . . .

Продолженіе колядки связано с этим лишь наружно. Сад-виноград — дѣвица, невѣста (на пр. Чуб. IV, 174—5, Метл. 176; ср. Объясн. мр. п. I, *бѣлъ* в указателѣ), ломать=топтать (Объясн. мр. п. I 44), ломать, рубить виноград — сватать, брать за себя (жених „сламал вѣтачку винаградачку, Ажна милая ненаглядачка", Старобѣль. у. Харьк. г. Вѣстн. Геогр. Общ. 1855, IV, 244; ср. 700 бояр ломают вѣтки вербы, жених—золотую, Объясн. мр. п. I, 157—8; бр. кол. Шейн Бр. п. 51: N переломал цвѣта с яблони, ждал чтоб дѣвица выросла, за него пошла; жених рубит виноград, Гол. IV, 355—6, 335, Wacł. z Ol. 30—1) [2]).

---

[1]) Ср. мр. „де взялася шуря-буря, комарика з дуба здула". *Шуря, шура*=нѣм. schauer, стар. schâr.

[2]) Подобно этому *калина*—дѣвица, ея дѣвство. Рубить, ломать калину — любить, брать. Калина непозволяет себя брать никому, кромѣ самой дѣвицы или кромѣ жениха. Нѣкоторыя подтвержденія этого: Метлин. 170, 181—3; Гол. II,

Б. Дѣвица сад садила, панич саблею вырубил сад. Кол. дѣвицѣ, Гол. II, 72 (2), Сяноцк. окр.

В. Колядники (=сваты) грозят поломать сад-виноград (Основа 1861, XI—II, Свидницк. Великдень у Подолян, 63); *„сімсот* хлопців-молодців *ворота повідчиняли*, Сад виноград та витоптали, Райскії пташки повипускали“ (Чуб. III 357). Ср. колядники отпирают серебряныя ворота, выпускают коней, разгоняют голубей (Чуб. III 357, A; 423—4 (N 152); колядники хотят оглядѣть и с собой взять хозяйскую дочь (Гол. II, 76, N 9). По чертѣ *ворота, топтать* виноград эти колядки тѣсно связаны со свадебными Метл. 140, Чуб. IV 70—1, 113, 121—2, 178—9, 288 и пр.; по чертѣ выпустить (разогнать) птиц—между прочим с вр. свад. „Небыло вѣтров“: бояре подломили сѣни, разступили чару, выпустили соловья“, Колос. Замѣт. 81 и пр.

Иносказательные образы представляются в величальных пѣснях, как дѣйствительныя событія. Сознаніе иносказательности поддерживается примѣненіем этих пѣсень к живым лицам и хорошо извѣстным положеніям; но сознаніе это может исчезнуть, когда рѣчь идет о лицѣ и событіи,

---

629; IV 249; ib. II 129, 658; IV 231, 327, 359, 363; I 270—5; Wacł. z Ol. 11; Чуб. IV 267—8; 470—1; у луг по калину, Чуб. IV 107, 174, 228; Шейн Бр. п. 336 (*калинки*, „калину ламать“ свадебн. обычай), 352—3; Этн. сб. III, 239—40, 270; Безс. Болг. п. II, 50; Болг. свадебная, когда невѣсту приведут в дом жениха (Верковић, Н. п. Макед. Буг. 228): жених вырывает с корнем калину и берет ее с собою на коня, но эта калина—невѣста. Он

Отдалек иде и вика
„Излѣзи, мале, излѣзи,
„Да видаш, мале, да видаш,
„Каква [ти] одмена из носа!
„На тебе кàште сметене ...
... На башта йода студена ...
... На брати риде (платки) везани,
... На сестри коси плетени ...
... На мене прво любене.

извѣстных только из пѣсни, и символич. образ может при этом превратиться в разсказ о дѣйствительном событіи. Так когда в былинѣ Соловей Будимирович обращается ко Владимиру с просьбой позволить вырубить сад Запавы, когда его дружина вырубает этот сад (Гильф. 369), то лишь сравнительное изученіе может показать, что в основѣ здѣсь иносказательный образ „рубить—сватать“ (А. Веселовскій Ю.-русс. был. I—II (З. А. Н. XXXIX) 67; ср. Халанскій, Вр. был. кіев. цикла, 178 = Р. Ф. В. 1885, 2, 371 слѣд.).

— Примѣненіе черт „N сад садила“ ... „сокол“ к Маріи дѣвицѣ и рожденію Христа см. в Объясн. мр. п. I, 120.

5. Дѣвица садит и стережет вино, (золотыя) яблоки, недает их ни отцу, ни матери, ни брату и сестрѣ, но дает милому: *„ліпший милейкий, як брат ріднейкий“*.

А. Кол. дѣвицѣ, Гол. IV, 90—1 (38):

А в виннім, виннім, виннім городці,
Ой раненько!
Ой там дівчина на ймя N
Сам-бір садила, вина стерегла.
Надійшов же д' ній батенько еї:
„Моя дитина, продай ми вина!“
—Ой непродам ти, та й дурно недам,
Бо ся в неділю гостей надію.—

Тоже—о матери, братѣ, сестрѣ; но милому:

—Тобі непродам, таки дурно дам,
Бо ся в неділю тебе надію.—

Б. Царинная (весенняя), Гол. II 241—2:

Гей на великдень, (◡) на славний день,
Садило дівча зелене вино ...

Недает отцу и пр.,

Бо моє вино барз дорогоє,
Барз дорогоє *непочатоє* ...

В. Чуб. III 311 (41), Ушиц. у.:

Ой в ліску, ліску, на жовтім піску
Росла яблунька тонка [та] висока,

Тонка висока, листом широка;
Зродила вона *золоти ябка*,
Ябка стерегла кгречная панна...

Далѣе сходно с А, Г.

Г. Гол. II, 74 - 5; IV, 91—2; 134—5: *жовти*, червони ябка. Отец и пр. говорят „Ой донько (сестро) ж моя, *верзь* же ми ябко“ (звержи яблушко).

—Біг-ме, невержу, милому держу.

Заключеніе 1-го вар.: „*ліпший милейкий* и пр.“ Из „звержи“ видно, что пѣвица—*на* яблонѣ.

Ср. а) поль. свад., Kolberg Lud I, 57—8.

Oj między dwiema topoleckoma
sadzi Marysia wino...
Przysed ci do niej ten-to tatusiń:
„daj ze Marysiu wina!“
—Oj niedam, niedam, nieduzo go mam,
na wesele go schowam.—

(Тоже брат и пр.).

Przysed ci do niej Jasinecek ij:
„daj ze Marysiu wina!“
Marysia skocyła, wina utocyła
Jasieniowi [1]) swojemu.

б) При очепинах, Kolb. VI, 53:

Z wiecora jabłonecke sadziła,
Nade dniem Pana Boga prosiła,
Żeby sie ji jabłonecka przyjęła

(в год—развивается, в 2—цвѣтет, в 3—на ней яблоки)

Urwała panna młoda dwanaście
Zaniesła ich do miasta staroście:
„A widzis ty, starosta,
„Jak to jabłoń obrosła?“

Староста здѣсь польская замѣна жениха, как в п. о потерѣ невѣстою коней.

---

[1]) Jasień, Jasiń, зват. Jasieniu, ib. 25—6, 47.

в) В Вараждинѣ, Plohl-Herdvigov, Hrv. n. p. 12—3:

Стала сем се рано рањено,
Ишла јесем широм по полу,
Нашла јесем злату јабуку,
Мама очу, да ји наделим,
Мама очу више себи, нег мени
(также отец, сестра, брат)
... Драги оче, да га наделим,
Драги оче више себи, нег мени.
Болши драги, него отец, мајка,
Болши драги, него братец, сестра.

Тоже говорит о себѣ молодец, при чем заключеніе:

Болша љуба, него отец-мајка и пр.
(ib. 13—4).

г) Коледа из Хрв. приморја (Antologia pjesničtva hrv. i srb. sastavio Aug. Šenoa, Zagreb 1871, 28)

Зрасла ми је наранчица,
На наранчи јабучица,
Њу ми гоји дивојчица.
На добро ваш младо лето дошло!
Мимо паса млад [1]) на коњу:
„Дај ми, млада, јабучицу!“
—Бо-ме, недам, млад [1]) јуначе,
Нис' је за те одгојила и пр.

Жених обрывает груши, дает их невѣстѣ, колядка, Sušil 751 (Erb. Písně 64); дает ей вина, она ему орѣхов (Suš. ib. 751—2).

6. Должно было существовать такое величанье дѣвицѣ: она сидит под чудесною яблонею с золотыми яблоками и *вышивает* (ср. XXXVI, 1, A); три молодца стараются сбить эти яблоки, что и удается тому (т. е. золотое яблоко=дѣвица достается тому), который бросает свой перстень. Дерево могло быть не яблонею, а елью: ср. Кар. Пјес. из Херц. 283—4:

---

[1]) Стар? За тѣм, при повтореніи, mutatis mutandis „млад“.

Порасле су до три јеле,
То небиле до три јеле
Већ то биле три ћевојке,
Три ћевојке једнолике,
До три златне јабучице...
Међу собом говориле,
Што би која најволија.

(1-я—прстен, 2-я—ћердан, 3-я—драгог). Јела=јабука=ћевојка; прстен=ћердан=драги.

В слѣдующей болг. (Милад., 42—3) разм. 5+5, невѣста замѣнилась Богородицей, ея шитье (дары свадебные)—церковным облаченіем, женихи — святыми, при чем смысл пѣсни (отношеніе к предстоящему браку) исчез и другим незамѣнен:

Израсло ми е дърво зелено,
Дърво зелено, дур' позлатено,
Рожба родило до три яболки,
До три яболки дур' позлатени.
Под него седи свѣта Марія,
Та си шіеше на попове-те,
На попове-те петрахили-те,
На владици-те ракавици-те.
От долу идат до три овчере,
До три овчере, до три кехаи [1]):
Пръви-а носи прикован кривак,
Втори-ми носи медни кавали,
Трети-ми носи маламен пръстен.
Той, де-то носи прикован кривак,
Като го фърли, той недофърли;
Де-то носеше медни кавали,
Като го фърли, а той прифърли;
Де-то носеше маламен пръстен,
Като го фърли, той (и) отбрули
До три яболки 'се позлатени

Марія спрашивает у Димитрія (или 15 Ноября, за недѣ-

[1]) Чобан баши.

лю до Богородичн. праздн., или у Д. Солунскаго, Окт. 26?), кто они?—1-й св. Никола (Дек. 6), 2-й св. Василій (1 Янв.), 3-й св. Іоанн (7 Янв.), святые, память которых празднуется около коляд. Ср. выше, XIV, 2, стр. 189—92: овчари — святые. Связь сбиванья яблок с цѣлью их будущаго прихода этих святых необъясняется:

Скоро те щѫт у нас да додѫт;
Да сторим вяра и клятва (?)
Дърво зелено дур позлатено,
Да направим златни мостове,
Златни мостове на черно-то море
И да минем в оная земя
Некръстена и немиросана,
Да тя̀ кръстиме и миросаме.

(из 8-и стихов—6 испорченных по размѣру).

Дѣвица, стерегущая вино и золотыя яблоки, напоминает канд. Идуну *на* мировом ясенѣ, хранительницу молодильных яблок. Вино (лоза) = haoma см. Kuhn Die Herabkunft des Feuers 118. Гесперіды за океаном стерегут золотыя яблоки, что, как показывает имя Гесперид, связано с вечером и западом. Лотышскія пѣсни изображают солнце *спящим* в яблоновом саду; там осыплют его (засыплют глаза) яблоновыми цвѣтами (Бривз. в Сб. Дашк. II, N 73, Сиротис стр. 314 (34), ср. Mannhardt, Lett. Sonenmyth. в Z. f. Ethnol. VII, 233—5).

7. Сажать и собирать виноград с милым ср. лен рвать, руту сѣять и собирать (Объясн. мр. п. I 43), разсыпанное золото или жемчуг собирать с милым (ib. 160—8). Кромѣ этого ср. свадебную, Гол. IV, 223 = Wacł. z Ol. 5:

В суботоньку в вечер
Упали ягодоньки
Винниї зелениї . . .
Журилася N
З ким би їх позбирати,
Бо будут зимовати:
„Просила бим батенька,
„Батенько неможе, 2.
„Бо від жалю неможе . . .

В серб. п. слуга Жумбричь, в отсутствіе Ива, уха-

живает за его женою, потом клевещет на нее. Жена оправдывается перед мужем:

Садих лозу посрјед двора свога,
На лози ти породило гроздје.
Причне тргат' Жумбре вјерни слуга,
Почме тргат, ал' му ниј' достало . . .
(Vienac Kačići, 147).

В болг. лазарской (величальной) пѣснѣ:

Прошетало, Лазаре! челебифче [1])
Низ чаршіи Дренопольски . . .
. . . И ми купи църно грозе . . .
. . . И ми седна да го зобат.
Лепо грозе проговори:
„Не су грозе за зобане,
„Тук су моме за любене".
Си гà фати за рàчичка
Носи, носи дури дома и пр.
(Милад. 493).

„И какъ царица (мать Соломона) нача блудное дѣло съ тѣмъ мужикомъ творити, и царевичь Соломонъ изъ колыбели выскочилъ вонъ и закричалъ великимъ гласомъ: „о несытый посацкій мужик! не по себѣ еси ты виноградъ щиплешь и садъ батюшкинъ царской крадешь и на краденой кобылѣ ѣздишь!" (Пов. о ц. Соломонѣ, ркп. XVIII в. Тихоправов, Лѣтоп. IV, 122).

Такое же накопленіе однозначных образов в слѣд.:

Што ће тебе издерато злато,
Кад ти море бити недерато?
Што ће тебе кошена ливада,
Кад ти море бити некошена?
Што ће тебе тргана лозица,
Кад ти море бити нетргана?
Што ће тебе лубљена ћевојка,
Кад ти море бити нелубљена?
(Кар. П. из Херцег. 26).

---

[1]) =серб. младо нежењено.

На этих основаніях предполагается существованіе величальной п. „дѣвица сажает и собирает виноград с милым, или на оборот, жених с нею“, откуда, с замѣною жениха и невѣсты Исусом и Маріей, — слѣд. п. (Kurelac, Jačke, 312):

Језуш је садил виноград.
С ким га је Језуш посадил?
С блаженом дивом Марином.

В слѣдующих 3-стишіях вм. садил—копал, прашил, колил (ставил колья), везал, ризал, тргал, справлал, жмикал (выжимал). Наконец:

Језуш је попил виноград . . .
. . . С блаженом дивом Марином
И *с цѣлим родом* кршћанским,

что напоминает заключеніе мр. кол. „Бувай здорова не сама собою . . . з господом Богом, из усім родом“.

8. Дѣвица *стерегла розу* (Коляд. Гол. IV 88), v. вила вѣнок (ib. 89), недавала отцу матери, держала милому. Ср. купальскую (Пассек, Очерки Россіи I, 110—1; Чуб. III, 207):

Посію я (в. вм. посажу) рожу, поставлю (покладу) сторожу,
Стороною дощик [иде] стороною.
Над моєю рожею червоною!
Поставлю сторожу батечка рідного,
Неневна сторожа, виламана (ощипана) рожа!
(тоже мать, брата и пр.)
. . . . . миленького свого.
Добра сторожа, повная рожа.
Стороною и пр.

Дѣвицѣ:

Чија хижа најбелија, пред ком роже цватӯ?
Мицина је најбелија, пред ном роже цвату.
Лӣпа Мица роже трга, китице навија.
Долетил је сиви сокол, нему 'е једну дала,
Оно нӣ бил сиви сокол, него младожена
(Kurelac, Jačke, 50).

Ja sem mlada, kak je rosna trava
... Tergam rože, nemam komu dati.
Ocu dala, ocu nedohaja ...
(majki, bratu, sestri)
Lubu dala, lubomu dohaja
(Plohl-Herdvig., Hrv. n. p. 53).

Молодцу:

Po gori sem hodil,
Sem rožice bral,
En pušlek sem nabral,
Sem materi (ocu, sestrice, lubice) dal,

или, вмѣсто этого, „Sem Marije dal", „Sem Jezušu dal" (ib. 68).

Вмѣсто дѣвицы—Богородица:

Mal mi je vertek zagrajen,
Pun mi je rožic nasajen,
Po njem se šeče Marija,
Za njom se rože gibleju.
Marija tergla rožicu,
Hitila v bistru vodicu:
„Nekal mi, roža, vodice:
„V nje se bu kopal sinek moj!"
Tergla je drugu rožicu,
Děla je sebe za nadre;
Tergla je trejtu rožicu
Děla je v roke Jezušu
(Plohl-Herdvig. Hrv. n. p. 65).

В стар. нѣмец. пѣснях, которыя едвали могут быть названы народными в нашем смыслѣ, но предполагают очень старые народные мотивы, находим огороженный и запертый на ключ цвѣтник (wurzgertlein) дѣвицы, ея розовый сад (rosen garten) гдѣ и цвѣтущее дерево, вѣтвями широкое, под ним—холодный ключ, и куда она непускает молодца, чтобы невытоптал цвѣтов – все образы очень прозрачные (Uhland, Alte H.... u. deutsche Volksl. N 40 – 1). Рвать розы дѣвицы или с дѣвицей (в эротическом смыслѣ) — см. Uhland, Schriften zur geschichte der

Dicht. III, 418 слѣд. Тот же мотив лежит в основаніи эпич. поэмы Rosengarten, ib. 417—8. Сюда же стар. франц. Roman de la rose.

9. *Дѣвица стерегла огонь* (Kurelac Jačke 49—50):

Огань гори в чрној гори на зеленој трави,
Чувала га дивојчица по три јутра сама.
Изјахал је стари старац, розготом се смѝје:
„Чувај, чувај, дивојчица, Бог дай моја била!“
—Нећу, нећу, стари старац: брада ти је сѝда.—
Изјахал је млади јунак...
...—Да би знала тер би знала, да чу твоја бити...
...С млѝком би се умивала, да би бела била...

Размѣр этот (4+4)+6 (как и выше, 8) опущеніем второго полустишія (6) почти без порчи смысла пѣсни превращается в 4+4, из котораго, повидимому, и возник. Таким же образом в слѣд. пѣснѣ (Кар. Пјес. I, 293—5 (N 399—400) размѣр (4+4)+5 превращается в 4+4 (ib. N 398)):

Извор вода извирала [бистра студена],
Изметала струк босилка [зими зелена],
Чувала га дилбер Мара [бјела румена].
Ту налази стар на коњу и пр.

10. С мотивом „N стерегла то то“, по крайней мѣрѣ в одном вар. колядки, соприкасается мотив, извѣстный в п. весняночнаго размѣра 4+3:

...Цвіт калину ламала,
До личенька рівняла:
Ой як би я, серденько, такая,
Ой як би я, рибонько, такая,
Як калина, серденько, жаркая...

A. Кол. Гол. IV, 77:

По горі, горі зелене вино,
В неділю, в неділю рано
Зелене вино саджено!
Стерегла ж его кречна панночка...

... Ой прикладала до свого личка:
„Коби я таке личенько мала,
„Ой година ж би я паньского сина!“

Во 2-й строфѣ: ... достиг терночок ... прикладала та й до оченьків („прикладала“, т. е. сравнивала; „очі як терен“, „чрне очи кот трнула“ Kurelac 5, поль. oczka jak tareczki, как в итал. prugnola, фр. prunelle, терен, зрачок; отсюда превращеніе очей утонувшей в терен, Объясн. мр. п. I 209).

В 3-й строфѣ: ... зацвів косатень (acorus calamus? iris?) ... прикладала до косочки.

Б. Кол. Гол. IV, 76 (червона ружа, чорнее терно, жовтое тіло, т. е. кійло, stipa pennata); II 83 (терен, мак, білое тіло=кійло):

Коби у мене такі косоньки (як кійло),
Година ж бим бути за кмітьским (=містским) сином,
За кмітьским сином, кметицев бути;

Гол. II, 615: ... ладила ж бим ся за цісаронька.

В. Гол. IV, 132: ... Дай же ми Боже таке личенько ... як калинонька ... оченька ... як чорный терен, косоньки ... як павононька (павойнонька? павой, павилика?).

Г. Щедр. доставл. Л. С. Мацѣевичем и Чуб. III 418, Литин. у.

По горах, горах сніженьки лежат
(v. сніги морози),
А по долинах риченьки біжат,
(v. дощ накрапає)
А по горо́дах мак процвітає.
По під той мачок втоптаний шляшок,
Ой туди ишла кгрешная панна,
( ) Олена,
Вирвала квітку з макового цвітку
Як би ж я така, як тая квітка
То б я служила в сёнзёвом двору,

( ) в сёнзі [1]) самого,
То б я носила ключі срібненькі,
Та й відмикала б замки тугенькі.
(v. Колиб я така, як ця маківка,
То б я була царова дочка,
королёва невістка).

Д. Безсон. Бр. п. 15, N 20 и Шейн Бр. п. 118.

Е. Гол. II, 58, Сяноц. окр.: молодец ровняет к лицу черешневый цвѣт.

Ж. Чуб. 432 (169). Дѣвица—„рожа в городі", „васильки, барвінок—брати сестриці".

Ср. также свадебн. Гол. IV, 344, Колом. у., которая связывает разсматриваемый мотив с XV, XXXV:

У нашого пана Петра (отца)
Ябліночка зацвіла,
Золоті кісточки [2]) зродила . . .
(Невѣста) . . . Золоту кісточку урвала,
На столичок поклала [3]):
„Дивися, дедику, на мене:
„Нема крашої від мене и пр.

11. Дѣвица „*оганяла*" (стерегла от воробьев, ср. XXXV, 1, I), жала, полола пшеницу (жито).

А. Гол. II, 80 (15):

. . . В загородойці яра пшінойка,
Оганяла єї красна дівойка.
. . . . „Панец-молодец":
„Сподобала мі ся яра пшінойка,

---

[1]) У ксендза, господынею? Или xiądz в архаическом значеніи, князь?

[2]) Китички, т. е. кисточки. В свад. Чуб. IV 319 „боярe" теряют „китички золотиї", свашка их собирает и вьет два вѣночка.

[3]) Т. е. сравнивая со своею красотою.

Б. Гол. II, 86 (23); IV, 33 (5), 107 (3). N жала пшеницу. „Поповиченько завистниченько“ (v. Завидь завидько) „позавистовав на пшеничейку“ и „на дівойку“.

В. Вар. сообщ. Л. С. Мацѣевичем (село Барахты, Васильков. у. Кіев. г.); Чуб. III, 407, 473; Свидницкій, Великд. у Подоліи, Оси. 1861, XI–II, 57:

У чистім полі близ[ен]ько (v. покрай) дороги,
Ой дай Боже!
Прекрасна пані (там кгрешна панна) пшеницю жала,
Пшеницю жала, в три ряди клала.
Прийшло до неї *сімсот* молодців,
Сім сот молодців, білоцерківців
(v. Прийшло до неї аж три паничі,
v. „аж три *вірьяни*“, v. „три волошини“)
Похотіли її з собою взяти.
А вона стала та й одгадала:
— Неберіт мене у чистим полі,
А возьміт мене в батенька в дворі,
А в мого бат[ен]ька три стороженьки:
11 Перва сторожа—бат[ен]ько коло стола,
„А еще ліпше красна дівойка!“
— Коби ти прийшов в неділю рано
(тогда она лучше; описаніе наряда).
Друга сторожа—матінка в порога
( ) хусточки крає,
Третя сторожа—братік в ворітцях
[Він то] коня сідлає, з двора виїжджає.

Ст. 11 слѣд. лучше у Чуб. III, 407.

700 молодцов—сватов. Три *вірьяни*=*вірмени* (=Армены, Армяне, о Галицких), как *богатые* женихи. Ср. свадебную, когда коровай сажают в печь:

Вірняний піч мете,
Вірняночка заглядає,
Чи хороше вимітає
(Stecki, Wołyń, I, 71; Чуб. IV, 237, B).

По сей бок Днѣпра вм. „вірмен“ мѣстами поют „вербе́н“. „Вермінка“ Пасек Оч. Р. I, 49.

Г. Гол. II, 92 (32).

Д. Гол. II, 48.

12. „Ой *неспівайте, райські пташеньки*".

А. Гол. IV, 84 (3); хуже—II, 50 (17):

Ой заспівали райскі пташенькі,
В неділю, в неділю рано
Зелене вино саджено!
„Ой неспівайте, райскі пташенькі,
Бо мій миленькій барзо трудненькій

(См. выше, IX, 2, В, стр. 121).

Прищёв показывает связь с XXXVI вообще, а то, что она просит небудить—с варіантом в родѣ XXXVI, 1, В.

Б. Гол. IV, 30 (1). См. IX, 2, Г (стр. 122). Сокол и пчелы указывают на связь с XV.

В. Гол. IV, 131:

Ой кури, кури, непійте рано,
Бо мій миленький з війни надъїхав,
Привіз він мені дорогі дари...

Ср. свадебное величанье, Wacł. z Ol. 8 (Zicńkiewicz, P. gm. l. Pińsk. 126):

Ой кури, кури, непійте рано,
Бо [тепер] наш староста з дороги (читай „з пути", т. е. с войны) приїхав,
Пустив коника до пастівника,
А сам пішов у сад виноград,
Виламав [к]віт[оч]ку з виноград-цвіт[оч]ку,
Вдарив свашеньку по білим лич[ень]ку,
Аж ся свашеньці лич[ень]ко змінило,
Не так [ся] змінило, як зарумінило.

В вар. Зенькевича отношеніе к вину — женѣ (виламав и пр.) понято как питье и виноград замѣнен бровaром:

Ой куры, куры, [да] непейце рано,
[Да] непейце рано, некажице світу,
Бо наш староста з войны присхав,

Пусців конічка до пастовнічка,
Сам пошов стар[енькі](ый) до броварнічка,
[Да] випів шкляніцу за [свою] молодіцу,
[Да] випів другую за [свою] молодую.

Г. Гол. II, 89 и пр. (=IX, 2, А, стр. 120—1):
Ключики мої непобрязкуйте,
Мого милого непробуджайте и пр.

XXXVII.

„Троякій напій“, „дівча шинкарча“.

1. Выше (XXXVI, 1, Д; 5, а) вино, которое стережет дѣвица, понято, как напиток, и дѣвица продает вино (XXXVI, 5, А). Таким образом стерегущая вино становится шинкаркой, а напиток, который она держит, под вліяніем быта, становится трояким: зелене вино, *кудрое* v. *кудряве* пиво (пѣнистое, пѣна как кудри), солодкий мед (v. шумна горілка). Ср. также Объясн. мр. п. I, 116—23: дівоцькая краса=мед, вино.

А. Кол. дѣвицѣ, Гол. IV, 81:

Ой в садку, садку, садку *садженім*,
В неділю!
Садку садженім, поостроженім,
А на вершечках позолоченім (XXXVI, 1, А),
А в тім садочку терем збудован.
(там N держит собі троякій напій)
Ой пили ж в неї три крамарчики,
Ой пили, пили, та неплатили,
А она ж бо ся поміркувала
Три крамарчики заграбувала
(у 1-го взяла коня — своему отцу, у 2-го саблю — брату, у 3-го шубу — себѣ молодой).

Б. Кол. Чуб. III, 391, Борзен. у.:

N шинковала „медом и вином, кудрявим пивом“.
Пришло ж до єї три волошини
Три волошини, три хорошиї (см. XXXVI, 11, В) ... незаплатили ... пограбила: у 1-го коня отцу, у 2-го саблю брату, у 3-го золотий перстень — сама зносила, ... весь світ *зрасила* (т. е. скрасила) (sic вм. заросила).

В. Гол. IV, 82, Колом. окр. Пьют и неплатят „3 козаченьки“. Дѣвица берет у них коня брату,

Тугенький лучок *милому* дала,
Срібний перстенець самій молодій.

Это искаженіе сравнительно с Б.

Г. Гол. II, 84, Русалка Днѣстр. 37; Żeg. Pauli, I, 165. Запѣв: на 10-м рогу тура—оленя, „терем збудован“, в нем „панна шенкує“ (XX, 5, б), стр. 337). Далѣе=А.

а) Грабовати. До нынѣ в вост. мр. *грабіж* есть названіе *законнаго* взысканія с имущества, на пр. взысканіе недоимок, если при этом описывается и продается имущество, так что на пр. нѣт порицанія в выраженіи: „на праву середу (Преполовеніе) приїздив становий *грабить*“, т. е. по круговой порукѣ взыскивать с исправных плательщиков за неисправных (Харьк. губ. Вовчан. у., около 1860 г.). Ср. в договорѣ 912 г. (Лавр.[2] 34; Ип.[2] 20): „аще ли ударить мечемъ или биѥть кацѣмъ любо сосудомъ, за то удареніе или бьѥнье да вдасть литръ 5 сребра по за кону рускому; аще ли неимовитъ тако сотворивый, да вдасть, елико можеть, до симеть (с) себе и ты самыя порты, в нихже ходить“. В Русс. Прав. *розграбежъ* (разграбленіе) есть род взысканія с имущества за преступленія как разбой, поджогъ, сопряженныя с имущественным убытком для пострадавших. См. также Мрочек-Дроздовскій, Изсл. о Русс. Пр. II, 252.

β) *Пить, поить*—утолять жажду любви. Кромѣ цитат приведенных в моем соч. О нѣкотор. симв. в слав. н. п. 12—4; Костомар. Ист. зн. ю.-р. нар. пѣсенн. творч., Бес. 1872, V, 103—4, 111—3, ср. слѣдующее книжное и народное:

... „и невѣсть стоуда (жена) сѣде бо въ двьрьхъ своѥго домоу на одрѣ ивѣ въ стьгнахъ призываѥшти мимоходы, и адъ и похоть женьска и гроза, и *земли ненасыташтиса водъ*“ (Изб. 1073, 170); „и гнѣвъ великъ жена пьяна и стоуда своѥго неприкрыѥ, и акы жажда поутьникъ оуста отъврьзе, и *всакоѥ водъ ближьнеѥ* ис-

пѣтъ, и оу всякого колоу сѧдеть, и противоу стрѣлѣ отъвръзеть тоулъ“ (ib. 170, обор.). Ср. чеш. „které vody nejprv dojde, tu pije“, nubilis virgo nubet facile vel rustico (Jungm.).

. . . „Нѣкто же бѣ у блаженныя княгини Ѳевронии в судне, его же и жена в томъ же судне бысть, и онъ же человѣкъ, приимъ помыслъ отъ лукаваго бѣса, возрѣвнова на святую помысломъ. Она же, разумѣвъ злый помыслъ его въскоре, обличи его и рече убо ему: „почерпи убо воды отъ рѣки сея сію страну судна сего“. Онъ же почерпе. И повелѣ ему испити. Онъ же пивъ, рече же она: „почерпи убо воды з другую страну судна сего“. И повелѣ ему испити. Онъ же пилъ, она же блаженная рече: „равна ли убо вода си есть, или едина сладчайши?“ Онъ же рече: „едина есть, госпоже, вода“. Паки же она рече: „сице едино естество женско; почто убо, свою жену оставя, на чужую мыслиши?“ Той же человѣкъ, увѣдевъ, яко есть въ ней прозрѣнія даръ, бояся къ тому таковая мыслити“ (Пов. о Муром. кн. Петрѣ и супругѣ его Февронiи, Пам. стар. русс. лит. I, 38).

В сказкѣ царевичь входит в палаты Бѣлой Лебеди. Она крѣпко спала, а живая вода стояла у нея под зголовьем. Царевичь взял воды, поцѣловал дѣвицу и пошутил с ней негораздо, потом набравши моложавых яблоков поѣхал назад. Проснувшись царевна кричит: „вставайте! кто-то в домѣ был, воды испил, колодезь незакрыл“, Аѳ. VIII 43. Так в болг. п. молодец находит спящую под розовым кустом дѣвицу, в головах сахарный шербет:

Па си чуди и се маѐ,
Да ли шербе́т да испие,
Да ли́ мома да цѣлуне?
Шекър-шербет дома́ йма,
Малка мома дома нема (Dozon, 103).
Не се пiе тая йода студена,
Не се люби тая мома хубава,
. . . Че сте вiе първим братучеди
(Верковић, Н. п. Макед. Буг. 141).

Сайван водо, сува жеђо моја!
Мој драгане, жива жело моја!
Живом ли се желом пожелесмо,
Како мајка сина у тамници,
Сестра брата са далека пута
(Кар. П. из Херц. 122—3).

Ой дівчино, дівчинонько, така-сь ми миленька,
Як у літі на нивоньці вода студененька.
Як у літі на нивоньці води ся напити,
Так с тобою постояти та й поговорити
Гол. II, 743 (22).

Ой викопав же я в полі кирниченьку,
та напити води;
Ой полюбив же я молоду дівчину,
та немати жони
(Гол. I, 104; III, 199).

См. также Гол. III, 293, 418.

Ва Калнофском поли бистра је водица,
Кади се напаја клинчац и рожица

(Kurelac, Jačke, 25), т. е. гвоздик и роза любят друг друга.

Нит сам лачан, нит сам жедан,
Већ сам миле *гледат* желян (ib. 6).

Ср. с мр. (Гол. III 291 и пр.):

Ой вітвори, мати, хату, най води напьюся;
Чи хорошу доню маєш, нехай подивлюся и пр.

Сюда Suš. 285, 300.

Die brunnen, die da flieszen,
die soll man trinken,
Und der ein lieben bůlen hat,
der soll im winken
(Uhland Alte volkslied. I, 71).

Невѣста подает пить воду (=себя) жениху, Чуб. IV, 81 (52), Милад. 478, и на оборот.

На этом основаны гаданья: „Ѣдят пересол перед сном и ложатся, загадавши: „кто мой суженой, кто мой ряженой, тот пить мнѣ подаст“ (Абевега Русс. суевѣрій, 152);

в мр. 29 Ноября, на канунѣ Андрея Первозв.: „взять по наперстку соли и пшеничной муки, разболтать в водѣ, перед вечером выпить это, или спечь соленый корж и съѣсть на ночь. Суженый (во снѣ) подаст пить“ (Маркевич, Обычаи; Чуб. III 258).

Сюда примыкает хорват. п.:

Голуб гуче, голубица неће.
„Кај је теби, голубица моја?“
—Пила би воду, далеко је в јарку.
Иди, јочко, донеси ми воде!
(Но ни отец и ни кто из рода неприносит)
Ишел луби, је донесел воде.
Болши луби, нег' со и вси други.
(Kukuljev. Dela IV, 206, Топлица, Варажд. окр.).

Давать пить другому—измѣнять мужу (Сб. п. н. тв. свз. кр. 90).

Сюда же Чуб. V, 143, bis, 308; Гол. II, 753 (89). Голуби пьют, Гол. I, 297; II 754 (94);

Високо ти, голубоньку, з дуба воду пити,
Ой далеко ти миленький, до мене ходити . . .
(Гол. II 743 (18), IV, 446 (21).

Журавли, птицы пьют=другіе берут дѣвицу, Гол. III 420, 429.

Коня поить и т. п. Гол. I 116—7, 123, 130, 317; II, 229; III, 158, 335, 400; Чуб. V, 115, 120, 178, 307; Шейн, Бр. 180; Карадж. Пјес. I, 323, 418; конь нехочет пить, Гол. II 425 (548—9); IV, 465, 475; Чуб. V, 80; поить волов, Kurelac, Jačke 45.

„Коли мене покидаєш, покинь воду пити“, Гол. I, 131; II, 319, 782 (107).

По воду ходить, воду брать: Гол. II 209 (53), 276, 316, 347, 409, 775 (122), 835 (106—7); III 295, 304, 388; Метл. 136; Чуб. V, 224, 493; „З вінного да колодяся Да Маруся воду брала (о жизни за мужем), Чуб. IV, 426.

Криница (пить, копать, муровать, „дилёвана): Гол. I

103—4, 294 (22); II, 234, 750, 776 (126), 824; III 133, 140, 291; IV 459, 469; Чуб. V 110, 157, 363.

Ключка (ключик), вѣдро (чѣм доставать, брать воду) Гол. I 79, 294; Чуб. V 181, 328, 490; IV 397, 429, 449.

Вода — врода (красота), Гол. IV 459; вода чиста—дівка мила, Гол. II 289; ср. ib. 431; вода нечиста, Гол. II 369; 411 (N невѣрна), 620; III 321; каламутна вода = N нехороша Гол. I 268; ср. III 293.

„O lasko, lasko, bud' mezi nami,
Jako ta vodička mezi břehami!"
—Voda uplyňe, břehy podryje,
Tebe si, dzěvuško, synek ňevezme.
(Suš., 300; ср. ib. 214).

Eiksz szenay, mergyte,
Eiksz szenay, jaunoji?
Kałbėsiwa kałbužatę,
Dumosiva dumužatę,
Kur srowe giliausia,
Kur meile meiliausia (Ness., 3);

Это б. м. находится в связи с мѣстом в стар. нѣм. п. Trougemund:

... Und sag wir, meister Trougmunt ...
... Durch waz ist der Rin so tief?
Oder warumbe sint frowen also liep?
—... Von manigem ursprunge ist der Rin so tief,
Von hoher minnen sint die frowen liep
(Uhland, Alte... Volkslied. I, 5; Schriften zur Gesch. der Dicht. III, 192).

Czystas wandenelis wandenelis tek'
Czystame upuželej',
O ir wèrna meiluže
Wèrnoje szyrdatej' (ib. 93).

Брагу, пиво пить—любить:

Ой ты брага бражунька зялёная! [1])

[1]) Эпитет перешел к брагѣ от вина.

А хто цебя, бражунька піці будзя
Без мілого дружочка без надзеі?
(Сб. пам. свз. кр. 221);

Pivo, pivo, pivo červené!
Kdo tě bude, pivo, pít,
Až já budu v hrobě hnít?
... Děvče, děvče, děvče rozmilé!
Kdo tě bude milovat,
Až já budu v hrobě spát?
(Erb. Čes. Písně, 369).

Pšeničku jsem zasil, nebudu jí žít;
Pivo jsem dal nalejt, nebudu ho pít;
Holku jsem si namluvil,
Jinej mňe jí odloudil,
A tak lásce naší konec učinil (Erben).

Пиво варить—сына женить, Чуб. IV 226;—любить:
Vím já jeden pivovárek,
V tom vařival Váša sládek,
Dobré pivo vařívával,
Hezké holky milovával (ib. 489).

Корчмарка — невѣста, *милая:* невѣста приглашает жениха:

Jasio, Jasio, Jasineczku, dobre piwko mam,
Uczęstuję, utraktuję, sama ci się dam
(Kolb. Lud IV, 15);

Да би моја драга месарица била,
Она би ми дала меса печенога;
Да би моја драга пекарица била,
Она би ми дала круха пшеничнога;
Да би моја драга млинарица била,
Она би ми дала му́ке и без ујма;
Да би моја драга крчмарица била,
Она би ми дала вина чрленога;
Да би моја драга вртларица била,
Она би ми дала киту розмарина
(Kurelać, Jač., 13).

γ) Варіант колядки Б болѣе первообразен потому, что оставляет мѣсто догадкѣ, что из трех молодцев, которых ограбовала корчмарка, тот, чей перстень, становится ея женихом. Ср. Кар. Пјес. I 421—2, Пјес. из Херцег. 170: три молодца дарят встрѣчной дѣвицѣ подарки, вступают в спор, чья она, и идут к судьѣ, который рѣшает:

„Босилак се од мириса даје,
Јабука се од милости даје
(v. Папуче се милој кући дају,
А јабука у љубави дар је),
А прстен се даје по закону
(=Златан прстен рад' вјере ћевојци);
Чиј је прстен, оног и девојка“ [1]).

---

[1]) Перстень, подарок жениха, мужа, есть образ его самого: у чужого отца молодую посылают в темную ночь по воду, но ей это нестрашно:

„Ой нежурітеся близькі сусіди
нічкою темненькою! [1])
„Ой есть у мене золотий перстень,
він буде мні світити;
„Ой есть у мене молод Іванко,
він буде мні годити:
„Я за видерце, він за другое,
принесемо обоє
(Сб. п. сва. кр., 89).

Послѣ вѣнца, в домѣ молодой:

Нямела Ганулька веранькі,
„Ци мой, ци ня мой Сапронька?“
Тагды яна вераньку панела,
Як Сапроньку за ручку узела,
За таткін сталок завела.
Пасадзіла яго на куце,
Як залаты персцень на руце:
Як залятому персценьку змены нет,
Так маладому Сапроньку зганы нет
(Шейн, Бр. п. 476).

---

[1]) Незаботьтесь о том, что ночь темна.

б) Сравненіе со слѣд. хорватскою (Kukuljević, Dela, IV, 237; Kurelac, Jačke, 136—7, 311) позволяет думать, что в мр. кол. и два другіе молодца первоначально не чужіе корчмаркѣ, а родня жениха (свекор, деверь = отец брат жениха) или сваты:

Гој (hoj) на брегу на Дунају
Русо винце на продају.
Ќи ми точи липа Маре,
Липа Маре керчмарице.
К ни со дошли три делије,
Все со винце спопијали,
Никај писо плачовали.
(v. Винце пили, ничт платили,
Код се јесу понапили,
Похарце су поразбили).

Мара идет жаловаться к судьям или к капитану.

„Је л' их познат, ли̑па Маре?"
—Непознам их по образу,
Нег их познам по оправи.

Или:

„Повиј мени, крчмарица,
„Какови су они били,
„Какву пратеж су имали?
—Први јунак кујну капу,
Кујну капу до рамена; [1])

Милый лучше шолковаго пояса и золотаго перстня (Кар. Пјес. I, 326, 327).

Некорыстно ли мое здоровьице жить без милаго,
Что без душечки без добра молодца жить, без надежды:
Со правой ли руки колечушко потеряла,
Со лѣвой ли злачен перстень обронила,
Со окошечка ясного сокола упустила,
Со постелюшки я добраго молодца дружка проводила
(Ефименко, Матер. по Этн. Арх. т., II, 113).

[1]) Как у Чурила:

Шапочка ушиста пушиста быль,
Хорошо была *надвьсистая:*

Други јунак вучју шубу,
Вучју шубу до землице,
Третога се нйсам могла
Од лйпоте нагледати.—

(V. свил-долају, куну капу, жуте чижме, v. скорце чижме, куну капу, свилен ментен).

Судья рѣшает:

Ки ти има свил долају (v. куну капу),
Јон ти јоче свекер бити . . . ;
Ки ти има куну капу (v. скорце чижме),
Јон ти јоче девер бити . . . ;
Ки ти има жуте чижме (v. свилен ментен),
Јон ти јоче љуби бити,
Љуби бити, добер бити.

Излишней прибавкой кажется в одном из вар. причитанье дѣвицы:

Да сам тужна била знала,
Да ми оно драги буде,
Не би била тужбу дала,
Нег весело прегорила
Оно вино, кѐ попили,
Все пехарце, кѐ разбили.

Если б она перетерпѣла, то небыло бы и благопріятнаго для нея рѣшенія судьи; но пѣвец, по видимому, понял дѣло так, что капитан объясняет лишь то, что и без его участія должно было совершиться.

Сопереди невидно лица бѣлаго,
Иззади невидно шеи бѣлыя
(Гильф., Онеж. был., 364, 920).

Комичность этого в потугинском смыслѣ (Тург. Соч., посмертн. изд. V, 110) устранится, если предположить, что рѣчь идет о мѣховой шапкѣ с разрѣзами по бокам, в родѣ галицкой „*на завісах*“ (Гол. I, 237 и объясненіе ib. 3; поль. zawiesista?). Лишь *было бы* „невидно лица“ и шеи, она *была бы* „до рамена“, *если бы* опустить на лицо „*прилѣбицю*“ (Ип. л. под 1241), а на затылок заднюю часть тульи.

ε) а) Богишић, Н. п. из старијих записа, I, N 20 (XVIII в.). Сестра Будимскаго короля жалуется брату, что 3 „хурјата“ (мужики, невѣжи) недают ей даже в церковь пойти: один заступает дорогу, другой подымает с лица покрывало („копрену“), третій цѣлует. По примѣтам брат узнает, что „то ми н'јесу хурјати, него угарска господа“: сваты Угрин Янко воевода и Михайло Свилоевичь и жених Секула Драгуловичь. Этот становится обручникомъ и дарит невѣстѣ перстень. Вскорѣ за тѣм они идут на Косово, гдѣ Секула, вопреки совѣту дяди Янка, ударяет на царскій шатер и гибнет. Янко, схоронивши его, шлет невѣстѣ письмо:

„Секула сам вјерио на Косову равну полу,
„На Косову равну полу косовком младом дјевојком.
„Колико је Секулу та дјевојка омилела
„Нећ' га веће никада твој'јем очим ни видјети“...

Невѣста

Жуте косе тргаше, бјело лишце грдијаше;
Златни прстен смакнула са деснице руке своје
И пође се жалосна с прстенком разговорати:
„Што бих ти се нагледала б'јела лишца Секулава,
„Ово ћу се огледат у Секулов златни прстен!...“

б) ib. N 21. Сестра Будимскаго короля Владислава из своего окна (!) видит Косово и 3-х всадников. Это, как выше, Янко, Михаил и Секула. Они ѣдут за сватовством. Дѣвица дарит 1-му саблю, 2-му „штита *перенога*“ (?!), 3-му „шестопера буздохана“. Тѣ дарят: Янко — „колајну суха злата“ (медальон, Кар.; мр. дукач), Михаил — „грн'ну (ожерелье) бијела бисера“, жених — перстень.

„Моли Бога, дивојко, да се из Косова заврнемо,
„Ер ћемо те ми, дивојко, друз'јем даром даровати.

Они ѣдут вмѣстѣ с Владиславом на Косово и гибнут. Дѣвица недоумѣвает кого ей больше оплакивать.

2. *Косовка дјевојка* (Кар. Цјес. II, N 51). Можно предположить, что пѣсни типов γ и δ встрѣтились и объединились таким образом, что корчмарка типа δ стала од-

ним лицом с дѣвицей в γ, которой три молодца дарят один — то, другой — то, третій (жених) — перстень. При этом момент спора, суда, жалобы (ε, a) совсѣм отпал. Вмѣстѣ с этим (как в ε) мотив вошел в круг вліянія мысли о Косовской битвѣ, событіи, имѣвшем всенародное значеніе. Эта мысль должна была настроить на важный и печальный лад все, что ей подчинялось. Если в колядкѣ или др. пѣснѣ подобнаго характера в видѣ совершившагося событія выражались надежды на личное и семейное счастье; то при новом ея строѣ в ней в конкретном образѣ могла выразиться скорбь об утратѣ надежд на всенародное счастье, которое казалось возможным и близким.

Как бы ни было, мнѣ кажется, что вышеназванная пѣсня может быть понята не как изображеніе дѣйствительнаго случая, а как геніальное сочетаніе и преображеніе поэтических мотивов, первоначально неимѣвших никакого отношенія к косовскому циклу. Дѣйствіе не в корчмѣ, а на Косовском побоищѣ (переход мысли от пира и брака к битвѣ и смерти обычен издревле, ср. мое Сл. о П 63 сл.); не корчмарка угощает вином гостей (сватов), а дѣвица

... Преврће по крви јунаке,
Ког јунака у животу нађе,
... *Причешћује* виноm црвеним [1])
И залаже лебом бијелијем,

[1]) В очень хорошем, за исключеніем нѣсколькихъ частностей, малорусс. переводѣ этой пѣсни (М. Старицький, Сеѣбськи н. думи і пісні, К. 1876) это мѣсто передано слабо:

Напува єго вином червеним,
Нагодує потім хлібом білим.

Не „напува", а „*причащает*"; не „нагодує" (об умирающем!), а дает заѣсть, закусить. Замѣчу еще: „в таборищі" („у таборі" в станѣ, т. е. в войскѣ, а не на мѣстѣ гдѣ стоит стан; в Лѣт. Самов. 26: „войско безъ табуру увойшло на Украину, ... стали табуром и пр.); *вишнім* Богом (серб. вишњим = вышним, а не вѣчным); ёму шабля по каміннях *брязка* — ненужная вольность: Сабла му се по калдрми вуче = По каміню (по бруку) шабля волочéться.

как бы причащает воинов перед смертью. Один из них, Орлович Павел, спрашивает, кого она ищет, и это служит связью мотива „шинкарка“ с другим: „3 молодца дарят“. Она ищет трех с которыми она случайно встрѣтилась у церковных врат перед битвой. Раз дѣвица не корчмарка, а три воеводы пьют вино не в корчмѣ, а в церкви, гдѣ они причащаются послѣ всего войска князя Лазаря; то ничто их немогло свести с дѣвицей кромѣ случая. Слѣдует изображеніе трех воевод выходящих из церкви. Каждый дарит дѣвицѣ на память: Милош „коласту аздију“, Косанчич „бурму позлаћену“ (гладкое кольцо; по мрусс. м. б. не *перстень*, как у Стариц., а обідець, каблучка), Топлица--„копрену од злата“. Караджичь (Рјечн.) приводит два мѣста в подтвержденіе того, что это слово (б. м. = болг. коприна, шелк; по Богишичу, покрывало; итал. coprire, покрывать) значит „махрама“, платок, согласно с чѣм Стариц. переводит: „платок парчовий“, что хуже непонятнаго: за чѣм бы воеводѣ носить на рукѣ парчовый платок, которым и утираться нельзя? В пѣснѣ одними и тѣми же словами говорится про 2-й и 3-ій подарок:

На руци му бурма позлаћена . . .
. . . С руке скиде бурму позлаћену . . .

—

На руци му копрена од злата . . .
С руке скиде копрену од злата,
С руке скиде па је мени даде.

По этому я думаю, что „на руци“, „с руке“ значит в обоих случаях „на пальцѣ“, „с пальца“ (как в мр. „на руці перстень“ ибо рука—не все от плеча, а только часть от завити, запястья) и что под „кòпрена“ понят здѣсь перстень, м. б. с глазком (мр. перстень, ст. русс. и галиц. жуковина), отличный от „бурма“. Это предположеніе вытекает также из сближенія с мотивом γ и ε):

Первый воевода, дарящій плащ с плеча, обѣщает, если воротится здоров: „ја ћу теби кум венчани бити“; 2-й дарящій „бурму“: „ја ћу теби ручни девер бити“, что согласно с постоянным пѣсенным выраженіем: „А дјевере,

мој злаћен прстене“ (Кар. I, 41, 49, 63 et pass) [1]), 3-й дарящій „копрену од злата“, говорит:

Да ти с' здраво из табора вратим,
Тебе, душо, добра срећа наће,
Узећу те за верну љубовцу.

Но по вышесказанному, жениху именно пристало подарить перстень: „Чиј је прстен, онога дјевојка“.

Вот кого ищет на побоищѣ дѣвица. Орловичь указывает, гдѣ они пали. Дѣвица причитает:

Јао, јадна, уде ти сам среће!
Да се, јадна, за зелен бор ватим,
И он би се зелен осушио!

Ея горе не только личное: в них и вмѣстѣ с ними погиб цвѣт сербскаго народа.

Думаю, что между Косовкой этой пѣсни и пѣсни о Мусичѣ (Кар. II, N 47, ст. 106 сл.; Мусич говорит Косовкѣ: „Ако Бог да те се натраг вратим, Лепшим ћу те даровати даром“), а равно царицей Милицей на Косовском побоищѣ (Богишићь, N 2) есть генетическая связь. Милица в этой послѣдней кажется мнѣ образом найболѣе поздним и искусственным.

3. *Трои сваты.*

A. Кол. Гол. IV, 66, Стрый.

А в чистім полі коршмонька стоїт,
Казано нам, повідано нам:
„Доброе пиво, мед, горілочка,
„Красна дівочка“. Підеме там!
Там заїхали трої гостеве:
Єдни ми стали кіньми під сіньми,
Други ми стали за воротами,
Треті ми стали в вишнёвім саду.

Первым „винесли мису червоних“, 2-м „вивели сивого коня“, 3-м — „кречную панну“, „господарску дочку“.

---

[1]) На оборот, невѣста хотѣла бы подарить деверю перстень, хорват. свадебная, Kukuljević, Dela IV, 241—2.

Б. Свадебная, Метл. 124, Чуб. IV 68:

Сватало Марусю да трое сватів:
Перші свати – під сіньми кіньми,
А другі свати в сінечки ввійшли,
А треті свати в світлоньку ввійшли.

(1-м—хустка, 2-м—перснік, 3-м—сама молода).

В. Кол. Гол. II, 76. „*Жала дівойка шовкову траву*“ (ср. XXXVI, 11). Она говорит трем молодцам:

„Зъїднайте ми ся траву скосити . . .
„Та я вам буду дорого платити:

(1-му—навяний вінок, 2-му—перстень, 3-му—сама молода).

Г. Кол. Гол. IV, 71. Начало, по образцу кол. XXI:

Ой рано, рано кури запіли . . .
. . . При третій свічці сама ся вбрала:
Сподівалася 3-х старостоньків.

Далѣе – как в А, В; дары, как в Д.

Д. Кол. Гол. II 81:

В нашей Гандзейки троі молодці.

Одни сѣли в сѣнях, 2-е в комнатѣ, 3-и в избѣ; 1-е пили горѣлку, 2-е вино, 3-и мед;

Єден даровав єдвабну хустку,
Другий даровав золотий перстінок,
Третій даровав трепіток вінок,
Ней ся трепоче, за кого хоче.

Этот послѣдній мотив (3 жениха, предлагают дары, дѣвица выбирает) в колядкѣ неимѣет черты, которая есть в сербских юнацких пѣснях: дѣвица выбирает со страхом.

Сербскія юнацкія пѣсни приурочивают мотив к историческим именам и придают ему жизненныя краски.

а) Со счастливым окончаніем.

„Дјевојка надмудрила Марка“, Кар. Цјес. II, N 41. В дворѣ бѣдной сироты сходятся три жениха, каждый с 1000-ю сватов: королевичь Марко, воевода Янко и незнатный Павел Уступчичь. Марко совѣтует:

„Извадимо три златне јабуке,
„Положимо три златна прстена . . .

. . . „Машила се за коју јој драго,
„Онога је лепота дјевојка“.

Но дѣвица, видя, что при этом Марко обнажил саблю и положил ее себѣ на колѣни, отказывается брать:

„Јабука је дечина забава,
„А прстен је јуначка белега;
„Ја ћу поћи за Уступчић Павла!“

Тогда Марко:

„Срећа твоја лепото девојко,
„Што се ниси јабуке машила . . .
. . . „Обе би ти одсекао руке . . .

Так Дамáянти предпочитает смертнаго Нала четырем безсмертным богам. В Эстонской поэмѣ Калевипег за Линду, родившуюся из яйца, подобно Еленѣ, сватаются Солнце, Мѣсяц, морской царь и царь Кунглы (миѳич. страны). Она отказывает им и выходит за Калева (Mannh. Die Lett. Sonnenmyth. Z. f. Ethn. VII, 314).

б) „Сестра Леке капетана“, Кар. II, N 40. Три воеводы: Марко королевичь, Милош Обиличь и Реля крылатый предлагают себя на выбор прекрасной и высокомѣрной Росандѣ: один будет женихом, два другіе деверями. Росанда издѣвается над всѣми тремя и Марко рубит ей руку и выкалывает глаза.

4. В болг. в день св. Константина (21 Мая) на гуляньи под качелями молодцы „огледват“ невѣст. В этот день дѣвицы поют пѣсню весняночнаго размѣра 4+4+3, в которой находим вышевстрѣченную черту „садила N зелене вино“ и за тѣм сочетаніе мотивов „стеречь вино“ (т. е. виноградник, плоды) и „продавать вино“ (напиток) посредством пріема, напоминающаго XXXVI, 1, Ж: уродило не гроздье, а вино:

Ох, садила є малка мома, садила,
Садила є бѣло грозде ссено!
Не са роди бѣло грозде ссено,
А са роди руйно вино червено.
Научи са младо турче да пие,
Испило си враня коня да пие,

Та па трьгна младо турче да си-де,
А мома му тихо лѣпо говори:
„Де заносваш синё седло от коня?“

Он возвращается, пропивает и сѣдло. Потом дѣвица заставляет его пропить пистолеты, ружье и, вѣроятно (пѣсня неокончена), самого себя (Каравелов, Пам. нар. быта Болг. I, 225).

5. Примѣненіе мотивов „троякий напій“ к величанью молодца представляет кол. у Гол. II, 69, N 24:

Ішав молодец з Угор до Русиц [1])
Ой дай Боже!
Та віз же собі троякий напій

„кудрос пиво“—себѣ, „мед“—милой, „шумну горілку“—„отцу та матці“.

Ср. господарь за столом, перед ним три кубка: вино—женѣ, „пиво щедрове“ самому, мед дѣтям (Чуб. III, 472 и др.).

6. *Сожженіе шинкарки.*

Кол. дѣвицѣ, Гол. II, 87 (25), Стрый.

А в чистим полю стоїт коршмонька,
Ой дай Боже!
А в тій коршмоньці дівча шинкарча;
Ой сидит собі конець столонька
Тай держит собі троякий напій:
Медок, горілку, зелене вино.
Сидит же, сидит, по конець стола,
А кватирочку все відхиляє,
Та в чисте поле все позирає.

---

[1]) Рѣдчайшій случай употребленія извѣстнаго из Сл. о п. Иг. (4 раза) Русици, Русичи в значеніи Руси, страны. В Сл. о п. Иг. форму с ѭ вм. ч объясняют вліяніем говора сѣв. вр. переписчика; здѣсь в виду форм с ч „сватают ... яж до Галича за Русовича“ (Kolb. Pokucie I, 101), „сім сот молодців самих вібранців ... й а Русовичів“ (ib. 102), ѭ в „до Русиц“ м. б. полонизм?

Надійшли ж туди три волошини . . .
(один прекраснѣе другого)

До сих пор—ср. XXXVII, 1, Б и XXXVI, 11, В. За тѣм чуждые этим колядкам мотивы:

. . . підпиваючи,
Дівча шинкарча підмовляючи:
„Дівча шинкарча, ходи ж ти з нами,
„Ходи ж ти з нами та молодцями:
„Будеш ти пити мід горілочку,
„В шовкових шубах будеш ходити". (а)
Ще невивели дівчину з саду,
А вже вчинили дівчині зраду. (б)
Ой ведут милю, та й ведут другу,
Ой на треті-ж би відпочивати,
Пустили ж они коники пасти,
Казали еї все ліжко класти [1]). (в)
„Мене ще мамка ба й невіддала,
„Що би я з вами все ліжко клала
„Ой під явором, під зелененьким
„Из волошином та й молоденьким!" (г)
—Устань (достань?) кременя, викреши огню,
Запали сосну з верху и споду.—
Ой гори, гори, зелена сосно!
Ой течи, течи, чорная смоло,
Та на шенкарча, на біле тіло,
Щоби шенкарча пріч [2]) нехотіло! (д)

В цѣлом такая колядка, по видимому, имѣет смысл предостереженія дѣвицѣ. Если бы она была величаньем, то на предложенія молодцев дѣвица дала бы отвѣт в таком родѣ, как в щедровкѣ, Чуб. III, 474—5 (49):

Ой у Луцьку на риночку
Пъють козаки горілочку,

---

[1]) Т. е. стлать, литов. patalą *klóti*.

[2]) Т. е. от матери, а не „от нас", как понял Костомаров, Р. Бес. 1872 VIII, 69. Послѣдніе 4 стиха не рѣчь уводчика.

(Ой) пъють вони, попивають
И Маръесчку намовляють:
Ти, Маръесчко, ходи з нами!
(Буде лучче, ніж у мами)
—Ой нешийду, буду ждати:
Буде мати дари ткати!

Черты а, б, в, г, д, отмѣченныя во 2-й половинѣ колядки, встрѣчаются в пѣснях на тему „N дівку підмовляє“, которыя, судя по размѣру, представляют не менѣе пяти различных, но соприкасающихся и взаимодѣйствующих семейств:

а) Размѣр 4+4. 1) Гол. I, 116—8 (29—30); III, 55. Козак дівку підмовляє:

„Ходи, дівча, ходи з нами . . . :
„У нас гори золотиї,
„У нас води (ріки) медовиї,
(А травоньки шовковиї),
„У нас верби грушки родять,
„У нас дівки в злоті ходять“

(От мрусс. пѣсни пошла литовская, Lesk. u. Brugm. L. Volksl. 93 (4). Ср. также вр. (солдатскія, матросскія, козацкія) Кирѣев. VI, 17—22 и 13—6.

Дѣвица поздно догадалась, что это неправда. Потерявши вѣнок, она

До батенька лист писала:
„Ней ся батько нетурбує,
„Ней посагу неготує,
„Ой бо я вже посаг взяла,
„В чистім полю присягала
„Під явором зелененьким
„Из козаком молоденьким!“

Этот послѣдній мотив („під явором)—из пѣсни о полонянках, Гол. I, 45; а предыдущій („у нас гори золотиї)—в свадебных, гдѣ сваты говорят невѣстѣ:

Иди, Касуненько,
В нашу сторононьку:

В сторонi нашiй
Гороньки золотiї,
Травоньки шовковий,
Рiченьки медовий! . . .

Но зозуля говорит невѣстѣ правду (Гол. IV, 239; Чуб. IV, 407). Свадебная пѣсня у Гол. II 671 (129) представляет то отличіе от вышеприведенной свад., что она начинается свадебным размѣром (5—2):

Сiдай, Мариню, з нами,
На малёвани сани,

но за тѣм в нее, как цитата, введены 4 ст. размѣра 4+4 из вышеприведенной пѣсни Гол. I 116—8:

У нас гори золотiї и пр.

Такой мотив есть вѣроятно и в вр. свадебных (сходный — у Сах. Ск. Р. н. III, 149 (159). В связи с этим обѣщаніе Христа нищей братьи в старческом стихѣ:

Оставлю вам гору золотую,
Оставлю вам рѣку медовую,
Оставлю вам сады-виноградъ

(Безс. Кал. I, 1 сл.).

В пѣсни размѣра 4+4 вносятся черты, быть может, первоначально им чуждыя: столяры „пiдмовляють шинкарку“ (Kolb. Pok. II, 24) или шинкарку жидовку Резю (замужнюю) (ib. 23—4) и *топят* ее *в морѣ* или в глубокой водѣ.

β) Размѣр (4+4)+5. Козаки подговоривают шинкарку (Kolb. ib. 21) или шинкарку *„жидовочку Хаимочку“* (ib. 21—2) набрать золота-серебра и бѣжать с ними, бросают ее в Дунай, возвращаются в туже корчму, разсказывают шинкарю, что видѣли пропавшую у Дуная и на высказанныя шинкарем подозрѣнія отвѣчают:

Як би ми ї, орендарю, сами завели,
Ми би в тебе, орендарю, тепер небули.

γ) Разм. 5+5. *Хаюня* жидовка, Żeg. P. P. l. R. II, 18—9; Kolb. Pok. II, 22—3; литовская передѣлка, разм. 6+6, Jušk. L. dainos II, N 601 (Kájka žydiałka). „В мiстi Березi“ (v. в Берестечку) Хайка жидовка любит Ива-

ся Тарновскаго (Яся Терляцкаго) и рѣшается бѣжать с ним:

Приїдь до мене в суботу рано,
В суботу рано, трома бричками,
„Тато та й мама підут до школи,
„А мені лишат ключ від комори“.
На одну бричку—куфри перині (перини),
На другу бричку—срібло та й злото,
Та трету бричку—сама молода.

Соблазнитель бросает жидовку в Дунай. Мѣстныя черты могли быть внесены из разсказа о дѣйствительном случаѣ в бродячій разсказ или пѣсню, занесенную с юга о похищеніи христіанином магометанки или жидовки [1]). Есть нѣсколько сербских пѣсень в коих бѣгущая — магометанка. В одной из них (Чубро Чојков. Пѣв. Черног. N 169) она носит обычное магометанское имя *Хайкуна, Хайка.* Вѣроломство Тарновскаго напоминает Марка Королевича, который убил выручившую его из тюрьмы и бѣжавшую с ним дочь Арапскаго царя (Кар. Пјес. II, N 64). В основу Шекспирова „Венеціанскаго купца“, кромѣ двух извѣстных разсказов (выбор одной из трех шкатулок; фунт мяса, требуемый жидом и переодѣтая женщина судьею), положен и третій: жидовка, влюбленная в христіанина, бѣжит с ним, похитив сокровища своего отца. Имя жидовки, Джéсика, есть б. м. серб. жен. имя Јàсика, вошедшее в италіянскій разсказ через Венецію.

В мр. п. между прочим туземному преданію принадлежит то, что

---

[1]) Ходячій разсказ или пѣсня внушают интерес именно между прочим потому, что они служат готовыми поэтическими формами для извѣстных нам дѣйствительных случаев. Так Тургенев мог особенным образом относиться к Королю Лиру, п. ч. он знал своего Лира; Гете:

Ein alter mann ist stets ein könig Lear etc.
(Zahme Xenien I).

Взєв Ясё Хаю під біли бокі,
Вкенув Хаюню в Дунай глибокі.

Тонуть в Дунаѣ, морѣ — гибнуть см. Объясн. мр. п. I, 190—221.

Могли быть варіанты без этой черты. На это можетъ указывать донская п. (Савельев, Сб. дон. н. п. СПб. 1866, 125), очевидно, передѣланная из малорусской под вліяніем γ):

Ой ты корчма польская королевская!
Ой во той корчмѣ жидовка вдова,
А у той вдовы дочь Хайка была.
Пріѣзжает к Хайкѣ млад донской козак:
„Ой Хайка, Хайка, поѣдем с нами,
„Поѣдем с нами, с донскими козаками!“
—Ой ты милый мой, не в пору ѣдеш!
Пріѣзжай [ты], милой, во суботній день:
Моя маменька до школы пойдетъ;
Пригоняй [ты], милой, три подводушки.—
На первом возу перины лежать,
На другом возу—злато серебро,
На третьем возу молодые сидять.
[Пришла мать из школы:]
„Ой Хайка, Хайка, что ты сдѣлала!
„Разорила в конец мою ты корчму.
„Ой Хайка, Хайка, (Хайка) вернися!
„Ой Хайка, Хайка, (Хайка) простися!“

δ) Разм. 5+7. Голов. I 72: два козака подговаривают дѣвку:

. . . Недійшов козак до вишневого заду,
Ой зробив же він над дівчиною зраду.

За тѣм размѣром 5+5+7:

„Ой де ж ся діло, *донче* козаче (см. ниже ε), молодецькее слово,
„Ой що ти казав, що ти незрадив на сім світі нікого?“

В пѣснѣ у Гол. III, 54—5 = Ż. P. II, 29—30, по видимому, разсказанной, а не спѣтой, явственно ея сложеніе из двух пѣсень типов *α* 1) и δ, размѣров 4+4 и

5+7. Из пѣсни *α* 1) взяты такіе стихи и черты, как „козак коня наповає“ ... „А в нас гори золотиї“, (вінок) „утратила під явором зелененьким“ ...; из пѣсни типа *δ* —

... Ой ще недошла до вишнёвого саду,
А вже зложили [та] на дівчину зраду ...
... „Не по то же я, козаче, вандрувала,
„Жеби [я], козаче, тобі луженько слала,
„Но по то-м я з тобою вандрувала,
„Жеби-м твоєю милов ся назвала ...

ε) По размѣру к *γ*) примыкают пѣсни:

aa) Чуб. V, 1082:

Ой там на горі стояла корчма,
А у тій корчмі та два донці пьють.
Що один донець горілочку пъє,
А другий донець все гроші дає,
З собою шинкарку да й підманює:
„Ходім шинкарко, ходім из нами!
„Що в нас на Дону не по вашому:
„Ні жнуть, ні косять, жупани носять;
„Ні тчуть, ні прядуть, хороше живуть,
„Солому січуть—пироги печуть,
„А сіно смажуть—пироги мажуть“. [1])
Дурна шинкарка да й послухала,
Сіла з донцями да й поїхала.
Як привъязали [шинкарку] вниз головою,
Запалили сос[онк](н)у з низу да в гору.
Сосонка горить, шинкарка кричить:
„О прóбу, прóбу! [2]) хто в сёму бору,
„А хто в бору є, ратуйте мене! ...
... Ой ви, жіночки, навчайте дочки,
Щоб недіймали донцям вірочки.

---

[1]) Ср. бр. „А в Несвіжи — люд хіжі (хитрый, ловкій, собств. быстрый): салому тавкуць — бліны пекуць, сена смажуць — бліны мажуць“, Пам. и обр. нар. яз. и слов. 174.

[2]) Прó-буг, прó-біг, ради Бога.

бб) Кіев. Стар. 1883, 1, 216—7, Умань. Три козака „підмовляють“ „дівчину“ „в коршмі“:

В мами ходила в сірі свитині,
[А] в нас будеш ходить [в сині] (а) в кармазині...
...Ввязали дівчину до сосны косима,
До сосни косима, на ліс очима,
Запалили сосну з верху до долу
...Хто дочки мас, нехай навчас,
З *доньским* козаком гулять непускае.

вв) Савельев, Сб. донских н. п., 124—5 и рукописный вар., записанный Ѳ. С. Аврамовым в Трехостровянской Ст. З. В. Д.

На горѣ, горѣ, (на) полугорѣ
Стояла корчма, корчма Польская,
Корчма Польская, королевская.
Как во той корчмѣ [да] два молодца пьют(ь):
( ) поляк да козак.
Поляк водку пьет, дукаты кладет(ь),
Козак водку пьет, ничево некладет(ь),
( ) шинкарку манет(ь):
„[Да] поѣдем, шинкарочка, к нам на тихій Дон!
„Как у нас на Дону не по вашему:
„Неткуть, непрядуть, хорошо ходють!“
Прельстилась (v. согласилась) шинкарочка на козачьи (v. на ево) слова,
[И] садилась шинкарочка коню за бедра.
[Да] повез он шинкарочку во темны лѣса,
Повѣсил шинкарочку он на сосенку,
Зажег [козак] сосенку снизу до верху.
Сосенка горит, шинкарка кричит:
„[Да] донскіе козаки всѣ обманщики!“
—А вот тебѣ, шинкарочка да наш тихій Дон!

В вар. Аврамова:

..... три молодца пьють:
Пруцак и Поляк и донской козак.
Пруцак водку пьёть—червонцы кладёть,
Поляк водку пьёть—дукаты кладёть,

[А] донской козак пьёть—ничево недаёть . . .
Привязал он шинкарочку за суху сосну,
[Да] зажигал он сосенку снизу дó верху.
„[Да] гори-ж [ты] сосенка, гори пожарчѣй,
„[Да] кричи-ж [ты] шинкарочка, кричи погромчѣй!
Сосенка горит, шинкар[оч]ка кричит:
„[Да и] кто в Бога вѣруеть, спасите меня!
„Сестрицы, подруженьки, недавайтесь в обман,
„Недавайтесь в обман донским козакам!“

Во всѣх вар. корчмарка—не жидовка, соблазнитель—донской козак. Эта послѣдняя черта, вошедшая и в δ), вѣроятно, внесена из дѣйствительнаго случая (в XVIII в.?) и замѣнила собою другое имя: ср. в кол. „три волошини“ и под ζ) „три чужоземці“; не старѣе XIX в. под ζ) „три чорноморці“. Костомаров (Ист. зн. юр. пѣс. тв. Бес. 1872 VIII, 68) говорит: „собственно в том видѣ, в каком она поется, эта пѣсня кажется первоначально скорѣе великорусскою, донскою, зашедшею в Малороссію“. Я об этой пѣснѣ, как и о приведенной под γ, думаю на оборот.

ζ) Размѣр 6+6. а) Кіев. Стар. 1883, 1, 216, Умань:

Ой на горі сосна, а в долині коршма
Муром мурована, дилём дилёвана,
А у тій коршомці там три чужоземці (чорноморці)
Все пьють та гуляють, дівча підмовляють.
Один чужоземець (чорноморець) мед-вино зливає,
Другий чужоземець на скрипочку грає,
Третій чужоземець дівча підмовляє:
„Ходи, дівча, з нами, з нами козаками!
„Лучче тобі буде як в рідної мами“.
Дівча послухало, сіло поїхало . . .

За тѣм, вѣроятно, слѣдовало сожженіе.

б) Гол. III, 66, Саноц. окр. и в) Гол. I, 163; Kolberg, Pokucie II, 76—8, N 111 и 112. Убійца мужа Маріи („Лях“, „красний панич“) хочет на ней жениться и за отказ сожигает, привязавши к соснѣ. В в) входит мотив пѣсень г) (см. ниже):

„Маріо, Маріо, чи є твій пан [1]) дома?“
— Мене ся питаєш, а сам ліпше знаєш:
Мого пана коні у твоїй студолі . . .
. . . „Маріо, Маріо, то неправда твоя:
„Я куповав коні на ярмарку в Львові,
„А я пив могорич в зеленій дуброві,
„А я лічив гроші на гнилій колоді“.

г) Żeg. Pauli P. l. R. II 5; Голов. I, 163; Чуб. V, 963—5, и мой вар. (Ромен. у.) [2]). Маруся узнает коней своего мужа у гайдамак. Их ироническое оправданіе: . . . купили,

На гнилій колоді гроші полічили,
З холодної криниці могорич запили.

Пѣсня кажется совершенно цѣльною. Сложилась она не в Червоной Руси, а на Украйнѣ („Не есть ви козаки, есть ви гайдамаки“). Ни в одном из 7 вар. о сожженіи Маруси неговорится, а отрывок приведенный Костомаровым, гдѣ Марусю увозят и сожигают, есть нескладное сложеніе из пѣсень размѣра 6+6, 8+6 и 5+5 (Ист. зн. юр. пѣс. тв. Бес. 1872, VIII, 68—9).

Случаи сожженія женщины могли повторяться не раз. Тѣм неменѣе в пѣснях ζ можно бы видѣть исторію, а не миѳ или поэтическій образ, лишь вырвавши их из связи с приведенными выше. В этой связи сожженіе Маріи Лѣхом или Маруси гайдамаками не болѣе исторично, чѣм вторая половина колядки Гол. II, 87, чѣм пѣсни о потопленіи в Дунаѣ дѣвицы, шинкарки, жидовки. Как этот послѣдній мотив предполагает уже символическій образ *тонуть* (untergehen) = гибнуть (между прочим — от несчастнаго замужества), так и первый. Слѣд такого пониманія сожженія можно видѣть в пѣснѣ у Чуб. V 323—4 (N 641). Поет, по видимому дѣвица:

---

[1]) Т. е. муж.

[2]) Wójc. P. l. II, 348—9 неважный и ошибочно переписанный мр. вар., а 346—7 — польскій перевод выданный за народную пѣсню.

Ой у полі сосна тонкая выросла,
Вітер повіває, сосонку хитає.
„Не хилися, сосно, бо й так мені тошно (ср. мою ст. Мр. п. по сп. XVI в. 18—9);
„Ой так на чужині, як на пожарині:
„Ніхто непригорне при лихій годині,
„Непригорне отець, ні рідная мати,
„Хиба той пригорне, що мислить узяти".

А тот, который недумает взять? Тот, конечно, погубит. И здѣсь, подъ вліяніемъ данныхъ „сосна", „пожарина", вспоминается и приводится безъ всякой внѣшней связи готовый образъ такой погибели:

Поїдем до лісу, нарубаем хмизу,
Запалимо сосну из верху до низу.
Й-а сосонка горить, дівчина говорить:
„Хто в лісі ночує, нехай голос чує!
„По заході сонця нехай непускає,
„Нехай козаченьку віри недоймає!"

Лит. п. (Миллеръ и Форт. Л. н. п. 104) неоставляетъ никакого сомнѣнія въ символическомъ значеніи сожженія: ... стань дѣвица въ стремя, сядь на коня, мы поѣдемъ въ зеленый лѣс. Тамъ ... разведемъ огонь и *сожжемъ* твои *вѣночки* ... Огонекъ горитъ, вѣночки сгараютъ, жалко плачетъ дѣвица, какъ *высыпается* макъ (s. а не „склоняется макъ").

Костомаровъ (l. c. 69) говоритъ: „мотивъ о сожженіи женщины, привязанной къ соснѣ, очень древній, м. б. относящійся къ миѳологическому періоду, и, вѣроятно, состоитъ въ связи со словац. пѣснію „Horela lipa, horela", въ которой Колларъ видѣлъ либо принесеніе въ жертву, либо же древнюю кару, постигшую дѣвицу, утратившую невинность, а можетъ быть и казнь за волшебство". С этимъ я согласенъ, кромѣ догадокъ Коляра. Образы „горящая сосна, липа, калина, дуброва" разсмотрѣны выше въ связи с образами „тонущая липа, дѣвица" (Объясн. мр. п. I Указатель). Как образъ „тонущая дѣвица" примыкаетъ къ образу „солнце тонетъ" (δύσμαι) (Объясн. и пр. 218 и др.), такъ горящая дѣвица" — въ связи с представленіемъ восходящаго

и заходящаго солнца (и зари) пожаром (ib. 79—80; „зоря погоріла“; м. б. сюда же данныя о небесном пожарѣ в моем соч. О мио. зн. нѣкр. пов. 218—9), именно м. б. горящим деревом, и браком.

Если предположить, что пѣсни о сожженіи дѣвицы относятся к случаям превращенія образа в обстановку (на пр. из „дѣвица=калина“ выходит „дѣвица *под* калиной“, Объясн. мр. п. I 160—1, 179—180 слѣд.); то в основаніи их лежит сравненіе „горящая сосна = сама дѣвица“, привязанная к этой соснѣ. Объ половины этого сравненія суть образы солнечных явленій. Представленій солнца и зари дѣвицей нѣт нужды подтверждать ссылками. Что до связи солнца, зари и дерева, то напомню уже упомянутыя выше лот. пѣсни: „Солнце (дѣвица) вьет вѣнок, сидя на вербѣ“; „каждое утро солнце (дѣвица, женщ.) вспрыгивает на *красное* дерево“ (Объясн. мр. п. 153 и слѣд., между прочим 157); „густая липа выросла на краю (на концѣ) стези солнца. Там солнышко (ж. р.) каждый вечер заходя вѣшает свой пояс“ (Сб. Дашк. II, N 82); „За горой дуб, за дубом озеро; (на том дубу) божій сын вѣшает пояс, солнцева дочь—вѣнок“ (Спрог. 303). Сюда слѣдует присоединить пѣсни *о превращеніи* упомянутой дѣвицы (солнца?) в липу (Объясн. мр. п. I 70—1, 213—4).

Таким образом в пѣснях о сожженіи дѣвицы привязанной к соснѣ мы имѣли бы отголосок миоа, соотвѣтствующаго греч. об Аполлонѣ и Дафнѣ, как его понимает М. Мюллер. Дафна, убѣгая от объятій Аполлона (солнца), превращается в лавр или Мать Земля принимает в свое лоно бѣгущую от Аполлона Δάφνη и на том мѣстѣ выростает лавр (δάφνη); но δάφνη буквально соотвѣтствует санскритскому *dahanâ*, сгорающая (из *dagh-nâ, при чем гр. φ из *gh* через *ghv*, как в νίφ-ει, ninguit при скр. *snigh*, Curt. Grundz.[2] 424), а *dahanâ*, хотя и невстрѣчается в значеніи зари, но имѣет при себѣ в Риг-ведѣ названіе зари *ahanâ* (по предположенію из *dahanâ, как и *ahan* день из *dahan). Таким образом в основѣ миоа лежало бы то явленіе, что заря исчезает при появленіи солнца (М.

Müll. Essays, нѣмец. изд. II, 84—5, 143, 411—2). Мюллер полагает, что превращеніе Дафны—зари в лавр и возникшее отсюда посвященіе лавра Аполлону есть исключительно греческое продолженіе миѳа, возникшее только *потому*, что δάφνη значит также лавр, как горючее дерево (εὔκαυστον ξύλον, ib. 85, 412, 571); но, если предложенное сравненіе со славянскими пѣснями правильно, то в основаніи греческаго миѳа о превращеніи Дафны в горючее дерево лежит представленіе зари горящим деревом и горящей дѣвицей.

XXXVIII.

Дѣвица тонет.

Колядка и щедровка на тему „дѣвица тонет“ разсмотрѣны выше (Объясн. мр. п. I, 190 слѣд.). Здѣсь прибавлю нѣсколько примѣров пѣсень, в которых различное частное содержаніе подведено под ту же общую формулу: „*Ліпший милейкий як брат ріднейкий*“, милый лучше роду племени.

1. *Милый выкупает из неволи.*

а) Гол. II, 245, Царинная, Сяноцк. окр., размѣр колядок:

. . . Турчанине (зв. п. ед. ч. вм. именит.) дівойку
судит (? s. вм. судят).
Судит ей, судит, аж ей загубит (s. вм. -ят).

Отец—мать недают выкупу, но
Вийшов милейкий, викупив мене.
Ліпший милейкий и пр.

б) Кар. Срп. н. п. I, 214 (N 301), того же размѣра. Сестра просит:

„Искуп' ме, брате, из турски руку“;

брат отказывается; но это было лишь искушеніе: сестра не турецкая рабыня, а турецкая царица.

в) ib., III, N 83, разм. 4—6. Фату выкупает из плѣна не отец—мать, а милый, боснійскій паша.

г) Гол. I, 50 = Ант. и Драг. Ист. п. I, 100, разм. 4+4:

Верх Бескида калинова
Стоїт ми там корчма нова,
А в тій корчмі Турчин піс...
„Одмін“ v. „одмінойку“ дает милий:
Милий прийшов, та й відмінив.
Ліпший милий, як брат рідний.

д) Лит. Jušk. Liet. dajn. N 323.

Отец, мать, сестра, брат для выкупа дочери, сестры, жалѣют волов, платья, перстня, сѣдла, милый нежалѣет коня и выкупает милую. Разм. 4+6. Вѣроятно есть вполнѣ соотвѣтствующая мр. п., но я ее незнаю. Ср. на пр.

Ir sukligu ąntialė ąnt máriu,
Ir suvirku dukrialė neválo...
...Vialyg tavę, dukriálė, nematýt',
Ne kajp pašus jautialus pražudýt'
=Ой крикнула утонька (v. та вутка) на морі,
Заплакала дочка (сестра, мила) у неволі...
...Лучче тебе, до́чко (се́стро) невидати,
А ніж (v. ніж як) сиві воли потеряти...

е) Подобный мотив—в основаніи сицилійской п. о похищенной тунисским корсаром, Liebrecht, Zur Volkskunde, 222 слѣд.

2. *Милая выкупает из неволи.*

а) *α*) Wacł. z Ol 495, разм. 4+4:

Седит сокол на тополи
(и видит:)
Батьків синок у неволи...

Отец, мать, брат, сестра невыкупают, но милая.

β) Гол. I, 46—8:

Ой у місті в Бузанові
Седит ледінь у неволи,
Гей у *синім зелізнчку*,
Та й у *білім ремінчку*...

γ) Гол. I, 48, того же размѣра.

δ) Ант. и Др. Ист. п. I, 102:

Ой що в полі за димове?
Сидить козак у неволі,
Ой сидить він тяжко дише,
До батенька листи пише . . .

ε) ib. 103.

Издатели замѣчают: первый стих („димове“) „показывает, что тут идет дѣло о неволѣ у набѣжавшаго войска“. Я думаю, что этот стих некстати внесен пѣвцом из пѣсни того же размѣра „брат продает сестру Туркам“:

Що то в поли за димове?
Чи то вірли крилма бьются?
Чи овчари з турми гонят?

(Żeg. P. I, 175; Гол. I, 41; Ант. и Др. I, 298).

δ) Kurelac, Jačke, 96—7, разм. 6+6:

Отец, мать рады лучше застрѣлиться, чѣм выкупить юнака

З ове тужне јаме, *з сивога железа,*
З сивога железа, *з белога ремена*

(связь с а, β), но милая выкупает.

в) Сах. Ск. Р. п. 3, 228, с основным разм. 5+5:

Ты восной, восной, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинкѣ.

—

Доброй молодец сидит во темницѣ,
Пишет грамоту к отцу к матери . . .

До сих пор подлинно. Слѣдующіе 4 или 5 ст., гдѣ молодец просит жаворонка отнести письмо, считаю поддѣлкою, вызванною желаніем связать запѣв с дальнѣйшим содержаніем. Это видно из сравненія с вар. Якушкина (Соч. 593), гдѣ 3-ій стих лучше:

Сидит молодец в темнòй тéмницѣ . . .

Сюда же Савельев, Сб. донских п. п. 146, того же, но испорченнаго размѣра:

Запой соловей [весной на проталинкѣ,]
Взвесели добраго молодца во неволюшкѣ сидючи . . .

Я не год (сидѣл) и не два сидѣл,
А сидѣл младец ровно три года . . .

2-я половина 1-го стиха есть вставка из запѣва о жаворонкѣ. Соловей поет „на проталинкѣ“.

Подобные запѣвы предполагаются уже Задонщиною. Ср. „Оле жаворонокъ птица, в красныя дни утѣха, взыди подъ синіе облаки, пой славу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Володимеру Ондрѣевичю“ (Кир.-Бѣлоз. сп. XV в. Срезн. в Изв. II Отд. Ак. Н. VI, 346).

„Оле жаворонокъ, лѣтняя птица, красныхъ день утѣха, возлети под синее небеса, посмотри къ сильному граду Москвѣ, воспой славу и пр.“ (Сп. Ундо́ль. XVII в. Временн. кн. XIV).

Слѣдующая глава по К. Б. сп. начинается запѣвом, представляющим подражаніе Сл. о П. Иг. („Славій птица, чтобы еси вѣщекотала сія два брата, два сына Вольярдовы . . .“, но в сп. Унд. есть прибавка, перенесенная и в предыдущій запѣв: „О соловей, *лѣтняя* птица, что бы соловей пощекоталъ славу вел. князю Дмитрею Ивановичю“.

г) Сах. Ск. Р. н. III, 247. Мать невыкупает молодца из темницы. Запѣв „Кукушечка соловушку журила бранила“ (Объясн. мр. п. I 262).

д) Sušil, Mor. n. p. 328—9, разм. 6+6 (ср. ниже 3 а):

Lepší jedna milá, než celá rodina.

е) Лит. Juškev. L. dajn. I, N 117, с припѣвом „kaladó“.

ж) ib. II, N 935; з) Nesselm. N 119.

и) Нѣмецкая п. Liebrecht, Zur Volkskunde, 236. Дѣвица выкупает милаго из тюрьмы своим вѣнком.

3. *Милая выкупает из войска, из рекрутчины.*

а) Kurelac Jačke 61—2 (см. выше 2 б):

Ишал је сам јунак далеко широко,
Зашел је сам јунак мед' краљеву војску,
Црну крв проливам, на листац ју пишем,
Лйпо ћаћка просим да ме изкупљује

Отец (мать, брат, сестра) жалѣют 300 дукатов, милая рада дать вдвое.

Бола' е мила, бола, нег отац и мати.

б) Чуб. V 499—502 (из рекрут).

4. Отец—мать и пр. торопят сына к войску, милая задерживает. („Поставлю я коня в винограді", Чуб. V, 502 сл.).

5. Милая выкупает из корчмы.

Ант. и Др. I 101—2 (Ой бре море, бре); ib. французская; Гол. III 519 = Pauli II 83. Молодец пропивает в корчмѣ дѣвицу, выкупит ее отец мать, Leskien u. Brugm. Lit. Volksl. 35 (54), 149 (96).

6. Отец—мать и пр. у раненнаго спрашивает, гдѣ добыча, а милая жалѣет и пр.

Гол. I 141, 158; II 725; ср. III, 64.

Размѣр. 4+4 (ср. выше 2, а).

7. Отец—мать и пр. неотрывают *змѣи* от сердца, но милая . . .

Вѣроятно из представленія души, двойника змѣею (моя статья „О Долѣ", Древности, Тр. Моск. Арх. Общ. I, 1865—7, 173—5, 160; Аѳ. П. В. III, 299—301; Тейлор, Первоб. культ. II, 87; Спенсер, Основ. соціол. I 357 сл.) возникли сказанія о проглоченной и живущей в человѣкѣ змѣѣ (Benfey, Pantschatantra II, 256 сл.).

По болг. п., Яна выпила с водой лютую змѣю о девяти головах, восьми хвостах, которая стала ей ѣсть *сердце* (желудок), мать считает дочь беременною и разувѣряется только распоровши ей живот послѣ смерти (Верковић, Нар. п. Макед. Буг. 251—2. Сходнаго содержанія Doz. 87 сл.: по смерти дѣвицы любившій ее молодой Турчин сам себя убивает). Нѣчто подобное послужило источником для Мериме, откуда Пушкин, Пѣсни зап. слав., Ѳеодор и Елена.

Отсюда же сказанія о змѣѣ, извнѣ присосавшейся к сердцу.

а) Мр. пѣсни Чуб. V, 108—9 и 532.

Ой прийшов козак з війська з дороги,
Та й уклонився батеньку в ноги.
„Ой батеньку мій, сядь коло мене,
„Сядь коло мене, пожалуй мене,
„Заложи руку за пазушину,
„Одірви 'д серця злую гадину:
„Злая гадина мене зсушила,
„Коло серденька гніздечко звила!“

Отец, мать, брат, сестра отказываются, но невѣста или жена:

„Ой лучче мені руки немати,
„Ніж тебе, серце, на поталу дати!“

Пѣсня ib. 420 понимает эту змѣю иносказательно, как „журбу“, горе, согласно с пѣснями у Метл. 250—1 и серб. клятвою „тако ми се туга на срце несавила“.

б) Болг. из собр. Верковича, Dozon Блг. н. п. 125—6. Дѣвица обращается к матери:

Змей си имам ф пазуха-та,
[Змей на риба приобразен [1])]
Фтегни рàка, извади гу!

Мать, отец отказываются, юнак вынимает змѣя (настоящаго) и цѣлует дѣвицу.

г) Серб. Чубро Чојк. Пѣванія Црногор. 282. Марко Королевичь ѣдет на охоту, непомолившись Богу и Недѣлѣ. Змѣя из воды обвивается ему 17 раз около горла. Дома мать Евросима и отец, король Вукашин, бѣгут от Марка, а жена Видосава „сестримит“ змѣю и просит освободить Марка. Он отвозит змѣю на прежнее мѣсто и когда она его освободила, клянется:

„Хоћу пазит љубу и нељелу“.

д) В п. о гибели Момчила (ср. Кар. II, N 25, ст. 137 сл.) ему видится вѣщій сон (Богишић, Н. п. из ст. зап. N 97):

---

[1]) Нелѣпая вставка.

Моја браћо, чудан санак виђох,
ће се пови једна сина магла,
Од Немачке, од богате земље,
А из магле лута змија паде,
Те се мени сави око срца;
Луби зовем да ме ослободи...
...Моја луба за ме и нехаје.

е и ж) Кар. П. I 289 и Пјес. из Херцегов. N 136. Павел (Јован) испытывает мать, сестру, жену: за пазухой у него не змѣя, а золотое ожерелье и т. п.

XXXIX.

Дѣвица в лѣсу заблудилась.

Колядки или щедровки такого содержанія ненашлось, но она предполагается, во первых, п. ч. есть такая о молодцѣ:

Кол. Гол. IV, 37—8, Тернополь. окр.

Пішов Василько у темний лісок,
„Там сам я, там сам я молод
„В темнім лісочку, в жовтім пісочку
„Загину!“
Вийшов до него батенько его:
„Негинь, синоньку, дам ти радоньку!“
Батенько прийшов, ради ненайшов.

(также „матінька“, „братонько“, „сестронька“, но)

Взяла миленька милого свого,
Привела его аж до домоньку.

Во 2-х, этот мотив входит в новогоднюю „Меланку“ (см. XXXI, 432 и Гол. IV, 145, Чуб. III, 467 и рукописные варіанты гг. Мацѣевича, Стрижевскаго и др.):

Ой (що) учора (31 Дек. Меланіи) із вечора
Пасла Меланка два качури,
Ой пасла, пасла, загубила,
(А) шукаючи заблудила,
Приблудилася в чисте поле,
(Аж) там Василько плужком оре . . .

В 3-х, видоизмѣненія этого мотива обычны в свадебных пѣснях:

а) Суботонька на неділеньку пійшла,
Маруся у шевліеньку зайшла.
„Хто мене у шевліеньці знайде,
„Тому я молода достануся!“

(Ой) пішов батенько, ненайшов . . .
(также мать, брат, и пр.)
Прийшов Ивашко, та й найшов,
Узяв за рученьку та й пішов.

(Метл. 130—1; Чуб. IV 88—9, 284; V, 485 (ошибочно отнесенная не к свадебным); Гол. IV, 292). Мы имѣем здѣсь дѣло с производным, вторичным или третичным символизмом, пренебрегающим всякою вѣроятностью образа. Невѣста заблудилась или скрылась в шалфеѣ, п. ч. это символ дѣвства. Между прочим Богородица плетет невѣстѣ дѣвичій вѣнок (как солнце—мать и лайма — добрая доля в лот. п., Объясн. мр. п. I, 64) из „шевлії“ [1]). См. также Чуб. IV, 150; Костомар. Ист. зн. ю.-р. п. тв. Бес. 1872, VI, 10, 12.

б) Такого же рода символизм в свад. у Гол. IV, 269:

Пішла Мариня в вишнів сад,
Та заблудила в виноград.
„Хто ж мя найде в тім винограді,
„Тому ж я ся достану“ и пр. как выше.

в) Первообразнѣе здѣсь лѣс (Гол. IV 246, Перемышль, когда сажают „на посаг“):

Ходила Гануненька сім літ по лісі.
Ой лісом, лісом, зеленим барвінком!
А ей батенько до дому кличе:
„Гануню дівойко, йди до домоньку!“
—Ой ніт неціду, вітру ся бою,
Вітру ся бою, сонця [ся] хороню:
Вітройко повіне, косойку розвіне,
Сонейко пригріє, личейко змарніє.

Припѣв этой пѣсни предполагает слѣдующую (Гол. IV, 268, при „вінкоплетинах“):

---

[1]) Чуб. IV, 135, в моем вар. (Ромен. у.), Объясн. мр. п. I, 64—5, вмѣсто
„Що из руточки, та из мняточки“ (вѣнок)
поется и „Що з шевліеньки та з павліеньки (?)
Молодому N . . .

Та ходила за соненька
Сім літ по лісі,
Ой лісом, лісом
За крящачим [1]) барвінком
Різала барвінок
Собі на вінок . . .

г) Лѣс (бор)=отец, род [2]) и косвенно отцовскій домъ, дѣвичій терем (свад. Шейн, Бр. п. 322—3):

Хадзіла ліс[оч]ка па бару
Ды прасілася в соболя:
„[А] ты такій [жа] сякій сабóлю!
„[А] выведзь жа мяне су бору:
„А ужо мнє в бару дасла,
„Аб шишкі ножкі пакалола,
„Аб верес вочкі высцебала,
„Расіцай хвосцік змачила!“
Хадзіла N (невѣста) па двару,
Ды прасілася в N (жених):
„[Ды] сякій [жа] ты такій N,
„А выведзь мяне од таткі:
„А мнє вже в таткі дасла,
„Па высокіх кганках ходзючи,
„Залаты[є] ключи носючи“.

— Бытовая, необрядная пѣсня превращает иносказательный образ в дѣйствительный случай:

Дівчинонька по губи (v. гриби) ходила
В зеленому гаю заблудила.

„Гайдарь“ или „козак гільтяй“ берется вывести ее, если она „на нідмову здасться“. Пѣсня кончается тѣм, что „сзвів з ума пъяну, не тверезу“ (Kolberg Pokucie II

---

[1]) Хрещатим, т. е. *крьстьчатымь, от расположенія листьев и побѣгов.

[2]) Мр. луг=батько, Метл. 234, 142, моя статья О связи нѣкр. представл. в яз. Ворон. 1864, 14; Трудно туй галці без лісу темного; Так мні молоденькуй без роду рудного, Сб. п. н. тв. свз. кр. 54.

143 и многіе украинскіе вар.); но по тожеству размѣра и сродству содержанія она соединяется и смѣшивается с другими:

Из за гори буйний вітер віє,
Козаченько пшениченьку сіє,
Сіє, сіє, сіва недоходить,
Дівчинонька з обідом приходить и пр.

и — Ой під лісом вітер дубом носить,
Козаченько пшениченьку косить,
А дівчина дитину виносить . . .

(См. Kolb. Pok. II, 144; Гол. I 106—7; Чуб. V, 346—7; гдѣ *плис*=поль. flis, сплавщик лѣса; в пѣснях Чуб. I 340 и 342 дальнѣйшее смѣшеніе с пѣсн. у Ż. P. P. l. r. II 20, Гол. I 183—4, II 679).

Чертами мр. пѣсни „Д. по гриби ходила“ пользуется вр. (Ст. Оскол.) свадебная, вновь превращающая дѣйствительность в символ:

По грузды ходила, в гаю заблудила.
Ой Федор-свѣт Степановичь коня ищет, свищет,
А Марья-свѣт Ивановна по голосу слышит.
„Ой Федор-свѣт Иванович, да выведи меня с гаю!“
—Ой Марья-свѣт Ивановна, к которому краю?
„Ой Федор-свѣт Степановичь, к батюшкѣ к подворью“.
—Ой Марья-свѣт Ивановна, дорожки незнаю.

Во второй раз невѣста просит вывести „к матушкиным сѣням“ и получает тот же отвѣт; в 3-й раз — „к свекрову подворью“, на что жених: „дорожку я знаю“ (Кохановская, Нѣск. русс. пѣс. 77).

— Как из пѣсень об утонувшей или утонувшем отвлекается для „*утонуть*“ значеніе сгубить счастье, на пр. в несчастном бракѣ, на чужбинѣ („утопити головоньку у чужую сторононьку“); так „заблудити“ получает значеніе погибнуть *для* кого:

Ой де ж моя дружина? . . .
в темнім лузі заблудила,
Тільки знати слідочок од білих ніжочок,
де дружина походила (Чуб. V, 274).

— Мр. п. „Дівчинонька по гриби ходила“ имѣет довольно широкія и, по видимому, древнія туземныя основанія. Нѣт поводов предполагать в ней заимствованіе. Однако едва ли возможно отдѣлить ее от болг. п. того же размѣра, представляющей сочетаніе разсматриваемаго мотива „заблудила“ с XXXVIII, 7 (змѣя за пазухой“):

Дѣвойка є смил по поле бра́ла,
Берешко́м [1]) є в гори замъркна́ла,
Намѣри́ла пет стотѝн хайдуци . . .
. . . Отдале́к ги мома́ братими́ла,
От близо им ръка цѣливала.
Вси хайдуци бра́тимство прии́ха̀,
Ми́лош хайду́к братимство неприя,
Па се моли на я́сно-то сълнце:
„За́йди, зайди, мое ясно сълнце,
„Огрѣ́й, огрѣ́й, ясно месечинко,
„Да поле́гнем дѣвойки на ръка,
„Да и бъркнем у де́сна пазука
„Да извадим дуня и не́раниджа:
„Дуня ке ме на ручак ручати
„И нераниджа вечер вечерати“.

По просьбѣ дѣвицы Бог посылает трехголовую змѣю. Ужаленный между глаз Милошь, лежал 11 дней непивши, неѣвши, на 12-й подкрѣпившись, спросил у змѣи:

„Що ти чинил, та ме толко удри?“

Змѣя: „Да ти кажем, как ке с мома́ да спиш . . . :
„Та мома́ с моя (? твоя?) мила сестра“.

(Dozon 66—7).

Ср. также болг. Лазарскую, Милад. 497, N 610.

---

[1]) Беручи.

XL.

Дівка танку перед водить.

А. Кол. Гол. II, 94.

Ой на Дунаю, близько дороги
В неділю, в неділю рано
Ясне соненько сходило!
Та там коршмонька оріховая
А в тій коршмоньці сім танців ходит
Красна дівонька всім перед водит.

Отец, мать, сестра, брат зовут домой, нейдет; милый зовет —

З танчику вийшла, до дому пішла.

Б. Гол. IV, 92—3:

Там на гороньці, в новій коршмоньці
Играли, играли Угре,
По червоному метали!
Там же ми ходит танок дівочок и пр.

Припѣв указывает на однородность этого мотива с другим „игра в кости, в карты“ (см. ниже). М. б. случайно сочетаніе „Угры — игра“ дважды встрѣчается в Ип. л. под 1150: „Изяславъ же от святоѣ Софьи поѣха исъ братьею на Ярославль дворъ, и Угры позва со собою на обѣдъ и Кияны, и ту обѣдавъ ... и пребыша у велицѣ весельи. Тогда же *Угре* на фарехъ и на скокохъ *играхуть* на Ярославли дворѣ многое множество, Кияне же дивяхутся Угром множеству, и кметьству (s. вм. -ьства) ихъ (удальству), и комонемъ ихъ“ (², 288—9); под 1229: „... Бѣла изнемогаше, и поиде отъ града (Галича). Оставившю же ему люди за собою, оружники многи а фаревники, нападшимъ же на нѣ гражаномъ, мнози впадаху в рѣку ... Яко инде (в Хроногр. Малалы) глаголеть: „Смьртъ рѣка

злу игру сыгра гражаномъ", тако и Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ" (ib. 507—8).

„Ой час би тобі, ма доню, *домі* (домь)"
=домів (=домовь).

В. Чуб. III, 409, „по горі, горі пава ходила", N брала перья, свила вѣнок, пошла в танок и пр.

Г. Гол. IV, 95: Ż. P. I, 11:

„Ой де ж ти бував, воробієньку,
В неділю и пр. (=А).
—Ой бував же я на загіреньку . . .
. . . Ой видав же я танок дівочок . . .
. . . Нема кращої та й від нашої:
В таночку ходит, перед їм водит.
Надійшов ід ній татунё еї и пр.

Этот запѣв ср. с кол. Гол. IV, 70, Стрыйск. окр.

„Ой ззадільскоє соловятойко!
„Ой где ж ти ся ой літовало?
—Літовало-мь ся ой по за море.—
„Що жь сь видало?"—Танок дівочок;
Нема кращчої та від нашої . . .

(слѣдует описаніе наряда).

Вмѣсто „літувало" слѣдовало бы „зімовало". Соловей прилетѣвшій из за гор (ст. русс. *дълг*, серб. *дијел* гора), из за моря видал там то-то, но невидал лучшей . . . В чудесную сторону за морем, куда улетают птицы, переносятся событія здѣшней жизни:

Кабы я была да пташенька,
Палецела бы на море,
Села бы на явори,
Паслухала бы таго,
Як дзеушкі плачуць
Маладого спамінаючи,
А старого праклінаючи.

(Шейн, Бр. п. 120. Это не волочобная, а веснянка).

Другой смысл в вр. хороводных на ту же тему („батюшка кличет" и пр.), Сах. Ск. р. н. 3, 38 (36) и 63

(1—2); „соловей вищекóчет (т. е. „восщекочет“ в архаич. знач. настоящ. вр.)=„дѣвицы играют“.

— В весенних пѣснях разсматриваемый мотив получает смысл противоположенія дѣвичьей воли (отец, мать зовут из танка, дочь неслушает) и неволи в замужествѣ:

а) Кохановская, Нѣск. р. п. (Ст. Осколь. у.) 89—90 (ср. Шейн, Р. н. п. 222, N 76 и Халанскій Р. н. п. Щигров. у. (Р. Ф. В. 1881 г.) 41 (отд. отт.), N 54). Основной размѣр 5+5:

У ворот, ворот трава мурава
( ) разстилалася;
Яль молодешенька разыгралася,
( ) расплясалася [1]).
Шлет [ко] мнѣ батюшка девятерых послов,
А десятаго позыватаго.
Я нейду, нейду, я неслушаю:
Моя пѣсенка недопѣтая,
Мой кривой танок недоволеный,
Мой любезный друг неутѣшеный,
( ), незабавленый.
12—5=1—4. 16 ... Ладушка одного посла
( ) шелковую плеть.
Я пойду, пойду и пр.

Ср. также Кохановъ. ib. 59; Сах. Ск. Р. н. 3, 126 (69); 141 (128); 173 (8) и 190 (16). Послѣдніе двѣ ср. с Колосов, Замѣтки и пр. 177 (Олонец.).

б) Веснянка, разм. 5—3 (Объясн. мр. п. I, Указат.), по словам В. Пасека (Очерки Росс. V, 175—6, 1839 г.) любимая пѣсня харьковских дѣвчат, особенно на Панасовкѣ и Ганчаровкѣ.

---

[1]) Или: (Уш) ды бела заря занималася,
Уш [и] малада разыгралася ...
(Это сравненіе, а не опредѣленіе времени.)
Не ель, (не) сосна раззыбалася
Там N разгулялася ...

Нестановися край мене,
Мій кудрявче, мій кучерявче
Иване! [1])
А в мене милий ревнивий,
Невелить мені радиться
(⏑) Ис таночком водиться.
Прийде неділя, наряжусь
И на улицю (⏑) піду,
(⏑) Дівкам танок поведу.
(⏑) А за мною три посли:
(⏑) Первий посол нагайка,
(⏑) Другий посол шабелька,
(⏑) Третій посол (⏑) милий
(ревнивий).
(⏑) Я нагайку испалю,
(⏑) А шабельку изламлю,
(⏑) А милого упросю . . .

Того же весняночнаго размѣра и сходнаго содержанія серб. Кар. Пјес. I, 180—1:

Играло коло под Видин, под Видин,
„Пусти ме мајко, да видим!“
—Ето ти брата, иди с ним.—
„Нека ми брата, нећу с ним!
(тоже о сестрѣ, отцѣ)
—Ето ти драгог, иди с ним.—
„Нека ми драгог, оћу с ним!

Сходнаго содержанія — хотя старинная, но, я думаю, менѣе архаичная нѣмец. п. (Uhland, Alte H. u. N. deutsche Volksl. I, 81, N 37): весною дочь просит мать пустить на игрище (tom aventdanze), откуда доносятся звуки музыки

(dar ick höre de pipen gan
Und de leven trummen schlan).

Мать сначала непускает одной и предлагает разбудить

---

[1]) Вѣроятно пѣсня начинается с этого или сходнаго припѣва: „Ой вербене (XXXVI, 11, стр. 493), мій кудрявче“ и пр.

меньшого брата, потом отпускает дочь одну. Дочь находит в танкѣ рыцаря, который ее цѣлует.

Нѣмецкая пѣсня приводит на память русскій веснянпочный мотив „дѣвица слышит свирѣль v. гудок.

аа) Веснянка:

Ой та вітер повіває та рожу розхиляє (розвиває?)
По-під воротами свистілочка грає
Мене мати лає, гулять непускає.
Хоч я одкрадуся, та нагуляюся:
Ще я не старая, ще я негуляла,
Ще я молоденька, гуляти раденька;
А як стара стану, гулять перестану,
А як стара буду, гуляти забуду.

(Ср. Українські пісні, СПб. 1863, N 4; Костомаров, Ист. зн. юр. пѣс. тв. Бес. 1872, VIII, 11; Чуб. V, 542—3). В 1-м стихѣ вм. „рожу розхиляє“—„рожа процвітає“ v. „лози росхиляє“. Послѣднее менѣе хорошо. Относительно вѣтра и розы ср.

Стар је војно—трула јаворина:
Вјетар дува, јаворину лула,
Киша иде, јаворина труне;
Млад је војно—ружа напупила:
Вјетар дува, ружа се развија . . .
Кар. П. I, 288.

бб) На улиці дудка грає, Мене мати непускає, Чуб. V, 578.

вв) Гудок, см. „Ой ты утушка лугувая“, Объясн. мр. п. I 235.

гг) Мать невѣстѣ совѣтовала
. . . Неслушай звончатых гуслей!
Эти гусли переманчиваты:
Переманют на чужу сторону,
На чужу сторону и чужому батюшкѣ . . .
(Шейн Р. н. п. 550, свад.).

Так как в нынѣшнем мр. *густи* уже только о голубях, а не о гуслях, как было прежде (Объясн. мр. п. I, 215), то этот мотив превратился в мр. свад. п. в слѣдующій:

„Чи ми ж тобі, Марусенько, не казали . . .
. . . Нейди, нейди до броду по воду,
Та неслухай голубоньків, де рано гудуть:
Вони твоє дівування в поле занесуть,
Вони тебе молодую да израдять,
Од батенька до свекорка переманять
Из дівчини в молодицю (та) нарядять.
(Метл. 135—6).

В такой роли голуби непонятны, а гусли и игрище — да.

XLI.

„Пійшов Йвасенько рано косити",
мать, брат, сестра зовут обѣдать, он нейдет; милая зовет—идет. (Щедр. колядочнаго размѣра, Гол. II 149—52).

XLII.

Рубає Василько та ялиноньку
(Та) на церковцю, (та) на дім Божий,
Рубає, рубає, щелку нестає.
„Додай батеньку (матінко и пр.) срібла, золота!"
Батенько (и пр.) додає, ще му нестає.
. . . Мила додає, уже му стає.
(Гол. IV, 36).

XLIII.

„Перстень згубила".

1. Кол. Гол. II, 74; IV, 85:

Прала дівойка хусти на леду,
На леду, гей на леду, на полединці
На студенейкій водиці!
Хусточки (вм. *у*) прала, перстень згубила.

Отец и пр. ненаходят,

Милейкий пішов, перстенец найшов.
Ліпший милейкий, як брат рідпейкий.

Перстень, как ниже вѣнок,—сама дѣвица. Ср. между прочим вр. свадебн. Шейн, Р. н. п. 469—70, N 18—19 (одна пѣсня): мать невѣсты теряет перстень, мать жениха находит его; но

Не золот перстень нашла,
Нашла себѣ дитятко.

Цѣна перстню—молодец. В лит. п. „дѣвица руки мыла, перстень уронила на дно моря. Чтоб утѣшить ее молодец предлагает ей за перстень коня, волов, двор, наконец самаго себя. Тогда только дѣвица: „благодарю Бога и свою долю; купила себѣ молодца за золотое колечко" Милл. и Форт. Л. н. п. N 35.

В кол. дѣвица роняет перстень в воду, *моючи* бѣлье, чему соотвѣтствует серб. п.

Бјелила Мара дарове . . .
. . . Утопи прстен у море
(Объясн. мр. п. I 73; ср. ib. 70, 213).

То же в сочетаніи с „покатить золотым перстнем" (Объясн. мр. п. п. I, 68, 153, 170—1), а также в сочетаніи с эпитетом дѣвицы „*моря*" — в слѣд. хорватских:

а) Plohl-Herdvigov, Hrv. n. p. 40, близь Виницы, в Вараждинской жупаніи:

Зорја Марја прстен точи,
За градом, за Леградом,
За виноградом! (см. XXXVI, 472 сл.).
Как поточи, се погуби.
„Иди, јочек, прстен искат!“
Ишел је го јочек искат,
Не га нашел, не донесел.
(также мать, брат, сестра)
„Иди луби прстен искат!“
Ишел га је луби искат,
Он га нашел и донесел.
Болши луби, него отец-мајка,
Болши луби, него братец-сестра.

б) Iv. Kukuljević, Dela IV, 195, Топлицы, Вараждж. жупанія:

Мара прстен погубила
Зорја ли је?
Је ли јасна месечина?
Дин да буде.
„Иди, мајка, најди ми га,
Најди ми га, донеси га!“
Зорја ли је и пр.
(Мать, отец ненаходит, милый находит).

Это, по видимому, первообразнѣе, чѣм то, что вр. подблюдной сама дѣвица идет за своим кольцом:

Покачу я колечко кругом города,
Слава!
А за тѣм колечком я сама пойду,
Я сама пойду, мила друга найду.
(Терещ. Быт Р. н. VII, 156; Сах. Ск. 3, 14).

в) Вмѣсто перстня - яблоко (см. Объясн. мр. п. I 55 и указатель, яблоко), Kukulj. Dela, IV, 206, разм. 4+3:

Играле се дивојке . . .
. . . С тими двими јабукај.

Јабуке со згиноле.

„Иди, мајко, најди је и пр.

г) На оборот милый (отождествляемый со святым Юрьем, как выше, XXXVI, 7, 488, с Исусом) теряет перстень. Kukuljev. ib. 249, „Лазарска“, „на Јурјевски крес“ (Вараждин.); Објасн. мр. п. I 224:

Свети Јура крес [1]) наложил
На Јурјеву на вечерју
Димо пошел, перстен згубил.
„Иди, луба, најди ми га . . .“
Ишла луба, је га нашла . . .

Образ „дѣвица (зоря) теряет перстень“ сходен с разсмотрѣнным выше (Објасн. I, указатель: ключ, особ. 94—8, 202—3) „дѣвица (зоря) теряет ключи“. В обоих случаях со сближеніем „зоря—дѣвица, невѣста“ слѣдует считаться не как с личною догадкою толкователя, а как с указаніем самих памятников.

2. Сходный с предыдущим образ литовских пѣсень: „молодец (или три молодца) *снимает* с пальца дѣвицы (или трех дѣвиц) *перстень*, чтоб дать перековать его на шпоры или на подковы, ленты—на повода, вѣнок на корм коню (Juškevič, Lietuviškos dajnos II, N 842, 790, 1017; Leskien u. Brugmann, Lit. Volkslied. u. März. 155 (N 104); Ness. N 388 и 387; послѣдня по началу = мр. поль., Објасн. мр. п. I, 208) ср. с лотышскими пѣснями: „Берегитесь, божьи сыновья, это утро солнце (ж. р.) всходит сердитое: за чѣм вы вчера вечером сняли (с пальца) солнцевой дочери кольцо?“ (Спрог. 310, N 12).

„Три дня, три ночи солнце во враждѣ с богом: божьи сыновья сняли кольцо (с пальца) солнцевой дочери“ (ib. 311, 17). Ср. также ib. 311, 18.

3. *Перстень, три рыболова.*

А. Волочобн. Шейн, Бр. п. 114—5.

. . . Дзеванька

---

[1]) *Крёсови* — ватре, што се ложе у очи Ивана дне, Видова дне, Петрова дне и у очи ђурђева дне. Караџ.

Кубочкі мыла, персценець зраніла.
Туды жа плыли три рыбаловы . . . :
. . . „Закіньце сетку вы шавковую
„Вловіце персцень мой залаценькі!“
—А што ж нам дасі, слічная панна?
(Одному червонец, 2-му шавкову хустку, 3-му правую руку).

Б. Волоч. Безс. Бр. п. 17—8 (25) с запѣвом „птица все видѣла, а такого дива невидала“ (ср. Zieńkiewicz 14, откуда Безс. Бр. п. 73). Слѣдует поправить:

6 А на той рєчце гібка *кладжа*

(вм. *кльтка*, что, по свидѣтельству г. Безсонова, будьто бы значит „плотик, козлы, сходень“)

9 Туды *мі* ішло три рыболовы.
(1-му—хустка, 2-му—перстень, 3-му—сама молода).

„*Кубочкі мыла*“ ср. с лотыш. п. (Спрогис 316, 4; Сб. антроп. и этн. Дашкова, II, N 46):

„Ударь, Перкун, в источник, до самого дна: вечор утонула (в нем) дочь солнца, моя золотыя кру́жки“. (Слав. и нѣмец. представленіе солнца круглым сосудом, чашею, блюдом см. Mannhardt, Lett. Sonnenmyth. 100—1 (Z. für Ethn. VII), Ао. П. В. указатель.

Сходна с русс. одна из немногих литовских пѣсень миѳологическаго содержанія: „Под кленом криница, чистая вода. Туда солнцевы дочери приходят по утрам мыть лицо . . . Когда я умывала бѣлое лицо, уронила колечко. И пришли божьи сыновья с шолковыми неводами, выловили мое колечко из глубины воды“ (Schleich. Leseb. 12, по варіанту Резы).

4. Как выше (XLIII, 1, г), так и здѣсь a priori можно предположить пѣсню, в коей дѣйствующія лица мѣняются ролями: молодец роняет перстень в воду, дѣвица вылавливает. Этот мотив предполагается слѣдующими.

А. Коляд. Шейн, Бр. 46—7:

(Ой) Іван(є) славный пане
(⌣) Повярнув (⌣) сам дамов
Чираз мора, чираз сіня,

Шагнув махнув на коніка . . .
. . . (Да) уранів золат[ы] персцень.
. . . Йвана жана разумная:
Як узяла шавков невод,
Закінула чираз мора,
Ня влавіла золот[ого] перстня,
Ды влавіла трох акунёв . . .
. . . За водного сто рублей,
За другого дві тысячи,
А треццему цаны нет(у):
Яму цана—государь-Москва [1]),—
У Івана на століку,
(На століку) на талероньци;
Яго жана паваричаваіць,
Залатой казной патрахіваіць.

Б. Кол. Шейн, Бр. п. 44. N у моря (звал перевощиков?), махнул рукой, сронил перстень.

„Рыбаловщикі маі мілые!
„Вы закіньце шавков невад,
„Паймайце ж мой золот персцень.

и пр. (как в А). Третьему окуню „цаны нетуці“:

Яму цана—на талерачкі,
На талерачкі, на блюдочкі,

т. е. он так дорог, что быть ему только на блюдѣ перед величаемым?

В. Величанье „на помочах“, Пинега, Ефименко, Матер. по этн. Арх. г. II, 112:

Как по морю, морю синему . . .
Не здунай!
По синему морю, по Хвалынскому

„выплывало 30 кораблей“ „со единым“; на нем N (величаемый).

Уж он стружечки строгал, во сине море бросал,
Уронил с правой руки златой перстень . . .
. . . „Вы друзья и братья, вы товарищи мои!

---

[1]) Стоит города, К ист. зв. IV, 84.

„Вы берите-ко, товарищи шелковы невода,
„Выпе(ва)живайте мой злачен перстень!“

Они закладывают 3 тони, в 3-й „три окуня златоперые“: 1-й стоит 100 р., 2-й 1000,

Третьему окуню цѣны здѣсь нѣт:
Оцѣнщики во славной Москвѣ,
Как закупщики во славном Пинежском городу...
Закупщичек N N-вичь (величаемы);
Дай Бог N-у на житье да на бытье
N-вичу на богачество на большо! и пр.

„Хвалынское море“ указывает на то, что пѣсня вошла в круг тѣх пѣсень, в которых говорилось о Волгѣ („Как по матушкѣ...“), а припѣв „не (?) вздунай“ на то, что прежде в ней говорилоеь о Дунаѣ. „*Вздунай*“ (откуда искаженія „вздунай-наю-най“ (Савельев, Сборн. Дон. н. п. 7), „здунинай“) есть *взз*-Дунай, может быть в смыслѣ „вверх по Дунаю“, т. е. против теченія, а может быть и в другом: *вдаль* по Дунаю, хотя бы и вниз. Плоская даль представляется возвышающейся по направленію к горизонту в названіи открытаго моря „го́ломя“ (Арх.= высокое море, altum mare) и в запѣвах (противоположных началам колядок „Ой долів, долів, долів далеко...“) „*Воз*далече было во чистом полѣ...“ (Савельев ib. 122, 126). „Вздунай“ стало как бы нарицательным удалых пѣсень (ср. ладкати, дидикать, łałaunінks, Объясн. мр. п. I, 31, 29, 20): (козаки на Волгѣ)

Они веслами гребут, сами пѣсеньки поют,
Они хвалят-величают православнаго царя,
А бранят они клянут воеводу,
Что с женою и с дѣтьми и с внучатами:
Заѣдает вор-собака наше жалованье,
Кормовое годовое наше денежное,
Да еще непущает нас по Волгѣ погулять,
Вниз по Волгѣ погулять, *вздунайнаго* воспѣвать
(Савельев ib. 8).

— „*Стружечки струпал*“. Соотвѣтственныя выра-

женія — в мр. колядкѣ „молодец в лодьѣ“ (Гол. IV, 50, 53—4 и др.) о чем — ниже.

Пѣсни Б, В, а в соединеніи с другим мотивом („жена разумная“) и А, суть величанья или пожеланья богатства, в чем заключеніе В неоставляет сомнѣнія.

Г. Я думаю, что упомянутый величальный мотив вошел в состав былины про Садка „гостя богатаго“, у котораго „тридцать кораблей един корабль“ (Кир. V, 41 (Кирша), 34; Савельев Сб. Д. п. 14), который „гулял“ по Волгѣ и по морю „двѣнадцать лѣт“ (ib. 47), который является закупщиком товаров. Возможно, что историческій „Сѣдко Сытиницъ“ строитель церкви Бориса и Глѣба (Новг. I под 1167) или поэтическій тип Садко гость богатый, „удалый молодец“, „Волгской сур“ (Кирша у Кир. V 51) обязан был своим богатством Ильменю, Новгороду, которому принадлежал сам и его „дружья-братья корабельщики“ (ib. 35) и Волгѣ, волжскому „улову“. Былина Кирши представляет подобный факт таким образом, что Волга, в отвѣт на хлѣба сукрой, опущенный в нее Садком из благодарности, передает через Садка поклон брату, озеру Ильменю, а „молодец“ „от Ильмень озера“ наказывает заметнуть три невода в озеро. Три невода рыбы превратились в деньги. Вот откуда богатство, которым хвастает Садко.

О чудесной рыбѣ говорит и подблюдная п., предвѣщающая богатство:

Щука шла из Новагорода, Слава!
Он хвост волокла из Бѣла озера.
Как по щукѣ чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченая . . .
(Терещ. Б. р. п. VII, 158; Сах. Ск. 3, 13).

XLIV.

„Павяний вінок".

1. А. Кол. Гол. II 91; IV, 82:

Ой рано рано куройки піли
Ой а ще раньше Маруся встала . . .
. . . (павы гнала, перья собирала, вѣнок сплетала)
„Дивися, ненько, ци красно буде.

Б. Кол. Чуб. III, 392 (По горі . . . пави ходили, піря ронили . . .)

В. Безс. Бр. п. 14:

Ляцела пава, перья раняла . . .
(Дѣвица свивши вѣнок,)
Да й подарила кого любіла.

С этим ср. коляд. Kolber Lud 233—4:

Pawikowie lecą, strusie piórka ronią
Hej nam, hej!
A Marysia zbiera, wianecek se zwija,
Co jeden uwije, Jasiowi daruje . . .

— Относительно „*пави гнати*" (=пасти, лит. ginti, ganyti, стеречь, пасти) ср.

а) Болг. Лазарская (Каравелов, 205), гдѣ Лазарь, как выше XLIII, 1, г, Юрій,—жених (ср. серб. Лазарица, Кар. Рјечн. s. v.):

Лазар са вози на златна колца,
Из село ходи, Богу са моли:
„Я дай ми, Боже, дребен ми дъждец,
„Трева да расте, паун да пасе,
„Пере да хврга, моми да берат,
„Моми да берат, венци да віят.

б) Серб. Кар. II. из Херц. 235, величанье дѣвицѣ?):

Бисер пасли паунови (ср. XXXVI, 1, Б, 473),
Чувала их ђевојчица . . .
(описаніе наряда)
Гледала је три дилбера

(1-й предпочел бы ея поцѣлуй везирству, 2-й — бесѣдѣ с царем, 3-й — царству. Ср. „Шта би која највољија", Кар. Пјес. I N 447—52).

в) Хорв. Kurel. 294:

. . . Под јабуком трава росте,
Онде Маре паве пасе:
Један пав је за жут дукат . . .
. . . А павница 'е за четири.

г) Пасти павлина—быть дѣвицей, Suš. Mor. p. N 396.

Перья братъ (на вѣнок):

аа) Морав. колядка (Suš. M. n. p. стр. 747):

Na čem pan Bůh sedí, —Ty zlatý holóbky,
Leluja! Až z nich péří litá.
—Na zlaté stolíci Vyběhni děvečko,
Co drží v ručice? Seber to peříčko,
—Ten zlatý bičéček, Uvij z nich věnečky,
Co ním pomrskuje? Rozdej koledníčkům.

бб) Извѣстен старинный образ „*сокол бьет лебедь*" (мое сл. о П. Иг. 11—3, 151—5). Сокол—молодец, жених (соколы—бояре жениха), лебедь на заводи, на морѣ—дѣвица невѣста (Свадеб. п. Гул. Оч. юж. Сиб. 44; Шейн, Р. н. п. 480—1, гдѣ „косу расплету" ср. Сах. Ск. 3, 65; Шейн ib. 560). Смѣшеніе образа лебеди с другим (галка? утка, Сах. Ск. Р. н. 3, 138)—в том, что сокол не бьет, а схватывает, и не на заводи, а „в зеленом саду" (Шейн, Бр. п. 322, N 565); порча образа под вліяніем его значенія — в том что лебедь оказывается „соко́лушкою", подругой сокола (Шейн Р. н. п. 472). В распространенной хороводной п.

Как по морю, морю синему
Плыла лебедь со лебедками

(Сах. Ск. Р. н. 3, 32—3, 54—5; Терещ. IV, 228—30; Варенцов, Сб. п. Самар. кр. 122, Зап. Г. Об. по Этногр.

II, 406) сравненіе (лебедь=дѣвица, сокол=молодец) представлено в видѣ исторической послѣдовательности таким образом, что когда сокол

Ушиб-убил лебедь бѣлую,
Он кровь точил во сыру землю,
... Разнес перья по чисту полю,

то дѣвица „брала перья милу дружку на подушечку". За тѣм „Гдѣ ни взялся (v. мимо ѣхал) доброй молодец" и пр. Под вліяніем мотива „павы гнала, піряя збірала" подобная пѣсня измѣнилась таким образом:

На горѣ, горѣ, на крутой горѣ
Стоит сырой дуб, сыр-зелен-кудряв,
А на том дубѣ сиз орел сидит,
Он дерёт паву, паву рябую;
Он пустил руду по сыру дубу,
Пустил перушки по дубровушкѣ,
Он подбил пушок под крут бережок [1]).
А кому пушок подбирать брдет?
Подбирать пушок красной дѣвушкѣ (NN)
... Шить перинушки ... узголовійца ...

Далѣе—весняночный мотив (ср. Объясн. мр. п. I, 138—44, 177—8):

Когда б я знала млада вѣдала,
Что пойду замуж я за младова ...
Я б в перины перья да прибавила и пр.

(за старого—наоборот).

вв) Как дѣвица берет перья на вѣнок, или шапку пушить молодцу (Таусенная, Терещ. VII, 117—8; Suš Mor. p. 301, N 395); так быть может молодец берет орлиныя перья на перенье стрѣл. Сближеніе этих мотивов, первоначально независимых друг от друга, можно видѣть в том, в былинѣ Кирши про Дюка (Кир. III, 102) в добываньи перьев для стрѣл участвуют дѣвицы:

---

[1]) Ср. кол. Гол. IV, 94: буйні вітрове ... Шайнули вінком під крутий берег ... в глубокий Дунай.

. . . Корабельщики
Собирали перья на синем морѣ . . .
. . . Продавали душам красным дѣвицам,
Покупала Дюкова матушка,
Перо во сто рублей, во тысячу.

Какая то связь между стрѣлой и дѣвицей видна в том, что в мр. колядках пан дает за службу „по ясній стрілці (v. по стрілці-пірці), по красній дівці“.

Той связи стрѣл и павлиных перьев, которую О. Миллер (Илья Мур. 591) предполагает на основаніи упоминаемых в Рамаянѣ чудесных стрѣл, быстрых как вѣтер или крылья Гаруды, глазастых „*как павлиньи перья*“, в славян. п. ненахожу; хотя конечно можно ожидать стрѣл с очами на основаніи сабли „са очима“ воеводы Момчила (Кар. П. II, 107).

— Относительно древности павлина в слав. нар. поэзіи могу указать лишь на то, что Іоанн Экзарх Болг. в Шестодневѣ еще незнает заимствованнаго из лат. имени *павъ* или *павун* (pavo при греч. *τάως*) и называет его „морьскъı пѣтелинъ“ (Шестод. 177).

Изображенія павлина—в Изборникѣ 1073. В припискѣ к Апостолу 1307, Псков. письма — „писалъ єсмь павьимь перомь“ (Соболевскій, Оч. из ист. р. яз. 120).

2. По началу сюда относится хорватская пѣсня (Kurelac, Jačke 296), относимая издателем к старинным. Она и в самом дѣлѣ может быть такова с тѣм ограниченіем, что представляемый ею бѣгмый обзор однородных величальных мотивов (ср. выше стр. 314—5) предполагает ряд пѣсень, в коах эти мотивы являются порознь:

З чијега ми двора павенке ван 'злиђу?
З Маринога двора павенке ван 'злиђу.
Чије ми је поље пшеницом сијано?
Марино је поље пшеницом сијано.
Чија ми је гора с вином обсајена?
Марино је гора с вином обсајена.
Пред чијом је хижом трња до колена?
Кй трње прегази, он Мару достане.

Јуре га прегазил, и он Мару достал,
Он је Мару достал и пан ми је постал.

„Павы вылетающія из двора“ предполагает дальнѣйшія черты: роняют перья, дѣвица вьет вѣнок и пр. Пшеница (т. е. ожидающая косаря) см. XXXVI, 11. Гора, обсаженная вином (которое стережет дѣвица) см. XXXVI, 1, Ж. Двор „обтернений“ см. Объясн. мр. п. I, 119, 168, 222.

Сюда же и хорв. п. Kurelac Jačke, 1:

Пред чијом ми хижом бӣле роже цвату?
Пред Јулином хижом (бӣле роже цвату).
Пред нѣзином хижом снӣга до коленка:
Ки он снӣг прегази, он ће Јулу достане.
Јве снӣг прегазил, он је Јулу достал.

Розы (стеречь) см. XXXVI, 8.

На оборот против ст. 5 — 6, дѣвицѣ перебрести снѣг—выйти за муж, а так как снѣг (как и мороз)—горе, то — выйти за нелюба:

Снијег паде о ђурђеву дану,
(не в пору, против ожиданія),
Неможе га 'тица прелетјети,
Дјевојка га боса прегазила.
За ном братац папучице носи
(облегчает горе участіем):
„Јел' ти сејо по ногама зима?“
—Није мени по ногама зима,
Већ је мени по мом срцу зима;
Ал ми није са снијега зима,
Већ је мени с моје мајке зима,
Која ме је за недрага дала.

(Кар. П. I, 220).

XLV.

Вѣтер уносит вѣнок.

1. *„Ліпший милейкий“* и пр.

А. Хорв. Plohl-Herdv. Hrv. n. p. 40, Вараждин. Запѣв „птица видит“.

Фтице су се споминале:
Кам пак бумо ми летеле?
Ми пак бумо в чрну гору.
В чрни гори јогнец гори,
Кре јогнеца коло плеше.
Ва тем коли дјевојчица,
Лепи вјенчек ји на глави,
Спухнул ветрек, јоднесел га.
„Иди, јотец, донеси га!“
Ишел јотец, ће га нашел,
Ће га нашел, ће донесел.

(Также мать, брат, сестра)

„Иди, љуби, донеси га!“
Ишел љуби, је га нашел,
Је га нашел и донесел.

Б. St. Mažuranić, Hrv. n. p. 191:

Спроиграла ј' *оресница* (?),
Липа млада дивојчица;
Тој дивојки Маре име,
На глави јој златна круна.
Пропухнул је тихи ветар
И однесе Мари круну.
Ал говори липа Маре:
„Ки би мени круну нашал,
„Његова бим љуба била“.
Нашал ју је чрни моро:
На срп траву прежинао,

На пал [1]) воду преливао
И нашал је Мари круну.
Ал говори лиша Маре:
„Волила би с' утопити,
„Нег морова љуба бити!“

B. Вр. хороводная, Шейн, Р. нар. п., 193 (138), Туль. г.

Стой ты, моя роща, стой ты зеленая,
Стой, неразцвѣтай! (2)
Стой, мил короводец, стой развеселый,
Стой, нерасходися! (2)
В этом короводѣ, в этом развеселом
Молодец гулял, (2)
Скакал и плясал, таночек водил.
„Водил я таночек, сронил я вѣночек
„Против батюшки:
„„Батюшка, поди, родимый поди
„„Со мной походи, вѣнка поищи!““
„Батюшка пошол, родимый пошол,
„Вѣнка ненашол.
„Все горе мое, гореваньице,
„Сердечко мое занывчатое,
„Занывчатое, разрывчатое!
(тоже сначала о матери и пр.)
. . . Дѣвушка пошла, красная пошла,
Вѣночек нашла.
Вся радость моя и весельице!

Эта пѣсня и другія хороводныя, в которых молодец кладет на плечо или на голову дѣвицы вѣнок и выкупает его гривнами, конем, соколом, молодцем (собою) (Гул. Оч. ю. Сиб. 68, 70—1) кажутся только обычными противнями пѣсень, гдѣ тоже говорится с соотвѣтственными измѣненіями о дѣвицѣ. Вѣнок есть первоначально сама дѣвица, откуда *я* пытался объяснить происхожденіе *сл. вѣно* из *дати за вѣно*, т. е. за вѣнок, за дѣвство (Моя замѣтка

[1]) Итал. paiuólo, котел (?)

К статьѣ Аѳанасьева „Для археолог. Русс. быта“, Древности, Тр. Моск. Арх. Общ. I 230—2, 236—8).

— В болг. п. (Милад. 472) дѣвица сама пускает свой зеленый вѣнок на Дунай, поручая ему плыть ко двору юнака и даться в руки только ему, а не его отцу, матери и пр.

2. *„Павляний вінок; три риболови“.*

А. Кол. Гол. IV 83:

Ишла Ганнуся рано по воду,
Ой рано, ой рано, рано,
Барзо раненько на зорях!
... Ой на ней вінець, що есть з трёх квітець [1]).
Десь ми ся взяли буйни вітрове,
Звіяли з неї золотий вінець,
Занесли ёго на тихий Дунай ...
... „А риболовці, всі три молодці!
„Сідайте же ви в золотий човен,
„Привезіть міні золотий вінець ...
„Єдному буде золотий вінець,
„Другому буде золотий перстень,
„Третёму буде сама молода,
„Сама молода а як ягода ...“

Б. Гол. II 85:

Ой у садоньку павоньки ходят,
Ой дай Боже!
(Дѣвица собирает перья, вьет вѣнок)
„На голов кладе, ци подобен буде“

(приличен, красив). „Буйні вітрове, шайні дождже“ заносят в Дунасц. „Три риболове, панскі синове“ спрашивают: „А що ж нам буде за *переємець?*“ [2]) — одному хустка, 2-му перстень, 3-му сама молода.

---

[1]) Архаич. род. мн. м. р.

[2]) *Переѥмъ*, род. *переѥма*—древній юридич. термин: вознагражденіе поймавшему, на пр. „аже кто переиметь чюжь холопъ ... то имати ѥму переѥмъ гривна кунъ“ и пр. Русс. Пр. по Син. сп.

В. Гол. IV 94. По началу = Б. „Павляний вінок, чистий барвінок“ ... „Три рибареве панскїй слуги“ и пр.

Г. Гол. IV 124. Ой рано и пр. (XLIV, А) „за пересмець“—хустка, „срібна иглица“, сама.

Д. Чуб. III, 300 А („закиньте шовковий невод“); 301—2, В, Д, Е („шальні дощечки“=шайні дождженки), 303—5, И—М; 303, Ж—З: Сосна золота рясна, А на тій сосні золота квітка, N квітку зірвала и пр. (=XXXIV, 1, М, 459; Объясн. мр. п. I, 157).

Е. Шейн, Бр. 113—4:

Лящела пава ... роняла перря пазлоцістые ... З молодца отнимают вѣнок, дѣвица 1-му перстень, 2-му „пярловы вянок“, 3-му „правую руку“,

Аднаму я буду суседачка,
Другому я буду нявестачка,
Треццему буду я міла жана.

Ж. Шейн ib. 114: Вѣтры вѣнок в море. „Сустрела ... „Трох рыбаловов, да трох жаніхов“...

З. ib. 115—6: Пава роняла перря залацістые ... Панна ...

Шла у таночик, похвалілася:
Ніхто нізнімець пярлова вянка ...
Ветры павеюць, вянка нізвеюць,
Дажджи пайдуць, вянка нізмочуць.
Откуль узялісь буйные ветры и пр.

И. Зап. Г. Об. по Этн. V, 91; Безс. Бр. 18, N 27, как купальская пѣсня с началом другого размѣра: „Купалочка, гдѣ твоя дочка“ и пр.

К. Вр. волочобная, Шейн, Р. н. п. 391—4, Псков. г. На заимствованіе указывает „*добры* дожди“ (вм. дробны).

Ой рано, рано солнце играло ... (пава ... „злат вѣнок—золоты перья, вѣтры, 3 рыболова сѣткой поймали“). Сюда приставлен мотив XLV, 1, А, В: „Иди ты батька вѣнок принеси“. Отец хочет выкупать у рыбололовов вѣнок конем, мать — платком, брат — коровой. Тогда сама

дѣвица предлагает 1-му перчатки, 2-му платок, 3-му кольцо („то миленькій мнѣ“).

— Перья „*позлотистыя*“. Золотистый отлив павлиньих перьев роднит вѣнок из них с золотым вѣнцом (XLV, 1, Б), вѣнцом из золотой рясы чудеснаго дерева (XXIII) и золотою квіткою. Ср. также Гол. IV, 448:

Сомяний капелюшок павами вбтичений,
Здає ми ся, мій милейкий, що *позолочений*,
—
Як на павойці *золоте пірце*, так на дівойці коси;

Жадна невістка та й незазнала при свекрові роскоши (Гол. III 156), т. е. пока вѣнок и косы, до тѣх пор и счастье. Отсюда „волочить, мести павлиньим пером“ (см. выше стр. 124, 127—8), потому что оно золотое.

— Вѣнок, как и перстень,—сама дѣвица, ея дѣвство, которое дѣвичьей гордости кажется *вѣчным:* вѣнка вѣтры несвѣют (вар. 3). Ср. в свад. (Зап. Г. Общ. по Этн. V, 163):

... Вяночик з белоï лялеï
Што ні ветрик его незвее,
Ані сонце его незсуше,
Ані дожджик (его) незмоче: [1])
Ветрик павее—лялее [2]),
Сонце пригрее—ён спее,
Дожджик прикропе—зеленее.

Но на дѣлѣ вѣнок легкій, как павлинье перо. Ср.

Як білий каменец на верха сплине,
Лехке пірейко на спід упаде,
Втоди сестрице гостём в тя буду
(Гол. II, 55).

---

[1]) М. б. это случайное совпаденіе, но все таки можно замѣтить, что сходными чертами изображена вѣчность Олимпійскаго жилища богов (Одуя. VI, 42 сл.):

Οὐλυμπόνδ' ἕθι φασὶ θεῶν ἕδος ἀσφαλὲς αἰεὶ ἔμμεναι, οὔτ' ἀνέμοισι τινάσσεται, οὔτε ποτ' ὄμβρῳ δεύεται ...

[2]) Блестит (мое Сл. о П. Иг. 95—7).

Як павине пірья на спід потоне,
А млиновий камінь на верх изпливе . . .
Ой ідіт, сестри, краєм Дунаєм,
Найдете собі золоте перо,
Пустите ёго в Дунай та на дно;
Як тоє перо на дно утоне,
Тогда ж я до вас в гости[ну] приїду
(Ż. P. II, 54).

Связью между этим пером и хмѣлем в лѣтописном „оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть грязнути (тонути)“, Лавр.[2] 82, служит жребій Садка „хмѣлево перо“ (Кирша, у Кир. V 42).

Нѣм., шотланд., швед. и финскія параллели к этому („когда почернѣет лебедь и побѣлѣет ворон“, „когда всплывет камень и потонет перо“) см. Uhland, Schriften zur Gesch. der dichtung III, 217—8.

Поэтому вѣтер и Дунай (Чуб. IV 124) уносит этот легкій вѣнок; не он, а „біле білування“ замужней женщины есть „вічне покривання“, что „ні вітер ёго незвіе, Ні сонце ёго неспале, Ні дрібен дощик незмоче“ (Чуб. IV, 366—7).

Видоизмѣненіе этих мотивов — в хорв. п. (Kurelac Jačke 65 и 56), по размѣру примыкающих к болг. (Объясн. мр. п. I 210):

Дала ми је мати бели град зидати
На високом брйгу, на тихом Дунаји,
З кога будем вид'ла мој венац зелени,
Кад ми буде плавал по тихом Дунаји.
„Рибари, рибари, на тихом Дунаји!
„Јесте ли ми вид'ли мој венац зелени,
„Кад ми је одплавал по Дунају долй?“
—Видили га јесмо, вхитили га нисмо.—
„За что ми га нисте назад повернули?“
—Не би ти га могло триста јаничаров,
Не да б' ти га могло нег нас трих рибаров!—
„Мој венац зелени воде су разнесле,
Мој венац зелени ветри разпухали.

Мој венац зелени магле размаглиле [1]).
Плачи мене, мати, под бѝлом крпицом [2])
Кад ме нѝси штила под гјунгја-партицом,
Под гјунгја-партицом, под зеленим венцем.

Гјунгја-партица — мр. джунджковий, перловий вінок (Метл. 332) von perlen ein krenzelein (Uhland, A. Volksl. I 58, 76). *Парта* (хорв. слов.) лента протканная золотом, с нѣм. *borte*, limbus, фр. bord (Matzenauer).

— Трем рыболовам (за то что вытащат утонувших братьев) одному рубашку (v. рукавицы), другому шелковый платок (v. парус), 3-му—сама — в лот. п. Спрог. 1—2.

3. „*Хто вінок пòйме, той мене вòзьме*“. *Молодец* доставая вѣнок *тонет*.

А. Кол. Чуб. III, 301, Г.

По горі горі павоньки ходять . . .
(вѣнок . . . вѣтер . . . Дунай, как выше)
„Котрий молодець зловить мій вінець
„То той со мною піде у танець“.
(Два молодца тонут, третій доплывает).

Б. Необрядныя пѣсни, в коих главный момент—гибель молодца. а) Гол. 1, 74. Пішла дівчина рано до млина. б) Метл. 19 „Піду [я] в садочок, [да] вирву листочок. в) Чуб. III, 115—6, „По саду ходжу, виноград саджу“. г) Kolberg, Pieśni l. Polsk. 195 сл., 206—7; д) Юшкевич, Лит. свад. н. п. N 77; Lietuviškos dajnos II, N 807 и 839; е) id. Liet. d. N 516, 662. ж) Lieskien u. Brugmann, Lit. Volkslied. 140—1, молодец моет руки роняет кольцо, доставая сам тонет. „Некажи коню, що утопился и пр.“; з) ib. 42, N 67, ст. 8 (=16) слѣд. Дѣвица мыла руки, уронила перстень, три молодца и пр.

Мр. варіанты, примыкая к колядкам, отличаются от них развитіем мотива „утонуть—жениться“:

---

[1]) Он разсѣялся туманом.
[2]) =білее завивајло мр. свад. п.

б) ... Некажи, ко́ню, що я утопивсь,
А кажи, коню, що я оженивсь: [1])
Ясні зірочкі, то—світилочки
(п. ч. „світилка“ в поѣздѣ молодого — дѣвица со свѣчою, Метл. 186, как и зоря (звѣзда)—дѣвица);
Чорні хмарочки, то—свашечки
(п. ч. свашки — замужнія, „покрытыя“; ср. поль. свад. п. „Przykryło się niebo obłokami, Przykryła się Marysia rąbkami“);
... Круті береги—бояре мої
(как оберегатели, в силу сближенія *берег* (как „крутий“) [2]) и *берегу*, нѣм. *berg* и *bergen*, verbergen, hinter dem berge halten, держать в безопасности, в тайнѣ, Grimm, Wb.);
Холодна вода да то молода
(вода и в других пѣснях мр. серб.—дѣвица),
Сирая земля то ж мати моя,
То ж мати моя мене приняла.

Малорусскіе варіанты, подобные приведеннымъ, по моему мнѣнію, послужили первообразами для польскихъ. В послѣднихъ болѣе первообразный размѣр—5+5, откуда 6+6 (Kolb. l. c. 200, мр. вар. а), производный размѣр—(4+4)+5.

Относительно содержанія ср. слѣд.

Pójdę do lasku, natnę chróściku
... Zrobię ogródek ... nasieję ruteczki
... Zrobię trzy wianeczki ... (200)
... *truty*—ruty (204), т. е. *крутої* рути ...
= б) Піду я в садочок да вирву листочок

---

[1]) Этот мотив и в новогреческих п., Liebrecht, Zur Volkskunde 178, 198.

[2]) Серб. *бријег*, холм. В хорв. п. *брâг* гора, противополож. с *драга*, долина (откуда общесл. знач. *via*): Да би се тој гори брки (=„гране“, вѣтви; о *бѣркъ*, К ист. зв. IV, 72), А високи брйги с драгом поравнали ... Да би си ја вид'ла к мојему милому, Kur. Jačke 308.

Да зовью віночок, пущу на ставочок . . .
. . . Z tamtej strony jezioreczka jadą rycerze
(=panowie, żołnierze, ułani)
= По одній боці плинут віночки,
По другім боці ідут паночки . . .
. . . A jak stąpnął jedną nóżką, po pas utonął,
A jak stąpnął drugą nóżką, wszystek utonął.
„A biegaj że siwy koniu z siodłem do domu,
„Nie powiadaj ojcu matce, żem ja utonął,
„Jeno powiedz rodzineczce, żem się ożenił . . .
= в) Ступив ногою—по пояс в воді,
Ступив другою—да й з головою.
„Ой біжи, коню, з сідлом до дому,
„Не кажи, коню, що я втопився,
„А кажи, коню, що я женився . . .

Во всѣх польских варіантах, как и в мр. есть черта вытекающая из этого сравненія: вода—невѣста на пр.
Gorzka-ć moja pani młoda: piasek i woda,
Gorzkie moje starostowie—w wodzie rakowie
= Я взяв жоноху—чисту водоху,
Збирав сватове з мора ракове (е)
v. Мої сватове в воді ракове (а).

В нѣкоторых из вышеупомянутых литовских пѣсень на южнорусское вліяніе указывают черты, как „gilùs Dunojelis“, глубокій Дунай, „kazokelis“, козак. Впрочем эти пѣсни не переводы (кромѣ немногих стихов, на пр. ж): Nesakyk, žirgeli, kad jaunas asz nuskendau, Tik sakyk žirgeli, kad jaunas ženyjûsi=Некажи, коню и пр.).

В том же вар. „Морская щука то моя невѣста“ и пр. Ср. лотыш. (Сб. Дашк. II, N 414) в коей щука (как жених) схватывает и уносит вѣнок дѣвицы.

4. Господствующій в мр. п. размѣр $^2[(4+4)+6]$ служит нерѣдко формою относительно-новаго содержанія. Так и здѣсь за относительно позднюю и отдаленную от вышеприведенных пѣсень варіацію мотивов „молодец тонет“, „три рыболова“, можно считать

а) Семейство пѣсень Гол. I, 228; III, 133; Метл. 18; Чуб. V, 371, незаключающих в себѣ черты „Ой засвіти мила свічку“ и тѣм отличных от пѣсень на тему „Геро и Леандр“ (Объясн. мр. п. I 196—8):

. . . Ой Василя, Василечка тихий Дунай носить,
Його мила чорнобрива рибалочок просить . . .

б) Метл. 462, „Запив чумак . . .

. . . Ой як пішов дорогою доленьки шукати,
Та незнайшов щастя й долі, знайшов сине море

(тонет, мать просит рыбалок и пр.).

в) Доля тонет (как в лотыш. п. Лайма тонет, Спрог. 305 (9), 307 (20), Костомар. Ист. зн. и пр. (Бес. 1872, XI, 53): „риболовці . . . закидайте невід . . . Та піймайте долю мені молодому.

XLVI.

Обрѣтеніе честного креста (1).

Внѣшнія, христіанскія, ассимилируемыя данныя, это:

а) Обряд водосвятія с погруженіем креста и сказаніе о крестном древѣ (выше стр. 233 сл.), откуда крест представляется плывущим, как вѣнок пущенный или унесенный вѣтром на Дунай:

Ой на річці на Ордані
(Ой) там хрестик виринає,
Виринає промовляє:
„Возьміть мене на рученьки,
„Понесіте до церковці,
„Положіте на престольці (Чуб. III, 441).

б) Сказаніе об обрѣтеніи креста Еленою, которую (см. выше 437 и ниже) в кол. замѣняет *газдиня, чесная жона* или *панна*. Сюда, быть может, примыкают черты: „Василева мати ... чесний хрест держала“ Чуб. III 446; Марія „три крижики тримала“ Гол. IV 526; болг. „Прошета света Недѣля Со честни кърсти во рака По край Йордана рѣчица ...“ Безс. Кол. IV, 226.

в) Сказаніе о вознесеніи честнаго креста: „Тако повѣдають ... яко недошле (=-шьлъ) Цариграда (крестъ), егда обрѣтене (=ѥ), възнеслъ ся на небеса; тако зовуть мѣсто то „Божіе Взнесеніе“, Вираш. Кюр., Калайд. Пам. 179—80. Вознесеніе на небо в щедр. под а) представляется перенесеніем в церковь. Ср. Kolb. Pok. I, 137, гдѣ вм. „wyriwnani“ слѣдует читать „виринає“.

Как ассимилируются эти черты, на это отвѣчают колядки Гол. II, 49 (16), 612 (53), IV, 32 (4); Свидницкій, Великдень у Подолян, Основа 1861, XI—XII, 64. „Три

святії“ (v. „черцеве) „воду святили“, „хрест загубили“ (ср. XLIII). Как в кол. XLV, 2, дѣвица, потерявшая вѣнок, говорит:

„Ой помагай Біг, три риболови!
„Чи нестрічали, чи неспіймали
„Павъяний вінок чистий барвінок?
...—Та що ж нам буде та за перейми?
... „Золотий перстень з білого пальця;

так здѣсь святые обращаются к нашедшей:

Помай Біг, май Біг, гей газдинонько!
...Ой ци ненайшла золотий хрестик?
—Що ж мені буде за переємець?
„Срібний перстенець, три служби нови
(Г. II, 49, 612), или
„Будем за тебе Бога просити и пр.

XLVII.

Дівка „біль білила“. „Пречиста ризи прала“.

1. „*Біль білила*“ с подчиненіем формулѣ „*ліпший милейкий* и пр.“.

А. Щедр. Чуб. III, 470:

У (на?) крутому бережечку
Ой в тихому Дунаєчку
Там дочечка біль білила,
До батечка листи писала (слала?):
„„Приїдь, приїдь, мій батечку,
„Забери собі біль біленьку . . .
—В мене коні нековани,
В мене сани поламани.

(тоже матери и пр., забирает милый).

Б. Кол. Чуб. 320:

За горою високою
Там дзвін дзвонит, місяць сходит

(N „біль білила“ и пр.).

В. Гол. II 152—4, IV 86 („біль загубила“); Чуб. III, 469; Kolberg Pokucie I, 136 („лён білила, личко мила“). Дѣйствіе происходит не на Дунаѣ (А), а „на воді (річці) на Гордані (Ордані)“, гдѣ „светили воду два (три) ангела“. Эта черта внесена сюда из пѣсень как XLVI, XLVII, 3 и других о крещеньи. Таким образом—Ордан вм. Дуная или безыменной воды и в свад. п. указывающей на обычай, едва ли христіанскій (Объясн. мр. п. I, 147—8): „Дружба ставит на дворѣ ведро с водою, в которую молодой бросает серебряную монету . . . староста . . . прежде сам моет себѣ глаза, за тѣм и молодые моются. При этом поют:

На Ордані сьме были,

Там ся молоди мыли,
В пазушки ся втирали,
Бы ся шановали.

Жених и невѣста утирают лица друг у друга в пазуху рубашки (Гол. IV 410, у Лемков).

Г. Чуб. III, 470 (38). Неумѣлое примѣненіе того же мотива к молодцу: „Семен біль білив“!

„Біль“ — сама невѣста (Объясн. мр. п. I 139—40, 177—8). Связь с предстоящим замужеством в том, что это это бѣлье — дары жениху и поѣзжанам, серб. *дари*, *дарови* („слажи (мајко) моје *беле* даре“, Кар. II. II 22). Приготовленіе их (пряденье, тканье, мытье) есть занятіе невѣсты (Кар. II. I 29; ср. Одисс. VI 25 слѣд.). Ср. выше XLIII и вр. свадебн. Коханов. Нѣск. русс. пѣс. 80; Сах. Ск. Р. н. III, 127—8:

На синём, синём на́ морѣ,
На бѣло́м, бѣлом камени [1])
Там Настасья дары мыла
(у Сах. „тонки полотняные)
Там Васильевна шитые.
Мимо тут ѣхал Иван-от свѣт . . .
. . . „Да Бог помочь, Настасья, тебѣ . . .
. . . „На бѣлом камнѣ стоючи,
„На синем морѣ моючи.
„Пристояла ноги рѣзвыя
„Что от камня от бѣлаго;
„Примахала руки нѣжныя
„От валечка́ кленоваго.
(Сах. Пристоялися скоры ноги,
От камня от бѣлаго,
Примахалися бѣлы руки,
Приломалися золоты кольцы).
—Непечалься Иван-от свѣт . . .

---

[1]) „Ой на морі та на камені“—начало мр. свад. п. Чуб. IV 75, Метл. 128.

Ой еще я не твоя,
А еще я батюшкина

(за тѣм пѣсня повторяется с окончаніем: „Попечалься . . . Ой теперь я, теперь я твоя“ и пр.).

2. Ассимилируясь с XLIII, 3 и XLV, 2, вышеразсмотрѣнный мотив является в такомъ видѣ:

Кол. Чуб. 300, Б, Ковель. у.:

Прала Параска шовкове хустте,
На лёду, гей же на лёду,
На тихесейкум Дунаю!
(⌣) Загубила шовкову хусту.
(⌣) Зобачила три невуднички:
(Ой) ви-те-ж мої три невуднички,
( ) три молодчики!
(⌣) (Ви) [за[тягніте шовкову хусту“.
—Що ж ти нам міниш, красная панно?
Єдному міна—шовкова хуста,

(Другому—перстень, 3-му—сама).

3. *„Пречиста ризи прала“*, вѣтры уносят их на небеса.

Для объясненія происхожденія этих колядок нужен слѣдующій мотив:

Вѣтер (v. орлы) *уносит Христа Младенца на небеса.*

α) Милад. 33, „велигденска“: среди святых—„сестра Марія

Со Риста-Бога на ржце.
Суздай се ви'ор от небо,
Да й го зеде Ристоса.
Викна Маріа да плачит . . .

Святый Николай ее утѣшает (см. ib. N 33, гдѣ возносят Христа два облака).

β) Кол. Гол. IV, 22 (N 28), Сяноц. окр. и II, 42, N 8.

. . . Колысала го (Божее дитя) Божая мати.
Уколисала, твердо уснула (ср. XXXIV, 1, Ж, стр. 458; XXXVI, 1, стр. 472).

Прилетіли к ній вірлове птаси
Взяли дитятко аж на небеса.
Божая Мати пробудилася
. . . зажурилася (Два ангела ее утѣшают: „юж наша душка у Бога служка“).

А. Чуб. III, 443—4, Д, Е; Терещ. VII, 65—6.

„Пречиста ризи прала, свого сина сповивала“. 2 ангела взяли *его* на небеса,

Усі небеса растворилися,
Усі святиї поклонилися.

Б. Щедр., обычный вар. в вост. мр. Ср. Чуб. III, 442, А.

Ой на річці на Ёрдані
Там Пречиста ризи прала.
Повісила *на ялині* (=на кедрині)

(вліяніе сказанія о крестном древѣ; отсюда, по созвучію, припѣв этой щедр. „На калині, на малині!“). Два ангела уносят ризы на небеса. „Всі небеса растворилися“ и пр.

Д. Кол. „господині“ (Пречистая — мать, хозяйка), Чуб. III, 329. „На тихім Дунаю, під крутим берегом
Там господиня ризи білила . . .
. . . Ой де ся взяли буйниї вітри,
Та взяли ризи аж під небеса
Же небеса (ся) розтворили,
А тоті ризи сам Господь убрав.

Е. Мать — ластівка („Своя мама попібъе — як ластівка гніздо вьє“ (т. е. нѣжно, любовно), Гол. III, 141; „жіночка, як ластівка, буде ся просити“, ib. 239; „матінко — ластівко“, Костом. Ист. зн. и пр. Бес. 1872, X, 36). С другой стороны есть купальская пѣсня (Кост. ib.; Чуб. III 199—200; Пасек, Оч. Рос. I, 101):

Ой на купала, на Ивана
(Та) купалася ластівочка,
Та на бережку сушилася.
Дівка Маръечка хвалилася:
„Що в мене коса до пояса,
„Що в мене личко як яблучко.

Отсюда аа) Щедр. Чуб. III, 442, Б:

Що на́ Дунаєчку на бережку
Там ластовка да купалася;
То не ластовка, то матер Божа

(ризы прала, повѣсила на кедрѣ, 3 ангела унесли на небеса в церковь).

бб) Кол. Zieńkiewicz, P. gm. l. Pińsk. 26:

А на синюм мори да на каменю
Да купалася ластувонька

(Панна сказывает матери про это диво, та объясняет, что это – Пречистая, „прала вона ризи Ісусу Христу“ „ік Божому Рожеству“

А Божому сину ік Василю.

вв) Кол. Гол. IV, 64, дѣвицѣ:

Пішла Аничка рано по воду
В неділю, в неділю рано
Зелене вино саджено (см. XXXVI, 1, А)
Ой пішла она з двома ведерці,
В єдно начерла, з другим ся вергла,
Вергла ся борзо до матіночки:
„Виділа ж бо я дивноє звіря (стр. 323, 325, 335),
„Дивноє звіря, ластівляточку!
—Не є бо тото ластівляточка,
Але є ж бо то Божая Мати . . .
. . . Ризочки прала, на камінь клала;
Десь ми ся взяли буйни вітрове,
Буйни вітрове, дрібни дожджове,
Шайнули ж они Божиї ризи
Та занесли ми опріч далече

(„аж перед церков“ (=небо), гдѣ сам Христос служит, а величаемая „на службу носит . . . Бога просит . . . за вітця за матку, за всю челядку“).

В эти унесенныя ризы облекается Христос или святые (Чуб. III, 443, Г; 449 (11).

Ж. Под вліяніем колядки хозяйкѣ гдѣ *„реміснички . . . ладят* (ей) червіи сафіяи, дорогу шубу . . . дорогий за-

вій“ (Гол. IV, 33–4; II, 47), пѣсня о ризах получает такой вид:

Ой в сёму дому так як у раю:
Щедр. в., д. в.,
Добр. л. на в. вечер!
Та стоять столи все тесовиї,
Та горять свічі все восковиї,
Та сидять кравці все молодиї,
Та ткуть ризи все золотиї.
Пошили ризи та й повішали
Та на дереві, та на терені;
Де узялося та три янголи,
Понесли ризи та у церковцю
Положили (зложили?) ризи та на престолі.
А де взялося та три попики
(Та) стали вони убератися,
Убератися, наряжатися
(Та) стали вони [та три] служби служити:
Що перва служба [та] за хазяїна,
А друга служба [та] за ёго жінку,
А третя служба за ёго діток.

(Алексѣевка, Александр. у., запис. И. И. Манжура. Ср. Чуб. III, 480).

— Ставя мотив „Пречиста ризи прала“ в такую связь с XLVII, 1, и считая его производным, я нахожу невозможным непосредственное примѣненіе к нему миѳологических объясненій, между прочим и тѣх, которыя предлагает О. Ѳ. Миллер (Оп. Ист. обозр. Русс. слав. I, 1, 30–1): „что касается до мытья небесною дѣвою своих риз, то такою ризою могла представляться багряная полоса зари, края которой как бы омываются в росѣ утренней“; „вознесеніе младенца“—„утреннее вознесеніе солнца“; „два ангела“ — „двѣ (миѳич.) птицы“ „разносившія солнечныя лучи“.

Что до мотива „біль білила“, „хусти прала“, который я считаю относительно первообразным, то замѣчу слѣдующее. Конечно, пѣсни относящіяся сюда дают мало осно-

ваній видѣть в мытьѣ бѣлья что либо, кромѣ самого мытья; но примѣненіе этого мотива к величанью дает возможность предположить, что в нем могли нѣкогда заключаться черты, возвышающія его над будничною дѣйствительностью. По этому, может быть, ненеумѣстно сопоставленіе этого мотива со слѣд. лот. пѣсенькою, которую „поют пастушки, когда солнце прячется за облака“ (Magaz. der Lettisch-Literärisch. Gesellsch. XIV, 2, 193, Краслав):

Saulejtie mamienia
Spigielo, spigielo! [1])
Swid małnus krakłus jurenios, [2])
Wileis [3]) bóltieniùs (?)
Lej wielej [3]) juru miejtas
Ar sudobra wolejtias
Lej kaczoj az załta kaczołkanis [4]).

[1]) Ср. *spîgula* блеск, *spigulôt* блестѣть: saule aizspîgulo kupłus debešus, die sonne tritt hinter dichten wolken hervor (funkelt sie weg. Ulm.).

[2]) Солнце-матушка бросает грязныя сорочки в море.

[3]) *welêt*, прать пральником (вальком), мыть.

[4]) Пусть моют морскіе дѣвы серебряными вальками, качают на золотых качалках.

4. Дѣвица „*сукню зросила*“. Кол. Гол. IV, 69, Станисл. окр.

Запѣв: „Тутка дівочка чорнобрівая, Що красно ходит що борзо робит“ ср. с запѣвами серб. кралицких п.: Овде нама кажу мому неудату и пр. (Кар. п. I 98 слѣд.—107).

„Кречная панна . . . сукню зросила,
Ой на ню ненька та й посварила.
„Ой нене, нене, несвари ж мене!
„Блисне сонічко а в оконічко
„Шнури розвішу, сукню висушу,
„Сукню висушу, ще краще зряшу

(увидят гости (купцы) Армяне, будут покупать, сватать).

5. Сходный мотив с комическим оттѣнком входит в „Меланку“ Гол. IV, 144—9; Чуб. III, 469.

Наша Меланка . . .
На камені ложки мила,
Ложку тарілку упустила.
Ложки тарілки досягала,
(⏑) Тонкий фартух замачала.
„(⏑) Повій, вітру, скрізь ворота,
„Висуши фартух краще злота,
. . . (⏑) Щоб непечка непізнала . . .
(вар. Л. С. Мацѣевича)
(Та ще сукою неназвала (?)).

XLVIII.

Загадки.

1. А. Кол. Гол. IV, 71, Станисл. окр.

За дѣвицей „Поповиченько (разумный, желанный жених) на кониченьку:

„Ой стій погоди, кречная панна!
„Загадаю ти трёх загадочок;
„Як відгадаєш, то моя будеш,
„Невідгадаєш, батькова будеш.
„Що, панно, росте без корінічка?
„Що, панно, горит без поломіне?
„Що, панно, цвіте без сино-[1]) цвіта?
. . . —Біл камінь росте без корінічка,
Золото горит без поломіне,
Папороть росте (цвіте) без сино-цвіта.

Б. Чуб. III, 315, Б, Ушиц. у. Вѣроятно, слѣдует читать так:

Ой припав сніжок на буків листок,
А буковина та на ту стежку.
Туда ходила кгречная панна . . .
„кгречний молодець“
Слідив прослідив аж до світлоньки,
Ой кивнув, кивнув й-а в кватирочку:
„Вийди ти до нас и пр.

„Слідив“—вліяніе мотива XXI, „куна в дереві“.

В. Гол. IV, 74—5, Золочев. окр.

„Премудрий стрілець“ (ср. XIX, стр. 270—1) говорит:

---

[1]) Синог' цвіту, Гол. II, 83, 52.

„Загану тобі дві загадойці!“
—(⌣) Хиба-ж би я не татунева [була]
Щоби я того невідганула.
Самих загадок нѣт.

Г. Чуб. III, 314—5, А, Ушиц. у.

„Три колясочки“, в одной слуги, в другой дѣвица, в третьей ея милый. Он говорит:

... Як невгадаєш, то *людьска* будеш,

т. е. достанешься „людям, не мені“.

Д. Гол. II, 83. „*Три* молодчики“.

Е. Гол. IV, 72, тоже.

Ж. Мурафа, Богодух. у., записал И. Манжура:

Та ішла N в луг по калину,
Калино, калино мала,
Чом тебе вода поняла?
Зустріло її три поповичі
Загадало їй а три загадки...
... N стала та й одгадала:
Золото горить без поломъячка,
А камінь росте без корінняка,
Калина цвіте без сону(?)-цвіту.

З. Гол. IV, 134. Загадывают „три *розбійники*“.

И. Гол. II, 52, Сяноц. окр. „Паробку“:

З-за оной горы, з-за высокої,
Ялилуй, гей ялилуй,
Господи Боже, помилуй!
Видти мі выйшли санки писанки,
А в тих саночках молодий дячок.
Здоганяло го дівча жидовча...
... „Нехай ся хопью, гайдука стану,
„Загадаме си хоц три гадочки...

Сходное начало и припѣв — в кол. Гол. II, 13, N 19, о трех черницах, ѣдущих крестить Христа. „Дівча-жидівча“ взято из кол. Гол. II, 6, извѣстной в той же мѣстности, гдѣ „дівча-жидівча“ свидѣтельствует о воскресеніи Христа.

І. Шейн, Бр. п. 102, волочобная. Тот же мотив в соединеніи с XXXI: Дѣвица потеряла коней, встрѣчает

3-х волочобников, из них 3-ій обѣщает указать, если дѣвица отгадает 3 загадки. Загадок 5:

Да вода бежиць (⏑) без повода,
Да камень расце (⏑) без коренія,
Лебёдка бела да небелечи,
Зязюля сіва да несівучи,
Да чорон воран да нечернечи.

К. Чуб. V, 1073. Пѣсня отнесена к „сословным“ на том основаніи, что в ней вм. волочобников вар. I — „два дворянчики“. Соединеніе мотивов — как в I. В размѣрѣ смѣшеніе 5+5 и 4+4. Ср.

. . . коні ворони
(⏑) Чорним шовком (⏑) попутани,
Золотом гриви позаплітани,
Сріблом копита позаливани

(Ср. объясн. мр. п. I 141). Там же:

Злото горить без полумя,
Вода біжить без прогону,
Нагай[ка] шумить без буйного вітру,
Прапор (!) цвіте, цвіту нету.

Л. Поль. купальская (Sobótka), Wójc. Pieśni l. I, 203—4, судя по содержанію и припѣву (ср. Ż. Pauli P. l. Polsk. 3—5), есть перевод мр. колядки со вставленными стихами другого размѣра (5+3) и сомнительнаго происхожденія:

A zapalili sobótkę
I piją piwo i wódkę (ср. Ż. P. l. c. 25).

Опуская эти стихи и переставляя нѣкоторые другіе, я читаю эту пѣсню таким образом:

Ku Dunajowi ku głębokiemu (Ż. P. l. c.)
Leluja!
Ku gaikowi ku zielonemu
(Tam) chodzi brodzi nadobna N,
(⏑) Chodzi za nią grzeczny parobe(cze)k
„Czekaj, poczekaj, nadobna N,
„Oj mam gadeczkę, zagadnę ci ją.

—Cóż bym ja była za krasna panna,
Żebym gadeczki zgadnąć niemiała?

Самыя загадки, как и в К, взятыя из сходных пѣсень размѣра 4+4:

A cóż rośnie bez korzenia?
A cóż kwitnie bez kwiateczka?
A cóż gore bez płomienia?
—Kamień rośnie bez korzenia,
Paproć kwitnie bez kwiateczka,
Cnota gore bez płomienia.

М. Волочобныя, Шейн, Бр. п. а) 112—3, N 159, волочобники загадывают 3 загадки хозяйкѣ („господыночка, журавіночка"), которая далѣе названа однако „слічна паненка"; б) 112, N 158, препираются двѣ встрѣтившіяся толпы волочобников:

Адгадаіця—багачами (?) назавем,
Ня'дгадаіця, бакі атабьем,
Бакі атабьем, сумкі атбярем.

Загадки:

Сердце (а)—соўнце) гарыць без полымя,
Вада бежыць без повода,
Соўнце хадзіць выше лєса,
Вецер іржець без голоса,
Папоро(ць)[тник] цвяцець без синя цвета.

Н. Русальныя, Чуб. III, 190 (и раньше, Максимович, Мр. п. 162). За дѣвицею бѣжит русалка:

Як угадаєш, до батька пущу,
А невгадаєш, до себе возьму.

Загадки—о камнѣ, водѣ (без повода) и папороти.

О. Варіанты К, Л, М предполагают пѣсни размѣра 4+4. Таковы мр. у Метл. 262—4. В первой ст. 1—14 (жалобы сироты дѣвицы) составляют особую пѣсню (см. Чуб. V, 445—7), слабо связанную со слѣдующим. Козак говорит:

Загадаю сім загадок,
Одгадаєш моя будеш,

Не'дгадаеш, дурна будеш:
„А що вьетця по дереву? и пр.

Разгадки:

Що хміль вьється по дереву,
Камінь росте без коріи(н)я,
Верба цвіте без насіння,
Човен їде без прогону,
(=Вода біжить без перестані),
Місяць світить без зазору
(=Місяць світить та й негріс),
Сонце пече без жарини,
Козак живе без дружини.

Не только послѣднюю, но и первую загадку козак загадывает о себѣ [1]). Ср. также Чуб. V 1190 (6), с искаженіями размѣра 4+4 (Здорова дівко семилітко и пр.); II. Буковин. п. (Зап. Ю.-з. Отд. Г. Об. II, 568) „дівко моя малолітна“; ib. 406—7: „... Роман коня наповає, Дівче во-

---

[1]) *Хмель* — молодец, козак. Это сближеніе имѣет, конечно, гораздо болѣе широкія основанія, чѣм прозвище Хмельницкаго, и древнѣе половины XVII в. Мое соч. О нѣкр. симв. в Слав. нар. п. 120; Костомаров, Ист. зн. юр. нар. пѣс. творч. Бесѣда 1872, VI, 33—5. Шейн, Бр. н. п. 52, N 100 (хмель брать=N-а женить), 74, N 136 (хмель просится ночевать, гдѣ жонушки молодыя); Шейн, Р. нар. п. 151, N 100 (хмель повадился ко дѣвушкам ходить). В морав. и чеш. колядкѣ (Sušil. 749, Erb. Písně 64) хмель брать, пиво варить, такого-то поить=сватать. Свое пиво пить—свою любить:

Уж как полно нам, ребята, чужо пиво пити!
Время, время, холостые (свое заводити)!
Мы и рады-б заводили, да солоду нѣту:
У нас солод в овинѣ, а хмель на тычинѣ (Шейн, Р. п. п. 122, N 76).

В хороводѣ, который сам вьется, как хмель, дѣвица говорит:

Хмель ты мой хмелюшка, веселая головушка;
Кабы этот хмелюшка на моей сторонушкѣ!
(v. Перевейся, хмелюшко, на мою сторонушку:)
На моей сторонушкѣ приволье великое...

(Она нащиплет хмелю, наварит пива, позовет дорогого го-

ди присипае" есть искаженіе п. у Г. III, 180 (Роман), ib. I, 117; III 54, вставкою чуждаго этим пѣсням мотива „загадки". Некстати загадывает дѣвица: „Ой Романе, Романочку, Відгадай ми загадочку" (что растет без корня? — камень; горит без пламени? — серебро; цвѣтет без цвѣту? — вода).

стя... Шейн, Р. н. п. 131 сл., N 83—5). Сюда также Чуб. IV, 280—1; V 110, гдѣ слѣдует читать:

Рости хмелю над водою рівно з тичиною!
(т. е. высоко, т. ч. издали видно)
Чути, чути козака *горлá*, як йде з кобзиною.

Как высоко вьющійся, лѣзущій на дерево, на тычину, хмѣль— „буйное житце" (см. ниже). Вр. значеніе сл. *буйный* (как в „буен во хмелю") в мр. невстрѣчается. Может быть здѣсь одна из точек соприкосновенія хмеля и козака—воина. Ср. в Сл. о П. Иг. „буй Рюриче" и пр. Мое изд. Сл. о П. Иг. 111—3. Другая точка соприкосновенія та, что варенье пива, пир= битва (мое Сл. о П. Иг. 63) и что хмель (в пивѣ) бьет человѣка (Спр., 75, 4). Отсюда, а м. б. и под вліяніем сходства *виться* с **вити* гнать, *вой, воинъ, война* (К ист. зв. II, 25—7), „хміль вьється"="козак (Хмельницький, Нечай, Палій; Ант. и Драг. Ист. п. II, 18—9, 63—4 и др.; Гол. I, 4; Драг. Піс. Укр. н. XVIII—XIX ст., I, 2, 5, 13, 17—8) бьється". Представленіе хмеля всадником (лот. п.: „Куда ты ѣдешь хмелек, осѣдлав кривое дерево?..." Спрогис, 75) в мр. невстрѣтилось. Представленіе его хитрым, многоумным, связано с тѣм, что он высоко вьется („хмѣлек—хитрый человѣк, лазил на дерево, чтоб посмотрѣть на ячмень", Спрог. ib.). Иначе в мр. п. (Сб. пам. свз. кр. 147):

Ой ты хмеленьку, буйное житце, много розуму маеш,
Ой и пьяного и тверозого з розуму спроваджаеш.
Ой ти дівчино перебурниця, много есь перебрала,

Усім молодцям дорогу (в. вм. -о) дала, а удовцѣви досталася. Хотя хмелю приписано здѣсь „много розуму", но это „буйное житце" служит образом гордой, высокомѣрной разборчивой дѣвицы, согласно со стар. „буесть"=гордость и с тѣм, что в повѣсти XVII в. хмель назван „высокоумным", т. е. высокомѣрным; он „спѣсив вельми и богат" (Буєл. Оч. 564 сл.; Пам. ст. Р. лит. II, 447).

Сближеніе с дѣвицей, как видно из несогласованія в ро-

II. Вр. а) Варенцев, Сб. п. Самар. кр. 39—40 (поют переселенцы из Ворон. г.); Шейн, Р. н. п. 233, N 85 (Туль. г. Новосиль. у.) и 235 (Пск. г.). „Сын купецкой“ *дѣвкѣ-семилѣткѣ* 3 загадки (камень без коренья, сосна цвѣтет без цвѣту, шумит вода без буйного вѣтру). б) Кохановъ. Нѣск. р. пѣс. 71, „сын боярской“ дѣвкѣ семилѣткѣ 7 загадок. Она отгадывает:

Солнце горит (3) без пожару,
Мѣсяц свѣтит (3) во всю землю,
Вода бѣжит (3) без уходу,
Укроп цвѣтет (3) без опаду,
Камень ростет (3) без коренья,
Лошадь плачет (3) без рыданья,
А хмѣль вьется выше дубу.

в) Буслаев, Ист. Оч. I, 33—4. Размѣр — 12 (8+4; 4+4+4); Шейн, Р. н. п. 238 (N 88) „Сын гостиный“ (v. купецкій) загадывает дѣвицѣ 6 загадок:

Уж как что у нас, дѣвица, выше лѣсу? и пр.
—Выше лѣсу, сын гостиный, свѣтел мѣсяц,
Краше свѣту (v. лѣта), с. г., красно солнце,
Чаще лѣсу (саду, вар. г), рощи), с. г., часты звѣзды,
Без коренья, с. г., бѣлый камень (v. крупен жемчуг),
Без умолку, с. г., сине море (v. течет рѣчка),
Безъизвѣстна, с. г., Божья воля . . .
(Без отвѣту . . . судьба Божья)
„Уж и знать тебѣ, дѣвица, быть за мною . . .

дѣ, непервообразно, как и в вр. заговорѣ: „Как хмель вьется около кола по солнцу, так бы вилась – обнималась около меня раба божія имя рек“ (Майков, Вр. закл. N 11). Это несогласованіе устранено в мр. уличной, гдѣ виться=любить, *то есть* ровню:

Ой тонкая хмелиночка на тин повилася,
Молодая дівчинонька в козака вдалася:
Які руки, такі ноги, така й головонька,
Ізійшлися, обнялися, люба розмовонька
(Ромен. у.; ст. 3 ср. с Одисс. IV, 149—50).

г) Барсов, Духовные стихи секты людей Божіих, N 25 (З. Г. Об. по Эти. IV, 41—2). Размѣр тотже. Сектантское приспособленіе пѣсни выразилось только в том, что дѣвица перед каждой отгадкой говорит:

Святым духом завладаю, отгадаю.

Загадок 7: о солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздах, камнѣ (как в в);

... Во всю землю, сын гостиный, гром-от грянет;

... Без перевоза (без устани? без прогону?), с. г., рѣка течет;

... Безголосый, с. г., конь-от плачет.

Мнѣніе, что эта пѣсня есть „осложненная посторонними мотивами“ (загадками), впрочем „с трудом узнаваемая“ „передѣлка“ „евангельской легенды“ о Самарянкѣ у колодца и Христѣ (Веселовскій, Опыты по ист. христ. легенды, II, Берта и пр. Ж. М. Н. Пр. 1877, II, 238) считаю невѣрным. Пѣсня о грѣшной дѣвицѣ (=Самарянкѣ) и Богѣ (Гол. I, 235; IV, 522; Kolb. Lud, IV 68 и цитаты у Варенцева и Веселов. l. c. 237—8; Шейн, Бр. п. N 717—8; Zieńkiewicz, P. l. Piń. 254; Sušil. 3, 774; Лужиц. Hawpt a Smol. I, 290; II, 197 и пр.) неимѣет с разсматриваемой ничего общаго, кромѣ того случайнаго обстоятельства, что в нѣкоторых вар. п. „загадки“ мѣсто дѣйствія тоже у воды. Несчитаю слияніем мотивов „загадки“ и „Самарянки“ и того, что в приводимой проф. Веселовским (l. c.) в переводѣ Каталонской пѣснѣ Христос говорит Самарянкѣ „А дашь ты мнѣ воды, *коли я тебѣ одгадаю*“ и отгадывает не загадку, которой ему никто незагавал, а то, что у Самарянки три любовника.

2. В кол. 3 загадки дѣвицѣ загадывают три разбойника. Вѣроятно, хотя пѣсня и неговорит об этом, что разгадавши дѣвица освобождается от плѣна, как в Н от смерти. Данное сочетаніе мотивов „плѣн“ и „загадки“ повлекло за собою соединеніе в одну двух пѣсень одинаковаго размѣра 4+4: а) о козакѣ, проспавшем коня, туркѣ и дѣвкѣ бранкѣ (Ант. и Драгом. Ист. п. I, 138, N 37; сходный варіант был записан и мною от женщины Валков. у.; вм. „до аркана“ стояло „до якорня“) и б) „загадки“

(см. выше, 1, О). Таким образом получилась п. у Драгом. П. укр. н. XVIII—XIX ст. I, 2, 136, гдѣ за нѣсколько искаженным окончаніем п. а) [нелѣпая прибавка „записана за писара“] слѣдует как бы рѣчь турка:

Ой ти дівко семилітко!
Загадаю [тобі] сім загадок

и пр. сходно с 1, О.

Возможно, что были или есть мр. пѣсни, в коих соединялись черты: корабль (как сцена), плѣн, загадки. Такова донская (Савельев, Сб. Дон. н. п. 127—8, откуда Кирѣев. VIII, 85—6). В варіантѣ записанном в Трехостровянском станицѣ Ф. С. Аврамовым недостает конца и, может быть, загадок вовсе не было [1]). В вар. Савельева паша загадывает козаку 3 загадки („отгадаешь ... отпущу

---

[1]) По морюшку, морю синему,
По тому-то гирлушку, братцы, государеву,
Как там плыли-восплывали, братцы, три насосика (s. вм. насадика),
Как не три-то насосика, все пятьсот славных кораблей.
Как один [из них] корабличек наперед он рѣзко бѣжить,
Наперед рѣзко бѣжить, только как сокол соколик летить.
Хорошохонько-то был корабличек он был изукрашеный,
Удалыми только молодцами был он изусаженый,
Как нос сдѣлан сы кормою по звѣриному,
А бочечеки его сведёные были по змѣиному.
Середи-то того было судёнца сдѣлана была бесѣдочка,
Во этой во бесѣдочкѣ сидѣл сам турецкой славный апаша,
Перед ним только ну стоял же молодой невольничек,
Молодой только да невольничек, душечка млад донской козак.
Рѣчь взговорил паша-мурза только невольничку:
„Ты скажи-ка мнѣ, млад-донской козак, всю правду мнѣ.
„Как ты скажешь всю правдушку только, пущу тебя я на волюшку,
„А нескажешь мнѣ всю правду, я сыму твою головушку“.

Относительно амплификаціи основного размѣра ср. пѣсню в моем соч. К ист. зв. III, 128—9. Описаніе корабля — в былинах об Ильѣ, а также Кирѣев. VIII, 151, 154. Донской козак в плѣну, ib. VII, 135.

на Дон"): что без ног бѣжит, без крыл летит, без огня горит?—судно, вѣтер, солнце.

3. Литов. п. Juškevič, Lietuviškos dájnos, NN 30, 47, 92, 1254. Размѣр 5+5+7 (как норма) и 6+6+4+6. Молодец загадывает дѣвицѣ, а она перед каждой отгадкой повторяет (как выше 1, В, Л): „Не дѣвица бы я была, еслиб незнала, что..." Отгадки:

„Дятел-птица, он пестр, неписан" (tas margas ne gašytas); „ворон-птица, он черен, не вычернен" (как в бр., выше 1, I, „tas jůdas ne darýtas"); „черное облако летит в поднебесной, то летит без крыл" (или „šaltà žiemužélė, baltasis sniegialis Taj lėkė be sparniálu", холодная зима, бѣлый снѣг, то...; теперь лит. *žiema* значит только зима, но скр. *hima-s*, снѣг); „чистая вода в быстрой рѣчкѣ (v. в морѣ) то бѣжит без ног" (или:

Šiaurùsis vėjális, dargùsis oriális,
O taj bėgu žiémą be kojálu,

сѣверный вѣтер, ненастная погода (мокрый воздух), то бѣжит без ног); в зеленом лѣсу зеленый дуб ростет — без отца, зеленая липа—без матери.

Отлична от этих по формѣ загадка в одном из вар.: „ель-сосна в рутяном садочкѣ, то́ зеленѣет зиму и лѣто".

К самой отгадчицѣ относятся загадки: что тяжелѣе камня? что легче павьяго пера (ср. XLV, 2)?— „Сѣл молодец подлѣ меня, то тяжелѣе камня"; „шелковые косники („kas-pin-ėlei", ленты, „дѣвья красота"), рутяный вѣночек, то легче павьяго пера" (или на оборот: „рутяный вѣночек, молодые дни, то тяжелѣе камня").

Ненаходят, сколько мнѣ извѣстно, соотвѣтствія в славянских пѣснях загадки о собственных именах деревьев (N 1254):

Aj bent pasakýk, jaunà mergužėle
Koks mediálu vardialis?...
—Béržas Bernotas, alksnis Ignótas,
Serbę́nta Petrunėle

(береза (м. р.) Бернат (Бернгард), ольха (м. р.) Игнат, смородина Петронилла).

Ближе всего это к лот. п. (Спрог. 26, Сб. Дашк. II, N 152—3): „Мать лѣса называет (v. скликает) птиц, ходя по краю болота: слука (кулик) — Маргарита, рябчик (рябь, ж. р.) — Мая (Марья?), перепелка — Магдалина“; „. . . вороп—Силис, дятел—Петр, кожан [1])—Вареоломей“.

За тѣм литовская пѣсня, быть может, предполагает ту древнюю форму состязанія в мудрости, примѣр которой находим в пѣснѣ Эдды о Вафтрудниpѣ: великан Вафтруднир говорит Одину, который под видом бѣднаго странника явился к нему испытать его мудрость: „невыйѣешь отсюда, если я ненайду, что ты мудрѣе меня“ и за тѣм спрашивает: как имя коня дня (Skinfaxi), коня ночи (Hrimfaxi); рѣки, раздѣляющей области богов и великанов; поля будущей битвы между Суртуром и Богами?

4. Три из упомянутых под 3 загадок о соснѣ-ели, перѣ и камнѣ в лит. п. (Jušk. Dajn. N 92), впрочем отчасти с другими разгадками — в В. лужиц. п. *Hudanja* (загадки), Haupt a Smolerj Pjesnički 1, 177. Пѣсня непріурочена ко времени года. Размѣр $^2(5+3)+6$, сходный с весняночным $5+3$, встрѣчается и в нѣмецких пѣснях сходнаго содержанія (ib. 374 слѣд., на пр. Wo ist ne strasse ohne staub etc.). Чередуются вопросы молодца и отвѣты дѣвицы:

Njetk' lej mi povez, holečo,
Što je mi zymi zelene,
Tak młodne zelene? (—Jedła).
. . . Što je mi ljeci bez kvjeća? (—Paproć).
. . . Što je mi dróše sljebora?
—Twoja ta češć, moj ručany wjenc.
. . . Što je mi lóše perička?

[1]) Летучая мышь—в птицах. Ср. „не скотъ въ скотѣхъ коза а не звѣрь во звѣрѣхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нотопырь“, Сл. Даніла Заточн. Подобно этому и в нѣм. п. по сп. XIV в.; Trougemund (Uhland, Alte . . . Volksl. I, 3—4): „waz vogel sõiget sine junge? — Die fledermus sõiget ire junger“.

—Naju 'romadupšindženje (zusammenkunft)
... Što je mi ćeše kamenja?
—Naju to roznodžjelenje (разлука).

5. Предположить ли, что при созданіи пѣсень этого рода впервые собирались по 2, по 3, по 5 и по 7 загадки, ходившія до того времени разрозненно? Допустить ли, что пѣсни заставали уже готовыя группы загадок (ср. Uhlands Schriften zur Gesch. der Dicht. u. Sage, III, 193—4)? В обоих случаях вѣроятно, что группы, представляющія единство основаній сочетанія и допускающія усложненіе в том же направленіи, первообразнѣе, чѣм тѣ, в которых такого единства нѣт.

Кромѣ загадок об именах растеній в литовских пѣснях, загадки в упомянутых выше пѣснях в формальном отношеніи относятся преимущественно к двум разрядам:

а) Загадки *противительныя*. Узел состоит в том, что признак, приводимый на мысль сказуемым, отрицается. Отрицаніе выражается: аа) или объектом с *без* [что ростет (а слѣдовательно имѣет корень) *но* без корня?], бб) или зависимым отрицательным сказуемым: А що свiтить та негрiс?—Місяць. „А що плаче, сліз немає?“—Сова, Метл. 363; „А што чорно да нечернечи“ (Шейн, Бр. п. 102)=лит. kas jûdas nedarýtas?—Ворон.

В отличіе от аа), которыя составляют однородныя группы, бб) являются только вмѣстѣ с первыми.

Без с родит. в упомянутых загадках понимается двояко: *α*) или так, что из отрицанія присутствія объекта невыводится никакого дальнѣйшаго заключенія относительно значенія сказуемаго, на пр.

А що живе без дружини?
Козак живе без дружини (1, О),

или в красивой литов. п. (Nesselm. Lit. lieder N 172; Jušk. Liet. dajn. N 528, 531; id. Лит. свад. N 376), предполагающей пѣсню с загадками:

Akmů be šaknú (v. be kraujo) vandů be sparnu,
Papártis be žediálu;

Tajp ir aš jáunas, jáunas berniális
Be jaunósios mergiálės,
(v. Tajp ir aš jauna и пр.).

(Камень без корней (v. без крови), вода без крыльев, а папороть без цвѣту; так и я молод . . . без молодой дѣвицы, или „так и я молода и пр.“). β) Как в одном разрядѣ иронических выраженій отрицаніе есть средство усилить утвержденіе; так *без* с род. может употребляться как указаніе на интенсивность значенія сказуемаго: „Как чужіе то отец с матерью Безжалостны уродился: *Без огня* у них сердце разгорается, *Без смолы* у них гнѣв раскипается“ (Сах. Ск. Р. н. I, 3, 112), т. е. пуще огня. Ср. „Богатырско сердцо разгорчиво и неуёмчиво: Пушше огня-огничка сердцо разыграется (разгорается?), Пушше пляшшово мороза разгорается (распалмется?)“, Кир. I, 35. Так понимаемыя загадки: „Что горит без огня (без пламени, без пожару)?—солнце, сердце“ становятся загадками о качествѣ.

б) Загадки с прилагательным в сравнительной степени в сказуемом, спрашивающія о том, что обладает названным качеством в бóльшей степени. Трудность рѣшенія в том, что мѣрилом избирается вещь в которой избранное качество находится в высокой степени. Примѣром единства основанія в сочетаніи таких загадок и их восхожденія (κλῖμαξ) от внѣшней природы к человѣку служит серб. п. (Кар. I, N 285 и 286), обѣ на тему „милый дороже брата“. В первой, весняночнаго размѣра 5+3,

Дјевојка сједи крај мора,
Пак сама себи говори:
„Ах мили Боже и драги!
„Има л' што шире од мора? и пр.
. . . Говори риба из воде:
„Дјевојко, луда будало!
„Шире је небо од мора,
„Дуже је море од пола,
„Брже су очи од коња,

„Слађи је шећер од меда,
„Дражи је драги од брата!

Едва ли есть основаніе думать (Бусл. Оч. I, 237), что эта рыба соотвѣтствует русалкѣ, загадывающей загадки (выше 1, Н) или имѣет что либо общее, кромѣ имени рыбы, с рыбою—воплощеніем Брагмы в эпизодѣ Магâбгâраты о потопѣ. В другой сербской пѣснѣ разговор происходит между двумя птицами, вышитыми на платкѣ, который дѣвица подарила милому. Одна птица спрашивает, другая отвѣчает:

Шире небо од мора синега,
Брже очи од кона витеза,
Милиј' драги од брата једина.

Сродни этим загадкам тѣ, в которых спрашивается о том, что найлучшее. Так в пѣснѣ в двух вар. у Метл. 360—2 и в 3-х у Чуб. V, 485 сл.: „Скажи мені правду, мале пахоля (ср. выше 1, П.) (v. Зелена діброво, скажи мені правду), Над якес зілля ... Над якую птицю ... Над ку людину у світі нема?" Или: Которая зелень (которее зілля?) найперш процвітає ... Которая пташка найраньше вставає (v. З виръя ранше вилітає) ... Которая душа найлучче вживає (v. найлучче згуляє, v. зорю засипляє)?" На послѣдній вопрос, о щастьѣ, два различные отвѣта: по одному—„дівчина", по другому—„мужня жона, господиня".

С точки чистоты принципа группировки вышеупомянутыя пѣсни 1, П.; 3; 4 — представляются смѣшанными, болѣе сложными и судя по этому, менѣе архаичными, чѣм мр. колядки. Так и в нѣмец. стихотвор. XIV в. Trougemund (Uhland Alte Hoch u. Nieder-Deutsche Volksl. N 1) в очень древнюю рамку состязанія в мудрости между многостранствовавшим путником и хозяином вставлено нѣсколько разнородных групп загадок: что без того-то? Что бѣлѣе снѣга и пр.? От чего то-то? (Uhland Schriften Zur Gesch. der Dicht. u. Sage III 190 слѣд.); ср. также состязаніе между пѣвцами из-за вѣнка дѣвицы, Uhl. Alte ... Volksl. N 2—3, Schriften III, 206 слѣд.

6. О содержаніи нѣкоторых из упомянутых выше загадок.

— „Загадка о камнѣ напоминает Липпеевскій признак минералов „lapides crescunt“ (Максимович, Собр. соч. II, 513). Одно из основаній этого древняго вѣрованья есть сближеніе земли с тѣлом, камня—с костью: серб. „месо при кости (т. е. вкуснѣе), а земла при кршу (дороже, т. е. в каменистых мѣстностях, гдѣ земли мало)“, Кар. Посл.; свр. *костливый* берег, коли камней много наворочено по кечкару (по песку), Област. Слов.; море *костливо*, скалисто (Максимов, Год на сѣверѣ). Сюда же вѣрованія о происхожденіи тѣла человѣческаго от земли, костей от камня (Аѳ. П. В. I, 139). Самое отрицаніе вѣрованія, что камень ростет, лежащее в основаніи нѣкоторых чар и заговоров, вѣроятно восходит к очень давнему времени. Ср. слѣд. В серб. п. (Кар. П. П, 14), мать Огненной Маріи, перечисляя в пеклѣ свои грѣхи, говорит, что когда пасынок с плачем попросил у нея: „Скрој ми, мајко, бијелу кошулу!“ — „Мјерих му је о камену станцу“, чтобы он нерос, как неростет камень. Чешскіе заговоры: Если на тѣлѣ новорожденнаго знак в видѣ ягоды и т. п., то бабка заговаривает: „nerost ty více znamení, jako netostou skály kamení od Syna Božího narození“. При этом обводит знак трижды „перстенным“ (четвертым) или средним пальцем. *Při volatosti* (от зоба): „zažehnávám tebe, vole, abys nerostlo, jako po umučení Krista skaly nerostou“. Při navní kosti (навья кость, Майков Вр. закл. N 136): больной до восхода солнца идет на кладбище и там, неоглядываясь, берет мертвую кость и говорит: „zažehnávám tebe, navná kosti, abys nerostla, jako skaly od umučení Krista nerostou“ (Houška II, 335; III, 55; ср. Майков Вр. закл. N 134, 135, 199 и др.).

Лит. „akmů ba kraujo“ (см. выше, 5) ср. с заговором от крови: „встань на камень, кровь неканет“ и пр., Майк. N 162.

— „Золото горит без пламени“. Оно горит и пламенем (разсказы о кладах); на оборот жар представляется

золотом, как в серб. загадкѣ: „Завих злато, развих злато, али злато незаспато“ (Ст. Новаковић, Срп. н. загонетке, 16) [1]).

— Вода бѣжит „без прогону“, „без перестані“, „без уходу“, „без ног“, „без повода“. Ср. загадки: „дуга нева (невѣстка) ниѣе санка нема?“—Река (Ст. Новак. ib. 192); „Шта без престанка иде и никад се неумори?“—вода (ib. 261); лот. „день и ночь бѣжит — шумит, никуда неможет убѣжать?“—рѣка (Bielenstein, 1000 Liett. räthsel, N 737); без огня горит, без крыл летит, без ног бѣжит? — солнце, туча, рѣка (Худяков, Вр. заг., Этн. Сб. VII, 1395). Лот. пѣсня: „есть два, которые неложатся спать: одно неложится — солнце“ (п. ч. ночью оно свѣтит тому свѣту), другое — быстрая Двина“ (Спрог. 14). „Вода — без повода“ предполагает, что у нея есть повода, что она конь, как в лот. загадкѣ о рѣкѣ и берегах: „конь бѣжит, повода (v. вожжи) стоят“ (Bielenst. l. c. N 738).

„Вѣтер *ржет* без голоса“ п. ч. он жеребец: Аѳ. П. В. I, 611—6, 629.

„Конь плачет без рыданья“. Ср. „хто плаче без голосу?—кінь“ (Номис Укр. приказ. 293). В литов. п. ржаніе коня постоянный образ плáча: žweng' žirgitis = werk N (tétužis, mergėle и пр.) (Ness. Lit. lied. N 115, 171, 280, 308 и пр.). „Конь ржет к печали, а топает ногами к погонкѣ“ (Бусл. Послов.). Ржаніе коня потому предвѣщает печаль [2]), что оно само по себѣ представляется печальным, как многіе другіе звуки природы. Мотивировка сближенія ржанія и печали (на пр. Ой кінь ірже — трава вяне: він дороженьку чує; мое соч. Мр. п. по сп. XVI в. 37) кажется явленіем болѣе поздним, чѣм сближенія немотивированныя, на пр. в упомянутых литов. п. и в слѣд.:

---

[1]) „Закрыть жар золою“ = „уложить его спать“ с чѣм ср. Odyss. V, 488—91: Одиссей зарылся, чтобы уснуть, в сухія листья, как „сѣмя огня“ зарывают в золу.

[2]) Рѣже „конь ржет к добру“ (Даль Посл. 1032), „Свекрови коні веселенько иржуть, Та з двора княгиню везуть“, (Метл. 225).

„Cisawy koniczek będzie rżał, a tobie Janiczku będzie żal“ (Zejszner, P. l. Podhalan). Таким образом в мр. п. (Метл. 55)

„Ой заржи, заржи, вороний коню,
на круту гору йдучи;
„Ой згадай, згадай, серце дівчино,
снідання готуючи!“
Коничок заржав, козак засвистав,
дівчина заплакала:
„Ой гой-же, гой-же, мій милий Боже,
кому-ж я достануся?“

указаніем на ея относительную новизну могла бы служить раціональная связь между сближеніями: дѣвица плачет *потому*, что слышит ржаніе коня, на котором уѣзжает ея милый. Здѣсь символ обращен в обстановку дѣйствительности. Подобно этому в сходном сближеніи рева вола, коровы, и плача, печали, сначала отсутствіе другого основанія сближенія, кромѣ сходства:

Ryczy wołek, ryczy, że się niewylenił;
Płacze chłopiec, płacze, że się nieożenił
(Wójc. P. II, 226);

Зарикала у череді коровочка йдучи,
Заплакала дівчинонька лединика ждучи.
Зарикала коровочка, зарикала пряна:
„Нема, нема и небуде лединика Йвана!“
(Гол. II, 359).

За тѣм образ, оставаясь символом, замѣняя собою изображеніе плачущих при разставаньи жены и ребенка, пространственно связывается со сценой разлуки „в порога“. Я говорю о великолѣпной пѣснѣ сообщ. Гоголем (Метл. 282):

... Ой в порога ревнула корова,
„Зоставайся, милая, здорова!“
Ой ревнуло ще й мале телятко,
„Зоставайся ще й мале дитятко!“

7. *„Дівочького розуму питати“*.

В одной англійской пѣснѣ (Hawpt a Smolerj Pie-

snički I, 374) рыцарь загадывает трем *вдовиным* дочерям три загадки и отгадавшая становится его невѣстой. Можно предположить, что в слѣдующих п. жених тѣм же средством испытывает ум невѣст.

а и б) Безыменная, Гол. II 581 и гаївка 677—8:

Ой мала вдвова чом три доненьки:
. . . Біла-румяна—за Ормянина (XXXIV, 11),
. . . Тонка-висока—за міщанина,
. . . Чорна-горбата—за крілевича

(или . . . поповича, крілёвича, панича). Зяти смѣются над послѣдним, он отвѣчает:

„Лицка тоненька, борзо ся зломит;
„Редьква біленька, коли гіренька;
„Мачок чорненький, гой (а) солоденький.

в) Купальская, Шейн, Бр. п. 147, N 220. Вмѣсто вдовы—*жупалка*, зяти — попович, войтович, кролевич, который отвѣчает, как выше.

г) Купальская, ib. N 219. Женятся пан, королевич и попович. Послѣдній отвѣчает:

„Бела-румяна, то змыцца,
„Тонка-высока, то зломіцца,
„Чорна-горбата, *и'на багата*“ [1]).

---

[1]) В вар. а—в рѣчь не о богатствѣ, а о нравственных качествах. Предпочтеніе богатой или богатаго в ю.-р. пѣснях было бы случаем совершенно исключительным. На против, со стороны жениха — предпочтеніе бѣдной, со стороны невѣсты рѣзко выраженная гордость бѣдности. Ср. слѣд.

В свадеб. (Zieńkiewicz, P. l. Pińsk. 86) брат совѣтует брату:

Небери, братко, що в золоті,
А бери, братко, що в розумі:
Ми-ж золота да докупімо,
А розуму да невложимо.

Слѣдует брать „дівчину, бідну сиротину“, потому ли, что „богатая губатая (п. ч. отдувает губы, фыркает) все буде гордиться, а бідная сиротина мусить покориться“, или потому, что сиротина „буде тебе шанувати, як мати дитину“ (Метл. 240). Мать совѣтует дочери:

„Нелюби, доню, що в жупані,

д) Веснянка, Чуб. III 129:

(⌣) Під вербою а три дівчини:
. . . У оксамиті, то піч палити,
У щирим злоті, (то) ложки мити,
А у віночку да до таночку.

„Полюби, доню, що з постолами,
„Що всякий день ходить за волами,
„Хоть не за своїми, за чужими,
„*Щоб нас*, серце, *люди несудили*“
(Метл. 237). Замѣчательное общественное мнѣніе.
Непускайся, дівчинонько, на великі віна,
Подивися сюди, туди, нейди за відміна;
Бо тото твоє богатство буде и небуде,
А з ким же ти молоденька вийдеш меже люде?
(Щасн. Соломон, Колом. 45. *Відмін*, собств. тоже, что вост. м. *обмінчя*, вр. *обмѣнок*, *обмѣныш*, Даль Слов., ребенок подмѣненный лѣшачихой, вѣдьмой и т. п., лит. laumės armainytas, Ness. Wb. u. Schl. Lesebuch 197; Куліш, З. о Ю. Р. II, 34; нѣм. wechselbalg; в переносном смыслѣ—урод).
„Накопай з-під зілля коріння,
„Шукай собі, милий, де рівня!“ (Метл. 47).
„Несватай ти мене, непіду за тебе;
„В тебе худібонька, в мене небуде;
„Не ти мене візьмеш, так люде“.
—Мені худібоньки твоєї нетреба,
Пошли мені, Боже, з високого неба!
Ти у мене посаг самая,
Як зоря на неби ясная.—
„Тепер же ти кажеш, що зіронька ясна;
„Як вийду за тебе, зостанусь нещасна:
„Не ти мені скажеш, так мати:
„„Було б убогої небрати!““
(Метл. 48, 46—7).
Ой ти багачу, я тебе давно бачу! [1])
Несватай мене; в мене волів немає;
У мене воли—я сама молодая,
У мене корови—чорні брови!
Буде твоя мати мені виговоряти:
„Вставай, невіхно, ти вставай, молодая!

---

[1]) Вижу, куда мѣтишь.

Внѣ связи с этими п. и между собою находятся: веснянка, Гол. II 683 о различной брачной жизни 3 пар и хорв. Kukuljević, Dela IV, 204, разм. 6+6, о различной судьбѣ за мужем трех дочерей старой матери: выданныя далеко — счастливы, выданная близко — несчастлива. Эта послѣдняя пѣсня сходна по содержанію с вр. о трех вдовиных дочерях, выданных за боярина, крестьянина и татарина: послѣдней лучше всѣх, первой хуже всѣх („Как жила была вдовушка вдова“, Галахов, Русс. Христом. II, изд. 18, N 160; ср. Якушкин, Сочин., 564, N 10, гдѣ хуже всѣх выданной за татарина).

„Дій ті корови, що од батька нагнала,
„Вигоняй вівці, що мати дарувала... (ib. 49).

В вр. свадебн. дочь просит отца:

Неотдавай меня батюшка за неровню,
Немечись на большое богатство:
Не с богатством мнѣ жить, с человѣком...

(Ст. Осколь. Коханов. Бояр. п. 112; Обоян. у. Этн. Сб. II, 39).

В повѣсти (и драмѣ) Квитки „Щира любов“ харьковская поселянка отказывается от замужества с любимым человѣком, п. ч. он офицер, дворянин и помѣщик, и она непредвидит счастья ни для него, ни для себя. Квитка настаивает на том, что это дѣйствительный случай и ему можно повѣрить. Конечно, для нашего времени это нетипично.

XLIX.

Диво дивнос.

А. Кол., сводный вар. из двух очень сходных: П. С. Ефименка и (Мурафа, Богод. у.) И. И. Манжуры.

По мосту, мосту, по золотому,
По помостячку по срібряному
Ой брячить-гремить, то ж рицван біжить [1]).
В тому рицвані красная панна [2]),
А за ним [3]) біжить слічний [4]) паничу
( ), королевичу:
„Та постій, постій [5]) красная панно [6]),
( ) панно Марино!
„Я тобі скажу чудо чуднес,
„Чудо чуднес, диво дивнес:
„Що в нас о Петрі [7]) Дунай замерзав!
„Як неймеш віри, я й сам там бував,
„Полон прорубав [8]), коня напував".
—Я тобі скажу ще й чуднійшес,
Ще й чуднійшес, ще й дивнійшес:
Що в нас об Роздві рожа зацвіла!
Як неймеш віри, я й сама [там] була,
Сама там була й рожу щипала,
Рожу щипала й віночок [9]) вила.
Віночок звила, до церковці йшла.
До церкви ішла, як зоря зійшла,
[В церкві стояла ясною свічкою].
Люде стояли [10]) шапки здіймали:
„Чи то царівна, чи королівна?
—Я ж не царівна, не королівна,
Я ж пан(я)ночка, пан' Петра дочка!"

[1]) Щось стучить-гручить (грячить) та . . . [2]) хороша

пані. [3]) за ней. [4]) красний. [5]) Ой пожди, пожди. [6]) пані. [7]) у нас к Петру. [8]) ополонку рубав. [9]) я й вінки. [10]) пани стрічали.

Б. Кол. Гол. IV, 75, Чортков. окр.

Ой на Дунаю, ой на тихойкім,
Плавле поплавле червінь корабель

(ср. XLVIII, 2; в нем „панна“, берегом . . . молодець)

Та рече слівце а д' кречній панні.

. . . приплинь к берегу . . . загадаю ти а загадочку (как XLVIII, 1).

В. Кол. Чуб. III, 316—7, В. В началѣ мотив „N перевіз держала“.

Г. Кол. Чуб. III, 298, N 34. „Три товариші киньми виграє, Що сивим грає, то визиває: „Ой вийди . . . я ж тобі скажу диво . . .

Д. Бр. кол., сообщ. г. Садовскій:

Да в цемным лесе да на верасе
Ляжаць два брусы (ᴗ) тісовыя,
А па тых брусах кавалер хадзів,
( ) паненку вадзів.
„Малада паненка!
„Да загадаю да загадачку,
„Чи будзеш умець да адгадаці:
„Што каля Петра (да) Дунай замёрз,
„А каля каляд рожа зацвіла?“
—Да я там была, мечем лёд біла,
( ) коні поїла;
Рожу щипала, вянкі звівала.

Е. Свадебн. Zieńkiewicz, P. l. Pińsk. 130 = Сб. пам. н. тв. свз. кр. 286:

Ой в лєску, лєску да на вереску,
Раном, раном!
Там староста да каня пасе,
А свашечка да абед несе . . .

Ж. Подобную пѣсню предполагает болг. „Петровска“ (Верковић Н. п. Македон. Буг. 35):

Йой Яно, Яно, хубава Яно!
Море неси чула, чула разбрала,
Ка й замързнало църно-мо море
На среду лѣто, Цетрови пости,
И замързнали, Яно, девет гемихи:
Єдна гемія, Я., сос стари люди,
'Се стари люди, Яно, сос бѣли брады;
Друга гемія, Я., ['се] млади момчина,
Трета гемія, Я., ['се] млади дивойки.
[Са] се замързнали, Я., [са] се погубили,
Млади зелени, Я., ненаходене,
Ненаходене, Я., ненаносене,
Ненаносене, Яно, ненагледане.

Это сочетаніе разсматриваемаго мотива („диво“) с извѣстным в мр. кол. мотивом „осадив три села людьми ... старими людьми ... парубочками, дівчиноньками“ (Гол. IV 131 и др.) и другим болг.: больная дѣвица говорит: „Язи ке си умра ... ненаходена и ненаносена“, Верк. ib. 37, т. е. к ней ненаходятся, когда она выйдет замуж, родные, неносятся подарков.

3. Вр. масляничная, Кохановск. Нѣск. русс. пѣс. Р. Бес. 1860, 1, 43—4. Попытка понять эту пѣсню, как цѣльную, тщетна. Стихи 1—6 — передѣлка мр. п. „Ой давно ...“ Метл. 255. Далѣе ст. 7—14 „Ой и дочь к отцу собирается ...“ сочетаніе мотивов о трех мылах (Свад. Шейн, Русс. н. п. 540) и трех ротах (Объясн. мр. п. I 32—5). Сюда относится только ст. 15 слѣд.: дочь говорит небылицы отцу и он оъвѣчает ей тѣм-же, что предполагает подобное состязаніе молодца и дѣвицы:

Государь ты мой, родный батюшка!
Я скажу тебѣ про диковинку,
( ) диво дивное,
На святой Руси небывалое:
У нас по́ морю пожары́ горят,
По чисту́ полю корабли плывут,
По желты́м пѣскам звѣзды катются,
По поднебесью щука плавает.

—Ох и дочь моя и пр.
У нас по́ морю ковыла ростет,
Там косцы ходят, ковылу косят;
По темном лѣсу рыба плавает;
За сыру землю солнце скрылося,
Во желты пѣски мѣсяц спрятался;
По поднебесью там медвѣдь ходит,
рыбу-щуку ловит.

По крайней мѣрѣ первая из этих небылиц есть загадка. Ср. лот. п. „Бог зажег большой огонь среди моря на камнѣ: грѣет сѣть, грѣет лодку, грѣет самого гребца“ (Сб. Дашк. II, N 37. Ср. О мио. знач. нѣкр. пов. 218—9). Нѣм. п. (Uhland Alte... Volksl. N 240—1) начинают прямо: „Ich will anheben und will nicht lügen“ или „Seltsame zeitung will ich bringen aus einem wunderlichen land“ (schlauraffenland): жареные цыплята летают, наковальня и жернов плавают, корабли ходят по суху и т. п.

Внѣ связи с этим — купальская п. Чуб. III 200—1 и пр. (Объясн. мр. п. I, 233).

L.

Неисполнимыя задачи.

Колядок на эту тему невстрѣтилось.

А. а) Шейн, Р. н. п. 231, N 85; б) ib. 232, N 86 и Варенцов Сб. п. Самар. кр. 41—2.

. . . Дѣвка платье мыла, звонко колотила . . .

(Ср. XLVII, 1)

Она педает или дает спасибо на привѣт молодца. Он:

„Душечка дѣвица, сшей ка мнѣ рубашку,
„Неткавши, непрявши, в руках недержавши!"
(v. Из алова цвѣту, котораго нѣту,)
. . . —Душечка молодчик, слей мнѣ перстенечик
( ) со краснова солнца:
Гдѣ-б я ни ходила, все бы я свѣтила.

Сопоставляю эти задачи, в виду Б, Г б), гдѣ дѣйствующія лица—пряха и кузнец. Другія задачи:

„Дѣвица хороша, напой мово коня,
„Середь синя моря, на камушкѣ стоя,
„Чтобы конь напился, ковер несмочился!"
—Смости мнѣ кроватку серед синя моря . . .
v. Сошей мнѣ башмачки с желтова пѣсочку,
. . . Башмак несносился (б), пѣсок перонился (б).
„Напряди вервицы со чистой водицы
(v. . . . дратвы из дождевой капли).
—Сруби, милый, терем из маковых зерен,
Чтобы были двери, двери дѣ кровати
(. . . . выстрой теремочик
Безо мху, без лѣсу, без бѣлово тесу).
„. . . . набери мнѣ ягод
Зимой об Крещеньѣ, лѣтом об Взнесеньѣ . . . [1])

[1]) В лит. п. Schl. Leseb. 19, свекровь посылает невѣсту „зимой за сѣном" (зеленью), „лѣтом за снѣгом".

Б. Болг. п. Милад. 471, свадебная (величанье жениха и невѣсты?), разм. 5+5.

Сино езеро скоро градено (?),
Во езеро е Гюро търго'ец . . .
. . . Бѣла Бояна платно бѣлеше,
Тога с рече Гюро търго'ец:
. . . „Тебе те кажвет баш работница;
„Яз ке ти да'ам поясмо и пол,
„Да ми напра'иш кнока [1]) кошуля,
„Кнока кошуля и бѣла риза".
. . . —Тебе те кажвет баш кувенджіа;
Яз ке ти да'ам драм и пол стребро,
Да ми напра'иш ковани гердан,
Да ми напра'иш и стребрен пърстен,
Що ке престанит, да ми го вратиш!
. . . „Егиди мори, бѣла Бояно,
„Како го рекоф, така го стекоф!

В. а) Юшкевич, Литов. свадебн. п. п. N 399, разм. 5+5; б), в) Leskien u. Brugm. Lit. Volksl. 54—5, N 95—6.

а) O kad aš gaucziau tokęn merguže̍lę,
Kad ma išáustu płonas drobiales . . .
. . . Be skiétu, nýčiu, be šaudyklės.
—Kaip tu užársi lýgius łaukužėlus
Be jáucziu, žágrės, be noragėlu,
Tai aš išausiu и пр.

(„Еслиб мнѣ добыть такую дѣвицу, чтоб мнѣ соткала тонкое полотно без берда, без ниченок (?), без челнока!" — Когда выореш ровное поле без волов, плуга, без лемеша, тогда я сотку и пр. „. . . чтобы пошила мнѣ рубашки без ниток, воску, без иголки!" — Когда ты выкосиш ровный луг „be viéku" (без усилій?), без косы, без бруска, тогда я пошью и и пр.).

„Ткаха" (audėjelė, audėjatė) есть в лит. п. обычное названіе невѣсты (на пр. Ness. 180, 33, 138, 230—1)

[1]) Тонкую.

и матери—хозяйки (ib. 44), как „пахарь“ (artojelis, artojatis)—жениха, мужа.

В двух других вар. задачи дѣвицѣ: спрясть лен без веретена, без прялки, соткать (как выше), вымыть без воды, мыла, валька; высушить без солица и вѣтра; развести развести огонь на льду без стали, без труту.

Г. а) Кар. Пјес. I, N 240, „на прелу“ (на супрядках), весняночный разм. 5+3:

Преле су преље с вечера.
Која је више напрела?
Мајкина Ружа највише.
Стигла је вала до цара,
Посла јој царе повесмо:
„Нај теби, Ружо, повесмо,
„Опреди мени шаторе,
„Што од тог теби остане,
„Опреди соби дарове,
„У мом и двору дерала!
„На мојој руци спавала!“
Мудрија Ружа од цара,
Послала цару срдачку: [1])
„Нај теби, царе, срдачку,
„Начини мени стан од ие,
„Што од тог теби претече,
„Начини себи дворове,
„По има ја ти шетала!
„На твојој руци спавала!“

б) „Куjунџија и Хитропрела“, разм. 4+6. Кар. Пјесм. I, N 242; ib. N 243 и St. Mažuranić, Hrv. n. p. 161 (сцена на рогах оленя, см. XX, 5, стр. 338); Кар. Пјесме из Херц. 217 (сцена на плывущем яворѣ, см. выше, XV, 5, стр. 237; в пѣсню внесены имена величаемых: Куjунџија Витковића Симо, Везилица Зотовића Аньа).

---

[1]) Сердечко из ткацкаго челнока.

Д. Нѣм. п. Uhland, Alte h. u. n. deutsche Volksl. I, N 4 и о пѣснях этого типа id. Schriften zur Gesch. der Dicht. u. Sage III, 213—5.

„Ich weisz ein fein brauns megdelin,
Wolt Got, sie wäre meine!
„Sie mueste mir von haberstro
Wol spinnen braune seiden.
—Und sol ich dir von haberstro
Wol spinnen braune seiden,
So muostu mir von eichem laub
Zwei purpurkleide schneiden . . .

Другія попеременно задаваемыя задачи: принести (чтоб можно было скроить платье из листьев) ножницы из Кельна (или „mitten aus dem Reine“) и для этого построить мост из одной вѣтки; в полдень показать звѣзды (или сощитать) и для этого сдѣлать лѣстницу до неба; взѣхать верхом на стеклянную гору; сдѣлать шпоры из льда; свить бичь из вина и воды и пр. В англійской (шотл.) п., как в литов., рѣчь с одной стороны о невозможном шитьѣ без иглы и пр., с другой о невозможном ораньѣ.

Смысл этих пѣсень, как показывают сербскія, тот, что дѣвица умнѣе молодца (Кар. Пјес. I, N 240, 243), или неуступает ему по уму. Это состязаніе ведет, как и в пѣснях „загадки“ и „диво“ к браку, и едва ли справедливо мнѣніе Уланда (l. c.), что „неразрѣшимыя задачи, в противоположность загадкам, показывают, что сватовство несеріозно и брак немыслим“. Так сначала думает жених в приводимых ниже сказках, пока мудрые отвѣты невѣсты не приводят к браку.

В Калевалѣ Вейнемейнен видит на краю радуги дѣвицу, золотым челноком ткущую серебряную парчу и просит ее: сойди ко мнѣ в сани и будь моей женою. Дѣвица превозносит дѣвичью жизнь и обѣщает исполнить его просьбу лишь тогда, когда он исполнит ея задачи, между прочим — из осколков ея веретена сдѣлать лодку (Калев. перев. Гранстрем, 36—8).

Отнесеніе всѣх пѣсень, разсматриваемых выше под XLVIII—L, к одному разряду со сказочным мотивом *о мудрой дѣвицѣ* (ср. Драгом. П. н. Украін. н. XVIII—XIX ст. I, 2, 137) дает, мнѣ кажется, слишком обширную категорію, пользованіе коею необѣщает никаких опредѣленных результатов. Я коснусь здѣсь нѣкоторых сторон вопроса об упомянутом сказочном мотивѣ (Jagić, Arch. f. Sl. Ph. V, 47 сл., 50 сл.; Драгом. l. c. 137—8) преимущественно по поводу встрѣченнаго выше названія дѣвицы *семилѣткой*.

Повѣсть о Муромском князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи (Пам. стар. Р. лит. изд. гр. Кушелев. Безб. I, 29 сл., старѣйшій список конца XVI в.), послужившая у нас исходной точкой изслѣдованія, лишь с извѣстными оговорками может разсматриваться, как „памятник нашей народной поэзіи“ (Бусл. Оч. I, 294). Это сочиненіе, составленное по образцу житій святых из заимствованных сказочных мотивов, по видимому, с туземными видоизмѣненіями и вставками. Составитель застал готовым сочетаніе и приуроченіе к одному лицу двух мотивов: убіенія змѣя и отношеній змѣеубійцы к мудрой дѣвицѣ. Это сочетаніе роднит „повѣсть“ со свад. сказаніем о Рагнарѣ Лодброкѣ (А. Веселовск. Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ, Ж. М. Н. Пр. 1871, IV, 131 сл.); но, если небудем заключать от неизвѣстнаго, а лишь предполагаемаго, повѣсть обнаруживает болѣе тѣсныя связи не со скандинавским сказаніем, а с другими. В первом мотивѣ змѣй повѣсти, летающій ко княгинѣ на блуд и принимающій вид князя есть скорѣе змѣй серб. п. „Царица Милица и змај од Јастребца“ (Кар. Пјес. II 255, Бусл. Оч. I 294) и сказки (Зап. о Ю. Р. II, 76; Чуб. II, N 46 и пр.), чѣм выростающій из маленькой змѣйки, вмѣстѣ с золотом на котором лежит, и окружающій собою терем дѣвицы змѣй саги. Связью между 1 и 2 мотивом в повѣсти служит то, что Петр от крови убитаго им змѣя острупѣл (сближеніе с Тором и Беовульфом, Бусл. Оч. I, 296). Мудрая дѣвица *два-*

жды исцѣляет Петра. Этой черты нѣт в сагѣ, но она есть в инд. сказкѣ (см. ниже) хотя и в другом видѣ. Февронія—дочь *древолазца* (бортника; черта, которая до сих пор кажется мѣстною, равно как и связанная с нею загадка Февроніи, что брат ея „иде черезъ ноги въ пави зрѣти"), или, что быть может не есть описка (см. ниже), дочь древодѣльца (плотника) (Пам. ст. Р. л-ры I, 41—2). Слуга князя застает ее в избѣ одну *„в простотѣ"* (неодѣую, в мр. сказкѣ голую). Это соотвѣтствует не задачѣ „прийти ни голою, ни одѣтою" (Веселов. l. c. 132), повторяющейся в сказках этого типа от Индіи до Скандинавіи, а именно особой чертѣ инд. сказки. Февронію застают *ткущею* кросна. Она *ткаха*, как дѣвица в пѣснях L. С этим согласна задача: из повѣсма льну сдѣлать князю сорочку, порты и полотенце, на что Февронія отвѣчает: „пока очешу это повѣсмо, пусть князь сдѣлает „в семь утицѣ", т. е. из [1]) этого утинка полѣница в пядь длиною—стан со всѣм, что к нему". Эта черта, чуждая сказанію о Рагнарѣ и, кажется, восточным сказкам, является в том же или сходном видѣ в пѣснях L, сказки про дѣвку *семилѣтку* (Костомаров в Пам. ст. Р. л. I, 49; Ао. Ск. VI, N 42 а и б и др. вр. и мр., в серб. ск. Кар. Прин. N 25, ближайшим образом связанной с пѣснею L Г, а, и в др. южнослав., Трансильванской, Итальянской, Arch. f. Sl. Ph. V, 578).

---

[1]) Предлогъ *въ* с мѣстным п. означает матеріал, из котораго нѣчто сдѣлано. Этого значенія у Миклош. Gr. IV, 656 сл., кажется, нѣт. Таким образом „почалъ въ деревцѣ вѣсочки дѣлать" (Тихонр. Лѣт. IV, 12) = из кусочка дерева; то, что царевич Соломон „взгради себѣ градъ *въ* древесѣхъ плетеныхъ вельми мудро" (Пов. о Солом. ркп. XVIII в., Тихонр. ib. 130) могло бы быть даже в XVII в., когда такой оборот был еще обычен, понято лишь так: сгородил город из плетенаго дерева, из плетня, а не *„в* плетеных деревьях". Поэтому это выраженіе едва ли имѣет отношеніе к трем теремам Соловья Будимировича, у которых „верхи с верхами свиваются" и сидѣнью Соловья Разбойника на 3-х дубах (Jagić, Die Christ. mythol. Schicht in der Russ. Volksepik, Arch. f. Sl. Ph. I 124).

Февронія выходит за Петра. Боярини нехотят, чтобы ими владѣла дочь бортника. Поэтому бояре наговаривают Петру, что у Февроньи безчинный обычай, вставая от обѣда, брать с собою крохи. Раз князь, замѣтив это, раскрывает горсть Февроньи и (совершается чудо) находит в горсти „ливан добровоненъ“. Эта черта ведет нас к слѣдующей.

Индійская ск. по Тибетскому переводу (A. Schiefner, Indische erzählungen, XLVIII, Viçâkhâ. Bull. de l'Acad. de SPb. XXIV, 494 слѣд.). Царскій министр посылает брахмана отыскать подходящую невѣсту младшему из своих 7-и сыновей, Виçâkha'ѣ. Сват находит дѣвицу, удивляющую его мудрыми рѣчами и поступками, по имени Виçâkhâ, и высватывает ее. Когда Виçâkhâ собирается в дом свекра, мать дает ей загадочныя для других, но понятныя ей наставленія (нѣсколько напоминающія обрядныя загадочныя поученія невѣстѣ в мр. свадьбѣ): „чти солнце и мѣсяц (= свекра и свекровь), смотри за огнем (= за мужем), стирай пыль с зеркала (= держи дом в чистотѣ), вкусно ѣжь. сладко спи (= ѣжь проголодавшись и покормив домашних, спи уставши от домашних работ), приставляй лѣстницу“ (лѣстница добрых дѣл для будущей жизни). У свекра Виçâkhâ, в ожиданіи своей очереди готовить пищу, сберегает *остатки благовоній* и пищи, в свой день прибавляет сбереженное к пищѣ рабочих и этим удваивает их работу. Она *исцѣляет* царя и потом свекра, рѣшает дѣла, которых немогут разсудить ея свекор и другіе министры, между прочим о двух матерях (суд Соломона).

Та странность, что взрослая дѣвица, невѣста, разгадывающая загадки и пр., в вр. и мр. пѣснѣ (XLVIII, O, П) и в сказкѣ (см. выше) названа *дьякой семилѣткой*, объясняется, по видимому, уподобленіем мотивов „мудрая дѣвица“ и „мудрый мальчик“, сопоставленных еще на индійской почвѣ:

A. Schiefner, Ind. erz. I, Mahaushadha und Viçâkhâ, Bullet. и пр. XXI, 433 слѣд.; Минаев, Индѣйскія

сказки, 27, Ж. М. Н. Пр. 1876, Май, 73 сл. Сказки эти представляют сочетаніе двух групп мотивов: о мальчикѣ семилѣткѣ (что вошло в сказанія о Соломонѣ, Веселовскій Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, pass., между прочим, 10 сл., 67—9, 89—90, 96—7, 345--9) и о мудрой дѣвицѣ.

Maȟaушadȟa (великое лѣкарство) получил это имя от того, что родился с зельем в рукѣ, которым его отец исцѣлился от *семилѣтней* головной боли (Минаев). Когда ему было 7 лѣт, ровесники выбрали его своим царем. Он строит дом для игр. Произносит мудрыя судебныя рѣшенія. Царь испытывает его задачами, между прочим: свить веревку из пѣску; прислать рису . . . не по дорогѣ и не без дороги, не по солнцу и не в тѣни, не через женщину и не через мущину, не верхом и не пѣшком; прислать молока и пр. от 500 волов и пр.

Формула рѣшенія задачь, в родѣ послѣдней, извѣстна по русс. и другим сказкам: царя доводят до утвержденія невозможности того-то, на пр. что мущина неможет мучиться родами, за тѣм спрашивают: а развѣ может быть то-то (от вола молоко)?

Maȟaушadȟa становится министром и продолжает судить, покоряет царю страну, присвоенную его министрами, доказывает, что ни в царѣ друга, ни в женѣ хранительницы тайны (= мр. ск. з паном небратайся и пр., Чуб. II, 530 сл., N 25—8), удаляет свою жену и ищет себѣ другой, ровни.

Он встрѣчает такую, Виçâkȟу, дочь деревенскаго *плотника* (см. выше), пытает ея разум и получает мудрые отвѣты, на пр. „гдѣ твой отец?“ — около мѣста, откуда невозвращаются (кладбища). „Что дѣлает?“ — Из одного два (= пашет) и пр. Она является ему раздѣтой (Schiefn. 457, как Февронья посланным князя). Ставши его женой, Виçакȟâ рѣшает дѣла, которыя и ему неподсилу. *Завидуя* этому другіе министры пытаются разсорить ея мужа с царем и пр.

Впрочем я педумаю, что подобныя сближенія рѣшают, что и в других случаях мудрый мальчик семилѣток (Пов. о Димитріѣ Басаргѣ кіевлянинѣ и о мудром сынѣ его, Пам. ст. русс. литер. II, 347), или богатырь семилѣток (на пр. отнимающій у змѣев золотую гору и побивающій их (Чуб. II, 167; мое соч. О мио. зн. нѣкр. вѣр. 240 сл.; К ист. зв. и пр. III, 75 сл.) суть непремѣнно и вполнѣ заимствованія. Весьма распространено мнѣніе об отношеніи семи лѣт возрастанія, отсутствія героя к солнечным миоам (на пр. Mannhardt Germ. myth. 160—1 и указатель под sieben).

LI.

Золотыя ворота. Двор на столбах.

1. Величанье, кромѣ главнаго мотива, состоит в том, что „знати, знати, котре господарь“ (v. котре то газда): . . . „в дому золоти ворота“, „подвіряъ сріблом леліе“ (v. все срібно біле) (Гол. IV, 110, 543; выше—XIV, стр. 189); он „ославився“ (= усславився = възславився) v. „прославився“:

Золотим терном огородився
(A) коло терна золоті ворота,
v. Огородив двір щирим (v. білим) залізом,
Зробив ворітця з щирого злітця . . .

(Чуб. III, 294—5, 357; ср. ib. 387, 433, 423—4; с таких ворот, как с чудеснаго явора, птицы оббивают золотую рясу, Чуб. III, 391, выше XXXIV, 1, O, стр. 460). См. также выше XII, 2, стр. 144, 147—8. В бр. волочобных п. „славного пана“ узнаешь не по чему, как по надворью: двор „тростьем трощен, ворота золоты“ (Безс. Бр. п. 3), или

Зілезный тын, мідяный ворота,
Шулы [1]) то́ченыі, пазалочиныі,

---

[1]) Столбы; шу́ла (как у Даля и Носов.) или *шул?* „стѣны в сѣнях и коморѣ не рубятся из бревен, как в хатѣ, а дѣлаются из досок вставляемых в столбы, „у шулы“, Черн. г.; отсюда б. м. с начальным *у:* ушула: „замісь ушу́л — рублена башта, и під башту вже—дубові ворота“ (Куліш, Чорна Рада). Ср. лит. *šulas,* столб, верея, поль. szuło, др. в. н. sûli, sûl, гот. saulo (Matzen.).

Падворотніца—сланёвая кось
(Шейн Бр. п. 76; ср. ib. 43, 83, 98);

Кол. N „Обмуровав двір білим каменем,
А ворітечка з жовтої меди

(Чуб. III 275, 387; мѣдныя ворота — обычная идеализующая черта лит. и лот. п. на пр. Юшкев. Свад. п. N 86; Спр. 192, 194: wara wârti sudrabiņa stabiņēm).

В морав. кол. (Suš. 749):

Ková synek, ková vrata,
Ty vrata jsou z stříbra, zlata,
Svítilo se po všem dvoře,
Po všem dvoře i v komoře . . .

В обжинковых пѣснях у пана—„золотая брама“ (Чуб. III, 241, 244; Гол. IV 196, 199; ср. Шейн Бр. п. 218); в свад. „ворота з самого золота“ в домѣ молодого, Гол. IV 260. См. также трое ворот, Объясн. мр. п. I 74 слѣд.

—

2. Черта „двор на столбах“ одна или вмѣстѣ с золотыми v. мѣдными воротами, как кажется, изстари связана с другим главным величальным мотивом: в терему (или теремах) — то-то (на пр. мѣсяц, солнце, звѣзды), но это не то-то, а хозяин, хозяйка, дѣти. Взятое в общих очертаніях это сочетаніе находим и в приводимой ниже серб. пѣснѣ.

А. Виноградье (кол.), Терещ. VII, 59; Шейн Р. н. п. 365—6; Колосов Замѣтки о яз. и пр. 252—3 (Вят.); ср. свадебную ib. 263.

Уж как шли (наши) [ребята] колядовщики.
Виноградье красно зеленье (v. зеленое) мое!
Сочили-искали господинова (v. N) двора:
Господинов *двор* на семи верстах,
На семи верстах, *на восьми столбах,*
(Что) вокруг двора тын серебряный . . .
На всякой тынинкѣ по жемчужинкѣ,
Во этом тыну (да) три терема
( ) златоверхіе,
В первом терему свѣтел мѣсяц,

Во втором терему красно солнышко,
В третьем терему часты звѣздочки;
Свѣтел мѣсяц, то хозяин в дому,
Красно солнышко, то хозяюшка,
Часты звѣздочки—малы дѣточки.

Б. Бр. волочобн. Шейн, Бр. п. 43:

. . . Богатый двор, желѣзный тын, мѣдныя ворота, „защепочки (шулы, столбы?) точеныя, позолоченыя“, в теремѣ 3 окна, в 1-м мѣсяц, во 2-м солнце и пр.

В. Шейн, Бр. п. 45—6: желѣзный тын, ворота золотые, вереи мѣдныя, подворотница рыбья кость,

У тваем дварку (так) як у вянку,
Пять церамов с прицяромками,

в них мѣсяц—сам, зоря (солнце?)—жена, буйны вѣтры—сыны, звѣзды—дочери, зори—невѣстки.

Кажется, что пѣвцы незнают как быть с этим двором на столбах.

„Двор на семи столбах, на восьми столбах
. . . На самом дварѣ три церема, Шейн, Бр. 55.

Слово *двор* изстари имѣет два главныя значенія: а) жилья (откуда между прочим в серб. п. бијели двори) и совокупности хозяйственных построек и б) мѣста под жильем и пр., дворища, подворья (мое соч. К ист. зв. и пр. IV, 6). Неясность разсматриваемаго здѣсь образа сказывается в колебаніи между этими значеніями. Гдѣ говорится, как в А, что двор на семи верстах, там разумѣется дворище; но первоначально этой черты могло вовсе небыть, как, вѣроятно, небыло ея в великорусском первообразѣ слѣдующей щедр. (село Юриновка, Новгородсѣверск. у. Черн. Губ. Вѣд. 1855 г. N 20, стр. 169; сохраняю сомнительное правописаніе подлинника):

Я хадыв, я блудыв да па навых гарадах,
Свят вечер, щедрый вечер,
Добрым людям на здоровье!
Я шукав, я пытав каралеваго двара.
Гаспадара *двор на трох стовпах*
( ) на четырох городах (?).

Да бувай же здоров, пане господарю
у дамочку,
З сваею женою, из дитками
у раёчку [1]).
Що ясный мисяц, дак то сам господарь,
Для (=возлѣ) мисеца зорушка, дак то єго жонушка,
А дрыбные звѣздочки, дак то єго діточки.

Сюда же кол. необычнаго размѣра [2](4+3), доставленная мнѣ в рукописи:

Що в нашого панотця золотиї воротця,
А за тими ворітьми стоять стовпи золоті,
А за тими стовпами стоять столи заслані,
А за тими столами сидить батько з синами
( ) пише листи перами (: ?)
Шо на небі молодик, да то божий чоловік;
Шо на небі зора, да то божая жона,
Шо на небі зірочки, да то божі діточки [2]).

Столбы здѣсь как бы портик или перистиль.

Рядом с семью столбами постройки упоминается семь верст протяженія дворища. Так у Соловья разбойника, кромѣ извѣстнаго гнѣзда на 7-и, или на 3-х, 9-и, 12-и или тридевяти дубах,

---

[1]) Испорчено. Ср. Чуб. III, 445, 481:
... В свому (чит. сёму) дому, як у раю:
Тут господар, як виноград,
Господиня, як калина,
А діточки, як квіточки.
Ср. также начальные стихи в п. у Гол. IV, 551—3, *ненародной*, впрочем довольно вѣрно суммирующей колядные мотивы:
Гой ти пане господарю,
В тебе в дворі, як у раю...

[2]) Ср. кол. у Zieńk. 34—6: „У Турові на моравіє костел неерубленый, 3 окна, в них солнце, мѣсяц, звѣзды; но это не солнце, а сам Господь Бог, не мѣсяц, а Сын Божій,
Не єст вони ясние зиронькі,
Але єст вони божие діти.

Был двор на семи столбах,
На семи столбах, на семи верстах,
Около был булатный тын . . .
. . . Было здѣлано три терема златоверхіе,
Вершечки с вершечками свивалися . . .
. . . Крылечки с крылечками сплывалися,
Розсажены были сады да зеленые.
(Рыбн. II 332).

Число столбов удесятеряется, увеличивается во сто раз, вмѣстѣ с чѣм или *α*) эти столбы отождествляются со столбами ограды, тынинами, или же вмѣстѣ с тѣм β) самое зданіе принимает громадные размѣры:

α) В кол. (виноградьях) Сах. Ск. Р. п. кн. 3, 16—7; Шейн Р. н. п. 367, „боярскій двор на семи верстах, на семидесяти столбах“; Ефименко, Матер. по эти. Арханг. г. II, 93:

Господинов двор на семидесяти столбах,
Что на каждом столбушкѣ по свѣчкѣ горит,
Что на каждой свѣчкѣ по жемчужинкѣ . . .

β) В былинѣ про Дюка Степановича, Ефим. ib. 35—6:

Как у Дюка *двор* [1]) на семи верстах
Крыт был мѣдью зеленою,
Зеленою мѣдью козарскою,
Которая дороже красна золота.
Круг Дюкова широка двора [2])
Оградушка ведена была булатная,
По той по оградѣ булатныя
Сажены были вѣнчики красна золота . . .
Во той во оградѣ булатныя (т. е. внутри)
Надѣланы были бойни, кузницы . . .
Во той-то оградѣ булатныя (внутри ея или в ней самой?)
Было триста столбов серебряных,
Четыреста было золоченых,

---

[1]) Зданіе.
[2]) Подворье.

Мѣдных и желѣзных числа смѣты нѣт,
Хорошо было у Дюка устроено:
Крылечко у Дюка хрустальное...
...*Дверцы* у Дюка *хрустальныя*...

—

Дом р его на семи верстах,
А и *крыт* он мѣдью козарскою...
...Огородочка была на семидесяти верстах,
Еще триста столбов да серебряных,
Еще триста столбов да позолоченых...

(в дому 3 церкви: Спасу, Богоматери и „Дюковой родной матушкѣ“).

Наконец, „двор“ рѣшительно понимается в смыслѣ дворища и „столбы“ исчезают:

Двор у него (Чурила) на семи верстах,
Около двора желѣзной тын,
На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Середи двора свѣтлицы стоят...

(Трое ворот: „вальящатыя“ для князя с княгиней, хрустальные для князей-бояр, оловяные для простых людей), Кир. IV, 81—2.

3. Серб. п. „Гјургје Даничић“ (Vienac... Andriji Kačić-Miošiću 1861. 134—5) обычнаго склада сербских юнацких п. представляет сочетаніе двух величальных мотивов: одного, общія черты коего указаны выше (2) и другого—поѣздка к царю и сватовство. Об этой п. по поводу имени главнаго лица, упомянуто выше (стр. 75):

У нашега [1]) Даничића Гјургја
Бјели су му на стубови двори,
На стубови и на чекркови [2]):

---

[1]) Как в мр. кол. и обжин.: А в нашого пана...

[2]) *Чекрк* (турец.) колесо. Так в серб. п. поварачивается перья на шапках: челенке се на чекрк окрећу; ...па се крило на чекрк окреће, Те казује који вјетар пуше (Кар., Рјечн.).

Врата му се за сунцем окрећу,
А пенџери за јасним мјесецом.
У двору му *срчали* [1]) *чардаци*,
На чардаку девет паунова',
И у них су девет пауница',
И код них су девет паунчади,
Пред њима је пауница стара,
А пред њоме мудра видра игра.

Если бы здѣсь сказать, что это не 9 павлинов, а 9 сынов и т. д., то получилась бы пѣсня в родѣ виноградья (выше 2, А); но серб. п. отдѣляет такое окончаніе от приведеннаго начала вставкою:

Књигу пише српски цар Стеване,
У књизи је Гјургја поздрављао:
„Чедо моје, Даничићу Гјургје!
„Твоје с' чудо чак у царство чуло (ср. выше 403, 408, 433);
„Дођи мени на јеглена [2]) сине!"

Письмо это испугало Юрья, но жена утѣшает его и уговаривает ѣхать. Конь у Юрья, какого и у царя нѣт.

Код је био близ царева града,
Код града је коња заиграо,
А на граду бедем прескочио [3]).

Царь угощает его 3 дня, за тѣм спрашивает:

„Је л' истина што говоре људи,
„Да су твоји на стубови двори и пр.
—Истина је што говоре људи,
Да су моји на стубови двори,
На стубови и на чекркови,
И у двору срчали чардаци;

---

[1]) Стекляные. Ср. выше „дворцы хрустальные".

[2]) На бесѣду, на разговор.

[3]) По богатырскому обычаю. Так в болг. и Секула Преку беден со коня прескочи (Милад. 84); в вр. был.: „Пріѣхал ко городу ко Кіеву,
Перескочил через стѣну городовую,
Через тѣ башни наугольныя, Кир. IV, 40.

У мене је девет кула блага,
Па ја градим, што је мени драго.
А што кажу девет паунова'
То су мојих девет милих сина';
А у них су девет пауници,
То сам моје иженио сине;
Што су код них девет паунчади,
То су мојих девет унучади;
Што пред нима пауница стара,
То је моја Видосава љуба;
А што пред ном мудра видра игра,
То је моја кћерка јединица,
Јединица Грозда млезиница...
...Па бесједи српски цар Стеване:
...„Дај ми Грозду за Милоша мога,
„За Милоша родјена сестрића...
—Хоћу царе, а за што да нећу?...
...И ја хоћу да идем у царство!

— *Двор* Юрья *на столбах*, в коем ворота поворачиваются за солнцем, а окна за мѣсяцем, и дворы на столбах в был. о Дюкѣ и др. русс. пѣснях, идут от посланія Пресвитера Іоанна (XII в.) и его пересказов (между прочим Witte de Hese, XIV в.), изображающих чудеса Индійскаго царства. См. Веселовскій Ю.-р. былины III—XI, 172 слѣд. Из приведенных здѣсь текстов привожу лишь немногія черты: Habitacio presbiteri Johannis ... habet bene in longitudine duo miliaria teutonica et eciam bene tantum in latitudine ... et palacium stat super columpnas ... et media inter istas columpnas est maior aliis, et ad hanc sunt facti 4 magni gigantes ... stantes inclinatis capitibus subtūs palacium, acsi portent totum palatium ... Et ibi est speciale palacium presb. Johannis ... et illud potest volvi ad modum rotae et est testudinatum ad modum coeli ... Et ibi est ... capella ... rotonda ad modum coeli stellati et transit circumeundo ad modum firmamenti ... Dormitorium presb. J. ... testudinatum et stellatum ad modum firmamenti,

et ibidem est sol et luna cum septem speris planetarum, tenentes cursus suos, ut in coelo ... (ib. 185—7). ... pavimentum de magnis tabulis cristallinis ... quinquaginta columnae de auro ... et una quaeque in suo cacumine habet unum carbunculum ... quibus illuminatur palatium ut mundus illuminatur a sole (ib. 182). Там есть чудесная колоннада в 14 этажей, стоящая на одной колоннѣ, в средних этажах — о 64-х колоннах и завершаемая одной колонной, на вершинѣ коей — speculum tali arte consecratum, quod omnes machinationes et omnia, quae pro nobis et contra nos in adjacentibus ... provinciis fiunt, contuentibus videri possunt et cognosci (ib. 181. Ср. русс. редакцію по сп. XV в. ib. 251—4, гдѣ между прочим „птица ногои, вьет себѣ гнѣздо на 15 дубов“). Зеркало невошло в пѣсни, но оно напоминает дворец змѣя в сказкѣ, повертывающійся на серебряном столбѣ, как мельница, с видом на всю вселенную. Сюда ли дворец змѣя и избушка Яги на курячьяей или сорочьей ногѣ (мое соч. О миѳ. зн. пѣкр. обр. и пов. 253—4; Аѳ. П. В. II 530—1) и имѣют ли они связь с городом вилы на вѣтви облака (Объясн. мр. п. I, 76—7), это пусть остается вопросом.

Мудра видра и пр. пѣсни о Юрьѣ Даничичѣ встрѣчается и в другой пѣснѣ о Чабанѣ Михатѣ, Кар. П. III, N 62 (см. выше стр. 343—4). Здѣсь выдра—мать, куна—жена. В болг. п. Милад. 462, дѣвица желает найти молодца супротив себя,

Що пепіет вино и ракія,
Що му пеит са'ат (часы) во пазу'а,
Що му играт коня во дворе'и,
Що му играт куна на колена.

В бр. зажнивной (величальной), к сожалѣнію извѣстной мнѣ лишь в одном вар. (Носович, Бр. п. в Зап. Г. Общ. по Этн. V, 94):

Да зелёный бор, зелёный, над усими борами,

Да славёный (?) [1]) пан, славёный над усими панами:
У пашего пана куня (я?) на дворѣ играе,
На дворѣ играе, соболя вызывае:
„Собо́лю, соболю, погуляем з тобою,
„Розвеселим пана и паню молодую!“

— Царь зовет Юрья „*на јеглена*“. Соотвѣтственныя черты колядок („Кличе тя господь на порадочку“, „на бесідочку“, „Цар цебе завець, дачку аддаець“ и пр.) см. VI, стр. 93—5.

Описаніе дворца, „То се чудо чак у царство чуло“, призыв к царю, вслѣдствіе слухов о богатствѣ [2])— в двух болг. Лазарских (величальных) п.: а) Милад. N 605; б) ib. N 634):

а) Иване, Иване, челебія!
Имаш дворе, Иван, стамболови [3]),
На двори-те скали [4]) от каграгош,
Пармадзи-ти [5]), Иван, от флорина,
Вратици-те, Иван, *позлатени* и пр.
Услышал „цар-от ем везир-от“ послал два кавааа,
„Донесейте, (Иван) богат Иван,
„Да го видам „ „ що човек је!
Донесоха „ „ богат Иван,
Да го виде „ „ цар-от, ем везир-от
Да му вели „ „ ем говоре,
Да си даде (Ивану?) негова щерка.

---

[1]) Может быть, зелён, славён?

[2]) Отчасти сходен первый мотив былины про Ставра Годиновича (Кир. IV 59 сл.), который на пиру у князя „за очи“, т. е. не в слух, а „поединѣ с товарищем“ похваляется, что у него двор нехуже города Кіева (двор на семи верстах и пр., как у Чурила, Кир. IV 81—2 и др.). „Доносили о том . . . князю“, он сажает Ставра в погреб и посылает двор его запечатать. 2-й мотив, переодѣтая жена выручает Ставра из тюрьмы, тоже очень распространенный, см. О. Миллер. Илья Мур. 635—9.

[3]) Как Стамбул?

[4]) Лѣстницы.

[5]) Перила.

б) Пофалил се богат Иво:
„Яс сум богат и пребогат
„И от цара и везира:
„Стреде дворѣ лепа кукя,
„Диредзи-те [1]) позлакени,
„До две мжски обружани (?).

Царь посылает за ним 3-х вѣстников и спрашивает, правда ли? Иво:

„Не сум богат сос стока-та,
„Тук сум богат со кукя-та:
„Това що є лепа кукя,
„Това ми є домакинка;
„Диредзи-те позлакени,
„Тіе ми сет синови-те;
„А мжски-те обружени (?)
„Тія ми сет мили керки.

---

[1]) Столбы, колонны.

LII.

Мѣсяц, солнце, звѣзды в терему. Построеніе церкви.

1. Главный мотив колядок LI, 2, А, Б, В встрѣчается и без связи с „двор“, „столбы“ и пр., как в слѣд. бр. кол. (сообщ. г. Садовским):

А. А у короля пасярод двара,
Стаіць святёлка нава навенька,
А в той святёлцы чатыры акны:
В першим аконцы ясен мясячик,
В другім аконцы ясная зара,
В трецім аконцы цёмная хмарка,
В четвёртым акне дробныя звезды;
Ясен мясячик, то сам гаспадар,
Ясная зара, то яго жана,
Цёмная хмарка, то яго матка,
Дробны звездачкі—яго дзетачкі.

Б. Также в щедровкѣ Метл. 342 и пр., гдѣ предполагаю связь с мотивом „дерево плывет“ (см. выше стр. 238—9 и 233 слѣд.).

2. Построеніе церкви в мр. кол., неимѣющее ничего общаго со строеніем „задушбины“ в серб. и болг. [1]), в нѣскольких вар. является без вышеупомянутаго мотива (мѣсяц и пр.):

---

[1]) Как историч. пѣсня — Кар. II, N 36—7 „Зидање Раванице“; Милад. N 47 „Дечански манастир“; как величанье (колядка?) — Dozon. 62 („Дане бане, джелепине...“. „Джелепин“, счетчик овец для подати, торговец скотом, к которому обращена пѣсня, титулуется традиціонным именем Дана-бана, как рѣка—Дунаем. Об этих пѣснях — Халанскій, О серб. и. п. Косов. цикла, Р. Ф. В. 1883, отд. отт. 9—14. Немогу

А. Кол. Гол. IV, 533. Безлично: „церков мурують“ з 3-мя верхами, гдѣ служба за господаря и пр.

Б. Гол. IV, 5—6: „Ци дома N?“ Он в „темнім лісі“... церков мурує“ и пр. сходно с А. Сюда же Чуб. III, 422.

В. Гол. IV, 436 (подправленная).

Г. Гол. II, 6—7: 3 дверей, 3 окна, в одних дверях — сам Господь, в других — Матінка Божа, в 3-х — св. Петро.

Выше (XXX, В, стр. 426, 438—9) была рѣчь о сочетаніи мотива „Волоси церков мурують“ с мотивом „плѣн“. Другіе вар., как Д, Е, представляют сочетаніе построенія церкви с посѣщеніем хозяина 3-мя гостями: солнцем, мѣсяцем и дождем (гл. XIV, 1).

Д. Кол. Чуб. III, 411—2. Начало — как в Б. „Чи дома?“ Господарь... в лузі... церков, 3 верха, 3 окна, в которыя...

Е. Чуб. III, 434 и пр.

У бору, в бору *волохи поють* (вар. *гудуть*)
... церков будують з 2 (4) вікнами...
В перше віконце *вскочило* сонце,
... місяць ... дощик.

Далѣе слѣдует новый и посторонній мотив, ради коего прибавлено к 3 обычным 4-е окно: в него „*ангел* улинув, слізку уронив“, из которой ручей, Дунай... молодец в челнѣ.

Это самое начало, или с небольшими измѣненіями, служит запѣвом мотивам: молодец в лодьѣ кудри чешет (Чуб. III 434), листи пишет (Чуб. III 305—6); панна в челнѣ шьет 3 ширинки (ib. 306, В), панна гоголя кличет (ib. 306 Б и рукоп. вар. П. С. Ефименка): „По тому Дунаю Олеся ходить... огуля кличе: Пливи огулю ближче к берегу...; Бог купается с Петром“ (ib. 307).

согласиться с мнѣніем автора, чтобы гдѣ бы ни было в болг. кол. „Дане-бане“ значило „данный (в смыслѣ *названный, принимаемый* за такого) Ван“. *Дан* никогда такого смысла неимѣло, а если это есть слав. имя, то, как собственное, оно потеряло этимологическое значеніе (то что в Богдан).

Ж. Волочобн. Шейн, Бр. п. 116:

А в ляску, ляскý, на жовтым пяскý
Салавьї гудуць, церкву будуюць
С трамя акнамі, читырьмя углами:
У вадно вакно сонце *увайшло*,
В другоя вакно месяц увайшов,
В треція вакно *сокал* уляцев,
. . . слязу уранів", из нея рѣчка, на рѣчкѣ пава *плыла* (!), перья роняла и пр. (XLIV).

О соловьѣ, сколько извѣстно, никогда неговорится, что он *гудет* Если предположить здѣсь замѣну вышеприведеннаго „Волохи гудуть" т. е., в древнем смыслѣ слова, играют на инструментах, то этим, конечно, неустранится вопрос, что повлекло за собою такую замѣну? Можно бы думать о вліяніи былин о Соловьѣ Будимировичѣ и его трех теремах, или даже о Соловьѣ Разбойникѣ [1]), былин, которыя впрочем, если и были когда либо извѣстны в бѣлорусских мѣстностях, то давно забыты. Слѣдует упомянуть и о мр. веснянкѣ (без сомнѣнія извѣстной на Бѣлой Руси), в которой соловей, вьющій гнѣздо, есть образ строителя дома, чѣм дан матеріал для перенесенія образа в значеніе, т. е. для представленія строителя соловьем:

Ой там на горі дим, не дим? [2])
Там соловейко гніздо звив,

---

[1]) У Гильф. 303, Владимир говорит Соловью Разб:
„Положу я тя во Кіев град да воеводою".
. . . — Ай положишь ты меня да *воеводою*,
А всѣ будут во Кіеви от меня *вояти* (выть):
А сердцо мое да есть разбойницко.—
. . . „А положу я тебе *в монастырь* благовѣщенской *строителём*".
—А нестроитель я буду монастырю, разоритель вѣдь.
Проф. Ягичь думает, что это — основныя черты образа Соловья разб., а не позднѣйшія наслоенія (Arch. f. Sl. Ph. I, 121).

[2]) Вар. „дим та дим", Чуб. III, 177; „Ой там на горі диво, не диво" ib. 138, вмѣсто чего архаичнѣе и согласнѣе с размѣром было бы „див, не див" (ср. поль. dziw, диво). Ср.

Да всю ніченьку невсипав,
Собі галочку прикликав:
„Ой чи будеш ти, галочко,
„Моїм діткам маткою?“
Ой там на горі дим, не дим?
Ой там Василько дом робив,
Да всю ніченьку невсипав
Собі дівчину прикликав:

Чуб. III, 85: „Чи диво, чи не диво? Пішли дівки на війну...“, т. е. неудивительно ли? Да, это удивительно, „чуда великога!“ *Дым* не есть ошибка, вм. *диво*. *Диво* (удивленіе) представляется *дымом:*

Некурила, нетопила, по сінечках *димно*,
А як вийду із Івниці, комусь буде *дивно*
(Метл. 58).

„Мені, Секлето, снилась Тимошенкова Настя: здаєтьця, я бачу, що у її дворі огонь: так поломъя и піднімаєтьця стовпом, а потім дим, такий дим, такий дим, да кучерявий, так и качається по землі!“—Кажуть, буде якесь *диво*, обізвалась Секлета (Осн. 1861, V, Хуртовина, 74). Недопуская сближенія по созвучію, я объяснял связь *дим—диво* посредствующими ступенями: удивленіе - зрѣніе (мр. *дивитись*, смотрѣть; По тім боці огонь горить, по сім боці *видно*, Як поїдеш з України, комусь буде дивно, Метл. 39), а зрѣніе представляется быстрым (в загад.), как и дым (в загадкѣ дым= „сын (печи) хитер (=серб. хитар), под небеса ушол“; дым—птица: „летів горобець через хлівець та в гору хур, хур!“; серб. „голуб гуче наврх куће, плете гаће, путоват ће“; о быстром бѣгѣ: „заяць так як дим, так и котитця, та прямо на мене“). Отсюда, я думал, в загадкѣ кривая труба=косые глаза, прямо дым=прямо смотрят: „Ако је димњак накриво, управо дим излази“ казала некаква разрока ђевојка, код су просци, гледајучи је, рекли између себе: „лијепа кућа (мр. світлиця =дівка, Метл. 220), али димњак стоји накриво!“ Карадж. Посл. 3. (О нѣкр. симв. в слав. н. поэз. 58—9). Однако вѣроятнѣе, что мр. *димно* = *дивно*, п. ч. дивно = завидно, а зависть ѣст глаза как дым или чад. В этом смыслѣ, быть может, вр. „выстроил такой (большой, славный) дом, что дымно смотрѣть“ (Соврем. 1856, XII, Зап. о Малмыж. у.); „на него и смотрѣть дымно v. пыльно“, так роскошно живет, Даль Сл.

„Ой чи будеш ти жоною
„Моїм діточкам слугою?“

3. Подобно этому кол. (щедр.?) Гол. II, 51, гдѣ орлы муруют, представляет сочетаніе мотива „построеніе церкви“ с другим: „птица (сокол на яворѣ, XIX, 1, А, Б, стр. 266, 269) вьет гнѣздо“:

Де ся взяла [сива] зозуленька,
[Та й] всі осади пообліта́ла,
Но у еднім (саду?) небувала
(см. выше стр. 317—8),
Де ся церков мурована:
Мурували [ей] *три вірлоньки*,
Ино един немуровав,
Но им тілько розказовав:
„Кладіт на спід біле камінье,
„По каміню сиру дубину,
„А по дубині та кленинoньку,
„Під самий верх біле залізо,
„На самий верх золотий хрест...
(Сам Бог попом и пр.).

---

3. Отдѣляя построеніе церкви от величальнаго мотива LII, 1, можно в этом послѣднем различать двѣ главныя составныя части:

а) Мотив „на небѣ солнце и в теремѣ солнце“ и пр., по всей вѣроятности, литературнаго происхожденія, быть может, восходящій через средніе вѣка к гомерическому

ὥστε γὰρ ἠελίου αἴγλη πέλεν ἠὲ σελήνης
δῶμα κάθ' ὑψερεφὲς μεγαλήτορος Ἀλκινόοιο
(Од. VII, 84—5, откуда ib. IV, 45—6),

Это „общее мѣсто“, говорит А. Н. Веселовскій, имѣло „быть может, реальное основаніе, в каких нибудь хитрых деталях средневѣковой архитектоники“ (Юж.-русс. былины, III—XI, 91). Можно бы сказать: не „имѣло основаніе“, а поддерживалось или вызывало подобныя украшенія.

Ср. выше, стр. 437, мѣсто из Ип. л. о Холмской церкви. Если неошибаюсь, потолок часовни в Карловом Тынѣ близь Праги украшен солнцем, мѣсяцем, звѣздами.

б) Прикрѣпленный к а) мотив: мѣсяц — господарь, солнце—господыня, звѣзды —дѣти имѣет широкія туземныя миѳическія основанія. См. выше стр. 416 сл. и т. п.

Кол. Чуб. III 434 (LII, 2, E) внѣшним образом связывает разсматриваемый мотив со слѣдующим (LIII), самостоятельным.

LIII.

Молодец в чолнѣ.

А. Кол. Гол. IV, 53—4, N 29, Славск Стрыйскаго округа:

Ой вода, вода човном хитає,
Воїн бо, воїн
Над усе (s. вм. все) війско подобен!
Що ж у тім човні? Гайноє паня,
Що за панятко? На ймя Василько.
Що ж він там діє? *Стружі*(=ê)*чко* струже
. . . Огника кладе, золото топит,
. . . Зброїцю злива'т, на слуги вола'т:
9 „Ой слуги мої, котри вірниї!
„Коні сідлайте, зру(о?)ї збірайте,
„Беріть же собі та сніпок стрілок,
„Та сніпок стрілок, тугиї луки,
„Тугиї луки, остриї мечі,
„Бо поїдемо та на Львів город . . .
(слѣдует осада города, мѣщане откупаются).

Б. Кол. Гол. IV, 50, N 23, Тышевница, Стрыйскаго округа:

Ой хиче, хиче вода човноньком,
Дунаю, гей Дунаю,
Тиха водонько, помалу! [1])
А в тім човнику гордий панонько,
Гордий панонько чо-м Василенько,
Ой сидит, сидит, *струженька* струже,
. . . огник кладе
. . . Котли облива'т (s. вм. *-ать),* царя визира*'т*
(=вм. -ать)

---

[1]) Т. е. хитай човном помалу.

(N вызывает на бой турецкаго царя). В А, начиная с половины 8-го стиха, другой мотив: N созывает слуг в поход (ср. IX, 4, стр. 129 сл.). Пришёв „воїн“ и пр. вызывает ожиданіе подобнаго мотива. В Б отмѣчу очень устарѣлую и рѣдкую ф. *хиче* (неопр. **хытати**) при болѣе позднем *хитає* в Б.

В. Кол. Чуб. III, 434. Сложное начало „Волохи поют, церков будуют и пр.“ см. выше, LII, 2, Е. Далѣе:

11 . . . в тому Дунаю [да] пливе човничок,
[А] в тому човничку красний панич(у),
Красний панич(у) да Михайлонько;
У правій ручці весельце держить,
А в лівій ручці щучий [1]) гребішок,
. . . Кудерки чеше, на Дунай [несе] (=мече):
„(Ой) пливіть, пливіть, мої кудерки,
„Бистрим Дунаєм, к крутому берегу!
„Там моя матка водицю бере,
. . . „И вас зачеркне, мене спомяне:
„„Се ж такі [да] кудерки, як мого сина,
„„Як мого сина (да) Михайлонька!““

Думаю, что с одной стороны А и Б, с другой В изображают два момента одного и того же положенія. В обоих случаях N—воин.

В А и Б перед ним новыя битвы, за ним прежнія: древко его копья изломано (?) и он стружет новое (см. ниже *струженіе);* панцырь или латы пробиты и он топит металл, чтобы их заливать. В Б это принято за обливанье котлов, что совсѣм некстати, но, раз броня забыта, наиболѣе близко к починкѣ брони. Признаком забвенія первоначальнаго смысла выраженія *„стружічко струже“* (А) считаю мн. ч. *струженька* струже (Б) вм. *струженько* Из такой колядки перешло в другую (Чуб. III, 273, Ж, Овруч. у.) то, что воин

Наперед війська струженьком *струже*

в смыслѣ:

---

[1]) Т. е. рыбій. Ср. „дорог рыбій зуб“ вр. былин.

Наперед війська копьем вихає,
А назад війська мечем рубає.

Ст.-русс. *стружие* замѣчено лишь дважды в Сл. о П. Иг. („чьрлѣна чол(ъ)ка — сребрено стружие“ красный бунчук на серебряном ратищѣ; Всеслав „дот(ъ)чеся стружиемь злата стола Кыевьскаго“) и раз в Хожд. Данiила Палом.: „есть бо Распятие Господне . . . на камени высоко было яко стружия возвыше“ (Сах., ск. Р. н., кн. II, 8, 14).

В В неговорится куда и зачѣм ѣдет N, но отношеніе к матери (ср. выше, стр. 203) — может быть, вѣчная разлука. Мать вспомнит о нем по кудрям, как в сказкѣ по золотому или другому чудесному волосу, приплывшему к устью рѣки, узнают, что выше по теченію есть неслыханная красавица (на пр. Шидди-кур, Эти. сб. VII, 100). На существованіе пѣсни, гдѣ, быть может с такою же цѣлью, как в В, N „стружечко стругал“ стружки на воду метал, указывает вр. величанье:

Как по морю, морю синему,
Не здунай!
По синему морю по Хвалынскому
Тут и плыло выплывало тридцать кораблей,
( ) со единым кораблем.
Как один то корабль наперед забѣжал,
( ) как сокол залетѣл.
Как на этом корабликѣ немножко людей
( ) со единым молодцом (N N)
N-то по кораблику похаживает . . .
. . . Уж он *стружечки строгал, во сине море бросал,*
Уронил с правой руки златой перстень

(чтоб добыть этот перстень, товарищи закидывают сѣти, выневаживают 3 окуня—цѣны нѣт). Ефим. Матер. по эти. Арх. губ. II, 112.

Что пѣсня типа В могла имѣть при себѣ другую, гдѣ N давал знать о себѣ матери, пуская на воду не волосы,

а стружки от стружія, это можно видѣть и из слѣдующей (Этн. сб. III, 93, Заблудовье):

Бежыт ръѥчка од мельнічка,
Ой рано!
А другая од Дуная,
На ту͡ой рьечцы човён плыве.
Бьел молодзец, красны Стасенько (N)
Струже стръелкі з калінонькі;
Што просцейшы у човён кладзе,
Што крывьейшы на Дунай мецé [1]):
„Плыньце стръелкі до мое дзеўкі;
„Моя дзеўка . . . нка [2]),
„Моя дзеўка Касюленька
„Нехай прадзе на подаркі,
„Нехай прадзе ценюсенько,
„Нехай бъеліт белюсенько, Ой рано!

Как в B N дает о себѣ знать матери, так здѣсь невѣстѣ.

В слѣд. вр. уличной (весенней) сохраняется смутная память связи струганья и лодки:

Хоть украдуся, повидаюся
Я тишком лужком со милым дружком,
Вечеринкою со лучинкою.
А мой милый друг во темном лѣсу
Он *стружки стружеть*, веслы дѣлаеть,
6 Только сѣсть в лодки да поѣхати
Ой под то село да Михайлово.
8 А там молодцы да что воронцы,
А молодушки что воронушки,
Красны дѣвушки что русалушки:
По полю ходють, бороны крадуть
( ) головы гладють

В другой раз: ст. 13—8=1—6; 19=7 ...Но-

---

[1]) Метéть от *мету, мести* в зн. мечеть.
[2]) По имени деревни.

веселово, 20=8 ... сокольцы, 21=9 ... соколушки, 22=10 ... лебедушки

23 По торгу ходять, гребешки купять
( ) головы гладють.

(Ст. Осколь. у. Кохановск. Нѣск. Р. п. 116).

Кромѣ указаннаго мотива, эта пѣсня указывает еще на два мр.:

а) „Хоть одкрадуся, нагуляюся“ (весн.);

б) ... Там стоять коні та готовії,
И посідлані и поуздані,
Що тілько сісти та поїхати ...
... Сватати (за тѣм укоры чужому сслу и величанье своего, веснянка Чуб. III 114 (5), или „по удівоньку“ ... „по дівицю“ (Купаль. Чуб. III, 222; Безс. Бр. п. 31 (53).

LIV.

Рада (мужів громада) рѣшает плыть на службу к „доброму пану“.

Эта кол. разсмотрѣна у Ант. и Др. Ист. п. I, 1—5. А. Гол. II, 33, N 46 Станисл.=Ант. и Др. В, Золочев.; Б. Чуб. III, 440, Кобрин. у. = Ант. и Др. Е; В. Ант. и Др. I, Б (Волынь?); Г. Гол. II 67, Золоч. = Ант. и Др. А; Д. Гол. IV 49, Стрый; Е. Гол. IV 51, Чортков.; Ж. Гол. IV 534, Буковина; З. Чуб. III 297= Ант. и Др. Г, Ушицк. у.; I. Чуб. III 388=Ант. и Др. Д, Ковель. у.; И. Гол. IV 8, Стрый; К. Kolberg, Pokucie I, 107, близь Коломыи. За порядок варіантов я нестою.

Вар. К:

А в ліску, в ліску й-а в Недоборі,
Гой дай, Боже!
Блудило блудців сім сот молодців,
Сім сот молодців самих вібранців,
Приблудило сі над бристрий беріг,
Над бристрий беріг, над сине море.
„Ой станьмо, бракі, та порагьмосі,
„Та порагьмосі, та низрагьмосі!
„Та низдаваймо на жінки срібло,
„На жінки срібло, на гівки злото,
„Й-але зложім сі по дзолотому,
„По дзолотому по червоному,
„Та купім собі дзолотий човник,
„Дзолотий човник, срібне (sribłe) веселце,
„Та пускімосі краєм Дунаєм,
„Краєм Дунаєм, до Сорокова.
„Ми там чуємо доброго пана,

„Доброго пана, гой пана Лесі [1]),
„Що він там на рік все добре платит,
„Гой платит, платит по сто червоних,
„По сто червоних, по сто сім злотих,
„По сто сім злотих, по коню роню,
„По коню роню, по ящe сідла,
„По ящe сідла, шабелька срібла".
Гой за цим словом бугь же нам здоров . . .
. . . Кгречний молодче, ти Лесю хлопче и пр.

Остальные варіанты начинаются иначе, на пр. прямо драматически:

„Ци много нас є, панове молодці?
„Ізложімося по червоному . . . (І),
или: Ой под вербою, под зеленою
Ой там стояла *мужів громада*,
Мужів громада, велика рада (Б);
или: (новѣе) . . . хлопців громада (В);
или: Вийшли молодці рано з церковці
Та радят раду *старосвітскую* . . . (Ж; ср. Г, Д, Е);
или: А в чистім полі близько дороги
Стоят намети біли шовкови [2]),
А в тих наметах все громадове,
Радоньку радят. Коби врадили! (А).

Отсюда, а также из того, что в других кол. 700 молодцев болѣе-менѣе явственно связаны со сватовством, видно, что в К, ст. 1—4 взяты из XXIV и приложены к слѣдующим ст.

„*Мужів* громада" отзывается стариною. „Честный (v. славный) *муж*", как почетное имя величаемаго господаря—в бр. волочобных, на пр. Шейн, Вр. п. 81, 86, 97. Ср. обращеніе на вѣчѣ: „братья мужи Псковичи, кто стар, то

---

[1]) Олеся, Александра.

[2]) В других колядках, Гол. II, 65, N 18—9; IV 10, 41, под (бѣлым) шолковым наметом—„гордий („можний") панонько". По этому кол. А заставляет судить о тѣх, кто составляет громаду.

отец, кто млад, той брат!“ (Пск. I, 181, под 1265); в Новгородѣ „мужи вячьшіи“ и „мужи *молодшіи*“ (меньшіе, откуда вр. *мужик*), чему отчасти соотвѣтствует в вр. козачьих кругах обращеніе: „атаманы *и* молодцы“, а за тѣм, когда *молодец*, как серб. *јунак*, получило значеніе удальца, стало возможно нечувствовать противорѣчія в формулѣ „атаманы—молодцы“; так лишь тогда, когда *пан* стало общим титулом, несвязанным с мыслью о старшинствѣ, стало возможно мр. „*панове—молодці*“.

В вѣчѣ участвовали только *мужи*, юридически полноправные люди (как в мр. громадѣ — „чоловіки“, не „парубки“, не „хлопці и дівчата“, у которых может быть только своя громада, не „жінки“), способные быть *мужами*=свидѣтелями (послухъ, видокъ), „знахарями“. От этой двоякой, но сходной дѣятельности *мужа*, как говорящаго (на вѣчѣ) и свидѣтеля—сѣв. вр. *мужевать* говорить, разсуждать и (стар.) показывать, свидѣтельствовать [1]). Ср. свр. *старовать*, говорить, бесѣдовать.

---

[1]) И мужевал тут старой (Илья М.) розговаривал:
„Куда мнѣ ише старому да с золотой казной:
. . . „Куды мнѣ ише старому да с молодой жоной
(Онега, Пам. и обр. 353=Кир. I 86);
Посельской Войславской Леша и съ хрестьяны сказали, что за двадцать лѣтъ та земля — княжщина Войславская, а пахали се тѣ селчане, да *на то* воименовали своихъ *знахорей* N, N и N, и тѣ знахори ихъ *того немужовали* ни на одинъ годъ, а попъ Данило, ихъ жо знахорь, инъ *не по нихъ* жо (не за них, не в их пользу) *мужовалъ*, 1467, Ак. отн. до Юр. б. I, 638 (знахарь *на то* N, откуда с опущеніемъ им. нарицательнаго, „на то N“: „а на ту землю знахори N и N“ (ib.); и судьи вспросили: „кто у васъ на то, что у васъ попъ Данило ту пустошъ наймовалъ?“ И Олешъ тако рекъ: на то, господине, у насъ наши сельчане N и N (ib. 637).

Объясняя указанныя значенія слова *мужевать* значеніями слова *мужъ*, независимыми от предполагаемаго сродства этого слова с *ман* (*мнить*), я отклоняюсь от мнѣнія: „По лингвистическому ли преданію, одному из самых живучих, или же по игрѣ случая, как бы то ни было, только русс. яз. *до-*

К 7. „порадьмосі та незрадьмосі“, посовѣтуемся и рѣшим единодушно („одностайне“), крѣпко, п. ч. „що рада, то не зрада“, со rada, to nie zdrada. *Зрада* (мр. чеш.) = **из-рада*, proditio, perfidia, как выход *из* (отступленіе от) согласнаго рѣшенія.

К 8—9. „*нездаваймо*“ (в др. вар. некупуймо золоті персні v. . . . на дівки вінки, несправляймо) может быть имѣет в основаніи архаическое для мр. яз. „не(в)здаваймо“ (=вр. *вздьвать* в смыслѣ „надѣвать“). Это и слѣд. стихи есть „рада старосвітськая“ (Ж). Вполнѣ удачно сопоставленіе с этим мѣста из Соф. лѣт. (Ант. и Др. I, 4—5 со ссылкою на Соф. врем. изд. 1820, I, 10): „древніи князи и мужи ихъ отбороняху Русскія земли и иныя страны приимаху подъ ся. Князи . . . правую виру возма, даяше дружинѣ на оружіе, а дружина ею кормляхуся, воюющи иныя страны, бьющися . . . Нежадаху: „мало ми есть, княже, сто гривен!“ *Неклада(=н)ху* (ненадѣвали) на свои жены златыхъ обручей, нехожаху жены ихъ въ серебрѣ; и расплодили были землю русскую“.

С „князь даяше дружинѣ“ можно сравнить вар. Н:

. . . Зберемся, братья, ходім до него (до господаря, величаемаго)
Ходім до него на порадочку.
Ой дасть овін нам мису золота,
Мису золота а другу срібла,
Покуем собі золоти човна,
Золоти човна, срібни веселці.

И прямо вслѣд за этим — один из моментов самого морскаго набѣга: столкновеніе челнов с загражденіями гавани:

Вдарили-ж човна по під паркани,
Що ся паркани ба й поздригали,
Що им вершечки ба й поспадали.

селѣ сохранил память о происхожденіи слова *мужь* (= ману-джа) от *ман* (вмю) в обл. *мужевать* (Бусл. Оч. I 176).

Сближеніе колядочнаго мотива: нековать (непокупать) из золота и серебра украшеній, а ковать то, что нужно для похода (чѣм отчасти объясняется почему „*мідяні* (золоті) човна, *срібні* веселця"), со свадебными пѣснями показывает, что и в кол. этот мотив—величальный, что ковать нужно, п. ч. от того *слава:*

Некупуйте, бояри, на жени строї,
Єно си купуйте на вози окови,
( ), під коні підкови...
...Будут коні дудніти, а возойки бреніти,
Вчуют нас люде, *славно* старості *буде*
(Чуб. IV, 318=Łoz. 86—7).

Да пекуй, старосто, ни злота ни сребра,
Да покуй, старосто, пуд ноги пудкови и пр.
(ib. 353, Прилуц. у.).

Да пекуй, Юрку, золотого ножика,
(А) підкуй, Юрку, вороного коника,
Да будемо їхать бором зеленим,
Бором зеленим, мостом камъяним,
Бор буде шуміти, а камінь звеніти,
Да вачують люде, нам *слава буде,*
(Чуб. IV, 318=Метл. 181, Чернит.).

Превосходное примѣненіе того же образа к невѣстѣ болѣе позднее, сравнительно с колядками, не только по содержанію, но, я думаю, и по размѣру (5+5+7, кромѣ расширеній плеонастическими частицами), представляет элегическая свадебная п. Чуб. IV, 86—7 = Метл. 146—8, Конотоп, Золотоноша; Чуб. IV 412:

Коли б я знала, коли б я відала,
що засватана буду,
Некувала б я, незолотила
золотого персника,
Покувала б я, позолотила
золотиї крилéчка,
Полетіла б я, поленула б я
у чужу сторонóньку,

Роспитуючи, розвідуючи
чужої сторононьки,
Нетак сторони, нетак чужої
Як чужого батенька:
Та чи він гризний, чи він негрізний,
чи такий, як мій рідний?
(Ой чи він гризний, чи він негрізний,
та нетакий, як мій рідний!)
Що у батенька та усюди гори
та гуляти доволі,
А у свекорка усюди рівно,
та гуляти невільно! [1])
Порівняй, Боже, гори долини,
щоб було рівнесенько,
Щоб од свекорка та до батенька
ходити близесенько! [2])

---

[1]) Т. е. как бы ни было хорошо, а будет хуже, чѣм у отца.

[2]) Сотвори чудо, чтобы небыло разницы между счастливою жизнью в дѣвствѣ и жизнью в замужествѣ. В подобном смыслѣ вдова говорит:

Порівняй, Боже, и гори й долини!
Немає мені вірної дружини! (Метл. 315).

Образы, заключенные в послѣдних 4-х стихах пѣсни, приведенной в текстѣ, дают повод к отступленію.

Гори, рівно (измѣненныя и дополненныя стр. 153—5 моего соч. „О нѣкотор. символах в слав. нар. п. Х. 1860). Понятно, что в русс. народной поэзіи высказываются, за немногими исключеніями (на пр. Гол. II 456), пристрастія жителя равнин. Как от образованных русских приходится иногда слышать, что горы их тѣснят, давят; так и в языкѣ и нар. поэзіи находим слѣдующее.

Роздолье (конечно, не от *доля* (Даль), а из *роз* dis и *дол-*), мѣсто гдѣ дол расходится во всѣ стороны: вр. „поле раздолье широкое“, „по Волгѣ по широкому раздолью“; рѣже в вост. мр.: „Ой у полі в широкім раздоллі, Там стояло чотирі дубочки“. Как в мр. п. „по горах, по долинах“, так в вр. „по доам N по раздольицам по широким“ (Сах., Ск. Р. н. III,

К 15. *краем Дунаем* (А. края Дуная), как в думѣ „медом шклянкою“, в был. „чарой вином“. Г. „Долів Дунаєм, під Царегород“ (ср. В); Д. „На море під Царівго-

---

242—3). Отсюда только в вр. *раздолье* — свобода, приволье, обилье:

Долина-долинушка, раздолье широкое,
Приволье широкое, приволье веселое
(Терещ. Б. Р. н. П, 305);

„живут раздольно; всего довольно“; „раздолье на вино“; „раздолье грибов, ягод“ (Даль). Таким образом *просторъ* от знач. мѣста (простертаго, простланнаго подобно ткани) переходит к знач. свободы, приволья, досуга; ср. „и уже негордиться (гордость—бремя=нестрадает под бременем) въ законѣ человѣчество но въ благодати пространно (свободно) ходить“ (Иларіонъ).

Ка́к в словѣ *рос-кошь* представляются значенія voluptas, deliciae, laetitia, на это указывает то, что в мр. п. птица ищет роскоши:

Вилітали орли з-за крутої гори,
Вилітали, буркотали, роскошу шукали.

Отсюда противопоставленіе высокаго и свободнаго летанья птиц (буянья, ширянья, паренья), образа свободы и счастья, отсутствію „роскоши“ (т. е. счастья):

Над горою високою голуби літають;
Я роскоши незазнала, а літа минають

(мой Разб. пѣс. Головац. 85). Минуя сближеніе с kochati (Jungm.), я думаю, что в *рос-кошь* знач. voluptas и пр. представляется весьма сходно с тѣм, как в вр. *раздолье;* кор. *кос* с тѣм значеніем, как в скр. *ви-кас-*, рѣкать, трѣскаться, лопаться; раскрываться и расцвѣтать (когда лопается цвѣточная почка); быть веселым радостным; *ви-ка́са-*, расцвѣтанье, раскрыванье, расширеніе; *ви-ка́с-ин*, цвѣтущій; открытый; расширяющійся, *пространный*. Аналогіи для связи знач. лопаться и раскрываться (о почкѣ), расцвѣтать представляют польск. *pąk, pączek*, почка цвѣточная, лиственная (при пѫкати, рѣкать; лит. *spurgas*, почка, при sprogstu, sprogti, трѣскаться, броститься, hervor *brechen*, hervorsprossen, и др. Аналогію для связи значеній трѣскаться—раскрываться и быть пространным представляет сл. *пучина*. У здѣсь из *к*, и потому нѣт связи с πόντος=пѫть (Curt. Grundz. I N 349). В значеніи ничего общаго с скр. *апа́ча* задній, западный („это названіе Славяне могли дать морю, когда жили на восток от Каспійскаго мо-

родъ", изъ чего заключаютъ, что первоначально разумѣлась военная служба Руси Византійскому Императору, упоминаемая в договорѣ 911 года.

ря", Pictet, Orig., I 113—4). Серб. *пукло поле, пукле равнине* (пуħи, к. пжк-), соб. трѣспуло (п. pękło) поле, и разверзлось для глаза, erstreckt sich unabsehbar hin, patet late (Кар.). *Пучина* (первонач. то же что серб. пуклина, пукотина, трѣщина, щель и т. п.), в „*пучина* корабля" (Вост. Микл.), cavum navis, сходно серб. *пуч*, м. јама, гдје се држи вода, cisterna: взор направлен в глубь, как когда говорится: под ногами разверзлась бездна. Но в *пучина* моря и (серб.) *поля* („Код су поду у пучину били, Виђе шатор Мушкет капетана") представляется преимущественно горизонтальная раскрывающаяся глазу *глубина дали*, как в *altum*, das hohe meer, свр. *голомя*, горизонтальная даль представляется высотою.

Как бы ни было, неподлежит сомнѣнію, что в мр. *роскіш* есть счастье с непремѣнным оттѣнком „волі", свободы:

Ой колись була *роскіш—воля*,
А теперенька неволенька;
Та болить серце й головонька,
Що (s. вм. *бо*) чужа—дальня сторононька,
Укр. п. вид. Балліної, 39 [1]).

Согласно с такими воззрѣніями на связь простора и воли (счастья), *поле* („чистое", т. е. безлѣсное, „широкое", *равно* (серб.), *равнина*—образы воли—счастья. [*Ров-ьн*, ц.-сл. *равън* я прежде сближал с *ру- рѣвати* на основаніи существующаго представленія пространства страны простертою и рѣжемою тканью. Непосредственной связи с *рѣвати* нѣт. *Ров- рав-* указывают на **арв* (arvum, орамое поле); тѣм не менѣе тема *ровес-* (рус. ровес-ьн-икъ) = зенд. *равайћ* (*равас) просторный, свободный, weit., frei; *равап* ровнина (Fick Wb.)]

Поле—воля: „коли я у полі, тоді я на волі"; серб. „ко зна боље, широко му поље", т. е. тому простор, свобода дѣлать то-то, Кар. Посл. 138; мр. „степ широкий, край веселый" (п. о разор. Сѣчи).

---

[1]) Всѣ пѣсни и голоса в этом изданіи записаны мною в Харьковѣ и Ромнѣ и изданы, хотя с моего согласія, но в мое продолжительное отсутствіе, без всякаго участія с моей стороны и с большими ошибками.

К 16 „чусмо пана“, винит. при глаг. воспріятія, мое соч. Из запис. по Р. гр. II 218 слѣд. 222.

Рівно=вільно:

Як сюди, так туди, так всюди рівно;
Як мені, так тобі кохатись вільно (Метл. 114);
Чи так у вас, (⌣) як у нас всюди поле рівно?
Чи так у вас, (⌣) як у нас кохатися вільно?
(Чуб. V 121).

Горы стѣсняют свободу движенія, затрудняют путь, так что дальній и трудный путь лежит „через тиї річки бистриї, через тиї гори крутиї“ (Метл. 217), как и у южных Славян, при производном значеніи сл. *гора* (лѣс):

Драги је од мен' далеко:
Преко три горе зелене,
Преко три воде студене (Кар. П. I 276).

Горы трудно или невозможно пахать; там скудость (как и дѣйствительно на пр. у Лемков). Ср. Вельское причитанье невѣсты:

На своёй на сторонѣ
В дому у родново батюшка
Всё поля вить ровныё,
Земли всё хорошіё,
Ростут хлибы билыё;
Ета деревушецка (куда её отдают)
Стоит покрай свиту билово.
В ету деревушецку
Нит не пути, не дороженьки,
Только есь дороженька—
Сѣрым волкам прибѣжисцё,
Воронам прилитисцё.

Кругом етой деревушецки
Всё болота зыбуціё,
Всё лиса дремуціё.
В ету деревушецку
Несходит красно соўнышко,
Только сходит красно соўнышко,
Как станет закататисё.
У цюжа сына мусского
Всё *поля гористыё*,
Поля каменистыё,
Земли всё пѣсочныё,
Нерастут хлибы билыё
(Эти. сб. V, 24).

По таким или другим соображеніям невѣста нехочет ити в горы, молодая тоскует в них:

Бр. свад., в домѣ молодого:

Плакала молодая
У свой бок поглядая:
„В моей сторонѣ
(=далеко ходить по воду, тяжело ити с ведрами на гору)
Свякроў унимала (у-цешала?)

„И горы низкіе!
„Тут горы высокіе
„И *воды далёкіе!*
Словами унимала:
„Няплач, молодая!

К 17 „пана Лесі“, 26 „Лесю“ (Лесь, Лесё = Олесь, Олександро). Это имя величаемаго (ср. А. „пана Петра“, Д. Стефанонька), который таким образом представляется

Мы горы понижім (?) И воды поближім (?)
Шейн Бр. п. 350.

Ой татуню мій миленький, татуню соколе,
Недай мене в *темні* гори, дай мня в чисте поле!
Волію я в чистім полі соломов палити [1]),
А ніж маю в *темних* горах *світонька* незріти
(Гол. II 777 (134)=Колом. и Шумки, Льв. 1864, 44).
Ой на горі росте сосна, пшениця небуде;=
=Вже в чужої мамуненьки [2]) роскошу небуде.
Ой тихими долинами пшениця—ланами;=
=Нігде нема роскошеньки, ино в своєй мами.
(Колом. etc. 55).

В послѣднем четверостишіи даны сочетанія безплодных гор, покрытых только лѣсом и жизни у чужой матери, тихих хлѣбородных долин (Подгорья, Подолья) и привольной жизни у родной матери. Другая обстановка в дѣйствительности (горы у отца и пр.) неустраняет этого сочетанія, а лишь превращает его в противоположеніе, как в пѣснѣ, приведенной в текстѣ:

„У батенька (хоч) усюди гори, та гуляти доволі“.

Сближеніе „гора (v. го́ры)=горе“ (resp. чужая сторона, п. ч. она (вр.) „горем изнасѣяна“, мое Сл. о П. Иг. 55, сл.), может, кромѣ упомянутых, имѣть и другія основанія, между прочим *тяжесть* горы и горя (мое Сл. о П. Иг. 7—10) может быть и созвучіе.

Как бы ни было, *жить на горь=жить в горь*, ити (летѣть) *межс горы*=ити *на горе* и т. п.:

Ой ти живеш та на горі, а я під горою,
Чи ти тужиш так за мною, як я за тобою?
Як би б тужив так за мною, як я за тобою,
То жили-б ми, серце мое, як риба з водою,

т. е. на пр. при твоих обстоятельствах тебѣ бы слѣдовало больше тосковать за мною, чѣм мнѣ за тобою, и тогда небыло бы противорѣчія между сердцем и разсудком.

---

[1]) А не дровами, как в горах.
[2]) Свекрови.

тѣм паном, к коему собираются ити на службу. Это отождествленіе кажется чертою позднѣйшею. Другіе вар. неназывают имени пана, из чего слѣдует, что под ним не-

---

Это противоположеніе сходно со слѣдующим. Как мы выше видѣли, „на горі пшениці небуде", а развѣ овес. Обратное — образ того, чего недолжно быть, „до чого серце непристане":

Ой посію я на горі пшеницю, під горою овес;
Ой чому не по правді, молодий козаче, ти зо мною живеш?
(Метл. 68);
Ой яром, яром [1]) пшениченька, по під низом овес;
Ой не по правді, мій миленький, ти зо мною живеш
(ib. 67).

Заковала зозуленька *межи гори* летячи;
Заплакала сиротонька *на службоньку* идучи
(Сб. пам. свз. кр. 192).

Горя облегли—горе обняло:
На „пропоинах" невѣста:

Не вода ли меня поняла?
Не горы ли меня облегли?
Не лѣса ли меня обросли?
Я сама млада знаю вѣдаю
Молодешенька догадаюся,
... Какая-то вода меня поняла?
Поняли меня да горючи слезы;
Какія-то горы меня облегли?
Облегла меня тоска кручинушка;
Какіе опять лѣса обросли?
Обступили меня люди добрые
(Перм. Сб. I, 64).

Вітти гора, вітті друга, в середині ровінь:
Нич незроблю, лиш ся втоплю, як надійде повінь [2])
(Гол. II, 798),

т. е. отовсюду горе и пр. Это дает болѣе глубокій смысл слѣдующему, гдѣ—представленіе символическаго образа обстановкой:

---

[1]) *Яр* не как овраг (мр. яри глибокі), а как вр. *яр*, крутояр, круча.

[2]) Ср. ц.-сл. *поводьнь*, наводненіе.

разумѣлся величаемый, или (Е) говорят: „пустімося . . . за иншим паном Царём Иваном“. При этом главным лицом, как и в нѣкоторых других кол., является то, которое

И по сей бік гора, и по той бік гора,
А меж тими та гіроньками
Ясная зоря.
Ой то ж не зоря, ой то ж не ясна,
Ой то ж то ж моя та дівчинонька
По воду пішла,

т. е. она, эта дѣвица — „втіха“ („освітила = звеселила“. Ср. Гол. II 455).

Всюди гори, всюди гори, нігде води пити;
Пішли хлопці за гряницю, нікого любити
(Костомаров в Сб. Морд. 303).

В вр. „и крута гора да забывчива: и лиха бѣда, да сбывчива“ (Даль, Посл.[1], 481);

У меня ли горя—круты горы,
А[ль] слез—рѣки полныя;
Всѣ поля слезями политы,
Всѣ сады горем изсажены (Терещ. II, 175);

В.-луж. „kóždy ma svoje hory“, т. е. свое горе (Sm. a Haupt, II, 194).

В вр. п. невѣстѣ снится чужая сторона (что „без вѣтру сушит, без морозу знобит“, Сах. Ск. Р. н. III 204, 208, 248; Метл. 257) и тяжолая работа в видѣ высокой горы:

Уж я видѣла, подруженьки, гору высокую . . .
. . . Эта гора-то высокая - чужа-дальняя сторона
(Терещ. Б. Р. н. II, 247);

Видѣлись мнѣ горькой
Темные лѣса, круты горы:
Темные лѣса—чужа семья,
Круты-тѣ горы—тяжелая работушка (ib. 302).

Горы—помѣха:

Або гори розступіться, або мня прикрийте;
Маете мня (т. е. люди, вороги) розлучати, ліпше мня забийте (Гол. II, 328).

То, что горы заслоняют даль, служит образом препятствій в любви:

берет плату, здѣсь — громада, и величанье состоит в причисленіи ко громадѣ того, кому поют.

Відси гора, відти друга, а там долинонька,
Межи тими горонъками моя дівчинонька.
Мушу гори прорубати, долини зрівнати (v. ліси, v. хащу прорубати),
Шоби мені було видко до милої хати
(Гол. II 278, 324, 352, 457, 742);
Мене тая укарала високая гора,
Що невидно миленької з біленького двора (ib. 742).

Хорв. Да би се тој гори (=лѣс) брки (вѣтви) [1]) поламали,
А високи бриги (горы) с драгом (долина) [2]) поравнали...
Да би си ја вид'ла к мојему милому.
(Kurelac, Jačke, 308).

Человѣку возможно только желаніе, а не исполненіе. Отсюда
Порівнай, *Боже*, гори й долини рівненько,
Що би ся було до дівчиноньки видненько
(v. Чей бы ся було до мого татця виднейко)
(Гол. I 291; II 79).

Porównaj, Boże, góry z dołami, niech będzie równośieńko;
Przyprowadź, Panie, moje kochanie w niedzielę raniusieńko!

Выше (стр. 635) мы видѣли тот же образ („Порівняй, Боже“,) как представленіе невозможности. Ср.

...Ой там дівка воду брала, „Літа мої, заверніться!
Круті гори розвертала, „Круті гори розвернуться,
Літа свої завертала. „Літа мої невернуться!“
„Круті гори, розверніться!
(Костом. Ист. зн. и пр. Бес. 1872, V, 90).

Слово *берег*, по всей вѣроятности, первоначально относилось только к возвышенному берегу, согласно с постоянным вр. и мр. пѣсенным эпитетом: „крутый берег“. Примѣненіе того же названія и к другому, низменному берегу предпола-

---

[1]) *Брк* перо (К ист. зв. IV, 72), здѣсь вѣтвь, как наоборот серб. *перо*, лист, стебель лука, *перја* трава.

[2]) Оба значенія этого слова в слав. яз., именно долина и дорога (via, т. е. колея, слѣд и пр.) предполагают знач. excavatio; ср. поль. wydrążyć, ц.-сл. издражати, exsculpere.

Г. Халанскій (Вр. былины Кіевскаго цикла, Р. Ф. В. 1885, I, 73—6) сравнивает К с занесеннымъ в лѣтопись (П. С. XV, 336—8) сказаніем о том, как Александр Попович и другіе „храбры“ собрались на совѣт в городѣ под Гремячим колодязем и рад положили ити служить не другим князьям, а одному великому князю в Кіевѣ; со сход-

---

гает забвеніе первообразнаго значенія „гора“ (серб. брijег, нѣм. berg) или разобщеніе этого значенія с производным (гіра). Указаніем на это значеніе и в русс. служит то, что *берег* (вѣроятно с тѣх же точек зрѣнія, какія выше относительно „гора“)=*ворог*. Вслѣдствіе упомянутаго обобщенія синонимом и постоянным эпитетом сл. *берег*, независимо от его поэтическаго значенія, является в мр. *луг*, лѣс на низком, поемном берегу (Метл. 135, 401, 402 и пр.):

„Ой прибудь, прибудь, хоть коня добудь,
Хоть лугами-*берегами!*“
—Ой неприбуду, коня недобуду
За вражими *ворогами*. —
—Ой я вороги стопчу під ноги,
Круту гору перескочу;
Ой оддай мене, моя мати замуж,
За кого я сама схочу
(Чуб. V 219)

Як я искладу білі ручки на груди (умру),
Тоді об мені наговоряться люде...
(а теперь)
Берегом пойду, *береги* стинаються [1]),
А селом пойду, *вороги* втіщаються (Чуб. V 859).

---

[1]) *Стинаются* или с *и* коренным (*тяти, тьну* – тинати; поль. zciąć zębу, сцѣпить), или с *и* из *е* (ср. линý=ле(т)ну): те(п)ну́, с сохраненіем *н* в болѣе длительной формѣ *тенати (как в загинати, кор. *гзб*). В послѣднем случаѣ „берега спибаются“, как в сказкѣ горы толкучія. От *теп-* (тепсти, тепу; болѣе длит. ф. мр. *тіпати* конопли) *тенýти*, ударить: „сокіл ... крильцем петене', пірцем нерухне“; *стенутися:*

Стенулися сіни, як бояре сіли,
Ще нетак стенуться, як меду напьються
(Чуб. IV 175, 301).

В других вар. этой п. „здвигнулися“, „здринулися“, „затрясли ся сіни“.

ною былиною про Алешу Поповича и его дружину, которые рѣшают ѣхать в Кіев; с былиною про 40 калик, которые думают думу и рѣшают ити в Ерусалим (Гильф. Он. б. 875). „Мотив о совѣщаніи удальцов перед отъѣздом в чужіе края“ он относит к общим мѣстам „старин-

---

... Берегами пійду, бережечки хитаються,
Горою (?) пійду, вороги втішаются (ib. 861–2).
Посіяла-м руту круту (=сама дѣвица) меже берегами;
Ой як тяжко мені жити меже ворогами.
А вже ж моя рута крута береженьки поре;
А вже ж мої вороженьки по під боки коле
(Гол. I 292–3; II 344; „коле“ безсубъектно).

С другой, отличной точки зрѣнія, замѣтной в сродствѣ *берег* с *беречь* — *брѣшти*, *berg* с *bergen* (ср. halten hinter dem berge — в безопасности, в тайнѣ, Grimm Wb.), берег (как защита)—друг и т. п. Отсюда

... Некажи, ко́ню, що я утопився,
А кажи, коню, що я оженився:
... Круті *береги*—*боярє* мої,
Холодна вода да то молода (Метл. 19).

Межи двома берегами вода каламутна;
(за чѣм, я думаю, вм. „меджи двома озерами рибка баламутна“ могло слѣдовать:
Межи двома козаками (v. легінями, молодцями) дівка баламутна,)
Пане брате, пане брате, будеме ся бити,
Бо (?) білявка, кого схоче, та буде любити
(Гол. III, 441).

В этом частном смыслѣ (берег — любовник) в былинѣ Настасья говорит:

Я от бережка откачнуласи,
Я ко дру́гому неприкачнуласи (Гильф. 917).

В болѣе общем смыслѣ (семья мужа, отца) вдова говорит, обращаясь к покойному:

Гдѣ вѣк-от горюшкѣ коротать буде?
У твоих ли мнѣ у братцов у родимыих?
Али вытти на родиму взад на родинку?
Пороздумаюсь побѣдная головушка:
Мнѣ не гостьицей на родинкѣ гостить буде;
Я от бережка, горюшка, откачнуласи,

наго русскаго эпоса". В нашей колядкѣ мотив достаточно обособлен.

К. ст. 21, „по коню *роню*", может быть из „по коню *броню*". Ц.-сл. кони брони albi (Mikl.), чеш. bron,

---

Я ко дру́гому, побѣдна, неприка́чнулась
(Барс. Причит. I, 31).

С подобной точки зрѣнія и *гора* (как убѣжище?)—*мать*. Невѣста: „Ты гора, гора высокая,
Ты пещера бѣлокаменна,
Ты родима моя матушка;
По-за людям ходиш шатаешся,
Ко мнѣ младой да непришатнешся.
Приступись ко мнѣ родима матушка,
Благослови и пр. (Перм. Сб. I, 64).

Гора—мила. Это сближеніе, различно варьируемое, представляет особое, отличное от предыдущаго теченіе мысли, как бы особое, отличное, хотя быть может сродное по корню семейство слов в языкѣ и поэзіи.

Гора высокая—милая далекая:

Horo, horo, vysoká jsi,
Má panenko, vzdalená jsi,
Vzdalená jsi za horama;
Vadne láska mezi náma (Erb. Pís. 152).

В мр. *гора високая*=мила далекая (багатая), – *низька*= близька (убогая), Гол. I, 314, II, 223, 455; Чуб. V, 25. Гора „*ся помрачила*"=мила „ся заплакала", Гол. I, 336. „*Гори побіліли*" = „дівки помарніли" (между прочим от горя, причиненнаго ворогами), Гол. II, 265, 270; IV 458. „*Сумна гора* без явора", милая без милаго, Гол. II 264, 774. „*На горі... сніжок ся біліє*"—„дівча... ся сміє" Гол. II 223. „Гару́ капаць" =„дзеўку *любіць*", Бр. Пам. и обр. н. яз 238. „Ой ти соколочку... *згордив* же ти мною, *як вітер горою*" Чуб. V, 54 (гордость—см. мое Сл. о П. Иг. 113 и выше; *вѣтер* – Объясн. мр. п. I, 48—9). Гора *кременистая* — свекруха *норовистая*, Чуб. IV 295. Подобным образом кремень — твердость, характер, неуступчивость:

Каменная горойко, чом ти ся нелупаєш?...
...Молодая N, чом ти ся нерозплачеш (Чуб. IV 172).
Ой горочко високая, кременю, лупайся!
Небуду тя, любко, бити, лиш вистрегайся!
Гол. II, 620;

brony, id. Масть эта считалась дорогою, судя по описанію роскоши богача: „кони ѥго бѣли бѣша, златъмь оукрашени, сѣдла ѥго позлащена“ (Сл. о богачѣ и Лазарѣ по сп. XII в., Срезн. Свѣд. и зам. III, 29). „Сѣдла позлащена“—мр. сіделце з-під злота самого.

К. 23 „по яще сідла, шабелька срібла“ — непонятно. Может быть „по ящер-сідлу, шабельці в сріблі“. „Ящер“, поль. jaszczur, род шагреневой кожи для ножон и т. п.

В Е: Ой дасть же він нам по ясній стрілці
По ясній стрілці, по красній дівці.—
—„Стрілок немаю, та й вам недаю,
А дівки маю та й вам подаю“.—

Эпитет „ясна“ вряд ли подходит к обыкновенной стрѣлѣ („калинова“ в др. вар., вр. калена). Он напоминает громовую стрѣлу: у Словаков и Руси близь Мишковца—Паромова стрела, слов. jasná strela, „bodaj ťa jasna strela párala“ (Bož. Němc. Sebr. sp. VIII, 237—8. Может быть этим объясняется отвѣт пана, что у него *таких* стрѣл нѣт.

Может быть в том же смыслѣ, как слов. jasná strela, в мр. свад. п.:

Ясная скала на стріху впала;
(Скоро упала) зара (=зараз, вм. зорі) запитала:
„Ци буде зіма як тихе літо?
—Не буде зіма, як тихе літо!—
Молода Марися на двір наїхала,
Скоро наїхала, стала питати:
„Ци буде свекорко, як рідний батенько?“
—Не буде свекорко як рідний батенько.

(Сводный вар. из двух, Чуб. IV, NN 1235 и 1262).

Ой ти го́ро кремінная, чом ти нелупаешся?
Скажи, скажи, серце дівко, правду в ким ти кохаешся?
Ой що б же я за гора була (Ой хиба б я з піску була), щоб я лупалася?
Ой хиба б же я розуму немала, що б я призналася (Метл. 37).

Серб. *планина*—дјевојка, Кар. Пјес. I, 215.

LV.

N добывает город, горожане откупаются золотом-серебром, конем, дѣвицей (Ант. и Др. Ист. п. I, 14—23).

1. Установить генетическій порядокъ варіантовъ трудно.

А. Кол. Гол. II, 54, Сяноц. окр.

Ходит місячок помедже звізди
[світячи],
На коню, гей на коню
Золоте пірейко! я по ню!
Наше сердейко помедже пани
[їздючи],
Зганя'т війнойку на неділейку,
А в понеділёк з нев поїхати.
Зняв (о)він збором, став під Самбором.
Як став (же) овін шаблёв звивати
( ), Самбор лапати,
Та стали они раду радити:
„Що му маємє за коляду дати?“
А вийшли к нёму всі Самборяне,
Вшитки панове и всі міщане,
Винесли ёму мису золота,
Мису золота, а другу срібла;
Він то-то бере та й недякує.
Вивели ёму коника в сідлі,
Коника в сідлі, сідевце в сріблі;
Він то-то бере та й недякує.
Вивели ёму кречну паннойку,
Кречну паннойку в павлянім вінойку;
Він то-то бере, красні дякує,
Низко ся кланя'т, в ніжейки пада'т.

Ст. 8—11 мною переставлены: у Гол. они стоят

в порядкѣ 10, 11, 8—9, так что горожане сначала выходят, потом раду радят. Неудобство того, что в 8-м ст. *они* относится к послѣдующему, а не к предыдущему, не чрезмѣрно. Послѣ 17 ст. опущено 2 ст. („пару коників“) нарушающіе обычную тройственность.

Ст. 1—2 ср. с лот. п. „Куда ты бѣжиш, мѣсяц, с толпою (отрядом, haufen; собственно с пучком, „ар пудуринь“) звѣзд?“ — Иду на войну, спѣшу на войну, на помощь молодым парням (Бривземн. в Сб. Дашк. N 93). В инд. сказкѣ (в Тибетском переводѣ) царевич выѣзжает на слонѣ с толпою друзей, рабов и слуг, как мѣсяц, окруженный толпою звѣзд (A. Schiefner, Ind. erz. Bull. de l'Acad. de SPb. XXIII, 35).

Ст. 3. „зганя't війнойку“, собирает войско. *Война* в значеніи войска; ср. третю войноньку в Дунай заженем, Гол. IV, 50; другу війночку конем стратую, Kolb. Pokucie, I, 101. Отношеніе этого слова ко гнать (вити) — мое соч. К ист. зв. II, 25—7.

Ст. 7. *лапати*, брать.

Б. Гол. II, 63, N 15, Колом. окр.; Kolberg, Pokucie, I, 114—5, ib.

Ой в чистім полю. на оболоню
Кречний молодец коником грає . . .

Он подступает подо Львов, но (смѣшеніе с др. вар.) к нему выходот „два Киевляне, оба міщане“, а за третьим разом „дві Киянки“. Особенно выставлено, что цѣль добыванья города — дѣвица. N ведет ее „все *барвінками*“ (=дѣвство) к отцу матери:

Привів ем вам за невісточку
Зо мнов дружити, вчити робити,

„Дружити“ — дружиною бути.

Ст. 15. „коника в *дарі*“ вм. „в *ряди*“=w rzędzie; в др. вар. „в наряди“.

В. а) Гол. II, 64, N 16, Золочев.; б) Метл. 334, Остер.; в) Гол. IV, 129, N 3; г) ib II, 162, щедр. Перемышль; д) Чуб. III, 281, N 14; е) Гол. IV, 57, N 32,

Золоч. окр. Сюда поль. кол. Kolb. Lud V, 232, N 35 и 36. Болѣе важныя черты слѣдующія:

Ой піді Львовом на оболоню,
Грай коню! Грай кониченьку
Під молоденьким N (Богданом, д.)
Там N конем играе,
Конем играе, копъе вихае (б) (v. мечем звивае),
Копъе вихае, лук натягае,
На злоту баню стріли пускае (s. вм. стріляе).
Та підъѣжджае під выжгороди (б)...
Вийшли до нёго всі городяне (v. три Вірмяне)... Дары—миса червоных, хліб та шабля, панна v. кінь, шабля (v. шуба), панна.

Оболоння, с неорганич. *о* (как в о-полонка)? = ст. русс. *болонье*, ровное мѣсто (поль. błonie, чеш. blaní, откуда собств. Blaničko, и blana, луг, ровное пастбище) именно под городом, стоящим, как многіе старинные ю.-русс. города, на горѣ, иногда застроенное: „Половьци зажгоша болоние около града“, т. е. Кыева, Лавр. под 1096; „ста исполчивъся передъ городомь (Звенигородом на Серетѣ) на болоньи“, под 1144.

Копъе вихае, hastam vibrat.

Выжгород—вышьгородъ, как нариц., городъ *кромьный*, кремль, ἀκρόπολις, arx, burg.

В е) „коником грає не мирецкої, а козацкої“ — игра слов: „*конем* грати“ и „грати (на инструментѣ) *якої?* веселої, весілної“ и пр. (пісні).

В в) „Пустив стрілоньки поверх муроньків“, ... „до пів муроньків“, ... „по під муроньки“. „Гірше *буяе*“, ср. мое Сл. о П. Иг. 111—3 и вар. Д.

Г. а) Метл. 335, Овруч = Чуб. III, 276; Чуб. ib. 282, N 6; б) рукописн. вар. И. Манжуры, Мурахва, Богодух. у.

б) Ой за горою за камъяною
Військо стояло, ладу познало,
N-ко прийшов, лад війську найшов,
Лад війську найшов, сам вперед пішов...

а) Велів *гарматы* порихтовати,
На Вирвин-город *стріли* спускати . . .

Д. Гол. IV, 56, N 31, Стрый. „Гармати", „жидове"—мису золота, „міщане" — „коника в сідлі, шабельку в сріблі", „панове"—„панну в колясі".

Е. а) Гол. IV, 114, N 1, Колом.; б) ib. 115, N 2; в) Kolb. Pok. I, 104, N 10; г) Чуб. III, 296, Ушиц. у.

Гордий та пишний пане Василю,
Ой згорда собі та й починаєш . . .
. . . Конем наверне, Львів ся издригне,
Що вси *вершечки* поопадали . . .

Ср. Скричат калики зычным голосом
С теремов верхи повалялися
(Кир. II. III, 92).

Города: Білоград — царів город (в), Хотіньє (б), Міер (в). Дары дают жидове, панове, Русини (в).

Ж. Чуб. III, 295, N 32. Начало сходно с В:

. . . . . лад им найшов,
Сам *звив* коргву, берегом пішов . . .

может быть *розвив*, п. ч. „*звити* корогóв" едва ли может имѣть другое значеніе, кромѣ того, в каком я сам слышал это выраженіе в Ромен. у., того же что поль. zwinąć chorągiewkę, уйти (собств. с поля), поджать хвост. Вмѣсто одного города — 3: Хотин, Дзвонів (Звенигород? Ант. и Др. Ист. п. I, 20) и Каменец, или, в ркп. вар. Л. С. Мацѣевича (с. Концеба Балт. у.), Кіев, Саврань и Бендер. Мѣщане одного города дают то, другого другое, 3-го—дѣвицу.

З. Кол. рукоп. вар. из сб. П. С. Ефименка. Два города: Чернигов и Кіев. Начало:

[Та] панич Степанко [королев], як королевич
Та йде на війну в Турецьку землю.
[Як] изібрав військо аж земли важко,
Та й пішов краєм по над Дунаєм,
[Та] став на могилу в славному городу
( ) у Черніго*ву* (?) . . .

И. Гол. II, 62, Стрый. Добыванье Галича, панна—Вірмянка, во внѣшней связи с сѣяньем золота („Пшеницю сіе, злотом леліе“, см. гл. IX и стр. 134—5) и охотою за туром (XX, 3, Г, стр. 325).

К. а) Гол. IV, 47, Стрый; б) Свидницкій, Великдень у Подолян, Основа 1861, Дек., 55—6; в) Чуб. 278, N 9, Васильк. у. Добыванье Галича и Бендер в связи с мотивом „мать выпровожает сына на войну“. В а) „Став си табором під самим муром . . .“

Л. Гол. IV, 22, N 29. Запѣв: орел видит корабль на морѣ и пр. (см. выше, стр. 300, б). Слуги просятся у пана „в Польщу на війну *під* (?) королівну“. Осада Львова.

М. Гол. IV, 53—5, N 29. Начало с мотива „молодец в челнѣ“ (LIII,).

Н. Гол. IV, 50—1, N 24, Стрый. окр. Внѣшнее смѣшеніе с мотивом „служба у царя“:

[Ой] служив Василько в польского кроля
Лелія!
[Та] єго поженьки в циром золоті горіли!

и без связи с этим и между собою

Ой як гук, так гук під Китай город,
Приїздя' они під Хотін місто . . .

О. Безс. Бр. п. 13, N 15. Начало с мотива „никто коня непоймает, кромѣ N“. N ѣдет „воеваціся“, с Турком, который дает коня, полумисок золота, панну.

П. Волоч. Шейн, Бр. п. 103—5. Начало сходное с Н. Далѣе N мѣтит в сокола (XIX, 1, Г, стр. 271), который переносит N „на той бок Дуная к бѣламу цару“. N вызывает царя, тот невыходит, а шлет дары, под конец дѣвицу.

Р. Волоч. Шейн, Бр. п. а) 110, N 155; б) 453, N 9 (см. выше, стр. 94, Д); в) 454, N 11. Сиротѣ дают коня, сѣдло (v. деньги, сапоги, „лауровый (?!) вянок“, v. курку, пирог) и панну.

Тут только, как и в мр. колядках разсматриваемаго мотива,

Сірота узяў, шапочку ізняў,
. . . . . и до ножок паў.

2. Мнѣніе мое, что *богатырь*, в значеніи heros, перешедшее в этом же значеніи из малорусс. или бѣлорус. в польскій (bohatér), есть „послѣтатарскій перевод болѣе древняго слова с тѣм же значеніем *хоробръ*“ (К ист. зв. III, 77; Объясн. мр. п. I, 52) сочувственно принято и развито М. Халанским (Великор. был. Кіев. цикла 15 сл.), с которым я несогласен лишь в несущественном. Так я думаю, что вр. форма *хоробёр* не предполагает ф. *хоробор* (Хал. ib. 21), но обѣ возникли независимо друг от друга из основной *хоробръ*, одна через **хоробьр* (как вр. шабёр=сябръ), а другая через *хоробьр*.

К цитатам у Хал. можно еще кое-что прибавить. Между прочим в заключеніи былины о Молоддѣ и рѣкѣ Смородинѣ

„Да тому хоробру такова слава . . .
(Гильф. Он. б. 1195).

Это мѣсто позволяет думать, что были и другія пѣсни с подобным заключеніем: хоробрам пѣлась слава, как в Сл. о П. Иг.: „слава князю а дружинѣ!“ ἀειδέμεναι κλέα=ἀνδρῶν, Од. VIII, 73.

Поэтическій образ (или образы) героя, который нарицательно назывался *воином* [1]) (витязем) и *хоробром (храбрь*, храбар у Сербов и Хорватов, **chrobr*, *chrober* у Поляков) князем примѣнялся и к жениху; сватанье и брак представлялись военным подвигом, пир, в частности свадебный—битвой (мое Сл. о П. Иг. 63—4), что оставило значительные слѣды в свадебных пѣснях:

Цімошка (N) воїн быў:
Єдзіць ён поля—ваюя,
Другоя єдзіць—хорабруя,
На (s. v. a) трецця (єдзіць)—Сціпана [2]) двор,

[1]) В вышеупомянутых колядках припѣвы:
Віінне, війничу, молод[ий] паничу! Гол. II, 64;
Воїн бо, воїн над усе військо подобен, ib. IV, 53.
[2]) Тестя. Могло быть нѣкогда „Степань двор“.

Аж вароцікі замкнуты,
А старожінькі заснулі.
Выхваціў моладзец востры меч,
Начаў па замкý—замок проч.
„Ніваюй, Цімошка, ніваюй!
„Мы ж твою дзевыньку выдадзім,
„За праву[ю] ручку выведзем“
(Шейн, Бр. п. 301, ср. также ib. 303 и 325, N 572).

Как здѣсь (и у Сах. Ск. Р. н. III, 37, N 30) мечем, так и в других пѣснях жених *копьем* растворяет ворота тестева двора:

Он ткнул копьем в широкіе ворота!
Он отнес ворота с(е)редь широка двора
(Ефименко, Матер. по Этн. Арх. г. II, 93, 90, ср. 113 123; Сах. Ск. Р. н. кн. III, 127, N 73) [1]). Отсюда идет

---

[1]) Мнѣніе, что такія черты в пѣснях, а равно и очень распространенный обычай запирать ворота перед поѣздом жениха, суть черты „вполнѣ бытовыя“, объясняемыя „порядками господствовавшими в древнерусском быту“ (Сумцов, О свад. обр. 14—5), вызывает вопрос: „в быту какого времени?“ Думаю, что кромѣ частностей, неимѣющих в настоящем случаѣ значенія, можем положиться на лѣтописца, который говорит, что у Полян „нехожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ“, что Деревляне „умыкиваху у воды дѣвица“, Радимичи, Вятичи и Сѣверъ на игрищахъ „умыкаху жены собѣ, с нею же кто съвѣщашеся“ (Лавр.[2] 12—3), так что в древнѣйшем извѣстном русском быту, по правилу, в натурѣ разбиванья ворот небыло. С тѣх пор, как эти свѣдѣнія записаны, прошло болѣе 700 лѣт. В каком же смыслѣ разбиванье ворот и пр. в свадебной п. есть черта „вполнѣ бытовая?“ Можем ли мы думать, что отдѣльные, рѣдкіе случаи дѣйствительнаго насилія так поражали воображеніе, что повели к созданію идеала воина, которым величали *каждаго* жениха? Или, что жених называется князем *потому* и только потому, что дѣйствительные князьи тоже бывали женихами? Если же нѣт, то гдѣ существенная разница между разбиваньем ворот в русс. свад. п. и тѣм что инд. Индра называется *пурандара* (urbem findens), а Арес, Ахилл и Одиссей носят эпитет Πτολίπορθος (urbem perdens)? Это вѣдь черта тоже „вполнѣ бытовая“, пото-

черта, что жених отворяет ворота *не* силою, а подарками, не копьем, а рублем; отсюда в свою очередь черта, служащая изображеніем богатства и благотворительности:

Он богат, богат N князь,
Богатѣй его нетути . . .
Он рублем ворота запираеть,
Он полтинником отпираеть,
Сотнями по городу швыряеть,
Из неволи сирот выпущаеть
(Шейн, Р. н. п. 420, 440),

т. е. быть может выкупает из неволи, не только должников, но, что и дѣлалось, татарских и др. полоняников.

Принадлежность жениха, как воина, лук:

Чи тобі, зятеньку, не сором,
Що [ти] їдеш полем (в поле) без лучка,
Сідаеш за столом без шличка? . . .
(Чуб. IV 197);
Чи нестидно ж тобі, старий сват,
Що твій князь молодий седить так,
Шо в поле їде без лучка,
Без калиновоі стрілочки,
Без шовковоі квіточки? (ib. 197).

Это — при выкупѣ шапки молодого у старшей дружки, почему и упоминается шличок и квітка на нем.

. . . То не голуб гуде, то N гомонить,
( ) молодество здае:
„Нате-ж вам, бояри, молодество мое:
„И стрілку, и лучок, и передній таночок
(ib. 373),

как невѣста сдает подругам или сестрѣ вѣнок и ленту.

му что разрушенія городов, хотя бы и отнесеннаго на небо или приписаннаго полумиѳическому герою, из пальца невысосешь. Предѣлы изобрѣтательности ограничены. Пока разница между упомянутыми случаями непоказана, позволительно думать, что разбиванье ворот в п. может имѣть основанія столь же отдаленныя и того же рода, что и эпитет Индры.

Сюда же то, что в кол. (Гол. IV 82) дѣвица шинкарка, „пограбовавши“ козаков, которые пили да неплатили,

Сив кониченька братови дала,
Тугенький лучок *милому* дала . . .

Как в мр., а отсюда и в бр., слово *козак* получило значеніе молодца по отношенію к дѣвицѣ („козак дівку вірно любить“ и пр.) не потому, чтобы это слово имѣло когда либо прежде широкое, неопредѣленное значеніе, а от примѣненія совершенно опредѣленнаго, возникшаго в свадебных пѣснях; так в серб. *'рабар* получило знач. жениха, а *војно* жениха и мужа (maritus):

Освану звезда на ведром небу,
Рабар девојци пред белим двором
(Кар. II. I, 21, 206 и др.).

Радуј ми се, војинова мајко:
Иде војно и води девојку (ib. 45; ср. ib. 5),

гдѣ *војинова* вм. *војнова*—архаично.

Во всѣх трех случаях поэтическіе образы оставили слѣды в просторѣчіи, дали словам извѣстное лексическое значеніе. Было ли так и с вр. *хоробёр*, имѣло ли оно значеніе „вообще добраго молодца суженаго“ (Халан. Вр. был. 21), этого из пѣсни у Сах. Ск. кн. III, 61: „Ты войди, хоробер . . . в хоровод, Ты возьми молодую . . . княгиню“ (Хал. ib.) невидно, так как здѣсь явственно уличное, хороводное, идущее от свадебнаго величанье.

Весьма возможно, что в русском языкѣ такого перехода значеній, как в серб. *војно* и *рабар* вовсе непроизошло, так что нетолько вр. *хоробёр*, но и другія слова сходныя по значенію *(витязь; полянин* (Ав. Ск. V, N 54; VII N 7; так и в мр. редакціях; ж. р. *полянича*, Гильф. Он. был. XXV—VI; *поляк*, откуда в свр. был. *поляковать)* остались при значеніи героя.

В свадебных и других пѣснях, кромѣ общих указаній на то, что сваты—войско, старшій сват—воевода, сватовство—война (на пр. Гол. IV, 263, Перемышль. у.), невѣста—полонянка (Коханов. Бояр. п. 75, Ст. Осколь. у.), находим в частности добываньe города и дѣвицы.

а) Свадебная, Метл. 183, Овруч, откуда с ошибками Чуб. IV, 325. По началу („береза“) ср. вр. свад. Шейн, Р. н. п. 551: „Ай *воен, воен*, Иван же князь . . .“ здѣсь:

. . . Пустимо стрілу перлову (перену? орлову?),
Вибьемо стіну камъяну,
Візьмемо Марусеньку молоду.

К этому примыкает юж. вр. свадебная (Ст. Осколь. Коханов. Бояр. п. 75):

Думали гадали бояре:
„Игдѣ нам с полком стояти?
„Мы станем с полком под тынком,
„Под тѣм новеньким городком,
„Мы пустим стрѣлу калену,
„Разóбьем стѣну каменну,
„Выймем Настасью с полону“.

б) Свад. Чуб. IV, 435. На основаніи сравн. с Чуб. IV, 475 и а), я читал бы так:

Ой підемо та поїдемо ранком по під замком,
А випустимо (bis) калинову (v. каленую) стрілку,
Та вибъемо, та висічемо (v. вышибемо) камъяную стінку,
Та постелемо (bis) Марусі постілку.

в) Свад. Чуб. IV 321, N 844 (=Łoziński.); ср. Гол. II, 230=Чуб. IV, 321, N 839:

. . . Та пійдемо тихим Дунаєм (=коляд. LV, 1, E, Ж) до замку,
. . . Там будемо білий камень лупати;
Чей-би-сьмо могли молоду Марисю пуймати.

г) Wacł. z Ol. 30 = Гол. IV, 334 = Чуб. IV, 325, N 859: молодий . . . каже Львув розбивати, королевну добувати.

д) Свад. Гол. IV, 169, Лабор. Русь: . . . камяницю розбуряти, молоду нам вказати.

е) Свад. Чуб. IV, 169. Представляет своеобразное видоизмѣненіе мотива „сама пойду“, „сама прибуду“ (Объясн. мр. п. I, 9; II, гл. XXVII; Халанск. Вр. был. 156 сл.):

Молоденькі Ивасё
Коло го́рода йграс (т. конем, LV, 1, Б, В)
А в го́роді Марися
З руткі віночок вила [1])
З Ивасём говорила:
„Ой Ивасю душенько [2])
„Проси батейка о мене,
„Нехай видасть за тебе;
„Бо як мене невидасть,
„То я й сама вискочу [3])
„И скриночку виточу [4])
„Золотом оковану,
„Дарами наповнену".

[1]) „З рутки", как дѣвица, невѣста.

[2]) *душенько*. Так уже в ю.-русс. п. XVI в. (Мр. п. по сп. XVI в. 2—3, 6). Ср. также: Ходи' Настуненька, Ходи' душенька По вишневім садочку, Гол. IV 212, Колков. окр.; Вийди матінько, вийди душенько, стань мене пізнавати, ib. 215.

[3]) Болѣе архаично было бы „ускочу", т. е. бѣгу.

[4]) „выточу", п. ч. скриня на колесах.

ж) Хороводная вр., Сах. Ск. Р. н. кн. III, 36—7, N 29. Подобно тому, как мотив „N добывает *себѣ* куну в деревѣ" (XXI, 1) имѣет при себѣ параллельный мотив „добыванье куницы *тестю*" (XXI, 2); и добыванью города, даров *себѣ* соотвѣтствует добыванье его для тестя и тещи:

Подойду, подойду, под Царь-город подойду,
Вышибу, вышибу, копьем стѣну вышибу,
Выкачу, выкачу, с казной бочку выкачу,
Подарю, подарю люту свекру батюшкѣ:
„Будь добр, будь добр, как родимый батюшка!"

Ст. 6—7=1—2. Ст. 8 Вынесу, вынесу, лисью шубу вынесу. 9=4 . . . свекровь матушку. 10=5 . . . добра, как родима матушка.

з) Зять, как в LV, 1, пренебрегает дарами (конем, сундуками добра), но берет дѣвицу.

а) Кохановская, Остатки бояр. п. 76, Ст. Осколь.:

Ой сторожи (2) то Аннины братцы,
Устерегли, уберегли родную сестрицу,
Выходили (2) за новы ворота,
Выводили коня вороного,

(за вторым разом: выносили сундуки с дарами
Даровали князя молодого.
Модой князь коня (v. даров) непріймаеть,
... „Такого дару у батюшки много!“
Не сторожи (2) ой Аннины братцы,
Невстерегли, невберегли родную сестрицу ...
... Выводили сестрицу за ручку ...
„Князь“ „пріймаеть“: „такого дару у батюшки нѣту“.

β) Сах. Ск. Р. н. кн. III, 137, N 111; Колосов Замѣтки о яз. и нар. поэз. 3, Вятск. край, 232—3, свадебная „Вьюн на водѣ извивается“. Тесть—коня, теща—ларец, шурин—суженое.

γ) Сах. ib. 108—9, N 7; 179, 31; 193, 29. Зять тещѣ за платок, коня—„спасибо некажет, челом невдаряет“, а за ея дочь—да; как выше в колядках воин, когда мѣщане дарят ему золото, коня — „він на тото ні поглядає“ (Г. II, 64), „ані згледає“ (Г. IV, 23), или
Неповклонився непокорився [1])
Шапочки незняв, неподяковав,
а за дѣвицу — „красно дякує“, v. „И поклонився и пр.“ Конечно, это „ані згледає“ дает основаніе для признанія „сродства“ этого мотива с лѣтописным разсказом (Лавр. под 971 г.) о дарах от Цимистія Святославу, который на злато—наволоки „и незрѣ“, а „мечь и ино оружье приимъ нача хвалити и любити“ (Ант. и Драг. Ист. п. I, 21). На другом основаніи, так как во всѣх почти вышеразсмотрѣнных пѣснях рѣчь о городѣ и дѣвицѣ, Костомаров указывал на Владиміра, который берет Корсунь и посылает сказать „цареви Василью и Костянтину ....: „се градъ ваю славный взяхъ; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ невдаста за мя, с(ъ)творю граду вашему, яко же и сему с(ъ)творихъ“ (под 988). Это, равно как и поход Олега, могло бы объяснять ту, во всяком случаѣ неновую, черту, что в нѣсколькихъ из приведенных пѣсен город есть Царів-город, Царь-город. Можно ду-

[1]) Тавтологія.

мать, что сочетаніе „город—дѣвица“, перешедшее в сравненіе „город=дѣвица“ было извѣстно автору Сл. о П. Иг. и лежит в основаніи выраженія „вьрже Всеславъ жребій (т. е. побѣдный) о дѣвицю себѣ любу“ (т. е. Кіев), Огоновскій Сл. о П. Иг. 107, мое Сл. о П. Иг. 122. Об этом мотивѣ см. ниже LVII. Как бы ни было, в колядках и других пѣснях относительно новыя черты, как армяне (=мѣщане, в Галиціи), польскій король, козачество, пушки, невытѣснили болѣе древних, как лук и стрѣлы, *копье* (а не спис, штих, как в мр. непозже чѣм с XVII в.), болонье, вышьгород. Невижу основаній сомнѣваться в том, что мы имѣем дѣло с мотивом неисключительно малорусским, в южной Руси — докозацким. Не смотря на упоминаніе в числѣ городов Львова в вар. нетолько галицких, но и сегобочних, отношенія колядок к выкупу, взятому со Львова Хмельницким в 1648 г. невидно.

Возможныя примѣненія этого мотива к историческим лицам и событіям неустраняют возможности его миѳологических основаній (Ант. и Др. I 21; мое Сл. о П. Иг. 122), которыя однако немогут быть доказаны тѣм, что в нѣкоторых вар. при изображеніи битвы употреблены сравненія, составляющія общее мѣсто, как в LV, 1, E (Kolb. Pok. I, 104):

Заграют труби, як грім на неби,
Блиснут мечеми, як мольня *(лъ?)* в небі
Пусте стрілочки, як дробен дощик.

Ср. ib. 109—10. Стріли як дрібен дождик, Гол. IV, 41 и Слово о Полку Иг., мое изд. 39, 46; онѣмъ же бьющимся съ града и стрѣляющимъ межи собою, идяху стрѣлы акы дожчь, Ипат.[2] 178, под 1097 г. См. ниже LXII.

Битва—гроза: мое Сл. о П. Иг. 39 и Карадж. Пјес. IV, 8.

LVI.

Молодец за выслугу получает скот или саблю, коня, дѣвицу.

Кол. Гол. II, 53, N 3, Сяноц. окр.

Служило Юрья [1]) в пільского кріля,
В желізі, гей в желізі
Єго ручейки, єго ножейки
В сріблі золоті горіли! [2])
Як дослужило [1]), плацу [3]) просило.

Ему дают сначала „пару волойків, пару коровиц, пару яловиц“, потом „конічька в сідлі, копитця в сріблі“,

Воно [1]) небрало, недяковало.

За третьим разом—

Красну дівойку в зеленим вінойку,
А оно взяло, подяковало.

[1]) Средній род или только потому, что собств. имя поставлено вмѣсто нарицат. ср. р., как паня, княжа, и приложено к нему, или потому, что само собственное есть уменьшительное средняго рода, как *теля*. Ср. собственныя имена на *ят-а* (ат-а): Путята, Вышата, Гюрята (Георгій, Лавр. Ипат. л.), поль. Bodzanta, Божата.

[2]) О припѣвѣ см. XXX, в), стр. 433.

[3]) Словац. pláca, плата.

Что этот мотив, извѣстный только в одном вар., не есть только мѣстное видоизмѣненіе мотива LV, видно из серб. п. а) и б), размѣра сербских колядок, из коих первая, у Караджича—безыменная, есть вѣроятно колядка, во всяком случаѣ величальная пахарю, а вторая — колыбельная, примѣненіе величальной к ребенку.

а) Кар. Цјес. I, 161, N 236:

Oj орачу, млад орачу!
Ко ти даде младе во'ке...
... — „Служио сам Божју
мајку,
Те ми даде младе во'ке,
Младе во'ке крутороге,
И јармове јаворове,
И палице [1]) шимширове [2]),
И заворље [3]) босилькове [4])
И бич косу девојачку,
Луту гују ручконошу.

Служеніе Божьей матери напоминает служеніе солнцу и мѣсяцу (Кар. Пјес. I, N 235) и сказочные мотивы, как: кобылячья голова награждает дѣвицу за службу чудесною красотою и богатством, баба или вила молодца — чудесным конем и пр.

б) Vienac uzdarja... Kačić-Miošiću, 154.

Нинај, нинај! Н'је га дома
Отишо је ружу брати
За краљицу даровати;
Краљица се даром брише,
Чим би момка даровала.
Она му је даровала
Острy ђорду оковану
Сву у сребру и у злату;
То се момку мало чини,
Неће момче *ни да гледа*
11—16=1—6
Врана кона оседлана,
А среброме подкована
19—20=9—10; 21—26=1—6
Лепу младу дјевојчицу,
Да му буде за љубовцу.
Тад је момче погледало
И сладко се насмијало.

В 1-м ст. „н'је га дома“ ср. с колядочным мотивом:

Ци дома, дома пан N?
Ой поїхав він до Судомиря...
(Гол. II, 11 и мн. др.).

---

[1]) [3]) Мр. снізки (снози) и занозы у ярма?
[2]) Шимшир buxus.
[4]) Ср. в мр. п. „Скрипочка з василечка, а струни із рути“.

LVII.

Молодец выигрывает коня и дѣвицу.

1. Кол. Чуб. III, 318—9, A, Б. Ушиц. у.

А наш козаченько, молод паниченько
В молодої пані (v. з молодою панею) все в карти грає.
Ой виграв собі коня вороного.
Коня узявши, недзінькувавши,
(также: „нагайку дротянку“, „шовкову хустину“ v. добрий сурдут (!), нову шапочку)
Ой виграв собі молоду паню
(v. Вывели ёму гречную панну),
А він панну взяв, та й подзіньковав.

Он выигрывает ту, с которою играл. Ср.

а) Шейн, Бр. п. 260, N 455:

Як на морі на падолі,
Дзеўка с турком в карты грала

И должно быть проиграла себя, п. ч.

До матулі ліст пісала:
„А ты моя матулінька!
„Выкуп мянє з няволюшкі,
„З цяжолінькой работушкі!
Матка турку—сталён город,
Турок город неприймаіць,
Дзеўку з замка нішускаіць.

10—11 = 1—2, 12=3 До татулі, 13 = 4 . . . мой татулінька, 14—5 = 5—6, 16 = 7 Бацька . . . ворона каня, 17=8 . . . каня. 18—9 = 1—2, 20=3 До мілого, 21=4 . . . мой мілёшенькі, 22—3 = 5—6

24 Мілы турку золот персцень,

Турок персцень (ɔ) приймаїць,
Дзеўку з замка выпускаїць.

Это сочетаніе разсматриваемаго мотива с „милый лучше роду“ ( ).

б) Гол. III, 247, угорско-русская: дѣвица играя в карты с молодцем („З великого граня далі ся до спаня“) теряет вѣнок.

в) В вр. свадебной (Ефим. Матер. по эти. Арх. г. II, 88; Сахар. Ск. Р. н. кн. III, 1„3, N 25; Халанск. Вр. был. 155) дѣвица приходит к молодцу в шатер играть „во таблеи, во шахматы“, выигрывает у него золот перстень и проигрывает свою „вольну волюшку“ (русу косу и пр.). Этот мотив вошел в былину о Соловьѣ Будимировичѣ, который трижды обыгрывает Запаву в шахматы (Гильф. Он. был. N 199; Веселовск. Ю.-р. был. I—II, 71, 73; Халанскій Вр. был. 153).

Так как нѣт основанія считать мотив вышеприведенной колядки новым, то, вѣроятно, вмѣсто игры в карты, нѣкогда стояла там другая игра: в кости, в чет-нечет. Ср. в кол. Гол. II, 65, N 19, Стрыйск. окр., IV, 41, N 11, Станисл.:

. . . . . шовковий наміт,
А в тім наметі золотий стільчик,
На тім стільчику можний („гордий“) панонько,
Двома яблучки підкидаючи,
Трома орішки все цитаючи,
Вицитав коня та с під короля . . .

(далѣе похвала коню).

2. Три молодца мечут жребій о дѣвицу (ср. „вьрже Всеславъ жребій о дѣвицю любу“ Сл. о П. Иг.), играют в кости, бьются:

а) Кохановск. Нѣск. Р. п. Русс. Бес. 1860, 1, 55:

. . . Собиралися ребята
Во три поля погуляти,
Красну дѣвку выглядати.
Они думали гадали,
На три жеребья метали:

Кому деньги, кому платье,
Кому красная дѣвица?
Пахомушкѣ [1]) золо́т перстень,
Гаврилушкѣ [1]) кунья шуба,
Иванушкѣ [1]) красна дѣвка.

[1])—величаемым. Может быть здѣсь *поле* в стар. значеніи поединка, так что молодцы собираются „на поле битъся“ (Смол. грам. 1230 г.) и за тѣм рѣшают спор жребіем. Во всяком случаѣ кажется умѣстным то, что Соханская (Коханов.) ставит рядом с этою слѣдующую п.

б) Коханов. ib.:

Да на тихом было Дунаѣ
Играй, Дон, играй!
Мой тихій Дунай!
Слеталося три сокола, три ясные,
Съѣзжалося три молодца разудалые,
Они билися за дѣвицу, за красную
За Татьяну-свѣт Ивановну.
Им Татьяна-свѣт говорила,
Ой Ивановна помирила,
„Вы небейтеся, нерубитеся:
„Одному из вас достануся.
„Одному дам кунью шубу,
„А другому золот перстень,
„За третьяго сама пойду!“

Размѣр ст. 1—4 испорчен.

Возможно, что 1-й ст. припѣва имѣет отношеніе к содержанію предъидущей п. Именно, если Дон—не рѣка, а козаки, и если *играй* не в том смыслѣ, как мр. „море грає“, что к Дону рѣкѣ едва ли примѣнимо, то перед нами противень припѣва мр. кол. Гол. IV, 92—3 ( ):

Играли Угри, играли, По червоному метали!

По червоному т. е. золотому в ставку.

в) Лужицкая п., Hawpt a Smolerj I, N 59; II, N 91, по другому поводу приведенная выше, стр. 314—5. N везет себѣ с войны дѣвицу. Как она ему досталась? Она пасла, вѣнок вила (идеальное изображеніе дѣвичьей жизни),

Zaduł tam je z čicha w'etřik,
Wzał je wjenašk do korčmički,
Džež tam hólcy kósku 'raja,
Wo wjenc koskuja tšjo bratsia,
Młódši wjenc na łojčku staji.

3. Дѣвица выигрываетъ себѣ милаго.

а) Hawpt a Smolerj II, N 60. Дѣвица играетъ *с фурманами* и кучерами.

Prjeny raz wóna stawiła,
Fórmana sebje zejgrała,
во 2-й разъ — kutšaka, в 3-й
Lubego sebje dobyła.

„Теперь неназывайте меня мужичкой, а называйте королевой!“

б) И. И. Манжура напечатал в Кіев. Стар. 1883, I, 217, подъ заглавіемъ „Украинская гетера“ слѣд. п. (Алексѣевка, Александр. у. Екатер. г.):

1 [Ой] по за ярами, по за ланами,
Ой пъе гуля та Галюточка ўсе *з чумаками*
2 Ой хоч вона пъе, так некупує,
Своїм личком та білявеньким все підманює.
3 Та прийшов к ій (ік їй?) батенько ій:
„Ой час-пора та Галюточко тобі до двора!“
4 —Ой іще не час, іще не пора:
Не виграла сто червінців, ще й збруї, коня.—
5=1 . . . с козаками, 6=3 Вийшла . . . матінка, 7=4, 8=1 . . . из панами, 9=2, 10=3 . . . братічок
11 Ой уже час, уже і пора:
Та виграла сто червінців, сама заміж пішла.

Из сравненія видно, что по происхожденію это мотив величальный и что, если, можетъ быть, пѣсня и примѣнялась к какой нибудь „особѣ гулящей“ (l. c.), но себѣ на умѣ, то, по крайней мѣрѣ первоначально, небыло умысла представить здѣсь „тип свободной Украинки“ (l. c.), как та „Настя кабашна“, Що „до бідних козаків нетяг хоть злая, да й обашна“ (Дума про Хвеська Андибера).

LVIII.

Молодец играет и поет.

Вр. былина про Соловья Будимировича, за исключеніем частностей в описаніи корабля, эпизода о голом щапѣ (голощап = голохваст, пустохваст, Даль Сл.), Кир. IV 105 сл., ст. 197 сл., зашедшем сюда, как полагают (О. Милл. Илья Мур. 550; Весел. Ю.-р. был. I—II, 65, 74), из былин про Добрыню и Алешу, и немногих других черт, состоит из образов сватовства и т. п., встрѣчаемых в свадебных и других пѣснях, между прочим, но далеко не исключительно, великорусских (как думает Халан. Вр. был. 148). Соловей просит дать ему у Запавы „загон земли непаханыя, нераныя (орать — любить в пѣснях мр. поль. морав. лужиц., мое соч. О нѣкр. симв. в слав. нар. п. 151—2; Объясн. мр. п. I 42), позволить ему вырубить ея зеленый сад (Весел. l. c. 66—8); он обыгрывает Запаву в шахматы (см. выше LVII). Такое же значеніе имѣет м то, что Соловей, сидя в одном из теремов „*на* тоем *стулъ золоченоем*“ (Гильф. Оп. *б.* 287; на стулѣ черленоем, на черленоем стулѣ золоченоем, Рыбн. I, 331; см. ниже кол. А, Б) играет на гуслях и тѣм привлекает себѣ Запаву, и производит на нее „такое изумительное, почти медицинсвое дѣйствіе“ (Потугин в Дымѣ Тург., см. Рыбн. IV, 59, ст. 123; II, 192, ст. 261). Гусли — дѣвица, играть — любить (см. выше стр. 228) [1]).

---

[1]) В мр. *густи*, в значеніи играть на пр. на гуслях, устарѣло (Объясн. мр. п. I 215) и стало непонятно, но сохранилось в других значеніях (о вѣтрѣ, лѣсѣ, голубях). Поэтому то, что пѣлось о гуслях, что они дѣвицу „у чужу стороноь-

В мр. кол. мотив „N играет на гуслях“ (и привлекает этим дѣвиц) соединен с величаньем матери молодца, которая, нещадя забот, умѣла его так воспитать. Вѣроятно, подобное сочетаніе (N играющій на гуслях и его мать) предполагается и былиною о Соловьѣ, всѣ вар. которой говорят и о его матери. Заслуживает также вниманія, что как вр. былина ставит рядом, как синонимы, игру в гусли и шахматы, так нижеприводимыя мр. кол. указывают на связь в памяти пѣвцов разсматриваемаго мотива с LVII, неорганически внося из послѣдняго карты и кости.

1. А. Кол. Гол. II, 65, Золочев; Б. II, 610, N 49, Стрый.

А. . . . . шовковий наміт,
На (у) тім наметі *золотий стільчик*,
На тім стільчику гордий пан сидит . . .

ку завезуть“ и пр., перенесено на голубей, так что получился странный образ в свад. п.: Подруги говорят:

Чи ми-ж тобі, Марусенько, неказали . . . :
Нейди, нейди до броду по воду
Та неслухай голубоньків, де рано гудуть:
Вони твое дівования в поле занесуть,
Вони тебе молодую да израдять,
Од батенька до свекорка переманять,
Из дівчини в молодицю (та) нарядять
(Метл. 135—6; ср. Чуб. IV, 128, 411).

Ср. бр. (Шейн, Бр. п. 131):

„Пусці, пусці, матынка, Тые цябе гусількі
„Гусілік паслухаць Маладу з ума звядуць,
„І песінак научицца! Тые цябе песінкі
—Няпушу, дзіцятка . . . Маладу састаріюць . . .

Это мотив и весняночный: „ . . . за нашими воротами свистілочка грае, Мене мати лає, гулять непускае“. Ср. также Uhland, Alte . . . Volkslied. I, N 37:

„Och mömken, min leve moder,
moste ick aldar tom aventdanze gan,
dar ick höre de pipen gan
und de leven trummen schlan!“
—Och nen, min dochter, nichten dat!
du schalt, du schalt schlapen gan.—

. . . В віграни [1]) грає, красно співає.
Приходят д нему три панни з Відня,
Три панни з Відня, в золоті, в сріблі.
. . . Хто ж тебе навчив и пр.

Б. —Мене навчила ненька старенька
Тричи мя в ночи повиваючи,
Швидким пруточком вишвикуючи и пр.

В Б, „в наметці", „біла постілька", на ней „царское дитя" „А *в карти* грає, красно співає". Неизвѣстно кто спрашивает „кто ж тебе навчив . . ."?

В. Гол. IV, 118, Колом. окр., колядка ребенку. Начало с чудеснаго дерева (см. гл. XV) „А в ліску, на жовтім піску . . ." „сосна золото-рясна . . . в верх кудрява . . ." „а у тім кудрі є колисочка", в ней „гордое дитя

У *кости* грає, красше співає,
А чули ж тото великі пани.

Они спрашивают: хто ж тебе навчив . . . ?—мать и сестра.

Г. Гол. IV, 120, 3, Колом. окр. Несообразность в В, что ребенок в колыбели играет и поет, устранена опущеніем игры и пѣнія. Начало с сосны, как в В; далѣе

. . . Гой на на тім кудрі та й колисочка,
В тій колисочці та й дитиночка,
Там мати дитя та й колисає . . .
. . . Ой на тім кудрі та сокол сидит

„далеко видит": Дунай, корабель и на нем (будущая судьба, пара ребенка?) [2]) *дѣвица шьет три ширинки* (см. LIX). Это, вѣроятно, тоже величанье ребенку, а не дѣвицѣ, как сказано у Гол.

Д. Кол. Чуб. III, 305, N 38, А. Начало = LII, : Волохи, церковь с 3-мя окнами, ангел, слеза, из нея ручей, рѣка, на ней корабль,

На том кораблі Іван молодий . . .
Книги читає, листоньки пише.
Хто ж ёго навчив . . . ? (сходно с А—В).

---

[1]) =в віргани.

[2]) Ср. выше серб. колыбельную, LVI, б), стр. 661.

По пріему сочетанія (расширеніе точки в сцену) ср. выше, стр. 311 сл.

2. Дѣвица играет и поет или читает, пишет.

А. Гол. IV, 73—4, N 17, Чорт. окр. Начало сходно с 1, А. . . . кречная панна

В кісточки грає, красно співає.

„Кречний молодець“, привлеченный игрою, спрашивает: „хтож тебе навчив так красно грати“ и пр. (Очевидное доказательство, „то „в кісточки“ — слѣдствіе безсознательной, нехудожественной ассимиляціи).

Б. Кол. Чуб. III 387—8. Начало—типа LI: у N господаря мѣдныя ворота, за ними „в наметі“ „пишная паня“ (пані) Листоньки пише, книги читає. Хтож її навчив и пр.

LIX.

Дѣвица вышивает три ширинки.

Этот мотив (кол. дѣвицѣ) помѣщается здѣсь по внѣшней связи с LVIII, 1, Г.

А. Kolberg, Pokucie I, 108. Начало с оленя, см. выше стр. 337: „Ой сосно, сосно, нешуми *точно*“, т. е. так.

. . . Я в кім світлечку панночка сидит! . .

Она шьет (вышивает) „три хусточки“ деверю, свекру и милому (найлучшую), которую

Ой дати (б), дати, ким би післати?

Післала бих і менших сестричков [1]),

В мене сестричка крашча від мене:

Мене спогукгят, сестру полюбьят.

Хоть сором, хоть два, понесу сама . . .

Таким образом мотив сближается с XXVII, „сама прибуду“.

Б. Гол. IV, 119—20, тоже гуцульская.

Ой на Дунаї корабель плавле,

там панна — 3 *ширинки*,

Ой одну шила все *илчатеньку*,

2-ю шолком, 3-ю золотом, свекру, старшему брату (жениха?) и милому и пр.

Ширинка (от Угорщины и Галичины до Бѣлаго моря), платок, предполагает **ширина* в значеніи широкаго холста („*полотна*“). Ср. свр. *ущина* (=узчина), узкій холст: „полотна и усчины, ширинки, убрусы и рубашки“ (Домострой); „а будетъ слишкомъ за обиходомъ надѣлано

---

[1]) Стих из вар. Б.; у Кольб. „післала би я своєв . . .“

полотенъ или усчинъ, или холстовъ, или скатертей, или убрусовъ, или ширинокъ, или иного чего, ино продать" (ibid.).

„*ильчатий*" вѣроятно *їльчатий*, їльчастий (ср. по квітчастому скатертю, Метл. 143), ёлками, с *ї* из *ıє* (*ıєль*), от котораго в другую сторону *я* в *ялина*.

B. Kolb. Pok. I, 118. Запѣв с дерева (ср. LVIII, 1, В, Г).

. . . А в кім кудерци золоте крісельце (LVIII, 1, А, Б), в нем панна „шикечко шие" „дєди" (отцу), „ненци", „милому". „Ніким ніслати" и пр.

Г. Гол. IV, 120 (=LVII, 1, Г). Три *ширинки* свекру, матери (свекрови), милому.

Д. Гол. IV, 68, Стрый. окр. С дерева сокол видит на Дунаѣ корабль, на нем „золотий стільчик", гдѣ „панна" хусточки „шие" деверю, свекру, милому.

. . . Ніслала би я своєв сосідков,
В мене сосідка клевітниченька,
Она (вна?) ся на мене тамка набреше,
Так ся набреше, як сама схоче.
Ще ж бим ніслала своєв матіньков,
В мене матінька крашча від мене:
Мамку похвалят, мене поганят.
Ци сором, ци два, понесу сама.

Е. Гол. IV, 535, Буков.=Купчанко 375.

Гей біжит ридван золотокован,

там золот стільчик и пр.

Ж. Чуб. III, 306, В, Борзна. Построеніе церкви, ангел, слезы, озеро, рѣка, челн, гдѣ панна — три ширіночки.

Г. Чуб. III, 394, Черниг. у. Краткій вар. без введенія. „Ширмечки" — ошибка вм. ширіночки.

Ср. а) Вр. кол. Колос. Зам. о яз. 3, 251—2 (см. выше стр. 394—5): шила ширіночку.

б) Виноградье, Ефименко, Матер. по этн. Арх. губ. II, 95:

. . . По *украинкѣ*, на приталинкѣ,
На крутом бережку, *на жолтом пѣску* (=LVIII, 1, B и др.) шатер; там N вышивала на полотнѣ мѣсяц со звѣздами, солнце с маревами, горы с лѣсами, море с кораблями, в серединѣ всю Россію с людями, церквами, с отцем с матушкою (подобное вышиванье Кар. Пјес. I, 197; Пјес. из Херц. 123).

На том берегу молодец (охотник)
Вострым копьем подпирается,
Небылыми он рѣчами похваляется . . . :

разнести шатер, повести дѣвицу к вѣнцу.

LX.

N хвалится конем, стрѣлою, луком.

А. Гол. IV, 52, N 26, Стрый. окр.; Чуб. III, 288, Б = Лукашев. Мр. и Черв. р. д. 39, В = Маркев. Об. и повѣр. 25.

„Из-за гори... велике військо", „А попереду пан N иде... коника веде",

Хвалиться конем перед королем:
Нема в короля такого коня...
Хвалиться стрілов перед дружинов...
Хвалиться луком перед гайдуком...

Перед может быть не в присутствіи короля и пр., а лишь в том смыслѣ, что „нема в короля" и пр.

Дружина, обычное в мр. лишь в единичном значеніи стар. русскаго *подружье*, т. е. мужа по отношенію к женѣ и на оборот („чоловіче мій, дружино моя!"; з ким вірно любилась, нестала дружиною, Метл. 278), здѣсь в архаич. зн. ст. русс. *дружина* (мр. товари́ство). Нѣчто подобное в обжинковой пѣснѣ Гродн. у. о своих жнецах, в отличіе от сторонних: пан

Дае кажному по червончику,
С своей дружинѣ по талярику
(Сб.... свз. кр. 239).

Б. Вар. И. И. Манжуры, Люботин, Валков. у.:

Ой из за гори встають тумани,
Славен-ясен, ой славен-ясен,
наш мылий Боже на небесах!
Тож не тумани, то с коней пара,
(Ой) тож не пара, козацька слава:
Молод[ий] N з війни приїхав,
Хвалиться конем... лучком... и пр.

Изображеніе величины войска — общее мѣсто различных колядок:

Ой из-за гори (v. по полю, полю, v. Ой по за лісом) чорная хмара,
Ой то не хмара, то з коней пара
(Чуб. III, 282, 309, 272);
По за лугами дими стовпами,
Ой то не дими, то з коней пара (ib. 308).

B. Чуб. III, 287, A. „Під березою . . . громада“ (=LIV), в ней „N у наряді“, хвалиться (=A и Б) . . . Сверх того: „мечем перед паничем“, „ . . . миром (=*міром*, мѣткостью стрѣльбы) перед жовніром . . .“

Г. Бр. кол., Безс. Бр. п. 75, N 118, в соединеніи с похвалою коню (=LXI) и охотою (выше, стр. 352).

LXI.

Похвала коню,

т. е. косвенно его пану.

1. Изображеніе достоинства коня:

А. Чуб. III, 288, N 21. Под сосною „громада людей", меж ними „пан" „коня . . . водить".

А в того коня звіздові очі и пр.

Б. Чуб. III, 285, 19, Ушиц. у. Ой рано . . . (=XXI, стр. 341) . . . N на війну виїждав, „хвалиться конем перед королем" (=LX) . . .

У мого коня золота грива и пр.

. . . *Листови* ушка письма слухають

(Ср. ib. 289: лосєви ушка и Гол. IV, 101: слушниї ушка правди слухают).

Ст. 20 слѣд.=LXII.

В. Чуб. III, 309, Г, Сѣверн. у. Черн. г.

Г. Гол. IV, 546, Буков. Начало = Б. В числѣ достоинств коня—твердыя копыта:

Срібні копита *камень лупают;*

но так как 2-е полустишіе есть и в кол. о построеніи церкви, то далѣе: (копита)

Камень лупают, церков складают,

С трема верхами, с трема хрестами:

На першім хрестї сонечко в весні,

На 2-м — „місяць у креслі" (ср. солнце в полдень отдыхает на кровати (Чуб. II, 10), на креслѣ, ib. I, 6), на 3-м „зоря из моря".

Д. Чуб. III, 280, 12, Ковель. у. Основанія перехода от похвалы коню к построенію церкви опущены: „їздив N на сивім коні, їдучи камень рубає, церкву будує",

с 3-мя окнами, в которых „сонейко—его матюнка“ ... „місяць—его батейко“, ... „зірка—ёго дівка“.

Е. Гол. IV, 20, N 26, Стрый. окр. Как в кол. о смерти молодца этот послѣдній замѣнен св. Юрьем (Гол. II, 56), так и здѣсь, согласно с чѣм—сцена на небѣ:

Ой из-за гори, з-за небесної
Сам святий Юрий коником играв ...
... Біл камень лупав, церков муровав ...

Думаю, что из колядок этого производнаго типа Юрьев конь, разбивающій копытом камень, попал в бр. веснянку и прилажен к весняночному мотиву „скілько в решеті водиці, стілько у хлопців правдиці“ (Объясн. мр. пѣс. I, 182—7):

Разыграусе Юрьяв конік,
Разбів камень капыцейкам:
В том камені ядзёрка нет,
У дзецюков правданькі нет (Шейн, Бр. н. 125).

Ж. Гол. IV, 41, 11, Станисл. окр. „Намет“, „золотий стільчик“, на нем „гордий пан“ ...

Вицитав коня та с під короля.

Похвала коню.

3. Гол. II, 65—6, 19, Стрый. Начало = Ж, переход к построенію церкви = Г.

Аѳанасьев П. В. III, 755—6 принимает разсмотрѣнное сцѣпленіе мотивов за цѣльный миѳическій образ.

2. Похвала коню, как выше, присоединена к мотиву „на мосту“ и пр.

А. Гол. IV, 42, 12, Чортков. N пасет „стадце чорне воронце“,

Привертає го на золотий міст,
А вломилося золоте билце [1]),
А втопилося пів стада коней.
Ой N ходит, рученьки ломит:

---

[1]) Перила: „Колисочка швабська ...
... Золотиї билця (Кольб., Метл. 4).

„Нежаль же мені [за] пів стада коней,
„Ой жаль же мені за моїм конем,
„Бо в мого коня золота грива и пр.

Б. Гол. IV, 42, 13. Пришѣв:

Не чорне перо на коничейку
На стайні лежить (?).

В. Чуб. III, 289. N „завертає“ стадо „На тихий Дунай, на крутий беріг... на золотий міст...“

Г. Гол. IV, 35, Стрый. Переход к построенію церкви, как в LXI, 1, Г.

Д. Чуб. III, 294—5, Пинск. у. Слуги просят „Ой позволь, пане, землю міряти... мости мостити (выше, стр. 129, В), Вороне[е] стадо [дай] переганяти“.

Исходилися вітри буйниї
Да й поламали зелений (золотий? из зеленой мѣди, лотыш. заля варя?) міст и пр.

Е. Гол. II, 66, 20, Стрый.

Ой загнівався син на матінку,
Не чорно перо по коникови полегло!
Ой дай Боже!
Як ся загнівав, та й преч поїхав,
Займив він стадце на камінний міст и пр.

Ему жаль не стада, а коня,
Що ним объїхав трої земленці:
1-ая Турецкая, 2-я Нѣмецкая, 3-я Угорская;
А у Турецкій бік камінь лупав,
А у Німецкій *світци спалив* [1]),
А у Угорскій костел муровав,
„на вісім уголців“ и пр.

Ж. Гол. II, 608, Стрый, сходно с Е.

Думаю, что слѣдует читать так:

Ой загнівався син на батенька,
Вилучив собі *ворон*-стаденько,

---

[1]) Очевидная ошибка и нарушеніе размѣра. Может быть, „святці (діалект. світци) (т. е. святых, икони) малював“.

З ворон-стаденька та й кониченька,
Займив же ёго (стадо)...
...Ворон-стаденько потопилося,
З ворон-стаденька та й кониченько...

А. Н. Веселовскій (Разыск. в обл. Русс. дух. ст. 282) думает, что колядки под LXI, 2 „сохранили память о каком-то бѣгѣ", т. е. скáчкѣ, состязаніи. *Здѣсь* я ничего такого немогу усмотрѣть. То, что N гонит стадо на мост, мотивируется только тѣм, что он пасет стадо, или же только тѣм, что он отдѣлившись от отца-матери, уходит от них далеко „за Дунай", как в извѣстной п.: „як батька покинеш... річенькою бистренькою за Дунай заплинеш" или „дала-сь мене, моя мати, за Дунай" (т. е. далеко).

LXII.

N с конем говорит [1]).

1. *„Ой коню . . . я тебе продам“.*

A. Кол. Гол. IV, 43 (14), Стрый. окр.

Ой торгом, торгом Торговицею (1)
Ой ходит, ходит білий молодець . . .
. . . Коника водит, с конем говорит:
„Ой коню, коню я тебе продам . . .
. . . „За сто золотых та й за червоних!“
—Ой пане, пане, стань же ти собі . . .
. . . Розгадай собі, ци не жаль тобі?
Я тебе виніс из трёх побоїв:
Коли-м тя виніс а з Німецкого,
За нами стріли землю пороли;
Коли-м тя виніс а з Турецкого,
За нами стріли як дрібен дождик;
Коли-м тя виніс а з Татарского,
Блиснули мечи, як сонце в хмарі.

(1) У Гол. „торговицею“, как нарицат.; но ср. „Ой торгом, торгом та й Сочевою“ (Kolb. I, 101) = Сучавою.

По отсутствію упоминанія о прыжкѣ через Дунай сюда примыкают:

---

[1]) На такой мотив ссылается, как на извѣстный, мр. п.:
. . . „Ой як мені, мати, дома ночувати?
„Прийде темна нічка, ні з ким розмовляти“.
—Купи собі, сину, коня вороного,
Прийде темна нічка, говори до ёго.—
„Неподóба, мати, з конем розмовляти,
„Треба мені, мати, дівчини шукати.
(Ср. Чуб. V, 870).

Б. Метл. 336—7, Овруч. В бѣлом наметѣ „пишное паня“ „в ліжечку лежить, коника держить“. Конь:

Як ми з тобою з вийська втікали,
За нами гнались Турки, Татари,
За нами кулі землю зъорали,
За нами стріли як сніг літали.

Як сніг ср. Iliad., XII, 156 сл.: νιφάδες δ' ὡς πῖπτον ἔραζε . . . ὥς τῶν ἐκ χειρῶν βέλεα ῥέον.

В. Сб. пам. свз. кр. 95—6, Заблудовье. Отрывок, размѣра 6+6.

„Ой коню муой, коню, запродам я цебе
„За мед, за горелку, за хорошу дзевку!“
—Ой пане муой, пане, незапродай мене,
Незапродай мене за мед, за горелку,
Ой *запродай* мене (?) за хорошу дзевку.
Чи памента, пане, як мы уцекалі
З Турецкої земі, з Турецкого краю,
Як нас догонялі Туркі і Татары . . .

Г. Zieńkiew. P. l. Pińsk. 354—6, отрывок того же размѣра, безсмысленно вставленный в п. о выданной замуж „в новую деревню, великую семью“.

„Ой коню мой, коню
„(Запродам я цебе) да за безцѣночку,
„Молодуй шинкарци да за горилочку“.
—Чи ты з мене, пане, яку кривду маеш? . . .
. . . Чи забувса того, як мы уцекалі . . .
. . . Білымі (?) лугамі понад берегамі
Цѣмное ночи (-ымі . . . амі?) а Туркі за намі . . .

За тѣм некстати, быть может под вліяніем пѣсень, о которых—в концѣ этой главы:

І новых корчомок нігде неміналі
Молодым шинкаркам добрыдень давалі.

Д и Е. Гол. IV, 127, Коломый. и 43—4, N 15. Начало: „Ой рано . . .“ (XXI, 341); бѣгство „з трёх побоїв“: Цесарского, Московского, Турецкого (v. з Турків-Татарів), „стріли (v. кулі) як грім . . . як дождь“ и пр.; прыжок, как ниже.

Ж. Вар. И. Манжуры, Алексѣевка, Александр. у. „По мосту, мосту по золотому (=LXI, 2, А) N ходе“ и пр.

З. Чуб. III, 307—8, А, Кіев. у. „В пана N . . .“
Стояла калина, силне родила,
Пуд калиною N и пр.

И. ib. 308—9, В, Борзен. у.:
Що в саду, саду, да в винограду
(N ходит, хочет продать коня)
За сто червонців,
За бочку вина, за другу пива . . .

І. ib. 308, Б. Начало—„дими стовпами“ (LX, Б).

К. ib. 285—6, 19. Начало см. LXI, 1, Б.

Л. Вар. И. И. Манжуры, Мурафа Богод. у. В ( ) ставлю соотвѣтственныя мѣста из предыдущих вар.
[А] в пан-Олексія один синочок,
Рай розвився, Христос народився,
На ёго двору!
Один синочок як соколочок,
По двор[ик]у ходе, коника воде,
Коника воде, до ёго говоре:
„Ой коню, коню, запродам тебе,
Запродам тебе, за сто червонців,
За сто червонців, ше й за чотирі“
—Та згадай, пане, свою [1]) пригоду,
Свою пригоду, мою доброту [2]) (З. выгоду):
Як ми с тобою на войні були,
Як нас Татари [3]) в Дунай нагнали,
(Е. Коль нас нагнали з крута берега . . .
. . . На тихий Дунай, на сине море . . .)
То булі такі, шо потопали

---

[1]) S. вм. мою. См. вар. З.

[2]) *Доброта* = гомер. ἀρετή (ἵππων), Iliad. XXIII, 276= стар. русс. *конобство* (Ип. л.[2] 272), доблесть коня, которой в человѣкѣ соотвѣтствует ἀνδρεία, virtus, мужество.

[3]) Д, З — Турки.

(З. Більш потопали, як вирпнали,
Д. Єдни втонули, другі сплинули . . .
К. Нетакі були [1]), недоскочили),
А я як скочив, тай перескочив
(И. Я як скочив, Дунай перескочив . . .
Бр. у Вес. Разыск. 281: *мора* піраскачів.
І. Я тебе молодого по вершечку нюс),
Тай незамочив ні копитечка,
Ні копитечка, ні стременечка,
[Ні] поли каптана (И. жупана), [ні] чобота сапъяна.
(И. Ні щур (=ящур) сідельця, [ні] тебе молодця.)

Из предполагаемаго мною „ящур-сіделця" в Е — „а ще ж сіделця . . .".

Неподлежит сомнѣнію, что мотив: N хочет продать коня (или конь думает, что хозяин хочет это сдѣлать) — не исключительно ю.-русс.

К В и Г по размѣру примыкает болг. п. (Милад. N 493 и 565):

Мое-то ми мило 'сà нош ми седело,
Свещи ми горило и бисер (v. конци) сукало,
Бисер ми низало коню на грива-та.
„Немой, коню, немой, не ишай гла'а-та!
„Не ми те променвам, коню, да те прода'ам:
„Стройник ке те пущам во Легена града . . .
(v. Не те имам, коню, я за продаване,
Тук' те имам, коню, сват ке ми те пущам)

Он посылает коня к попу N, высватать младшую из трех его дочерей.

А. Н. Веселовскій (Разыск. в области Русс. дух. ст. VI—X, 278 слѣд.) указывает на связь с румынскою колядкою. Имѣя возможность судить об этой кол. только

---

[1]) = Чеш. nebyli s to; ср. οἷος κεῖνος ἔην τελέσαι ἔργον, Одув. П, 272.

по тѣм даным, какія приведены у В., я придаю своему мнѣнію лишь условное значеніе. Рум. кол. заключает в себѣ два мотива, из коих только первый соотвѣтствует вышеприведенным мр.: „В саду стоит привязанный вороной, хозяин поощряет его постоять и потучнѣть: он хочет продать его (за воз пшеницы, за бочку вина, за постав (?) сукна, „téncurĭ (?) de postavŭ“), чтобы было молодцу на что сыграть свадьбу. Конь незнает отчего на него такая напасть: за ним всего одна вина:

„„Когда мы бились на морском берегу с Турками и Франками, Франки нас разгромили, Турки разбили, побросали (? bă̆gaŭ) нас в море, многіе потонули, я поплыл по морю вдоль и поперек; одним я виноват (vinovatŭ), что запнулся за перо мрены (d'uă̆ penă̆ de mrenă̆) и замочил полу кафтана (pólă̆ de caftanŭ), край кармана. Но я надѣялся на себя (?), выйдя на берег осушил их дуновеніем поздрей и ничѣм непопортил““.

Второй мотив: „хозяин успокаивает коня: он хотѣл лишь испытать его. Конь отвѣчает: „ты еще (?) испытал меня (m'aĭ ispititŭ) на прошлом крещеньи с пятьнадцатью конями, тѣ кони подкованные, я неподкованный (nepotcovitŭ), понатужился (=силу себѣ сдѣлал, sila mĭ am făcutŭ), наперед прибѣжал, славу тебѣ сдѣлал (хвалу, fală̆), тебѣ как войнику (удальцу, voinicŭ), себѣ как доброму коню“ (Вес. l. c.).

Конечно, т. к. Румыны живут на пути из южнославянских земель в южную Русь, примыкающую к ним на югѣ (в Угорщинѣ и Буковинѣ) и юго-западѣ (по Днѣстру), то a priori вѣроятно, что они могли передавать Руси южнославянскіе и греческіе мотивы. Но чтобы подкрѣпить эту вѣроятность, нужно в пѣснях, в коих предполагаются заимствованные мотивы, показать слѣды румынскаго вліянія. В настоящем случаѣ таких слѣдов невидно. На оборот: как рум. названіе колядки (colindă̆) и колядованья заимствовано из славянскаго (Miklos.); как такого же происхожденія припѣв рум. нар. пѣсень, между прочим колядок *oilerum, hai lerum, leru-mi lero-mi* (=Ой лелю-м(и),

см. выше стр. 68, Cihac Dictionnair d'etym. Daco-rom. 170; ср. Mikl. Die Sl. elemente im Rum. 4); как вліяніе слав. языков, в частности малорусскаго на рум. гораздо сильнѣе, чѣм обратное (в мр., сколько извѣстно, очень слабое: *бешиха*, рожа; нѣсколько чабанских слов, мой разб. Сб. Головац. отд. отт. 16—8): так в разсматриваемой рум. кол., в числѣ около 15 слов (в обѣих половинах), взятых из славянскаго, находим цѣлое полустишіе мр. колядки: („ні полѝ каптана“). Тут важно не отдѣльно взятое турецкое слово кафтан, а его сочетаніе, а также большая складность всего стиха „ні полѝ каптана, чобота сашъяна“, чѣм соотвѣтственнаго румын.: pólā de caftanŭ, coltȳ de posunarĭ.

Впрочем я недумаю, чтобы рум. кол. в этой формѣ возникла под односторонним вліяніем. Названіе рыбы, встрѣчаемой в этой п. *mrenă*, как показывает другая ф. *mréană* (Cihac) не = лат. murаena, но заимствовано из болг. (серб. моруна=н.-гр. μουρούνα). Перо этой рыбы понадобилось рум. колядкѣ за тѣм, чтобы объяснить, почему конь, плывши по морю, замочил полу сѣдока; проще и лучше то, что конь, как в мр. кол., вовсе ея незамочил. В болг. п. крило мрены является в менѣе натянутой обстановкѣ. Дѣвица пошла по воду на Дунай, и там что-то ее задержало до другаго утра. Мать спрашивает:

„Що си боса, гологлава?
„Що си вода опърскана?
—Варай майко, мила майко!
И ти ли си неверница?
Та излезе мрена риба,
Мрена риба покрай море,
Со крило-то ме попърсна
Со око-то ми подмигна,

откуда видно, что это была за рыба, от которой подол мокрый (Милад. N 564).

Франки могли быть внесены в рум. кол. из туземных воспоминаній (Вес. l. c. 285 сл.).

2. Кол. Гол. IV, 44, N 16, Тернополь. окр. Начало: „Ой рано“ (=LXII, 1, Д, Е и стр. 340). Далѣе:

Коника сідлав, с конем розмовляв:
„Ой коню, коню, продам я тебе!“
—Ой як хоч, пане, продавай мене!
Ліпше ми було в там-того пана:
Годував мене яров пшеницев,
Стелив під мене зелене сіно;
Я в тебе стою по боки в гною,
По боки в гною, триницю зубою [1]).
Ци знаєш пане, як нас нагнали и пр.

Ст. 9—12 несогласны с величальным значеніем колядок. Послѣдніе два, вѣроятно, внесены в кол. из пѣсень „разговор с конем“, которыя соединяются в одно семейство по сходству вопросов коню, но распадаются на подсемейства по размѣру (4+4, 4+3, 5+5, 6+6, 4+6) и по тому, что в одних (А) конь жалуется на пренебреженіе со стороны хозяина, как в приведенной колядкѣ, в других (Б) он чует невзгоду. Дѣленія по содержанію и по размѣру несовпадают.

А. а) Серб. (Кар. Цјес. I, 453, N 630) прибавляет к странствующему мотиву начало, приурочивающее его к косовской битвѣ и болѣе искусственно мотивирующее вопросы коню („Шта је теби додијало“?), чѣм ниже приводимыя пѣсни. Исключительно сербскою кажется также амплификація внутри п. (3 дѣвицы):

Кон јунака оставио
На злу месту у Косову.
Јунак коњу говорио:
„Ој коњицу, добро моје!
„За што мене ти остави
„На злу месту у Косову?

—

„Шта је теби додијало?
„Или ти је додијало

[1]) =мервицю (солому) зоблю.

„Бојно седло шимширово? [1])
„Или ти је додијала
„Тетка узда искићена?
„Или су ти додијали
„Чести пути на далеко?
Коњ јунаку говорио:
„Ни је мени додијало (сѣдло, ни узда, ни пути)
„Веће су ми додијали
„Чести пути у меану [2]):
„А ти идеш у меану,
„Мене свежеш за меану,

—

„У меани три девојке . . .
. . . „Ти се играш с девојкама:
„„Љубичице [3]), љуби мене!
„„Грличице [4]), грли мене!
„„Гонджелале, лез' код мене!

—

„А ја коњиц жедан, гледан,
„Копам земљу до колена,
„Гризем траву до корена,
„Пијем воду са камена".

По размѣру и содержанію послѣдних 4-х ст. эта пѣсня роднится с поль. жолнерскою (Wacł. z Ol., 72—3; Żeg. P., P. l. Pol, 67—70; Kolberg, Lud I, 156, 256; Kozłowski, Lud, 132), состоящею неменѣе, чѣм из 3-х частей:

1-я, трудности жолнерской жизни (Idzie żołnierz górą, lasem), отдѣльные стихи которой восходят к XVI в.,

---

[1]) *Шимшир*, тур. чимшир, перс. шимшад. buxus, вр. самшит. В мр. пѣснях этому соотвѣтствует постоянное выраж.: „оріхове сіделечко".

[2]) Корчма.

[3]) Фіялка, лубити, цѣловать.

[4]) Грлити, обнимать.

[5]) Тур. почка тюльпана.

найдены в стихотвореніи на обложкѣ латин. перевода Геродота 1584 г. (Pauli, Kolb. l. c. Ср. у Kozł.: Trza żołnierza obdarować, Chleba soli nieżałować; Suš. Mor. 594).

3-я, превосходство домашней жизни (Lepsza w domu groch kapusta) – встрѣчается в мр. и словац. п.

2-я, сестры провожают брата, ждут напрасно (=мр. Гомін, гомін, Чуб. V, 890, 937; Укр. п. вид. Балл. 39; Сб. п. п. тв. свз. кр. 12 и, другого разм. 4+6—ib 2 и 8; Мати сина годовала, Гол. I, 173—4; III, 100), он

. . . w czystem polu
Leży sobie na kamieniu . . .
Konik jego wedle niego
Grzebie nóżką, żałuje go.
Już wygrzebał po kolana,
Żałujący swego pana:
„Póki mój pan na mnie siadał,
„To ja goły owies jadał;
„Teraz niemam sieczki, słomy,
Rozniosą mnie kruki, wrony.

Ср. также в донской п. о смерти козака (мое соч. К ист. зв. и пр. III, 127), гдѣ конь раненнаго говорит:

Как бывало-то у тебе (у мене?) много сѣна и овса,
А теперь-то у тебе (у мене?) нѣт и соломки ни цласта.

б) Словац. Sborn. slov. p. Matice Slov. I, 83; II, 61

. . . Ej koničku sivovraný,
Čo si taký nahnĕvaný (v. unuvaný)?
Či ťa ťaži tá zbroj moja,
Či šablička ocelová?
(v. Snad ti váži šabla moja,
Aneb čápka sobolová)
—Neťaži mňa tá zbroj twoja,
Ani šabľa ocelova,
Lež mä ťažia tvé ostrožky,
Čo pichaju moje bočky . . .
. . . Hore, hore, koník vraný
Pod ten koštiel' murovaný!
Tam budeš mať stajeň teplú,

Ja budem mať pannu peknu.

Несмотря на это обѣщаніе, конь отвѣчает:

Kaď ty budeš jesti piti,
Mne nemá kto dati žrati;
Keď ty budeš spať vo zlate,
Ja budem stať v hnoji, v blate . . .

По видимому, тут смѣшеніе двух различных редакцій. Из одной из них, а м. б. и из третьей, взято то, что вм. опасенія, как выше в поль., конь высказывает желаніе „Nech mä zedia straky, vrany". Это мотивировано различно и неясно.

в) Голов. I, 111; II 727, Сяноц. окр. и Земненск. столица:

Верх Бескида зеленого
Пасе Янчик коня свого,
Пасе, пасе, попасує,
На коничка посвистує. (Приставное начало.)

—

„Коничку мóй чорногривий;
„Чом єсь смутний, невеселий?
„Ци ти шкодит (v. вадит) зброя моя,
„Ци сукенка соболёва
—Невадит ми зброя твоя,
Ні сукенка соболёва,
Лем ми вадят труди (v. фальши) твої:
Кажду нóчку до милої
Сам сой пóдеш до милої,
Мене вяжеш на риночку
(v. Мене ставиш на вигоні);
Ты сой пóдеш до світлиці,
Мі недадут соломиці; . . .
. . . А я немам січки, соломи,
Юж мя зъїдят сороки ворони.

В послѣдних 2-х ст. полногласныя слова неукладываются в размѣр.

г) Чуб. V, 961, разм. 4+6:

. . . Чи я тобі та мій коню важок,

А чи моя козацькая зброя и пр.

(конь:) ... Що ти будеш у шинкарки пити,
А я буду сиру землю бити и пр.

(козак:) Нежурися ...
... Буде тобі конюшня новая,
... Буде овса по самій перса ...

От г), вѣроятно, пошли литов. п. Ness. Lit. Lieder. N 46 (Nesirupink, bèrasis žirgèli = Нежурися, коню вороненький) и Юшкев. Лит. свадебн. п. N 153.

д) Чуб. V 870—2 и Шейн Бр. п. 251, разм. 6+6.

е) Вр. Савельев, Сб. Донских н. п. 126, основной разм. 5+5, с амплификаціями:

... А тяжол-то мнѣ твой царев кабак ...
... Сам зелена вина напиваешся,
На обои боки ты вихляешся,
Мною добрым конем выхваляешся.

Это черта с натуры, в свою очередь вліяющая на натуру.

Б. *Конь чует бѣду.* Эта редакція получила извѣстность между русской публикой, благодаря стих. Пушкина „Что ты ржеш, мой конь ретивый“, котораго размѣр, м. б. случайно, близок к А а—в), а содержаніе взято у Prosper Mérimée, La Guzla ou choix de poésie Illyrique etc. Это невполнѣ измышленіе Мериме, но откуда он взял то, что неизмышлено, кажется, у нас неизвѣстно. Пушкин, вмѣстѣ с другими удачными измѣненіями, благоразумно опустил „Thomas II“, „le roi de la fertile Bosnie“, но, к сожалѣнію, не опустил, а лишь измѣнил: „je hennis ... parce qu'avec la peau du roi de Bosnie le mécréant doit me fair une selle“. Это выдумано под вліяніем разсказа Геродота о Скифах (IV, 64) или Помпонія Мелы о Гелонах: Geloni hostium cutibus equos se que velant (ср. Воеводскій Этологич. и миѳолог. замѣтки 29). В доказательство народности главных черт мотива—слѣдующее:

а) Отрывок мр. п. записанной на югѣ Черниг. г. Ѳ. И. Горб-Ромашкевичем. Конь говорит:

... Чую, пане, потугу [1])
Ой й на сéбе й на тéбе.
Мене коня поймають,
Тебе, пане, зрубають.
Мене коня поймають
[Ой] на конюшеньку 'дведуть,
[Ой] овса, сіна пуднесуть;
Й овса сіна несхочу,
Гусарина растопчу, 2
В свою сторону втечу.

б) Варенцев, Сб. п. Самарск. кр., 197; Костомар. и Мордовцева, Р. н. п. собр. в Сарат. г. в Тихонр. лѣт. Р. лр. IV, 85. Сводное чтеніе с опущеніем того, что мнѣ кажется наносным и ненужным:

Ты дороженька моя широкая!
Шириной дорожка нетак широка,
Долинóй дорожка—конца краю нѣт!
Что нихто по тебѣ непрохоживал,
Да никто слѣду непрокладывал,
Только гнали по тебѣ табун коней
Наперед бѣжит сив-чубарый конь,
На конѣ сидит млад донской козак.
„Уж ты конь мой конь, конь добра лошадь!
„Уж и что ж ты, конь, невесел идеш?
„Али я на тебѣ тяжол сижу?
„Али тяжела сбруя ратная?
„Али тяжела шуба лисія (ср. А, б, в)?
„Али тяжела сабля вострая?
—Нетяжел ты сидиш, добрый молодец,
Мнѣ нетяжела сбруя ратная...
... Тяжела твоя служба царская:
Как заутра мнѣ быть убитому,
Тебѣ молодцу крѣпко ранену.—

---

[1]) Сила, войско. В этом знач. в Лѣтоп. Самовидца. Впрочем, м. б., здѣсь и в другом знач., тяжести, невзгоды: *потужная* работа, тяжкая (Даль). Ср. К ист. зв. III, 40.

Как и стал молодец в грѣхах каяться:
„Как и первой грѣх—отца мать бранил,
„Как второй мой грѣх, я соху любил".

В обоих вар. есть странная черта: „табун (косяк) коней государевых, крѣпко *раненых*". Вообще табун мог войти сюда под вліяніем пѣсень, в родѣ LXI, 2.

в) Мр. п. Чуб. V 960, 4+6, представляет стихи, внушающіе сомнѣніе, во всяком случаѣ испорченные:

... А те мені, пане, важко,
Що з боків та сторожа*ють*,
А з переду та зустрічають,
А з заду погонь біжить ...

LXIII.

Никто непоймает в стадѣ коня, кромѣ N.

Этот мотив, как самостоятельный или главный, невстрѣчается.

А. Гол. IV, 46, Золоч. N поймавши коня, надѣвает золотую узду, серебряное сѣдло и ѣдет Галичем. Далѣе мотив LXIV.

Б. Метл. 334 = Чуб. III, 274—5, Черн., в связи с LXIV.

В. Бр. Безс. Бр. п. 13, N 5, в связи с добываньем города и пр. (=LV, 1, O).

Г. Zieńkiewicz, P. l. Pińsk., 22, отк. Безс. Бр. п. 76—7, в связи с XXI, см. стр. 352.

Д. Шейн, Бр. п. 102—3 (=XIX, 1, Г, стр. 271); ib. 107—8 (=см. выше стр. 271); ib. 109—10 (=см. выше стр. 272).

LXIV.

Мать (вдова) v. **тесть узнают N по коню, по платью.**

А. Гол. II, 18, N 25, Стрый. окр.; IV, 126.

. . . По над Хотінье коником граєш.
Хотінці мовъят: „то наш пан їде!“
А вдова мовит: „то мій син їде!“
—По чим же-сь его, нене, спізнала?
—По кошуленьці, по білим коню . . .

(слѣдует описаніе кошули: она „сушена в туря на розі“ и пр., т. е. она не простая).

Б. Ант. и Др. Истор. п. мр. н. I, 67. . . . „Царь сі питає: „чий то син грає“ (конем) . . . Де вона (кошуля) *брана?* В неньки в коморі . . . при ясній зорі“.

Брана в см. вр. браная скатерть, шитый-браный положок, „шитье-браньице, чистое рукодѣльице“. В мр. это архаично, почему в В. уже непонято: „де вна вбірана?—на райських дверях“.

В. Гол. IV, 116, Колом. Сходно с А. „в тура на розіх“. Старинное окончаніе = *-ѣхъ* с измѣненіем гортанной, как *вирсіх* (вьрхъ), в Кобáціх (в селѣ Кобаки), Ogonovski, Stud. auf dem Geb. der Ruth. spr. 127.

Г. Гол. IV, 533, Буков.

Гей орде (=гордий) пишний пане дідичу!
По під Камъянець коником граєш . . .
. . . кошуля . . . де вна убрана (надѣта)? в Бога за дверьми.

Д. Гол. IV, 58, N 33, Станисл. окр. В соединеніи с „хвалиться конем перед королем“ и построеніем церкви (=LXI, 1, Г слѣд.):

. . . На нім (молодцѣ) шубонька за сто червоних.

Далѣе смѣш. описанія шубы и кошули.

Е. Гол. IV, 46—8, Стрый. В соединеніи с мотивами LXV и LV „кошулька як день біленька“.

Ж. Гол. IV, 49, Стрый. Послѣ мотива LIV, Г, и без связи с ним, слѣдует:

Ой як си пішов а по риночку,
Підківочками вицупкуючи,
Рясними суконці потрясуючи,
Ясними стрілки виблескуючи [1]);
Міщане мовлят, що місяць сходит,
Селяне мовлят, що сонце сходит,
А мати вийшла: „то мій син иде;
. . . Корогов несе королевскую“.

З. Гол. IV, 45=LXIII, А.

. . . N поїхав ним (конем)
Ой горі містом, горі Галичем,
(мѣщане и мѣщанки, как в Ж)
. . . А ненька каже: „то мій син їде!
Позналам его по коникови,
. . . . . по білім лічку.

И. Чуб. III, 294, Сѣв. у. Черн. г. N задумал жениться, возвращается (с невѣстой), „От люде кажуть: „пан гетман їде“, а мать:

„Я свого сина сама вгадаю,
По стрільці-пірці, по красній дівці“.

І. Метл. 334=LXIII, Б.:

. . . Ой люде кажут, що сокол летит,
Тестенько каже: „се мій зять їде“ . . . [2]).

К. Шейн, Бр. п. 445—6, Слуцк. у. Щедровка. N пасет коня и говорит с ним: . . .

Паедзім, коню, на сохваляние,
К сваей девацце на заліцанне!
„Ой таму добро, чий то сын едзе,

---

[1]) Отсюда этот мотив в XIX, 1, А, стр. 266.

[2]) . . . Как ясен сокол вон вылетывал . . .
. . . Выѣзжал удача доброй молодец
Молодой Дюк сын Степановичь,
А и конь под ним как бы лютой звѣрь
(Кир. III, 201).

„Тому найлєпше, чий то зяць будзе“ ...
(говорят зрители).
Чрез (през?) мєсто єдзе, мєсто дзівує,
Чрез сяло єдзе, сяло чапкує.

Вр. и бр. п. представляют сходныя сочетанія черт.

а) N „воюется“, мать смотрит. Бр. свад., когда жених везет невѣсту домой (Шейн, Бр. п. 303):

(Што за) шум по дуброве?
Што й за пыл по дорозі?
—Іванька воюїцца,
Мамухна дзівуїцца.
„Нядзівуйся, мамухна;
„Я ня сам воююся:
„Ворон конь подо мною,
„Господь Бог надо мною.

б) Бояре дивуются шубѣ, или шубѣ и коню: Гуляев, Оч. Ю. С. 14, свадебное величанье (см. Объясн. мр. п., I, 32—3); Сах. Ск. Р. п., кн. III, 119, свадебное величанье:

... Кунья на нем шуба до земли ...
... Бояре то смотрят из города [1]),
Боярыни смотрят из терема,
Суженая смотрит из под полога.
Бояре молвят: „чей то такой?“
Боярыни молвят: „чей господин?“
А сужена молвит: „мой дорогой!“

в) В былинѣ про Ивана Гостиннаго сына, по вар. К. Дан. (Кир. III, 7; ср. Рыбн. III, 198—9; Гильф. 695, 699):

Скоро де Иван наряжается,
И вздѣвал [на себя] шубу соболиную, ...
... И повел он коня за шелков поводок.
Он будет де Иван середи двора,
(Середи двора) княженецкаго,

---

[1]) Стале быть N, как в мр. кол. А, перед городом.

Стал его бурко передом ходить,
И копытами он [за шубу] посапывати,
И по чорному соболю выхватывати,
Он на всѣ стороны побрасывати.
Князи и бояра дивуются,
Купецкіе люди засмотрѣлися . . .

Конь выхватывает копытами (а не зубами, как у Гильф.) по соболю, п. ч. шуба, надѣтая небрежно, на опашь, полой волочится по землѣ. Преданіе говорит о подобном дѣйствительном или показном пренебреженіи к дорогому наряду у Запорожцев. Удивленіе зрителей коню, оружію, *шубѣ* („кожюхъ“)—в извѣстном мѣстѣ Ипат. л. под 1252: „Самъ же (Данило) ѣха подлѣ короля по обычаю Руску. Бѣ бо конь подъ нимь дивленію подобенъ и сѣдло отъ злата жьжена („сідельце од злота самого“, щирозлотне сідельце“, „коник у сідлі в щирим золоті“, Гол. IV, 47) и стрѣлы (ср. LXIV, И) и сабля златом украшена (и) иными хитростьми, яко же дивитися; кожюхъ же оловира грѣцького и круживы златыми плоскыми ошит, и сапози зеленого хъза шита золотомъ. Немцемъ же зрящимъ, много дивящимся, рече ему король: „невзялъ быхъ тысяще серебра за то, оже еси пришелъ обычаемь Рускимь отцевъ своихъ“ (Ип.², 541).

Отчасти сходная ситуація в надгробной похвальной рѣчи у Осетин:

„По окончаніи плача вдовы, из толпы мущин выходит старик „бах-фальдисаг“ (=податель коня), ведя с собой лошадь. Став в ногах покойника, он говорит:

„Вот, добрые люди, умер рѣдкій по уму и добротѣ человѣк и идет в дальній путь. Нужен ему добрый конь, какого в нашем краю неоказывается“.

„Поэтому, по указанію тайновидцев, домашніе ищут коня на вершинѣ . . . недоступной даже птицам горы, гдѣ пасется 3 черные коня: старшій кусается, меньшій лягается, средній кроток“ . . . Они выведут послѣдняго и при-

ведут тебѣ ... Осѣдлав золотым сѣдлом, ты вскочи на него и пускайся в путь ... Видя твой свѣтлый образ, мертвые на пути в царство небесное будут принимать тебя одни за ангела, другіе за одного из святых, но ты от этого неподымай головы высоко, а ... говори: „Я ни тот, ни другой, а простой смертный, равный вам человѣк, и отправляюсь на тот свѣт к Барастыру“ (начальнику мертвых), Сб. свѣд. о кавказ. горцах, IV, Отд. III, 5.

Вышеупомянутая былина про Иванаго Гостинаго сына заключает в себѣ и другіе мотивы, б. м. до возникновенія этой былины ставшіе уже величальными. По вар. Рыбн. III, 197, Гильф. 698, не Владимір дѣлает вызов, как у Кирши (Кир. II. III, 4), а сам Иван хвалится на пиру конем (как в кол. „хвалиться конем перед королем: нема в короля такого коня“) [1]) и предлагает заклад:

Скакать из Кіева до Чернигова,
Два девяноста-то мѣрных верст,
Промежу обѣдни и заутрени.

Разстояніе преувеличено в мѣру, верст на 60, под вліяніем старинnаго счета девятками („за тридевять земель“, в мр. „тридевъять вареників“ в короваѣ). Срок тоже утрирован не по сказочному. Мѣра службами напоминает слова Мономаха: „а ищерьнигова до Кыева нестишь (нѣ съ ..., около стольких то раз?) ѣздихъ ко отцю, днемъ (за день) есмь переѣздил (мр. переїздив) до вечерни“ (Л.², 241). Т. о. довольно далеко в сторонѣ остаются болгарскія колядки молодцу, в коих N хвалится конем („Ви(х)рогон“), берется обогнать солнце, и выигрывает заклад — солнцеву сестру (Безс. Бог. п. N 63; Качановскій, N 23; ib. ср. N 209).

---

[1]) А. Весел., Разыск. в обл. Р. дух. ст. VI—X, 282, указывает на греч. п. (Kind, Anth. neugr. volksl. 64), гдѣ Константин хвалится конем перед королем, за чѣм слѣдует бѣг.

B. Того же размѣра 5 + 3 — купальская, Безс. Бр. п. 39, есть механическое соединеніе двух различных пѣсень:

а) В одной войтовна, поѣхавши вм. *отца* на войну, поражает непріятельское войско, королевич (т. е. король) предлагает ей в замужество дочь, но узнавши, что она дѣвица, обѣщает взять за сына.

б) В другой войтовна неповинуется совѣту отца (=матери в LXV и LXVI A) и, при переправѣ, серед моря тонет. Эта послѣдняя черта и размѣр послужили поводом к тому, что пѣсня принята за купальскую.

Г. С В а) сходнаго размѣра и содержанія (дочь вм. отца, она выходит за царевича). Sušil, Mor. p., 107.

Д. Сб. нам. п. тв. в свз. кр., 254—5. Вдовина дочь (младшая из 3-х, как в мр. п.) — на войну, неслушается совѣта матери, ее берут в плѣн, раздѣвают и убивают. Размѣр:

Сідзела вдава на канец села,
Гей нам, гей!

Припѣв—польских колядок.

Другія сближенія, между прочим с былиною о Ставрѣ Годиновичѣ — Ант. и Драгом. I, 318—27. См. также И. Сазоповича, Пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ и пр., Р. Ф. В. 1885, IV; 1886, I слѣд.

LXVII.

Поединок с Турским царем (Ант. и Др. Ист. н. I, 23—31).

А. Гол. IV, 128. Первые 2 ст. испорчены. Вм. них могло быть:

По під Хотінье, на оболоню
Іздит-поїздит гордое паня . . .

N „зняв (=поднял, вздѣл) головоньку (Турскаго царя) на *копіен(ъ)ку*". Предполагаемая послѣдним словом форма *копія*, ж. ед.,=поль. *kopija*, есть б. м. русс. им. вин. мн. сред. *копья*, принятая за им. ед. ж. Туземная поль. форма есть *kopie*=русс. *копье*.

Б. Метл. 339 (=Ант. и Др. l. c. 28, Ж, Чуб. III 278).

В. Гол. IV, 50, N 23, ст. 8 сл. (см. LIII, Б, стр. 625).

Г. Гол. II, 29 (=Ант. и Др. l. c. 24, В) N берет царя в плѣн и ведет его „по-піля коня близько стременя", „чорним пожаром" „в Руську землю".

Д. Гол. IV, 30 (=Ант, и Др. l. c. 24, Б). Противорѣчивое соединеніе вар. в родѣ А, гдѣ поединок кончается смертью Турскаго царя („Як панок наш тяв, то Тур-царя стяв") в родѣ Г (N ведет плѣнаго степным пожаром „в Ческу землю"

А в Ческій (Г, „в Руській") землі короля нема.

LXV.

Вдова отправляет сына на войну.

Провожая, она научает:

Неупережай (невиривайся, невихвачуйся) у перед (поперед) війська,
Незоставайся (не лишайся) позаду війська;
Держися війська все середнёго,

к чему нѣкоторые восточные вар. прибавляют:

І козаченька [1]) все статешнаго.

Сын неповинуется:

Поперед війська конем играє,
По заду війська мечем рубає.

Подвиги его дают повод к сочетанію с другими мотивами.

А. Гол. II, 609, N 48, Стрый окр., в связи с мотивом „хвалится конем, луком“, „похвала коню“.

Б. Основа 1861, Дек., Великдень у Подолян, Свидницкаго, 55—6.

В. Гол. IV, 45, N 17; Чуб. III, 273, 3, И; 272, Д, Е.

Ой заказано и зарадано (загадано)
Усім воїнам (молодцям, козакам) у поход іти,
Пану N корогов нести . . .

„Царь на креслі“ (царь турецкий) готов дать ему дочь и пол царства.

Г. Чуб. III, 270, Борз. у. (в связи с вызовом и плѣном турецкаго царя).

Д. Гол. IV, 46, N 20, Стрый. (добываньe города).

---

[1]) Собирательно.

Е. Чуб. III, 271, Б=Ант. и Драгом. I, 26—7.

Пишний-гордий, славний паничу,
(Ой) *молод* же ти *в військо* ходити,

что напоминает Филона, корсунскаго полковника Ивасю вдовиченку:

„Ще ти дитя молоде, розумом недійшле,
„У походах небувало (Метл. 419).

Впрочем роли матери-вдовы и участь героя в думѣ и колядках различны.

Ж. Чуб. III, 271, В. Начало как в XXI.

З. Метл. 338—9. Начало—„Отраженіе набѣга".

И. Гол. IV, 45, N 18 (в концѣ „Перед королем виграв конем") и рукоп. вар. И. И. Манжуры, С. Мурафа, Богод. у. (N разбивает ворота города, царь „кватирочку та одсуває", узнает его и готов дать дочь и пол царства). В обоих черта: „Ой заказано" („загадано", „та на війночку"):

Ой хто сина ма, нехай висила,
А хто немає, нехай наймає.

Эта черта и совѣты матери связывает разсматриваемый мотив со слѣдующим.

LXVI.

Вдовина дочь отправляется на войну.

А. Коляд. Ант. и Драг. I, 314. Первая половина есть видоизмѣненіе кол. LXV, за тѣм неудачная переправа Катерины есть противоположность мотива „похвала коню"; ея плѣн ср. с кол. „дѣвица в плѣну" и „дѣвица перенимает молодца, берет коня за поводы и пр.".

Б. Ант. и Драг. I, 315. Пѣсня смѣшаннаго размѣра: основной размѣр — весняночный 5+3 со вставными стихами 5+5.

LXVIII.

Отраженіе набѣга, отбитый полон (Ант. и Др. I, 31—6).

А. Метл. 338—9, Остер. (=Ант. и Др. I, 31; Чуб. III, 275). Посторонніе мотивы, начиная со ст. 21: Мать отправляет на войну (=LXV), N „хвалится конем и пр.“ (=LX).

Б. Гол. II, 34 (=Ант. и Др. I, 34—5). Ст. 15—8 — похвала коню, ст. 24 сл. — построеніе церкви.

В. Чуб. III, 422—3, Ушиц. у. Сходно с Б, но без построенія церкви.

Г. Русалка Днѣстр. 37 (=Żeg. P. I, 165; Гол. IV, 130; Ант. и Др. I, 132—3). Ст. 1—10 — запѣв от оленя (XX, 5, стр. 338, г). N играет на гуслях (LVIII). Из кол. типа XX, 3, Г (стр. 325), гдѣ N с *отцем* ѣдет на охоту, могло войти сюда то, что о набѣгѣ сказывает отец.

Д. Чуб. III, 431—2 (сходно с Г).

Е. Kolberg, Pokucie, I, 101—2. Начало (ст. 1—3), N перед войском, болѣе свойственно колядкам LV. Ст. 17 сл. — N снимает голову с царя (LXVI, А) и получает от своего царя

Три даруночки, три городочки:
Один ми город славний Білгород [1]),
Другий ми город—славніщий Ильвів,
Третий ми город—славніщий Київ,
Я в Білгороді [1]) коня сідлаю [2]),
В славніщим Львові двором мешкаю,
В славнім Києви панну сватаю [2])... (Ср. XIX, 1, B, стр. 271).

---

[1]) Sic вм. Bilohrog, Bilogrogi.

[2]) Вм. sidłajut сватают.

Замѣчательно, как архаизм, упоминаніе в коломыйской пѣснѣ рядом с Кіевом, как найславнѣйшем из городов,—Бѣлгорода (Кіевскаго).

Самый величальный мотив: „N *получает* 3 города, в 1-м то-то, во 2-м то-то и пр.“ ср. с вр. свадебным величаньем одному из сватов (Сах. Ск. Р. н. 3, 132, N 93):

... В тѣ поры его государь царь жаловал
Тремя городами, тремя стольными:
Как во первом городу вино курят,
Как во втором городу пиво варят,
Как во третьем городу его сына крестят.

Три города (в том числѣ Кіев и Чернигов), которыми „славен пан N“—в отрывкѣ щедровки, запис. П. А. Кулижем (З. о Ю. Р. I, 196=Ант. и Др. I, 22).

Устраняя вышеупомянутые выдѣлимые мотивы, я, со всѣми оговорками, предлагаю слѣдующее чтеніе.

Пане Іване (N) обмуровав двір,
Ой дай Боже!
Обмуровав двір білим каменем,
А ворітечка з жовтої меди,
А по тій меди [1]) стоять намети,
Стоять намети як біль біленькі,
А в тих наметах сидить пан Іван,
Стрілочки струже та в пучок [2]) кладе,
А в пучка [2]) бере тай заправляє.
Ой стучить-гремить з поля сторожа:
Та (як) вдариться в жовти ворота: (А)
„Пане Іване, чи спиш, чи чуєш? (Б)
„Ой коли ти спиш, Господь с тобою (А, Б),
„А коли неспиш, промов зо мною! (А)
„Гаразд ся маєш, ні в чим недбаєш (В);
„Твоє Підгірья орда забрала [3]),

---

[1]) Т. е. за нею, внутри двора.

[2]) У Метл. в лучок, з лучка.

[3]) „Підгірья“ в Г, Д. Ошибочно вм. этого „подвірья“ в Б, Е. „Поділля“ в В. „В наші города Турки вступили ...

„Ой ти паночку, господаречку!
„А в Чеській землі королем будеш“.
Это слова зрителей.

Мог быть вар., в котором этот послѣдній стих имѣл вид:

А в Руській землі королем будеш.

Отсюда мог возникнуть 2-й ст. Д:

Ой на толоці . . . .
Там король Рускій коником грає . . .

Е. Гол. IV, 101. Колом. Начало „Ой рано“ = XXI, 340.

9 (N) Поїхав во Львов *стеречи бродов.*

Эта черта м. б. столь же туземная южнорусская, как и степной пожар. Она напоминает мѣста лѣтописи, в родѣ: „Володимиръ же поиде противу имъ (Печенѣгамъ) и срѣте я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль“ (слѣдуетъ разсказ о борьбѣ младшаго из 5 братьев, усмард, с Печенѣжином, вошедшій в лѣтопись, вѣроятно, из народнаго эпонимическаго сказанія о происхожденіи города Переяславля: „Володимиръ . . . заложи городъ на бродѣ томь и нарече и Переяславль, зане перея славу отрок-отъ“. Разсказ—под 992 г., а город Переяславль упоминается в договорѣ 945 и конечно возник до этого года) Лавр.[2] 119. К бродам на Днѣпрѣ, как Инжирь брод, можно было примѣнить выраженіе, приписанное Святославу Всеволодичу в другом смыслѣ: „отвориша ворота на Русьскую землю“ (Ип.[2] 435). Там надо было „стеречи землѣ Русьскоѣ“. У них бывали между прочим съѣзды княжескіе, которые, происходя гдѣ либо в ином мѣстѣ, могли „отворяти ворота . . .“. Сюда можно отнести выраженія Вл. Мономаха: „и на ту весну (ходихомъ) къ Ярополку совкуплятъ ся на броды . . . и на ту зиму идохомъ къ Ярополку совокуплятися на броды“ (Лавр.[2] 239), гдѣ, впрочем, едва ли основательно, принимают *броды* (собств. мѣсто гдѣ бродъ) за имя собств. города Волынской области. М. б. загадочные *Бродьницы* (Ип.[2] 242, Лавр.[2] 482) получили имя от сто-

рожи бродов. Ср. в серб. п. „*крајишници*“, (Турки) что стерегут „крајиште“, границу; *граничари*.

В Е плѣнившій царя говорит:

А в Ляцкій земли королем буду,
Королем буду, миру наплоджу.

Ж. Чуб. III 270, Борз. у. = Ант. и Др. I, 25, Г, стих 23 слѣд.

З. Чуб. Ш, 279 = Ант. и Др. I, 23, А, ст. 14 сл.

И. Чуб. Ш, 310, Д. Переясл. у.

І. Мурафа, Богодух. у., запис. И. И. Манжура:

Ой шож то в полі забобваніло,
Ой дай Боже!
Ой шож и пр., Святий вечір!
(Ой) тож Павлечко та з войни ідé,
А з войни іде, коника веде,
Побіля коня—Турського царя,
А за ним біжить турецький мужик:
„На тобі коня, верни нам царя!“
—Коня неозьму, царя неверну,
Поведу царя в свою сторону,
Отцю на хвалу, панам на славу!

К. Чуб. Ш, 282, 7, Кіев. у.

Л. Шейн, Бр. п. 103, ст. 32 слѣд. Ср. также Чуб. Ш, 271, Ант. и Др. I, 26—7, Д, Е.

„Орда забрала, в полон загнала,
„В полон загнала а в свою землю!“ (Б)
Ой як схопився, перехрестився: (Б)
„Служеньки мої, найвірнійший! (Б)
„Сідлайте (В) мені коня пирського [1]) (Б),
[„Вшопружте єго у девьять попруг,
„А в ту десяту саму золоту (ср. Е)];
„Ой дайте мені (А) меча гострого! (Б)
„Де орду вгоню, там ю розгоню,
„Своє Підгіръя назад заверну, (Б)
„Назад заверну, краще осаджу!“ (Г).
Як іх догонив, так іх розгонив,
Своє Підгіръя назад завернув,
Назад завернув, крашче осадив (Б и Г),
Осадив єго а в три перії [2]) (В):
Перша перія (з) старими людьми,
Друга перія из парубками,
Третя перія из дівочками; (В)
[Вм. ст. 30—3 — в Г:
Ой осадив він три села людьми:
[Ой] та одно село старими людьми,
А друге село паробочками,
А третє село дівчиноньками;
Старії люде суди (Д. вм. усім Г) судили,
А паробочки в війську служили,
А дівчиноньки шитінька шили];
Старими людьми село порадне,
Паробочками село . . . . [3]),
А дівочками село весело (ср. В).

пополам з Татарами“ (А). „Турки . . . из Татарами, из Гарапами (Е).

[1]) Вост. мр. *порскати, порснути*, прыскать. „Фыркающая“.

[2]) Б—„в три переи“. Ср. ст. серб. *перiоръ*, finеs из περί и βρος (Mikl.).

[3]) В сходном мѣстѣ кол. Гол. II, 33—4, N 47 — „Пару-

Отраженіе набѣга (Литвы) вошло, как величальный мотив, в вр. свадеб. п. (см. выше, стр. 230).

„Три села“ v. „три періі“ (стариков, паробков, дѣвиц) могут предполагать, что были отбиты три такіе полона или ясыра. Подобное распредѣленіе полона—мотив извѣстный в болг. (и серб.?) пѣснях. „Паша-зулумджія“ (насильник) или „църна арапина“

. . . Поведе три синджира робе:
Єдин синджир 'се млади юнаци,
Други синджир 'се млади девойки,
Трети синджир 'се млади невѣсти . . .

(Dozon, Бълг. н. п. 63—4; ср. Верковић, Нар. п. Македон. Буг. 353 и 59—60; см. выше XIX, стр. 294). От Болгар, в другой формѣ и связи и вмѣстѣ со словом *плѣнъ* в значеніи полона-ясыра этот мотив мог перейти в румынскую колядку (Веселов. Разыск. в обл. русс. духовн. ст. VI—X, 283—4; другой мотив в той же колядкѣ, тоже славянскій, как и собственныя имена: Жица думает, что Нѣгое ведет ее, чтоб быть ей рабой, а он ведет ее, чтобы взять женою).

Три судна со стариками, юношами и дѣвицами — Верков. l. c. См. выше, стр. 597.

бочками село *горіжне* (?)“. М. б. это неправильное (Мадьяр.?) растяженіе вм. *грізне?*

LXIX.

Умная жена. Вдова.

Поводом к помѣщенію здѣсь этого величанья служит то, что к нему приросла часть LXVIII („три города“). В чистом видѣ здѣсь два мотива:

1. Прославленіе хозяйственной распорядительности жены или вдовы, напоминающей то, что было еще за нашей памяти в помѣщичьем быту („коверницы“, кружевницы и т. п.), но с соотвѣтственными измѣненіями восходящей к отдаленной старинѣ царицы Ареты, „пані-матки“ (πότνια μήτηρ) Навсикаи, с ея женщинами (σὺν ἀμφιπόλοις γυναιξίν).

А. Кол. газдині, Гол. IV, 33—4, N 6; вдовѣ, Гол. Гол. II 47. У нея „особе“ (мое чтеніе вм. особы), особо в свѣтлицах сидят, в одной „самі шевцеве“ и „ладят червін сафіян“, в другой — „кравцеве — дорогу шубу“, в 3-й — „ткачеве — дорогий завій“ (т. е. „завивало“, покрывало, „серпанок“, „намітку“). Ср. выше стр. 571—2.

Б. Кол. Чуб. III, 406, Ушиц. у., испорченный вар., который представляется мнѣ в слѣдующем видѣ:

А ми в нашої господиниеньки
За ей столом в неї пиво пъем.
Ой наша пані господиненька
Ходя-походя ключами дзвонить,
Мед-вино носить, кравчиків просить:
„Ой любі-милі мої кравчики!
„Мед-вино пийте, суконьки шийте!“

7—11 = 3—6 . . . . шевчиків . . . . шевчики . . . черевички шийте.

В. Метл. 343 = Чуб. III 470.

2. Прославленіе жены, как матери. Кол. Метл. 332, Чуб. III, 404. У нея много дѣтей, больше сыновей, чѣм дочерей:

Садила синки в чотирі рядки,
Садила дочки у три рядочки.

Она их выростила и „до розуму довела“, посылает в школу, при чем они нетеряют уваженія к отцу матери: возвращаясь сыны из школы, дочери из „швачок“

Книжечки на стіл, батеньку до ніг,
Хусточки на піл, матюньці до ніг.

3. Мотив 1 в смѣшеніи с „три города“.

А. Чуб. III, 386—7, Боришполь, Переясл. у., со вставкою из мотива 2 и И. И. Манжура, Мурафа, Богод. у., кол. бездѣтной.

В послѣднем вар. „умная жона“ „закупила вона три городочки“:

Первий городок усе крамарі . . .
(Др.—шевчики, 3-й—кравчики)
Крамарі ідуть все сукна несуть,
Шевчики ідуть чобітки несуть,
Кравчики ідуть по свитці несуть.

Б. Люботин, Валк. у., зап. И. И. Манжура. Кол. дѣвицѣ:

В нашого Петра одная дочка
Усташка!
Усташка паня, говори з нами
истихенька!
Через міст ишла та кошик несла,
Кошик на руці, грошик у руці,
Тай закупила три городочки:
Первий и пр. та все кравчики . . .
(2-й шевчики, 3-й крамарі)
Та кравці ідуть, кожушки несуть,
Усташці,
Та все Усташці к святому Різдву!
Шевчики ідуть, чобітки несуть,
Крамарі ідуть, платочки везуть.

Покупка городов примыкает к кол. господынѣ у Гол. IV, 60 (35): жена просит мужа закупить 3 села: 1-е „з парубочками“, 2-е „з паняночками“, 3-е „з виноградяйком“

Ми парубочки а поженимо,
Ми паняночки замуж видамо,
Виноградяйко сами випъемо.

4. Как особый мотив, лишь одною чертою (ключи связанный с 1, Б,—кол. вдовѣ, Гол. II, 50 (18). „Ци дома, дома хороша вдова?“ Она дома, „носит ключики все дрібненькії“; она значит домовитая, но что же ей в том?

На подвірочку грушечка щепка
Красно зацвіла, та незродила.
Як з грушки щепки цвіточок паде,
То так удовин світочок іде!

LXX.

N суды судит.

Ставлю здѣсь этот величальный мотив, п. ч. его чисто-малорусскіе вар. соединяются с мотивом „три села“, „три города“ (LXVIII—IX).

1. Волочобныя и виноградья:

А. Безс. Бр. п. 8, N 6; Б и В, Шейн, Бр. п. 43—4 и 46 (части NN 90—1); Г. Шейн Р. н. п. 367 (N 2); Д. Сах. Ск. Р. н. 3, 17; Е. Колосов, Замѣтки о нар. яз. и поэз. 253 (Вят.).

Начало должно быть вездѣ в родѣ А:

Ци дома, дома, пан' гаспадару?
—А німа дома, да у го́радзе . . .

Город или неназван, или есть Царьгород (Д, Е), „Сібір город“ (Б),—„на судимую гору“, „ѣдет со судимой со горы“ (Г), с чѣм ср. ниже „Судомирь город“.

N ѣдет туда „суды судить“ (и ряды рядить Д. Е, откуда в В—„раду радзіць“), „пересуживать“ (Б).

. . . От суду (v. за суд) бярець по сто рублёв,
От пірасуду по тысячи (Б).
Ён шлець дамов гасцінчикі (ib.)
(v. Перасуд бяре да жаны ішле, А),

именно женѣ—„кунную шубу — бабров ковнер“, сынам по коню, по сѣдельцу, дочерям по вѣнчику и пр.

Ж. Безс. Бр. п. 7—8, N 5, волочобн.:

А на уліце да на широкой,
А на муравс да на зялёной
(-) Ляжиць брусья да цясовоя,
А на тым брусьі да мужи сідзяць,
Да мужи сідзяць, мужи честные [1]),

---

[1]) *Честь* синонимично с *хвала, слава* („честь Богу, хвала“ Ном. 195; „честь і хвала і добрая слава славному пану,

Да радзюць раду, раду добрую
[⌣ раду добрую, волочобную]:
„Да кого ж будзем обіраць войтом?
„Обяром войтом славного пана (N)...
„...Ён жа умесць да суды судзіць,
„А суды судзіць, судовоя браць:
„Самому ж пану коня вороного,
„А жоне ж яго жовтыя лісы,
„На дзяцей яго чорныя бобры,
„Чорныя бобры, штоб росли добры ...

Относительно платы за пересуд (апелляцію) мѣхами, кожухами, шубами ср.: „obyczaj jest w sądzie Polskem, iż sądzia, ot kogo otzywają (на рѣшеніе коего апеллируют), pirwiej niechce ani ma swego bronić skazania, aliż pirwiej przez stroną otezwałą (апеллировавшею стороною) trzy grzywny albo kunie łupieże to jest kożuch jemu bądą dany", Księgi Ustaw, ed. Lelewel, 74. Гривны упомянуты в Е:

Сослал женѣ серебреной грош,
Исшо сослал золоту гривну ...

3. Мурафа, Богод. у., запис. И. И. Манжура. Рѣдкій случай занесенія в Малороссію вр. виноградья:

Ой ходили та блудили та коляднички,
Виноград красно-зелёная!
Та шукали та питали у (!) пана двора:

пану N", Романов, Бр. сб., I, 453), противоположно со *стыд* и пр. („люде пьють, так честь та хвала, а мы пьем, так стид та біда). Т. о. *честный* муж (Шейн, Бр. п. 81, 85, 97, 99—100 и пр.), *самочестный* муж (ib. 83, 86), *доброчестный* ходзяй (Романов, Бр. сб. 454; ср. Гомер. ἐυ-κλεής), *добрый* муж („пыталіся славнаго сяла, добраго мужа. Славное сяло — Алексѣничи, а добрый муж—Андріянка", Романов, l. c. 454; „пре сеи миръ троудилися дъ(о)брии людиѥ N и N", Грам. 1229 г.) принимаются за синонимы со *славный* муж. Ср. в величаньях: „Пане гаспадару, славны мужу над мужами" (Шейн, Бр. п. 86—7, 89, 91—2) и Гомер. Ἀλκίνοε κρεῖον, πάντων ἀριδείκετε λαῶν, Od. VIII, 382 (v. ἀνδρῶν).

А де того пана двір,
Що високий частокіл,
Кришталеві ворітечка одчиняются?
Пана дома немає,
Десь суди суде а ради раде,
Він за суд бере та по сто рублів,
За раду бере та по тисячі.
Передав жені золоту ткапку,
А своїй дочці золотий перстень,
А своєму сину вороного коня.
А жена в тканці та погаркує,
А дочка в перстні та похвастує,
А Петречко на копику викрашається,
Єго батенько утішається
„Ой ти сину мій, ти чадо моє,
„Та піди в Москву, послужи царю:
„А чим тебе царь та пожалує?
Чи рублем, чи полтиною?
Чи золотою ружиною?
Чи вірною дружиною?
—Нехочу рубля, ні полтини я,
Ні золотої ружини,
А хочу вірної дружини.

2. Мр. колядки. α, Гол. II, 607, N 45, Стрий.; β, Гол. II, 33 (N 57), ib. (=Ант. и Др. I, 49); γ, Гол. II, 11, N 15; δ, Чуб. III, 369 (неважный испорченный вар.).

Эти кол. представляют два мотива, из коих только первый находит соотвѣтствіе в бр. п. LXX, 1, А и пр., именно:

Ци дома, дома, пан' господарю (γ; ср. α)?
Ой кажут слуги, що нема дома (α):
А в Судомірі судоньки судить,
Судоньки судить, все в правах сидить (α)
(v. Ой поїхав він до Судоміря (γ, v. до Судомира, β)

Суди судити (β, γ), села ділити (γ))
Ему за тое дорого платять (α)
(v. Щож ему дано за тоти суди? γ).

Судомірь, конечно, понимается в смыслѣ идеальнаго города, по связи с *суд* и *мир* (Ант. и Др. I, 50), подобно тому, как в кол. Гол. II, 13, N 19, „три черчикове“ ѣдут

До Радисела раду радити.

Тѣм неменѣе в основаніи может лежать собств. Судомирь =Sandomierz, Судомиров город.

Второй мотив, плата за суд, в отличіе от LXX, 1,— три села:

Ой дано-же ему та три селечка
(1-е „старіи люде“, 2-е „парубочки“, 3-е „дівочки“)
Старими людьми село порадне,
Парубочками село горіжне (?)
А дівочками село весело (β).
Или: Дают же ёму три села нові . . .
. . . Старіи люде на порадочку,
А парубочки все косарчики,
Ой а дівочки все гребеночки (α).

Думаю, как и прежде (мое Сл. о П. Иг. 127), что этот мотив находится если и не в первоначальной, то в болѣе ранней связи с мотивом „отраженіе набѣга и пр.“, чѣм с мотивом „суды“. Вар. γ (Гол. II, 11), единственный из упомянутых, в котором говорится об *осадѣ* сел людьми (тогда как в LXVIII это черта постоянная), но неупоминается о том, что села плата за суд, представляет еще ту связь с LXVIII, Г, что дѣйствующих лиц не одно, как во всѣх прочих вар. LXX, а два: отец и сын:

Ци дома, дома, пан господарю?
Нема го, нема го дома,
Ні сина ёго, нема го!

Сын введен в пѣсню в припѣвѣ, б. м. в угоду тому, что имѣлся готовый стих:

Насадили *в'ни* три села людьми . . .

Ср. также кол. Гол. IV, 60 (LXIX, 3).

Согласно со всѣм этим я бы нѣсколько измѣнил мнѣніе об этой кол., высказанное у Ант. и Др. Ист. п. I, 50: „Колядка эта относится к тому періоду дружинной жизни, когда члены дружины переходят из положенія временных наемных воинов в положеніе земских бояр. Князья поручают им завѣдываніе судом и в награду за отправленіе этой общественной должности надѣляют их помѣстьями". Но о том, что селами или городами за суд надѣляет князь, неговорит ни один вар. этого типа (об этом, но без связи с судом—LXVIII, E), а кол. LXX, 1, говорит о „судовом", платѣ за суд (не селами, а шубами и пр.), не от князя, а от тяжущихся, как и было. „Три села" могут быть здѣсь сравнительно поздним наслоеніем, чертою заимствованною из LXVIII; с другой стороны дѣйствіе „суди судити, села дѣлити" (2 γ) или „суды судить, ряды рядить" (1, Д, E) могло быть приписано первоначально не только княжескому тіуну, но, что в величальной пѣснѣ вѣроятнѣе, князю, как в Сл. о П. Иг.: „Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады (ряды?) рядяше" (мое Сл. о П. Иг. 127).

E. Чуб. III, 441, N 5. Послѣ начала XVI, B, стр. 250, и без связи с ним, слѣдует:

Ой кому дати з лучка стреляти?
Трохимку дати з лучка стреляти.
Неподобає [ёму] з лучка стреляти,
А подобає [ёму] в короля служити . . .
. . . Ради́ ради́ти, суди судити.
Ой тиї ради коні в городі
(Читай: За тиї ради коні в нараді, т. е. в наряді),
Ой тиї суди ходят у шубі.

LXXI.

Перебор.

А. Гол. II, 170 сл. (20), Шкло, Перемышль. окр. Щедровка паробку.

Пан Хомуненько переберинченько
Сам молоденький, кінь вороненький!
Переберає меж коніками:
Котри ліпшиї, то собі бере,
Котри гіршиї, служейкам дає.

(Тоже — еще 4 раза с измѣненіями во 2-м ст.: „меж сіделками“, „меж воздечками“, „меж сукенками“, „чоботойками“ (без предлога). Далѣе:

Переберає меж дівойками:
Котри ладнійші, то собі бере,
А що погани служейкам дає.
Бувай же здоров и пр.

Б. Гол. II, 143 (2), Золоч. окр. Щедровка. (Размѣр испорчен).

Ой дзвін дзвонит, місяць сходит,
Наш паниченько перебірниченько
Коники переберає:
(⏑) Котро кращі, (то) собі бере,
(⏑) Котро бридші, служенькам дає

(также „волики“ и пр.).

В. Ант. и Др. Ист. п. I, 327—8, Городн. у. Черниг. г. Щедровка.

В лозѣ под калиной кровать, постель, на ней
Молод Гришечка переборщечка [1])
Перебірає в (=у) стаде коней:

---

[1]) =переборщичко.

Который лучше, (⌣) собѣ бере,
Который плошче, челяді дає.

(также: „в скринѣ жупани“, „на крючку шапочки“; наконец)

Перебірає в танку девочок,
Которая ловче, за себе бере,
Которая плошче, челяді дає.
... Мы ж тебе незневажаєм и пр.

Г. Гол. IV, 19 (24), Стрый. Колядка господарю. Он „ходит собі по ярмаркови“ ... „волики бракує“,

Котори ліпші, все собі бере,
Котори пліхші, служенькам дає.

Также „коровки“, „овечки“.

В А замѣтен параллеллизм между перебираемыми вещами: конь = сѣдло = узда = сукня = чобот = дѣвка. Относительно „конь в сѣдлѣ“ ср. между прочим Гол. II 756 (105); конь в путѣ—IV 453 (72).

Узда = дѣвка и пр. ср.

Ой на волики та налигачі, на кониченьки узди;
Ой як биб не ти, серце дівчино, то незнав би я нужды,

и особенно ясно—Чуб. IV, 60.

„Пара чобіт“ = „до парі“, отсюда для понятія „не до парі“, неровня—

Єден чобіт на підкові, а другий на корку;
А хто хоче біду знати, най си возьме дворку.
(Гол. II 256 (52), 376 (670); IV 467 (176)).

Потерять подкову (конскую) = потерять милую (Гол. III, 423 (179); ср. ib. 304 и 305; II 273 (147). Согласно с этим подковать чобот—жениться, выйти замуж:

Ой цупайте, чоботята, хоть нековании,
Любітеся, чорні очка, хоть непобрании.
(Гол. II 453 (79)).

„Чобіт ми ся притоптав (v. розпоров) = Хлопець (v. милий) ми ся сподобав“ (Гол. III, 290; IV, 472 (211).

Этим вмѣстѣ со сравненіем „чобіт=мила (дівка)“ объясняется мнимая безсвязность в слѣдующем:

Роздерла ся чоботина та у самій пришві [1]);
Як я буду в полі орав, то ми їсти вишли . . .
(Гол. II 371 (659)).

Издатели „Ист. п. мр. н.“ называют приведенныя п.: „раздѣл добычи между вождем и дружиною“ и объясняют: „возвратившись из похода, предводитель дѣлит добычу с дружиною . . . ночью при лунном свѣтѣ, вблизи родного поселенія, откуда доносится звон церковнаго колокола“ (Б). „Вождь злоупотребляет своим положеніем при дѣлежѣ добычи“, лучшее „отдѣляет на свою долю“ . . . „дружина считает себя обиженною: она пользуется правом свободнаго перехода и разстается с вождем, напѣвая сатирическіе на его счет куплеты“ (Ант. и Др. I 13).

О вар. В издатели замѣчают, что в нем черты первоначальной героической эпохи сильно смягчены (сравнит. с А, Б), а позднѣйшія подробности быта выставлены яснѣе. Между прочим герой выбирает одну дѣвушку, а не многих лучших“ (ib. 328).

Неговоря уже о Г, гдѣ дѣйствіе — на ярмаркѣ, я ненахожу нигдѣ намеков на то, что происходит, по возвращеніи из похода, дѣлеж добычи, а не добровольная раздача имущества слугам. Никакого намека на неудовольствіе предполагаемой дружины, ни малѣйшаго слѣда сатиры. Пѣсни, согласно с их назначеніем, чисто величальныя: N оставляет себѣ все лучшее, п. ч. он лучше всѣх, и безспорно. Подобно этому в кол. дѣвицѣ (Чуб. III, 402—3, Ушиц. у.):

Наша панночка господино(е?)чка
В збір ся збірала в шафран по землю
(Читай: У вбір ся вбірала в шарфан . . .) (=сарафан)
Єї подружечки все в серпаночки.
Казала собі налою дати (=налить),
Налою дати, солодкого меду,

[1]) Это признаніе в любви.

Єї подружечки—зелене вино,
А кухарочки все горілочки.
Казала собі снідання дати,
Снідання дати все гусятину,
Єї подружки все качатину,
Єї кухарочки все курятину.
Та пішла собі в органи грати,
Єї подружечки все на скрипочки,
Єї кухарочки все в сопілочки
(А) за сим словом бувай здорова . . .

Эпитет „перебірниченько“ столь чужд всякаго порицанія, что в нѣкоторых вар. весенней игровой пѣсни

Ой поїду я аж до Люблина
Милу любити [1]), тестя шукати,

содержаніе которой составляет выбор тестя, тещи, братьев и сестер (с женіной стороны), милой (Гол. II, 184—5, 792—3), в припѣвѣ сам жених говорит о себѣ:

Гей, я молодець переборець (Чуб. III, 86),

или, в вар. записанном мною от женщины из Валков. у.:

. . . От се буде моя дівчина.
Гей, я молодець тихий,
Перебур*е́ць* (=ыць) [2]) я молод*е́ць* (=ыць).

„Ой дзвін дзвонит, місяць сходит“ едвали есть реалистическое изображеніе обстановки. Скорѣе, как и в кол. Чуб. III, 320, это символическое выраженіе мысли „Ой славен явен N“, чему непротиворѣчит в послѣдней кол. овеществленіе символа, превращеніе его в обстановку. Звон=рѣчь, слава. См. между прочим мое Сл. о П. Иг. 51 сл. и Гол. IV, 238; II 102 (13); IV, 349 и пр.

---

[1]) Отношеніе между Люблин и любити, как выше, LXX, 2, Судомир и суд, Радисело и *ряд. Любити* в старинном значеніи избирать, как в пословицѣ „баби сужені, куми люблені“ (Чуб. IV, 9).

[2]) Несмотря на ударяемость, *е* произнесено было как *и=ы*.

Как выше сказано (стр. 65) и как явствует из раз смотрѣнных до сих пор мотивов, колядка изображает обыкновенно радостную, желанную сторону жизни. Отклоненіем от этого являются три слѣдующіе мотива (LXXII—IV) и четвертый („мать ищет погибшаго сына“), который, по связи, в какую он приведен с христіанским легендарным мотивом „Матерь Божія ищет своего Сына“, будет разсмотрѣн ниже. Здѣсь пѣсня дѣлает, что может („льет примирительный елей“ Тютчев), для смягченія непоправимаго зла, вѣчной разлуки.

LXXII.

Девять сынов разбойников.

Гол. II, 45, Сяноц. о. Кол. вдовѣ.

Ей у попадьї у Левицкої
Зле в неї, гей, зле в неї
И в домі єї, зле в неї!

Припѣв есть противоположность обычнаго „Ой дай Боже!“ или таких, как „Встань д' горі! Дав ти Біг добрі у твоім дворі!“ (Гол. II 8 и 54), „Біг му дав! Не заздростіте и пр.“ (выше стр. 65).

Фамилія вдовы попадьи, очень распространенная между южнорусским духовенством, не вымышленная, хотя дѣйствительныя несчастья лица, к которому примѣнена пѣсня, имѣли, быть может, лишь отдаленное сходство с тѣм, что разсказывает пѣсня. Девять сынов вдовы, разбойников, узнают слишком поздно, что убитый ими крамарь их зять и что они „з своёв сестрицев ніч ночували“.

„Бьей [1]) ти, сестрице, звидки сходит сонце,
„Як ти там підеш, гріху ся збудеш;
„А ми підеме на захід сонця,
„Як ми впадеме, та й пропадеме.

Как колядка, эта пѣсня извѣстна только в одном вар. Как неприуроченная ко времени она довольно распространена.

А. Мр., размѣра 4+4, Чуб. V, N 479, стр. 910 сл., 8 вар.; Бр. Романов, Бр. сб. 379 (поется на Великдень, с припѣвом „Христос воскрёс“. У вдовы 9 сынов, „а десята дочка Галя (Наста)“, вышедшая за крамаря. Разбойники

---

[1]) Бігей, бігай.

Крамарика загубили,
Крамаратко утопили,
Крамарочку й полюбили.

Всѣ заснули, один распрашивает крамарку. Вмѣсто отвѣта она повторяет начало пѣсни:

У Киеві на Подолі
Жила вдова у неволі . . .

или „Жила вдова на край села,
Породила девъять синів,
А десяту дочку Галю.
Сини зросли, в розбой пішли,
Дочку Галю заміж 'ддали,
'Ддали ж її за крамаря (мой вар.).

Нѣкоторые вар. обходят кровосмѣшеніе; нѣкоторые (А у Чуб.) оканчиваются стихами, взятыми, как мнѣ кажется, из другой п. о кровосмѣшеніи (Вдова и два донца, Чуб. V, 888—9), размѣра 4+3. Мой вар. этой послѣдней пѣсни оканчивается:

Іди, мати, в манастирь,
Ой щоб тебе Бог простив,
А я піду в темний ліс,
Нехай мене звірь изъість.

Первый из приведенных стихов, с тѣм же размѣром 4+3, несогласным с размѣром остальных ст. (4+4), вошел с измѣненіем в вар. Чуб. V, 910: „Да йди сестро й в манастирь . . .“. Слѣдующіе 3 приспособлены к разм. 4+4.

Б. Сахар. Ск. Р. н. кн. III, 228. Это вр. передѣлка одного из мр. вар., сходнаго по началу с вар. А у Чуб. (Во градѣ было во Кіевѣ), а по окончанію — с Б у Чуб. Своеобразную особенность этого, а также и нижеприводимых вр. вар. составляет то, что вдовина дочь не за сухопутным крамарем, как в мр., а за „морянином“.

В. Вытегорская, Изв. Имп. Акад. Н. 1853; Бусл. Ист. Хр. 1583—6. Размѣр 5+5. Начало:

Было у цецот[оц]ки девять сыновей,

напоминает извѣстную мр. кобзарскую п. „Чечітка“, гдѣ также у вдовы, так названной, „семеро діток“. Дальнѣй-

ших выводов из этого образа недѣлается ни в мр., ни в вр. пѣснѣ, т. е. названная и представленная в началѣ птицею, далѣе оказывается женщиною. Ср. „три зозулі“ в LXXIV, Б, et pass. Хотя в В дочь выдана „за морянинушка“, „за синіи морюшки“, но встрѣча с разбойниками—„на цистом поли“.

Г. Эти. Сб. VI, 94—5, Том. губ.

Д и Е. Рыбников, III, 340 и IV, 99 сл. Это самостоятельные пересказы пѣсни размѣра 5+5, сходной с ю.-р. колядкою. В послѣдней, вм.

„Девять синойків на розбій пішло,
„Десяту дів[ой]ку за крамаря дали“

(второй ст. испорченный по размѣру), могло быть так:

Всіх девять синів у разбій пішло,
Дочку 'диницю (v. одиначку) заміж видали
Та за крамаря в чужу (v. в Вгорську) сторону.

С этим ср. в Г:

Всѣх [тых] девять сынов в разбой пошли,
Одинаку сестру самуж выдали,
За того купца за богатаго.

Встрѣча с разбойниками „на синем морѣ“.

Ж. Ястребов, Обычаи и пѣсни Турец. Сербов 191—2. 9 братьев и сестра. Кровосмѣшеніе предупреждено чудом, как ib. 255—9.

LXXIII.

Мать проклинает сына.

Колядка „паробку“, Гол. II 55—6, состоит из двух мотивов:

А. Мать проклинает сына, он оставляет дом, три сестры его снаряжают и провожают, младшая (любимая) спрашивает:

„Коли ж, братцейку, гостейком будеш?“
. . . —Як білий камен(ь)[ец] на верха сплине,
Лехке пірейко на спід упаде . . .
. . . Коли сонейко на зінак зійде . . .

Ср. а), б), в) размѣра 5+5, Чуб. V 881—2 и 907; Zieńkiewicz, 272; г) размѣра 4+4, Гомін, гомін по діброві, Чуб. V 890; Українські пісні, вид. Балліної, N 19 и др.; д) основной разм.=а, б, в), вр. Соч. Якушкина, 560, 561—2.

Б. Покинувши дом, сын становится зеленым яворoм, конь его бѣлым камнем. Мать, раскаявшись, идет искать сына и в полѣ прячется от дождя на бѣлый камень, под зелен явор, ломит вѣтви, отмахиваться от мух. Явор говорит:

„Ей мати моя, мати прокляти!
„Недала єс мі в селі *кметати* [1]),
„Ище мі недаш в полю стояти . . .
. . . А мати ёго ся розжаловала,
Та и на порох ся розсіяла.

---

[1]) Архаично вм. ожидаемаго *кметовати*, быть поселянином. Ср. вр. „совѣт совѣтáли“.

LXXIV.

Смерть молодца, горе матери, сестры, милой.

А. Чуб. III 289—90, N 23, ст. 1—10 (за тѣм без всякой связи — еще 2 самостоятельныя кол. паробку и дѣвкѣ).

Наш Ивасенько, молод[ий] панонько . . .
. . . Коня пасучи, твердо заснучи,
Ой прилетіло три зозуленьки . . .
. . . Що в головоньках то матінка,
(А) що в ніженьках то *сестронька* [1]),
З краю серденька (то) то миленька.

Здѣсь пѣсня обрывается. Недумаю, чтобы сон понимался здѣсь как смерть. Скорѣе—тут пропуск.

Б. Кол. „паробку“ (?), Гол. II, 56, Сяноц. окр. На постели под яворомъ „лежит“ (при смерти) „свят Юрій“. „Прилетіли к нему три зазулейки“ — мать, сестра, милая. Далѣе, отлично от других, приводимых ниже пѣсень, поворот в сторону мотива „милая дороже матери и сестры“: умирающій завѣщает:

„Мамойці дайте конічка в сідлі,
Конічка в сідлі, копитця в сріблі;
Сестройці дайте вінок трепіток [2]),
Вінок трепіток, ней ся трепоче [3]),

---

[1]) Так я читаю вм. неумѣстнаго „батенько“.

[2]) С трепещущими, дрожащими украшеніями. Ср. серб. *трепѐтлика*, was an der zitternadel zittert: „на челенки триста трепетлика“ (Кар.).

[3]) Или „пусть летит за кого хочет“ (за муж; ср. выше стр. 510; ср. серб. *трептјети*, трепетать крылами, порхать), или „пусть моргает“ и пр. (ср. серб. *трептати*, мигать глазами, *трепавица*, ресница).

Ней ся трепоче, на (за?) кого хоче;
Милейкій дайте цилий світочок!“

Св. Юрій — лице христіанской легенды, замѣнившее безыменнаго добраго молодца (а не на оборот; ср. подобныя замѣны выше, стр. 448—9, 452, 460, 489 и др.). Припѣв:

Ци чуєш, гей ци чуєш?
Ци гараздейко, моє сердейко, ночуєш?

по видимому, обращен к отсутствующему. Может быть и здѣсь предполагается переход от ночлега на пастбищѣ (как в А) к смерти. Такой, впрочем неясный для меня переход в п. у Метл. 18—9 (о которой—выше, стр. 564, а):

Ой ночує Василечко в густім очереті,
Кличе мати свого сина к собі вечеряти . . .
Или
Ой ночує Василечко, де зелене просо,
Его Мила чорнобрива вечеряти просе . . .

И далѣе: „Утопився Василечко и пр.“.

Нахожу невѣроятным указаніе в сб. Гол., что это колядка паробку. Предполагаю, что она говорит об отсутствующем (который предполагается умершим), обращаясь к матери, сестрѣ, женѣ.

Для сравненія—слѣдующія пѣсни:

1) *Размѣр 5+5* с припѣвом.

а) Южнорусское семейство пѣсень. а) Метл. 307; б) Чуб. V 835 слѣд., вар. А—Ж; в) Романов, Бѣлорусс. сб. I, Могилев. губ. 267. Вар. а) и в) согласны в том, что это — веснянка. С этим согласен припѣв вар. а) „Ох гей лею“, т. е. „лелю“ (см. об этом Объясн. мр. п. I, 18—9 и др., указатель), и размѣр (5+5 в веснянках—Чуб. III 109, 113—5, 121, 126, 145). В виду этого неважно то, что вар. б) неприурочены ко времени.

На основаніи указанных вар. я представляю себѣ эту п. в таком видѣ:

Летіла стріла уподовж села,
Ох гей лелю! уподовж села,
Та вбила стріла вдовиного сина.

Ой лежить тіло та як біль [1]) біле,
Та ніхто к тілу неприступиться;
Ой прилетіло три зозуленьки,
Три зозуленьки а три сивенькі:
Що одна сіла у головоньках,
А друга сіла против серденька,
А третя сіла в білих ніженьках.
Що у головках, то ёго мати,
Против серденька, то ёго сестра,
В білих ніженьках — ёго милая.
Ой мати плаче, як річка гуде,
А сестра плаче, як криниченька,
А мила плаче, як роса паде:
Як сонце зійде, росу висушить.
Що мати плаче по вік (='д віку) до віку,
А сестра плаче 'д року до року,
А мила плаче до неділеньки,
А в неділеньку звила віночок,
Звила віночок, пішла в таночок,
Ой пішла ж вона та гукаючи,
Собі милого та шукаючи.

С характером веснянки согласно то, что „мила“ — не жена, как в нѣкоторых вар., а дѣвица в вѣнкѣ, невѣста. В др. вар. б) м. б. архаично: „Упала стріла з синёго неба“ (Д), „Летіла стріла по над синє море. Де ж вона впала? на вдовино *поле* . . .“, при чем *поле* м. б.= *село*.

β) Великорусс. редакція того же основного размѣра — а) Якушкин, Сочин. 573; б) Ефименко, Матер. по эти. Арханг. губ. II, 131—2; в) Сах. Ск. Р. н. III, 209, 30: „[Уж] вы горы (мои), горы крутыя . . .“. Запѣв: орел держит ворона, спрашивает; ворон видѣл „чудо дивное“, „Там лежит тѣло тѣло бѣлое, (Да) никто к тѣлу неприступится“. 3 пташечки v. 3 ласточки. С другим запѣвом г) и д) Сах. ib. 209, 33 и 227.

---

[1]) S. вм. „як папір“, а), б (Ж).

γ) а) Романов, Бр. сб. I, Могилев. губ., 391—3 б) Zieńkiewicz P. l. Pińsk. 274—8; в) Сб. пам. н. тв. свз. кр. 6—7, Диснен. у. Вилен. г.

а) и б) — с запѣвом „орел . . . гуси-лебеди (видят)“, ср. Чуб. V, 934, 14; мое соч. К ист. зв., Сокол и конь, 10.

Ясный сокол, о котором орел распрашивает гусей и есть „вдалый молодец“ (б). В а):

(А) на кроватцы белый молодзец,
Ён ссечан-зрубан, коніём пробіт.

К нему 3 ластовицы (3 пташки), в а—б) — мать, сестра и жена, в в)—вопреки поэтической вѣроятности и образности, 1-ая пташка—отец-мать, 2-я жена-дѣти, 3-я сестра с братом. В а) и в), сходно с колядкой Б, пѣснею о смерти Романа (Гол. I, 158 сл.) и нѣкоторыми литовскими, молодец завѣщает. У него спрашивают: „што приказуеш, што отказуеш?“ он дает на память матери шубу (в)—(отцу коня), сестрѣ перловый вѣнок (v. хустку, брату саблю), женѣ—„всё падворійко, дробных дзеточак“ (а), или:

Тобе, жоночка, на три стороны:
Хочеш, жаніся, хочеш—таніся,
( ), хочеш—так живі.

Мать плачет от вѣку до вѣку, сестра от году до году, жена с свѣту до обѣда.

2) *Размѣр 4+6.*

аа) а) Этн. сб. III 220 и Записки Геогр. Общ. по Этногр. V, Бр. п. Носовича, 274; б) Сб. пам. н. тв. в свз. кр. 176, Вилен. г. Дисен. у. На основаніи а) и б) читаю так:

В чистом полє под белой бярозой
Бел моладзец сачивочку косіць,
Пакасівши караватку мосціць,
Памасцівши, пасцелечку сцелець,
А паславши, спатачкі кладзецце.
Як усталі да буйные ветры,
Да сарвалі в бярозе вярховку,
Да прабілі моладцу галовку.

Ай некаму па ём кукаваці . . .
. . . Приляцелі три зязюлькі з бору,
Адна села и пр. сходно с *α*).

Здѣсь нахожу постель под деревом, как в кол. Б, и не символическій, а историческій переход от сна к смерти, предположенный в кол. А, Б. Едва ли случайно то, что смерть от вѣтви дерева встрѣчается в серб. п. того же размѣра:

ββ) M. Stojanović, Pučke pripov. i pjesme, 293.
Одломи се грана јоргована
И убила три чобана млада.
Првог жали мајка и бабајка,
Другог жали братац и сестрица,
А трећега нитко од никуда,
Само једна сирота дјевојка:
„Јарко сунце, рано си изишло,
„Пак ме нисн још ни огријало,
„А веће си зашло за облаке!“

„Од јоргована“ (от (куста) сирени) б. м. вошло в пѣсню только для рифмы, без вниманія к вѣроятности, как замѣна другого образа.

γγ) Караджић, С. н. пјесме I, 429—30, N 597.
Млад се Јово по чардаку шеће,
Под ким се чардак проломио
Те он сломи своју десну руку.

Вила требует за излѣченіе от матери — правой руки, от сестры—косы с лентой („с уплетнаком“, мр. уплітка), от милой—чемчужнаго ожерелья. Тѣ дают, милая нѣт. И вот

Умре Јово, жалосна му мајка.
Закукаше до три кукавице:
Једна кука, никад непрестаје,
Друга кука јутром и вечером,
Трећа кука, кад јој на ум падне [1]).

1-я мать, 2-я сестра, 3-я милая. Таким образом разница

[1]) Из такой пѣсни этот мотив переходит в другія. См. Кар. П. I, стр. 558: 3 кукушки=3 матери.

с русс. пѣснями 5+5 α)—в причинѣ смерти. В этом отношеніи к мр. п. „летіла стріла“ ближе слѣдующая хорв., в других отношеніях представляющая комбинацію типа ββ) и мотива „недржите вјере у јунаку“ (Кар. Срп. н. пјес. I 388):

δδ) Kurelac, Jačke, 149.

Вода тече из под Ориш града:
Пушка пукла испод Ориш града,
Устрелила три младе јунаке;
Првога је мати жаловала

и пр. сходно с ββ, ст. 6—9. Далѣе

Друга ју је на зденцу [1]) карала:
„Ој дивојка, луда лудовкина!
„Ча жалујеш тујега јунака?
„Тући јунак има трију мисао:
„Прва мисао, да те хоће взети,
„Друга мисао, да ће те оставит,
„Трета мисао, да ће те подвканит [2]).

εε) Карадж. Срп. н. п. из Херцеговине, 146. По молитвѣ дѣвицы

. . . Удари вода на валове
И заноси каве и дућане
И Омера у новом дућану.
Неког жали мајка, неког сека,
А некога вјерена љубовца,
А Омера нема ко жалити,
Него једно из потаје злато [3]):
„О Омере, жалосна ти мајка!
„Да ја тебе у јаглуку везем [4]),
„Јаглук ће се брже раздријети;
„Да бих тебе у пјесми пјевала,

---

[1]) У колодца.
[2]) Обмануть.
[3]) Лишь тайком одна дѣвица.
[4]) Если б я тебя (твое имя, твое изображеніе) вышила (мр. „вишила-вималювала“) на платкѣ.

„Ријечи су одилице пусте,
„Реѣ' ће когоѣ, да смо се љубили . . .

ζζ) Кар. С. п. п. I, 404, N 557, пѣсня, сходная с εε), кромѣ причины смерти; я перестановил ст. 11—3.

Под Будимом овце пландовале,
Отисла се ст'јена од Будима
Те побила свилоруне овце
И убила два млада овчара:
Шећер-Марка и Андрију-злато.
Марка жали и отац и мајка,
А Андрију ни отац, ни мајка,
Него једна из села дјевојка . . . :
„Јаој, Андро, моје чисто злато!
„Ако бих те у рукаве везла,
„Рукав ће се одмах издерати,
„Па ће твоје име погинути;
„Ако бих те у пјесму пјевала,
„Пјесма иде од уста до уста,
„Па ће доћи у погана уста;
„Ако бих те у књигу писала,
„Књига иде од руке до руке,
„Па ће доћи у погане руке!"

Параллелизм между вышиваньем и созданіем пѣсни ср. с мр. выраженіем, слышанным мною в Ром. у. Полт. губ. от лица, чуждаго всяким книжным вліяніям, „се нова пісня тчеться" и греч. ῥαψῳδία собств. сшиванье пѣсни, сшитая (не непремѣнно в смыслѣ компиляціи, но и в смыслѣ творчества) пѣсня, при Гомер. ῥάπτειν κακά τινι, замышлять злое; Гомер. ὑφαίνω тку, между прочим δόλον, μῆτιν, μύθους (рѣчи). Ср. Объясн. мр. п. I, 118.

Шећер-Марко=сахар (милый). Значеніям *питья* (см. выше стр. 497 сл.) соотвѣтствуют значенія *ѣды: ѣсть = любить;* кушанье, кус = тот кого любят. См. мое соч. О нѣкотор. симв. в слав. нар. п. 19, а также слѣдующее. Святочным гаданьям, основанным на значеніи питья (выше, стр. 499) соотвѣтствуют такія же, основанныя на значеніи ѣды: дѣвица садится в пустой комнатѣ перед зерка-

лом и двумя приборами и говорит: „суженой-ряженой, приди ко мнѣ ужинать!“ (Абевега 148), к чему примыкает чеш.: když hoch po holce z jednoho kusu jí, musí za ní napotom chodit (Houška). Отсюда *сладкій* = милый. См. о нѣкр. симв. в слав. п. п. 22. Гомер. ἡδύς, γλυκύς, γλυκερός — сладкій (вкусный) и милый, между прочим см. Одыс. IX, 28, 36.

Ништа слаѣе нема до ѣевојке,
То је право за јунака месо
(Кар. С. и. п. из Херц. 220).

Уж ты сахар мой, сахар, леденчатой мой сахар!
Что кому же этот сахар будет кушать?
Ишо стоючи промолвила молодая боярыня:
„Кушать это сахар моему другу милому!“

Рѣчь идет о ней самой (Перм. сб. I, 85).

—Ой коли-сь мене нелюбив, було мня небрати,
Бо я тобі не грушочка в саді коштовати;
Бо грушочку покоштуєш та й далій где кинеш,
А від мене молодої марне з світа згинеш!
(Коломыйк. 55).—

Черта „ст'јена ... побила ... два овчара“ связывает серб. п. с болгарскою (неполною), Милад. 325:

Ох падна, падна Шаръ планина
Та притисна три овчара ...

В обоих причина смерти камень, что дает повод поставить здѣсь слѣд. мр.:

ββ) В. Пасек, Очерки Россіи, V, 178. Статья напис. в 1839 г. Веснянка, как и *αα*).

Ой вúсоко клен дерево вѣється,
А ще вище [два] соколоньки граютъ,
Вони граютъ, каменем хитаютъ,
Та впустили [2]) той камень до долу,

---

[2]) В ст. 1—4 образ необычный и неясный. М. б. первоначально пѣсня говорила о соколах-молодцах, которые не *хитали*, а *метали* камень. Ср. серб. игру: метати се камена с рамена v. омашке (τὸν ὄγκον) περι στρέψας, Odys. VIII, 189).

Та пробили (N на пр. Йванкові) головку.—
Текли річки́, текли кровавиї,
(Та) підтекли під (N, на пр. Горпинчини) сіни,
А в (N, напр. Горпинки) вечеряти сіли.
(Ой) як вийшла (т. е. N) з хати води брати,
Як уз(д)ріла, на ногах зомліла:
„Ой дай, мати, золотиї ключі
„Відомкнути тесовую скриню,
„Да виняти шовкову хустину
„Завъязати Йванкові головку:
„Як жив буде, мене незабуде!“

Тут неможет быть никакого сомнѣнія, что пѣсня эта есть весеннее величанье (парованье) той, имя которой, смотря по надобности, вплетается в пѣсню.

Пріем, которым здѣсь связываются отдаленныя друг от друга событія, именно кровавая рѣка, дотекающая до сѣней N, разсмотрѣн в моем разборѣ Пѣсень Головацкаго (Зап. И. Акад. Н. XXXVII, отд. отт. 59, 64—76). *Рѣка*—рѣчи, слухи, слава [1]). Не случайно с того же обра-

---

[1]) К собранному l. c. прибавлю еще хорв. п. Kurelac Jačke 45, весняночнаго размѣра 4+3 (Объясн. мр. п. I, указатель). Начало напоминает мр. веснянку „зринулася водиця з Дунаю“. Мысль пѣвца слѣдит за теченіем воды—славы. За тѣм этот образ матеріализуется (см. мой разб. Пѣс. Головац. 67). Этой водою N поит волов (*поить* см. выше стр 500):

Зтекла 'е вода з Дунаја
Из горињега краја,
Она се је затекла
Ва те ли̂пе роже двор.
Тамо се је навадил
Мили воле напајат.
Још ни̂ воле напојил,
Јур је с милум говорил...:
„Си ли мила все взела
„Ча ти 'е мати в дар дала?“
—Все сам мили, все взела,
Нег једно сам забила:
Злати прстен на столи,
Зелен венчац в комори.—

Послѣдніе 4 ст. звучали бы по мр.:

Все я, милий, все взяла,
Тільки одно забула:
Золот перстень на столі,
Зелен вінок в коморі.

Ср. свадебн., Kolb. Pokucie, 158:

Неплач, макіночко, за мною
Не все забралам з собою:
Лишилам садочок з рутою,
Лишилам слідочки по полю.

(Ср. Чуб. IV, 390).

за начинается вышеприведенная хорв. п. δδ). Еще менѣе вѣроятна случайность того, что нижеуказанныя болг. пѣсни, которыя начинаются с подобнаго образа (кровавая рѣка), возвращают нас опять к мотиву „три кукушки“.

θθ) а) Миладин. 160—1, N 106; б) Верковић, Н. п. Македон. Буг. 345; в) Милад. ib. 346, N 239; г) С другим началом Безсонов, Болг. п. I 122—3.

а) Два се змея во планина бият,
До две реки черни кръви течат
И край-от е до черна темница...

б) Два се змея на планина бият,
От ни тече река Руменлия.
Слап [1]) удара у темна темница...

в) Два се зме'а на планина збиле,
От сила ми мàтен Дунав течит
Край му би'е у Будина града,
Во Будина у темна зъндана...

В этой темницѣ 9 лѣт сидит добрый молодец (имена мѣняются: Гюро, Ђуро Босналија, Груё, в г) Стоян). Он кормит сокола своим лицем, поит слезами, посылает к себѣ домой, указав примѣты двора. Сокол летит и возвращается с вѣстью: двор запустѣл, дерево засохло, на нем (или на 3-х тополях) три кукушки:

Първа кука, ми е онѣмяла,
Втора кука, ми е присипнала,
Третя кука, и ми погледува.

Юнак объясняет соколу, что это его мать, сестра и милая.

Особенность этого семейства — в том, что черта „кровавая рѣка“ является запѣвом, котораго нѣт в вар. г) и который болѣе тѣсной связи с „твердью“ (главным содержаніем, μῦθος) пѣсни неимѣет. Думаю, что появленіе этого запѣва предполагает уже болѣе древнюю ассоціацію черт: а) смерть (или смертныя раны) молодца, б) кровавая рѣчка, в) горе матери и пр., ассоціацію, в которой черта б) болѣе нужна. Вывожу это из слѣдующаго.

---

[1]) Волна.

Извѣстно мр. семейство размѣра $^2(4+4)$, котораго постоянныя черты слѣд.: а) *одинокая* [1]) смерть воина (козака, жовніра), б) скорбь матери и в) саркастическое утѣшеніе ей, в родѣ:

Неплач мати, нежурися:
Уже твій син оженився . . .
Или . . . Заслужив си в Хана дочку,
В чистім полі земляночку . . . [2])
Или Неплач мати, нежурися:
Недуже го порубано:
Головонька на четверо,
А серденько на шестеро,
Біле тіло—як мак міло . . .
Или Іди, мати, до домочку,
Возьми піску в праву ручку,
Посій єго в городочку;
Як той пісок в гору зійде,
Тоді твій син з війська прийде.

Связью между а) и б), отчасти и между б) и в) служит:

или то, что вѣсть к матери несет *конь* и *сокол* (ср. мою ст. в моем сборникѣ „К истор. зв. II), *конь* (Гол. I

---

[1]) Вѣроятно, что такія пѣсни восходят в большую древность и что Сл. о П. Иг. („небысть ту брата Брячислава ни другаго Всеволода; *единъ* же (Изясл. сын Василь.) изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелье“) намекает на такую пѣсню, смысл которой—

—Недай, Боже, смерти на чужині вмерти,
Що нікому доглядіти козацької смерти.
(Только) Ворон прилітає, в вічи заглядає . . .

Рядом с этим могло быть семейство пѣсень, в котором к воину умирающему от ран „глибоких-стріляних“, „широких-рубаних“ приходит род: отец, мать, милая (Гол. I, 158—60). Думаю, что такого рода пѣсни уже предполагаются думами О смерти трех братьев (Метл. 437 сл.) и о смерти Федора Безроднаго (ib. 440; Ант. и Др. I, 249), которому род замѣняют джура и сѣчевое товарйство.

[2]) Этот мотив вошел в думу про Ивася Коновченка, Метл. стр 423.

97, 7; 99, 9; Дюк посылает коня с письмом к матери, Рыбн. I, 288), *орел* (Гол. I, 100—1), *ворон* (Гол. I, 95—6) [1]), при чем утѣшеніе влагается иногда в уста вѣстника;

или то, что с побоища течет кровавая рѣчка (т. е. к матери). Сколько знаю, этот мотив в чистом видѣ не встрѣчается, но бывает связан с мотивами, упомянутыми выше (конь и пр.); однако думаю, что он первоначально в этих других связочных мотивах ненуждается и, на основаніи п. Гол. III, 90 и др., предполагаю пѣсню в коей ворон-вѣстник или вовсе невстрѣчался, или, как нерѣдко, имѣл лишь значеніе символа („кряче“ = „плаче“), а утѣшеніе влагалось в уста самого далекого умирающаго:

. . . Лежить козак на могилі . . .
. . . Та могила труповая,
Біжить річка кирвавая,
Над річкою ворон кряче,
Козакова мати плаче,

п. ч. чует сердцем, что говорит сын:

„Не плач, мати, не журися:
„Недуже *мя* порубано и пр.

Кровавая рѣчка вводится в пѣсню различными способами, но так, что неостается сомнѣнія в чисто идеальном значеніи этого образа даже в том случаѣ, когда конкретность его увеличивается новыми символами (над рѣчкою явор, на нем ворон).

В нѣскольких вар.—три войска: Ляхи, Козаки, Татары, или два, Турки с Татарами. За козацким (Гол. I, 98, 8) или за татарским (Гол. I, 23—4; Чуб. V, 953) конь, или воз кованный, на нем израненный козак, из его тѣла, или из сабли, которую он держит

Капле кровця у кирницю

---

[1]) Сюда примыкает мотив: ворон или орел приносит матери „бѣлу руку с золотым перстнем“: с одной стороны серб. п. Смрт мајке Југовића, Кар. П. П, N 48, с другой литов. п. Nesb. 22—3.

З кирниченьки річка тече,
Над річкою (явір стоїть)
(На яворі) ворон краче (ср. Гол. I 99),
Козацькая (v. по синові) мати плаче.
„Ой цить, мати, нежурися и пр.

Еще иначе у Метл. 447—8. Идеальный, символический зритель, уже напоминающій „сухоту“, „журбу“ (печаль) (см. об этом мою ст. Мр. п. по спис. XVI в., 38) видит и пр.:

Над річкою, над бистрою,
Там *журавка* купалася,
На бережку *сушилася*,
На всі краї дивилася:
Що йдуть Ляхи на три шляхи,
По переду [1]) отаман [2]) йде
В ливій руці коня [3]) веде,
А у правій шаблю держе,
На тій шаблі серце [4]) стремить,
З того серця річка тече,
Над річкою ворон кряче,
А по сину мати плаче.
„Неплач, мамо, нежурися и пр.

Ср. также Kolb. Pok. II, 223—4.

3) *Размѣръ 5+5+7.*

Литовскія пѣсни. а) Юшкевич, Lietuvišk. dájnos, N 1243; б) ib. 1246; в) 1257; г) Юшкев. Лит. свадебн. н. пѣсни, N 92; г) Leskien u. Brugmann, Lit. Volksl. u. märchen, стр. 53—4; д) ib. стр. 90—1; е) Nesselman N 359; ж) ib. N 360. В основаніи всѣх вар. лежит пѣсня с началом

Per tiltą jojau, nů žirgo půliau
purvynelij' gulėjau . . .

---

[1]) Одного войска.
[2]) Ляшскій.
[3]) Козацкаго.
[4]) Козацкое.

(Я ѣхал через мост, с коня свалился, в грязи лежал) Дальнѣйшая рѣчь ведется от 1-го лица (умирающаго). К нему — 3 кукушки, (е)—три лебедки), мать, сестра, милая; мать плачет „весь вѣк“, „поколь жива голова“. В д) и ж)—черта, которая уже встрѣчалась выше (Б; 1, β): умирающій оставляет милой коня, сестрѣ дорогія сукни, а матери-родительницѣ „всю свою долю“ (выше, в кол. Б милой—„цілий світочок“) или „милыя слова“.

Излишне приводить мѣста из слав. и литовско-лотыш. п. в подтвержденіе поэтическаго значенія кукушки. За немногими и позднѣйшими исключеніями *кукушка*, как уже в Сл. о П. Иг. (см. мое изд. стр. 135 сл.)—она, горюющая женщина; во множествѣ мѣст *куковать*, мр. *кувати*, лит. *kukoti*=плакать, лит. *werkti*. И без явственнаго сравненія с кукушкою серб. *кȕкати*—плакать, причитать, говоря „куку мене!“; *кукавац*, miser; *кукавни*, moestus. На сколько к этому же образу может быть отнесено лит. *kaukti*, лот. *kaukt*, *kaukot*, выть (о волкѣ, лот. о вѣтрѣ), о человѣкѣ—причитать (?), едва ли отдѣлимое от др. греч. (гомер.) κωκύω выть, причитать, κωκυτός, вытье, причитанье и κώκυτος, адская рѣка *воя*, печали, это вопрос.

В видѣ эпиграфа к слѣдующим главам можно бы поставить пѣсню:

А долов мі, долов,
Там долов далеко
Стоїт мі там стоїт
Крячок цитрусовий [1]),
А на том крячку
Пташок орябочок
Співат собі, співат
Сім *набожных пісем:*
Єдну пісем співат
О *Божім рождінью,*
Другу пісем співат
О *Божім мучінью,*
Третью пісем співат
Як ся світ начинат.

(Гол. IV 523—4, Сандец. у.).

Кромѣ „набожных“, другая, отрицательная черта, колядох, на которыя, по видимому, намекает приведенная п., та, что они или вовсе неимѣют отношенія к величанью, или же связаны с ним очень поверхностно, на пр. тѣм, что мѣсто крещенія Христа—„в нашого пана на подвіррячку“.

LXXV.

Начало свѣта.

А. Кол. господарю, Гол. II, 5, N 7, Сяноц. окр. Б. Кол. из собр. Бѣрецкаго, из тѣх же мѣст, Костомаров, Об историч. знач. Русс. н. поэз. Харьк. 1843, 66. Заимствуемое из Б ставлю в ( ):

Коли небыло з-нещада світа;
(Колись-то было з початку світа)
Подуй-же, подуй, Господи
Из Святым Духом по земли!
Тогди небыло неба, ни земли
Ано лем было синое море,
А серед моря зеленый явір (два дубойки)

---

[1]) Вѣроятно, *цитрисовий*, кипарисный.

На яворойку *два* (в. Б; А—три) голубойки,
Два (А. три) голубойки радойку радят,
Радойку радят, як світ сновати
„Та спустиме ся на дно до моря
(„Вынесеме си дрібного піску,
„Дрібного піску, синёго каміньця;
„Дрібный пісочок посіеме мы,
„Синій каменець подунеме мы [1]):
„З дрібного піску—чорна землиця,
„Студена водица, зелена травиця;
„З синёго каміньця—синєє небо)
„Світле сонейко, ясен місячок . . .
„ . . . Ясна зірниця, дрібны звіздойки".

З-нещада едвали значит „з початку". Если оно значит „совсѣм", „вовсе", то оно напоминает мр. „нехай він згине *з нащадком*", „хай втікає із нащадкомъ", т. е. со всѣм, собств. с потомством. Ср. стар. ю.-р. *ищадкъ* (ис-ч-), *щадокъ:* „есьмо дали ему и его дѣтемъ и его исчадкомъ" (Гр. Свидригайла 1424, А. Ю. и З. Р. I, N 15); дѣтемъ нашимъ и нашимъ щадкумъ (Гр. Ягайла, 1408, ib. N 10); а даемъ ему . . . а по немъ и дѣтемъ его и внучатомъ, и его ближнимъ, и щадкомъ его (Гр. Свидриг. 1439, ib. N 19; ib. N 28—9); ихъ дѣтемъ и напотомъ будучимъ ихъ щадкомъ (1502, ib. N 37); подъ его дѣтьми или подъ его внучаты и подъ его счадки (1437, N 20).

Распространеніе колядки очень ограничено. Вліяніе ея на другія—развѣ в 3-х голубях на церкви или на стогу (см. выше стр. 274 и ниже, стр. 742).

Отношеніе кол. к Рождеству объясняют переходом мысли от ежегоднаго обновленія природы, за первый момент коего принимается „рожденіе солнца", к первоначальному ея созданію (О. Миллер, Оп. истор. обозр. Р. слов. I, 37). Непосредственное миѳологическое объясненіе этой кол. (Аѳ. Поэт. воззр. II, 466 сл.) неумѣстно. Ближайшим образом она восходит к апокрифич. сказаніям.

[1]) А. Золотый камінь посіеме мы.

Пришѣв указывает на Бога Отца и Св. Духа. Ср. также „подупеме“.

Явор v. дуб кол. ср. с „*дубъ* пьрво всѣхъ насажденъ“ (respect. дуб желѣзный), Слово о небеси и земли, серб. ркп. XVI в., Jagić Arch. f. Sl. Ph. I, 95; ср. ib. 127—8, 335—6; Вопросы отъ сколькихъ частей созданъ бысть Адамъ в Тихонрав. Пам. отреч. лит. II, 443. В 1-м из этих памятников между прочим „земля—оть тины водные“.

Хотя в колядкѣ дуализма ,в смыслѣ противоположности творческих сил нѣт, тѣм не менѣе она — в связи со сказаніями дуалистическими богумильскаго происхожденія о созданіи земли Богом и Сатанаилом. См. Чуб. I, 142 (чорт достает со дна моря пѣсок и *синій каменъ)*, ib. 143—4; Драгоман. Мр. пред. 15, 89; Rulikowski Opis pow. Wasylkow. 169—70; Nowosielski Lud ukr. II, 103; II, 34; Erben Čitanka 143. Врусс. ред. Бусл. Оч. I, 437. Болгар. Драгом. Мр. пред. 429. Серб. Караджич. Приповјет. 114; Срп. н. п. II, 81—5.

См. также Бусл. Оч. I 615—8; Аѳ. П. в. II, 458 сл.; Пыпин, Истор. Сл. лит. I, 75—81: Сатанаил гоголем плавает по морю, ныряет, по повелѣнію Божію, и выносит со дна пѣсок и кремень.

Основы сказанія, конечно, несравненно древнѣе богумильства. Самый дуализм может быть наслоеніем позднѣйшим сравнительно с чертами как первонасажденный дуб, гоголь, нырянье. Все это образы солнечных явленій. Кун (Ueber entwickelungstufen der Mythologie, 136) приводит (из Таиттирија Самhита и Брahмана) инд. сказаніе: в началѣ вещей все было покрыто морем; Праджâпати (Господь созданій, первонач. один из Ведійских богов) в видѣ кабана нырнул в него и достал со дна землю. В Пуранах вм. Праджâпати—прямо Вишну, т. е. солнце, и Кун полагает, что мнѳ говорит о солнцѣ (как извѣстно, во многих мнѳологіях, тонущем при закатѣ), которое, при восходѣ, выносит землю из моря мрака.

LXXVI.

„Чому так не є, як було здавна?“

А. Кол. господарю. Гол. II 21, N 29; ib. N 30, Стрый.; Пам. и образцы нар. яз. и слов. 26, Карпат. кол. из сборн. Махневича; Гол. IV, 126, Колом. Сводное чтеніе с небольшими опущеніями и перестановками:

Чому так нема, як було здавна,
Ой дай Боже!
Як було здавна, а з первовіку,
А з первовіку, з первопочатку?
Святам Николам пива неварят,
Святам Роджествам служби неслужат,
Святам Водорщам трійці несучат.
Ой бо вже давно, як правди нема:
Бо царь на царя військо збирає,
А брат на брата мечем махає;
Ой бо син вітця до права тягне,
Донька на матір гнів піднімає,
Сестра сестрці чари готує;
Ой кум на кума все ворогує,
Сусід сусіда збавляє хліба!

Святам от *свято*, праздник, а не от *свят;* т. е. когда бывают (многократно) *свята:* святиї Николи и пр.

Варенье *пива* и в Б сыченье медов, куренье горѣлки, думаю, относится здѣсь не к семейному, а к общественному празднованію дней св. Николая, Стефана и др. Особенно распространено варенье пива к 6 Декабрю. Относительно сѣверной Руси ср. извѣстное мѣсто в былинѣ про Василія Буслаева („У мужиков Новгородскіих канун вареи, пива́ ячныя“. — За извѣстную „сыпь“ церковный староста принимает Василія с дружиною „во братчину

в Никольщину", Кир. П. V, 17). Вр. пословицы относящіяся к Никольщинѣ, как общественному пиру — у Сах. Ск. Р. н., ч. 7, 68. „На канонѣ ... св. Николая Чудотворца по городам и деревням возят обыватели боченки с пивом к каждой церкви, и черпая или цѣдя из оного по кружкѣ, подают в церковь, а при том и по восковой свѣчкѣ, которое пиво священники сливая в ушаты, дѣлят послѣ по себѣ, и сіе то пиво называется *каноном*", Абевега Рус. суевѣрій 217—8. В мр. церковныя братства, которыя между прочим, „становили обід" [1]) в день своего святого, существовали еще лѣт 20 тому, а может и теперь. Об одном я знаю по семейным воспоминаніям. В селѣ Перекоповкѣ Роман. у. было братство св. Параскевіи, почему „обід становили" 28 Октября. Была пасѣка для церковных нужд. Вѣроятно сытили и мед к 28 Окт. Мой дѣд был „братчиком" и одно время „рядчиком" при постройкѣ, послѣ сгорѣвшей, церкви Св. Параскевіи.

Трійця, свѣча употребляемая при водосвятіи, Чуб. Ш, 4.

Б. Кол. Гол. IV, 59, Чортков. окр. N хочет стрѣлять ис лука по 2 голубям (ср. LXXV) на звоницѣ церкви. Они говорят, что они ангелы, „з неба зіслані" посмотрѣть „Ой ци так тепер, як з первовіку, ... здавен бувало":

Ци ситя меди святому Різдву?
Ци куря горілку святому Сбору [2])?
Ци варя пиво святому Стефану [3])?

Нѣт, тепер не так, „Лиш брат на брата меч винімає..."

В. Кол. Гол. IV, 21, Станисл. окр. Начало сходно с Б (как отрывок—Гол. П, 22), конец с А.

Г. Кол. сообщ. Л. С. Мацѣевичем, см. выше стр. 274.

---

[1]) „Поможи нам, Боже, Київ город боронити,
Дождемо Першої Пречисти, будем обід становити.
Rulikow. Op. pow. Wasylk. 181.

[2]) Собор 70 Апостолов, 7 Янв.?

[3]) В тот же день, 4 Янв., или 14 Янв.?

Д. Чуб. III, 465.

Е. Гол. IV, 103. Начало зоря послана „на села“ узнать (см. стр. 91, Б),

Чи ситят меди святій вечері . . .
. . . Чи син до вітця ще шлет вечерю . . .

Теперь не так, но . . . (сходно с А). В знаменіях времени между прочим

А кум на кума пана взиває,
. . . Сусід сусіді пліт закладає,
Терен рубає, тернем закидає,
Тернем закидає, стежки немає,
Гнів підіймає, прощи немає.

„Чи *шлет* вечерю“ — об обычаѣ посылать 24 Дек. вечерю (только „трапезу кутейную“, „узвар и кутю“) родственникам через дѣтей, Чуб. III, 264.

Ж. Кол., Свидницкій. Великдень у Подолян, Основа 1861, XI—XII, 61. Внѣшняя связь с величаньем:

Пане кгосподáру! На вашім дворі
золоті крісла,
А на тих кріслах панóве сидя́ . . .
. . . Радоньку ра́дя старосвіцькую:
Чом тепер нетак, як спрежа було . . .

(ослабленіе семейных связей, как выше, за тѣм без связи — мученіе Христа).

Для сравненія слѣдующее:

а) *Ца́ринная* п., Гол. II, 243—4, у Лемков:

Ей скаржилося світле сонейко,
Світле сонейко милому Богу:
„Небуду, Боже, рано сходжати,
„Рано сходжати, світ освічати;
„Бо зли газдове понаставали:
„В неділю рано дрова рубали,
„А мі до личка тріски прыскали!“
— Світи, сонейку, як ес світило!
Буду я знати, як іх карати,
На тамтім світі, на страшнім су́ді.—

Ст. 11—4=1—4; 15=5 . . . газдині . . .

16 В пятойку рано хусти зваряли
А мі на лице золу виливали.

Ст. 18—20=8—10; 21=5 . . . дівойки . . . ; 22=6 . . . коси чесали; 23=7 . . . волося метали.

б) По чертѣ „суд между солнцем (=небом) и землею[4] к а) примыкает хорв., Kukuljević, Različita dela, IV, 131:

Земла небо на суд божи звала:
„Ајде небо, на суд да идемо,
„Јел ме бијеш ледом, јели снегом . . .

Небо отвѣчает: это от того, что

На теби је велко брезаконе:
Непоштује млајши старешега
(. . . деца — родителе . . . сини — отца . . . брат — брата . . . кум кума кштјаскаа)
Нит кумшије де родјеног братца.

в) *Святые дѣлят* имущество (серб. *благо)*, т. е. власть над природою: аа) и бб) Кар. Пјес. II, N 1—2; вв и гг) Миладин. N 30 и 53. Эти вар. связаны между собою как общим содержаніем, так и мѣлкими чертами. В вв) к святым дѣлящим благо приходят сестры Марія и Магдалина и жалуются на беззаконіе Легеиской (в др. вар. Паливяиской, Палестинской, Индіи) земли, гдѣ

Не си слават светци от година,
Не си држат Петка и Неделя.

1-му ст. соотвѣтствуют в кол. А ст. 4—6. 2-й ст. послужил поводом ко вставкѣ другого размѣра или вовсе без размѣра, которая—в связи с Царинною а) (ср. Аѳ. П. В. I, 235):

Во света Неделя метат
Лице и напрашиле,
На света Неделя печееки [1]),
Очи и изгореле.

Во всѣх вар. другія беззаконія изображаются сходно с кол. А, ст. 9 слѣд. Так в вв):

---

[1]) Пекучи.

Не се знаит постаро, помладо,
Татко имат като лудо дете . . .
. . . Брата имат, како душманина,
Своя снаха, како прва люба

(в гг) вм. снохачества кровосмѣшеніе: „сестра земат за своя си люба).

Кум кърщеник на судба се терат . . .

(в кол. А это об отцѣ и сынѣ) [1]).

Во всѣх вар. люди, вслѣдствіе казней посланных Ильею, или и другими святыми, и Богом, каются, за тѣм настает благоденствіе и (бб) нравственность. В старинной а) наказаніе отложено до страшнаго суда, в колядках нѣт ни суда и казни, ни покаянія. Таким образом эти колядки, некасаясь упадка благоденствія [2]), служат чистым выраженіем той стороны пессимизма, что нестало на землѣ ни благочестія ни нравственности. Послѣднее выражается в пѣснях на нѣсколько ладов:

Нетакий же світ, нетака година тепера настала,
Щоб чужая . . . дитина да за рідную стала
(Метл. 241);

Що тепер на світі таке становиться:
Невспів отець-мати за молодого сина подружжя поняти,
А зараз стане хлібом-сілью нарікати
(ib. 349, 347).

В пѣснѣ о кровосмѣшеніи:

Який тепер світ настав,
Що брат сестри непізнав!

---

[1]) В п. у Кар. Цjес. II, N 32, стр. 184, сходно с этим изображается „пошледне врijеме".

[2]) Нѣкогда колос начинался у самой земли (мой сборн. К ист. зв. III, 62), ненужно было одежды, п. ч. тѣло было покрыто роговым покровом (Терещ. V, 48—9; Шейковскій, Быт Подол. II, 26; Rulikow. Opis. p. Wasylk. 177; Nowosiel. Lud Ukr. II, 7), люди были рослѣе (Кулиш, З. о Ю. Р. I, 173; Nowos. II, 14); звѣри и птицы говорили человѣческим языком (Кулиш ib. II, 36) и т. п.

Яка тепер година,
Що йде мати за сина (Чуб. V, 918 сл.);
Тим на світі хліб неродить,
Що брат до сестриці неговорить;
Тим на світі теряється,
Що брат сестри цурається;
Тим на світі добра нема,
Що брат сестри за рід нема (ib. 929).

Сюда же старческая пѣсня большой силы:

Нема в світі правди, правди незискати,
Що тепер неправда стала правдувати

(Кул. З. о Ю. Р. II, 101; Зап. Югозап. отд. Геогр. Общ. I, Думы и п. исполняемые Вересаем, 22). Но выше и глубже всего этого, именно по отсутствію указанія на идеал сзади, в прошедшем, двустишіе:

Ой поріс ромен с тином у рівень,
а трава та й по облóзі;
Ой нема, нема правди ні в кóму,
тилько в єдиному Бозі!

(См. мой Разб. сб. Головац. З. Ак. Н. XXXVII, 2, отд. отт. 31), которое является независимым от пессимизма выраженіем вѣчнаго разногласія дѣйствительности и идеала.

В великорусской пѣсенности сюда — спор Правды и Кривды в Голубиной книгѣ. В одних вар. „правда кривду переспорила", хотя все таки ушла на небо (Безс. Кал. вып. 2, 273, 282, 292, 305), в других небыло и этой побѣды (ib. 328). В причитаньи (Барс. Прич. I, 288—91):

Как по нынѣшним годам да по бѣдовым
Лучше на свѣт человѣку неродитися.

Все это от Горя (мое изд. Сл. о П. Иг. 97—9; см. ib. 38, 131, 179 и др.).

Сюда же пословицы в родѣ „была правда когда то, да извелась" (Даль Посл., 312, Ном. N 6608 слѣд.), „дѣды незнали бѣды, а внуки набрались муки" (Даль ib. 313 слѣд., Ном. N 681—4 и др.).

LXXVII.

Рожденіе и преслѣдованіе Христа жидами.

1. А. Кол. Гол. II, 25, Станисл. окр.; Б. ib. 26, Колом.; В. Гол. IV, 25, N 32, Стрыйск. о.; Г. ib. 112, N 5, Колом. о.; Д. Чуб. III, 350, А. Ушиц. у.; Е. ib. 348, N 76, Ушиц. у.; Ж. ib. 343, Василък. у. Исканье Христа Евреями, основанное на Матѳ. 2, 4, 13, 16, изображено сказочными чертами. Как Яга, Морской царь и т. п., преслѣдуя спасающихся, так Жиды, отыскивая Христа, вырубают лѣс, жнут пшеницу, косят траву, спивают море. В нѣсколькихъ вар. криница, гдѣ Пречистая купает Сына, находится в дворѣ величаемаго.

2. Кол. Гол. IV, 41, 5, Сяноц. окр.

А на горойці загородойка,
Ялилуй, гей ялилуй,
Господи Боже, помилуй!

(В загородойці три яворойки), на них колыбел, гдѣ Христос. 700 жидов (ср. XXIV) хотят его взять, Божья матерь говорит им:

Тоды вы мого сына возмете,
Як вы на горі траву зрах'ете,
У лісі листок, у морі пісок.

Это по обычной формулѣ заговоров: „как невозможно то-то, так . . . .“. В морав. пѣснѣ Suš. 774 (из сказанія

о Христѣ и Самаряныни, по содержанію и размѣру связанной с пѣсней, записанною у Лемков, Гол. I, 235; II, 522), Бог говорит грѣшницѣ:

Já ti hříchy neodpustím,
Až spočítáš v moři písek,
V moři písek, v stromě listek . . .
. . . Až spočítaš v nebi hvězdy,
V nebi hvězdy, po světě cesty.

Кто перебросит (булавою и т. п.) явор (как Милад. 380—1, 416) и перечтет на нем листья, тому дѣвица, Миладин. 201.

3. Іорданская, разм. 4+4, Гол. IV, 550, Буковина. Пречистая, искупавши Христа в Іорданѣ, „У зірниці колисала, У місяці заховала“, а жидам сказала, что скрыла его в рѣкѣ, в темницѣ, в лѣсу, неконец—правду.

Стали жиди с книг читати,
Мусів місяць Христа дати.
„Ти місяцю, гой ти *зміннний*,
„Дав ти Христа на невірних!“

Это предполагает готовое сказаніе, в родѣ литовскаго, о том, что мѣсяц измѣнил солнцу.

Припѣв кол. 2 и общее содержаніе всѣх напоминает вр. стих о милостивой женѣ („Алилуевой“ женѣ, коей названіе, по мнѣнію проф. Кирпичникова (Галах. Ист. Р. слов.[2] I, 790),—из припѣва, коим заканчивается этот стих, Безс. Кал. IV, 123, 127, 130, 132). С этим стихом ср. Карадж. Срп. н. п. II, N 3; Карадж. Пјес. из Херцег. 316; Чубин. II, 357; Кн. мудрости и лжи Орбельяни, перев. Цагарелли, СПб. 1878, N 125; Пам. ст. Русс. Литер. под ред. Костом. I, 117—9.

LXXVIII.

Богородица с Младенцем спасается от жидов при помощи чуда: быстро созрѣвшей пшеницы.

Кол. Гол. II, 9, N 13, Сяноц. окр. Припѣв как LXXVII, 2. Прочее см. выше, стр. 112—3 слѣд. См. также Чуб. I, 152—3.

LXXIX.

Рожденіе и наименованіе Христа.

А. Кол. Гол. II, 27, N 37, Стрый. окр. Святые *судят* имя Христу, как судится доля. Пречиста „улюбила“ и „ухвалила“ имя не Петра, не Павла, а Исуса Христа.

Б. Гол. II, 11, Сяноц. окр.; В. ib. 39, N 59, ibid.; Г. ib. 13, N 19, кол. священнику („санки писанки“ см. выше стр. 576; „до Ради-села раду радити“ ср. до Судомиря, LXX).

Д. Кол. Гол. IV, 23, N 30, Золоч. окр. Звѣзда привела 3-х царей именовать царя.

Е. Гол. IV, 102, 2, Колом., в связи с изображеніем церкви с 5-ю верхами и 3 окнами.

Ж. Zieńkiew. P. l. Pińsk. 16, N 6; 34, N 13 (откуда Безс. Кол. IV, 39 и 34). По началу „В Ерусалимі рано звонили“ ср. кол. Чуб. III, 334, В и Д.

. . . Свята Мария сина вродила,
Була *жумою* святая *Анна* . . .

3. Безс. Бр. п. 4. Волочобная, вѣроятно из рождественской, а не наоборот. Начало — см. Объясн. мр. п. I,

145 („мосты“). По серебряным [1]) мостам в каретѣ шестериком ѣхала Пречистая со святыми, заѣхала к славному пану N“ (величаемому), в домѣ его родила и

„Честную паню (хозяйку) *за куму* брала“.

Кума относит Младенца в церковь, гдѣ „попы-дяки черноокнижники“ дали ему имя Ис. Х.

Болг. (Македон.) п. (колядка?) у Милад. 32 (=Безс. Кол. IV, 42—3):

Зби́ла [2]) ми се Божя Майка Марія
Никой ми се покрай неа незгоди,
Згодила се *Аламанка* девойка:
Сопасала свилен пояс от себе
Го повила Риста Бога малего.

М. б. в основанiи „Аламанка“ лежит Анка (ср. Ж). Размѣр 4+4+3 находим и в серб. п. болгарскаго происхожденiя (из Пирота), о крещенiи Христа, Кар. Пjес. I, 121—2. Этот размѣр указывает на связь с этого рода пѣснями малорусских щедровок, слишком отличных от колядок и щедровок обычнаго типа: Чуб. III, 323 - 6, N 51—2; Кiев. и Полт. губ.:

На Ордані тиха вода стояла,
Там Пречиста свого сина купала . . .

Должны были существовать варiанты с сопоставленiем *трех волов* над яслями, в которыя Мать положила Христа:

Всі три вони над тим дитям дихали,

и трех царей:

Всі три вони над тим дитям радили,

„раду“, чѣм дарить новорожденнаго.

---

[1]) В другой связи мост в хорв. п., Kukuljević Dela IV, 220: „Іван се шече по златом мосту“, за ним Дѣва Марія, которая просит окрестить Христа. „Име му най бо те свекли месец“.

[2]) Переводят: родила (Милад.). Ср. серб. „избила дијете“, т. j. побацила.

Такой параллелизм предполагается искаженіем (Чуб. III, 355):

Да зъїхалось да три воли,
Да три воли, три буйволи,
Стали вони да чм*и*хати
( ) гадати,
Чим се дзєцко даровати . . .

Іорданская (щедр.), разм. 4+4, а) Гол. IV, 549, Буков. и б) Чуб. 333, N 62, А, о крещеніи и наименованіи Христа, в вар. а) имѣет припѣв:

Йордан воду розливає,
или: Иван воду благословит.

О разливѣ Іордана во время крещенія говорит серб. (Черногор.) п. о крещеньи, Кар. П. I, 122:

Стаде Јован крстит кума свога,
Од страха му книга испанула, (п. ч.)
. . . „Помамисе Јордан вода ледна,
„Е не (=ны) хоће вода потопити“.

Пречистая успокаивает:

„А небой се, мој Јоване куме!
„Е се није вода помамила,
„Но се вода, куме посилила,
„Е се хоће од Христа посветит“.

Нѣсколько вар. говорит о том, что Пречистая, родивши сына, скупала его, между прочим в морѣ (вар. Б).

В колядкѣ, слышанной Караджичем в дѣтствѣ, колядники желают,

Да ми краве буду млијечне,
Да намузу кабао млијека,
Да окупам Млада Бога
И Божића . . . . (Рјечник, коледа. Сходная кол. Качановскій, Сб. западно-болг. п. 81). Приурочено ли это

к купанью солнца в морѣ или в молокѣ небесных коров (Аѳ. П. В. III, 753—4), это вопрос.

Внѣ связи с предыдущим русско-словацкая п. Сандецкаго окр., Гол. IV, 524, размѣр 6+6: Пречистая породивши сына, просит ночлега у „хлопа Кыртиса“. Сюда и по размѣру—Erben, 501; Suš. 30; Kurelac Jačke 192; Kolberg Lud V, 236, N 45.

LXXX.

1. Вдова ищет сына. 2. Пречистая ищет Сына. 3. N ищет дороги в рай.

1. Гол. II, 43, N 9, Сяноцкаго окр., колядка вдовѣ (вѣроятно, потерявшей сына, ср. LXXII - IV).

Ей верх Бескида, верх зеленого
Синя мгла, ей синя мгла
Полонинойки залегла!
Ходит вдовойка, глядат сынойка.
Ей стріча'т сї світле сонейко:
„Біг помагай-біг, світле сонейко!“
—Боже дай здоровя, бідна вдовице!—
„А ты, сонейко, яснейко світиш,
„Яснейко світиш, далеко видиш;
„Ци-сь невидало мого сынойка,
„Мого сынойка ей Иванойка?“
—Ніт невидало, ніт неслыхало . . .“

Также отвѣчает ей „ясен місячок“.

Ой пішла ж она дале стежейков,
Стрічат же сї ясна зірничка . . .
. . . „А ты, зірничко, высоко сходиш,
Высоко сходиш, далеко видиш;
„Ци-сь невидала и пр.
—Ой я видала, ой я слихала
Твого сынойка ой Иванойка:
Єму сваткове—в лісі птачкове,
Єму музыки—в лісі словіки,
Єму жінойка—дрібна рыбойка,
Єму дружина—в воді лозина!—

Идеализація положенія вдовы достигается посредством перенесенія на нее черт, заимствованных из семейства

сказок, схема коего есть исчезновеніе одного из супругов (вслѣдствіе несоблюденія другим извѣстнаго условія) и поиски оставшагося.

Многочисленныя подраздѣленія этого обширнаго семейства сводятся к двум отдѣлам: в одном исчезает жена, ищет муж [1]), в другом – наоборот. В мр. ск. (Рудченко I, 81) и сербской (Кар. Прип. N 10), принадлежащих к послѣднему отдѣлу, жена отыскивая исчезнувшаго мужа, приходит к солнцевой матери и спрашивает у ея сына, почти как в приведенной кол., потом у мѣсяца, и с успѣхом—у вѣтра.

Обращеніе в кол. вдовы к звѣздѣ (зірниця) —„высоко сходиш“ и пр.,—как в вр. п.

Высоко ты звѣзда восходила,

---

[1]) На пр. ск. „Царевна-лягушка“, Аѳ. Ск. II, [1], прим., стр. 161 сл. Отдѣльныя сходныя черты с индійск. — Benfey Pantschatantra I, 257 (Царевна Лягушка), ib. 261 (стрѣльба из лука, как гаданье; сожженіе шкурки). Первой половинѣ этих сказок (до исчезновенія жены включительно) соотвѣтствует мотив болг. пѣсень: дочь юды-самовилы, вышедшая за человѣка, родивши дитя, улетает, Верковиѣ, Н. п. Македон. Буг. 35–7; Миладин. 1—3; Dozon, N 4. Здѣсь встрѣчается широкораспространенная черта: похищеніе сорочек у купающихся вил; ср. Benfey ib. I, 263—4. Вила улетает „На самодивски селища, На моминеки-я кладенец. Там се Марийка окъпа, Моминство й се повърнà“. Dozon, 156, замѣчает, что и Нереиды новых Греков возвращают себѣ дѣвство купаньем (в извѣстном источникѣ).

[2]) На пр. Перушко Финиста-ясна-сокола, Аѳ. Ск. VII, N 1; VIII, N 1 и Примѣч. VIII, 563; Уж и царевна, Кулиш, Зап. о Ю. Р. II, 14; Рудченко, Ск. I, 81; Змија младожена, Кар. Приповј. N 9—10; Кар. Серп. н. п. II, N 12—3; Benfey Pantsh. II, 144 (змѣя жених), I, 254; I, 261, 264—9. Происхожденіе всего этого из Индіи нѣроятно, но нерѣшается соображеніями, высказанными Бенфеем ib. 265: змѣиная „облудка“ (мр.) нерѣдкость и в наших мѣстах.

Часть свѣдѣній по этому вопросу в соч. F. Liebrecht, Zur Volkskunde, 1879; Amor u. Psyche, Zeus u. Semele, Purûravas u. Urvaçi, 239 сл.

Выше солнца, выше мѣсяца,
Выше облака ходячаго,
Выше лѣсу ли стоячаго,
Выше садика зеленаго [1]),
Осветила весь Кистрин-то град.

Она видит, что там. Рыбн. II, 245; Савельев, 96; Кирѣев. VIII, 68.

Послѣдніе 4 ст. колядки относятся к семейству п. о смерти-бракѣ молодца (см. выше, стр. 561—2), который

А взяв жоноху чисту водоху,
Збірав сватове з мора ракове...

2. *Пречистая ищет Сына.*

а) А. Гол. II, 38, Сяноц. окр. Кол. господині. Матерь Божія встрѣчает и распрашивает солнце, мѣсяц, зорницу, как в 1. Зорница говорит:

Ой я виділа, ой я слихала:
Ой долов, долов, на полонині
Там овін стоїт, *веселя строїт*,

т. е. для кого либо из дома хозяйки.

Эту колядку считаю производною по отношенію к 1-й (Г. II, 43), а не наоборот. Нѣкоторые слѣдующіе вар. примыкают к этим только в общих чертах и усложнены новыми легендарными мотивами.

Б. Гол. II, 46, N 12, кол. вдовѣ (см. Систематич. оглавленіе пѣсень Гол., стр. VIII). Произошло смѣшеніе мотивов об исканіи Христа и честного креста и Матерь Божія отождествлена со св. Еленою:

Свята Олена долов біжала
Ялилуй и пр. (LXXVII, 2)

и „глядала“ „Сынойка свого, Бога милого“. Она, „Мати Біжая“ встрѣчает и распрашивает солнце, мѣсяц, „зірничку“ (как в 1 и 2, А), которая отвѣчает:

Пішов же овін на монастыри,
Сами му врата ся отворили,

---

[1]) Нисхожденіе ко главному предмету пѣсни.

Сами му дзвоны передзвонили,
Сами му свічи та (са?) взагаряли . . .

Далѣе, без связи, 3 креста, 3 гроба, „з рожі — птак“ (LXXXI).

В. Гол. II, 24, N 34, Стрый. окр., кол. господарю. Свѣтила замѣнены колядниками, при чем мѣсто дѣйствія идеализовано, как в LXXIX, 3 [1]):

По мостах, мостах по золотеньких [2])
Ой ходят по них все колядники . . .
. . . А все братчики [3]) стариї люде

М. Б. спрашивает о сынѣ. Они:

Ой ми ж бачили та в монастирі,

Он „служит службоньку все суборную . . . *заздоровную*“ (приспособленіе мотива к величанью) [4]). За тѣм изображеніе священническаго и царскаго облаченія Христа (6 стихов):

. . . На нім патрафіль срібний шовковий
А нараквички (=болг. нарàквици) гантованиї . . .
На нім корона щирозлотая.

По апокриф. (Тихонрав. Пам. II, 164 сл.) Христос был поставлен в число 12 или 40 іереев храма Іерусалимскаго.

β) а) Чуб. III, 367, 91, коляд. (?) размѣра 4+4, Пинск. у. б) Пам. и. тв. свз. кр. 209, Кобрин. у. В а):

---

[1]) Ср. также Шейн, Бр. п. 80: „Да цераз межи залаценькіе Ишлі-цеклі валачоннічкі . . .“.

[2]) Plur. majestatis, ср. выше стр. 136, 139.

[3]) Члены церковных братств? Во всяком случаѣ „стариї люде“.

[4]) Мотив „*заздравныя службы*“ прилаживается и ко многим другим колядкам, в коих упоминается церковь, на пр. Три кубки (выше стр. 143—4, В); Три святые (выше стр. 191); Построеніе церкви (стр. 620; Гол. IV, 5—6, 20, 533); Похвала коню (Г. II, 65—6; IV, 546) и пр. Т. о. церковь, как выше (XV) дерево,—величаемому користь.

Ой у полі широкому . . . . . Судосила три ангели,
. . . Ой там ишла Пречи- Три ангели, три апосто-
стая . . . ли . . .

Третій был свидѣтелем мученія и распятія. При разсказѣ

Пречистая улякнула, Три ангели подходили,
На коліна приклякнула, До земли недопустили.

Ср. с тѣм же размѣром, но испорченным, Чуб. ib. 366—7, 90: М. Б. при распятіи, Хс ее утѣшает. Того же размѣра Мор. п. Suš. 50, N 42: Встрѣча Б. М. с апостолами, плачь ея у креста (A tam stála a plakala, Kde ta svatá krew kapala, Všady růže prokvetala), Хс с креста ее утѣшает. Паденіе в обморок М. Б. при разсказѣ о мученіях Х-а — Безс. Кол. IV, N 381—2.

в) Kurelac, Jačke, 191, N 489. Набожная п. неприуроченная ко времени.

В равном поли нови клоштори,
О Мариа, о Мариа!
Уза них је узка стаза,
По ној ходи Божја Мати,
Она види три путники.
Оно нису три путники,
Него Божји три ангели.
Питала их Божја мати:
„Ког ишћете три путники?“
—Ми ишћемо сина Бога . . .
. . . Нашли јесмо сина Бога
На цидровом крижном дрйву.—
Први путник 'вако вели:
„Снимимо га с крижа долй!
2-й . . .„Врзимо га ва плахтицу!
3-й „Носимо га в нове клоштре!“
Кад су га путем носили,
Звони сами зазвонили,
Врата с' сама одпирала,
Свйче саме нажигале,
Книге саме пренашале,
Тело само подигало,

Крв се сама алдувала [1]).
Ангели с неба слетили,
Синка Бога подворили.
Дйвице лйпо јачиле [2]):
„Свет је и свет и пресвет је
„Синак Божји, син Марне!“

[1]) Хорв. хорут. *aldov*, жертва, именно безкровавя, *-ati*, приносить жертву (мадьяр.) (Mikl. Fremdw.).

[2]) *Јачка* у Хорв. Угор. пѣсня вообще, Kurelac Jačke, XI; јачка се јачи = пјесма се поје, ib. 107. Ср. *јавкати*: ча плачеш, ча јавчеш, ib. 109, как мр. плакати — нарікати. Поль. płakać i narzekać; серб. *јао!* heu. Т. о. при междом. серб. *давòри*—серб. *дворије* музыка и пѣсни, allerlei musik zusammen. Микл. Et. Wb. относит хорв. *јачити* пѣть к *диякон* (?).

Здѣсь чудо в церкви („звони“ и пр.) мотивируется перенесеніем в церковь тѣла Христова [3]). Угорско-русская п. того же размѣра (Гол. II, 714) говорит, что когда св. Лука писал образ Богоматери, сама она явилась, послала Луку спать и создала образ, приложивши (к доскѣ) лик свой. Когда этот образ повезли двумя парами волов в церковь, разбойники, хотѣвшіе его изрубить, стали столпами. Когда приблизились к церкви,

Дзвони сами задзвонили,
Свічки сами ся зажжали.
Як до церкви образ клали,
Та ангели заспівали.

Сочетаніе „тѣло Х̑-во, чудо в церкви, „нерукотворный образ“ предполагается кол. Гол. II, 23, о мученьи Х-а, гдѣ церковь из частей тѣла Х-а и в ней

Сам' ся образи помалёвали.

Впрочем болѣе обычная, б. м., болѣе первообразная мотивировка чуда в церкви та, которая выше (LXXX,

---

[3]) Ср. в стихѣ об Алексѣѣ, Безс. Кол. в. I, 130. Тоже при внесеніи в церковь Младенца Христа или найденнаго младенца, Suš. Mor. n. p. 37, 44, 739 (коляд. разм. 4+4).

2 *α*) Б), именно вход в церковь Христа, как попа (сюда еще Гол. II, 51; IV, 34: „Пречиста ризи прала“, см. выше, стр. 570—1).

Церковь, куда вѣтер уносит ризы Христа, или куда его Самого возносят ангелы, отождествляется с небесами (см. выше стр. 570—1) и выраженіям „Сами му врата ся отворили“, хорв. „Врата с' сама отпирали“ (о церковных вратах) соотвѣтствуют выраженія:

„Усі небеса ростворилися
„Усі святиї поклонилися“ (Чуб. III, 444 и пр.).

Серб. Бог се диже на небеса,
Небеса се отворише,
А анђели поклонише
(Кар. Пјес. из Херц. 322);

для праведных душ

Сами *раи* отворяются,
Сами свѣчи затепляются (Безс. Кал. в. V, 175);

в мадьяр. п. дѣвица призвана на небо и для нея сами звоны зазвонили, сами врата отворились (Ungarische Volksdichtungen, übers. v. L. Aigner, 100—2). В небѣ есть „царскі врата“ (Гол. I, 234), „церкви и манастирі і святиї престоли“ (свад. п.). Все это напоминает слова, влагаемыя лѣтописью в уста послов Володимеровых: „ведоша ны, идеже служать Богу своему, и несвѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли, нѣсть бо на земли такого вида, ли красоты“.

3. *N ищет дороги в рай.*

А. Гол. II, 605, Стрый., кол. господарю. Величается набожность, благочестіе. Господарь „воли парус“ (ср. выше стр. 136), на 3 воза берет „звоночки“, „свічечки“, „книжечки“, „а на четвертый и сам сідає“,

Ой як заїхав на злоті мости,
Золоті мости гей зазвеніли (см. Объясн. мр. п. I, 136—8),
Сіри волоньки гей забриніли.
Надибают го два-три ангели:

„Куда ж ти їдеш, господареньку?“
... —Під святу гору, до монастирю.—
Ой як изїхав під святу церков (=небо),
Сами ся двери поотворяли и пр. ...
... А всі святиї на службу стали,
Службу служили, Бога просили
За здоровленько господарское.

Б. Гол. II, 27—8, Стрый. окр., кол. господарю. „Мостоньки калиновиї, покощениї жуковинами“ (Объясн. мр. п. I, 137; II, 135—9), на них встрѣчают N „два-три ангели“, спрашивают, куда?

„Ой я ж бо иду в рай дороженьки“.
—Верни ж ся з нами а з ангелами!
Право ж ти буде в рай дороженька.

Они несут его в церковь, ставят у престола, гдѣ свѣчи, чаши, ангелы „радоньку радят субірненькую“. Пречистая говорит ангелам, что дьяки уже звонят, пора надѣвать „церковні речи“, служить службы 1-ю Богу, 2-ю Б. Матери, 3-ю „господареви“.

В. а) Гол. IV, 545—6; б) ib. II, 166—8, щедр. „господині або вдові“. Она ѣдет на 3 возах в церковь. При появленіи ея

Сами ся двері та й отворили,
Всі ся їй Святі та й уклонили,
Саме ся світло позажигало ...
... На *райских* дверех сам Господь стоїт

„три служби служит“ „за господиню“.

Г. Гол. II, 22, N 32. Вар. сжатый до безсвязности.

Т. о. причиною чуда является здѣсь не перенесеніе в церковь Тѣла Христова и не явленіе в ней Христа, в качествѣ іерея, как выше, а пріѣзд величаемых господаря или господыни. Апотеоза, как величальный пріем, одинакова и при христіанских пѣсенных мотивах, как здѣсь, и при тѣх, которых я несчитаю такими, на пр. Объясн. мр. п. I, 136—7. В основѣ одно и тоже побужденіе, в родѣ того, как когда Одиссей говорит Навсикаѣ, что еслиб Зевс

дал ему вернуться домой, то и там он стал бы молиться ей как Богу (Одис. VIII, 467).

Из вышеприведеннаго объясняется величанье невѣсты в свад. п. Чуб. IV, 268, Дубен. у.:

Десь та Маруся боярського роду:
Як ми під перковці (pl. majest.) приезжали,
Та сами ся двери одчиняли,
Та сами ся книги (за)читали,
Та сами ся свічки засвічали.
Там наши дітоньки шлюб брали [1]).

Обратное, т. е. зажженныя в церкви свѣчи сами гаснут перед совершеніем преступнаго дѣйствія, каково вѣнчанье брата и сестры (Ястребов, Обыч. и пѣс. турец. серб. 257), по видимому, сочеталось с вышеразсмотрѣнным мотивом в хорв. п. Kurelac, Jačke, 3:

Кад се буде мој мили
с другом рожум заручал,
Онда тје се ва цр҃кви
вси дуплири угашат,
Вси дуплири угашат,
свете књиге запират.
Кад се буде мој мили
с манум рожум заручал,
Онда тје се ва цр҃кви
вси дуплири нажигат,
Вси дуплири нажигат,
свете књиге одпират.

---

[1]) В отличіе от сказаннаго в моем разб. Пѣс. Голов. отд. отт. 77, думаю теперь, что сочетаніе этого мотива „Сами двери и пр.“ с пѣснею „Убила стріла вдовиного сина“, Чуб. V, 837 (выше LXXIV) несовсѣм лишено смысла.

LXXXI.

Обрѣтеніе честного креста (2), три гроба и пр.

1. A. Zieńkiew. 236, Пинск. Набожная, неприуроченная ко времени, усвоенная уніятами (см. Шейн, Бр. п. 386—7). Св. Олена „шукала Божого сина“ (LXXX, 2), встрѣчает 3 жидов, они указывают на гору, на ней „древо лежало“, из него „крижи ставлянo“, из них „косцёл будовано“ (сжаты и извращены сказанія о связи крестных древ с построеніем храма, ср. выше стр. 234), в нем 3 гроба, в 3-м сама Олена (вм. Марія, см. ниже), над нею

> ружа зацвіла,
> А із той ружи да вылеців птах,
> Я вылеців птах да под небеса,
> Тые небеса растворилiся,
> Усі анелі ісклонiлiся.

Б. Шейн, Бр. п. 391. Вм. Олена—„паненка“. В 3-х гробах — сам Вог, Христос, Марія. К мотиву „з рожи птах“ присоединялтся „сами звоны“ и пр. Сюда же Шейн, Бр. 393; Zieńk. 232; Безс. Кал. IV, 249.

В. Колядка, Чуб. III, 447, А.

Г. Коляд., Гол. II, 46, 12 (2-я полов. кол. приведенной выше под LXXX, 2, *а*) Б). Ср. Kolberg, Lud V, 286.

Д. Гол. IV, 523. Как и в Г, Олена ищет *своего* сына Христа. Жиды указывают „три древа“, „*На* тых-то древах крижи роблено“. Вм. этого слѣдует: „*У* тых-то...“, с предл. *въ* с мѣстным, для означенія матеріала, из коего нѣчто сдѣлано.

Е. Гол. I, 233, Сяноц. окр., разм. 6+6. „Убога Олена“ ищет сына.

Ж. Чуб. III, 353—4 (кол.) и 448 (щедр.).

Ишла Марія на гору круту . . .

. . . А на тій землі *крижи крижують* . . .

Отсюда, на пр. в вар. И. И. Манжуры (Люботин, Валк. у.):

На горі, горі *кряжи кряжують*

. . . . . церкву будують . . .

З. От подобнаго Ж мр. или бр. вар. пошли вр. Безс. Кал. IV, N 390—7. В N 393: „из тѣх древ *кряжья* рублены . . . доски колоты . . . брусья тесаны . . . церковь строена. Однако здѣсь встрѣчается болѣе древняя, невстрѣчаемая в мр. вар. черта: „три древа стоят купарисовы".

И. Кол. Чуб. III, 445—6; Гол. II, 149. Скудный отголосок мотива: „Василева мати чесний хрест держала".

І. В отдаленной связи с обрѣтеніем креста, может быть, находится начало кол. Гол. II, 6, N 8 (свидѣтельство Еврейки о воскресеніи и чудо с ожившим каплуном) и Гол. II, 7, N 10 (о постах):

З-за там-той гори з-за високої

Виходит ми там золотий крижик . . .

В серб. п. об обрѣтеніи креста (Кар. II, N 18) честный крест тоже золотой.

К. Кол. Гол. II, 6—7, N 9, Сяноц. окр. Без упоминанія о древѣ и крестѣ — построеніе церкви „во трої двери, во три *облаки*", в дверях — Господь, Матерь Б., св. Петр, перед Богом—„органы граут", перед Петром—„свічи горіут",

Перед Матінков ружа проквітат,

А з тої ружи пташок вылітат.

Не є то пташок, сам милий Господь,

Што гріхи гладит, до неба провадит.

Афанасьев, Поэт. В. III, 756, принял в этой кол. *облак* (слов. oblak, окно; ср. мр. *оболона*, оконное стекло, первонач. из пузыря; окно) за облако, что повело к неумѣстным миѳологическим объясненіям.

Л. Sušil, Mor. n. p., N 40; Sbornik Matice Slov. 169 (колядка). Морав. вар.:

Šel sem, našel sem kamýnek bílý,
A *v tém* (= из, как выше Д) kamýnku klašter stavený.

Там 3 ложа (v. 3 олтаря), на них Хс, Іоанн, Марія; над 1-м свѣчи, над 2 ангелы играют, над 3-й rûže rozkvetá,

A z tej rûžičky vtaček vylítá.
To není vtaček, to je Syn Boží,
Co v celém světě každý lid stvořil.

Есть мр. варіанты еще болѣе близкіе к этому окончанію, чѣм Ж, на пр. Kolb. Pok. I, 97 и др.

Ой не єсть то птах, єсть то син Божий,
Що на всім світі миру (людей) намножив.

М. Шейн, Бр. п. 76. Сочетаніе многих мотивов. Между прочим — хозяйка будит мужа, загадывает ему построить церковь, в той церкви престол, на нем лежит *Хс*, в головах *Пречистая плачет*, в ногах св. Николай утѣшает. Сюда примыкают пѣсни разм. 4+4, Шейн ib. 394—6, N 727—8 и серб. Кар. Пјес. из Херц. 327, которая смѣшивает плач Богородицы у креста и обрѣтеніе креста:

Света мајка пошетала
Преко пута горе свете,
Ту наоди часног креста.

Она обняла его, омыла слезами, отерла косами:

„О мој крсту, часни крсту!
На теби је мој син умр'о
И поднио тешке муке . . .
. . . За искупит гр'јешне душе.

Утѣшенія нѣт. Ср. Безс. Кал. IV, 251, д.

Н. Чуб. III, 354. В.

О. Безс. Кал. 400, а, б, г.

О мотивах: камень, церковь, 3 гроба, „з рожи птах“ см. Веселовскій Разыск. в обл. Р. дух. ст. III, 38—41.

LXXXII.

Воскресеніе. Оживній пѣтух.

Кол. Гол. II, 6, N 8, Сяноц. окр. Начало — см. LXXXI. I. „Дівчя жідівчя“ видѣло „же *Руский* пан Бігъ из мертвых устав“. Отец ея невѣрит, но в удостовѣреніе оживает и поет жареный пѣтух.

Ближе всего—легенда в Пам. стар. русс. лры I, 218. Сюда же Любен Каравелов, Пам. нар. быта Болгар. 171. В. Лужиц. п. Hawpt a Smalerj I, 283 (ср. ib. 389) представляет сочетаніе не менѣе трех первоначально самостоятельных мотивов; между прочим и „сорок калик со каликою“, Кирѣев. III, 81 сл.

Сходное чудо, оживленіе вареной рыбы — Liebrecht, Zur Volkskunde, 179.

Мнѣніе Афанасьева (II. В. III, 754), что поводом ко включенію этого мотива в число рождественских было то, что рожденіе Солнца представлялось и его воскресеніем, что пѣтух здѣсь представитель грозоваго пламени, которым возжигается солнце, невѣроятно.

LXXXIII.

Установленіе постов, в том числѣ Рождественскаго.

А. Гол. II, 7, N 10, Сяноц. окр. Начало—LXXXI, I.

Б. Гол. II, 242, Царинная.

В. ib. 41, 6, Сяноц. окр.

LXXXIV.

Мученіе Христа. Грѣх ивы, осины. Из крови вино. Из тѣла церковь.

А. Гол. IV, 27, Станисл. окр. Кол. господарю.

Ой давно, давно, та з предвіку,
Та из предвіку, з перводіянья
Тогди жидове Христа мучили . . .
. . . Всяке деревце били у тілце,
Всяке деревце нелізло в тілце,
Червива ива та согрішила
На (у?) Йсуса Христа (вар. з палця мізинця) кровцю пустила:
Де кровця кане, церковця стане;
Де плечи впали, престоли стали,
Де руки впали, там свічи стали,
Де личка впали, образи стали,
Де зуби впали, дзвононьки стали.
Сами ся престоли позастилали,
Сами ся свічи и пр., как LXXX, 2, 3.

Б. Гол. II, 23, N 32. Стрый. окр.

„Чому ж так нема . . . як було давно а з первовіку . . .
. . . Де очи впали, там книги стали . . .

В. Kolberg, Pokucie I, 96—7.

Гой ци так тепер, як було здавна,
. . . Коли жидове и пр. „Всѣке древце за ніхкі нийшло . . . бо сі *бояло* . . . Из крови церковь, в ней 3 гроба и пр. (=LXXXI).

Г. Гол. IV, 26, N 34, Станисл. окр.:

„В господаренька N (величаемаго) . . . стари люде радя' радоньку старосвітскую, ой як жидове и пр. В церкви—заздравныя службы (=LXXX, 2).

Д. Свидниц., Великдень у Подолян, Основа 1861, XI—II, 61—2 („на кудреви“=на кедрові).

Е. Гол. IV, 112, 5, Коломый. окр. Послѣ мотива LXXVII, 1.

. . . Де кровця цяне, там церков стане,
Де кровця капне там винце стане.
Святая церков людем на служби,
Зелене винце людем на закон,

Ж. Гол. IV, 550—1, Буков. Іорданская, разм. 4+4. Начало см. под LXXVII, 3.

З. Чуб. III, 407, А. Ушиц. у.

У господара (N) острожений двір,
Острожений двір, збірається збір:
Все старі люде радят радочку и пр. (сходно с Г).
. . . Червиву иву сам Господь прокляв:
„Бодай тя, иво, черви точили
„Від молодости аж до старости,
„Від коріннячка й-аж до вершечка!“

И. Чуб. III, 335, Пинск. у. Ива пропущена. Из мизинца кровь, из нея Дунай, гдѣ Господь купался. Господарь просит его к себѣ на вечерю (=XII).

І. Чуб. III, 358, Переясл. у.

К. ib. 408, Ушиц. у.:

Пане господару, гаразд ся маєш,
Гаразд ся маєш, ні в (=о) чим незнаєш:
На твоїм двору зелений явір (=XV, 1, А),
По під явора стоят столи нові,
По за столами *сидят* (з.) панове,
Ой пишут письма (та) первичниї
(Читают книги стародавниї?),
(Ой) неможут ся . . . (та) дочитати,
З чого настало зелене вино?
Ой пан господар та й обізвався:
„Ой як бо знаю та й *відгадаю*,
„З чого настало зелене вино:
„(Ой) як жидова Христа мучили и пр.

Таким образом величаемый ставится в положеніе Давида в стихѣ о Голубиной книгѣ (Безсон. Кал. II, 293).

Начала этих кол. („а з первовіку“) согласны с космогоническим характером преданій в нее вошедших.

Грѣх ивы. Мр. *ива, гива* есть не вообще salix, как в вр., а salix caprea и никогда несмѣшивается с лозою. Древесина ломкая и червивая. Тот вид преданія, который вошел в колядки [1]), именно что шип из ивы, несмотря на свою хрупкость, пронзил божественное *тѣло*, кажется первообразнѣе того, что из ивы были гвозди, которыми сколачивали гроб Христов (Чуб. I, 76). Приуроченіе к мукам Христовым, вѣроятно, предполагает сказаніе, соотвѣтствующее скандинавскому о смерти Бальдура. Мать Бальдура, Фригга, взяла клятву со всего на землѣ невредить ея сыну и позабыла лишь об одной омелѣ. Когда Асы, чтоб испытать невредимость Б., стали стрѣлять в него, то стрѣлы из всякаго дерева отскакивали от его тѣла, но стрѣла из негодной омелы поразила его на смерть (Аѳ. П. В. II, 431—4. Другія указанія относящіяся сюда см. у Веселов. Разыск. в обл. Р. дух. ст. VI—X, 245—6).

Грѣх осины из прочих сказаній о происхожденіи свойств растеній и животных, приуроченных к лицам и событіям христіанской легенды, представляет, по видимому, найбольшее сходство с вышеупомянутым.

К концу кол. Гол. II, 9, N 13 (=LXXVIII), в началѣ имѣющей обычный размѣр 5+5, присоединен мотив размѣра 6+6 (см. мой разбор Сборн. Головац., отд. отт. 47—56): Пречистая стала

Хвильку спочивати, сына повивати,
Стало їй ся стало галузья кланяти,
Бучья и корінья и всяке створінья,
Лем ся неклонила проклята йосика.

---

[1]) Гива тим червива, що кілками з неї Христа мучили, Номис 6.

Проклята [1]) йосика и прокляте [1]) терня.
„Проклята йосика, бодай єс ся трясла
„До суду судного, до віку вічного!
„А прокляте терня, бода́й єс кололо
„До суду и пр.

Тот же мотив почти дословно вошел в п. Гол. II, 719, у Лемков: дѣвица на чужбинѣ узнает от ворона, что ея родные по ней тоскуют. От горя она разсыпалась в прах. Во́роны ее погребали, мелкія птицы пѣли. При этом

Вшитко ся клоняло: древо и коріня и пр.

Южнославянскія параллели: а) Болг. Милад., 35—6: В монастырѣ (на небѣ) Св. Недѣля свѣчи сучит, Св. Пятница церковь подметает, Св. Николай служит. К ним прилетает Богородица с Богом на руках и просит причастія. Св. Николай ее исповѣдует. Грѣх ея тот, что когда она бѣжала лѣсом (вѣроятно, спасая Христа от преслѣдованія жидов), то „'Се што ме виде, 'се простум стана . . . и пѫт ми стори", кромѣ осины, ели и плюща, которые она и прокляла: „Тонка ясика тонка да бидит . . . сенка да немат" и пр.

б) Кар. Пјес. I, 118—9, N 196—7, 1-я дополняется 2-ю. В церкви пѣли святые, слушала их Божья Матерь. Всякое дерево утихло, кромѣ осины.

Љуто купе Божја Мајка;
„Свако дрво уродило,
„А јасика неродила,
„Већ јасика трепетала
„Усред љета и без вјетра!"

В вар. Кар. Пјес. из Херц. 334 Богородица говорит: „Све ми с' горе (=лѣса) поклонише" кромѣ 3-х: „јагликова" (јагнед, populus?), „брштанова" (плющ), „купјенова" (rubus fruticosus?).

Стала их је Госпа клети:
„Никод рода неродиле!"

---

[1]) Этими эпитетами пѣсня предупреждает событіе, о котором повѣствует пѣсня.

Если с одной стороны можно предположить, что образцом для этого и тому подобнаго служили христіанскія сказанія, восходящія к проклятію Христом безплодной смоковницы (Матѳ. 21, 19); то кажется вѣрным и то, что туземная почва и сама произрощала подобные плоды. Была на лицо вѣра в силу слова, в то, что проклятія сбываются; были и самыя проклятія, в родѣ:

Бодай тая річка шуваром заросла,
Ой що мене молодого за Дунай занесла.
Бодай тая річка риби несплодила,
Ой що мене молодого од роду одбила.

Или в п. о поединкѣ поповича со вдовиченком (Kolberg, Pok. II, 83):

Ото ж тобі, поповичу, хорошая дівка:
Ой у твоїм серденьку калиновая стрілка,
Бодай тая калинонька ніколи неродила,
Що так марне поповича із світа згубила.

в) Болг. Милад. 46. Св. Георгій объѣзжает поля и поет, все замолкает, кромѣ осины. Георгій ее проклинает, чтобы вѣчно трепетала.

г) Качанов. Пам. Болг. н. тв. 75, N 6, коляд. См. Весел. Разыск. VI—X, 245—6.

„З чого настало зелене вино?“ Кол. вар. E, K. Ср. Морав. Suš. 48—50: В каменной церкви у 7 (9) олтарей жиды бичуют Христа, Марія собирает кровь в золотую чашу,

Po zahradě chodila a tú krvjú kropila.
Kde kapečka ukápla, všady révek vypukl,

из лозы—гроздья, вино.

Kdo to vínko pit bude, na věky spasen bude.

Т. о. установленіе таинства причащенія связывается с созданіем винной лозы. В вар. ib. 49 из посаженой в саду крови—весь мір:

Co z té krvi poroste?
Poroste z ní slunýčko, po slunýčku měsíček,
Po měsíčku hvězdičky, po hvězdičkách Syn Boží,

как в сказках о превращеніях убитаго (Объясн. мр. п. I, 218), который в концѣ является в прежнем видѣ. Того же размѣра 4+3 Молитва Богородицѣ, Карадж. Пјес. из Херцег. 332:

... ђе-но тјело ранено,
А на крсту ставлено,
Крвца нему капаше,
Свако цв'јеће цапташе.
Анђел с неба сиђаше
Оно цв'јеће бераху,
У киге га китише,
У вијенцу вијаше,
На небеса носише.
Небеса се стресоше,
А сами Бог р'јеч рече:
„Ко би три пут молио
„Кад устане и леже,
„Бог ће нега простити
„Сваке муке и од зла".

Румынская коляд. (вино из крови) см. Весел. Разыск. в обл. Р. дух. ст. VI—X, 240 сл.

Немогу согласиться с мнѣніем А. Н. Веселовскаго, что сюда, т. е. к пѣснямъ *о происхожденіи* вина, относится колядка у Купчанка 375, 4 (Зап. Ю.-з. отд. Геогр. общ. II), относящаяся к типу XXXVI, Ж, стр. 474:

Зажурилися гори долини,
Шо незродило жито-пшеница,
Але зродило зелене вино ...

Его стерегла N, заснула. Ее разбудила райская птица. N говорит:

Райская пташко, неспивай вино,
Бо мені вина багато треба,

именно на 3 службы: „на Різдво", „на Василія", „на Великдень".

Именно, я невижу, из чего явствует (Разыск. и пр. VI—X, 249), что эта пѣсня „*несомнѣнно*" искаженная: „ея начальные стихи указывают, что в оригиналѣ вопрос был троякій, сократившійся до одного" („происхожденіе вина"), „но и тот непоставлен вопросом". В том-то и дѣло, что в колядках этого типа нѣт никакого вопроса и ничѣм неоправдывается то, что пр. В. от себя ставит (?) послѣ „Зелене вино ... Славно зацвіло, мало зродило" (?). Почему вм. черты, которую я считаю первообразною: „вино нужно на пир, на брак" поставлены три службы, это

я старался объяснить на стр. 474, Е. Первоначальное же мѣсто мотива „3 службы“ во всяком случаѣ, думаю, не в колядкѣ типа XXXVI. Также несчитаю вѣроятным мнѣнія (l. c.), что кол. Гол. II, 93 (см. выше стр. 474, Ж), в которой нѣт ни жита-пшеницы, ни 3 служб, „представляет интересный обращик бытоваго искаженія“ ... чего? не мотива ли приведеннаго автором выше „Божая Мати насіння носит“? (см. VIII, А, стр. 105).

„*Де кровця кане, церковця стане*“, кол. вар. А. Ср. серб. Кар. II, N 5 и Милад. 68 сл. Братья по навѣтам жен убивают невинную сестру. В серб. вар. из ея крови цвѣты, из тѣла церковь; в болг.—из крови церковь, из головы олтарь, из слез—цѣлебный источник, а дитя убитое матерью, стало ангелом и ежедневно служит литургію в той церкви. И здѣсь в основаніи может лежать дохристіанскій мотив в родѣ „*превращенія* утонувшей“, Объясн. мр. п. I, 206 слѣд.

LXXXV.

1. Из крови, из слезы, из росы—рѣка. 2. Купанье Христа. 3. Его спор с Петром.

А. Кол. Чуб. III, 335—6, 63, Пинск. Начало примыкает к LXXXIV, А, сл.:

„Ой що-ж то було из предка-вiка?
—(Ой) там жидова Христа мучили,
Шепшови [1]) шпицi за нiгти гнали.
З палця мизинця кровка канула,
(Де) кровка кане, там Дунай стане,
А в тим Дунаю Господь купався . . .

Господарь (величаемый) приглашает его к себѣ (слѣдует мотив XII). То, что в рѣкѣ, текущей от крови Христа, он сам представляется купающимся, есть пріем тождественный с тѣм, о котором в моем разб. Сб. Гол. отд. отт. 67—9, Объясн. мр. п. I, указат.: превращеніе символа лица в обстановку.

Конечно, купанье Христа есть его крещенье и образ „Дунай из крови“ примкнул к выраженiям христiанских писателей, в родѣ приведеннаго А. Н. Веселовским (Разыск. и пр. VI—X, 235): „из ребра Его—два источника: воды и крови; ими омываясь, очищаются народы“. Но можно думать, что упомянутый образ лишь видоизмѣнился под вліяніем христіанскаго, а не создан им [2]). Он напо-

---

[1]) *Шипшина* (*шипчина, из *шипъкъ*), шиповник.

[2]) Подобным образом обычай ходить на Рождество по домам с плугом, изображающій оранье, откуда припѣв колядок „Гей воли, гей!“ (Гол. II, 4, 72) неможет быть выведен из того, что какой нибудь католическій священник сочинил

минает происхожденіе Дуная рѣки от крови богатыря Дуная (Кир. П. III) и болгар. Юрьевскую (23 Апр.) величальную, типа серб. болг. колядок 4+4: Св. Юрій, объѣзжая межи посѣвов, встрѣчает змѣя (сура ламя), отсѣкает его 3 головы, из них 3 рѣки чорной крови: 1-я рѣка для пахарей—пшеница, 2-я для овчарей—„прѣсно млѣко“, 3-я для копачей (виноградарей)—„руйно вино“. Заключеніе — „Стани сега, господине“ — типа VI (см. выше стр. 70 сл. и 334—5), Каравелов, 212—3. Ср. болг. п. „Отлетала преперуга“ (Милад. 511), соотвѣтствующую сербской додольской, Кар. Пјес. I, 111. Пусть поводом к чуду св. Георгія со змѣем служит представленіе язычества, поражаемаго этим святым, в видѣ дракона (Кирпичников, Св. Георгій и Егорій Храбрый, 115) (что предполагает дохристіанских змѣеборцев); но едва ли из такой символики может быть выведено то, что рѣки змѣиной крови суть рѣки несущіе обиліе (ст. русс. „гобино“, бериħет) [1]): пшеничная, молочная, винная, что напоминает слав. и герм. житных, молочных, денежных змѣев, а равно и то, что ведійскій Индра убивши демона Вртру, освобождает заключенные им потоки, что убитый Вртра низвергается на землю в видѣ Ahi (змѣя)—дождя (Mannhardt, Germ. myth. 76—7). Повидимому, к подобному мнѣнію склоняется и проф. Вес. (Раз. VI—X, 252), говоря по поводу вышеупомянутой болг. п. о Георгіѣ, змѣѣ и 3 рѣках: „Так мирилось старое и новое, формы христіанской легенды наполнялись реальным содержаніем язычества“. Впрочем, ста-

---

колядку, в коей волы – внутреннія силы, которыя должны быть обращены на борьбу с грѣховною природою человѣка:

Woły moje (bis), wszystkie wnętrzne siły,
Niechodźcie tam (bis), kędyście błądziły:
Trzeba w insze lasy, z naturą w zapasy!
(Kolberg, Lud V. 243).

[1]) В вышеупомянутой п. Милад, 54:

Отлетала преперуга ... ... Да се родит 'сѫ берикет,
... Да заросит ситна роса, 'Сѫ берикет, вино, жито.
Ситна роса берикетна ...

новясь по возможности, на точку зрѣнія пр. В., я невижу, почему он здѣсь дѣлает эту уступку и непользуется свѣдѣніем, приводимым им (ib. 235) для объясненія трех рѣк (вина, мура и воды) румын. колядки: в отреченном словѣ о видѣніи ап. Павла ангел показывает в Эдемѣ дерево, *из* (?) корней котораго воды рѣк Фисона, Гіона, Тигра и Евфрата; Дух Божій почивал на этом древѣ и от дыханія его наполнялись тѣ рѣки медом, вином, елеем и млеком.

Б. Кол. Гол. II, 31, N 44, Станисл.:

А в чистім полі близько дороги
Стоїт грушечка підмурована [1]),
З тої грушечки впала росиця,
Впала росиця на муравицю,
А з муравиці стала кирниця,
А в ті кирниці Господь ся купле

со св. Петром. Они заспорили, что больше: небо, как думает Петр, или земля, сослали ангелов измѣрить

Чим небо менше? Всюди рівненьке,
Всюди рівненьке, та звіздяненьке.
Чим земля більше? Гори й долини,
Гори й долини та й полонини.
„От видиш, Петре, що твоя кривда . . .

В. Гол. IV, 126 . . . а в тій кирниці
Пречиста діва Христа купала . . .

Начальный образ вар. Б относится к типу XXXIV, см. стр. 459, Л (груша) и 466, 5. Груша, как принадлежность обряда – у Болгар: на канунѣ Новаго года желающіе гадать о будущем, опускают свои вещицы (кольца и т. п.) в бѣлый мѣдник (котел) с водою. Вечером 1-го Января ставят туда грушевое дерево (вѣтку?) и вынимая из котла вещи, поют пѣсни, соотвѣтствующія вр. подблюдным („кому вынется, тому сбудется“, Сах. Ск. Р. н. III, 11 сл., 17 сл.) по содержанію и по основному размѣру

[1]) Чтоб необваливалась земля. Черта с натуры.

5+5 [1]). Вынутыя вещи вѣшают на дерево и затѣм водят хоровод около котла (Л. Каравел. Пам. н. б. болг. 174—6). Груша здѣсь есть, повидимому, *счастливое* дерево пѣсень (см. выше XV и стр. 215; ср. также Веселов. Разыск. VI—X, 121 сл., 439).

Сравненіе кол. Б с румынскою (с дерева три капли, 3 рѣки: вина, мура и воды, 3 купанья: Христа, святых и величаемаго) см. Весел. l. c. 229—237.

Г. Кол. Гол. IV, 25, N 33, Станисл. у.; Чуб. III, 345, В. Спор о небѣ и землѣ происходит на пиру у величаемаго хозяина. Дерева, рѣки и пр. нѣт. Эти образы первоначально чужды мотиву „спор".

Д. Кол. Чуб. III, 344—5, А, Б; начало приведено выше, стр. 153. „*Дунай*" — гдѣ купался Христос с Петром, — из *слезы св. Николая*. Этот послѣдній образ в связи с мотивом XIV (тоже спор, но не Христа и Петра, а солнца, мѣсяца и дождя)—в кол. Гол. II, 10 (14) и 40.

Слеза св. Николая здѣсь безпричинна, что может указывать на механическое смѣшеніе мотивов. Положеніе св. Николая, как замѣчено выше (стр. 153), „за столом" v. „конець стола", тоже что святых, между прочим Ильи и Николая, в серб. болг. п. „Свеци благо дијеле" и т. п. (Кар. С. н. п. II, N 1—2, 22, стр. 100: „Наврх софре громовник Илија"; Милад. стр. 33: „Софри ставени, Най горе свети Никола, До него свети Илия"). Возможно существованіе серб. или болг. вар. в котором плачет о грѣхах людских не „блажена Марија (Кар. ib. 1) или Марія и Магдалина (Милад. 26), а Илья, который разсказывает об этих грѣхах в вар. у Кар. II, N 2. Рѣка от слез Ильи

---

[1]) Ср. вр. (Пенз. г.):

Уж ты заюшка, поплутаюшка!

Уж как ты ни плутал, а в тенеты попал. Слава!

(предвѣщает рекрутчину и т. п.).

Болг.: Позлатен топор врата ми бие,

Няго моя!

(жених будет богач).

встрѣчается у Милад. N 41: св. Димитрій приглашает в сваты всѣх святых, но забывает Илью, ѣдет в Софію, его невѣста „бѣла Неда“ одаряет сватов. На полупути домой находят

Що потекла силна река:
Не се газит да е газет,
Ни се летат да летает;
И го нашле свети Илія
Ничкум лежит, сълдзи ронит.

Он неуступает просьбам жениха; но когда благоразумная невѣста, которая и для него сберегла дар, дает ему острую саблю, бѣлую ризу, то он встает и рѣка изсякает. Siemieński, Podania i legendy, 27, приводит неизвѣстно гдѣ записанный разсказ о великанѣ Оферушѣ, получившем потом имя святый Христофор. Он, чтоб насыпать над своею матерью могилу, набрал в сапог земли; гдѣ высыпал землю стала гора под облака, а гдѣ набрал ея — пропасть. Он сѣл над пропастью и стал плакать; из слез его—море, почему морская вода горька и солона (см. Аѳ. П. В. I, 722; II, 653).— Считаю вѣроятным, что образы с одной стороны—плачущих святых, а с другой рѣк и моря происшедших от слез, должны быть раздѣлены, при чем послѣдніе могут быть вполнѣ туземны. Сравненія „плачет, как рѣка течет“ широко распространены. Ср. LXXIV и Барсов, Причит. I, 35, 42, 136. По правилу, что отрицаніе, между прочим и в народной поэзіи, предполагает утвержденіе, можно думать, что образ невозможности в мр. п.

Неплач мати старенькая . . . :
Слеза мора ненаповнит,
Від цісара невизволит
(Гол. I, 132; Kolb. Pok. II, 209)

предполагает образ: слеза наполняет море.

Е. Кол. Чуб. III, 307, Г. Ср. 305—6, А—В. Построеніе церкви, LII, Е, стр. 620.

. . . В друге (трете) оконце *ангел* улинув
На *престолі* сів, слізоньку вронив,

с этой слезы—ручай v. Дунай. Ангел „на престолі“, как ниже, Ж, „конець престола сидит Микола“. Появленіе ангела может объясняться тѣм, что в первообразѣ плачущій святой, Илья или Николай, назван ангелом, как в болг. п. Милад. 25—6:

Благо делят четири ангели
Илья, Николай, Іоанн и Петр.

Ж. Кол. Чуб. III, 307, Д. Начало=Е, но вм. ангела — соловей (ср. выше стр. 621 сл.), за тѣм „Микола слізми умився“ и пр.

Мотив „ангел, слеза, рѣка“, как запѣв кол. с другими главными мотивами—см. выше стр. 620.

LXXXVI.

Пречистая (v. Бог) **отмыкает пекло,** выпускает грѣшныя души, кромѣ одной (v. трех).

Поводом, по крайней мѣрѣ одним из поводов к тому, что этот мотив и два слѣдующіе (Св. Петр и его мать, Разлука души с тѣлом) стали колядными, может служить то, что и рождественская кутья имѣетъ поминальное значеніе. В бр. на *сочельник* (24 Дек.) или „на кутьтю“ за ужином ставится *сочиво* или сладкая кутья. „Принимаясь за нее, вспоминают об отсутствующих родных“ (приравниваемых к умершим: *путь* — смертный путь) и преимущественно об умерших, приговаривая: „пашлі ім, Господі, рай светлый, чарства нібесныя“ Шейн, Бр. п., 39. Ср. также Номис, Різдвяні святки, Основа, 1861, V, 64, 66. Выше см. стр. 158—63.

А. Гол. IV, 543, 1, Буков. Колядка „*общая*“, по терминологіи издателя, т. е. необращенная в частности ни к кому в домѣ.

Б. Кулиш, Зап. о Ю. Р. II, 220, 242; Чуб. III, 481, 444—5 (Черниг., Переясл.); сюда же вар. И. И. Манжуры, Александров. уѣзда.

Грѣх души невыпускаемой из пекла —

Що отця-неньку та налаяла (v. наругала).

„*Не налаяла, а подумала*“ служит связью этой колядки с соотвѣтственными поль., чешск., сербск. Другіе грѣхи той же души (или других?) — У *пьятінку* рано проспівала (v. пісню піла), В неділеньку рано проспідала. Относительно нарушенія святости пятницы см. А. Веселов., Сказаніе о 12-ти пятницах, Ж. М. Н. Пр. 1876, Іюнь, 356. В А. 2-я душа неприняла и неприодѣла бѣднаго, 3-я лжесвидѣтельствовала.

В. Кол. Гол. II, 156—8, Жолков. окр. По запѣву—ср. выше стр. 300, б, в. Рай отмыкает и выпускает грѣшные души—сам Господь.

Г. Шейн, Бр. п. 395, духовная п. Церковь, 3 гроба, Богородица плачет при распятіи и радуется при воскресеніи св. Сына, который велит Петру и Павлу отомкнуть пекло и пр.

Д. Zieńkiew. 232 (=Безс. Кал. IV, 249) с началом о котором—под LXXX—I: Древо, церковь, 3 гроба, роза, из нея птах,

Ой полецiв да под небеса,
Тыс небеса растворыліса,
Праведные душечкі уклоніліса,
Оно тыс неуклоніліса,
Що з отцем-маткою всё броніліса . . .

Такое сочетаніе и в Е, Ж.

Е. Sušil, Mor. n p. 43—4 (. . . A ja sem, hříšná, nebila, A jenom sem pomyslila . .).

Ж. Wójcicki, Pieś. ludu, I, 195.

З. Карадж., II. из Херцег., 324. Небо—церковь, к слушанію литургіи недопущены 3 души, из коих одна за лжесвидѣтельство.

Ср. также Кар. II. из Херцег. 306:

Коме горе до рамена руке,
Он на оца и мајку махнуо,
Замахнуо, а *неударио*,

как и в Б, Е, Ж.

И. Милад. 33. Мосты для душ—ib. 42, 50.

I. Plohl-Herdvigov, Hrv. n. p. 58—9:

Zvězde mi se světiju
Do polnoči do zorje,
Do belega deneka,
Do žarkega sonjčeca,
Do smilnega Jezuša.
Marija se šetala,
Šetajuć do pekleca,
'Se dušice zvodila,
Samo jena jostala,
Ona jako kričala:
„Smiluj mi se, Marija,
„Majka Boza Taberska!"
—Kak bi ti se smilila,
Da si velka grešnica:
Oca-mater vtopila,
Sestru-braca hmorila!—

Как указаніе на распространенность разсматриваемаго мотива и на связь его с обрядным поминаніем мертвых представляет интерес слѣдующее:

У Осетин вдова в пятницу 6-й нед. Великаго поста перваго года по смерти мужа созывает родных и знакомых, надѣвает при них одежды покойника на крестообразную вѣшалку и помѣщает это изображеніе за столом. Всѣ садятся за ужин. Старик или старуха провозглашают: „... Да будет он свѣтел! ... Да будет славен между мертвыми! Пусть никто из них неимѣет воли и власти над его яствами и напитками, кои дойдут до него ... и *как* стоят они теперь перед нами, *так* да пребудут во вѣки и перед ним ...“ [1]).

За ужином одни разсказывают, как тяжело жить грѣшным на том свѣтѣ, другіе поминают достоинства покойника. Между прочим разсказывают речитативом под балалайку слѣд.:

Раз случился рѣдкій и великій гость у Барастыра (начальника мертвых), который показал ему разныя степени адских мук. Когда потом сѣли за ужин, Б. на первом

---

[1]) В основаніи этого сравненія лежит вѣрованіе, что поминальныя яства (точнѣе их двойники, души) достаются покойнику на том свѣтѣ. Представленіе. что покойник на том свѣтѣ имѣет *перед собою* яства и питія, свою заслугу и вину—и в мр. „хто старцям милостиню подавав, то все то перед їм и лежить: чи шматок хліба, чи кільце ковбаски, чи сала кришéник, то все так на столах перед ними й лежить; а хто недавав, то так сидять“ (Кулиш, З. о Ю. Р. I, 306). Этим объясняется также то, что мать Ивася Удовиченка, раскаявшись в том, что прокляла сына, молится: „Дай менi, Божe, сi слова перед собою мати“ (т. е. хотя бы на том свѣтѣ мучиться их воспоминаніем), „А (=лишь бы) свого сина ... хоть раз у вічи повидати!“ (Метл. 417). Поль. *przedsię-brać* (-wziąć) первоначально значит не предпринимать (о намѣреніи), а брать во вниманіе, въ соображеніе: Wspomnij ... Panny gwałcone, kapłany ścinane, Dziatki pobite, matki poimane ... To przed się biorąc, rycerzu cnotliwy ... Już się nieżałuj ... (Klonowicz, ed. Tur. 181).

мѣстѣ, за ним гость, опечаленный тѣм, что видѣл ваду, далѣе по чину святые и ангелы, и когда, по обычаю, хозяин стал ѣсть первый; то гость за чашей чуднаго напитка поклялся, что неотвѣдает пищи, пока Б. неосвободит из ада страдальцев. Остальные стали просить о том же. Тогда Барастыр приказал одному из ангелов взять ключи, отомкнуть врата зындона (ада) и выпустить всѣх, кромѣ одного старика, который при жизни был богат и немилостив (перечисляются его грѣхи). „Ты, великій гость мой, сказал Барастыр, воротившись домой, разскажи людям все, что узнал здѣсь“. Гость этот был сын самаго Бога (Сб. свѣд. о Кавк. горцах IX, Б. Гатіева Суев. и предразс. Осетин, 12—8).

В хожденіи Богородицы по мукам (Срезн. Др. пам. Р. п. и яз. 204 сл.; Тихонрав. Пам. отреч. Р. лит. II, 23 сл.; Пыпин Пам. ст. Р. л. III, 118) Христос, по просьбѣ Матери, освобождает грѣшных от мук лишь на короткое время (дынь и нощь, от великаго четвертька до стыя пятикостія) и нѣт рѣчи об изъятіи одной или трех душ.

Этот послѣдній мотив в п. Карадж. II. I, 134, разм. 4+3, и Mikuličić, Nar. pripovjetke 147: св. Николай на суднѣ перевозит души на тот свѣт, кромѣ 3-х или одной. О перевозѣ душ через огненную рѣку Безсон. Кал. V, 162, 166, 169, 226 и пр.

LXXXVII.

Св. Петр и его мать в пеклѣ.

А. Кол. Гол. II, 44, N 10, Сяноц. окр. Св. Петр пытается извлечь из ада свою мать посредством тонкой нити *из полуповѣсма плоскони, единственной вещи, которую* она дала во имя Божіе. Другія души цѣпляются за туже нить, мать Петра их отгоняет.

Ср. 3 вар. разм. 4+4 у Милад. 47—51. Вѣроятно, слѣпецкія п. Св. Петр, его мать, повѣсмо, в одном вар. „влакнен мост“. Прозаическій разсказ сходнаго содержанія, в коем вм. св. Петра — извѣстное разскащицѣ лицо, „старий ваш титарь Онисим“, вм. повѣсма — „стрілка цибульки“ — в Кул. З. о Ю. Р. I, 307—8.

Ср. также серб. слѣпецкую п., 4+4, Карадж. П. из Херц. 310—11, N 316—7, разм. 4+6 (св. Петр).

Б. Гол. II, 244, 5, Царинная (на Русальной недѣлѣ), Сяноц. окр.

Красна дівойка коруну шила (ср. шила 3 ширинки, LIX),
Під коругою під червоною

(символом дѣвства, ср. Чуб. IV 118); она вымолила своего отца со дна пекла в рай.

Ср. также повѣсть об инокѣ, удостоившемся в изступленіи ума извлечь за волоса из адской тины свою мать, Костомар. Пам. ст. Р. лр. I, 99.

LXXXVIII.

Разлука души с тѣлом. Грѣшная душа.

А. Гол. II, 42, 7; коляд. Сяноц. окр. 3 черницы (как Гол. II, 13 „три черчикове) встрѣчают Божію Матерь и разсказывают:

Были сме в Римі, в Ерусалимі,
Там ся розлучат душа од тіла . . .

Б. а) Колядка, запис. И. И. Манжурой в Алексѣевкѣ Александровск. у. и б) набожная п. Чуб. I, 149—51. 3 черницы видали

„Як душа з тілом розстрявалася (v. розставалася)
. . . . непрощалася (v. позналася)
„Тобі, тіло, в сирій землі пріти!"
—Тобі, головка (душа), у смолі кипіти . . .
. . . „Тобі, тіло, що ти нестерпіло . . .
—Тобі, головка, що нерозуміла.

В. Шейн, Бр. п. 389, набожная. 3 черницы . . . души с тилом „все *спиралися*".

Г. ib. 389—90, N 721. Рѣка от самого Христа, на ней кораблики с ангелами. апостолами. Они были, гдѣ душа с тѣлом разставалася „непросцілася", воротилася. В числѣ своих грѣхов она называет:

Я над акошичком падслухивала,
Мужа з жаной развенчивала,

что примыкает к слѣдующему:

Богородица видит в муках жену, поѣдаемую змѣями, выходящими из ея уст; Архистратиг объясняет: „та ѥсть, г-же, ѥже хожаше по ближняя своя и по соусѣдомъ, послоушающи, что гл-ть и слагающи словеса неприязнина, съважающи на сваръ" (Хожд. Б-цы по мукам, Срезн. Др.

п. Р. п., 208) ... „клеветьници, свадьници и иже разлоучиша ... моужѣ отъ женъ своихъ“ (ib. 209).

Д. а) Гол. I, 234 (67), Сяноц. окр. и б) ib. 236, Стрый. Разм. 4+4. Три души стучат в „царскія врата“ неба. Св. Петр, по повеленію Х-а, впускает 2 и невпускает 3-й, несмотря на ходатайство Б-цы. Грѣхи ея — как в LXXXVI, Б.

Е. Гол. IV, 522, отрывок о покутѣ души за морем (6+6).

Ж. Карадж. П. из Херцег., 322, 4+4. Грѣшная душа находит райскія врата затворенными, по повелѣнію Михаила возвращается к своему тѣлу и спорит с ним. Тѣло:

„Ја ћу т'јело земли гнети,
„Ти ћеш Богу дуге враћат“.

Дополненія.

К стр. 42—2. Припѣв колядок и щедровок, веснянок, а уже от них, как кажется, и свадебных „Ой *рано*“ находится в связи с обрядными хороводами во круг костров (см. стр. 434 слѣд. и неясный намек в пѣснѣ на стр. 555: В чрни гори јогнец гори, Кре јогнеца коло плеше... См. также Аѳанасьев П. В. III 699), со встрѣчею солнца исхожденіем к водѣ. Подтвержденіем этой связи а равно и знаменательности и большой древности припѣва *рано* служит серб. обряд *ра̀нило:*

„В селах Призрѣнскаго Подгора... обычай... в ночь на Рождество Хр. *прежде зори* внѣ домов разводить костры, сидѣть около огня и пѣть пѣсни, называемыя *„на ранило.“* Обыкновенно женщины и дѣвушки играют при этом главную роль. „Мужчины рѣдко принимают участье в пѣснях (Ястребов, Обыч. и пѣсни Тур. Сербов, 41).

„По селам Моравы христіяне сохранили обычай: во дни св Ѳедора Тирона (17 Февр.), 40 мучеников (9 Марта) и Благовѣщенья, до солнечнаго восхода, рано-рано на зарѣ, *жечь* около сел *коровій кал*...[1]). На канунѣ этих праздников, а равно и других до Страстной недѣли, по селам всѣ дѣвушки собираются в двух-трех домах. Хозяин приготовляет лучшій ужин. Послѣ ужина дѣвушки устраивают *хоровод* и поют пѣсни до первых пѣтухов,“ когда всѣ онѣ выбѣгают из избы и взбираются „на крышу избы и другія

[1]) Ср. „Под Рождество и под Крещенье жгут навоз среди двора, чтоб родители на том свѣтѣ согрѣвались.“ (Курск. Даль Посл. 1003).

пристройки.“ „Обычай выбѣгать из избы и корабкаться на крыши называется“ (как и обычай в ночь на Рождество) *„на ранило“*.

„Дѣвушки, сидя на крышѣ дома и других пристроек, по двѣ в перемежку, по очереди поют пѣсни“ с припѣвом *рано најрано!* Одна из этих пѣсень говорит об обливаньи водою той из дѣвиц, которая заснула или непришла „на ранило.“ „На разсвѣтѣ... слѣзают с крыш и входят снова в избу, чтоб проститься с хозяином. Перед уходом из избы, онѣ попарно подходят к огнищу, берут по горящей головнѣ.“ Эти головешки бросают *в ръчку или ручей*, если они близко, или в корыто, нарочно для этого приготовленное.

В селах Дибрскаго окр. на чистый Понедѣльник дѣвушки и молодухи перед зорею с пѣснями идут к источнику или колодцу, гдѣ разводят огонь и водят хороводы (Ястреб. ib. 90—4). Караджичъ (Рјечн.) говорит: „На Цвијети (Вербное Воскр.) а гдјешто и на Благовијест у јутру поране дјевојке прије сунца на *ранило* на *воду*, на ондје ухвате коло те играју и пјевају...

Серб. (и Болг.) *ранило* с его кострами и хороводами есть та самая „встрѣча солнца“ о коей имѣются свѣдѣнія из разных других мѣстностей. Она происходит в солнечные праздники. По вр. повѣрью, солнце *играет* пять раз в году: на Рождество, Богоявленіе, Благовѣщенье, Свѣтлое Воскресенье, Іоанново Рожденіе. (Даль, посл. 1003). Сюда слѣдует присоединить еще и Петров день. Солнце *играет*—это тоже, что по вр. и болг. повѣрью оно (на Енёв ден) *пляшет* (Каравел. 234, Терещ. V, 75). По свидѣтельству Срезневскаго, в Силезіи солнце *играет* в день Sobótek. Дѣвушки пекут к этому дню пирожки, называемые *słończęta*“ (изображенія солнца, как коровай, и вм. жертвы ему?) „выходят с ними на зарѣ в поле и, положивши их на чистый бѣлый платок, *пляшут* вокруг и приговаривают: „graj, słońce, tutaj są twoje słończęta!“ Потом, встрѣтя солнце и поклонившись ему, дѣлятся пирожками.“ (Об обож. солнца, Ж. М. Н. Пр. 1846, т. 51, 40). В Туль. губ. на канунѣ Петрова дня... собираются *на пригорки*, раскладывают *огонь* и в ожиданіи солнца проводят ночь в играх и пѣснях. Едва начинает восходить солнце всѣ испускают радостные клики. Солнце при этом *играет* (Сах. Ск. Р. н. 7, N 2). В других мѣстностях Вр. чтоб видѣть как на Свѣтл. Воскр. солнце *играет*, взлѣзают, как у Серб., *на крыши* (Терещ. VI, 103). Обрядныя пляски в этих случаях может быть изображеніем пляски солнца. О выраженіи „зори *пляшут*“ см. Объясн. Мр. п. I, 97, куда слѣдует прибавить сообщеніе И. П. Макаджры: „зорі (звѣзды) на дощ, як подивився, набрякають та так и пляшуть, мигтять.“ О словѣ *игра* и его отношеніи к скр. *јаджс*, чтить восхваленіем, молитвою, жертвою, см. мое К ист. зв. IV, 58—61.

„В селах Призрѣнскаго Подгора пѣсни „на ранило“ весною тѣже что и „на ранило“ под Рождество (Истр. ib. 93), именно большею частью размѣра 4+4, рѣже 4+3 (Кар. Рјечн. *ранило)* и 4+6 (Истр. l. c. 45). Из мотивов замѣчу:

а) Птица будит или поздровительницы (дѣвицы) будят и сказывают радость:

...Рано тиће, рано лети...
Те ми вика млад' овчара:
„Дизај ми се, млад овчаре,
„Овце ти се изјагниле...“

(Истр. 42 и 91—2, что ср. с колядками ib. 26, гдѣ колядники (коледари) названы *Русалије*,что ib. 29 осмыслено: „па су дошли Русалије... из *Русије*; ср. у меня выше стр. 70 сл.).

б) Сѣяніе льна, его уборка и тканье в примѣненіи к величанью:

Нинковица л'н сејала...
...Из'ткала, обелила
Наместала Нинку (св. мужу) чадор...

Подобный весняночный мотив см. Объясн. Мр. п. I, 40 сл.

в) Различная участь трех подруг за мужем. Истребов l. c. 44. Ср. у меня выше стр. 591—4.

г) Вила подстрѣлила жениха, проходившаго по ея ливадѣ со сватами. Невѣста просит деверей:

Извадите т'нке пештемеље (покровы),
Превржите Павлу половину
Да би Павле жив дома отишa' (Истр. 45).

Ср. выше „Юнак и вила“, стр. 376 сл. и пѣсни „Летіла стріла“, ib. 725 сл., особ. 732 („завязати N. головку“).

К стр. 73. „Колядники *будят*,... стуча палками в двери.“ Ср. серб. припѣвку „У очи Божића“: „Божић, Божић *бата* на обоја врата... (Кар. Пјес. I, 117) и нѣмецкій рождеств. обычай „Anklopfen (Uhland, Schift. III, 257—60).

К стр. 68. *Oi leroi.* Мало вѣроятно, по мнѣ, слѣдующее: „Aurelian (император) dessen name in dem refrain rumunischer volkslieder „*ler* und *oilerum*“ fortleben soll, Mikl. Die slav. elem. im Remunischen, со ссылкою на Kopitar Kleine Schrift. I, 231.

К стр. 137. *Сивозалізий* кінь, масть цѣнная. Ср. относительно *сивый:* „kto niesiadał na siwym, ten niesiadał na dobrym koniu. Koń siwy, chart płowy, ptak (сокол, кречет) biały częściej dobrzy trafiają się (Gospodarstwo jezdzieckie, XVII в. Wójcicki, Bibl. Staroż. III, 362. „Żelazna sierść— żelazny koń,“ Rysiński Przypowieści, 1629 г.

К стр. 153—4. Чудо св. Николая. Серб. колядка об этом, разм. 4+4, Ястребов, Об. и п. Тур. Серб. 25—6.

К стр. 181—8. *Солнце, мѣсяц* и *дождь*. Три соотвѣтственныя серб. п. приведены в соч. И. Нодила „Religija Srbà i Hrvatà," Dio III, Rad Jugosl. Akad. кн. LXXXI, 153—4:

а) Petranović Pjes. кн. I, 8.
Вијер проси у Југа дјевојку,
Вијер проси, а Југ се поноси
Ту су ми се вјетри завадили
А студене воде помутиле
До једнога Јовина бунара,
Гдје ми сједи вијерница љуба,
На крилу јој три близанца сина:
Једном име—Киша Дивти-киша,
Другом име – Сјајна Мјесечина,
А трећему—На-истоку-сунце.
Говорила Киша Дивти-киша:
„Свашта ми *се обрадује* мајко,
„А највише лијепа *шеница*."
Говорила Сјајна Мјесечина:
„Свашта ми *се обрадује*, мајко
„А највише у путу *путниче*."
Говорило На-истоку-Сунце:
„Свашта ми *се обрадује*, мајко,
„А највише млога *сиротња*."

б) Petranov. Pjes I, 9, v. 8—26. Начало как в а) с вѣтров; далѣе „царев бунар", у коего „млада царевица", а около нея три сына: „Сунце на истоку", Мѣсяц и Юрьевскій дождь, сходно с а).

В пѣснѣ а) ст. 1—4—запѣв, первоначально неимѣющій связи с дальнѣйшим. Ему соотвѣтствует в общем запѣв вр. п приведенной в этом соч. на стр. 289. В обоих случаях то, что говорится о вѣтрах, ограничивает широкую сцену, останавливая мысль на одной точкѣ, именно, в серб. п., на источникѣ (бунар, студенац) который один только непомутился. Этот „Јовин (Иванов) бунар" у котораго сидит „Јовина вјереница" (жена), б. м. в силу своего символическаго значенія служит средством для перехода мысли к этой вѣренищѣ; ибо, как в мр. пѣснях обычное значеніе образов *вода, криница* есть дѣвица, милая, так и в сербских: *вода*=дјевојка:

Бунар-вода свака грозничава,
Удовица свака самоволна, и т. п.

Свѣтлая вода=веселая жена, дѣвица (как на оборот мутить=печалить, мутная вода=печальная N).

Т. о. уже в том, что „Јовин бунар“ непомучен вѣтром, хотя они в своей борбѣ помутили всѣ студеныя воды; в том что у этой криницы сидит „Јовина вјереница“ заключено величанье нѣкоего Ивана и его жены. Дальнѣйшее величанье состоит в том, что этим супругам (столь же немиѳическим, как и величаемыя лица во всѣх случаях апоѳеозы, на пр. дѣвица N=зоря), приписываются боже ственные сыновья Дождь, Мѣсяц и Солнце.

При таком пониманіи этой пѣсни можно оставить вопросом: имѣем ли мы здѣсь дѣло с примѣненіем языческой ѳеогоніи, по которой солнце, мѣсяц и дождь—дѣти небеснаго царя и его царицы, в родѣ Зевса и Геры? Или же братство солнца, мѣсяца и дождя, о котором говорит и мр. колядка Гол. II, 4 (у меня стр. 181)—болѣе новаго происхожденія и есть лишь поэтическій образ их равномѣрнаго отношенія ко благу людей? Такое, как я думаю, позднѣйшее братство в кол. на стр. 250, гдѣ сокол говорит рыбѣ: „посватаймося, побратаймося,“ вѣроятно потому, что

Бути нам, рибо, в одного пана,
В одного пана, пана Ивана:
Тобою, рибо, стрілка костити
А моїм пером стрілки перити. (См. стр. 246—7).

Отмѣченное косым шрифтом в серб. п. а) соотвѣтствует мр. кол. на стр. 186—7, но в серб. п. состязанія между солнцем, мѣсяцем и дождем нѣт. В мр. колядках нѣт черты, что солнцу обрадуется „сиротина.“ Это черта распространенная и древняя: в серб. посл. „да не би сиротице, не би ни сунце гријало“; в хорут. п. солнце на просьбу остановиться отвѣчает, что ему нѣкогда: „мнѣ многое нужно освѣщать: и долины и горы и всѣх моих сирот“. В литов п. солнце когда было вдали от нас, то „за горами берегло сироток, согрѣвало пастушков“.

в) Slovinać, год 1880, N 16.
Садих јелу у камену,
А уз јелу—лозу б'јелу,
А уз лозу струк босилка.
Обидох је до годишта,
Ie л' ми јела род родила?
А кад дођох до годишта,
Неможе се приступити
Од висине вите јеле,
Од ширине лозе б'јеле,
Од мириса босилка...
...Из корјена Дунај тече,
Из сриједе пчеле лете,

13. У сврху јој славић поје,
Под ним плове кошутице.
Стријела их царевићу:
Ал' говоре кошутице:
„Нестр'јелај нас, царевићу!
„Ено доли три постеле,
„На постелам три тунгјеле, [1])
„На тунгјелам три невјесте,
„Свако држи синка свога...

22. „Једному је сунце име,
„А другому јасон мјесец.
„А трећему—тихи даждић.
„Мајци рече јасан мјесец:
„„Лијеп ти сам, моја мајко!
„„Кад изидем иза горе,
„„Ја огријем све сироте.
„„Мајци рече јасан мјесец:
„„Лијеп ти сам, моја мајко!
„„Кад изидем у поноћа,
„„Сви путници тад путују.
„„Мајци рече тихи даждић:
„„Лијеп ти сам, моја мајко!
„„Кад ја пагјем у сред лета,
„„Роди вино и пшеница".

Эта пѣсня есть сочетаніе нѣсколькихъ мотив, до ея возникновенія составлявшихъ содержаніе отдѣльныхъ пѣсень: ст. 1—13 ср. со стр. 476—7, 211 слѣд. и 221—2; ст. 14—21 (лань) ср. со стр. 319 слѣд.; ст 22 слѣд. ср. с вышеприведенными пѣснями а) и б). В цѣлом эта пѣсня может быть величаньем молодца: он – царевич; лань указывает ему, вмѣсто одной, трех невѣст и, *в будущем*, от каждой по чудесному сыну. Нѣчто подобное этой тройственности невѣст—в хорв. п. у Кукулевича (Različita dela, IV 167—8):

Рискипице младе [2])
Прво биду досле на Риску паладу,
Пак би дозивале капитана брода [3]):
„Капитане мили, капитане драги!
„Пустите нан на крај најмлаје морноре!"

---

[1]) Взголовье.
[2]) Рѣчанки, Рѣка — Fiume; припѣв пѣсни—итальянскій: Belle Fiumane и пр.
[3]) Судно.

—Неморем ван, драге, тога учинити,
Јере нам је јутра јадра отворити [1]),
Пак нам је јадрити пут Леванта града.
У Леванту граду три кастела златна,
У сваком кастелу своја коморица,
У свакој комори своја пунестрица [2])
На свакој пунестри своја дивојчица...

К стр. 203 слѣд. От малорусской пѣсни с мотивом „исправ мені три дуді v. три трубі“ пошла Литовская, Фортунатов и Миллер. Лит. п. п. 172—5.

К стр. 310. Великій грѣшник и его мать ср. Ястребов Обыч. и пѣс. Тур. Серб. 196—7, 232 сл., 268.

К стр. 316. *Радость*, как мр. весіля, поль. wesele, в значеніи свадьбы: стар. русс. (Мономах. пишет Олегу:)... Споху мою (жену убитаго Изясл. Володим.) (бяше) послати ко мнѣ... да бых, обуим, оплакал мужа ея и оны сватбы его, в пѣсній мѣсто [3]); невидѣх бо ею (дв. ч.) первѣе *радости*, ни вѣнчанья ею“ (Лавр.[2] 244). Серб.:

Данас се жени Алај-бег,
Позвао сестру на радост.
Неможе сестра да дође...
(Ястреб. Об. и п. Т. С. 115).

К стр. 324. *Лая*, поль. łaja, чѣш. *laje*, kupa psów. Ср. не *лакти* latrare, а *лакти* insidiari, ловити.

К стр. 345. Жених—рыбак, невѣста—рыба, Литов. Leskien n. Brugm. Lit. volksl. 54—5.

К стр. 406. Пріем пѣсенный: „ни тко... него“: болг.

Од како гора никнало,
Нишчо не в гора минало
Минало, што ми минало
Едно ми рано сватови...
(Ястр. l. c. 216).

К стр. 531. Змѣя за пазухой — ожерелье, Ястреб. l. c. 178—9.

К стр. 632. „Мужи Новъгородьци“, как уже у Гом. ἄνδρες λωτοφάγοι и т. п.

К стр. 679—82. То, что молодец хочет продать коня „за мед за горілку“ или „за бочку вина, за другу пива“, можеть быть

---

[1]) Распустить паруса.
[2]) Fenestra.
[3]) Древнѣйшее упоминаніе о русс. свадебных пѣснях.

понято так, что продать коня нужно для уплаты долга шинкаркѣ. Ср. серб. у Ястреб. I. с. 255 сл.

Марко королевичь дает ковать коня:
„Стани, шарче, пусти да останеш
„Не те којем, да те јунак играм,
„Но те којем, те да те продадем,
„Да исплатим борча на мејана,
„На мејана Маре крчмарице“
Шарец Марку грчки одговара:
„Чујеш ли ме, Марко господаре!
„Немој мене ти да ме продадеш,
„Јер неможеш кâ мене да нађеш.
„Знаш ли к'д смо у Косово биле,
„Ја сом газив крвца до рамена,
„Ти на мене крвца до колена.
„Све дружина паша остадоа
„У Косово, дома недођоа,
„Ја сам тебе, Марко дома донев
„И д'н д'нас ми смо у животу.
„Греота је мене да продадеш!
„Ти продади своја стара мајка.

Но и мать доказывает Марку, что продавать ее — грѣх. Тогда он продает жену, купившій оказывается ей братом и возвращает. Я думаю, что эта цѣльная пѣсня сложилась из трех мотивов, первоначально раздѣльных: а)=LXII; б) Мать дороже жены, (ср. мр. п. Метл. 242); б) кровосмѣшеніе предупрежденное птицами и тѣм что свѣчи гаснут. (см. стр. 761).

К стр. 689 „Чи я тобі, коню, важок,“ Лит. Форт. и Милл. 26.

К стр. 692—4. Молодцу на конѣ дивятся зрители. В пѣснѣ только что приведенной (Ястр. 255) Марко говорит коню: не те којем, да те јунак играм”, а для продажи; в слѣдующей хорватской (Kukuljev. Dela IV 232) на оборот:

... „Постој, коњич, постој, драго добро моје!
„За то те некујем, кај би те продавал,
„Нег те за то кујем, кај ме пелал бодеш,
„Кај ме пелал бодеш, гда под Јелич пођем,
„Гда под Јелич пођем по Јелинском полу.
„Там бодо гледеле Јелинске дивојке,
„Јелинске дивојке, Јелинске снешице:

Тенек висок јунак на коничу седел,
Нега со питале Јелинске дивојке,
Јелинске дивојке, жене и снешице:
„Јодкода си јунак с черпима очима?
„Липо черно гледиш, как-ти тернинца,
„На перси ти сонце, на чели ти месец,
„На животу имаш липе дробне звизде!“
Нему се чудиле Јелинске дивојке:
„Јежуш и Марија! каков је то јунак,
Каков је то јунак, каков је то синек!“

УКАЗАТЕЛЬ.

I.

Размѣръ колядок и щедровок 1 — 16; степень его древности 5 — 14; синтактическая стопа 7, 17 — 22; ударение въ пѣніи и произношеніи 22 — 32; размѣр припѣва 1 — 3.

Поэтическіе пріемы. Амплификація 442—3. Апотеоза 470, 760, 790 et pass. Отрицаніе из утвержденія 438—9. Отрицательныя обращенія („нелітай“ 252, „нешуми“ 261, 335, 337; „неразливайся... Дунай“ 321). „Ой ніхто там небував... тілки бувало ..“ 406, 690 792. Перечисленіе трех вещей и поясненіе 457—9, 469, 704—9, 713. Бѣглый обзор однородных образов 314, 446, 543—4. Сочетаніе синонимов (яворе-боре 312. Кума-Терек 318. Тур-олень 325, 337. Калина-малина 344. Груша-яблонь 462. Жито-пшеница 474—5). Овеществленіе образа, превращеніе символа в обстановку 484, 552, 591, 640, 772. Междометныя выраженія качества 409—12.

Гаданье 63—4. Загадка 61—2, 575 сл. Заговор 64, 463, 747. Примѣта 61. Почин 63—4, 99. Сновидѣніе 62—3. Чары 64.

Переход величальных пѣсень в историческія 75, 283—5, 480 — 1, 506 — 9, 510 — 11, 521 и выше, 543, 612 слѣд. Переход исторических в величальныя 619.

Перенесеніе свѣтских черт на лица христіянских святых 432, 448—9, 452, 460, 482, 485, 488—9, 545, 571—2, 582, 676, 724—5, 755. Взаимодѣйствіе христіянских и мирских мотивов 228—241, 565—6, 567, 576.

Пародія 241, 576.

Запѣвы 85—8, 223, 230, 237, 289—90, 292, 295—302, 311—8, 335—9, 349, 415, 474—5, 478, 546, 554, 573, 620, 668, 670—1, 724, 754—5.

Припѣвы: Ой рано, 42—4, 79, 393, 536, 557, 786—8. Встань горі 70, 73. Просив Бог на порадоньку 94. Воли 105—6 (ср. VII), 181. Незаздростіте 214—5. Соколе 252, 270, 420. Нешуми, смеречино 261. Не сам я загину 419. Не чорне перо 420—2, 646, 677. Вони 625—6, 652. Играли Угре 537, 664. Дунаю 625. На

леду 543. В желізі 433, 661. Зле в неі 720, ср. 719. Рожа 68, 488. Вино 472—3, 544, 609. Калина 570, 576. Ялилуй, leluja 576—7, лелю и пр. 67—8, 683, 725, лалым 455.

Разряды пѣсень. Колядки и щедровки passim. Свадебныя 81—2, 84, 95, 125—6, 160, 169—72, 199—200, 215, 220—1, 229—30, 235—7, 247—50, 253, 267—8, 274—5, 321, 327—9, 339, 354, 372, 379, 390—2, 397, 460, 435, 442, 447, 462, 464, 467, 483, 486, 492—4, 503, 535; Весеннія и лѣтнія: веснянки 81, 149, 462, 539—40, 601, 676; 550, 725—7, 732; 96; 240—1, 541; 731; царинныя 117, 743; лазарскія 77—8, 86, 451, 461; 89—90, 322; 229, 256—7, 276—8, 487; кралицкія 78; купальскія 151, 171, 241, 365. Зажиночныя и дожиночныя 118—9, 131, 164—5, 169—71. Подблюдныя 138, 469, 776

Былины: Дюк Степанович 150, 250—1, 552—3, 612—3, 735. Иван Годинович 280, 350—1. Иван Гостиный сын 694—6. Михайло Козарянин 282—95. Поток 284, 286—7. Олеша Поповичъ 285, 288, 304. Добрыня 288, 359—61 и сл. 453. Илья Мур. 424. Садко 549. Соловей Будимирович 481—2, 621, 663, 666 сл. Соловей Разбойник 621. Ставр. 617. Чурило 613, Марфида 361.

Думы: Олексій Попович 301—10. О смерти 3 братьев, О см. Федора Безроднаго 734. Иван Коновченко 734.

Сербскія и болгарскія юнакція: Марко королевич 510—11, 531; Секула 362, 3768—, 506. Угрин. Янко 338, 362, 376—8 Косовка 506. Косово 685.

Стих о голубиной книгѣ 746, 768.

Указанія на степень древности поэтическихъ образовъ 129, 132, 223, 297, 302, 326, 333—4, 366—7, 395, 528, 553, 579, 659, 686—7, 734.

II. *Слова* (косым шрифтом) и *образы.*

атаманы и молодцы 632.
берег 562, 642—5.
береза 48, 225, 294—5, 394—5, 422—4, 456.
біль білити 413—4, 568, 599—600.
битва (гроза) 659.
бобр 211, 221.
богатырь 652.
Болоховьци 342—3.
бриніти 106, 122.
брак (смерть) 755.
брана кошуля 692.
Бродьници 382, 701.
бузина 227.
burti, лит. 59.
буря 391, 447—8.
бѣл молодец 195—9.
верба 458.
весел 49—50, 322.
веселка (радуга) 49.
віднін 593.

вила 401.
вино (зелене) 473, 767, 770; вино продавать 482—3. См. лоза.
виноградье 473.
Вирмен (=Ормен), Віръян, 493, 592, 649, 651.
виться 580 - 1.
вода 590.
воздалече 548.
возліяніе 160 - 2, 178.
воин 652 сл. 655.
война 648.
волочільное 56.
волочить (мести) 123, 127 - 8, 559.
воробьи 458.
ворожьба 59—60.
ворон 281—5, 477.
ворота 144, 147—9, 189, 460, 608.
врѣза 61.
вѣ, предл. 604.
выдра 216, 342, 614 - 7.
Вышгород 649.
выкуп из неволи и пр. 525 - 9.
Вьсеволодъ 102.
вѣнок 550 сл. 555 - 63.
вѣтер 405 - 6, 590.
голубь 212, 273—4, 279, 359, 476, 542, 667, 739.
горностай 218, 248—9.
горы 635 сл. 638—45.
горѣть см. сожженіе.
грабовати 496—7.
гривна 436, 506, 711.
груша 459, 775—6.
гумно 464.
гусли 228, 425—6, 433, 666.
густи 541—2, 667.
Дан 75, 330—1, 619—20.
Даничичъ 75, 613—8.
дафина 222, 229, 259.
Δάφνη 523—4.
дерево см. береза, бузина, дуб, ель, груша, калина, кипарис, клен, рябина, липа, сосна, яблоня, клен, явор.
джунджовый вінок 561.
дід, дідух 165—8.
доброта 682.
дождь 181—8, 789 сл.
дорога 562, 642.
дружина 673.
дуб 210—2, 2 31, 455.
дубоглот 217.
Дунай 131, 153, 205, 235, 247, 269, 292—3, 321, 338, 363—72, 383, 451—2, 547—8, 557, 560, 563—4, 566, 627, 776.
душенько 657.
дым 621 - 2.
ель 220.
жаба 216—7, 225
жито—пшеница (стеречь) 492—3.
жовна 220.
заблудиться 532—6.
Запава 361.
Заячій бог 182.
звити корогов 650.
звон, звоны 634, 718, 757—9.
звѣзды 402 - 7, 413—4, 416—21, 610—1, 619—24, 647—8, 676, 770. См. зірница, зоря.
звѣрянница 418.
здунай 547—8, 627.
зелен, зелье 51—3, 215; *зелено* вино 473.
зима 327.
зірница 753, 755.
змѣй 216, 222, 226, 255—6, 334 5, 359—69, 408.
змѣя 358—9, 529 - 31.

зозуля 79—80, 724 сл. 737.
зоря 82—92, 388—91, 394. 440—5, 543—4, 611, 619.
золотарь (кузнец) 456 — 63, 468, 471.
зелото см. ворота et pass. *Сухо* золото 269.
зрада 633.
ива 766 —8.
ильчатый 671.
калина 57—8, 266—8, 440, 451, 480.
камень 589.
каша 157—162.
кипарис 221, 228—33, 763.
клен 238, 240.
княгня 434.
князь, księżyc 183—4.
ковать 634.
ковати (куковать) 737.
кожан 585.
коза, козел 173—80.
Козарянин, Козарин 283.
колодязь (золото) 467.
коляда 33—4, колядовать 48 сл. 54—7.
колядники 65.
комоньство 692.
кони пасти 425, 427—33.
конопля 459.
копать 234.
kopija 700, копьем оттворять ворота и пр. 653, 657.
кора (золотая) 467—8.
корабль 310.
корочунъ 166—8.
корчмарка 496—524.
косить 234
кость см камень.
кошута, серб. 463—4.
краса 462.
красный цвѣт 428.
кремень 645—6.
крест 233 сл. 565.
кровосмѣшеніе 294—5.
кровь 773—4, 766—7, 770.
крокіс 462.
кудри 219.
кузнец 404, см. золотарь.
куколь 462.
куна 214, 233, 340—4, 351 7, 617.
куница, куничное 354—7.
кунка 357.
купаться 430.
ластівка 78—9, 233, 570.
лая 792.
лебедь 285—6, 636.
летать 636.
липа 462.
лисица 213, 271.
Литва (боляре) 280.
лоза винная 476—7.
ломать (рубить, рвать и пр.) 480—1, 487—90.
лось 327—8.
луг (лѣс) 57, 534.
лук 654—5, 673.
Люблин 718.
лѣто 184.
мак 106.
мед 221, 224—5, 406.
mesls, лот. 59.
мести 170—1 см и волочить.
метати 59.
міданина (небо) 199.
милати 268.
молитва 158—62, 183.
мороз 181—4.
мост мостить 382—3, 445—6, 486, 750, 756, 760.
мужеватъ 632.
мужь 630—2, 710—11, 792.
мужик 632.
мѣсяц 84—9, 91—2, 181—4, 312—3, 402—7, 412—4,

416—7, 419—20, 442, 444, 609—11, 619—24, 647—8, 675—6, 748, 753, 755, 770 789—91.
парїјаć, поль. 460.
облак 763.
оболонье 649.
овчари 189—92, 485—6.
огонь терновый 434—7; огонь и золото 589—90; огонь стеречь 490.
окушчик 149—50.
олень 226, 319—36.
орать 234;—копьем, мечем, 129—34;—орлами 383—4.
орел 217, 224, 226, 246, 271, 273, 383—4, 552.
осина 768—9.
охотник 318 сл., 328, 340 сл., 344—5.
ошьстъкы 33, 35.
павлин 222—3, 550—4, 557—61, 614—5. См. вѣнок.
паволока 382.
пастьы 33.
пахать 128.
перед собою мати 781.
перевоз 230, 271, 446—53, 456, 782. См. перенос, переплыть, перейти.
переем 557.
переплыть (перескочить, перебрести) 362—72, 406, 449. Плыть 372—3.
переходня 82.
перїя 705.
перо 117, 126—8; 420—2, 646, 677. См. волочить, мести, павлин.
перстень 222, 456 сл. 461, 463, 471, 485, 503, 543—8.
пессимизм 745—6.
пить, поить 497—502, 579.
плакать 777.
плуг 45 сл.
побой, подъбой 148—9.
подворье (серебряное) 189.
подкова 716.
полаз 37, 64, 76.
поле 637;—мѣдное, серебряное 464.
полело 152—3.
полон 119—20.
полон, полонянка 288—94, 582.
постигнуть 346.
потуга 690.
простор 636.
птица (см. орел, ворон, сокол, райскія птицы и пр. 735.
пугати 99—100.
путать шелк, тканье 279—81.
путь (смерть) 779.
пучина 636.
пчолы 211—5, 218—21, 226, 228, 477.
радость, 316, 792.
рай 169—72, 229, 232—4, 236, 469—70; райскія птицы 220, 456, 472—5, 480, 494.
радуга 49.
ранило 786—8.
ралець 34—5.
рев вола 591.
ржаніе коня 590—1.
ровно 638.
ровьнъ 637.
родъ 162.
рожа (роза) 488, 541, 762—4.
роздолье 635—6.
рой 237.
роса 404, 455—71, 775.
роскошь 636.
рубить дерево 234—5.

Русичи 512, Русович 450.
рыба 247—50, 253—5, 547.
рыболовы 344—5, 547, 557—8, 560, 563—4, 569.
рѣка 732—6.
рябина 221, 228.
ряса 455 — 71, 479, риска 465.
сад—виноград 472, 480.
самбір—деревце 235.
самовила, самодива 401.
сахар 730—1
свѣчи 80, 191.
семьсот воробьев 458; — бояр 481, 493.
сивозалізий кінь 137, 788.
слава 634; славный 711.
сладкій 731.
слеза 776—8.
снѣг перебрести 554.
соболь 343, 617.
сова 212.
сожженіе шинкарки 512—4.
сокол 211—2, 215—6, 221, 224, 229, 231, 233, 247, 250—63, 266—80, 295 сл. 299—301, 349, 446—7, 551.
солнце 181—7, 402—7, 412, 416—7, 419—20, 442, 573, 609—10, 620—4, 676, 753, 755, 770, 786—8, 789—91.
соловей 54—7, 58, 80—2, 222—3, 286, 451, 621—2.
соя 211.
сосна 213, 215, 217—9, 459.
сочити 346.
співати 58.
спорыш 164—5, 168.
стрѣла 247, 552 — 3, 646, стрѣлы—дождь, снѣг 659, 673, 680, 725.
стрѣлец 270, 575—6.
стругать 625—7.
струженик 625—7.
Судомирь 713, 718.
сѣдло 716.
сѣять золото 116—8, 124; — стрѣлы 130
стани нине 72—8.
старовать 632.
стенутися 643.
стеречь 412—3, 472, 486.
стол золотой 130—1, 132—3.
терем 266—7, 434—7.
ткати пісню 730.
тонуть 517, 522, 525, 561—4.
топтать 481.
труба 189—206, 485.
тур 325—7.
Угры 120—6, 383.
узда 716.
усень 35—42, 44—5, *usiňš* 44—5.
утка 285.
ущина 670.
Хайка 515 сл.
хилитись 207—8.
хист 346.
хитати 208—210, 217.
хмара 388—93, 618.
хмель 579—80.
хоробрѣ, храбрѣ 332 — 3, 643, 652, 655.
хытрѣ 345—6.
цвѣсти 106.
церковь 759, 769, 772.
ciekawy 346.
честный 711.
чобот 716—7.
човен и весло 373—5.
шапка *на завісах* 504—5.

шпринка 670.
шуги в луги 473—4.
шул, 608.
шуря-буря 480.
шустрый 346.
щирий 267.
яблоня 229, 255, 312 — 3, 362, 476. Яблоки 482—5.
јавкати 758.
явор 207, 211, 215, 221, 238, 246, 250, 266, 271, 311—2, 461, 767.
ягода 479.
ясен 52—3, 226, 466.
јачка 758.
ящур—сідельце 646, 682.
ѣсть 730—1.

ЗАМѢЧЕНЫ ОПЕЧАТКИ.

стран.	*строк.*	*вмѣсто:*	*читай:*
4	12 и 15	стòйт	стойт
6	7	нѣсколько	нѣскольких
7	33	о 4-х сложных	о 4-х-сложных
9	7	размѣра, так	размѣра. Так
10	6	поясненія	положенія
15	15	ве-чи-ря-ти	ве-че-ря-ти
30	24		
33	4	и по размѣру, могут	и по размѣру могут
—	16	бачів	бачив
34	36	любиш брат	любиш брати
37	1	назагадывают	загадывают
38	23—4	неупоминается	неупоминается
39	8	Подолѣ	Подольѣ
41	12	тѣж-же),	тѣм-то),
42	10	εὖ ὼ	εὖω
—	11	ἠὼς	ἠώς
48	2	в замѣтках	в запѣвах
—	25	*ван* — любовь	*ван*, любить
57	26	Противопротивительное	противительное
63	30	независимо прочих	независимо от прочих
65	3	неотъемленное	неотъемлемое.
66	23	А я лѣсы ишла со трубами	А я горы ишла со трубами
67	25	daszimts	deszimts
69	9	„батечко!“	„батечку!“
75	33	sogar	sogor
88	7	угреа̀	угреа̀ (2 слога)
90	32	[1]) поподыдкаеш	[1]) поподымаеш
102	25	что главное,	что главное
106	26	цвіли оболоки	цвіли оболоки
—	30	навиться	наливаться
—	32	(cynus) albus	(equus albus)
107	5	волоики папас	волойки напас
110	21	чиjи жиаци	чиjи жиачи
—	28	чиjи жиаци	чиjи жиачи
111	16	звізді	звізди
113	26	дижину	дитину
127	33	po zielonśj	po zielonéj

стран.	*строк.*	*вмѣсто:*	*читай:*
137	36	сємьёй	сємьёй
145	12	шеляжечкі	шеляжечків
155	28	Усі святиї	Усі святиї
158	13	Слова поправл.	Слова направл.
164	4	в молутно“	вмолутно
—	26	слова	слога
168	25	вылупиться	вылупиться
177	6	это вѣроятно,	это, вѣроятно,
—	13	діддідух	дідух
199	14	οὐρανὸν	οὐρανὸν
—	18	οὐρανό,	οὐρανός
203	19	зачуэ	зачує
205	24	глупыи	глупыя
207	29	коринь	корінь
213	27 - 8	хи-тройки	хортойки
222	13	єдно пале	єдно пиле
223	3	кубаню	Кубаньню
227	12	дерево-дранитель	дерево хранитель
237	34	Зоровиѣа	Зотовиѣа
255	20	связанных	связанным
257	20	Бодиаци	бадиаци
262	17	На перыни	На перины
266	27	„*Переправка*	„*Переправа*
268	17	встрѣтилось	встрѣтилась
—	34	вліяніе	сіяніе
270	24	оченькя	оченька
271	22	покілем	попілем
—	23	До твоїх	Да твоїх
283	9	козары	Козары
284	24	из палушна	из палушна
289	35	*термованье*	*шермованье*
290	7	[кунья]	(кунья)
294	3	есть,	Мирчета есть,
296	11	горах	горох
—	33	к своему	к самому
297	26	N 304	стр. 304.
298	4	под Косово	над Косово
—	12	Стар—Луга	стар-Луга
307	28	годочковв	годочков
309	4	Дека	Лека
318	11	Голов. II, 81	Голов. II 51.
326	4	аатор	автор
332	24	Ип. XIII,	кн. XIII,
335	19	на Валгаллю	на Валгаллѣ
—	21	Игдрасилле	Игдрасилла
337	1	Дубвова	Дуброва
364	17	Koj паплови	Koj наплови
366	17	Velka radu	Velku radu
367	22	гдѣ ссылка	гдѣ ссылки на
369	27	во вік	во віки
371	10	przeplynąć	przetynąć

стран.	*строк.*	*вмѣсто:*	*читай:*
376	19	разбојишти	разбојиште
—	22	б'ијела	б'јела
384	31	случаться	случиться
386	20	N 3 двор[ик]а	N з двор[ик]а
387	4	—(Ой що	—Ой що
391	27	(XXII,	(XXIII,
405	10	(XXXIII, 8)	(XXXIV, 8)
410	4	μ'ἔχι	μ'ἔχει
413	3	N 119);	N 119),
414	30	Heirattsgebräuche	Heirathsgebräuche
416	12	lèviálu	tèviálu
—	22	матпри	матери
418	17	*zvíeŕtnice*	*zvíŕetnice*
421	6	зостра	гостра
422	22	Чужаземчина	Чужаземчика
423	2	памойцесь	памайцесь
425	24	А там на луках на барз широких Там же ми горит терновий огник	
429	23	„Птичок“	„Птачок“
433		зь огріли	горіли
434	21	в серб. н. б).	в серб. пѣс. б).
437	27	весьтождень.	весь тиждень.
442	12	вспол-	вспоил-
452	17	шалавливы	шаловливы
460	25	здрвицу“	здравицу“
462	19	На горо́ъі	На горо́ді
480	34	schâr	schûr.
493	3	(Прибавить:) Хороша пшеница „А еще ліпше красна дівойка.“ Дѣвица отвѣчает: „Коби ти прийшов в неділю рано“ (тогда она еще красивѣе; слѣдует описаніе наряда).	
493	стр. 21—3 (уничтожить).		
500	33—4	колодяся	колодязя
528	33	далело	далеко
542	17	щелку нестає	іще му нестає
547	14	паваричаваіць	паварачиваіць
553	27	бѣгмый	бѣглый
559	7	Сомяний	Соломяний
—	34	ὄμβρῳ	ὄμβρῳ
560	9	Свясью	Связью
570	9	растворилися	розтрориляся
578	22	хадзіць	ходзіць
582	29	З загадки	три загадки
585	10	„невыйъешь	„невыйдешь
589	27	nerostou“	nerostou“
—	33	ba kraujo	be kraujo
592	7	(XXXIV, 11).	(XXXIV, 11, стр. 493),
603	22	со свад. сказаніем	со скандин. сказаніем
635	37—8	по doam N	„по горам-то было
643	39	„здринулися“	„здригнулися“
649	10	під вижгороди	під Вижгорода
652	21—2	ἀειδέμεναι κλέα=ἀνδρῶν	=ἀειδέμεναι κλέα ἀνδρῶν

стран.	*строк.*	*вмѣсто:*	*читай:*
656	31	Гол. IV, 169.	Гол. IV, 426.
658	23	Цимистія	Цимисхія
664	31	( )	(стр. 537)
666	23	медицинсвое	медицинское
669	9	„то „в кісточки“	что „в кісточки“
673	22	С своєй	Своєй
687	24	I, 83	I, 23
—	36	koštiel	kaštiel
694	34	Стале быть	Стало быть
696	29	(Безс. Бог. п.	(Безс. Болг. п.
722	19	самуж	замуж
724	26	an der	an der
731	27	ββ)	γη)
737	20	χωκόωσ	χωκόω
738	11—2	„набожныхъ“.... черта, колядох —	набожности .... черта колядок
741	19	сестрці	сестриці
742	13	Роман. у.	Роменск. у.
743	2	Начало зоря	Начало: зоря
744	15	кштjаскаа	крштjанска
766	5	та з предвіку	та из предвіку
781	35	вниманіе	вниманіе
782	1	ваду	в аду

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Размѣр	1
II.	О времени колядованья и щедрованья и нѣкоторых относящихся сюда словах	33
III.	Цѣль колядок и щедровок	48
IV.	Колядники будят (v. „ластівка, соловей, „зозуля“ будит) господаря и сказывают ему „радость“ на дворѣ (v. на оборі)	70
V.	„Зоря“ зовет, сказывает вѣсть, радость	83
VI.	Три радости. Бог (v. царь и пр.) зовет, дарит.	93
VII.	Волы (золоторогіе), соха v. плуг (золотые), оранье, сѣянье	99
VIII.	Тоже. Бог орет, святые помогают. Урожай, сбор хлѣба	105
IX.	Сѣянье, вѣянье золота—серебра	116
	Дары	120
	В Уграх злотом засіяно	122
	Орать кошьем, сѣять стрѣлы	129
	Вѣять золото	134
X.	Господь обходит двор величаемаго, считает скот, мѣряет деньги	136
XI.	Господь со святыми или святые (v. один из них) обходят хозяйское поле	141
XII.	Господарь готовится встрѣчать, угощать годовых гостей 1) колядников, 2), 3) Бога и святых	143
	На пиру недостает одного из святых. Чудо св. Николая	149
	Спорыш	164
XIII.	Обход с козою	173
XIV.	1. Солнце, мѣсяц и дождь (v. два святые и Бог) спорят о силѣ. 2. Три овчаря	180
	Пѣсня „Ой сыну мій Иване“	207
XV.	Чудесное дерево; с него три користи	211
	2. Пчолы	214
	3. Щастливое и несчастливое дерево. Сокол и змѣй или жаба	215
	4. Кипарисно дерево. Гусли	228
	5. Райское дерево плывет	233
	6. Дерево везут	239

		стр.
	Пародіи	241
XVI.	Орел (v. сокол) и рыба	246
XVII.	Три сокола	253
XVIII.	Сокол, хорт и конь	261
XIX.	Сокол (v. орел) переносит невѣсту через воду. Сокол—сват	267
	Былина про Михайла Козарянина	282
	Полонянка	288
	Запѣвы: Сокол (v. друг. птяца) видит то-то	295
	Дума про Олексія Поповича	301
XX.	Олень (лань), тур	319
	1. Лань указывает охотнику невѣсту	319
	2. Олень обѣщает стать в пригодѣ	321
	3. Олень (тур) N-у користь	323
	4. Тоже	329
	5. Запѣвы: на рогу оленя то-то	335
XXI.	„Куна в дереві, дівка в теремі"	340
	Иван Годинович	350
	2. Куница тестю	353
XXII.	Змѣя сватом	358
	2. Купанье Добрыни	359
XXIII.	Юнак и вила	376
XXIV.	Семьсот молодцов	382
XXV.	Молодец ѣдет в горы по дѣвку	385
XXVI.	N посылает послов к матери	387
XXVII.	„Я до тебе сама прибуду"	389
	„Махнула платком"..: „вы раздайтеся, бояре"	395
XXVIII.	Дѣвица в деревѣ	398
XXIX.	Знатная (небесная) родня	402
	1. Дѣвица не ровня молодцу: у нея знатная родня	402
	Сирота невѣста	415
	3. У молодца знатная родня	418
XXX—XXXI.	Дѣвица в плѣну. „Коні пасла, погубила"	425
XXXII.	Дѣвица „як зоря"	440
XXXIII.	Дѣвица мостит мост милому	445
XXXIV.	Перевоз через рѣку	
	1. Молодец перевозит дѣвицу	446
	2. Дѣвица перевозит	449
XXXIV [1].	Золотая ряса (v. роса)	455
	2. Чарою частовати	460
	3. Перстником даровати	461
	4. Ряса	465
	5. Роса	466
	6. Пѣна серебряная	467
	7. Золотая кора	467
	8. Кузнец	468
XXXVI.	Сад-виноград, яблока	472

[1]) По ошибкѣ, вм. XXXV.

		стр.
	1. N саду (вина) стерегла	472
	2. Три сироты росы стерегли	478
	3. N сад садила	479
	4. Сокол ломает сад	480
	5. Дѣвица стережет яблони	482
	6. Дѣвица вышивает	484
	7. Сажать, собирать виноград	487
	8. Стеречь розу	489
	9. Стеречь огонь	490
	10. „До лиця рівняти“	490
	11. Стеречь пшеницу	492
	12. „Ой неспівайте, райські пташеньки“	494
XXXVII.	„Троякий напій,“ „дівча шинкарча“	496
	2. Косовка дјевојка	506
	Трои сваты	509
	Сожженіе шинкарки	512
XXXVIII.	Дѣвица тонет	525
	1. Милый выкупает из неволи	525
	2. Милая „ „ „	526
	3. „ „ „ войска	527
	Змѣя на сердцѣ	528
XXXIX.	Дѣвица в лѣсу заблудилась	539
XL.	Дівка танку перед водить	532
XLI.	„Пішов Івасенько рано косити“	542
XLII.	„Рубає Василько ялиноньку“	542
XLIII.	„Перстень згубила“	543
	Перстень, три рыболова	545
XLIV.	„Павяний вінок“	550
XLV.	Вѣтер уносит вѣнок	555
	1. Лишний милейкий як брат ріднейкий“	555
	2. Вѣнок и рыболовы	567
	3. „Молодец тонет	561
XLVI.	Обрѣтеніе честного креста (1)	565
XLVII.	„Дівка біль білила.“ „Пречиста ризи прала“	567
XLVIII.	Загадки	575
XLIX.	Диво дивное	595
L.	Неисполнимыя задачи	599
	Повѣсть о Петрѣ и Февроніи	603
LI.	Золотыя ворота. Двор на столбах	608
	Пѣсня „Ђурђе Даничић“	613
LII.	Мѣсяц, солнце, звѣзды в терему. Построеніе церкви	619
LIII.	Молодец в челнѣ	625
LIV.	„Рада“ („мужів громада“) рѣшает плыть на службу к „доброму пану“	630
LV.	N. добывает город, горожане откупаются золотом, конем, дѣвицей	647
LVI.	Молодцу за выслугу скот v. конь, сабля, дѣвица	660
LVII.	Молодец выигрывает коня и дѣвицу	662
LVIII.	Молодец играет и поет	666

		стр.
LIX.	Дѣвица вышивает три ширинки.	670
LX.	N хвалится конем, стрѣлою, луком.	673
LXI.	Похвала коню	675
LXII.	N с конем говорит.	679
LXIII.	Никто непоймает коня, кромѣ N.	691
LXIV.	Мать (v. тесть) узнают N по коню, по платью.	692
LXV.	Вдова отправляет сына на войну	697
LXVI.	Вдовина дочь отправляется на войну.	698
LXVII.	Поединок с Турским царем	700
LXVIII.	Отраженіе набѣга, отбитый полон	707
LXIX.	Умная жена. Вдова	707
LXX.	N суды судит	710
LXXI.	Перебор	715
LXXII.	Девять сынов разбойников	720
LXXIII.	Мать проклинает сына	723
LXXIV.	Смерть молодца, горе матери, сестры, милой	724
	Набожныя пѣсни	738
LXXV.	Начало свѣта.	738
LXXVI.	„Чому так не є, як було здавна“	741
LXXVII.	Рожденіе Христа и преслѣдованіе его жидами.	747
LXXVIII.	Богородица с младенцем спасается от жидов при помощи чуда: быстро созрѣвшей пшеницы.	749
LXXVIX.	Рожденіе и наименованіе Христа	749
LXXX.	1. Вдова ищет сына	753
	2. Пречистая ищет Сына	755
	3. N. ищет дороги в рай	759
LXXXI.	Обрѣтеніе честного креста (2); три гроба	762
LXXXII.	Воскресеніе. Оживший пѣтух	765
LXXXIII.	Установленіе постов, в том числѣ Рождественскаго.	765
LXXXIV.	Мученіе Христа.	766
	Грѣх ивы	768
	Грѣх осины	768
	„З чого постало зелене вино“.	770
	„Де кровця кане, церковця стане“	772
LXXXV.	1. Из крови, из слезы, из росы – рѣка. 2. Купанье Христа. 3. Его спор с Петром	773
LXXXVI.	Пречистая (v. Бог) отмыкает пекло, выпускает грѣшныя души	779
LXXXVII.	Св. Петр и его мать в пеклѣ	783
LXXXVIII.	Разлука души с тѣлом. Грѣшная душа	784

87220

Изъ редакціи Русск. Филол. Вѣстн. могутъ быть выписываемы слѣдующія сочиненія и изданія:

А. Смирнова: О Словѣ о полку Игоревѣ. а) Литература Слова до 1876 г. цѣна 1 руб. б) Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. 1879 г. цѣна 1 р. 25 к. Обѣ книги Ученымъ Комитетомъ одобрены для библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. Пр.

Сборникъ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи, пособіе при изученіи исторіи русскаго языка. Варшава 1882 г. Цѣна 1 р.

Поминки по проф. В. В. Макушевѣ. Варшава 1883. Ц. 30 к.

Славянскія нарѣчія, лекціи В. И. Григоровича. Варшава 1884. Цѣна 1 р. 50 к.

Ореографическіе указатели и правила русскаго правописанія (Библіографическія замѣтки). Варшава 1885. Ц. 30 коп.

Русск. Филол. Вѣстн. (г-мъ Мин. Народн. Просв. рекомендованъ для библіотекъ среднихъ учебн. заведеній. Ж. М. Н. Пр. а Учебнымъ Ком. при Св. Синодѣ одобренъ для Фунд. библіот. Дух. Семинарій), цѣна за 1880 г. 4 р., за 1881 и 1882 по 3 р., за 1883 и 1885 по 7 р.; 1884 и 1886 гг. въ отдѣльной продажѣ нѣтъ.

Будиловича: Учебникъ ц.-славян. грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній (Уч. К-мъ М. Н. Пр. одобренъ какъ учебное руководство для гимназій и прогимназій) цѣна 60 к., съ пересылкой 70 коп. Его же — Первобытные славяне въ ихъ языкѣ и бытѣ; вып. 1-ый 1 р. 50 к., 2-й в. 1 р., 3-й в. 1 р.

М. Колосова: Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія (3-й, 4-й и 5-й отчеты II Отдѣленію Академіи Наукъ). 1877. Цѣна 75 к.

Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. 1878. Цѣна 2 р. 50 к.

Русскій Филологъ. Вѣстникъ за 1879 г. Цѣна 7 р.

Старо-славянская грамматика. Изд. 15-е. Варшава 1886. Ц. 75 к. Ученымъ Комит. М. Н. Пр. одобрена, какъ одно изъ лучшихъ руководствъ при обученіи церковно-славянскому яз. (Ж. М. Н. Пр. 1883 г. янв.).

Теорія поэзіи, 3-е изданіе, Уч. К-мъ М. Н. Пр. одобренное, какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Варшава 1884. Цѣна 60 коп.